Мультатули Зеков
(Абрам Гелих)

Том I
Автобиографические очерки из жизни Мультатули Зекова

Бар-Илан
2019 год

Предисловие

После работы над подготовкой этой книги к печати я понял, что мой долг – кое-что рассказать о ней читателю. Хотя ее автор в первом томе впечатляюще описал свою драматическую жизнь, а во втором подверг глубочайшему анализу послереволюционную историю страны, для которой он очень много сделал, небольшое вступление облегчит чтение столь объемистого труда, не имеющего аналогов ни по форме, ни по содержанию.

Абрам Исидорович Гелих – уникальная личность. Этот человек получил в наследство от закаленных испытаниями предков огромные и разнообразные дарования, мощный характер, поразительную широту ума. В своем долго скрывавшемся от бдительных органов исследовании он опередил многих последующих «реформаторов» советской системы и ее историков. Жаль, что до сих пор его труд неизвестен широкому кругу читателей и не вошел в научный обиход.

Необыкновенная личность в системе обезличивания

Гелих родился в 1901 году в Одессе, а умер в Москве в 1977-м. Был свидетелем и активным участником важнейших событий советского периода. В юности его увлекла «романтика» революции и гражданской войны, но затем ему пришлось заниматься изъятием запасов хлеба у крестьян в рамках «продразверстки», и он впервые ощутил несовместимость красивых коммунистических теорий с бесчеловечной практикой большевистского режима.

Учеба давалась Гелиху со сказочной легкостью. Окончив коммерческое училище и узнав, что для поступления в университет необходимо знание латыни, он выучил ее за одно лето! Будучи студентом и не имея времени на длительные штудии из-за необходимости зарабатывать на жизнь, он прочитывал учебники по высшей математике и другим сложнейшим дисциплинам за несколько дней и запоминал навсегда!

Юноша с поистине гениальными задатками мог очень многого достичь в любой области. Судьба распорядилась так, что он стал химиком. Благодаря прекрасной подготовке, умению применять знания на практике – и при кадровом голоде послереволюционных лет – Гелих быстро выдвинулся на производстве. Он создавал первые советские заводы синтетического каучука – это было одно из важнейших направлений индустриализации!

Без сомнения, Гелих мог бы сделать научную карьеру (в своей книге он с глубоко обоснованной иронией отзывается о советских академиках), и это гарантировало бы ему более спокойное существование. Но при его колоссальной энергии, профессионализме и лидерских качествах он без каких-либо усилий (и не состоя в партии!) поднимался всё выше по административно-хозяйственной лестнице. Планы, которые он осуществлял, утверждались в Кремле!

Увы, в те жестокие времена именно те, кто был на виду да еще оказывался умней и талантливей других, первыми попадали в чудовищную мясорубку сталинских репрессий. Такая участь не миновала и Гелиха.

Он стал узником ГУЛАГа и прошел через все круги этого ада. Не раз мог погибнуть от рук уголовников или от эпидемий. Но именно в самых страшных испытаниях проявились его фантастическая воля и сила интеллекта. Поначалу он таскал с собой по этапам книги по специальности и в уме повторял химические формулы для тренировки памяти! Необыкновенные аналитические способности помогли ему – никогда не занимавшемуся медициной, но знавшему химию – разработать способ излечения себя от пеллагры, которая беспощадно косила других зеков. Свой производственный опыт Гелих использовал для разработки самых причудливых «лагерных технологий», что иногда позволяло ему избежать смертельно тяжелых работ и на время перевести дух.

Но самое невероятное: испытывая тяжелейшие страдания и порой находясь на краю гибели, он анализировал то, что происходило в стране, пытался понять «логику» репрессий и определить их масштабы, возможное число жертв! Позже результаты этих размышлений и подсчетов войдут в его кни-

гу – резко контрастируя с попытками некоторых современных «исследователей» смягчить размеры урона, нанесенного государству сталинским режимом.

Гелих уцелел в лагерях и в последующей ссылке. Формально в 1950-е годы он был реабилитирован, вернул себе прежний статус и относительное благополучие, опять командовал огромными проектами. Но, в отличие от выживших в ГУЛАГе неисправимых большевиков-идеалистов, которые даже после мук и унижений считали, что произошла ошибка, допущены злоупотребления, но «идея верна», Гелих сохранил ненависть к пытавшейся уничтожить его системе и понял, насколько закономерно вытекал сталинский террор из сущности строя, с первых своих дней державшегося на насилии. Обретя свободу, он начал осуществлять давно задуманную им грандиозную задачу: проанализировать причины появления этого строя, выявить механизмы его функционирования, доказать его нежизнеспособность и попытаться предсказать его будущее.

На этой работе он полностью сосредоточился, выйдя на пенсию. Несмотря на возраст, пережитые испытания, расшатанное здоровье, Гелих совершает невозможное. Он изучает в крупнейшей библиотеке страны огромное количество книг по советской истории и разным областям экономики, политики, культуры, а также статистические сборники, сочинения классиков марксизма-ленинизма и руководителей КПСС, стенограммы всех партийных съездов, пленумов, конференций и все главные газеты и журналы, выходившие в СССР. Поскольку Гелиху требовался материал для системного сопоставления тоталитарной системы со странами свободного мира, он проштудировал переведенные на русский язык труды зарубежных авторов – как известных ученых, так и «марксистов» – апологетов социалистического лагеря.

Крамольное исследование под прикрытием литературной игры

С первой страницы огромного произведения Гелиха читатель обнаруживает «закодированность» изложения! Советский Союз здесь называется Государством Тмутараканским, коммунисты – вохрами, Ленин – Ильичевым, Сталин – Виссарионовым, Хрущев – Никитовым.

Сам автор объяснял этот «эзопов язык» соображениями конспирации. Он писал свой труд втайне на протяжении долгих лет и прекрасно знал, чем ему грозит попадание его сочинения в «органы», не изменившие после «разоблачения культа личности» своей карательной сущности и жесточайше расправлявшиеся с инакомыслящими за гораздо менее смелую критику режима. Тем не менее трудно принять эту версию как исчерпывающее объяснение авторского стиля. Вымышленные имена и названия, применяющиеся в книге Гелиха, более чем прозрачны, и эти «иносказания» не позволили бы избежать суровой кары в том случае, если бы его первыми читателями стали «критики» в погонах, знакомые ему по пересыльным тюрьмам и лагерям. Но главное: блестяще одаренный человек, которого на протяжении всей жизни лишали права на высказывание, наверняка просто нуждался в выходе для огромной творческой энергии, которая так долго находилась под спудом. Можно предположить, что литературное дарование было одним из главных среди отпущенных ему природой талантов. Увы, как многие жители тоталитарной страны, Гелих не смог реализовать всех своих возможностей. Тем не менее от массы соотечественников его отличали дерзость ума и личная смелость, что позволило ему оставить нам одну, но бесценную по содержанию книгу.

В истории литературы можно найти аналоги той литературной манеры, которую избрал Гелих. Это и «Приключения Гулливера» Свифта, и «История одного города» Салтыкова-Щедрина, и «1984» Оруэлла, и «Алмазный мой венец» Катаева. Но сравнения весьма условны. Во-первых, не все указанные книги Гелих мог знать. Во-вторых, он совершенно оригинален, потому что сумел сообщить художественную форму не только своим воспоминаниям, но также глубочайшему и сложнейшему исследованию, оставившему далеко позади и советско-марксистскую «науку» его времени, и многие последующие исторические и социально-экономические труды его соотечественников. Соединение исследования с литературной игрой наверняка доставляло ему немалое творческое удовлетворение. Эта игра начинается с авторского псевдонима Мультатули Зеков. В автобиографической части книги сам Мультатули Зеков выведен в третьем лице под именем Мультатули.

Мультатули в переводе с латыни – «Я много вынес». Для выбора этого имени достаточно было знания латыни, освоенной Гелихом в юности. Но нельзя не упомянуть еще одно интереснейшее литературное обстоятельство.

Мультатули – псевдоним под которым творил великий голландский писатель XIX века Эдвард Деккер, бывший колониальный чиновник. В своем знаменитом романе «Макс Хавелаар», во многом автобиографическом, он рассказал о чудовищной жестокости, которую проявляла Голландия по отношению к населению своих вест-индских колоний, и преследованиях, обрушивавшихся на честного правдолюба.

Неизвестно, был ли Мультатули Зеков знаком с голландским романом. Но для современного эрудированного читателя псевдоним Мультатули наполняет его книгу дополнительными коннотациями. Ведь в изображенной им стране власть относится к народу, как к туземцам далекой колонии...

Построение книги Гелиха, ее образный язык заставляют вспомнить слова Пушкина о том, что уже сам план «Божественной комедии» свидетельствует о гениальности автора. Следуя избранной им «конспиративной» манере, Мультатули Зеков подвергает художественной «маскировке» не только свою страну, но весь глобальный мир. В его Государстве Тмутараканском верховодят вохры (синтез единственной партии и лагерной охраны), а проживают вээны (рабочие и служащие), кахи (колхозники), зеки и эспы (заключенные и ссыльные). Здесь действует свое летоисчисление (начинающееся с «великой вохровской революции» и потому отличающееся на 1917 лет от грегорианского календаря), руководители страны, военачальники, ученые, писатели, а также города, реки, республики носят совсем не те имена, к которым мы привыкли. За пределами Государства Тмутараканского находятся Мазурия, Гунния, Галлия, Саксия, Колумбовия, Хинезия, Ханаан со своими руководителями, военачальниками, учеными, писателями.

Вряд ли надо объяснять, что «перевод» на собственный язык и на придуманную хронологию невообразимого количества фактов, а также многих тысяч (!) цитат и таблиц – гигантская работа, осуществленная в одиночку. И это лишь незначительная часть интеллектуальной энергии, вложенной в уникальную книгу...

Способы замены имен собственных на вымышленные у Гелиха разнообразны и обычно проникнуты его великолепным чувством юмора.

Иногда автор просто пишет слово задом наперед: Киев – Веик, Париж – Жирап. В других случаях пользуется «ассоциативным» методом: Вена – Жила, Сибирь – Кучумия, Россия – Скифия, Украина – Малоскифия, Кочетов – Петухов, Суслов – Пивнов, Рыков (любивший выпить) – Шкаликов, Крупская – Гречневская. Порой механизм словообразования сложней: Памиро Тольятти – Пальмирати, Бухарин – Книгарин (бух – по-немецки книга). Случайное созвучие может наполниться глубоким смыслом: например, Брежнев, который пытался реабилитировать сталинизм, фигурирует в книге как Прежнев.

Самостоятельное разгадывание этого «шифра» становится для читателя увлекательным интеллектуальным упражнением, которое позволит ему время от времени делать передышку в процессе чтения сложнейшего текста. К тому же сын автора Виктор Гелих, полагавший, что «конспирация» не станет более или менее прозрачной, убедил отца создать прямой и обратный словарик в помощь нашему гипотетическому утомленному читателю.

Миф о «могучей экономике»

«История развития социализма в Государстве Тмутараканском» – беспримерный труд, охватывающий критическим анализом все сферы деятельности коммунистического режима. Мультатули Зеков одним из первых писавших по-русски исследователей развеял официальный советский миф о том, что Сталин якобы разрушил какие-то «ленинские нормы». На основе высказываний самого Ленина и его ближайших соратников он показал, что группа путчистов, захвативших власть в России, не собиралась

ни с кем эту власть делить и потому откровенно делала ставку на диктатуру – но не пролетариата, а на свою собственную. Инструментом осуществления этой диктатуры было жесточайшее насилие.

Даже в период «перестройки» из-под перьев главных теоретиков и публицистов той поры выходили работы, пытавшиеся примирить коммунистические догмы с робкими предложениями о реформах. Мультатули Зеков убедительно доказал, что ленинско-сталинский режим, слегка либерализованный при Хрущеве и его последователях, не мог «плавно» трансформироваться в общество, подобное западному, в силу социально-политических и экономических причин. Социалистическое устройство изначально было не совместимо с демократией, без которой невозможно обеспечить конкуренцию, личную инициативу – залог экономического прогресса.

Пожалуй, только в трудах американского историка Ричарда Пайпса дается столь жесткая оценка «теоретического» мышления первых вождей большевистской революции. Мультатули Зеков, не жалея сарказма, показывает, что все они были профанами в экономике и вообще способность к анализу ситуации полностью подменялась у них фанатичной верой в «идею». Они не сомневались в том, что уже в первые месяцы после октябрьского переворота можно будет отменить деньги, и искренне недоумевали по поводу промедления западного пролетариата с проведением мировой революции! С не меньшей язвительностью автор «Истории социализма в Государстве Тмутараканском» отмечает, что никакие хрущевские и брежневско-косыгинские «реформы» не могли принципиально обновить коммунистическую систему, поскольку «реформаторы» ее создателя «Ильичева» по-прежнему считали выдающимся мыслителем и искали истину в его сочинениях.

Многочисленные мысли, содержащиеся в труде Абрама Гелиха, еще будут изучаться историками. Но уже при первой публикации книги очевидны новые теоретические положения, введенные ее автором. Исключительно важно его утверждение о том, что после «первой вохровской революции» 1917 года «Виссарионов» совершил на рубеже 1920-х – 1930х годов «вторую вохровскую революцию». Коллективизация и индустриализация окончательно ограбили рабочих и крестян, закрепостили их, после чего страна была обречена на нищету, отсталость и ее нормальная эволюция стала невозможной.

Без сомнения, ни один исследователь советской истории не знал социалистическую экономику изнутри так, как Гелих. Он, создававший первые «передовые» заводы эпохи «индустриализации», свидетельствует, что они с самого начала были технологически отсталыми и убыточными. Автор показывает на конкретных примерах из собственной практики, как задачи производства нужных обществу товаров («потребительской стоимости» – по терминонологии Маркса) подменялись произвольными «планами» и приказами сверху, за невыполнение которых грозили репрессии. Тем самым Гелих намного опередил появление в период «перестройки» термина «командно-административная система».

Гелиху не по собственной воле довелось очень близко ознакомиться с жизнью нищего советского колхозника – точнее оказаться в его истертой шкуре! После лагеря и первой реабилитации его отправили в ссылку, где единственной возможностью выжить был труд на земле, ведение натурального хозяйства.

Соединив этот драматический личный опыт с изучением всех возможных советских статистических источников, Гелих с обычным для него сарказмом напоминает, что основоположники марксизма считали условием победы новой общественной формации над прежней создание более высокой производительности труда. Отнюдь не оспаривая этого тезиса, он вскрывает смехотворность попыток советских вождей соревноваться с Америкой.

В своем исследовании советской экономики Гелих постоянно учитывает такие факторы как технологический уровень, потери в ходе производства и транспортировки продукции, рентабельность. О том, как велико значение его выводов, говорит то, что по сей день некоторые российские деятели утверждают, что СССР создал мощную экономику – вторую в мире, но страну развалили либералы-реформаторы! Естественно, такая «концепция» не позволяет понять причины сохраняющегося отставания России от наиболее развитых стран и предложить пути ее реального прогресса.

Произвольно подсчитывавшийся объем советского ВВП, в сущности принимался и зарубежными экспертами. Наиболее простодушные из них были склонны отождествлять силу советского военно-про-

мышленного комплекса, высасывавшего все национальные ресурсы, с экономическим потенциалом страны. Гелих благодаря знанию экономики и великолепному владению математическим аппаратом создал оригинальную методику сопоставления производительности труда в «Государстве Тмутараканском» и в мире «загнивающего капитализма». Соответственно, он приводит конкретные цифры, обнаруживающие разительный контраст в личных доходах и жизненном уровне жителей «Тмутаракании» и граждан развитых демократических стран.

Актуальность труда Гелиха для современной России, живущей в основном за счет продажи энергоносителей, проистекает из его большого опыта работы в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей помышленности. Исследуя ситуацию в этих областях, он приоткрывает удручающую изнанку победных реляций власти о «росте добычи», первых местах в Европе и пр. Оказывается, в «производственном процессе» нефтеперерабатывающих предприятий из-за технической беспомощности и советской бесхозяйственности заботились только о количестве получаемого топлива, практически выбрасывая на ветер многие драгоценные «побочные» продукты! Пользуясь своей методикой, Гелих убедительно доказывает, что производство нефтепродуктов – при внушительном «вале» – было на самом деле убыточным. Решили ли эту проблему в сегодняшней России, по-прежнему технологически отсталой?..

Гелих опередил современных ему исследователей коммунистистической системы четкой оценкой ситуации в социалистическом лагере. В отличие от советских партийных деятелей и публицистов, издевавшихся над реформами в Китае, и западных авторов, искавших «специфику» режима Мао Цзэдуна, он убедительно показывает, что «большие скачки» и «культурная революция» – это не китайские курьезы, а всего лишь повторение опыта СССР.

Сегодня, когда в Москве порой обвиняют в «неблагодарности» своих бывших вассалов, которые якобы «очень много» получили от великой страны, можно оценить ясность ума Абрама Гелиха, который задолго до развала советской империи писал, что она грабит «братские» социалистические страны, а СЭВ (Совет Экономической Взаимопомощи) называл «экспортом технологической отсталости».

Тоталитаризм как разрушение культуры

Огромное достоинство труда Абрама Гелиха – прослеживание взаимосвязи тоталитаризма с духовной жизнью общества. Этот аспект исследования практически отсутствует даже у крупных ученых, изучавших советскую историю и фокусировавшихся на экономических и политических проблемах.

Гелих анализирует различные способы выбивания из советского гражданина способности самостоятельно мыслить и воспитания в нем привычки верить каждому слову вождей: это и система тотального сыска, и оглушающая пропаганда, воспевающая «Темкинские деревни», и скверное образование, особенно гуманитарное, лишавшее человека языков, кругозора, знания истории, способности сравнивать свою страну с другими.

Вряд ли можно найти в трудах по советской истории такой тщательный, конкретный анализ состояния науки в СССР, который предлагает Гелих. В его ярком изображении (с допустимыми сатирическими нотками) советская наука – такая же убыточная имитация деятельности, как и советская экономика.

В тот момент, когда советская интеллигенция еще поддавалась иллюзиям «оттепели», Гелих предпринимает подробный и безжалостный разбор «выдающихся» произведений советской литературы, посвящая ему обширную главу. Он категорически утверждает, что все эти романы, написанные Шолоховым, Гладковым, Ажаевой, Николаевой и «даже» популярным у молодежи Граниным, выполняли партийный заказ – одни более художественно, другие откровенно лакейски, но всегда лживо. Особенно достается от него романистам, имевшим несчастье затронуть такие темы как строительство нефтепровода, производство синтетического каучука или колхозная жизнь, с которыми Гелих был знаком досконально! Он камня на камне не оставляет от их неграмотных вымыслов.

Следует учесть, что Гелих никогда не занимался литературоведением или критикой. Но эта часть книги свидетельствует о его эрудиции и культурном кругозоре. Он презрительно отвергает насаждав-

шееся сверху понятие «социалистического реализма» и подвергает жестокой «порке» заодно с романистами – виднейших советских «теоретиков литературы».

Надо сказать, что Гелих, возможно, первым столь смело показал отвратительный великорусский шовинизм, насаждавшийся в «Тмутаракании» и сопровождавшийся ассимиляцией многих народов, репрессиями против них. Но особо поражает то, что он отводит целую главу «антиханаанизму» правящего режима и в дальнейшем не раз затрагивает эту тему.

Послевоенные антисемитские кампании и последующая «борьба с сионизмом» были важнейшей составляющей советской идеологии и политики – а за выражение симпатий к Израилю уже в послесталинские времена можно было отправиться в лагерь или психушку.

Возможно, именно эта позиция Гелиха привела его к выводу о родстве сталинского и гитлеровского режимов. Советские и российские авторы «патриотического» склада всегда возмущенно отвергали такое сопоставление и, как правило, старались оправдать подписание пакта Молотова-Риббентропа. Гелих примерно в то же время, что Василий Гроссман, однозначно заявил, что в 1939 году союз между «Виссарионовым» и «Адольфером» был порожден взаимной симпатией двух палачей и направлен против демократического мира.

Пророк в жестоком отечестве

Вряд ли можно найти в послевоенный период исследователя, который осмыслил бы такой широкий спектр проблем советского общества – да еще на глобальном фоне – как Мультатули Зеков.

В тот момент, когда будущие «глашатаи перестройки» еще делали партийные карьеры или издавали ортодоксально-марксистские монографии, он на основе фантастически подробного анализа поставил диагноз нежизнеспособности и обреченности экономики социализма. Гелих привел точные расчеты, согласно которым СССР технологически отставал от наиболее развитых стран на десятки лет и разрыв этот продолжал увеличиваться. Не обольщаясь насчет возможностей коммунистических лидеров, сформировавшихся при Ленине и Сталине, он прозорливо указал, что нового мышления, либерализации советского режима можно ожидать только от следующего поколения руководителей, свободного от замшелых догм.

Выводы глубочайшего аналитика, лично изучившего уродства извращенной экономики и усвоившего уроки сталинских лагерей, актуальны и сегодня. Нынешние проблемы России связаны с тем, что новое поколение политиков, реформаторы пока проиграли борьбу за власть людям, живущим прежними «ценностями» и навязывающими обществу идеализацию советского прошлого. Опять вместо того, чтобы развивать науку, образование, технологии, обеспечить свободу мысли и деловой инициативы, власть пытается «вдохновить» массы своей империалистической политикой. Не в силах конкурировать с ведущими мировыми державами, Россия наивно надеется вбить клин между Европой и США – безнадежная «стратегия», которую Гелих описал еще в середине прошлого века.

Абрам Исидорович Гелих – выдающаяся личность, и есть высшая справедливость в том, что этот замечательный ум не поглотила пучина забвения. Есть своя логика и в том, что уникальный труд Абрама Гелиха издал израильский университет, которому Виктор Гелих (покинувший бывший СССР почти полвека тому назад) завещает значительную часть своего состояния для создания фонда помощи будущим поколениям студентов.

Крупный советский руководитель, командовавший огромными проектами, никогда не забывал гениального еврейского мальчика из Одессы. Он ненавидел «антиханаанцев». На страницах своей долго писавшейся книги он восхищался достижениями еврейского государства и всей душой был с теми советскими соотечественниками, которые боролись за возвращение на историческую родину.

Об этом мужественном и мудром человеке, который бросил вызов бесчеловечной системе, хочется в заключение сказать словами его современника, поэта Семена Липкина, словно посвященными ему:

Ты понял, что распад сердец
Страшней, чем расщепленный атом,
Что невозможно наконец
Коснеть в блаженстве глуповатом,

Что много пройдено дорог,
Что нам нельзя остановиться,
Когда растет уже пророк
Из будничного очевидца.

Яков Шаус

ТОМ I

Автобиографические очерки из жизни Мультатули Зекова

Моревинт. 1917 г.

Первый год великой вохровской эры. Весна. Нижневодск. По городу ползут смутные слухи. Одни говорят, что царь отрекся от престола. Другие уверяют, что в столице произошла революция и все министры арестованы.

Через несколько дней официально подтверждается, что произошла великая бескровная тмутараканская революция. Жители города восторженно ее приветствуют. Сама природа улыбается этому.

Наступили ласковые, погожие, южные, весенние дни. После официального подтверждения о победе революции возникает стихийная народная демонстрация. Тмутараканские жители нынешнего поколения едва ли представляют себе истинную, стихийную народную демонстрацию. Уже десятки лет все «стихийные» демонстрации организуются вохровскими функционерами. Организация «стихийных» демонстраций давно достигла полного совершенства.

Во времена Виссарионова назначались не только начальники колонн отдельных районов и начальники колонн отдельных предприятий и учреждений, но также старшие рядов колонны, состоящих из восьми человек. Эти старшие рядов должны были наблюдать за тем, чтобы в ряды не затесался какой-нибудь враг народа. Особенно тщательно за этим следили в Кремлевии. Ведь все колонны проходили через Красную площадь, где их приветствовали всемирные вожди. Позднее, когда население Кремлевии сильно возросло и даже вся наличная многочисленная полиция, устанавливающая железный порядок, особенно при прохождении «стихийной» демонстрации через площадь, не могла пропустить через нее все взрослое население, на каждом предприятии и учреждении заранее назначали «стихийных» участников демонстрации.

Но в первом году великой вохровской революции «стихийных» участников демонстраций никто не назначал. Еще не оформились вохровские функционеры.

Не было еще железного порядка в среде самых первичных предвохров. В те далекие времена даже у первичных предвохров разрешалось еще иметь свое собственное мнение и даже, что может показаться удивительным, высказывать это мнение.

В солнечное весеннее время первого года февральской бескровной революции демонстрация действительно была стихийной. Все нижневодские жители от мала до велика высыпали на улицы. У большинства демонстрантов на груди красовались красные банты. Движение транспорта было остановлено. Невзирая на то, что где-то шла война и лилась кровь, у всех демонстрантов царило радостное, приподнятое настроение. Настоящий неподдельный народ неподдельно ликовал. Это был не тот постоянно «ликующий народ» из позднейшей унифицированной вохровской печати и литературы. Это был подлинный народ, и это было подлинное народное ликование. Незнакомые друг другу люди целовались. Целовались по-настоящему в радостном возбуждении. Целовались не так, как гораздо позже в унифицированной печати каждый раз, когда запускали очередной космический корабль.

Всюду возникали стихийные митинги, бесчисленное число ораторов толковало, что, мол, триста лет «мы молчали» и, наконец, дождались, что теперь нет ни полиции, ни жандармов и можно свободно выражать свое мнение. Даже ораторы – представители различных партий – произносили импровизированные речи. Тогда еще не представляли себе, что не только мировой вохровский вождь, но и обыкновенный смертный может медленно водрузить на нос очки и читать речь по бумажке, в патетический

момент от нее оторвавшись и размахивая руками или тыкая указательным пальцем в слушателей. И ораторы, и слушатели были настроены радостно и миролюбиво. Почти все ораторы без различия партий и мнений встречались толпой восторженно. Наибольшей популярностью пользовались эсеры и эсдеки. О существовании ильичевцев, которые позднее переродились в вохров, и об их переменной социально-политической программе демонстранты не догадывались.

В той первой по-настоящему стихийной и радостной демонстрации участвовал и шестнадцатилетний Мультатули. Парень даже выступал на импровизированных митингах и тоже кричал, что он триста лет молчал. В этот радостный весенний день он забыл про все свои шестнадцатилетние заботы. А забот было много.

В прошлом году он в весьма юном возрасте закончил Ханаанскую общественную торговую школу. Это была удивительная, единственная в своем роде школа. В так называемой черте оседлости ханаанцы были бесправны. В Нижневодске население наполовину состояло из ханаанцев. Все ханаанцы хотели учить своих детей. А в пять казенных гимназий, где плата за право учения была относительно низка, ханаанцев принимали по процентной норме по 2-4 человека в младший приготовительный класс. Существовали частные ханаанская гимназия и коммерческое училище, но плата за учение была настолько высока, что туда могли отдавать своих детей только зажиточные купцы и промышленники.

Для того, чтобы и бедные семьи могли дать своим детям среднее образование, ханаанская община создала Ханаанскую общественную торговую школу. Царские власти разрешили организовать только трехклассную Торговую школу. Но хитрые ханаанцы учредили четыре приготовительных класса: первый младший приготовительный, первый старший приготовительный, второй младший приготовительный, второй старший приготовительный и, наконец, первый, второй и третий классы. Для поступления в первый младший приготовительный класс требовалось сдать экзамены по той же программе, что и для зачисления в первый класс гимназии реального или коммерческого училища. В трехклассную Торговую Школу сообразительные ханаанцы ухитрились втиснуть программу среднего коммерческого учебного заведения. Принимали в первый младший приготовительный класс детей в возрасте девяти лет и в исключительном случае восьмилетних детей.

Вот таким-то образом изворотливые ханаанцы обманули царское ведомство просвещения. Содержалась эта удивительная школа в основном на средства ханаанской общины, и плата за учение составляла 40-50 рублей в год. Некоторые наименее состоятельные ученики получали стипендии для внесения оплаты. Мультатули был в числе немногих учеников, получавших стипендии, то есть был полностью освобожден даже от внесения незначительной символической платы за учение.

Состав учителей был великолепен. Ханаанцы были лишены права преподавания в высших учебных заведениях, а также в казенных гимназиях. Они могли преподавать только в ханаанской частной гимназии, частном коммерческом училище и Общественной торговой школе. Произошел естественный отбор: преподавательский состав в этих ханаанских учебных заведениях был наилучшим в Нижневодске. Впоследствии, после тмутараканской революции, большинство этих преподавателей стали профессорами высших учебных заведений и пользовались европейской известностью.

Преподавание элементарной математики, физики, химии, естественной истории, географии, истории, языков – немецкого и французского, а для желающих и английского, литературы, истории и коммерческих дисциплин (включая политическую экономию) было организовано замечательно. Да и неудивительно. Редко подбирался такой впечатляющий состав преподавателей как по своим специальным познаниям, так и по высоким моральным качествам. Историю читал большой знаток этого предмета, довольно известный плехановец или известный публицист, который по совместительству преподавал также литературу. Французский язык преподавал полиглот, известный составитель грамматики. Бухгалтерии учил признанный авторитет в этой области. Почти все преподаватели были авторами различных учебников.

В последних классах организовывались научные кружки, в которых ученики читали поочередно рефераты по математике, физике, истории, литературе, химии и астрономии. Например, Мультатули подготовил рефераты по Солнечной системе, катодным лучам и радиоактивности (в возрасте около

14 лет). Даже посредственные ученики этой Торговой Школы, поступавшие впоследствии в последние классы гимназий, кончали последние с отличием (с золотой или серебряной медалью).

Однако, давая своим питомцам отличное среднее образование, Торговая школа не давала никакого ценза. Окончившие Торговую школу получали звание бухгалтера и только. Те, кто желал продолжить образование, могли либо после сдачи соответствующих экзаменов поступать в соответствующее частное ханаанское учебное заведение, либо на общих основаниях сдавать экстерном экзамены при какой-нибудь казенной гимназии за 4-6 или 7 классов классической гимназии, а также на аттестат зрелости при учебном округе. Для сдачи экстерном на аттестат зрелости при учебном округе для ханаанцев существовала 15% норма. Так как экстернов – не ханаанцев не существовало в природе, то получить экстерном аттестат зрелости было практически невозможно.

В мае первого года до великой вохровской революции, после нелегких выпускных экзаменов в Торговой школе Мультатули хоть и получил отличный аттестат об ее окончании, но очутился на распутье. Отец-щеточник считал, что сын получил достойное образование и теперь может унаследовать профессию своего родителя. Сын-Мультатули во что бы то ни стало хотел продолжить образование. Преподаватель бухгалтерии, который пользовался большим влиянием в коммерческих кругах города, предлагал пятнадцатилетнему Мультатули место помощника бухгалтера на проволочном заводе с весьма значительным по тем временам жалованьем в 40 рублей в месяц. Но Мультатули стремился в высшую школу. Вход в частные ханаанские учебные заведения был для него закрыт, так как плата за учение была весьма высока. Оставался один путь – сдавать экстерном при какой-нибудь казенной гимназии. Этот путь был тоже нелегким и по сути безнадежным.

Члены экзаменационных комиссий, в большинстве своем ярые антиханаанцы, всяческими способами проваливали экстернов-ханаанцев. За право допуска к экзаменам следовало уплатить 10 рублей. Только матерые экстерны, великолепно подготовившиеся, решались сдавать экзамены. Получали свидетельства о сдаче экзаменов только 5-10% всех абитуриентов.

Экзамены проходили каждый день. На последнюю подготовку оставалась только ночь. Обычно подвергавшиеся экзаменам экстерны не спали 8-10 ночей подряд. Как отмечено выше, экзаменаторы всячески старались провалить экстернов. Так, латинист потребовал у одного экстерна (который, кстати, говорил по латыни), чтобы последний перечислил тридцать глаголов, обозначающих зрение, после которых для имен существительных применялся один из винительных падежей (accusativus cum infinitivo). Бедняга смог перечислить только полтора десятка таких глаголов и был безжалостно провален. Историк требовал знания дат самых незначительных событий. В Торговой школе не изучали латынь.

Мультатули решил сдавать экзамены за шесть классов классической гимназии при Первой Ришельевской гимназии Нижневодска. Чуть более чем за два летних месяца ему предстояло вызубрить всю латинскую грамматику, читать à livre ouvert (любой текст) истории Юлия Цезаря, знать наизусть 500 стихов Овидия и читать Овидия à livre ouvert с полным грамматическим разбором. Этим Мультатули и занимался с утра до вечера все лето, непосредственно после сдачи весьма трудоемких выпускных экзаменов в Торговой школе.

Особенно зверствовали три члена экзаменационной комиссии: латинист, историк и один из математиков. После каждого экзамена объявлялись результаты, и количество проваленных угрожающе увеличивалось. Подвергались экзамену около тридцати экстернов-ханаанцев. Каждый знал, что в случае провала следующий раз можно экзаменоваться только через год. Это значило, что опять надо будет целый год зубрить, перебиваясь случайными заработками. Все экстерны были народом неимущим, и провал для них становился сущей трагедией. Некоторые упорные экстерны экзаменовались уже третий раз.

В числе почти трех десятков экстернов Мультатули сдавал экзамены за 6 классов классической гимназии. За нескольких бессонных ночей после экзамена, который проводил «страшный» латинист, почти все экстерны вышли в тираж. Только четверо могли расчитывать в случае успеха на последних экзаменах по истории и географии получить свидетельство за шесть классов.

Мультатули объявили, что по латыни ему зачтены только 5 классов, а по курсу шестого класса его провалили. Положение было явно безнадежно. На следующем экзамене по географии выяснилось непредвиденное обстоятельство. Мультатули не знал, что по курсу шестого класса следует сдавать экономическую географию Европы. Он совсем приуныл. Однако, против ожидания, именно экономическую географию Европы Мультатули сдал блестяще. За полгода до этого он прочел «Историю развития капитализма в Англии» Туган-Барановского и вообще много читал по экономике.

Мультатули был уверен, что его провалили. Однако ему это было безразлично. Он хотел только спать, после того как за восемь дней не отдыхал ни одного часа. Проспал он более суток. Проснувшись, не пошел узнавать о результатах экзаменов, так как был уверен в своем провале.

Оказалось все же, что в числе трех из почти тридцати экстернов Мультатули получил свидетельство о сдаче экзаменов за шесть классов классической гимназии. По географии и математике он получил неслыханную для экстерна оценку – пять. И все же дальше путь был закрыт. Для сдачи на аттестат зрелости для ханаанцев, как отмечалось выше, существовала процентная норма. Правда, был выход. Для тех, кто был на иждивении солдата-фронтовика, процентная норма отменялась. Но для того, чтобы получить такую справку (вне зависимости от того, был кормилец на фронте или не был...), следовало вручить соответствующему полицейскому чину взятку в 500 рублей. Таких громадных денег у Мультатули не было. Это и составляло предмет его забот.

Тмутараканская революция уничтожила прежние заботы Мультатули. Ханаанцы обрели такие же права, как и все остальные тмутараканские граждане. Но возникли другие затруднения. Ханаанцы, составлявшие значительную часть населения Нижневодска, массами хлынули к источникам получения знаний.

Возникло множество курсов по подготовке желающих получить аттестат зрелости. Из провинции, из ханаанских местечек в Нижневодск устремились массы кандидатов в студенты, мечтавших о Храме науки. А Храм науки не расширялся: количество высших учебных заведений оставалось стабильным. Ясно было, что число претендентов на каждое место будет чрезвычайно велико. Предполагался конкурс аттестатов. Надо было добиться аттестата с отличными оценками по всем предметам, безо всякого исключения.

В связи с этим Мультатули изменил свой первоначальный план. Сдавать экстерном значило в лучшем случае получить аттестат с оценками «хорошо» (4) по всем предметам, а реально – получить смешанные оценки 4 и 3. Мультатули сдал при той же Первой Ришельевской гимназии за 7 классов и поступил в восьмой класс одной из эвакуированных из Мазурии гимназий, в которой проходили вечерние занятия. Днем же готовил жаждущих попасть в «храм науки» по математике и физике в объеме шести или восьми классов гимназии. Зарабатывал он много. Вначале ему платили по 3 рубля за час, а затем и 5 рублей. Заработок его начал достигать 20 рублей в день, что по существовавшему индексу цен составляло 3-4 рубля золотом.

В самом начале бескровной тмутараканской революции рабочие, освобожденные от военной службы для работы на оборонных предприятиях, зарабатывали неплохо. В «Введении…» в главе пятой, показано, что реальная зарплата к 1 году великой вохровской революции была значительно выше довоенной. Лучше всех жили, конечно, промышленники, купцы и спекулянты. В кратчайшее время многие сколачивали значительное состояние. Товары на юге Государства Тмутараканского были в изобилии. Только примерно через 9-12 месяцев после февральской революции появились первые весьма большие очереди за сахаром и керосином. Политическая активность в период между февральской и великой вохровской революцией выросла в громадной степени. Множество партий конкурировали между собой за симпатии избирателей.

Все мостовые и стены домов были покрыты цифрами избирательных списков. Наибольшей популярностью пользовался список №19 партии социалистов-революционеров. Почти такую же поддержку получали социал-демократы. Список ильичевцев был не очень популярен. Они пользовались успехом в основном у солдат-фронтовиков и матросов. Среди ханаанцев нередко симпатизировали кармелистам. За ними шли конституционалисты-демократы. Незначительно было влияние малоскифских националистов.

Так или иначе, но волеизъявление избирателей во время первых после тмутараканской революции выборов в Городскую Думу было свободным. Правда, железное морально-политическое единство, организованное впоследствии патриотами-вохрами, отсутствовало. Именно поэтому ильичевцы оказались в меньшинстве.

Они повсеместно оказались в меньшинстве даже при выборах в Советы рабочих и крестьянских депутатов. Выборы в Учредительное Собрание также проходили в условиях отсутствия вохровского железного морально-политического единства. Избиратели читали газеты различных направлений, листовки и наивно, еще не ведая о вохровском морально-политическом единстве, отдавали голоса тем партиям, к которым склонялись их симпатии.

Может быть, поэтому и в Учредительном Собрании ильичевцы оказались в меньшинстве. Мультатули в простоте юной своей души тоже еще ничего не ведал о морально-политическом единстве и полагал, что социал-демократы – самая революционная партия. Он был очень удивлен, когда на импровизированном уличном митинге матросы изъявили желание избить его за то, что он агитировал за социал-демократов.

Улица жила бурной жизнью. Сплошь и рядом возникали стихийные митинги. Отдельные кучки людей, спорящих о чем угодно, собирались с раннего утра до позднего вечера.

Ожесточенно спорили деисты и атеисты. Атеисты доказывали, что бога нет, а деисты утверждали, что бог был, есть и будет. Деисты объясняли, что если бы бога не было, то природа не обладала бы такой совершенной гармонией, а атеисты возражали, что гармония – вещь условная и бога выдумали капиталисты и помещики для того, чтобы обмануть простой народ и эксплуатировать его. Деисты заявляли, что мораль и нравственность – это божья благодать и отрицание бога – это отрицание общечеловеческой морали, а атеисты отвечали, что мораль тоже выдумали капиталисты и помещики для обмана и эксплуатации народа.

Вообще говоря, побеждали не те, которые были правы, как полагала каждая спорящая сторона, а те, у кого была значительнее эрудиция или мощнее голосовые связки.

Спорили о том, следует ли кончать войну или воевать до победы, к чему призывало временное правительство. Большинство довольно смутно представляло, чем отличаются эсеры от эсдеков и эти вместе взятые от ильичевцев. Твердо знали только, что эсеры за крестьян, эсдеки за рабочих, ильичевцы против продолжения войны и против временного правительства, а анархисты за безвластие. Но все хотели безопасной, спокойной, сытой и главное – свободной жизни.

В ту идиллическую пору начала революции большинство уже инстинктивно чувствовали, что ильичевцы едва ли являются радетелями свободы. Но ильичевцы имели достаточно сторонников.

Все же тмутараканская революция продолжала быть бескровной. Даже июльское восстание ильичевцев не сопровождалось сколь-нибудь значительным пролитием крови.

Кровь начала литься (не считая мировой войны) во время и после осуществления великой вохровской революции, через 8-9 месяцев после «бескровной» февральской революции. Во всех городах, в том числе и в Нижневодске, все чаще слышались перестрелки. Городская Дума была разогнана. Вздорожание продуктов и товаров усилилось. Начали взрываться артиллерийские склады. Стало опасно выходить по вечерам на улицы. Усилилась деятельность налетчиков. Вскоре по настоянию Ильичева был заключен мир с гуннами. В Малоскифии появились гетманское правительство и … гунны.

Пришли гунны и в Нижневодск. В Нижневодске гунны, вернее эстерийцы, не очень свирепствовали. Во многих квартирах приняли эстерийцев на постой. В семью Мультатули тоже расквартировали трех эстерийцев. Разместились они в темной каморке, около кухни, вели себя спокойно, вещей и продуктов не отнимали.

В городе стало спокойно. Ворота домов с наступлением темноты перестали закрывать. Были отменены вечерние и ночные дежурства жильцов. Вместо денег временного правительства появились малоскифки. Ценность денег уменьшалась все быстрее. Но заводы и фабрики работали по-прежнему.

Торговля шла полным ходом. Гунны и эстерийцы отъедались в сытой Малоскифии, чувствовали себя победителями. Все жители города еще были патриотами.

К этому времени Мультатули успел получить аттестат зрелости, который весь пестрел пятерками. В тот период можно было одновременно подавать заявление о приеме с приложением необходимых документов во множество высших учебных заведений. Мультатули воспользовался этим и направил копии своих документов в Ильичевградские, Хановские, Воинские и Нижневодские высшие учебные заведения. В Нижневодске он подал заявление о приеме на механический факультет Политехнического института и физико-математический факультет Университета. На механическом факультете Политехнического института на 120 мест было несчетное количество абитуриентов, в том числе 360 абитуриентов обладали высшим баллом – 15, то есть 5 – среднее из аттестата; 5 по математике и физике и 5 – по скифскому языку.

В числе этих 360 круглых отличников был и Мультатули. Однако были довольно опасные конкуренты. Фронтовики за каждый год пребывания на фронте получали один балл. Фронтовик, воевавший три года, мог иметь 4 – среднее из аттестата, 4 – по математике, 5 по скифскому языку и литературе, а в целом 13, так как вместе с «фронтовыми баллами» получал 16 баллов и проходил вне конкурса. За исключением внеконкурсных остальные участвовали в жеребьевке. Мультатули вытянул 141-й номер и очутился за бортом Политехнического института (Нижневодского), но был принят на химический факультет Воинского политехнического института и физико-математический факультет Нижневодского университета. Впоследствии, через полгода, его известили, что он принят на механический факультет Нижневодского политехнического института.

За всю свою студенческую карьеру Мультатули систематически посещал лекции только на математическом отделении университета. Туда уже успели проникнуть и стать профессорами ханаанцы, которые до революции преподавали в ханаанских средних учебных заведениях. Они считались одними из сильнейших, хотя и состав остальной профессуры был очень силен.

Часть профессуры примыкала к черносотенцам. Во втором году великой вохровской эры, во время гуннской оккупации, вспыхнула дружная студенческая забастовка. Студенты требовали удаления черносотенных профессоров. Против бастующих студентов выступили черносотенные студенты. Они поголовно были вооружены кастетами и железными прутами. Произошло побоище. Черносотенные студенты были поддержаны вартовыми (так называлась новая малоскифская гетманская полиция). Морально-политического единства ни вохровского, ни черносотенного тогда еще не существовало, поэтому студенческая забастовка протекала нормально. Забастовщики заперлись в университете.

В конце концов черносотенные студенты, поддержанные вартовыми, ворвались в университет. Забастовщики самоотверженно защищались, используя камни и прочие боевые предметы. Но против кастетов и железных прутьев они не могли устоять. Забастовка была сломлена. Многие забастовщики с тяжелыми увечьями были направлены в больницу. Мультатули тоже здорово попало. После этого он «определился» и примкнул к ильичевцам.

При гуннской оккупации ильичевцы ушли, естественно, в подполье. Мультатули стал искать связи. С помощью своего товарища, который был в приятельских отношениях с одним из членов «ЦК» Моревинта (Молодой революционный Интернационал), Мультатули примкнул к этой молодежной организации.

В те далекие времена юной революции возникали всякие странные организации и «правительства». «Правительства» весьма колоритно показаны в малоскифской пьесе «Республика на колесах», имевшей большой успех в годы первого десятилетия великой вохровской революции.

Были всякие организации анархистов: анархистов-коммунистов, анархистов-индивидуалистов, просто анархистов.

Даже налетчики-рецидивисты и временные налетчики объединялись в какую-нибудь организацию «анархистов-индивидуалистов». Было множество националистических организаций.

В Моревинт входила молодежь разных политических оттенков: левые эсеры, анархисты и ильичевцы. Мультатули знал только трех членов «ЦК» Моревинта: Фатера, Соню и Люсю. Отцы Фатера

и Люси до революции были мелкими фабрикантами. Соня, по-видимому, вышла из мелкобуржуазной среды. Соня и Люся были смелыми и рассудительными девушками. Смелость их была разумной. Они никогда зря не рисковали. Обе примыкали к ильичевцам. Несколько позже они трагически погибли. Их расстреляли белые под Хаповым. Люся к тому же отличалась миловидностью, и Мультатули был к ней весьма неравнодушен. Он даже подарил ей изящный пистолет системы Смита с инкрустацией из слоновой кости, хотя и к этому удобному, изящному пистолету был неравнодушен. Полной противоположностью Соне и Люсе была Надя. Мультатули знал только, что Надя примыкала к анархистам, и никогда не представлял себе роли ее в Моревинте.

Надя была безрассудно и крикливо храброй. Прокламации она расклеивала только под носом у вартового (малоскифского полицейского). Если осуществляла операцию по взрыву путей, то, зажигая запал, обязательно демонстративно, медленно вынимала папироску, столь же медлительно прикуривала и важно медленным шагом отходила.

Деятельность Моревинта вообще-то была малопонятной. Все явно играли в конспирацию. Как-то раз наметили собраться в «конспиративной квартире». Но прийти туда сразу нельзя было. Каждый должен был прогуливаться по определенному участку улицы. И зайти в квартиру можно было только, если связной, пройдя мимо, приподымет кепку. Но связной, пройдя, не приподнял кепку, а шепнул, что собрание состоится в другой «конспиративной» квартире. Однако собрание и там не состоялось. Дело это наладилось только тогда, когда один из членов Моревинта, балтийский матрос Шурка, неведомо как попавший с Балтики в Нижневодский Моревинт, снял лачугу на глухой Головковской улице Валаховки, районе Нижневодска, заселенном рабочими, мелкими ремесленниками, биндюжниками, налетчиками и всяким бедным людом.

Эта лачуга имела весьма важное преимущество – кроме того, что была расположена в глухом районе, куда мало кто рисковал зайти из-за страха быть ограбленным или убитым налетчиком. Лачуга имела огромный чердак, на котором Шурка-матрос и его подручные обучали новых завербованных членов организации Моревинта владению оружием всяческих видов и систем. Впоследствии эта лачуга стала называться штабом боевой дружины Моревинта.

В самом начале своего существования Моревинт занимался пропагандистской деятельностью.

Мультатули немного владел немецким и французским языком. Кроме того в юности он выглядел наивным, мечтательным и даже немного походил на девушку. Носил синий диагоналевый студенческий костюм. Двубортная студенческая куртка была снабжена двумя рядами пуговиц с орлами, на плечах остались следы от погон. В общем вид у него был вполне «интеллигентным».

Пропаганду Мультатули поручили вести среди немцев. Однако из этого ничего не вышло. Однажды его сильно избили прикладом.

Как-то он узнал, что очередной объект пропаганды – гунн – социал-демократ. Мультатули обрадовался и принялся за его «обработку». Однако гунн тут-же его прервал и сказал: «Ja, ich bin ein sozialdemokrat, aber hoch unsern Kaiser Wilhelm» («Да, я социал-демократ, но ура нашему кайзеру Вильгельму»). Затем этот социал-демократ пригрозил Мультатули прикладом и был таков. Гунны были непробиваемы и пропаганде не поддавались.

Были попытки заниматься экспроприацией для пополнения Кассы организации. Как-то этим решил заняться сам член «ЦК» – Фатер. Объектом наметили какую-ту богатую старушку. Проникнуть в ее квартиру должен был сам Фатер, который выглядел весьма респектабельно. Несколько ребят стояли на «цинке», среди них и Мультатули. У старушки двери были снабжены целым набором запоров, в том числе несколькими цепочками. Она оказалась весьма подозрительной и не, отомкнув цепочек, чуть приоткрыла дверь. Респектабельный вид Фатера не помог. Старушка его так и не впустила. Тем дело и кончилось.

Вскоре после поражения гуннской ноябрьской революции во 2 г. великой вохровской эры гунны ушли. Одна власть сменяла другую – а Моревинт с его штабом на Головковской улице все больше расширял сферу своей деятельности. В этом глухом районе не рисковали появляться любые предста-

вители любых властей. Если по незнанию в этот район вторгался какой-нибудь мазурский легионер, или белый офицер, или кто-нибудь из банд малоскифских атаманов, их убивали налетчики.

Необходимо отметить, что когда во времена владычества Никлюрт по Малоскифии прокатилась волна ханаанских погромов, в Нижневодске такой погром не мог иметь места. Погромщики были бы уничтожены подпольными боевыми дружинами и нижневодскими налетчиками, которыми руководил ханаанец Мишка Япончик.

Боевая дружина Моревинта была организована по пятеркам. Члены пятерок знали только своего старшего. Старшие пятерок тоже друг друга не знали.

Конспирация была весьма солидная. Всеми дружинниками руководил штаб, находившийся, как выше указывалось, на Головковской улице.

Масштабы пропаганды сильно расширились. Когда Нижневодск оккупировали галлы, был налажен выпуск газеты: «La Lutte finale» (Последняя борьба) и прокламаций, которые неизменно начинались: «Kamerades matelots et soldats votre bourgeois…» («Товарищи матросы и солдаты, ваша буржуазия извечно эксплуатирует» и т.д.).

Эту литературу Мультатули совместно с другими усиленно распространяли среди галлов. Случались любопытные казусы. В Политехническом институте преподавал известный судостроитель-англичанин – профессор Кларк. В начале войны его эвакуировали вместе с одним из Приволжских институтов в Нижневодск. С виду суровый, он был весьма снисходительным человеком. Мультатули и другие студенты всячески упрашивали его оказать содействие для осуществления экскурсии на огромный по тем временам галльский броненосец «Мирабо» водоизмещением в 30 тысяч тонн.

Они всячески улещивали профессора, утверждали, что «Введение в судостроение» (дисциплину, которую читал на ломанном языке Кларк) – их любимый предмет и после ознакомления с одним из лучших кораблей того времени они еще больше полюбят эту интереснейшую дисциплину. Профессор долго колебался. Наконец согласился, но взял со своих питомцев честное слово, что они не занесут туда пропагандистскую литературу. Студенты торжественно поклялись. Экскурсия состоялась. Весь броненосец набили экземплярами газетки «La Lutte finale» и прокламациями. Даже минные аппараты были использованы для этого. Хотя «пропагандисты» чувствовали себя не в своей тарелке и нехорошо было подвести старика, но интересы революции были выше.

Однажды Мультатули вел беседу с одним простым галлом-солдатом. Мультатули спросил, чем Зуав занимался на родине. Тот ответил: «Je suis le maçon». Мультатули удивился тому, что простой солдат – массон и хотел уже ретироваться, но тут вспомнил, что слово maçon – обозначает – «каменщик».

Впоследствии этот каменщик распространил немало пропагандистских материалов. Когда белые и галлы уже эвакуировались из Нижневодска, в штабе на Головковской Надя предложила Мультатули и Фрико использовать оставшуюся пропагандистскую литературу и пойти в порт, дабы раздать ее. Мультатули и Фрико запротестовали и заявили, что это бессмысленная затея. Порт забит шпиками. Дело сделано. Галлы разложены и даже дошло до военного восстания – нет смысла идти на бессмысленную гибель.

Надя отрезала: «Значит – вы трусы!» Фрико и Мультатули, не ответив ничего, начали нагружаться. Ужасно обидно было бессмысленно погибать из-за этой сумасшедшей Нади, но ведь прослыть трусами еще хуже. Все трое пошли в порт. Отойдя немного, они встретили отряд примерно из 25 человек, получивший распоряжение «ЦК» пойти захватывать расположенный недалеко арсенал. Фрико и Мультатули обрадовались чрезвычайно. Все двинулись к арсеналу. По дороге встретили пьяного, по-видимому, галльского сержанта. Надя обрадовалась и предложила всунуть ему прокламацию.

Потрясенный галл поморгал, а потом вдруг выхватил пистолет, лимонку и приказал следовать за ним. На беду попался весьма храбрый и решительный сержант. Конечно, идущие сзади 25 ребят могли его легко подстрелить. Но был уговор в галлов не стрелять.Тем не менее толпой они начали подступать все ближе. Вдруг все бросились наземь. Близорукий Мультатули не заметил, что галл бросил лимонку и продолжал недоуменно стоять. Но Мультатули родился в рубашке и не получил даже царапины. Дви-

нулись дальше. В отдалении шел галл-сержант. Надя предложила Фрико вновь попытаться всунуть ему прокламацию.

Фрико сдуру согласился. Отряду некогда было возиться с этой дурой Надей. Сержант захватил их обоих и увел в арсенал. Вскоре белые оставили арсенал и увели с собой Надю и Фрико. Арсенал был занят отрядом Моревинта. Впоследствии Фрико рассказывал, что произошло с ними. Их увели в Сергиевское артилерийское училище. Начальство приказало не возиться с ними и тут же расстрелять.

Их поставили к стенке. Надя и тут «фасонила», начала раскуривать папиросу. Но солдаты отказались их расстреливать. Между тем возникла паника, началось бегство белых. Фрико и Надя спаслись.

Моревинт развернул бурную деятельность. Несколько дней Валаховка была в руках Моревинта. Решили изъять оружие у «буржуазии» и у налетчиков. В первую очередь следовало снабдить членов пятерок «документами» на право ношения оружия.

По свидетельству старших в пятерках два дня секретарь штаба дружины Моревинта – Мультатули выдавал «справки» за своей подписью на право ношения оружия. Налетчикам было объявлено, что они будут расстреляны, если у них обнаружат оружие без такой справки.

Мультатули однажды сам чуть не был раздет то ли налетчиками-профессионалами, то ли налетчиками из какой-то «пятерки» (попадались и такие!). Он в час ночи решил пойти поспать домой и успокоить своих «стариков», так как не показывался уже несколько дней.

Улицы Валаховки были пустынны. В разных местах постреливали. Внезапно пара верзил попросила прикурить. Такова была манера волохских налетчиков. Мультатули зажег спичку. Видимо, узнав Мультатули, громилы исчезли.

Членов дружины надо было кормить. Мультатули и члены штаба ходили по пекарням и бакалейным лавочкам, брали хлеб и колбасу, а взамен давали расписки.

Ходили по домам для реквизиции оружия. Хотя Мультатули носил все тот же студенческий костюм, но у сопровождавших его дружинников, по-видимому, был довольно бандитский вид. Мелкие буржуи были до смерти запуганы и еще до начала обыска отдавали не только оружие, но деньги и драгоценности. Женщины рыдали, некоторые кидались на колени и обнимали колени Мультатули. Он и сам не очень доверял своим дружинникам и больше следил за ними, чем занимался обыском. Он очень боялся, что дружинники что-нибудь стащат, и ему было стыдно за хищное выражение их физиономий.

Оружия собрали много. Были и браунинги, и наганы, и стэйеры, и смиты, различных систем ружья, обрезы и т.п.

Лачуга на Головковской, конечно, не удовлетворяла больше штаб дружины. На Валаховке же, поближе к центру, было занято шикарное помещение бывшего публичного дома. Шел третий год великой вохровской эры. В Сакском клубе Нижневодска, который был захвачен ильичевскими функционерами, Мультатули записался в какую-то студенческую фракцию ильичевцев. Там призывали студентов-математиков и студентов-механиков помочь революции и в кратчайший срок переквалифицироваться в красных командиров-артиллеристов. Хотя Мультатули терпеть не мог военной службы, он последовал этому призыву и даже соблазнил двух своих товарищей – Давида и Зему. Эра Моревинта кончилась, начиналась эра артиллерийских курсов.

Артиллерийские курсы. 1919 г.

В третьем году великой вохровской эры из Нижневодска были изгнаны белые, галлы и эллины. Денежные знаки изгнанных белых и националистов-малоскифов – колокольчики, малоскифки – в очередной раз превратились в тлен, в труху. Вновь на пароходах была толчея. Очередная партия помещиков, капиталистов, писателей, представителей инакомыслящих партий (не вохровцев) захватывали с бою места на пароходах и отплывали на Запад или в Таврию. Налетчики и их король Мишка Япончик блаженствовали и ловили рыбу в мутной воде. Торговля свертывалась. Магазины закрывались. Заводы и фабрики работали все хуже и хуже. Начиналась эпоха натурального обмена. Кустари переходили на

производство ширпотреба, главным образом для крестьян. Зарождались кустарные производства спичек, мыла, упряжи. На лиманах мешочники начали добывать соль.

Всё это городские жители, которые упорно не хотели умирать, меняли у крестьян на продукты. Однако карающая десница вохровцев, Чрезвычайная комиссия вохровской безопасности, не дремала. В первую очередь эта деятельная комиссия начала наводить порядок на окраинах. Блаженствующие налётчики вылавливались, и их понемногу расстреливали, а понемногу обращали в вохровскую веру. В конце концов король налетчиков Мишка Япончик стал вохровским патриотом и возглавил 55-й вохровский полк, в который влилось значительное количество налетчиков. Комиссаром этого полка был назначен рабочий-пекарь, который впоследствии застрелил Мишку Япончика.

Талантливый писатель, житель Нижневодска Бабец, которого в 21-22 гг. в.в.э. перевоспитывали в гуманных виссарионовских лагерях столь усиленно, что он от перевоспитанности умер, написал талантливый сценарий «Закат семьи Мишки Япончика». В 8 г. в.в.э. был даже создан по этому сценарию фильм, который демонстрировался только один день и затем в воспитательных целях был снят с экрана вохровскими властями.

Чрезвычайная комиссия составляла списки спекулянтов, фабрикантов и прочей имущей братии на предмет взимания контрибуции. Тех, кто не вносил, сажали в подвал. Понемногу вылавливали и расстреливали белогвардейцев. В Нижневодске становилось спокойнее и голоднее. Впрочем, приближалась теплая пора и появлялись ранние овощи.

После того как Мультатули зарегистрировался в студенческой секции вохровской партии, партийные функционеры повели агитацию среди студентов физико-математического факультета университета и Политехнического института – членов вохровской партии и беспартийных – о помощи вохровской Армии.

Агитаторы убедительно и доходчиво доказывали, что вохровская Армия должна обзаводиться своими командирами, которые были бы сродни рабочим и крестьянам. На артиллерийские курсы предпочтительно должны вербоваться студенты-математики и студенты механики, чтобы в короткое время постигнуть артиллерийскую премудрость. Мультатули терпеть не мог военные порядки, однако был вынужден согласиться с убедительными доводами вохровских функционеров. К этому времени ему минуло 18 лет, и он успел с физико-математического факультета перевестись на механический факультет Политехнического института. Таким образом он втройне удовлетворял всем условиям: бывший студент-математик, в настоящем студент-механик и член вохровской партии.

Мультатули сагитировал двух своих товарищей: Давида, который тоже к тому времени был студентом-механиком, и Зему, который даже не имел высшего образования. Мультатули и Давида зачислили в спецотделение, и через четыре месяца они должны были стать красными артиллерийскими офицерами.

В тот период уже функционировали два прекрасных артиллерийских училища: Михайловское в Ильичевграде и Сергиевское в Нижневодске. В Нижневодске каким-то образом сохранился весь старый преподавательский состав.

В старой царской армии артиллерийские офицеры считались самыми образованными людьми. Преподаватели Сергиевского артиллерийского училища были одними из лучших представителей старой армейской интеллигенции. Особенно выделялись среди них Кумшацкий, Берегов и Жуков. Они исключительно добросовестно относились к своим обязанностям. Диссонанс вносил комиссар арткурсов. В то трудное время он пьянствовал и вел разгульный образ жизни. Состав курсантов был отличный. Однако жизнь у них была непростая.

В спецотделении день был предельно загружен. 5 часов теоретических занятий и 5-7 часов практических занятий по пехотному, кавалерийскому и артиллерийскому строю. Тира в Сергиевском не было, и приходилось ходить для занятий по стрельбе в соседние пехотные курсы (бывший кадетский корпус). Утомляли бесчисленные наряды: дежурства по кухне, по батарее (спальни) и на других постах. С этим Мультатули особенно не везло.

Тогда установили новое и новейшее время (для экономии электроэнергии). Новейшее время опережало солнечное время на 3 часа. Мультатули вначале по воскресеньям получал увольнительную записку и ходил домой. Из-за трижды проклятого новейшего времени он должен был являться на артиллерийские курсы в пол-пятого утра. Трамваи не шли. Пешком ходу было на добрых полтора часа. Мультатули опаздывал на 10-15 минут и получал несколько внеочередных нарядов.

В конце концов Мультатули перестал ходить домой. Как-то он, оказавшись дежурным по батарее, ночью закурил папироску. В это время как снег на голову свалился командир батареи Берегов. Мультатули растерялся, вытянулся и, будучи без фуражки, с папиросой между пальцами, отдал честь. Опять ему влепили несколько нарядов вне очереди.

Жизнь становилась все тяжелее. Нижневодск был блокирован, и хлеба в городе почти не осталось. Спасал горох, которым эллины до прихода вохровцев кормили своих ослов. Эллины убрались, а запасы гороха оставили. Из этого гороха в смеси с некоторыми злаками пекли тяжелый невкусный хлеб. Однако такой хлеб выдавали по 300 граммов в день, и он казался необычайно аппетитным. Очередному дежурному по кухне приходилось скверно. Для того, чтобы курсанты сразу утром во время завтрака не съедали весь дневной паек, его делили на три части и выдавали по 100 граммов на завтрак, обед и ужин.

Дежурный по кухне должен был на 500 курсантов нарезать 1500 пайков и скрупулезно, с многочисленными добавками взвешивать эти 1500 стограммовых пайков. А гороховый хлеб был тяжелый и вязкий. Мультатули, имевшему бесчисленное количество внеочередных нарядов, частенько приходилось на голодный желудок выполнять эту каторжную работу. Дежурный по кухне никаких преимуществ в смысле добавочной еды не имел. В тот голодный и тяжелый период честность была беспрецедентной. Исключением являлся, пожалуй, все тот же разгульный комиссар курсов.

То ли от горохового хлеба, то ли по другим причинам Мультатули заболел дизентерией. К врачу обращаться он стыдился, да и врач был такой, что всех считал симулянтами и мог при дизентерии, заставив выпить стакан-другой касторки, совсем угробить человека.

Мультатули совсем ослабел. Два часа пехотного строя длились бесконечно. Казалось, что винтовка весит много пудов. Но непреодолимо трудным для ослабевшего Мультатули был кавалерийский строй. Командир был строгий, заставлял «шлюзны» и «шенкеля» держать как полагается, зад и промежность страшно натирало, живот болел и ко всему прочему – понос. Было нестерпимо тяжело. Но изобретательный Мультатули научился мастерски падать с лошади. Он знал, что лошадь никогда не наступит на него.

Мультатули давно не ходил по воскресеньям домой. Во-первых, он боялся опоздать, во-вторых, совершенно обессилел и хотелось немного отдохнуть в воскресенье. Но не тут-то было. В тот период рядом с койкой всегда лежала винтовка. Очень часто по ночам поднимали по тревоге. За 30 секунд, максимум минуту, нужно было успеть одеться и выскочить с винтовкой строиться.

Как-то под воскресенье, когда большинство курсантов получили увольнительную, Мультатули по обыкновению остался. Ночью по тревоге подняли. Комиссар объявил, что по соседству в двух километрах от Сергеевского училища восстал кавалерийский полк Саблина, насчитывающий семьсот сабель. На курсах оставалось 57 курсантов. 30 из них получили приказ залечь цепью и до последнего дыхания сдерживать полк Саблина, 20 должны были оборонять Сергеевское до того, как подойдет подмога.

Мультатули лежал в цепи, живот страшно болел, и он с нетерпением ждал наступления, надеясь, что в пылу атаки боль стихнет. Но атака не последовала, а боль прекратилась, и утром из замечательной посуды с вензелями Сергеевского артиллерийского Мультатули вдоволь нахлебался баланды. Благо большая часть курсантов была в городе, а саблинцев утихомирили другими способами.

Дни тянулись длительно и нудно. В 4 часа 30 минут подъем. Оправка, умывание, затем все строятся. Маленький старшина Одоевский с удивительно густым начальственным голосом затягивает надоевшую всем «утреннюю молитву» – Интернационал. Петь надо с воодушевлением, так как на курсах царит «самодисциплина» и все следят друг за другом. Затем строем в столовую. После команды по 12 человек заходят по обе стороны стола. По команде садятся. Крайний разливает красивой ложкой

по красивым тарелкам баланду. По команде в момент уписывают 100 граммов горохового хлеба и баланду. Затем расходятся по классам. Теоретические занятия являются для Мультатули отдыхом, для некоторых же они тяжелее маршировки. Затем строевые занятия со Шнейдером. Изнурительная многочасовая муштра по пехотному и кавалерийскому строю.

Частые ночные тревоги не прекращались. Мультатули не выдержал. Пошел к врачу. К этому времени он уже стал доходягой. Врач направил его в госпиталь, который помещался на бывшей даче персидского шаха – на Французском бульваре.

Вскоре вспыхнуло большое восстание гуннов-колонистов. Гуннов возглавляли белые офицеры. Для усмирения были посланы курсанты и полк Мишки Япончика. Бойцы Мишки Япончика куда-то испарились. Курсанты остались без патронов. Бывшие артиллерийские офицеры вели себя прекрасно. Жуков, даже раненный, вел курсантов в атаку. Восстание было подавлено. Из артиллерийских курсантов были убиты 3 человека. Мультатули было очень стыдно. Во время очередного подавления восстания он оказался в госпитале.

То ли вследствие еще более скудного питания, чем на курсах, то ли в силу действия лекарственных препаратов Мультатули начал выздоравливать. Появился бешеный аппетит. Постепенно исчезала слабость. Погоды стояли прекрасные. Бывший персидский шах, по-видимому, знал толк в создании уютных летних уголков. Мультатули благодаря вкусу шаха много гулял по тенистым аллеям дачи.

Через этот военный госпиталь проходила самая различная публика. Были и какие-то бывшие «гайдамаки», головорезы, которые где-то награбили много денег. Они день и ночь резались в очко.

Однажды, получив «жалованье» – 175 вохриков, Мультатули соблазнился и пришел к компании головорезов. Конечно, его ставки были скромные по сравнению со ставками этих бандитов. Он трижды ставил по 50 вохриков и проиграл. Затем поставил 25 – выиграл, поставил 50 – вновь выиграл. Наступила его очередь метать банк. В банк он вложил сто вохриков. В кругу сидело более десяти головорезов.

Мультатули необыкновенно везло. В первом круге все бандиты проиграли, причем каждый следующий головорез удваивал ставку. Банк «застучал». Во втором круге головорезы также проиграли – все до единого. Мультатули сорвал огромный банк в несколько десятков тысяч вохриков. И дальше ему везло необыкновенно. В самых рискованных комбинациях он выигрывал. К шестнадцати он прикупал и ему попадался король. К пятнадцати ему попадала шестерка. У Мультатули собралась огромная куча денег. Он обчистил всех головорезов. По их завистливым и жадным взглядам Мультатули понимал, что ночью они его прикончат и ограбят.

Надо было немедленно что-то придумать, чтобы спастись, но... не обидеть себя. Мультатули незаметно для картежников сунул в карманы в карманы несколько тысяч, начал перебирать и проигрывать. Вскоре вся огромная куча денег растаяла, и когда у Мультатули ничего не осталось, он огорченно махнул рукой и встал. Все головорезы выразили ему свое сочувствие.

На следующий день Мультатули попросил сестру-хозяйку выдать ему одежду и ушел в город, так как его мучил неистребимый голод. Возникла серьезная проблема – чем утолять голод. Соотношение цен на различные продукты стало невероятным. Хлеб был безумно дорог: 100 вохриков – 400 грамм. Абрикосы куда дешевле: 10 вохриков – 400 грамм, а 400 граммов халвы можно было приобрести за 60 вохриков. Мультатули купил 800 грамм абрикосов и 800 грамм халвы. Абрикосы он уничтожил полностью, халву не смог прикончить, но голод утолен не был. Все же Мультатули впервые за несколько месяцев столько съел.

Внезапно в конце лета белогвардейцы высадили десант и захватили Нижневодск. Мультатули бежал из госпиталя в больничной одежде. Остатки его карточного выигрыша в вохровских деньгах превратились в тлен. Домой идти было опасно. Мультатули укрылся в мастерской у своего родственника и начал работать у него подручным токаря.

Урожай в том году выдался отличный. Цены на хлеб упали до 5 вохриков за тнуф (400 гр.). Мультатули съедал по 3-4 тнуфа вкусного, ароматного нижневодского хлеба и быстро окреп.

Ему удалось связаться с бывшими артиллерийскими курсантами. Была организована подпольная дружина курсантов.

В мастерской Косолапова оставаться далее стало более опасно, чем у родных. Туда приходило много людей, зачастую – подозрительных. Белогвардейцы зверствовали. Контрразведка загоняла иглы под ногти. Били шомполами по пяткам. Выбрасывали из окон четвертого этажа. Вешали. Как-то раз Мультатули попал в облаву. Часть задержанных, в том числе Мультатули, увели в преддверие ада – на Вторую станцию. Двое суток держали без пищи и не пускали даже в туалет. Люди тут же справляли свои естественные надобности.

Понемногу часть людей куда-то отводили. На следующий день появились редкие родственники, которые приносили передачи. Мультатули был настроен довольно пессимистически. Передач он не получал. Документов у него никаких не было. Он находился в призывном возрасте, и в лучшем случае белые отправили бы его на фронт. В худшем случае контрразведка могла пронюхать о его похождениях, и тогда ему было не миновать иголок под ногти, шомполов по пяткам, а, может быть, даже путешествия к предкам. От всех этих бед его спасла случайность.

Один из попавших в облаву, студент Политехнического института, через родственников добился того, что администрация института явилась его выручать. Секретарь ректора знал Мультатули, поэтому вызволил также и его.

Мультатули решил без крайней надобности не выходить на улицу. Между тем его материальное положение стало пиковым. Он выкопал браунинг, закопанный в сарае, и продал его.

Однако выручка не надолго помогла ему. Обращаться к товарищам было стыдно. Сидеть на шее у родных, которые тоже недоедали, было совестно. Но голь оказалась на выдумки хитра.

Мультатули отправился рано утром в ближайшую пекарню. Объявил, что он из «студенческой артели», которая поручила ему разносить зажиточным горожанам хлеб. В пекарне ему отпустили мешок хлеба со скидкой. Далее он пошел по этажам и всюду объявлял, что он разносчик хлеба из «студенческой артели». В форменной студенческой куртке у Мультатули был вид, заслуживающий доверия, и все этажи охотно брали у него калачи с некоторым превышением цены. Дело пошло. За час в наиболее безопасное время Мультатули сбывал пару мешков хлеба и зарабатывал один, а то и два вкусных нижневодских калача.

Жизнь в Нижневодске становилась веселей. Магазины бойко торговали. Все базары и особенно главный нижневодский рынок Привоз были заполнены всяческими сельскохозяйственными товарами – благо урожай в 3 г. в.в.э. был отменный.

Нижневодские налетчики («анархисты-индивидуалисты») вновь начали властвовать на улицах, особенно в районе Валаховки. С наступлением темноты не рекомендовалось выходить из дома. Впрочем, многие нижневодские «анархисты-индивидуалисты» были отменно вежливы... на свой лад. Если какой-нибудь старенький профессор задерживался у своего коллеги и направлялся домой уже ночью, эти «рыцари» вежливо сопровождали ученого до самой его квартиры и только тут снимали с него шубу и прочие одежды, вплоть до белья. После чего нажимали на кнопку звонка, почтительно прощались, желали доброй ночи и удалялись, нагруженные профессорскими пожитками.

Но если какие-нибудь чудаки сопротивлялись, «анархисты-индивидуалисты» изредка вынуждены были убивать их. Однако по большей части все заканчивалось тем, что строптивого слегка избивали, после чего он сам охотно расставался со своим одеянием.

Белые патрули изредка лениво перестреливались с «анархистами-индивидуалистами». Расплодилось этих грабителей видимо-невидимо – десятки тысяч. Главной их цитаделью стала Валаховка. Были среди них и грузчики, и сапожники, и металлисты, и мелкие лавочники, и, наконец, все нижневодское жулье. По-видимому, большинство этих «анархистов-индивидуалистов» составляли хананцы почти в строгом соответствии с этнографическим составом нижневодского населения.

Между тем блистательные успехи белых, которые подошли почти к самой Кремлевии, превратились в блистательные поражения. Еще быстрее триумфального марша на Кремлевию белые откатыва-

лись к Югу. Да иначе и быть не могло. Разложение командного состава белых достигло невероятных размеров. В тылу белые офицеры беспробудно пьянствовали. Самыми дорогими товарами считались кокаин и морфий.

Города были переполнены бродягами. За марширующими воинами единого неделимого Тмутараканского Государства двигались на свои родовые вотчины дворяне-помещики и рассчитывались с крестьянами за все причиненные им кровные обиды. Влияние правосоциалистических элементов, которые смыкались с белыми в борьбе за единую-неделимую, было ничтожно. Тыловые контрразведки зверствовали. Денежная валюта единой-неделимой – колокольчики – быстро обесценивалась. Население всеми возможными способами уклонялось от всяческих мобилизаций. Белый тыл насквозь прогнил. В Малоскифии «гуляли» всякие батьки и «анархисты» хамновского толка со столицей в Гуляй-Лесе.

Украинские батьки и хамновские анархисты потихоньку организовывали погромы ханаанцев. Около ста тысяч ханаанцев были убиты, несколько сот ханаанских женщин подверглись насилию. В Нижневодске так и не удалось организовать ханаанский погром. Наоборот, если какой-нибудь белый офицер или малоскифский патриот (струковец, григоривец и прочие), или мазурский «легионер» забредали на Валаховку, налетчики – в основном ханаанцы – быстро приканчивали их.

Деятельность подпольной дружины курсантов развивалась слабо. Иногда члены дружины собирались в штабе на Малой Арнаутской улице. Основной целью этой дружины было в подходящий момент поднять восстание и закрыть путь для отступления белых в порт. Второй задачей было сохранение имущества фабрик, заводов, магазинов и т.п.

Ранней весной 4 г. в.в.э. красные вохровские войска приближались к Нижневодску. В городе было весьма тревожно. Улицы даже днем выглядели пустынными. Где-то стреляли – ворота были на запоре. Жильцы домов при закрытых воротах выставляли дежурных, которые в ночное время сменялись каждые четыре часа.

Связной сообщил Мультатули, что надо на следующий день собраться в штабе. Там Мультатули и еще несколько курсантов получили задание охранять от разграбления мануфактурные магазины. Было известно, что группа «анархистов-индивидуалистов» – весьма предприимчивых налетчиков собирается захватить на Успенской улице иллюзион «Комета» и с этой «базы» начать наглый грабеж. Оружие курсантам предстояло раздобыть собственными силами, поскольку возможности штаба в этом отношении были очень ограниченными. После этого все парами стали расходиться.

Мультатули пошел с Толмачевым. Этот рослый красивый парень где-то раздобыл офицерский костюм с погонами поручика и соответствующие фальшивые документы. Мультатули, как всегда, носил синий форменный студенческий костюм, он не имел каких-либо путных документов, и за версту можно было определить его ханаанское происхождение. Вместе с Толмачевым Мультатули по Малой Арнаутской дошел до Александровского проспекта. Улица была совершенно пустынна.

Толмачев, обладавший весьма зорким зрением, заметил, что в следующем квартале расположен какой-то белый отряд. Поскольку Толмачев был в обличии белого офицера и имел соответствующие документы, было решено, что он проследует дальше по Малой-Арнаутской улице, а Мультатули пойдет домой по Александровскому проспекту через базарчик.

Когда Мультатули подошел к рынку, он услышал грозный окрик: «Стой, ханаанская морда!» Мультатули обернулся и остановился. Перед ним стоял рослый струковский малоскифский бандит в красной панаме. «Руки вверх!» Держа винтовку одной рукой, струковец другой рукой обыскал Мультатули. По-видимому, искал оружие. Мультатули мог вышибить винтовку, но опасался, что за базарными будками стоят еще другие струковские часовые. «Кругом!» – скомандовал струковец, отойдя на два шага от Мультатули и направив на него винтовку.

Мультатули повернулся и вдруг отчетливо понял, что сейчас струковец скомандует «Бегом!», после чего пристрелит его. Его охватило мучительное, тоскливое, трусливое предчувствие смерти. Никогда ни до этого момента, ни после него Мультатули так отчаянно не трусил.

Вообще-то Мультатули от природы был боязлив. От этого он пытался вылечиться и применял довольно кардинальные средства. Например, заставлял себя под пулями стоять пять минут (сосчитывая

до трехсот), не склоняя головы, не пригибаясь и вообще не двигаясь. В какой-то степени такое лечение помогло. Но, стоя спиной к струковцу, Мультатули, как туго натянутая струна, трясся от трусости.

Бандит рявкнул: «Бегом, ханаанская морда, мать твою!..» Спина Мультатули, словно существовавшая сама по себе, чувствовала, как сейчас в нее врежется пуля. Помедлив немного, под крики струковца Мультатули внезапно сорвался и побежал не прямо, а зигзагами. Сердце бешено колотилось.

Смутно он слышал выстрелы. Потом эти выстрелы громом начали отдаваться в его ушах. Мультатули бежал от одной базарной будки к другой. Делал он это, по-видимому, совершенно бессознательно. Инстинкт самосохранения заставлял его тело менять траектории.

Мультатули никогда не смог вспомнить, как он добежал до ворот своего дома. Только у его ворот он пришел в себя. Но голос у него еще был чужой, не свой, и долго очередной дежурный жилец не хотел открывать ворот.

Дома очередная компания дулась в очко. Всех поразил зеленый цвет лица Мультатули. На распросы он ничего не ответил, присоединился к картежной игре и всю ночь продувал оставшиеся колокольчики, которые через несколько дней должны были превратиться в труху.

Мультатули очень досадовал на свою слабость. Он полагал, что вылечил себя от трусости, но оказался плохим доктором. Надо было решить эту серьезную проблему.

Свой браунинг Мультатули продал. Где добыть оружие? Мультатули жил недалеко от Бульварного Комиссариата. Единственным реальным способом возвращения в строй было в краткий период паники полиции выбрать подходящий момент, пробраться в Бульварный полицейский участок и там добыть какое-нибудь оружие.

План был удачно выполнен. Именно в Бульварном полицейском участке Мультатули добыл винтовку и патроны. Остальное он считал легким делом. С винтовкой за плечами отправился на Александровский проспект. «Анархисты-индивидуалисты» грабили мануфактурные магазины и таскали тюки мануфактуры в иллюзион «Комета». Никто из курсантов кроме Мультатули не пришел. Мультатули от имени «штаба» пытался уговорить «анархистов-индивидуалистов» прекратить грабеж. Те отнеслись с некоторым уважением к нему. Может-быть, некоторые узнавали бывшего секретаря штаба боевой дружины «Моревинта», который выдавал год тому назад охранительные записки.

Тем не менее налетчики категорически отказались прекратить грабеж. Более того, они предложили либо присоединиться к ним, либо убираться к чертовой матери, если Мультатули не хочет, чтобы его уконтрапупили.

Мультатули решил отправиться в штаб на Малую Арнаутскую за подмогой. По дороге кто-то начал обстреливать его из окон. Мультатули по ступенькам вниз спустился в подвальный этаж и решил наугад начать отстреливаться. Однако затвор заело, винтовка не стреляла. Мультатули выбрался наружу и, прижимаясь к стенам домов, начал отступать к Ришельевской улице. Дотуда он добрался благополучно. Однако, пройдя квартала два, вновь попал под обстрел. Опять кто-то из окон стрелял в него. Ворота все были на запоре. Подвала поблизости не оказалось. Мультатули вжался в стену дома рядом с несколько выступавшей фотографической витриной.

На верху витрины в центре красовался большой портрет известного ханаанского артиста – Фишзона. Ему досталось больше всего: его фото было «ранено» в глаз, нос, щеку. Сильно пострадали и другие фотографии. Но Мультатули был словно заговорен. Ришельевская улица не очень широкая, метров 10-15. Мультатули представлял собой значительно лучшую мишень, чем небольшие фотопортреты в витрине, но оставался цел и невредим. Странное дело, на этот раз он был абсолютно спокоен и даже вел счет выстрелам, хотя было ясно, что последний выстрел, которым он будет убит, в счет не войдет, поскольку скорость полета пули больше скорости распространения звука.

Спас его отряд Кошковцев, который наступал со стороны вокзала. Кошковцы начали обстрел здания и стали ломиться в ворота, а Мультатули проследовал дальше. Не доходя до штаба, он встретил отряд курсантов во главе с Толмачевым. Тот сказал, что получено задание захватить на Романовском

бульваре дворец Воронцова и, пользуясь им как опорным пунктом, препятствовать последним белым отрядам эвакуироваться в порт.

По Пушкинской улице отряд направился на бульвар. Однако, повернув на него, у «Лондонской» гостиницы курсанты попали под обстрел. Прямо на бульваре залегли. Отряд попал в скверное положение. С одной стороны – «Лондонская» гостиница, а позади – порт. Отряд рисковал попасть в тиски отступающих белых, что грозило полным уничтожением. Решили атаковать гостиницу. Половина залегшего отряда открыла бешеный огонь, а другая половина кинулась в атаку. Гостиница была захвачена. Уцелевшие белые повыскакивали из окон и бросились бежать. Но вскоре подошла какая-то группа белых, и начался обстрел гостиницы, уже занятой курсантами. Пришлось забаррикадироваться. Курсантов было немного, всего человек двадцать.

Вместо того, чтобы мешать белым эвакуироваться, отряд курсантов попал в мышеловку. Трое суток, пока порт не был занят вохровскими регулярными войсками, пришлось отсиживаться в «Лондонской». К счастью, там оказались кое-какие запасы продовольствия. Но лежало немало трупов, раздетых до белья. По трупам ползли крупные тифозные вши.

В последнюю ночь один из курсантов – Тарбековский со сна завопил: «Нападение на курсы!» Поднялась бешеная стрельба.

На следующий день утром на бульваре царила необыкновенная тишина. Не видно было ни одного человека. Курсанты вышли, растянулись цепью по ширине бульвара и двинулись к Воронцовскому дворцу. Его уже заняли регулярные вохровские части, которые обстреливали последние отплывавшие белые пароходы.

Белые были вышвырнуты из Нижневодска. Мультатули кончил воевать. Он сдал винтовку и отправился домой отмываться от тифозных вшей и отсыпаться.

Спал больше суток. Когда Мультатули проснулся, около него сидел Мозес Розенфельд, его приятель по Политехническому институту. Мозес был славный парень, но туповатый, без воображения, хотя невероятно усидчивый. Он всегда пытался зубрежкой дополнить свой весьма незначительный объем памяти. Механизм его мыслительного аппарата довольно вяло обрабатывал даже незначительные потоки входящей информации. Мультатули он считал чудом природы.

Мозес организовывал сдачу зачетов, доставал учебники, договаривался с профессорами о сдаче зачетов. Технологический процесс подготовки к сдаче зачетов осуществлялся следующим образом:

1) Мозес доставал учебники и договаривался с соответствующим профессором. По учебникам Мозес месяц или два сам старался ввести как можно больше информации в свой натруженный блок памяти. Зубрил Мозес самозабвенно. Когда он считал зубрежку законченной, то один или еще с кем-нибудь являлся к Мультатули вместе с кучей учебников.

2) Если у Мультатули было свободное время, начинался завершающий этап. Мультатули подбирал кажущийся ему наилучшим учебник, читал про себя, шевелил губами, а потом начинал объяснять остальным членам коллоквиума. Если кто-то из слушателей не мог понять объяснений, Мультатули пытался еще раз как можно проще объяснить. Бедняга Мозес никак не воспринимал такого количества истин, хотя предварительно долго зубрил изучаемый предмет.

3) Через определенное время вся компания отправлялась к соответствующему профу. Проф Мозеса почти всегда проваливал его и заставлял приходить еще раз. Мозес вновь зубрил, но результат был все тот же. Мозес брал профов измором, и в конце концов уставший наставник засчитывал ему предмет.

Таким методом Мультатули сдал за шесть дней дифференциальное исчисление, дней за десять – аналитическую геометрию, высшую алгебру и ряд других дисциплин. Покуда Мозес не брал измором профа, Мультатули не принимался за следующую дисциплину.

В те времена не было никаких зачетных сессий, лекций почти никто не посещал и профы читали свои лекции в почти пустых аудиториях. Посещались только лекции профов-вундеркиндов. Таким вундеркиндом был профессор Мандельштам. Он приятным грудным голосом невероятно доходчиво и интересно читал свои блестящие лекции.

Однажды Мозес прибежал к Мультатули и сразу заорал: «Где же ты пропадал, садовая голова? Послезавтра надо сдавать физику Мандельштаму. Я с ним договорился, что мы с тобой пойдем сдавать».

Мультатули возмутился: «Как же за полтора дня? Бегло и то прочесть не успею. К тому же к Мандельштаму стыдно идти, не подготовившись как следует. Он же вундеркинд».

Мозес резонно отвечал: «Не полтора дня, а до полутора суток, и к тому же Мандельштам всегда дает только задачки решать. Что же, ты не сможешь решить, что ли?»

Мозес всегда знал все мелочи и учитывал манеру каждого профа. Он все же уговорил друга. Мультатули просидел 36 часов, почти не спал и в назначенный день пошел с Мозесом к профу.

Мозес как в воду глядел. Мандельштам спросил Мозеса: «Вот Вам два одинаковых цилиндра. Один цилиндр с двигающимся поршнем, а другой с наглухо закрепленным поршнем. Воздух в обоих этих одинаковых цилиндрах следует нагреть до одинаковой температуры. Какое количество тепла нужно затратить в обоих случаях? Одно и то же или разное?» Конечно, Мозес не сумел ответить на этот вопрос, и Мандельштам предложил бедняге прийти в следующий раз.

С тем же вопросом Мандельштам обратился к Мультатули. Тот ответил. Мандельштам задал ему еще один вопрос и сказал: «Давайте Вашу зачетную книжку».

Мультатули стало стыдно за эгоизм. Он заявил профу, что очень плохо подготовился и попросил разрешения прийти еще раз вместе с Мозесом.

«Давайте, давайте Вашу зачетную книжку. Не буду я больше тратить времени на Вас».

На Мозеса Мандельштам тратил еще много времени, но тот и его взял измором.

Мозес опять тормошил Мультатули и орал: «Вставай, соня, я договорился с Бомовским, ассистентом профа Буницкого о сдаче дифференциальной геометрии». Но «гордый» Мультатули возомнил о себе бог знает что и не хотел сдавать тупице Бомовскому дифференциальную геометрию. Он хотел сдавать дифференциальную геометрию самому профу Буницкому.

«Ты с ума спятил!» – орал Мозес. – Ведь к этому неистовому Буницкому приходит один сумасшедший студент в два года. Проф его держит шесть часов и затем говорит: «Коллега, за столь краткий срок я не успел познакомиться с Вами. Прошу Вас прийти еще раз тогда-то».

Но Мультатули в гордыне своей на этот раз и слушать не хотел Мозеса.

Он взял у него учебник Поссе и начал изучать дифференциальную геометрию. Давалась она ему очень легко, и через шесть дней вся извлеченная из Поссе информация отпечаталась почти фотографически в блоке его памяти. Но уже второй день он чувствовал себя весьма неважно. Смерил температуру. 40 градусов! Тифозные вши из «Лондонской» гостиницы все-таки сделали свое дело. Еще начиная изучать дифференциальную геометрию, Мультатули был болен сыпным тифом. Болел он тяжело. Форма сыпного тифа была тяжелая. Как сквозь сон, слышал плач матери.

Все считали, что Мультатули не выживет. Но он встал на ноги. Правда, превратился в «шкилет». Недели три после кризиса был так слаб, что ходил, держась за стены.

Через два месяца Мультатули вполне оправился. Он вновь взялся за дифференциальную геометрию. Но то ли в результате сыпного тифа, то ли по другим причинам в его мыслительном механизме произошли какие-то непостижимые изменения. Он не только забыл все, что знал, но ничего не понимал. Зубрить не привык. Став в смысле восприятия таким же, как Мозес, он не имел его способности к зубрежке.

О том, чтобы пойти сдавать Буницкому, не могло быть и речи. Помучившись месяц, Мультатули пошел сдавать дифференциальную геометрию Бамовскому. Мозес немало потешался над ним.

Как-то за год до этого Мультатули прочел учебник по теоретической механике Суслова. Он с ходу все усвоил и решил после дифференциальной геометрии сдавать теоретическую механику. Увы, оказалось, что Мультатули не только все забыл, но не был в состоянии хоть что-то усвоить по теоретической

механике. Он был потрясен. Никак не смог привыкнуть к мысли, что превратился в беспросветного тупицу. Мультатули махнул на все рукой и год не брал учебников в руки.

Только через год он взялся за неорганическую химию, которую вообще-то еще в средней школе знал неплохо. Но начало подготовки к сдаче неорганической химии совпало почти вплотную с романтическим приключением и Мультатули ее тогда не сдал. Только через два года после того как Мультатули из-за сыпного тифа внезапно отупел, он вновь серьезно взялся за занятия. Способность к усвоению материала в какой-то степени восстановилась, но была немного меньше дотифозной и в прежнем качестве уже не вернулась.

Гостабфабрика и продразверстка. 1920-1922 гг.

После того как Мультатули сдал дифференциальную геометрию, к нему зашёл Толмачев. Он рассказал, что в восстановленных вохровских учреждениях творятся безобразия. Особый произвол в Губпробкоме. Но непорядок и в других учреждениях, особенно связанных с материальными ценностями: в Губсовнархозе, Губтопе и других.

Наиболее передовые курсанты решили помочь вохровским органам безопасности в борьбе с этими злоупотреблениями.

Установили схему помощи: один из отделов Чрезвычайной комиссии, которую тогда возглавлял Немчик, имеет своего человека, некого Мишеля, в наружной службе. Передовые курсанты, которых направят старшими наблюдателями в соответствующие учреждения, будут связаны с Мишелем, а Мишель – с соответствующим отделом ЧК.

О функциях старшего наблюдателя осведомлен только председатель соответствующего учреждения, который должен назначить старшего наблюдателя начальником одного из отделов. Старший наблюдатель уже без ведома председателя учреждения устраивает на работу рядовых наблюдателей.

Старший наблюдатель получает большую комнату в каком-нибудь солидном доме. Комната должна иметь отдельный ход и быть угловой – короче, обладать соответствующими свойствами. Если наблюдатели соберутся в середине этой комнаты, их разговоры никто не услышит.

Передовые курсанты с воодушевлением решили помогать вохровской власти. На это важное дело с охотой пошли Толмачев, Давид, Мойсиф, Вельтман, Мультатули и еще некоторые курсанты из бывшей подпольной дружины.

Мультатули был направлен в Губтоп. Он тщательно вычистил свой парадный, «фирменный» студенческий костюм, надраил до блеска пуговицы с орлами и пошёл на «прием» к председателю Губтопа Лонинову. Несколько часов он ждал в его приемной. Наконец наступила очередь Мультатули. Но у Лонинова в кабинете сидел какой-то тип. Мультатули поздоровался, нахально поставил стул сбоку от стола, молча вынул бумажку с треугольной печатью и сказал, что его направил к Лонинову коллектив пролетарского студенчества Политехнического института.

Затем Мультатули будто по рассеянности положил бумажку с треугольной печатью в карман. Вначале Лонинов повел себя хорошо. Закончил разговор с «типом» и выпроводил его. Затем приступил к конкретному разговору с Мультатули. Вскоре зашел другой «тип». Этот так и остался сидеть, Лонинов его не выставил. Ведя уже безразличный разговор с Мультатули, Лонинов внезапно спросил: «Как у вас смотрят на безобразия в Губпробкоме?» – причем в присутствии «типа».

Лонинов зачем-то торопился раскрыть инкогнито визитера.

Мультатули, конечно, с невинным видом ответил, что не понимает вопроса. А вид у него действительно был невинный. От роду ему было всего 19 лет, только появился первый пушок. Брился он раз в неделю, а, вообще, и брить-то было нечего. Мультатули с нетерпением ждал появления настоящей мужской бороды. Лицо у него было девичье с наивными серо-голубыми глазами.

Долго Мультатули не мог закончить разговор с Лониновым, так как «тип» не уходил. Только когда Мультатули угрожающе заявил, что придет в следующий раз, незваный гость был отослан.

Мультатули довольно быстро разнюхал, что в Губтопе при прямом покровительстве Лонинова орудует целая шайка спекулянтов и жуликов. Наличные скудные запасы топлива расхищаются любыми путями и сплавляются на черный рынок. Хотя вохровцы только пять месяцев тому назад захватили Нижневодск, уже сильно чувствовался недостаток продуктов. А положение с топливом было настолько скверно, что в мелких лавчонках продавались на тнуфы[i] сухие кукурузные кочерыжки, щепки и по невероятно дорогой цене – древесный уголь. Из Губтопа, вернее с его складов, в прорву черного рынка уплывали вагоны угля, дров и делового леса.

Мультатули установил связь Лонинова с «типами». Держался Мультатули весьма скромно, и Лонинов перестал стесняться с ним. Он начал даже угощать его галльским коньяком и сардинами (видимо, осталось со времен галльской интервенции).

Такие же порядки были и в других учреждениях. Мультатули писал рапорты и передавал их Мишелю. То же делали и другие старшие наблюдатели. В ответ на эти рапорты ничего не предпринималось.

В конце концов Мультатули возмущенно спросил Мишеля, почему органы безопасности не прекращают эти безобразия. Тот покровительственно ответил: «Неужели Вы думаете, что Ваши мальчишеские сообщения для нас новость? Лес рубят – щепки летят (**от автора:** в эпоху военного коммунизма это стало очень модным выражением). Когда будет необходимо – примем меры. А пока принимайтесь за более серьезные дела. Просочилось много антивохровских элементов. Нанимайте побольше наблюдателей. Прислушивайтесь ко всяким разговорам. Более того, заводите сами разговоры соответствующего характера. Выявляйте побольше антивохровских элементов».

Мультатули стало ясно, для чего понадобились энтузиасты – передовые курсанты. Он ещё не нанял ни одного наблюдателя. И бесповоротно решил покончить с такого рода «энтузиастскими» делами. Через месяц без всякого официального заявления он исчез с горизонта Губтопа и Мишеля. Тогда хаос был полнейший, и Мультатули мог без особенных трудностей уйти даже из такого учреждения.

Вскоре вслед за Мультатули ушел Давид, а вслед за ними – все остальные курсанты. Остались только двое – Вельтман и Мойсиф. Впоследствии, через 13 лет, в 17 г.в.в.э., уже будучи в Кремлевии, возвращаясь с дачи на работу, Мультатули встретил одного из бывших курсантов – Гутенмахера. После обмена всяческими воспоминаниями Гутенмахер сказал: «А знаешь ли ты, кто сейчас Мойсиф? Он второй после Виссарионова. Формально он заместитель наркома ГосПолитУправления. Но фактически вертит всеми делами. От Мишеля он перешел в информационный отдел, затем переехал в Великоскифию и отличился в борьбе с лейбистами».

Через пять лет этот Мойсиф сам попал в систему вохровского перевоспитания и был расстрелян. Так почти двадцать лет спустя закончилась помощь передовых курсантов в борьбе с безобразиями в вохровских учреждениях.

Мультатули решил пойти в гущу рабочих. Он надеялся, что среди пролетариев будет чувствовать себя лучше. Мультатули устал от всяких случайных работ. Чем только он ни занимался! В первом году в.в.э. зарабатывал кучу денег уроками математики и физики. Деньги эти он частично растранжирил, частично они обесценились.

Во 2 г. в.в.э., когда его перевели в Политехнический институт, нужно было внести плату за учебу, и Мультатули остался без денег. Между тем его студенческие брюки, которым теоретически сносу не было, практически прекратили свое существование с задней стороны.

У Мультатули оставалось лишь 20 вохриков. За эти деньги можно было купить только детские брюки. Выхода не оставалось. Мультатули купил детские брюки. Появилась новая неразрешимая проблема. В тот период Мультатули был очень тощим, и эти детские брюки застегивать удавалось. Но если он их подтягивал, брюки оказывались чуть пониже колен. Если же их спустить так, чтобы они доставали ботинок, то обнажался живот. У Мультатули было какое-то завалящее пальто, которое вообще-то он не носил. Пришлось постоянно носить его. Оно снималось только дома. В других местах никто не мог уговорить Мультатули снять пальто. Он утверждал, что у него озноб, что ему холодно. Не мог же он демонстрировать голое, как у танцовщицы во время танца «живота», пузо.

---

i Тнуф – 400 гр. (примечание автора).

Нередко Мультатули нанимался на пилку и колку дров (конечно, зимой), работал грузчиком. В 3 г. в.в.э. стал даже предпринимателем. Были организованы курсы по подготовке к сдаче экзаменов за шесть и восемь классов гимназии. Мультатули учил математике, физике и географии. Бывший энтерн, великий знаток латыни Маркус преподавал кроме нее французский и немецкий языки, а большой специалист по гуманитарным дисциплинам Фанкельштейн взял на себя литературу, историю и философскую пропедевтику. Владелец помещения начальной школы в Валаховке не имел никаких обязанностей, но был четвертым компаньоном.

Были затрачены значительные средства на газетные объявления о курсах и «блестящих» преподавателях. Отпечатали в типографии сотни проспектов. Сами компаньоны ходили по городу с ведерками и кистью и расклеивали их.

Цена за учение была объявлена смехотворно низкая, втрое ниже, чем на других подобных подготовительных курсах. Желающих, несмотря на низкую плату, собралось немного. Компаньоны сидели в «учительской» и в «приемные» часы нетерпеливо ожидали клиентов. При каждом звонке все вскакивали и бегом открывали дверь. Хотя главным организатором являлся Мультатули, «директора» изображал Маркус. У него был наиболее солидный вид: уже росла настоящая щетина, и он для этого случая даже отрастил усы. Когда клиентов набралось около тридцати человек, курсы торжественно открылись.

Все же несмотря на «блестящий» состав преподавателей (а они, несмотря на молодость, действительно были неплохие – у всех был уже порядочный стаж преподавания, и каждый «свои» дисциплины знал великолепно) предприятие с треском лопнуло.

Число клиентов не только не увеличивалось, но угрожающе сокращалось. Все дело было в том, что слушатели не могли сдавать экзамены тут же при курсах, в присутствии «депутатов».

Конечно, нельзя было и помыслить о том, чтобы добиться, как другие солидные курсы, права сдачи экзаменов при курсах. Кроме аттестатов зрелости и студенческих удостоверений у блестящих преподавателей ничего не было. Ни университетских дипломов, ни учительских свидетельств.

Мультатули оказался разорен, весь в долгах. Уже несколько лет юноша был «человеком воздуха». А ведь с 13-14 лет он существовал на самостоятельные заработки.

Вскоре после ухода из Губтопа Мультатули устроился на Вторую государственную табачную фабрику. Помог ему в этом его товарищ Зёма, который был на девять лет старше. Зёма работал крощиком табака. Брат Зёмина товарища Мони Шварцберга был заведующим этой фабрики. Вообще-то попасть сюда так же, как на кожевенную или обувную фабрику, было не легко. Все эти предприятия считались выгодными и «хлебными».

Заканчивалась знаменитая эпоха военного коммунизма. По инициативе дедушки вохровской статистики – Румилина с централизованного снабжения была снята бóльшая часть населения. Работающие получали 1 тнуф хлеба и неизменные 3000 вохриков в месяц, на которые в 4 г. в.в.э. можно было получить только скверный завтрак на 1 человека и талон на обед, состоявший или из перлового супа и ячневой каши, или из ячневого супа и перловой каши.

Насытиться этим обедом не мог даже пятилетний ребенок. Зато стоимость такого обеда была весьма доступной – 15 вохриков. «Заработка» не хватало для пропитания самого рабочего, не говоря уже о его семье. А семьи в ту эпоху (в Нижневодске) были довольно многочисленные. Для прокорма себя и домочадцев рабочие выносили с фабрик и заводов все, что могли. Поэтому «хлебные» предприятия были в цене.

Мультатули зачислили рабочим крошильного отделения. Пришел он туда все в той же затрапезной студенческой куртке, но брюки к тому времени приобрел уже не детские, а взрослые.

Вообще-то фабричонка была небольшая, но Мультатули попал на Настоящую фабрику и она произвела на него неизгладимое впечатление. Это впечатление даже отдаленно нельзя сравнить с тем, которое впоследствии у него оставалось от многих огромных современных предприятий.

На табачной фабрике работало около шестисот человек.

В крошильном отделении были установлены 12 примитивных крошильных станков, производительностью 8 берков[i] в смену. В середине цеха стояли большие деревянные лари для листового табака. По обеим сторонам ларя были установлены по 6 станков. Крошильное отделение находилось между сортировочным и упаковочным отделениями. Сортировка и упаковка табака производилась вручную, все эти три отделения размещались на втором этаже. На третьем этаже находилось папиросное отделение, на первом – механические мастерские.

Никакой вентиляции не было. Рабочие дышали сплошной табачной пылью. В крошильном отделении, расположенном по ходу «технологического процесса» посередине, окон не было. Свет был искусственный; а вообще-то из-за обилия табачной пыли в цехе царила полутьма.

Крощики табака считались самыми квалифицированными рабочими. Нужен был многолетний стаж для того, чтобы уметь вырабатывать табак тонкой резки.

Мультатули вначале поставили на мешку и подноску табака. Из под ножа табак выходил плотным непрерывным «топом». Поэтому крощики табака назывались «топниками»

Этот плотный «топ» вручную растирали руками. На диске Мультатули разносил растертый табак на столы упаковщиц.

В крошильном отделении работали сплошь мужчины, а в упаковочном – одни женщины. В папиросном и гильзовых отделениях также работали женщины. В механических мастерских, разумеется, работали только мужчины.

Девушки из упаковочной все были остры на язык, и Мультатули не знал, куда деться от их насмешек. Предметом насмешек были и его наивные глаза, и студенческая куртка, и способность легко краснеть. Особенно издевалась над ним упаковщица Маруся, девушка ослепительной красоты. Впрочем, впоследствии отношения их были вполне приятельскими, и любовник Маруси, огромный парень Митя даже пообещал Мультатули, что набьет ему морду.

Топники оказались прекрасными ребятами. Большинство из них были ханежцами. Трое после вохровской революции эмигрировали в Государство Тмутараканское из Саксии. Остальные почти все участвовали в Первой мировой войне и прошли через огонь, воду и медные трубы. Закадычными приятелями Мультатули были Зёма и два лучших топника – братья Гейеры.

Только пара топников вносила диссонанс. Одного прозвали Лукой Мудищевым. Поговаривали, что он кое в чем еще мощнее Гришки Распутина. Но одно не вызывало сомнений: ворюга он был отменный и каждый день выносил огромное количество табака от половины до одного берка.

«Лука» носил пальто со специальной подкладкой, в котором ходил зимой и летом. В эту подкладку он укладывал массу табака. Были у него также специально сделанные по заказу ботинки («траможы»), в которые он также укладывал значительное количество табака. Поговаривали, что у расхитителя немало бриллиантов и золота.

Другие, конечно, тоже выносили табак, но таскали по совести: только чтобы быть сытым. Большинство рабочих были честными хорошими ребятами. К Мультатули они относились превосходно, отдавали ему талоны на ячкашу и даже хлебные карточки. Мультатули избавился от голода и чувствовал себя великолепно.

Братья Гейеры научили его искусству топника, и вскоре Мультатули уже работал на крошильном станке. Еще до этого он заметил, что рабочие косо посматривают на него: Мультатули не хотел воровать табак.

По-видимому, никогда не следует выделяться. Все брали табак и выносили его дважды в день – во время перерыва и при уходе домой.

Мультатули придумал, как «заслужить доверие» и остаться честным. Он прорвал один из карманов своей студенческой куртки. В этот карман он стал класть табак. Из дырки табак падал на пол цеха.

---

i Берк – 16,4 килогр. (примечание автора).

Отношение рабочих к Мультатули улучшилось. Они начали поучать его, как прессовать табак, потому что недельный объем непрессованного табака велик, а вес мал. Однако вскоре Мультатули был «пойман с поличным». Рабочие заметили, что в обеденный перерыв он не ходит в «малину», где сбывали краденый табак. Мультатули «оправдывался»: мол, уносит табак домой. Однако вскоре пришлось все же малую толику табака таскать в «малину».

Рабочие упорно не хотели умирать с голода. Они даже возражали против того, чтобы их семьи умирали с голода.

После изгнания владельцев фабрики остались значительные запасы янычарского табака, бобины картона и папиросной бумаги. Так как производительность труда сильно понизилась (рабочие тратили массу времени на упаковку табака, который выносили), то табака этого хватило года на два. Рабочие по-своему реагировали на «изобилие» эпохи военного коммунизма. Больше половины рабочего времени расходовалось на упаковку разворовываемого табака. «Луке Мудищеву» не хватало для «упаковки» даже восьмичасового рабочего дня.

Рабочие делали «грыжи», «погоны», «подрукавники», «подножники», «компрессы» и т.п. Их содержимое прессовалось в крошильном станке, в том месте, где устанавливали нож. Выносили любыми способами. Гильзовщицы и папиросницы заворачивали пачки гильзовой бумаги в тонкие тряпки и засовывали это в половые органы. Обыщики, мужчины и женщины, проверяли рабочих только символически.

Но все-таки большинство рабочих выносили не более 2-3 тнуфов табака в день. «Луки Мудищевы» в счет не шли. Для администрации и главных функционеров вохровской ячейки товар вывозился на телегах. Они жили и не тужили. Механические мастерские в основном занимались производством зажигалок и других предметов широкого потребления.

Следует отметить, что на заводе затесались несколько меньшевиков. Признанным главой их считался Штернберг – старый «социал-предатель». Он был весьма образованным юристом, но работал обыкновенным разнорабочим.

Меньшевики не подлаживались, как Мультатули, к рабочим. Они вели суровый образ жизни и, судя по их внешнему виду, недоедали. Это были, пожалуй, единственные люди на заводе, которые ничего не брали. Они пользовались огромным уважением рабочих. Нет сомнения, что если бы на заводе не господствовала самая демократическая в мире вохровская избирательная система, а применялась обычная «общинно-буржуазная» демократия, Штернберг и его сторонники были бы бессменными членами завкома.

После того как вохровцы разогнали Учредительное собрание и обрушили на рабочих «изобилие» военного коммунизма, их популярность катастрофически снизилась (особенно в Нижневодске). Поэтому уже тогда, на заре вохровской власти, при внедрении самой демократической в мире вохровской избирательной системы вводился железный порядок. Совершенства он достиг к концу царствования великого Виссарионова, на протяжении которого через тотальную систему перевоспитания были пропущены десятки миллионов «врагов народа».

Но и в тот ранний период все шло, как по маслу. На заводе вохровская ячейка «обсуждала» и назначала кандидатов. Намечался какой-нибудь соответствующий второстепенный функционер, которому на собрании предоставлялось слово, чтобы предложить «список народных посланцев». Этот оратор выступал с рекомендацией «за» – и все поднятием рук выбирали «самых лучших».

Конечно, механизм «самых демократических выборов» тогда еще не был столь блистательно усовершенствован, как в настоящее время, и не столь уж редко приходилось забраковывать эти замечательные выборы. Однажды, несмотря на то, что система была смазана и все шло, как по маслу, какие то «обманутые» рабочие предложили в завком Штернберга. Отвести его кандидатуру не смогли, и он был избран большинством голосов против меньшинства, состоявшего из функционеров вохровской ячейки. Тем не менее вскоре проверка показала, что «не было кворума». Состоялись перевыборы, вновь самые-самые демократические, но к этому времени Штернберг на заводе уже не работал.

В 21 г. в. в. э, когда Мультатули попал на перевоспитание, он встретил в Заполярье двоюродного брата Штернберга – Вайсберга. Тот рассказал, что полтора десятка лет Штернберга перевоспитывали, то в ссылке, то в лагере. Штернберг обиделся, что его так долго перевоспитывают, и … повесился.

Через год Вайсберг тоже был перевоспитан до смерти. На командировке «Кирпичный» его вместе со многими другими перевоспитуемыми расстреляли с помощью небольшого пулемета, изготовленного энтузиастами-рабочими в знаменитом оружейном городе Алуте, том самом, где Левша подковал блоху.

Положение с продовольствием в Нижневодске становилось критическим. В январе 5 г. в. в. э. состоялась губернская партийная конференция. Мультатули был ее делегатом. Главным обсуждавшимся вопросом был продовольственный кризис, а единственным решением конференции – усиление продработы.

Продработников явно не хватало. «Бандиты» ловили их, убивали, набивали им брюхо ячкашей и втыкали колышек с запиской: «Вот вам продразверстка». Это обстоятельство не очень способствовало усилению энтузиазма, и стремление вохровцев к отправке на продработу было несколько меньше, чем требовалось. На губпартконференции губернские вожди призывали к энтузиазму.

Мультатули в тот момент еще считал, что все это – щепки при рубке величайшего леса. Он также верил, что единственный способ разрешения продовольственного кризиса – усиление продработы. Поэтому заявил о добровольном желании отправиться на продработу. Главные функционеры из вохровской ячейки Второй гостабфабрики были довольны. Они свой долг выполнили и выделили из своей среды очередного «героя» продработы.

На радостях Мультатули снабдили четырьмя тысячами лучших папирос «Кир» (тех самых, которые раскручивали героические работники ЧК и для которых два лучших топника на лучших станках из прекрасных янычарских медовых табаков готовили табак нежной, тонкой резки), и 5 тнуфами лучшего табака.

Для переброски свежеиспеченных продработников в упятерку – штаб по продразверстке в Тирасградском уезде, теплушка была оборудована нарами и печкой. В эту теплушку и набились 30 продработников, будущих комиссаров продотрядов. Как обычно в те времена, теплушка два дня ожидала, когда ее прицепят к какому-нибудь железнодорожному составу-черепахе. На второй день теплушка была обжита. В печи потрескивал огонь. Все перезнакомились. Мультатули подружился с Громовым, рослым и симпатичным на вид парнем. В первый же день Громову не понравилось безудержное расточительство Мультатули, и он взял под свой контроль все папиросные и табачные запасы. Назначил даже норму выдачу «чужим». Сам же курил «от пуза».

На второй день друзья заметили молоденькую чернявую девушку, которая металась вдоль вагонов. Оказалось, что она направлена на продработу в Тирасград.

В те времена получали мандат, а дальше устраивались, как хотели. Поезда были заполнены в основном мешочниками. Все с остервенением дрались не только за места в теплушках, но и за места на крыше вагона и на буферах. Слабой девушке прицепиться к поезду было трудно, вернее, невозможно.

Девушка оказалась очень миловидной, и вопрос был решен. Приятели взяли ее под свое покровительство и устроили в теплушку. Рыцари старались услужить девушке и всячески заботились о ней. Вскоре теплушка двинулась. На каждом перегоне поезд подолгу стоял. До первой узловой станции Разлюли в 60 километрах от Нижневодска поезд полз трое суток. На станции Разлюли дороги Маши Черниной и приятелей расходились. Она должна была отправиться в Тирасград по боковой ветке, а приятелям предстояло следовать до станции Мрачный Кут по магистральной дороге, в двух перегонах от станции Разлюли.

Вообще-то приятели, поднатужившись, могли бы усадить Машу на другой транспорт, но им не хотелось с ней расставаться. Они уговорили девушку ехать с ними дальше под предлогом, что не могут ее устроить на состав, отправлявшийся в Тирасград, и обещали, после получения назначения отправить ее туда на подводе лошадьми. Маше тоже явно не хотелось расставаться с приятелями. По ее собственному утверждению, она чувствовала себя превосходно. Приятели получили в Нижневодске

сухой паек на 10 суток. Печка грела отлично. Маша была сыта, с удовольствием слушала росказни приятелей. Больше отличался этим Мультатули, но Маша явно благоволила к Громову – красивому, высокому, статному парню. Недавно он с большой неохотой расстался со своей молоденькой невестой, но, по-видимому, уже стал забывать о ней. Уж очень Маша была миловидной и грациозной.

Маша поехала с приятелями в Мрачный Кут и в упятерку – в Цебриково. Приятели быстро получили назначение, отряды и «большие мандаты». По такому документу они могли использовать любой транспорт, лошадей и даже отдельные паровозы. Им давали необъятные права по изъятию и конфискации любого вида продовольствия, конфискации старой валюты. Они имели право брать и сажать в подвал заложников. Не совсем понятны были отношения с волостными Четверками и Комитетом бедноты или Комисзамами.

Мультатули получил назначение в Малаетрскую волость, где в основном проживали валахи. От Малаетры было близко к Тирасграду, и Маша поехала с Мультатули.

В Малаетре Мультатули объявил Машу своей женой. У кулака, у которого Мультатули поселился, «молодоженам» приготовили в «парадной» комнате общую постель. Мультатули был в самом соку – почти двадцать. Маша ему очень нравилась. Но он отличался сентиментальностью и вел себя по рыцарски.

Вначале Мультатули ложился вместе с Машей. Ворочался, сердился. Хотя его тянуло в Маше, как магнитом, он старался отодвинуться от нее как можно дальше. Когда хозяева стихали, он перебирался на лавку. Позже Мультатули сообразил, что Машу не очень устраивало его «рыцарство». Относилась она к нему трогательно и нежно – намного нежнее, чем в теплушке.

Через два дня Мультатули отправил Машу на подводе в Тирасград. Перед отъездом она крепко расцеловала Мультатули, приглашала в Тирасград и сказала, что объявит своим формальным мужем либо его, либо Громова, в зависимости от того, кто первый приедет туда.

После ее отъезда Мультатули рьяно принялся за работу. Вместе со своими ребятами он обходил все дворы. Малаетры – большое валахское село на полторы тысячи дворов. Наделы у большинства крестьян – небольшие, до трех гектаров. Но у некоторых было по гектару виноградника. Скота – мало.

Сколько-нибудь значительного количества зерна ни у кого не обнаружили. Весь хлеб был припрятан. Хозяин-кулак, у которого жил Мультатули, утверждал, что, во-первых, был неурожай, а, во-вторых, крестьяне здесь в основном занимаются виноградарством. Но кормил он Мультатули превосходно. Каждый день ему подавались горка плацинд с кабачком или с творогом, вкусная мамалыга, молоко, сметана.

Наконец, с помощью Комисзама была обнаружена в свинарнике первая яма с хлебом. Выгребли 20 мешков слегка попорченного хлеба. В наказание у крестьянина забрали не только эти 20 мешков зерна, но выгребли с гирища и все его легальные запасы. Такая операция называлась «брать под метлу». Дальше дело пошло живее. В Малаетры Мультатули и его отряд нашли около 100 ям. Но больше «под метлу» Мультатули не брал.

Некоторые функционеры из волчетверок и из комисзама косо посматривали на Мультатули и даже приводили в пример комиссара продотряда соседней Парконской волости.

Этот комиссар зверствовал. Разъезжал на паре горячих коней. Менял любовниц-валахок, как перчатки. Порол крестьян. Брал массу заложников. Поговаривали, что он несколько человек застрелил. Ездил из села в село в сопровождении 10-15 дружинников. В хате, в которой он жил, вместе с ним разместились два дружинника, которые поочередно дежурили. Впоследствии этого комиссара арестовали. Говорили, будто его расстреляли.

Мультатули чувствовал себя преотвратительно. Он решительно не был приспособлен для этих классовых схваток. Директивы предписывали ему на митингах рассказывать, что вохровская власть временно берет у трудящихся крестьян продукты и воздаст им сторицей, как только будут восстановлены заводы. Крестьяне задавали ехидные вопросы. Мол, хорошо, заводы не восстановлены, но в Ниж-

неводске – огромные кагаты соли. Мешочники возят ее и за берк соли дерут 3 берка зерна. Почему вохровская власть не дает соли, а вот зерно чуть ли не всё забирает?

Мультатули изворачивался как мог. В других селах волости: Спее, Тукмезее, Чабручи – он не очень рьяно разыскивал ямы. Мультатули начинал догадываться, что летят одни щепки и никакого леса не рубят. Ходил он пешком из села в село, иногда совсем без сопровождающих. Может быть, только случайно его не убили, а, может быть, ценили его относительный либерализм. Селился он только у тех, о которых шла слава как о «бандитах». Мультатули считал, что в непосредственной близости эти «бандиты» более безопасны. Дабы не было соблазна, он никогда не заряжал оружия, справедливо считая, что в случае массового восстания оно не поможет.

Еще до того как он начал работать в Чабручи, тоже очень большом селе – около тысячи дворов, Мультатули получил директиву взять у местных жителей 100 коров. Это было весьма серьезным делом. Вообще-то с виду Мультатули выглядел босяком и ничуть не походил на комиссара. Носил рваную шинель и рваную солдатскую палатку. Казался значительно моложе своих и без того юных лет. Этими особенностями Мультатули пользовался и любил лазить по селам, где его еще не знали.

Отправился он инкогнито и в Чабручи, где узнал, что там всего 18 хозяев имеют по 2 коровы. Взять 100 коров означало забрать у 82 крестьян их единственных кормилиц. Мультатули сообщил об этом в упятерку и заявил, что взять 100 коров не может. За это его самого посадили на три дня. Затем в Чабручи погнали два продотряда и в присутствии Мультатули взяли 100 коров. Обездоленные бедняки валялись в ногах у Мультатули, целовали его грязные сапоги. Но 100 коров у них отняли.

Мультатули был в отчаянии. Он подумывал о самоубийстве. Вопрос был только в выборе способа. Застрелиться или повеситься. Но он не застрелился и не повесился.

Особенно противно было ликвидировать базары. Была директива: несколько недель не препятствовать базарной торговле, а затем, когда соберется «большой базар», ликвидировать его. Когда появлялся «большой базар», тщательно разрабатывали план облавы. Занимались все подходы к базару. Выстрел из нагана в центре базара был сигналом. В невероятной панике все торговцы старались удрать. Но бежать было некуда – все выходы перекрывались. Поросята визжали, бабы плакали, мужики метались. В результате весь товар конфисковывался. У некоторых «буржуев»-торговцев весь товар оценивался в 1 вохрик золотом.

Более 90 % конфискованных товаров пропадало неизвестно куда. Остальное передавалось комисзаму. Еще в юности Мультатули имел склонность к статистике. Он неоднократно

пытался вычислить, сколько хлеба доходит до складов упредкома. Это была очень трудная задача. Мультатули опрашивал сопровождающих, некоторых работников упредкома. Весьма приблизительные результаты были очень неутешительными. Никак не выходило более 10-20% Остальное разворовывалось, рассыпалось, сгнивало.

Мультатули все больше утверждался в мнении, что летят только щепки, а леса нет. Но по наивности своей (материалов съездов и подлинников ильичевских декретов он тогда не читал) он полагал, что вохровские вожди не подозревают, какое положение сложилось в селе, на фабриках и заводах. Только через 40 лет Мультатули прочитал декрет, подписанный Ильичевым в 1-5 годах в. в. э., стенограммы IX и X съездов. Оказалось, что вохровские вожди прекрасно были осведомлены. Основные мероприятия по грабежу сельского и городского населения выполнялись в соответствии с декретами Ильичева.

«Блестящая» и невежественная эпоха военного коммунизма подходила к концу. В Поволжье царил лютый голод. В нищих степях ели человечину. Величайший из великих Ильичев говорил: «Мы не соблюли меры…». Была изобретена новая гениальная экономическая система – рестэп. Новизна заключалась в том, что в какой-то части хозяйства использовались старые экономические рычаги и регуляторы. Продразверстка заменялась продналогом. Была получена директива: возвращаться в штаб упятерки с продотрядами.

Громов со своим отрядом прибыл в Малаетры. Приятели встретились очень сердечно. Всласть поговорили о своих делах и приключениях. Мультатули рассказал о том, как он проводил Машеньку Чернину в Тирасград, и вспомнил ее последние слова.

Хотя Мультатули по-братски поделил остаток папирос и табака, перед тем как приятели разъехались, Громов уже курил местные козьи ножки. Бумагу заменяла высушенная пленка от кукурузных початков, а табак – какие-то местные сушеные листья. У Мультатули табачное изобилие тоже подходило к концу, так как его запасом пользовался весь отряд. На этот раз Громов угостил приятеля своей козьей ножкой, отвратительной и на запах, и на вкус. Но приходилось привыкать к этому зелью.

Надо было доставать лошадей для эвакуации отрядов приятелей в штаб упятерки – Цебриково. Для этого требовалось не менее 12 подвод. Для ускорения дела Громов предложил комбинацию. С первыми шестью подводами он уедет со своим отрядом в Гроссулово. Там лошадей побольше. Пока Мультатули в Малаетры будет набирать лошадей для своего отряда, он, Громов, наберет лошадей для двух отрядов в Гроссулово и оттуда они уже вместе поедут в Цебриково. Мультатули, восхищенный изобретательностью друга, конечно, согласился. Громов укатил со своим отрядом в Гроссулово. Через часов шесть туда поехал и Мультатули со своим отрядом. Он с лихорадочной поспешностью начал набирать лошадей в Гроссулово.

Когда Мультатули прибыл в Цебриково, он не нашел там Громова. Тот успел сдать свой отряд, получить назначение и укатить. Был уже вечер, сдавать отряд было некому, пришлось заночевать. Новое назначение членом волостной четверки Слободзейской волости Мультатули получил только на следующий день. Громов обманул своего приятеля и перегнал его на целые сутки. Мультатули был взбешен. Впервые его так подло обманули.

Но в любовных делах чести нет, и Мультатули пытался даже оправдать своего приятеля. Все-же он не собирался уступать сопернику. Против своего обыкновения он в разных траматах[i] потрясал мандатом и быстро продвигался. Лошадей гнал вовсю. Он почти нагнал Громова. Друг опередил его всего на один час. Но этот час стал судьбоносным. Громов был объявлен формальным мужем Машеньки Черниной. Мультатули, глубоко опечаленный, укатил в Слабодзею, расположенную недалеко от Тирасграда. Это было огромное село в четыре тысячи дворов, населенное наполовину валахами, наполовину малоскифами.

Наступил какой-то переходный период между продразверсткой и продналогом. Продукты у крестьян больше не отбирали. Выскребали остатки награбленного зерна и отправляли в парад. Конфисковывали бумажную романовскую валюту и серебряные вохрики. Председателем волчетверки был здоровенный веселый мазур в довольно «пожилом» возрасте: лет 26-28.

Через пару дней председатель предложил всем членам волчетверки в честь знакомства выпить. Снарядили в деревню Глинки человека. Оттуда привезли трехведерную бочку старого вина. Мультатули пьяницей не был, но, во-первых, у него была навязчивая идея – напиться пьяным. Он почему-то никогда не пьянел. Во-вторых, его обуревала любовная тоска и обида на приятеля. Он присоединился к компании.

До поздней ночи новые друзья из волчетверки распивали вино из одного огромного бокала – больше посуды не было. Бочку опустошили, но Мультатули так и не опьянел. Чем больше бокалов он выпивал, тем более четкими становились мысли и образы. А счет бокалам был уже давно потерян.

Перед глазами Мультатули стояла Машенька. Образ её становился всё милей и нежней…

Расходились поздней ночью. Хотя было выпито огромного количество вина, Мультатули не терял ясности мысли. Будучи только третий день в этом огромном селе, он сравнительно легко нашел дорогу к своему месту жительства. Правда, калитку все же найти не смог и полез через забор. Это обстоятельство заставило его заподозрить, что вино слегка подействовало.

Чтобы рассеять возможные, по его мнению, подозрения хозяина, Мультатули попросил графин вина. Хозяин нацедил ему из бочки и распил вместе с ним. От этого графина, наконец, зашумело в голове. Мультатули не помнил, как заснул. Но никогда в жизни – а жил он после этого достаточно долго – он не мог решить, был все-таки когда-либо пьян или нет.

---

i Трамат-отдел транспортно-материальной части.

Через пару недель Мультатули вызвали в Тирасград. При отъезде член волчетверки, который занимался финансовыми делами, что-то вроде «начальника» волфинотдела, бросил на подводу огромный мешок, отозвал Мультатули в сторону и сказал: «В мешке около миллиона романовской валюты, сдай в уездный финотдел».

На этот раз исполком быстро предоставил ему комнату. Мультатули из любопытства пересчитал валюту. Он никогда в жизни не видел такого огромного количества романовских денег в столь разнообразных купюрах. Оказалось не около миллиона, а миллион двести тысяч вохриков с лишним, в том числе много серебряных вохриков. А Мультатули удивлялся тому, что мешок с бумажными деньгами все же тяжеленек. Он сдал деньги в уфинотдел. Там их не пересчитывали и не попросили никаких документов. Мультатули только показал свой мандат члена волчетверки. Таковы были порядки в те идиллические времена.

Может быть, функционеры из уфинотдела присвоили эту валюту, а, может быть, ничего себе не взяли. Некоторые были кристально честными. Но случалось, что чиновники со значительным количеством ценностей перебегали в соседнюю Латинскую Кучумию – не в пример Остапу Бендеру, вполне благополучно.

Так, в Латинскую Кучумию бежал, захватив изрядное количество бриллиантов, золота и валюты, член уездной пятерки, бывший фельетонист «Нижневодской Почты» Диаболо. Зимой пограничную реку по льду переходили запросто только для того, чтобы достать на той стороне хорошее вино.

В упродкоме Мультатули получил новое назначение – районным контролером мельниц и маслобоек с базой в Петроверовке. Он пытался отказываться от столь почетного назначения, указывая, что мобилизован только на продразверстку, а продразверстка закончена – следовательно, его должны откомандировать в Нижневодск. Его возражения во внимание приняты не были. Ему разрешили только отпуск на несколько дней в Нижневодск.

В тот же день Мультатули зашел к Машеньке. Громов околачивался тут же. По-видимому, он был уже не только формальным мужем. А пара была хороша. У Громова и особенно у Машеньки проглядывало чувство виноватости. Оба всячески ухаживали за Мультатули. Машенька где-то достала и подарила обиженному претенденту кусок настоящего туалетного мыла – конечно, из распределителей, так как подобные редкости давно исчезли с рынка.

Мультатули угрюмо распрощался с приятелем и Машенькой. Больше никогда в жизни он их не встречал.

Вместе с куском туалетного мыла Машенька дала ему также и что-то вроде ордера в баню. Но ее подарок Мультатули сохранил. Он не мог позволить себе роскошь мыться столь драгоценным мылом. В бане ему выдали маленький кусочек полужидкого подобия мыла, который он и использовал.

На следующий день утром Мультатули ходил куда-то очень далеко в столовку для реализации выданных ему в упродкоме талонов на питание. Но поесть ему не удалось. Столовка была закрыта: очередной «санитарный» день. Мультатули побрел в противоположный конец города на вокзал. Там он узнал, что ближайший состав в Нижневодск уйдет не раньше чем через три дня. Мультатули решил пешком идти до станции Разлюли. До нее было километров шестьдесят, а в этот день Мультатули уже отшагал немало и вдобавок ничего не ел.

Отойдя от Тирасграда километров на пятнадцать, Мультатули почувствовал угрожающую пустоту в желудке. В деревню он заходить опасался, хорошо зная настроения крестьян. Однако голод не тетка. Вдали виднелись какие-то домишки. В одну из этих хат Мультатули зашел и обменял кусок туалетного мыла на краюху хлеба. Она его спасла от голодного обморока. Заодно он узнал, что идет не в сторону Разлюли и сделал напрасный крюк в десять километров. А отмахал он уже в этот день километров тридцать и предстояло преодолеть еще шестьдесят.

Краюху очень вкусного хлеба (тнуфа два) Мультатули тут же умял Сил прибавилось. Через пару часов совершенно стемнело. Чтобы не сбиться с пути, он нащупывал дорогу руками. Но в конце коцов решил, что заблудился. Ковылял по каким-то буграм. Силы были на исходе.

Ему казалось, что он идет неопределенно долгое время. Присел на мокрую землю. Было очень холодно, по-видимому, около нуля. Дул пронизывающий ветер. Темнота стала густой, черной. Звезд не было видно. Но Мультатули встал и вновь побрел. Шел он долго, совсем обессилел и опять хотел сесть на землю.

Внезапно впереди забрезжил слабый свет. Бодрости прибавилось. Мультатули пошел на свет. Далеко от этого становившегося все ярче света появились огни справа и слева. Мультатули решил идти в направлении более яркого центрального света. Шел он бесконечно долго. Наконец, увидел рельсы. Уже не было сил перешагнуть их! Мультатули переполз через все пути. Это была станция Разлюли.

Помещение оказалось битком набито. Были заняты не только все скамейки, но и вся площадь пола. С трудом Мультатули нашел свободный кусочек заплеванного, замусоренного пола. Он свалился на него и уснул как убитый.

Его разбудил сильный шум. Мешочники узнали, что готовят к отправке состав в Нижневодск. Мультатули чувствовал зверский голод. У него завалялось 500 вохриков. На эти деньги он купил поллитра молока, залпом выпил и кинулся на штурм. Уже когда поезд двинулся, ему удалось вцепиться в какую-то платформу. Он перебрался через живое месиво тел и сел на чей-то мешок. Через некоторое время мешок зашевелился. Это была закутанная в грязную холстину мешочница, которая в дороге заснула на четвереньках.

На этот раз Мультатули повезло. Шестьдесят километров этот стремительный состав пролетел всего за какие-нибудь сутки.

Дома его встретили, как воскресшего из мертвых. Все были уверены, что Мультатули убит. Старик-отец (ему было уже 46 лет) ходил в Валаховский райком справляться, жив ли его «мальчик». Там его высмеяли и пояснили, что «мальчик» – героический комиссар продотряда и шлет один эшелон хлеба за другим. А «мальчик» писем не писал. Ему было не до писем, да и почта функционировала довольно скверно.

Мультатули чувствовал себя, как в раю. Он искупался, одел чистое белье. Однако на второй день райские ощущения кончились. Все тело ломило, бил озноб. Тем не менее Мультатули обещал быть через три-четыре дня в Петроверовке.

Он взял свой неизменный мешок, вложил туда пару белья и полотенце. Мать старалась его удержать: «Ты же больной, весь горишь». Но Мультатули побрел на вокзал. Там мешочники атаковали очередной эшелон.

Ослабевший Мультатули не мог пробиться ни в один вагон, ни на одну платформу. Вдруг он заметил удивительную теплушку. Никто в нее не лез!

Оказалось, что в теплушке нет пола. От нее осталась посередине единственная доска. Мультатули животом лег на нее. Колеса мельтешили перед глазами.

Непонятно, как больной, весь горевший от жара перень не свалился под колеса. На остановке он все-таки вышел из этой теплушки и каким-то образом втиснулся в теплушку инвалидов – самых завзятых спекулянтов. Людей там было сравнительно мало, гораздо больше мешков с солью. На один из них Мультатули скромно уселся в углу и начал дремать. Тут инвалиды-спекулянты, которых сопровождали здоровяки, помогавшие им таскать мешки, рассмотрели попутчика и обнаружили, что у него в целости руки, ноги и он никого не сопровождает. Они подняли шум и решили выкинуть чужака из вагона.

Мультатули отступать было некуда. Он вынул наган: «Сейчас я вас гадов, спекулянтов убивать буду!». Инвалиды шарахнулись от него. Только после этого Мультатули предъявил им свой мандат.

Впоследствии Мультатули не мог понять, как попал в Постулово и оказался в чьей-то хате. Он смутно помнил, что какая-то сердобольная баба щупала его, приговаривая: «Ах, бедолага, бедолага», и прикрыла двумя полушубками. Мультатули пропотел и выздоровел. Он добрался до Петроверовки.

В Петроверовке Мультатули поселился в квартире ханаанского раввина. Положение у него создалось трудное. Во время проведения продразверстки Мультатули всегда жил у зажиточных крестьян-кулаков. Само собою разумелось, что кулаки должны его кормить, и кормили его неплохо. Ханаанский раввин сам недоедал, и Мультатули, конечно, не мог позволить себе еще более уменьшить скудный рацион чужой семьи.

Зарплаты Мультатули не выдавали, он так никогда ее и не получил. Да если бы и выплачивали положенные 3000 вохриков в месяц, он ничего не мог бы купить на эти деньги. Мультатули получал только хлебную карточку, по которой полагалось 400 гр. хлеба, и обеденную карточку, по которой давали немного кукурузной каши или кукурузного супа. Между тем он считался важным функционером. В его подчинении было около 30 мельниц и маслобоек в нескольких волостях. Управляли этими предприятиями контролеры. Они взимали плату натурой за размол и за выработку подсолнечного масла. Свою зарплату (те же 3000 вохриков в месяц) они никогда не получали и «кормились», как бояре-воеводы на своих воеводствах, короче говоря, присваивали себе часть муки и подсолнечного масла.

Предшественник Мультатули получал у каждого контролера 5 берков муки в месяц и какое-то количество подсолнечного масла. В результате его расстреляли.

У Мультатули положение было пиковое. При первом же обходе и объезде он увидел, что контролеры сильно злоупотребляют своим положением и присваивают значительные объемы муки и масла. Мультатули обучался у лучшего знатока бухгалтерии Государства Тмутараканского – Пшеницжина и сам был неплохим бухгалтером. Хотя отчетность велась контролерами примитивно и неправильно (в основном оформлялась только первичная документация), разобраться было нетрудно. Производительность мельниц и маслобоек была известна, работали они с полной нагрузкой. Недостачи по гирищевому сбору возникали огромные. Ведь контролеры должны были не только сами «кормиться», но «кормить» еще множество всяческого сельского начальства.

Обычно они, только увидев шествующего к ним Мультатули, лихорадочно начинали варить и жарить всяческую снедь. Отказаться от еды Мультатули не мог, так как, во первых, всегда был голоден, во вторых, считал неудобным отказываться.

Но, пообедав, Мультатули ничего «натурой» не брал и отклонял любые предложения и намеки на эту тему.

Контролеры, конечно, были убеждены, что новый районный контролер – большой хитрец и в конечном счете будет львиную долю брать себе – тем более, что в их махинациях он, как они поняли, прекрасно разбирался.

Мультатули испытывал тяжелую душевную драму. В те времена любые административные органы отличались незаурядной щедростью: на наказания не скупились, а основным наказанием был расстрел. Что он должен был сделать, если не хотел мириться со злоупотреблениями? Мультатули решил… сбежать.

Он попрощался с раввином. Сказал, что переезжает на другую квартиру. Взял все свое имущество – несменяемый мешок, в котором лежала пара уже истлевшего и завшивленного белья. Надел шинель и папаху. Был самый разгар теплой, чудесной весны. В шинели стало даже жарко. Чудесная погода располагала к приятным размышлениям. Тяжело было принять решение, но оно было принято и гора свалилась с плеч. Больше не надо обирать крестьян. Не надо ревизовать контролеров.

Внезапно Мультатули вспомнил, что то ли прошла, то ли должна наступить Пасха. И неудобно приехать из сельского района в голодающий город с мешком, который наполнен только истлевшим в гнидах бельем. Он решительно повернул к ближайшей мельнице.

Контролер испугался неурочного посещения. Он бледнел и краснел. Мультатули успокоил его. После того, как гость закусил, он велел контролеру насыпать берк муки. Контролер обрадовался: наконец-то Мультатули будет как все! Он заметался и приволок полный мешок муки. Берков пять. Мультатули высыпал три четверти мешка, попрощался с контролером и ушел.

Он вышел на дорогу и остановил первую же военную подводу. Хотя Мультатули выглядел оборванцем-мальчишкой, тон у него был важный. Все-таки в Милишты он считался царем и богом!

Красноармеец даже не требовал предъявления документа. «Куда едешь?» «В Яковку». «Поехали». Затем Мультатули поймал другую подводу. Утром он вышел в пригороде Нижневодска. Все было чудесно.

Он отдал матери муку. Родители были несказанно удивлены. Но Мультатули соврал, что муку получил законным образом. Несколько дней отсыпался, ел, гулял.

Затем отправился в горком. Там всюду пестрели плакаты: «Привет героям продработы!»; «Необходим плавный переход от продразверстки к продналогу»; «Шаг назад, два шага вперед»; «Рестэп – новая, гениальная ильичевская экономическая политика»; «Все силы на восстановление промышленности и сельского хозяйства!». Мультатули как «герою» продработы предложили работу во Внешторге. Кстати, многие стремились попасть в эту многообещающую организацию. Мультатули категорически отказался и просил послать его вновь крощиком табака на вторую постобработку. Туда его и направили через Валаховский райпартком.

Вновь Мультатули оказался в привычной для него обстановке среди старых приятелей. Встретили его шумно, с искренней симпатией. Но на распросы о причинах отсутствия он ничего не мог ответить. Правду рассказать не мог, лгать не хотел, поэтому отмалчивался.

Мультатули мучительно размышлял: как уйти из вохровской ячейки? В то время это было очень сложно, так как такое желание немедленно связывали с какой-нибудь оппозицией. Мультатули не примыкал ни к каким группировкам и вообще был весьма слабо осведомлен как о «платформе» оппозиции, так и о сути «демократического централизма» – он смутно представлял себе даже «генеральную линию» ильичевского ЦК. Доказать, что ты не верблюд, во все революционные времена было очень сложно. Мультатули было отчетливо ясно только одно: больше он не сможет быть в вохровской партии, в вохровской ячейке. Еще на продразверстке он понял: когда лес рубят, это может быть очень больно для «дровосека»....

За время отсутствия Мультатули на фабрике произошли кой-какие изменения. Рабочим надоело заниматься упаковкой табака и реализацией его в малинах. Они потребовали, чтобы легально выдавали один тнуф табака в день холостым и полтора тнуфа – семейным.

Как ни странно, администрация согласилась, так как при таком порядке можно было сэкономить большое количество табака.

Рабочие бдительно следили за такими как «Распутин». Это был более бдительный контроль, чем контроль обыщиков. Мультатули, будучи холостым, начал регулярно получать «тнуф» табака в день. Хотя последствия неурожая 5 г. и выполнение продразверстки «под метлу» уже начали сказываться, а хлеб сильно вздорожал, на зарплату – «тнуф» табака в день – можно было существовать и даже быть сытым.

Работа на табачной фабрике начала входить в более нормальную колею. В основном люди занимались работой, а не упаковкой, как ранее. Атмосфера на фабрике стала здоровой.

Однако, такое положение длилось недолго. Заправилы с Первой гостабфабрики узнали о том, что на Второй гостабфабрике рабочим легально выдают табак. В Райтабаке был поставлен вопрос о «легальном расхищении» государственного табака. Сформировали партийную, вохровскую фракцию Райтабака. Мультатули как «герой» продработы также делегировали на совещание этой фракции.

Разгорелись страстные споры. Большинство – главным образом администраторы, которые всегда «легально» получали жирные куши, – ратовали за прекращение «легального расхищения» табака. Администраторы Первой гостабфабрики угрожали довести до сведения столичного Хикова. Напрасно Мультатули объяснял, что один подписчик ножей первой гостабфабрики, который 10-15 раз в день выходит из крошильного цеха в механическую мастерскую, приносит в ведре, где ножи лежат в воде, в просмоленной тряпке, больше табака, чем «легально» выдают всем «топникам»[i] Второй гостабфа-

i Топник – крощик табака

брики вместе взятым. Напрасно он доказывал, что с тех пор как начали «легально» выдавать тнуф-полтора табака в день, производительность фабрики увеличилась в несколько раз при почти неизменном расходе табака.

«Легальную» раздачу табака решили прекратить. Рабочие заявили, что им нечем кормить семьи. Предупредили: они подождут три дня – если «легальная» выдача табака не будет возобновлена, они начнут «грузиться» так же, как и раньше.

«Легальная» раздача табака не была возобновлена. Количество обысчиков через три дня увеличили вдвое. Рабочие «нагрузились». Обысчики, получив от начальства соответствующие инструкции, приказали рабочим пойти «выгрузить» табак. Те силой прорвались. Возник громадный скандал.

Еще до этого Мультатули вышел проследить за развитием ситуации – конечно, без табака – и наблюдал, как рабочие прорвались. Его вызвали в вохровскую ячейку и учинили допрос с пристрастием. «Знал он, что рабочие будут «грузить» табак?». «Знал». «Если знал, что рабочие будут «грузить» табак, то почему как член вохровской партии не сообщил в ячейку?». Мультатули с возмущением ответил, что, во-первых, постановка вопроса – сущее лицемерие, так как рабочие предупредили, что будут «грузиться», а, во- вторых, если бы рабочие и не предупредили, он, Мультатули, все равно не сообщил бы, так как считает рабочих правыми. Они виноваты только в том, что не хотят умирать с голоду.

Ему грозно сказали: «Вы обязаны были сообщить, это Ваш партийный долг.» Мультатули гордо парировал: «Я не могу быть шпионом и не буду давать шпионские сведения о товарищах, с которыми работаю. Если это не совместимо с обязанностями члена партии, то возвращаю партийный билет». Так он стал беспартийным.

Разгласить эту вопиющую историю вохровскому начальству было неудобно. Мультатули оставили в покое. Скандал не вынесли за пределы фабрики. А вскоре и конфликт перестал был актуальным.

Эпоха военного коммунизма, разрушив народное хозяйство, породив чудовищный голод и нужду, в судорогах умирала. Начинал победное шествие столь же гениальный ильичевский рестэп. Был объявлен хозрасчет, и его усиленно внедряли. Расхищение категорически воспретили. За выполнение норм начинали платить папиросами.

За перевыполнение норм платили больше. Мультатули при норме в 8 берков, крошил в смену 12-14 берков табака и зарабатывал 6000 папирос в месяц. Был организован кооператив, который продавал эти папиросы. Когда выдавали деньги за эти папиросы, приходилось приходить на работу с чемоданом. Деньги совсем обесценились.

В получку Мультатули приносил целый чемодан денег. Однако и полный чемодан не спасал. Отец и мать почти ничего не зарабатывали. Ни щетки, ни модные платья никому не нужны были. Почти все горожане что-нибудь продавали, а покупателей почти не было. Если появлялся редкий покупатель-крестьянин, на него хищно набрасывалась орда продавцов. Мать и отец на тряпке, лежащей на земле, раскладывали по два десятка зажигалок, но покупатели, увы, не подходили. В холод и в дождь «старики» стояли со своим товаром с раннего утра до наступления темноты и при удаче продавали по две зажигалки.

Другие «промышленники» были более удачливыми. Каким-то образом проникала контрабанда: камни для зажигалок, сахарин. «Промышленники» кустарно варили мыло, которое плохо мылилось, наладили производство спичек, которые больше воняли, чем горели. Кустарно изготовляли упряжь. Такая продукция была более ходкой. Ее раскупали мешочники, которые в тот период начала блистательного рестэпа везли эти товары в более урожайные губернии.

Заработков родителей не хватало даже на 100 граммов хлеба для каждого члена многочисленной семьи. У Мультатули было пять сестер. Ему пришлось взять на себя заботу о родне.

Продавцов зажигалок было очень много – производителей, к счастью, меньше. Голод еще не достиг своего максимума. Зажигалки как-то покупали. Мультатули стал работать в две смены. До четырех часов дня он вкалывал на табачной фабрике, а с пяти часов дня до 12 ночи на тяжелом огромном ручном станке изготавливал детали для зажигалок.

К счастью, кооператив табачников умудрялся какое-то время выдавать по 2 тнуфа хлеба. Эти два тнуфа Мультатули уничтожал тут же, у крошильного станка.

Дома мать как основному кормильцу семьи отдавала ему львиную долю пищи. Пожалуй, это было правильно. Мультатули 15 часов в день работал очень тяжело. И на крошильном станке на табачной фабрике, и на токарном и фрезеровочном ручных станках кустаря-хозяина приходилось в весьма напряженном темпе выполнять очень тяжелую ручную работу. Спал Мультатули только шесть часов. Вроде бы он получал вдоволь пищи, но через несколько месяцев обессилел.

Его направили в дом отдыха. Как ни странно, в 5 г. в. в. э., в пору нарастающего голода, функционировали дома отдыха. Основными блюдами тамошней кормежки были всякие изделия из ячневой крупы. Суп — из ячневой крупы. Каша — из ячневой крупы. Пироги — из ячневой крупы. Котлеты — из ячневой крупы.

Мультатули как-то лежал в госпитале, который размещался на бывшей даче персидского шаха. По странной случайности дом отдыха размещался в бывшей городской резиденции того же шаха. Это было великолепное здание.

Поздняя осень 5 г. в.в.э. была очень хороша. Через неделю Мультатули отдохнул и оправился. После долгого перерыва в учебе он решил сдать неорганическую химию и начал усиленно заниматься. Мозес принес ему учебники. Однако сдать неорганическую химию Мультатули не пришлось. Он влюбился в симпатичную «хозяйку» дома отдыха Наденьку Середу. На этот раз Мультатули оказался более удачливым, чем на продработе. Милая Наденька отвечала ему полной взаимностью и дала отставку своему официальному жениху. Неорганическая химия была оставлена и забыта. Впрочем, и этот роман был совершенно платоническим...

Вскоре Мультатули вернулся на табачную фабрику. Зажигалки стали не нужны и Мультатули работал в одну смену, только на табачной фабрике.

Зима становилась все тяжелее. Хлеб совершенно исчез с рынка. Начались – в соответствии с хозрасчетом и рестэпом – массовые сокращения рабочих. Лошадям не давали околевать, их старались пожирать еще живыми. Если же какая-нибудь лошадь околевала на улице, голодные горожане набрасывались на добычу и от нее не оставалось даже шкуры. Появилось огромное количество истощенных, голодающих нищих.

Интеллигенция тихо вымирала в своих квартирах. Так, в доме, где проживал Мультатули, умерли с голода две семьи.

Мультатули как член домового комитета должен был принимать участие в захоронении умерших с голода. Как-то ему сообщили, что умерли живущий на первом этаже присяжный поверенный, его жена и сын – свободный художник. Мультатули зашел в эту пятикомнатную квартиру. Все полы были содраны. Топили половыми досками, их же меняли на хлеб и вареную кукурузу.

Отец и мать лежали в одной комнате вместе, а сын в соседней комнате. Все они были покрыты каким-то рваным тряпьем. По тряпью ползало много крупных породистых вшей.

В крайней комнате, около кухни, шло грандиозное пиршество. Три дочери присяжного поверенного не успели умереть с голода и в день смерти брата получили две посылки через колумбовскую организацию АРА. Они тут-же обменяли часть продуктов на керосин и достали примус, на котором жарили на кокосовом масле оладьи из белой колумбовской муки. Оладьи не дожаривались, и они их горячими заталкивали грязными пальцами в рот. По серым, чумазым исхудавшим лицам девушек разливалось неизъяснимое блаженство.

На фабрике уже давно перестали платить натурой. Оплата производилась дензнаками – товарными вохриками, котировка которых менялась ежедневно.

Чемоданы еще туже набивались вохровскими обесцененными деньгами. Получая астрономические суммы, рабочие и их семьи жили впроголодь. Население Нижневодска вымирало от голода и тифа.

Однажды, в январе 6 г. в.в.э., Мультатули утром шел на работу. Около фабрики, прислонившись к стене дома, стояло странное человеческое существо. Невозможно было определить его пол. Обтянутый высохшей кожей череп, глубокие глазные впадины с уже мутными зрачками, протянутая костлявая рука, еле шевелящиеся губы. Мультатули разломил кусок хлеба и большую часть вложил в костлявую кисть. Когда он возвращался с работы, фигура сползла по стене в сидячем положении. Кусок хлеба был крепко зажат в тощей мертвой кисти...

На фабрике не стало дензнаков. Фабричные рабочие начали также потихоньку вымирать. Каждую неделю в среднем двое рабочих или членов их семей умирали с голода.

Положение семьи Мультатули тоже было не из веселых. Продавать было почти нечего. В феврале Мультатули сказал старшей сестре, что если он не достанет денег, то продаст свою энциклопедию. Все же Мультатули ухитрился занять у приятелей. Довольный, что можно пока не отдавать за бесценок энциклопедию, он возвращался с работы. В крайней комнате весело трещала буржуйка. Сестры засовывали в печку сухие кукурузные кочерыжки и варили мамалыгу. Одновременно доедали кусочки черного клейкого хлеба. Когда Мультатули вынул деньги, сестры виновато на него смотрели. Все тома энциклопедии они уже продали. Нормальная стоимость пищи, приобретенной за нее, была раз в пятьсот меньше ее действительной стоимости.

Мультатули был взбешен. В это время послышался шум в передней. Мультатули пошел туда. Здоровенный матрос, которого вселили еще пару лет тому назад в квартиру провизора на первом этаже, забивал дверь уборной. Мультатули предложил ему убраться.

Матрос поднял молоток. Впервые в жизни Мультатули разъярился настолько, что потом ничего не помнил. Когда он пришел в себя, увидел, что сестры повисли на нем, а руки в крови. Ему рассказали, что он схватил матроса, пробил его головой две двери и вышвырнул на лестницу. Матрос пролетел один марш, вскочил и удрал. Руки Мультатули поранил о стекла.

На фабрике продолжались волнения. Все выручаемые от продукции средства расходовались на приобретение картонных бобин и гильзовой бумаги, а рабочим зарплаты не выдавали. Это было торжество рестэпа. Но издыхающая система военного коммунизма превращала положительные свойства рестэпа в отрицательные. Рабочие не могли и не хотели вникать в тонкости водораздела между двумя экономическими системами. Они попросту не хотели умирать.

После «знаменитого» инцидента с разгрузкой табака престиж Мультатули на фабрике вырос. Делегаты всех отделений решили посоветоваться с Мультатули. Решено было начать забастовку. В 12 часов дня вся фабрика остановилась. Одновременно были остановлены все станки.

Для администрации, заводского комитета и вохровской ячейки забастовка была полной неожиданностью. Среди бела дня все рабочие разошлись по домам. Остались только вожаки и в их числе Мультатули. На этот раз «делегаты» были избраны не по самой демократической вохровской системе. Рабочие выбрали тех, кому они доверяли.

Как ни странно, эти представители коллектива были признаны администрацией и сверхдемократическим «избранным» Завкомом.

Для переговоров «делегаты» просили Завком обратиться к Мультатули. Он, мол, студент и более грамотный.

Администрация и Завком объяснили, что если использовать выручку для выдачи зарплаты, то не на что будет купить материалы и фабрика вовсе остановится. А если фабрика закупит на всю выручку картон и гильзовую бумагу, то дальнейшей выручки будет хватать и на выдачу зарплаты, и на закупку материалов.

Мультатуми возразил, что в «дальнейшем» некому будет выдавать зарплату, так как все рабочие умрут с голода. А вообще говоря, даже если не будет материалов для изготовления гильз, фабрика сможет вырабатывать табак в пачках, поскольку имеется еще запас табака на несколько месяцев.

Зарплата была выдана на следующий день. Вместе с тем фабрика не прекратила выпуск папирос. Историю с забастовкой замяли. В ближайшее «сокращение штатов» все «делегаты», включая Мультатули, были уволены.

Мультатули превратился в безработного-льготного. Такие безработные отличались от не льготных тем, что получали в те времена через профсоюз один раз в месяц, а подчас один раз в два месяца 1 тнуф подсолнечного масла и 10 тнуфов черной муки.

Положение семьи Мультатули стало почти безнадежным. Голод в Нижневодске усиливался.

Хавейрим Кдойшим.[i] 1922 г.

У Мультатули не было времени для раздумий. Две семьи в доме умерли от голода.

Он страшился того, что следующими жертвами станут члены его семьи. Ожидание отдельной теплушки для безработных-льготных могло закончиться трагически. Стоит только немного обессилеть – и неуклонно идешь на дно. А дно означало восемь трупов, покрытых дерюгой, по которой будут ползать большие, породистые вши.

Мультатули ежедневно отправлялся на лиман и натаскал шесть мешков соли.

Затем он сколотил компанию безработных-льготных. Эта компания атаковала маршрут и захватила даже классный вагон, который направлялся в Веик. Мультатули с самого же начала не повезло. Помогал ему втаскивать мешки приятель по табачной фабрике Розенфельд, бывший вояка, побывавший в Первую мировую войну в плену у гуннов. Он признался, что его семья (у него уже были детишки) голодает. Пришлось поделить соль по три мешка на брата. Это сразу же вдвое уменьшило будущий объем намеченных продовольственных запасов.

На полдороге к Веику, в Межеринке, ребята уговорили Мультатули сойти. Мол, все равно только три мешка соли – сомнительно, чтобы в Веике удалось достать отдельный вагон. С двумя мешками муки, которые получишь за три мешка соли, можно забраться в любую теплушку или платформу.

Поселился Мультатули на Графской улице, платил солью за постой, за соль же весьма скупо покупал хлеб. Выменял соль на два мешка муки. Ребята, которые уговорили его сойти в Межеринке, куда-то исчезли, и Мультатули, пытаясь в одиночку тащить два мешка муки, конечно не мог забраться ни в один «мешочный» поезд. За две недели он съел мешок муки и с последним мешком влез, наконец, на открытую платформу.

Приехал он вовремя. Его сестрам и «старикам» уже нечего было есть. Но до нового урожая привезенного запаса не хватило бы, а возможность поступить на работу была весьма эфемерной для любого безработного-льготного и особенно для Мультатули. По-видимому, о его «художествах» сообщили и в союз, и на Биржу труда. Да и поступление на работу не давало бы возможность прокормить восемь человек. Единственным спасением семьи был только отдельный вагон, в котором Мультатули привез бы мешков шесть-восемь всяких продуктов, во всяком случае не менее 30 берков.

На этот раз ему «повезло». Дали отдельную теплушку. В ней поехали 35 безработных-льготных, все с табачной фабрики. Ехал также закадычный приятель Мультатули – Гейер, работяга, здоровенный и верный малый.

Друзья взяли по десять мешков соли. Мультатули прихватил еще несколько десятков зажигалок и последнее материнское имущество – изящные маленькие золотые часики. Решили ехать в единственный тогда урожайный район – Скольнецкую губернию.

В самом начале пути заболели двое. Впоследствии выяснилось, что у одного был сыпной тиф, а другой свалился уже вторично.

Больных положили на тряпье в середине вагона. Сразу стало тесно. Мешки с солью раздвинули в обе стороны от больных, и куча мешков выросла ввысь. Чтобы не запутаться – где чье добро, пришлось

i В переводе с древнеханаанского – «святые ребята» (примечание автора).

метить все мешки. Выходить и входить было очень трудно. Но покидать теплушку надо было. Вскоре проблемы заставили выходить часто. Вши оказались очень плодовитыми и размножались ужасающими темпами. Приходилось по нескольку раз в день выбираться и разоблачаться на морозе догола. Самые изобретательные спутники предложили уменьшить поголовье вшей замораживанием, то есть зарывать верхнюю одежду и белье в снег. Но вши оказались морозостойкими, а объекты их питания – безработные-льготные мешочники, которые питались хуже вшей, отнюдь не были столь закаленными. Оставалось просто стряхивать этих разбойных вшей, а особенно упорных брать под ноготь.

Впрочем, Мультатули это мало помогало. По-видимому, он был лакомым блюдом для этих паразитов: как только входил в вагон, ссыпав бедолаг-вшей на холодный снег, новые толпы насекомых вновь набрасывались на него.

Через дней десять отдельный вагон-теплушка прибыл на место, в городок Мережня.

С больными оставили одного безработного-льготного, который должен был выполнять роль сиделки. Остальные три десятка приехавших взяли часть соли этих троих, и все разъехались по деревням менять соль и прочую рухлядь на продукты питания.

Соль брали охотно. За берк соли давали 3–5 берков муки.

Мультатули удивлялся тому, как быстро он окреп. Тащит 5 берков муки, а совсем легко. Скоро разъяснилась загадочная причина его возросшей силы. Мешок с мукой крестьяне взвешивали на ручном безмене. И обманывали ровно вдвое. В самом начале Мультатули надули на 5 берков муки. Мультатули пытался напугать «обманщиков», пригрозить наказаниями.

Но времена продразверстки миновали. Мультатули был уже не комиссаром продотряда, а рядовым мешочником. 5 берков муки ему не вернули. Все же и с учетом этого обмана, и уплаты (солью) за проезд в обе стороны Мультатули привез в отдельный вагон-теплушку огромное по тем временам богатство – 30 берков продовольствия. Точнее говоря, это было ничем не измеримое богатство: жизнь восьми близких людей.

В вагоне стало невероятно тесно. Мешки громоздились до крыши вагона. Внизу лежали и бредили больные Наверху в самых неудобных позах впритык друг к другу сидели здоровые. Несмотря на удачный обмен с крестьянами все очень экономили продукты, чтобы привезти побольше домой. Добирались назад две недели.

Хотя условия путешествия нельзя было назвать комфортабельными, у больных наступил кризис, и ко всеобщему удивлению они выздоравливали.

Но главные трудности были впереди.

В Нижневодске вагон загнали на какие-то резервные пути. Пришлось дать в «лапу» железнодорожному начальству, чтобы получить пропуск и возможность выехать со станции Товарной. Полагалось платить тнуф с берка за транспорт. Но сложней всего было поладить с грузчиками. Они организовали «синдикат» и требовали по 5 тнуфов с берка, то есть одну восьмую с таким трудом добытого продовольствия. Хотя таскать мешки надо было до шоссейной дороги метров 800, добытчики начали сами переносить мешки на нанятый транспорт. Пришлось ставить охрану у вагона и у машины. Тем не менее озлобленные грузчики порезали много мешков. Когда же все мешки перетащили на машину, собралась чуть-ли не сотня грузчиков, которые требовали той же мзды, то есть 5 тнуфов с берка, хотя они ничего не носили и только резали мешки. Дюжие мужики грозили забрать всё, и пришлось отдать то, что они требовали, и даже больше.

Вместо 30 берков, которые Мультатули наменял, домой он привез только 20 берков. Но этот груз он весело, бегом вносил на третий этаж, не зная, что в семью ворвалась... новая беда.

Шурин Леня тоже ездил за продуктами, но вместе с добычей привез сыпно-тифозных вшей и сам заболел. Он заразил свою жену Белу, старшую сестру Мультатули. Когда тот втаскивал свои мешки, Бела металась в жару и бредила.

Это был конец. Бороться и с голодом, и с тифом было невозможно. Вскоре заболела мать, за ней следующая сестра, затем отец и одна за другой остальные три сестры, строго по старшинству!

Особенно тяжело болел отец. У него были осложнения, и он каждые пять минут мочился. Несколько недель был без сознания. Когда он мочился, его с чудовищной силой подбрасывало и около него надо было сидеть непрерывно. Пришлось нанять сиделку и платить ей драгоценной мукой. А мука и впрямь была драгоценной. Тнуф муки оценивался почти в 1 вохрик золотом.

Кривая голода достигла максимума.

Пришлось еще платить драгоценной мукой медсестре, которая должна была по назначению врача делать отцу каждые четыре часа уколы.

Мультатули не помнил, как прошли пять месяцев. Он почти не спал. Надо было доставать лекарства, менять продукты на необходимую больным особую пищу, по двенадцать часов ухаживать за отцом – главным образом ночью, так как сиделка дежурила только днем. Кроме того доставать любую мелочь можно было только днем.

Помнил Мультатули только один эпизод. Остался последний мешок муки. А впереди еще была болезнь трех младших сестер. Вторая сестра и мать, правда, уже поднялись, но и у них были осложнения. Они были не совсем в себе, а отец – без сознания. Многочисленное семейство Мультатули разваливалось. Каждый самостоятельно старался выжить.

Мультатули решил вместе со своим двоюродным братом использовать последний мешок муки для выпечки хлеба. У двоюродного брата была печь.

Пекарями они оказались неудачливыми. Хлеб получился клейкий, неудобоваримый. Только благодаря всеобщему голоду удалось этот несъедобный хлеб продать, но с большими потерями.

Еще Мультатули помнил трагикомический случай.

Когда остатки последнего мешка подходили к концу, Мультатули получил в профсоюзе один тнуф подсолнечного масла и 10 тнуфов муки. Эти припасы он запер в буфет, ключ от от которого зачем-то отдал матери, хотя и знал, что она совсем ненормальна. Вообще, мать как будто подменили. Она всегда была миловидной, полной, чистоплотной женщиной. После выздоровления превратилась в скелетообразное существо, одета была в какие-то лохмотья, которые подвязывала веревкой. На голове во все стороны торчали свалявшиеся лохмы волос…

Когда Мультатули вернулся, вторая сестра, которая, выздоровев, тоже была слегка ненормальна, пожирала колбасу с белым хлебом. Буфет был открыт настежь. Последний запас исчез! Оказалось, что сестра в тяжелом душевном состоянии проявила хитрость: выманила у матери ключ от буфета, подсунув ей вместо него гвоздик.

Мультатули предупредил сиделку, что больше ему платить нечем. Сестра Мультатули, та самая, которая уничтожила последний паек, грубо обругала его: «Что же ты думаешь, я буду сиделкой у отца? Ты хочешь меня эксплуатировать?» Мультатули охватило бешенство. Рассказывали, что он завопил, как бешеный зверь, изо рта потекла слюна, он кинулся к сестре, опрокинул стол. Перепуганная сестра забилась в угол комнаты… Когда Мультатули опомнился, он крепко держал мать – по-видимому, хотел ее отшвырнуть, а сзади на нем повисла тетка, которая случайно зашла.

Положение было катастрофическим…

На следующий день Мультатули получил посылку из АРА, а через день еще одну. На этот раз ключ от буфета он хранил как зеницу ока, больше не доверял ни матери, ни сестре. Старшая сестра ушла к мужу.

Мультатули сам пек оладьи, сам варил маисовую кашу и мизерными порциями распределял пищу. Отец был уже в сознании. У младших сестер кризис миновал. Все были слабые, исхудавшие. Мультатули, хоть и не болел, выглядел не лучше.

Как Мультатули ни растягивал американские дары, они пришли к концу.

Наступил день, когда у Мультатули остались 20 тысяч вохриков, а тнуф хлеба стоил 200 тысяч. Уже давно наступило ласковое лето голодного года.

Но до сбора урожая было еще два месяца. Денег оставалось только на покупку 40 граммов черного хлеба. Мультатули твердо знал, что ему нельзя ослабеть. Казалось, опять пришел конец. Квартира стала пустой, продать было нечего. На 20 тысяч вохриков Мультатули купил тнуф жмыхов (макухи).

Он шел в задумчивости по солнечным кварталам Нижневодска и грыз макуху. Встретил коллегу по институту. Разговорились. У знакомого тоже все домочадцы болели сыпным тифом и умирали с голоду. Но теперь он нашел заработок. На хлеб хватает. Собеседник почему-то смущался и не объяснял, как он «зарабатывает» Наконец, решился и объявил, что он стал «святым парнем»!

В тот период чудовищного голода все же существовали состоятельные ханаанцы: спекулянты, всяческие «промышленники», люди, сумевшие сохранить золото и драгоценности, воры, а также функционеры, которые пристроились к разным продовольственным учреждениям. Многие из них в какой-то степени были религиозны и хотели хоронить своих близких с соблюдением всех обрядов, через Погребальное Братство.

Лошади в Погребальном Братстве все передохли, и погребальная колымага мирно пылилась в сарае. Бывшие «святые ребята», которые в «добрые старые времена» в траурных фраках вели под уздцы лошадей, украшенных траурными черными султанами, теперь сами стали подрядчиками. Они нанимали от себя четырех «святых ребят», которые заменяли лошадей. Этот квартет, наряженный в траурные фраки, конечно, не запрягался в колымагу вместо лошадей. Парни таскали тяжелые носилки, на которых устанавливали гроб, покрытый траурным покрывалом. Все это хозяйство весило до 10 берков.

На каждое плечо приходилось два с половиной берка. Ходить надо было медленно, торжественно. До ханаанского кладбища такое шествие продолжалось три-четыре часа.

Бывшие «святые ребята» разбогатели. С клиента они драли 20 миллионов вохриков, а четырем нанятым «святым ребятам», заменявшим к тому же лошадей, платили 5 миллионов вохриков на всех. Это была чудовищная эксплуатация. Но новоиспеченные «святые ребята» считали, что им повезло. На 1,25 миллиона вохриков можно было купить 5 тнуфов хлеба. По тем сверхголодным временам – грандиозный заработок!

Мультатули ликовал: есть выход и из безнадежного положения. На следующее утро он полетел в Погребальное Братство на Треугольную улицу. На ходу дожевывал остатки макухи. Но радость была преждевременной. Около сорока новых «святых ребят» организовали «синдикат» и не пускали посторонних в свой бизнес. Протекция коллеги, уже состоявшего в этом «синдикате», не помогла.

Проторчав напрасно целый день, голодный Мультатули ушел ни с чем. Выздоравливающие домочадцы и двое больных младших сестер в этот день ничего не ели. Еще один такой день – и Мультатули начнет терять силы, а там…

Все же на следующий день он медленно, безо всякой надежды, побрел в Погребальное Братство. Но Мультатули родился в «рубашке» Всю жизнь ему необычайно везло. В тот день под давлением всемогущих подрядчиков «могучий синдикат» рухнул. Подрядчики начали набирать новичков на свое усмотрение. Но Мультатули им не приглянулся: слишком он был тощим. Работодатели сочли, что он два с половиной берка не сможет несколько часов держать на плечах. Неожиданно у Мультатули обнаружился знакомый – слесарь, с которым он некогда работал у промышленника, производившего зажигалки. У этого парня дядя был подрядчиком в Погребальном Братстве.

Парень заверил дядю, что Мультатули только с виду невзрачен, но силен, как конь. Подрядчик нанял Мультатули нести очередного «судака»[i].

«Святые ребята» поставили Мультатули как новичка впереди. «Судака» носят ногами вперед. Центр тяжести ближе к голове, и считается, что сзади тяжелее. Через два квартала ручка носилок начала врезаться в плечо Мультатули. Он не мог представить, как можно терпеть эту острую боль еще три часа. По неопытности Мультатули совершил две ошибки: во-первых, не подложил подушечки на плечо,

i «Святые ребята» называли покойников «судаками» (примечание автора).

во-вторых, не пошел сзади, где ему легче было сменить плечо. Но бросить гроб значило вызвать невероятный скандал и не получить больше эту выгоднейшую работу. Потеря заработка сулила голодную смерть для него и многочисленной семьи.

Еще два часа Мультатули терпел эти муки, но у Чумки, недалеко от второго Ханаанского кладбища, не выдержал. Из-за отсутствия навыка он вместо того, чтобы наклонить голову и перевести плавно ручку носилок с одного плеча на другое, уже из последних сил, не сгибая головы, приподнял ручку над головой с намерением сменить плечо. Носилки наклонились, и гроб начал скользить вниз! Еще мгновение – и произошла бы катастрофа. Рослый «святой парень», шедший сзади, успел одной рукой подхватить гроб и не дал ему упасть. Подрядчик ничего не заметил.

Хотя Мультатули страшно устал, он весело волок носилки и покрывало обратно в Погребальное Братство. Подрядчик тут же рассчитался. У Мультатули в кармане лежали 1,3 миллиона вохриков. Эта громадная сумма денег была эквивалентна 5 тнуфам хлеба.

Мультатули был посвящен в «святые ребята» и получил траурный фрак. Со стороны он выглядел чучелом гороховым: траурный фрак, стертые матерчатые тапки, какое-то отдаленное подобие головного убора – и все это напялено на тощее скелетообразное существо. Но в те благодатные времена юной, прекрасной вохровской эры, это никого не удивляло.

Все же положение Мультатули было великолепное, заработок был верный. В городе к тифу прибавилась холера. Даже тогдашняя состоятельная элита несмотря на хорошее питание уберечься от эпидемий не могла. Поэтому количество «судаков» не убывало, а прибывало. Мультатули часто имел по два клиента-«судака» в день: 2,5 миллиона вохриков. Хлеб оставался необычайно дорогим, а появившаяся на базаре зелень была относительно дешевой. Удавалось почти досыта кормить семью.

Жизнь снова улыбалась Мультатули. Но были кое-какие трудности. Свирепствовала июльская жара. А у Мультатули была только видимость тапочек. Матерчатые подошвы давно протерлись, и раскаленная мостовая жгла ступни.

Мультатули не мог решиться за счет еды купить обувь. Не хотел он и тащить холерных «судаков», хотя за них платили дороже – 2 миллиона вохриков. Правда, их нужно было носить подальше – на Слободку.

Как-то Мультатули вместе с другими «святыми ребятами» отправился с носилками на квартиру брать очередного «судака» На этот раз в соответствии с очередностью Мультатули и еще один «святой парень» должны были класть «судака» в гроб. После того как они погрузили труп, им дали раствор сулемы, чтобы помыть руки. Мультатули понял, что он попался! Некоторые не в меру религиозные клиенты желали, чтобы их дорогой покойник-«судак» был захоронен на втором Ханаанском кладбище. А дорогой покойник умудрился умереть от холеры, и его следовало хоронить на Слободке. Кладбище на Слободке тогда не считалось «религиозным» Родственники давали врачу и подрядчику солидную взятку.

Врач выписывал справку, что покойный умер не от холеры, а от склероза мозга, и счастливый «судак» имел возможность быть захороненным на втором Ханаанском кладбище. Подрядчик не посвящал «святых ребят» в эту операцию.

Мультатули здорово испугался. Ночью ему все казалось, что у него начинаются холерные колики. Но все же утром он встал и почувствовал, что «колики» не усиливались. На самом деле ничего не болело. Мультатули махнул рукой и начал таскать холерных. Все же прибыльней: 2 миллиона вохриков с трупа.

Но неблагодарный Мультатули уже уставал от «судаков». Особенно ему опротивело это занятие после не совсем обычного случая.

Августовское солнце пекло вовсю. «Судаков» поубавилось. В тот день к двум часам дня у Мультатули еще не было почина.

В это время во двор притащили огромный гроб. Подрядчик предложил Мультатули и другим «святым ребятам» взять носилки, этот огромный гроб и пойти на Успенскую улицу брать «судака». По-видимому, «судак» был мужчина огромного роста. Но они еще ничего не заработали – выбора не было.

«Судак» оказался умершим врачом, который в жару уже две недели лежал в морге. Закаленные «святые ребята» чуть не задохнулись, когда зашли в морг. Тут только они поняли, почему заказан такой огромный гроб. Покойник невероятно распух. «Святые ребята» привычным жестом взялись за руки и ноги «судака», чтобы вложить его в гроб. Но не тут-то было. Рука покойника – собственно не рука, а какая-то слизь – отделилась от туловища покойника и оказалась в руках Мультатули!

Мультатули и его товарищи задыхались от смрада. Они отказались вкладывать в гроб этого необыкновенного покойника. Сторож морга за 2 миллиона вохриков взялся один упаковать эту кучу разложившейся гнили.

Мультатули пришлось идти сзади. Ветер дул в лицо. Он задыхался от того же смрада, что в морге. Мультатули предложил своим товарищам бежать со страшной поклажей. Так они и добежали до кладбища.

В тот день подрядчик предложил понести еще одного холерного «судака», на Слободку. Мультатули отказался.

Подрядчик вообще смотрел на него косо. Узнав у племянника, что Мультатули студент, подрядчик стал сватать ему дочь. Давал огромное по тому времени приданое, сулил взять на полное содержание до окончания института. Мультатули поблагодарил за честь и почтительно отказался, объясняя свой отказ тем, что раньше должен выдать замуж четырех своих младших сестер… Он дипломатично уверил подрядчика, что дочь его ему очень нравится.

После отказа от сватовства и нежелания нести холерного «судака» положение Мультатули в Погребальном Братстве стало безнадежным. Подрядчик его на работу больше не брал.

Мультатули и три других «святых парня» попытались конкурировать с подрядчиком, запрашивая за доставку тела гораздо меньше. Несколько «судаков» им удалось отбить у него. Но родственники «судаков» не были уверены в том, что их дорогие усопшие удовлетворятся тем, что их просто таскают в гробах, без фраков, без носилок и без траурного покрывала. Да и «судаков» становилось меньше. Эпидемии тифа и холеры шли на убыль.

Хлеб нового урожая дешевел не по дням, а по часам. Население Нижневодска уменьшилось с 620 тысяч до 280 тысяч и не имело тенденции к дальнейшему сокращению. Система рестэпа набирала силы.

Карьера Мультатули – «святого парня» закончилась.

Коллектив пролетарского студенчества, или завершение учебы. 1922-1924гг.

Семья понемногу воскресала. Первой окончательно выздоровела мать. Психоз – последствие сыпного тифа – прошел. Она вновь, как всегда, стала аккуратной и опрятной. Больше не подвязывалась веревочкой, починила и заштопала свои лохмотья. Нанялась на поденную работу швеей.

Вскоре выздоровел и отец. Он стал надомником.

Кое-кто из щеточников пережили и голод, и сыпной тиф. Более того, они смогли приспособиться к условиям рестэпа. Сохранив какие-то остатки своего имущества, вновь организовали производство щеток. Они то и были работодателями. Для них на дому отец перерабатывал конский волос. Он трудился в сарае, находящемся в подвальном этаже флигеля, на третьем этаже которого жила вся семья. В сыром сарае при свете керосиновой лампы 12 часов в день отец на огромном гребешке прочесывал и смешивал конский волос, изготовляя полуфабрикат для щеток.

Старшая сестра Бела с мужем уехали в более хлебные места. Вторая сестра Настя уехала учиться в Хаков.

Семья была вырвана из костлявых объятий голода и сыпного тифа и избежала участи многих семей Нижневодска, которые отправились прямым путем к праотцам.

Забота о спасении родных свалилась с плеч Мультатули. Он мог спокойно закончить свою блистательную карьеру носильщика мертвецов. В последний раз, года за два до этого, Мультатули сдавал физику, и с тех пор не появлялся в Политехническом институте. Когда он, наконец, в сентябре 6 г. в.в.э. пришел туда, то узнал, что еще год назад был отчислен с третьего курса механического факультета.

Это было достаточно грустное сообщение. Мультатули объяснили, что ему вновь следует подавать заявление о приеме. С учетом сданных зачетов он может быть зачислен на третий курс механического факультета. Но… к заявлению ему следует приложить 10 миллионов вохриков. Такую сумму Мультатули получал за девять похороненных мертвецов, но так как карьера носильщика мертвецов закончилась, эта сумма была непомерно большой. От всех прошлых фантастических заработков в «мертвецкой» промышленности у Мультатули оставалось не более полумиллиона вохриков. Впрочем, освобождались от огромного взноса абитуриенты, которые получали командировку в Институт от профсоюза.

Безработный-льготный Мультатули состоял членом профсоюза «Пищевкус». Туда он и направил свои стопы. Но, увы! В профсоюзе ему объявили, что, во-первых, командировки выдают только абитуриентам, поступающим на первый курс, а отнюдь не на третий, и, во-вторых, командировки в Политехнический институт на этот год уже исчерпаны. Итак, дорога в Институт из-за отсутствия 10 миллионов вохриков была для Мультатули закрыта.

Он еще раз попытался потолкаться в канцелярии Политехнического института. Однако от этого положение ни на йоту не изменилось. Обескураженный Мультатули в последний раз выходил из здания бывшего Института благородных девиц, в котором размещался Политехнический институт. Около ворот на стене было наклеено большое объявление. В нем сообщалось, что химический факультет Политехнического института выделяется в отдельный Институт общей и прикладной химии. Посчитав, что это объявление никакого отношения к нему не имеет, Мультатули угрюмо брел по Старопортофранковской улице.

Внезапно у него возникла гениальная мысль. Он воскликнул: «Эврика!» и бегом помчался обратно в Институт. Мультатули давно намеревался перевестись с механического на химический факультет, но из-за того, что был занят вначале революцией, а затем мертвецами, такой план не осуществил. Теперь можно было вплотную приступить к этому и вместе с тем разрешить неразрешимую проблему взноса в 10 миллионов вохриков.

В канцелярии Политехнического института ничего не знали о положении с командировками в Институт общей и прикладной химии. Получив адрес канцелярии этого Института, Мультатули поспешил туда. Там он узнал, что, во-первых, профсоюз «Пищевкус» никого еще не командировал в Институт общей и прикладной химии, во-вторых, профсоюз может командировать туда любого абитуриента, если пожелает, и, наконец, в-третьих, Мультатули может быть условно зачислен на второй курс, если в ближайший месяц сдаст неорганическую химию. Все зачеты, сданные им на механическом факультете, останутся в силе.

В профсоюзе «Пищевкус» ничего не было известно о появлении нового Института общей и прикладной химии, однако командировку после долгих объяснений безработный-льготный Мультатули получил и был условно зачислен на второй курс нового заведения.

Дома было слишком шумно. Выздоровевшие младшие сестрицы, как голодные галчата, целый день пищали. Писк особенно усиливался, когда отец трижды в день распределял среди изголодавшихся детишек пищу (мать пропадала на поденщине).

Мультатули переселился к своим товарищам по табачной фабрике – братьям Гейер. Сожительство с ними было выгодно для обеих сторон. Братья Гейер жаждали знаний, которые Мультатули в меру своих сил вдалбливал в них, а Мультатули получал кров и даже пищу.

Гейеры были целый день на работе, и Мультатули мог в полном уединении заниматься. Вскоре была сдана неорганическая химия. Мультатули допустили к практическим занятиям по качественному ана-

лизу (аналитическая химия). Это было связано со значительными затруднениями. В 7 г. в.в.э. лаборатория качественного анализа в институте не отапливалась. Газ был выключен. Химические реактивы и химическая посуда не выдавались. Студенты были вынуждены приносить свои примусы, свой керосин, приобретать специальную посуду и реактивы. Ассистент заведующего кафедрой аналитической химии, который руководил лабораторией качественного анализа, давал студенту в стаканчике очередную смесь химических веществ, а тот должен был определить все вещества в этой смеси. Таких задач надо было решить около тридцати.

Ассистента совершенно не интересовало то, что лаборатория не отапливалась, что отсутствует газ и нет реактивов для качественного анализа тех смесей, которые он давал студентам. Его интересовало только правильное определение веществ. До тех пор, пока студент не отвечал правильно, следующая задача ему не выдавалась.

Для тогдашней учебы требовались деньги, деньги и деньги. А их у Мультатули не было. На бирже труда безработных льготных и нельготных становилось все больше. Кроме того Мультатули состоял, по-видимому, в черном списке и на постоянную работу не мог рассчитывать. Да он и не мог совместить постоянную работу с работой в учебных лабораториях. Однако Мультатули не утрачивал изворотливости. Он сумел попасть на «общественные работы».

Получившим такие направления поручили разобрать Нижневодское здание Таможни и камни-шестерики отнести на 700–800 метров по горизонтали и на 30–40 по вертикали. В конце пути следовало подняться по высокой лестнице. Задание было установлено в 20 камней-шестериков. Безработные таскали по одному камню и брели довольно медленно. Мультатули таскал по 2–3 камня почти бегом. Задание он отрабатывал за 2–3 часа и бегом мчался в лабораторию.

Получали безработные-льготные за эту работу 1,5 миллиона вохриков. Половину денег Мультатули тратил на реактивы и керосин, а половину на пищу. На 750 тысяч вохриков можно было купить примерно килограмм хлеба.

Вскоре Мультатули стал владельцем комнаты, которую освободила бывшая работница табачной фабрики Немировская, эмигрировавшая в Колумбовию. (в те идиллические времена эмиграция из Государства Тмутараканского была разрешена) Хотя Мультатули унаследовал койку и стол, комната обладала существенным недостатком. В ней отсутствовала печка «буржуйка» и отопления не было.

Мультатули вынужден был расходовать значительное количество времени на гимнастические упражнения для того, чтобы согреться. Но его жизнь вновь вошла в норму. Он выполнял трудоемкие практические работы в лаборатории качественного анализа, трудился на «общественных работах». Денег, хоть в обрез, теоретически хватало и на хлеб, и на реактивы, и, наконец, он был обладателем собственной комнаты. Однако практически денег на реактивы все же не хватало. Так же, как саперу нельзя ошибаться при разминировании, так и Мультатули нельзя было ошибаться при качественном анализе очередной смеси веществ, которую он получал от ассистента. Ошибка была связана с дополнительным расходом керосина и реактивов, а, следовательно, с дополнительным расходом вохровских денег, которых и так недоставало.

В какой-то степени качественный анализ облегчался тем, что с потолка лаборатории осыпалась штукатурка и не было дистиллированной воды. С учетом этих «счастливых» обстоятельств можно было всегда безнаказанно соврать, что обнаружен кальций, натрий, хлор. К сожалению, насчет других элементов нельзя было врать.

При решении задачи на третью группу металлов Мультатули трижды не обнаружил марганца. Это было равносильно финансовой катастрофе. Занятия в лаборатории качественного анализа пришлось оставить. Закончились и «общественные работы».

Тем временем Мультатули был назначен «народным комиссаром труда» коллектива пролетарского студенчества. В институте существовали две организации: вохровская ячейка и коллектив пролетарского студенчества. Существовала и третья менее значительная – вохросомольская ячейка. Вохровская ячейка выполняла такие же функции, как все вохровские ячейки в любых учреждениях и предприятиях. Полномочия «коллектива пролетарского студенчества» были близки к функциям таких бутафор-

ских вохровских организаций, как местный или заводской комитет. Однако подыскание работы для студентов было довольно реальным делом.

В те времена далеко не все студенты получали стипендии. Институту общей и прикладной химии выделили всего одну «хозяйственную» стипендию в размере 22 товарных вохриков. В те времена это была довольно значительная сумма, и ее делили на двух человек. Хозяйственную стипендию получали председатель коллектива пролетарского студенчества Домановский и секретарь вохрячейки Пустынникова. Было несколько десятков «пайковых» стипендий. Студенты, которых находили достойными этих стипендий, получали продукты стоимостью 4–5 краснонских вохриков в месяц. Мультатули, будучи еще под свежим впечатлением событий продразверстки и выхода из вохровской партии, принципиально отказался от пайковой стипендии.

Примерно через год Домановский и Пустынникова поссорились и разоблачили друг друга. Пустынникова обвиняла Домановского в том, что он был белым офицером, а Домановский обвинял Пустынникову в разных неблаговидных поступках и заодно – в буржуазном происхождении. В результате они оба были сняты с «выборных» постов и лишены хозяйственной стипендии. Вновь «выбранные» секретарь вохрячейки и председатель коллектива пролетарского студенчества не могли на этот раз распределить между собой хозяйственную стипендию и решили поделить ее между двумя студентами из рабочих. Наибольший рабочий стаж оказался у Прицкера и Мультатули.

На этот раз Мультатули не счел возможным отказаться от стипендии и стал обладателем 11 товарных вохриков в месяц. Это было большое богатство. Впрочем, через несколько месяцев Мультатули был избран в домовой комитет и, выполняя функции управдома, начал регулярно получать 7,5 краснонских вохриков в месяц. Кроме того он регулярно бывал репетитором одного или двух учеников Тогда он вновь «принципиально» отказался от стипендии.

Но после окончания общественных работ материальное положение Мультатули было нелегким. Правда, расходы на реактивы в лаборатории количественного анализа были поменьше. Но Мультатули лишился постоянного заработка на общественных работах за переноску камней-шестериков.

В качестве «наркомтруда» Мультатули находил работу не только для других студентов, но и для себя. Большей частью это были погрузо-разгрузочные работы, а также пилка и колка дров. Но такого рода заказы попадались изредка, и их следовало справедливо распределять между нуждающимися студентами. Только однажды попался крупный подряд.

Студентам поручили доставить несколько десятков тонн угля в подвал Института. В 5 часов утра этот уголь был погружен на подводы. Затем этот уголь свалили у подвала и распланировали его загрузку в подвальные помещения. Звено Мультатули из трех человек взялось выполнить огромную норму и, вкалывая почти без перерыва, закончило работу в полночь. Зато и заработок был феноменальный: по 10 краснонских вохриков на нос. На эти деньги можно было жить целый месяц.

Работа в лаборатории количественного анализа была нелегкой. Эта лаборатория тоже не отапливалась. Взвешивать при температуре ниже нуля на точных аналитических весах было весьма затруднительно. В лаборатории количественного анализа уже выдавали дистиллированную воду, и надо было следить за тем, чтобы она не замерзла и не треснула колба.

В лаборатории количественного анализа, не в пример лаборатории качественного анализа, химическую посуду выдавали, но ее обязательно следовало по описи возвращать, иначе не давали очередной работы.

Несмотря на все трудности Мультатули бешено спешил. Он твердо решил вместо четырех лет затратить на работу во всех лабораториях и на сдачу всех зачетов полтора года. Очень уже трудно было и работать, и учиться.

В лаборатории качественного анализа, несмотря на трехкратную «катастрофу» с ошибкой в определении марганца, Мультатули всё отработал за 2 месяца. А обычно все работы в этой лаборатории студенты заканчивали за 4–6 месяцев. Лабораторию количественного анализа Мультатули также «прошел» за 2 месяца.

В лаборатории органического синтеза Мультатули настигла крупная неудача. Здесь следовало выполнить 27 работ-синтезов. Однажды во время сборки прибора Мультатули сломал термометр. Его цена в те времена составляла 6 краснонских вохриков. Сумма была неподъемной для Мультатули. К этому времени он выполнил только 15 синтезов. Без возврата термометра нельзя было получить следующую работу у ассистента. Чтобы скопить такую сумму, требовалось два месяца.

Мультатули приуныл. Товарищи посоветовали стащить термометр из какого-нибудь сушильного шкафа в лаборатории количественного анализа. Мультатули никак не мог решиться на воровство. За двадцать два года своей жизни он еще никогда ничего не крал. Не таскал даже в детстве всякие вкусные вещи, которые пекли бабушка или мать, хотя сестры этим грешили. Не крал даже на табачной фабрике, где почти все поголовно выносили табак и гильзовую бумагу. Будучи членом волчетверки, он передавал без счету романовские деньги в уездный финотдел и никогда даже не подумал из миллиона взять хотя бы один царский вохрик. А тут предстояло украсть почти на виду у всех термометр!

После долгих колебаний Мультатули все же решил похитить прибор. Не мог же он потерять целых два месяца. В пальто у него был прорван карман. Через дыру в кармане он спрятал в подкладке термометр. Разумеется, ему казалось, что всем видно, как отопыривается подкладка, и все знают и шепчутся, что он – Мультатули – вор. Несколько месяцев Мультатули ожидал ежедневно, что его вот-вот разоблачат. В действительности, конечно, никто, включая ассистента лаборатории количественного анализа, не обратил на возврат термометра никакого внимания. Больше ничего Мультатули не ломал и благополучно закончил все работы в лаборатории органического синтеза.

Лекции Мультатули не посещал. У него для этого не было времени. Целый день он пропадал в какой-нибудь лаборатории.

Лабораторных занятий было очень много: по неорганической химии, по качественному и количественному анализу, по физике, по кристаллографии, по органическому синтезу, по неорганическому и органическому техническому анализу, по физической химии и, наконец, специальные лаборатории. Отработать все практические занятия во всех этих лабораториях за полтора года можно было, только работая там целыми днями.

Мультатули спешил. Он и так потерял три года на «революцию», на борьбу с голодом и сыпным тифом в семье. Потерял время и на физико-математическом факультете. Кроме работы в лабораториях он мог тратить время только на заработки для пропитания.

Мультатули не опасался пропускать лекции, так как учебников было достаточно и по ним он сдавал все зачеты.

Зачеты удавалось сдавать только тогда, когда были закрыты лаборатории, то есть в конце весны, летом и в начале осени. На любой зачет Мультатули затрачивал одну-две недели. Так, на дифференциальное исчисление – неделю. На аналитическую геометрию и высшую алгебру – 2 недели. На интегральное исчисление – 2 недели. На физику I и физику II – по нескольку дней. На кристаллографию – неделю. Не неорганическую химию – 2 недели и т. п.

Сложнее было с органической химией. Ее читал старенький профессор Петренко-Критченко. Старорежимный педагог был очень богомольным. Каждое воскресенье вместе со своей старушкой, такой же маленькой, об ручку шествовал в церковь. Вместе с тем он был видным специалистом по органической химии. По совместительству читал органическую химию в Медицинском и Химико-фармацевтическом институтах. Память у него была отличная, и он помнил всех студентов, посещавших его лекции. Особенно хорошо он знал в лицо своих «основных» студентов из Института общей и прикладной химии. От них профессор требовал обязательного посещения лекций, хотя в те времена это не было обязательным. Студентов-химиков, не посещавших лекций, он экзаменовал, но обязательно «проваливал»

Мультатули все это было известно. Хотя органическую химию он неплохо знал еще в школе, готовился тщательно. Потратил «целый» месяц! А ведь стояло прекрасное лето. Мультатули даже не ходил купаться в море. Перестал бриться и дал себе зарок избавиться от бороды только после получения зачета по органической химии.

Увесистый учебник органической химии Голлемана он выучил наизусть. Только тогда решился предстать перед грозными очами седенького профа.

Первый вопрос был неприятным: «Коллега, Вы студент медицинского института?» «Нет». «Значит, из химическо-фармацевтического?» «Нет». «Откуда же вы, ведь, среди химиков я Вас никогда не видел». Мультатули ответил, что он именно студент-химик, но лекций уважаемого профа не посещал за недостатком времени, так как вынужден зарабатывать на жизнь. Но, мол, еще в школе страстно интересовался органической химией и теперь тщательно подготовился. Проф с сомнением покачал головой и прогнал Мультатули по всему курсу. На все вопросы Мультатули отвечал. «Ну, что ж, коллега, еще один вопросик. Покажите мне переход альдозы в кетозу». Мультатули ответил, что этого он не знает, так как готовился по Голлеману и этого там не читал. И действительно, как он затем проверил, у Голлемана загадочному переходу было посвящено три строчки мелким шрифтом. «Ну, что же, это ведь легко сообразить» Мультатули ответил, что едва ли в экзаменационных условиях он сможет сообразить. «Вот, видите, коллега, каков результат непосещения лекций. Что же, придется Вам еще раз прийти».

Мультатули с месячной бородой робко спросил, можно ли прийти через неделю. «Нет, нет, поработайте еще недели две. Органическую химию надо знать. Это Вам очень и очень пригодится». Борода продолжала расти.

В прекрасные летние дни Мультатули продолжал штудировать органическую химию. Было обидно, что в первый и последний раз он провалился. Не менее обидно было то, что через две недели проф ни о чем не спросил Мультатули и поставил ему зачет по органической химии! Наконец-то Мультатули сбрил уже довольно большую бороду и сразу помолодел на десять лет…

Намеченный план Мультатули осуществил. За полтора года выполнил все задания в многочисленных лабораториях и сдал зачеты по всем дисциплинам, включая и специальные. Взялся за дипломную работу и дипломный проект.

В студенческих дипломных работах и дипломных проектах вохровского Государства Тмутараканского индивидуальность студента даже через 50 лет после великой вохровской революции мало проявляется. Главные причины: отсутствие у вохровских студентов навыка к самостоятельной работе и плохое знания языков, а также низкая квалификация руководителей дипломных проектов. А на заре великой вохровской революции выполнение дипломных работ и дипломных проектов осуществлялось еще более формально. Впрочем, через 5 лет, после введения «бригадного метода» обучения студентов выполнение дипломных проектов и вовсе было отменено.

Защитить дипломную работу и дипломный проект Мультатули не смог. Для этого следовало сдать политический минимум. Возражения Мультатули о том, что «закон не имеет обратной силы», что студентам его курса не читали никаких предметов из политического минимума, не были приняты во внимание.

Надо было сдавать диалектический материализм, историю вохровской партии и профгигиену.

Мультатули не захотел тратить время на зубрежку соответствующих официальных учебников и, понадеявшись на то, что он читал Карлса, Фридрихса, буржуазных экономистов Туган-Барановского, Железнова и других, ринулся без всякой подготовки сдавать политический минимум. Самым скользким вопросом был лейбизм, который в 8 г. в.в.э. был уже объявлен если не контрреволюционным, то во всяком случае глубоко ошибочным отклонением от генеральной линии вохровской партии. Мультатули с честью выпутался и на этот каверзный вопрос ответил таким образом, что ни экзаменатор, ни сам отвечающий ничего не поняли. Политминимум был Мультатули зачтен. Он торжествовал. Но радость его была преждевременной.

В те времена великий Виссарионов насаждал «дружбу народов». В результате этого к защите дипломного проекта не допускались студенты, не сдавшие малоскифский язык. А малоскифский язык ни Мультатули, ни его коллеги никогда не изучали. Мультатули сильно пригорюнился. Сдать малоскифский язык было намного труднее, чем политический минимум – Мультатули совсем его не знал.

Однако, товарищи его успокоили. Они рассказали, что новоиспеченный проф с кафедры малоскифского языка – добрый старичок. Требуется только выучить наизусть какое-нибудь малоскифское стихотворение и почитать страничку малоскифского текста.

Так оно и оказалось. Добрый старичок предложил прочесть стихотворение, а затем раскрыл какую-то малоскифскую книжку и предложил почитать.

Так как Мультатули понятия не имел о малоскифской орфографии, он не подозревал, что по-малоскифски гласные произносятся вовсе не так как по-великоскифски. Вместо того, чтобы произносить «и», как «ы», «е», как «э», и т. д. Мультатули произносил их по-великоскифски. Добрый старичок укоризненно качал головой, объяснял красоты малоскифского языка и малоскифской поэзии, однако зачет принял.

Радость Мультатули опять была непродолжительной. Вскоре зачеты, полученные у доброго малоскифского профа, отменили. Отныне малоскифский язык можно было сдавать только в строгой межвузовской комиссии, а для этого следовало по-настоящему его изучить.

Мультатули махнул рукой, не защитил дипломный проект, получил вместо диплома зачетное свидетельство и пошел отрабатывать стаж на заводе лаков и красок. Диплом он получил в 14 г. в.в.э., через 6 лет после фактического окончания института, когда уже работал главным инженером крупного завода.

«Вокруг кастрюли с молоком все ННТО сидит кругом». 1924–1926 гг.

Мультатули получил наконец зачетное свидетельство о сдаче всех предметов и всех лабораторий. Кончилась трудная студенческая жизнь без стипендии.

Больше не надо будет добывать нищенский насущный хлеб в коротких промежутках между сдачей учебных дисциплин и отработкой учебных лабораторных занятий. Больше не надо будет искать любых заработков. Больше не надо будет распределять жалкие заработки от общественных работ, от работ по погрузке-разгрузке, по распиловке дров, от редкого репетиторства с идиотами из зажиточных семей – на расходы по приобретению керосина, реактивов и прочего реквизита для выполнения учебных лабораторных работ. (Как уже говорилось, в те времена в учебных лабораториях не было газа, не было реактивов и в случае поломки посуды, приборов или термометров, следовало все это где-то доставать, так как без этого не допускали к работам в других лабораториях). А ведь кроме затрат на учебу были необходимы средства на приобретение хлеба и на самый дешевый обед в самой дешевой столовой.

Мультатули бешено спешил сдать все необходимые теоретические дисциплины и отработать все лаборатории, так как даже ему, привыкшему ко всяческим лишениям, было невероятно трудно совмещать учебу и добывание хлеба насущного.

После окончания блестящей карьеры носильщика мертвецов Мультатули в сентябре шестого года великой вохровской эры перевелся в Институт прикладной химии и за 20 месяцев – с октября 6 г. в.в.э. по май 8 г. в.в.э. – сдал всю теорию: высшую математику, физику, минералогию, кристаллографию, машиноведение, черчение, неорганическую химию, органическую химию, физическую химию, техническую химию, специальную технологию и другие дисциплины, а также лабораторные работы по физике, кристаллографии, неорганической химии, качественному и количественному анализу, органическому синтезу, физической химии, неорганической и органической химической технологии и прочее.

После окончания Института предстояла стажировка на каком-нибудь химическом заводе, в основном Малоскифбасса. Однако Мультатули направили на Завод лаков и красок Нижневодска. Его материальное положение резко улучшилось. Стажерам платили по шестому разряду – 45 вохриков в месяц плюс 50 процентов. 67 вохриков 50 грошей в начальный период рестэпа составляли весьма значительную сумму, в особенности для одного человека. Уже несколько лет Мультатули не покупал ни одежды, ни обуви и стал порядочным оборванцем.

Он купил штатский костюм в рассрочку за 30 вохриков, обувь и пару рубашек. Хотя костюм был из грубошерстного шевиота, а рубашки ситцевые, Мультатули чувствовал себя франтом.

Он начал лучше питаться. Перед уходом на работу в 5 часов 30 минут утра уминал сразу пять сырых яиц. Обед состоял из трех блюд, а вечером он разрешал себе непозволительную в прежние времена роскошь – пить ароматное, вкусное какао.

Лакокрасочное предприятие, на которое направили Мультатули, оказалось весьма примитивным. Этот мелкий заводишко состоял из двух отделений: цветных красок и ультрамарина.

За время работы здесь Мультатули три небольшие тигельные ультрамариновые печи так и не были пущены. Вырабатывались только цветные краски, в основном желтые, хромовосвинцовые кроны.

Площадь отделения хромовосвинцовых красок едва ли превышала 150–200 квадратных метров. Основное оборудование завода состояло из небольших невысоких чанов емкостью в 3–4 кубических метров, примитивных фильтров, коллергонга и столь же примитивной сушилки, представлявшей собой увеличенный лабораторный шкаф.

Растворы свинцового сахара и смеси растворов двухромовокислого калия и серной кислоты вручную заливались в небольшие чаны и вручную же смешивались с помощью весла. Смеси краски – крона (двойной соли сульфата и хромата свинца) с жидкостью давали отстояться, декантировали осветленную жидкость и опять же вручную с помощью примитивного сифона сливали жидкую смесь крона с маточным раствором в нижестоящие фильтры – большие бочки с натянутой фильтровальной тканью. Отфильтрованную и отмытую пасту крона выскребали из фильтра, на столах вручную разрезали на небольшие куски, располагаемые на небольших деревянных лотках. Последние вдвигали в сушилку, а после просушки мололи на колергонгах. Колергонги являлись единственными представителями грядущей механизации и автоматизации вохровской, тмутараканской лако-красочной промышленности.

По большой металлической чаше вращались два спаренных вертикально установленных жернова, приводимых в движение трансмиссией.

Этот маленький, кустарный лако-красочный заводик обслуживался котельной и силовой установкой довольно крупного по тем временам маслобойного завода. Оба эти предприятия размещались на одной территории за одним заводским ограждением.

К отделению цветных красок примыкала «лаборатория» площадью около двадцати квадратных метров. Она была скверно оборудована. В ней даже отсутствовали точные аналитические весы, а поэтому можно было осуществлять только качественный анализ.

«Возглавлял» этот заводик маленький старичок (было ему лет 55...) «технорук» Немирович, который по совместительству читал в институте курс лекций по специальной технологии лаков и красок. Впрочем, на предприятии он появлялся сравнительно редко. Всеми производственными делами управлял мастер, которому подчинялись два с половиной десятка рабочих.

В те идиллические времена начала рестэпа (реорганизованной старой экономической политики), еще было мало «начальников». Указующим перстом почти никто никого не наставлял. Отсутствовало мудрое руководство парткомитета или партячейки, которых, кстати, на этом заводике не было. Вместо завкома наличествовал только профуполномоченный, который стоял с веслом у чана. Единственная его профобязанность заключалась в сборе членских взносов у тех рабочих и служащих, которые числились членами профсоюза. Не было ни директора, ни бесчисленных заместителей директора. Не было ни технического, ни производственного отделов. Не было отделов рационализации и изобретательства, снабжения и сбыта. Не было даже вездесущего «общего отдела» и начальника канцелярии. Не было машинистки и пишущей машинки и – о, ужас! – не проводились производственные совещания. Снабжением и сбытом управлял один агент, который в нарушении всех правил по совместительству был и бухгалтером, и кассиром.

По существу, на этом маленьком, кустарном заводике не было вохровской власти. Только тень этой власти представлял «технорук» Немирович, но он, как уже говорилось, появлялся на заводике очень редко. Эмблемами власти «технорука» были печать и сохранившиеся бланки старого владельца пред-

приятия Штапельберга. Редкие справки, выдававшиеся рабочим и служащим, писались от руки на этих бланках и скреплялись печатью, находившейся у Немировича.

Несмотря на отсутствие мудрого руководства парт- и профорганизации, а также директора, его заместителей, всяческих руководящих отделов, несмотря на отсутствие даже отдела кадров и спецотдела – а, может быть, и благодаря этому – в условиях конкуренции с частными предпринимателями по производству красок, число которых множилось, этот маленький кустарный заводик работал рентабельно. Тем не менее ассортимент выпускаемых красок был крайне скуден. Особо плохо обстояло дело с производством зеленой краски для трамвайных столбов.

За время разбойной империалистической войны, унесшей жизни миллиона тмутараканцев, и освободительной, гражданской войны, в результате которой на полях сражений, от голода, тифа, холеры и расстрелов погибли полтора десятка миллионов людей, – краска с трамвайных столбов облупилась и начался разрушительный процесс их коррозии. Трамвайным опорам для проводов грозила гибель. Для спасения следовало их немедленно окрасить зеленой хромовой краской, которая изготовлялась из крона и милори (берлинская лазурь – синяя краска с большой красящей способностью). Для получения милори необходимо было достать желтую кровяную соль (железистосинеродистый калий). А найти ее предприимчивый агент заводика никак не мог.

К этому времени Мультатули организовал кое-как «лабораторию» предприятия. Под его «руководством» работали его однокурсница, дочь Немировича, и практикантка, студентка третьего курса.

На маленьком складе в наследство от старого хозяина этого предприятия осталось множество бочек, заполненных всякими химикатами: глетом (окись свинца), хромпиком (двухромовокислый калий), железным купоросом (сернокислым железом), каолином, инфузорной землей, тяжелым шпатом (сернокислым барием)... Но не было столь необходимой желтой кровяной соли. Примитивная лаборатория Мультатули осуществляла качественный анализ и расшифровывала содержимое имевшихся бочек.

Однажды Мультатули заметил огромную, тяжелую бочку, заполненную каким-то зеленоватым химикатом. Весила она около 200 килограмм. В результате качественного анализа было определено, что содержимое бочки является железисто-синеродистым кальцием. А для производства милори требовался железисто-синеродистый калий.

Из железисто-синеродистого кальция получалась очень тусклая синяя краска, которая в смеси с желтым кроном давала столь же тусклую зеленую краску. Для переработки железисто-синеродистого кальция в железисто-синеродистый калий кальциевую соль следовало обработать поташом (углекислым калием) – при этом выпадал мел (углекислый кальций). Это был очень громоздкий процесс.

В конце концов, Мультатули разработал комбинированный метод, благодаря которому в чане сразу получалась хромовая зелень из свинцового сахара, двухромовокислого калия (хромпика), серной кислоты, железистосинеродистого кальция, поташа и железного купороса. Правда, к хромовой зелени примешивалось некоторое количество мела (углекислого кальция) в результате реакции поташа и кальциевой соли, но полученный в результате непосредственного выделения (in statu nascendi), этот мел был весьма дисперсен и нисколько не ухудшал красящей способности и тона краски.

Это было первое производственное достижение Мультатули, и он даже немного гордился проделанной работой.

Все трамвайные столбы города Нижневодска были выкрашены этой краской, и гибель их была предотвращена.

Несмотря на столь «грандиозные» успехи, к концу восьмого года в.в.э. заводик был прикрыт. У Мультатули осталась только справка о производственном стаже на этом химическом предприятии.

Вскоре он начал работать химиком в ННТО. (Нижневодское научно-техническое общество). Это было довольно странное научное учреждение. В нем тоже не чувствовалось вохровского мудрого руководства со стороны партячейки и месткома. Отсутствовали многочисленные отделы, в том числе вездесущие отделы кадров и специальный отдел. Но имелись председатель ННТО и коммерческий директор. Председателем был профессор Рубксер, который по совместительству работал ректором

Института прикладной химии. Коммерческим директором являлся весьма предприимчивый ханаанец Вохриков.

Основной задачей этого странного учреждения были радиологические исследования, изучение радиоактивности вод нижневодских лиманов и т.п.

Но денег в те времена бюджет не отпускал, а помимо всяких прочих расходов тридцать исследователей-химиков нуждались в пище, питье, одежде и т. п. Хитроумный председатель НИТО Рубксер разыскал где-то предприимчивого Вохрикова, назначил его коммерческим директором, и они организовали подсобное производство химикатов для всяческих химических кустарных промыслов, которые в начале рестэпа все больше расцветали.

Для производства химикатов кроме некоторых комнат в здании, занимаемом НИТО, был использован большой подвал во дворе. Его разгородили на несколько производственных помещений и оборудовали вытяжными шкафами и печками.

Работали в подсобном производстве с десяток химиков. Они разрабатывали сами методы кустарных производств. Производили химически-чистые реактивы для учебных и научных заведений, в том числе кислоты – серную, соляную и азотную, ляпис (азотнокислое серебро) для кустарей, изготовляющих зеркала, и для лечебных целей, окись никеля и олова для эмалированной посуды, двойную серно-кисло-аммиачную никелевую соль для никелировки и цианистый калий для тех же целей. Кроме того изготавливались сульфит и бисульфит натрия, иодистый натрий и иодистый калий, лимонная кислота, хлористое олово, хлористая сера для умельцев, производивших презервативы, и еще много других химикатов. Обслуживал химиков один мастер на все руки, заменявший слесаря, печника, механика, стеклодува, бондаря.

Предприимчивый Вохриков определял рыночный спрос и добывал технические кислоты, никелевые кухни военного времени, олово, серебряный лом, металлический иод и прочее необходимое сырье. После определения задач химики разрабатывали соответствующие методы и определяли количество и качество сырья, которое следовало заготовить.

Вохриков самолично заготавливал сырье и продавал готовые химикаты. Химики, разрабатывавшие методы производства, были тщательно изолированы и от продавцов сырья, и от покупателей химикатов. Дело в том, что прибыль, получаемая с этих производств, превышала в 10–20 раз выплачивавшуюся им зарплату.

Например, Мультатули вырабатывал иодистый натрий и калий. Цена иода составляла десять вохриков за кг, а иодистого натрия – одиннадцать вохриков. Но из 1 кг иода получалось 1,2–1,25 кг иодистого натрия. Таким образом, на каждый килограмм выработанного иода прибыль составляла около трех вохриков, а в месяц выпускалось до 500 кг. иодистых солей.

Расходы на аренду и содержание помещения списывались на науку. Налогами это «научное» учреждение не облагалось. Все оборудование состояло из примусов, печек, вытяжных шкафов, реторт, стекла, фарфоровой и фаянсовой, посуды, котлов и т.п.

Таким образом, амортизационные отчисления были ничтожны. Накладные расходы из-за отсутствия всяческих отделов и мудрых, освобожденных руководящих работников парт- и профорганов тоже были мизерны.

Тарифная зарплата химиков составляла 63 вохрика в месяц. Кроме того за превышение норм выработки они могли получать до 50% основной зарплаты. Максимальная месячная зарплата химиков составляла 95 вохриков, а приносимая ими прибыль составляла 1000 – 2000 вохриков в месяц.

Так химики-производственники не только обеспечивали зарплатой 30 химиков-исследователей, но и покрывали прочие расходы, в том числе высокие зарплаты Рубксера, Вохрикова и менее высокий оклад мастера с золотыми руками.

Вохриков, тщательно изолируя химиков-производственников от покупателей, входил с последними в сделки и процветал. Возможно, он делился своими незаконными прибылями с Рубксером. Кустари пытались выудить у химиков-производственников секреты производства, но все они оказались стой-

кими и не поддавались на искушения. Исключение составлял Виншенкер, который, по-видимому, «химичил» с кустарями и жил безбедно по тем временам.

Условия работы были кошмарными. Весь подвал заполняли пары хлора, хлористо-водородной, азотной и серной кислот, аммиака. Нормальный человек не мог пробыть здесь и пяти минут. Особенно тяжело было в отделении, где изготовлялась химически-чистая соляная кислота. Процесс ее изготовления отличался сложностью.

В двухведерную бутыль, наполненную технической соляной кислотой, добавлялось некоторое количество металлического олова. Оно растворялось и вытесняло мышьяк и другие летучие металлы. Очищенная от летучих металлов техническая соляная кислота сливалась в стеклянные ведерные реторты. Реторты устанавливали в четыре чугунных котла, вмурованных в печку. В котлы засыпался песок, который изолировал стеклянные реторты от чугунных стенок котла. Под каждым котлом была своя изолированная топка. Стеклянными трубками реторта соединялась с приемными банками. Никакой герметизации не было – поэтому помещение было заполнено удушливыми и разъедающими парами хлористоводородной кислоты.

Но бывало и хуже. Если реторту плохо изолировали и она соприкасалась с чугунной стенкой котла, происходила авария. Появлялись трещины в стекле, кислота заполняла котел, бурно выкипала, помещение заполнялось парами и брызгами кислоты. Мультатули, защищая передником лицо и особенно глаза, задыхаясь, спешил залить водой пламя топки под треснувшей ретортой. К счастью, все обходилось благополучно. Глаза оставались неповрежденными. На лице частенько бывали ожоги. Особенно страдали зубы. Эмаль зубов разъедалась кислотными парами. Мультатули не любил лечиться и, будучи по молодости лет щедрым, дал выдрать у себя девять почти здоровых зубов. Разумеется, в старости он сильно пожалел об этом. Учитывая вредность производства, химики работали по шесть часов и ежедневно получали два литра молока бесплатно. Все молоко было общим. Дважды в день химики собирались вокруг большой кастрюли с молоком и пели «гимн НИТО», сочиненный химиком Гернетом:

«Вкруг кастрюли с молоком
все НИТО сидит кругом...
Мультатули день и ночь хлопочет
сульфит сварить он хочет
Но...вышел фэ... ит,
а не сульфит
фу, какой противный вид!..»

Далее, шла шуточная критика прочих химиков.

Пели этот гимн на мотив модной тогда шансонетки, нечто вроде современного джаза. Только один «старик»-химик (ему было около пятидесяти, а остальным от 23 до 25 лет, Мультатули – самому молодому – только исполнилось 23 года) не присоединялся к общей кампании.

«Старик» в отдельном помещении изготовлял цианистый калий. В маленькой муфельной печи в котле он сплавлял железисто-синеродистый калий и поташ. Внизу выпадала окись железа, и этот осадок покрывался расплавом цианистого калия.

Большими щипцами опытный специалист вытаскивал из муфельной печи котел с расплавом цианистого калия и разливал его в круглые сковороды, смазанные каким-то составом. Когда расплав остывал, он голыми руками вынимал кругляшки цианистого калия и обтирал их тряпкой. После этого принимался за... завтрак, даже не помыв рук! Утверждали, что он приобрел иммунитет против цианистого калия – сильнейшего яда.

Идиллические были тогда времена. В нынешнюю изобильную и прекрасную эпоху, когда благородные, самозабвенные, мудрые вохры вот-вот введут осчастливленный ими народ в светлое царство вохризма, не всякий имеет доступ к ядам. Все яды тщательно охраняются. А на заре великой вохровской революции, в начале рестэпа, изобретенного самим гениальным в мире человеком – Ильичевым, к цианистому калию имел доступ любой.

На долю Мультатули выпала разработка методов производства и осуществление самого производства наиболее удушливых и вонючих химикатов: химически-чистой соляной кислоты, двойной сернокисло-аммиачной никелевой соли и окиси никеля, сульфита и бисульфита натрия, хлористой серы, хлористого олова.

Легким, но ответственным было производство иодистого натрия и калия, поскольку последний использовался в качестве медикамента. Однако поиски метода получения иодистого натрия стали самыми трудными. Наименее сложной оказалась разработка метода производства двойной никелевой соли и хлористой серы.

Для производства хлористой серы в большую банку с серой пропускался из военного баллона хлор. Эта операция осуществлялась во дворе. При взаимодействии хлора и серы получалась жидкая хлористая сера. Беда заключалась в том, что в хлористой сере растворялась элементарная сера.

А отгонка хлористой серы от элементарной серы – невероятно зловонная операция. Большинство сернистых соединений скверно пахнут. Некоторые хлористые соединения весьма удушливы (например, хлористый водород), а хлористая сера синтезирует все эти удушливо-вонючие свойства. Хотя отгонка осуществлялась в вытяжном шкафу, герметизация была никудышной и Мультатули задыхался. Однако хлористую серу буквально рвали из рук производители презервативов, и эта работа была выгодной для Мультатули и НИТО.

Метод разработки никелевой соли был сложней. Никель скверно растворяется в серной кислоте. Как оказалось, лучше он растворялся в присутствии азотной кислоты при температуре кипящей водяной бани.

Процесс получения сернокислого никеля осуществлялся в фаянсовых банках, которые размещались в металлическом корвете, наполненном водой. Это корыто ставилось на печь, закрытую вытяжным шкафом. Тем не менее Мультатули задыхался от окислов азота. По-видимому, еще тогда окислы азота скверно подействовали на его сердце. Впоследствии, при «перевоспитании» в гуманной вохровской лагерной системе, Мультатули в целях ускорения процесса «перевоспитания» загнали в плохо вентилируемую угольную шахту. После взрывов с помощью аммонала обычно выделялись все те же окислы азота. Они-то окончательно ухудшили функционирование сердечной системы Мультатули.

Наиболее удушливой стадией было сочетание кислого раствора сернокислого никеля с нашатырным спиртом. Для этого использовался максимально концентрированный раствор аммиака в воде. Чтобы получить крупные кристаллы двойной сернокисло-аммиачной соли никеля, приходилось постепенно и очень медленно вливать нашатырный спирт в раствор сернокислого никеля. 25-литровую бутыль нашатырного спирта следовало опорожнять более часа. К концу этой операции Мультатули совсем задыхался.

Трудности получения сульфита заключались в том, что, во-первых, следовало сконструировать кустарную аппаратуру для получения сернистого газа, а, во-вторых, сернистый газ надо было пропускать в раствор соды только до момента получения кислого сернисто-кислого натра (бисульфита). Эти затруднения пришлось сравнительно долго преодолевать. Вот почему местный поэт Гернет издевался над Мультатули в своем гимне.

Все же Мультатули удачно сконструировал небольшую систему маленького компрессора и емкости для серы. Сера поджигалась, и компрессор нагнетал сернистый газ в раствор соды. Сернистый газ также достаточно удушлив.

Наиболее сложна была разработка метода производства иодистого натра.

В пятиведерный котел загружалась мелкая железная стружка и заливалась водой. Котел, установленный на треноге, подогревался специальным примусом с тремя головками. Постепенно добавлялся йод. По мере образования йодистого железа добавлялась очередная порция йода. Эта порция йода определялась растворимостью йода в воде. После получения концентрированного раствора йодистого железа к последнему добавлялось еще 50% от количества прореагировавшего йода для перевода йодистого железа в йодное.

Затем железо высаждалось бикарбонитом натрия, и получался раствор йодистого натрия. Далее раствор йодистого натрия подвергался выпарке. Она проходила в больших эмалированных тазах на шести примусах.

Однако уже после разработки всего этого процесса возникло, казалось бы, неразрешимое затруднение. По техническим условиям требовалось отсутствие сернокислых соединений (например, сернокислого натра). Практически нерастворимым сернокислым соединением является сернокислым барий, и ион SO4 можно было бы целиком высадить хлористым барием. Но, во-первых, при этом получался хлористый натрий, примеси которого тоже запрещались, а, во-вторых, хлористый барий – очень сильный яд.

В конце концов Мультатули нашел выход из этого положения. Он осуществил синтез йодистого бария. Раствором йодистого бария высаждал ион SO4, и в качестве побочного продукта – вместо хлористого натра – получался йодистый натрий.

А в общем, жизнь протекала весело и хорошо. После студенческой маеты в голодные годы «романтического» военного коммунизма зарплата в 95 вохриков казалось очень большой. В магазинах появлялось все больше хороших товаров. Все химики хорошо питались и одевались. Посещали оперный и драматический театры. Впрочем, до театров добирались редко. Хотя в производственной лаборатории НИТО они работали по шесть часов в день, все усиленно занимались разработкой дипломных проектов и дипломных работ. Мультатули разрабатывал дипломный проект завода сурика и глета, а также дипломную работу по окислению сернистого газа с помощью тихого разряда.

Все были молоды и холосты, кроме Виншенкера, которому исполнилось уже 27 лет и у которого была очаровательная жена, весьма гостеприимно принимавшая Мультатули.

Среди химиков-однокурсников в производственной лаборатории НИТО организовались две пары. Приятели Поздеев и Тимохин облюбовали двух подруг Кмиту и Мариинкевич. Вскоре Поздеев женился на Кмите, с которой, кстати, небезуспешно флиртовал Мультатули, а Тимохин женился на Мариинкевич. Мультатули искал счастья на стороне и на второй год пребывания в НИТО тоже женился.

Эта была одна из крупнейших ошибок Мультатули! Он родился в рубашке, и обычно ему во всем везло. Но в выборе подруги жизни у него всё получилось невообразимо плохо. Все гоголевские ведьмы и даже самая страшная ведьма из «Вия» казались кроткими ангелами по сравнению с избранницей Мультатули. По силе воздействия «подруга» значительно превосходила «перевоспитательные» мощности виссарионовских «гуманных» лагерей. Она оказалась таким же мастером темкинских деревень и столь же искусно превращала черное в белое и белое в черное.

Разница между ней и виссарионовскими «перевоспитательными» лагерями заключалась в малом: в лагерях «перевоспитывались» десятки миллионов тмутараканских «счастливых» граждан, а эта ведьма «перевоспитывала» одного «счастливого» Мультатули. Во всем остальном вохровская система ничем не отличалась от методов этой ведьмы. И первая, и вторая полвека утверждали, что они так осчастливили «перевоспитуемые» объекты, как никто до них за всю историю человечества. И первая, и вторая паразитировали на «воспитуемых» объектах, но обе утверждали, что все блага, производимые объектами, являются результатами их мудрого руководства. Обе провозглашали, что всё является собственностью «народа», то есть, их, «воспитателей», собственностью. Практически Мультатули прожил с этой сверхведьмой всю жизнь, и они народили четырех детей. К счастью, дети не унаследовали ведьмовских и темкинских черт своей матери.

Маленький коллектив химиков производственной лаборатории НИТО. жил очень дружно. Но вскоре этому коллективу пришлось пережить небольшое потрясение.

Через год профессор Рубксер решил, что пора сворачивать деятельность производственной лаборатории НИТО. Решили произвести сокращение. В число сокращенных попадали Тимохин и Кмита, которые считались наименее полезными работниками. В знак солидарности Мультатули и Поздеев объявили, что тоже уйдут из НИТО. А считалось, что они дают наибольшую прибыль. Сокращение штатов было отменено.

В честь этого у Виншенкера устроили грандиозную выпивку. Больше всех накачались Тимохин и Мультатули. Тимохин – потому что был пьяницей, Мультатули – потому что по-прежнему надеялся испытать чувство опьянения, чего ему никогда не удавалось. Тимохин вливал в свою глотку, не глотая, три стакана вина. Мультатули, не обладая таким искусством, разбавлял три стакана вина на четверть водкой и залпом выпивал.

По подсчетам приятелей, Тимохин и Мультатули за вечер выпили по три литра вина и по бутылке водки каждый. Тимохин совершенно опъянел, Мультатули, как это ни странно, опять не дошел до этого состояния.

Поздеев и Мультатули проводили Тимохина домой, довели его до входа в квартиру на третьем этаже, позвонили и удалились. Однако позже Тимохин был обнаружен валявшимся на первом этаже...

Мультатули без посторонней помощи добрался домой. Но то, чего не сделала химия, всё-таки сделал алкоголь: он был совершенно отравлен. Всю ночь его рвало. Больше никогда Мультатули не предпринимал попыток испытать чувство опьянения.

Из периода его работы в ННТО следует остановиться еще на одном драматическом событии. Химия тогда начинала входить в моду. Вохры организовали одно из бутафорских обществ – Авиахим. В число торжеств по поводу празднования годовщины великой вохровской революции была включена демонстрация химического действия хлора.

Поскольку Мультатули имел дело с хлорными баллонами, эта демонстрация была поручена ему. Он вывез за город десяток баллонов хлора, испытал их и выбрал лучший. Противогазом Мультатули вообще не пользовался и, будучи уверен в исправности хлорного баллона, не захватил его с собой на праздник.

После показа ряда реакций с хлором Мультатули стал закрывать вентиль баллона, однако вентиль слегка заморозило и он не закрывался. Газ больше не усваивался поглотителем, и начало попахивать хлором, который несло на. Создавалась прямая угроза газовой атаки на праздничную толпу.

Мультатули велел шоферу быстро ехать за город. Во время этой поездки он держал баллон таким образом, чтобы хлор не несло на шофера и на него самого. Несмотря на это всё больше задыхался.

Когда шофер остановил машину, Мультатули отчаянным усилием, наконец, закрыл вентиль баллона. Успел сказать шоферу, чтобы он опять поехал. Ему всё казалось, что он бесконечно долгое время не может вдохнуть воздух, хотя полностью раскрыл рот и двигался против потока воздуха. Трое суток Мультатули всего выворачивало.

Ему опять повезло. Он выжил в результате им же проведенной хлорной атаки. Может быть, хлор уничтожил всю микрофлору в механизме дыхания, так как в дальнейшем легкие Мультатули оказались стойкими по отношению ко всяким испытаниям. Во время этапа в Честкуту он выстоял час полуголым и мокрым в 30-градусный мороз. Когда тысячи зеков умирали от пневмонии, легкие Мультатули работали вполне удовлетворительно.

Через два года после его прихода в ННТО, возобновил работу Нижневодский завод необрастающих красок. Мультатули пригласили туда в качестве заведующего лабораторией.

Он охотно согласился не только потому, что там было интересней и легче. Ему предложили большую зарплату – 150 вохриков в месяц.

После свадьбы Мультатули ровно через девять месяцев появился младенец. Хотя Мультатули зарабатывал в ННТО 95 вохриков в месяц, а его ведьма-жена, которая до появления первого ребенка еще трудилась (потом она никогда больше не работала, всецело полагалась на «воспитуемого» ею Мультатули) и получала 33 вохрика, этой довольно большой по тем временам суммы хронически не хватало. Ведьма-жена была полностью занята «перевоспитанием» супруга и не «успевала» заниматься «мелочными» подсчетами, но он искал дополнительные заработки.

Еще в первом году до великой вохровской эры Мультатули окончил торговую школу и был неплохим бухгалтером.

В начале рестэпа появилось множество кустарных артелей. Все они облагались весьма большими налогами и стремились любыми путями платить меньше.

Мультатули пригласили в артель, производившую щетки, вести бухгалтерию. Один из членов артели, тоже бухгалтер, вел подпольную неофициальную бухгалтерию и выдавал Мультатули, по-видимому, подтасованные первичные данные. Мультатули переоценил свои силы и решил, что за 3–4 часа он справится с этим делом. По старинке надо было вести несколько книг: «ресконтро», «разные лица и учреждения», кассовую и товарную. Кроме того ежемесячно следовало составлять баланс.

Как назло, при сведении месячного баланса кредит и дебет расходились то на грош, то на несколько грошей, и часами, а иногда и десятками часов надо было искать ошибку. И все же ежемесячный баланс бывал готов не ранее 12–15 числа следующего месяца. За эти 12–15 дней накапливались неоформленные бухгалтерские записи. Приходилось за две недели проделывать двойную работу. (Следует отметить, что ныне в вохровских учреждениях такой объем работ осуществляют не менее пяти сотрудников). За все это Мультатули получал 50 вохриков в месяц. Так проходил «медовый год»...

Вот почему его устраивало предложение о переходе на завод необрастающих красок. За эту работу он получал столько же, сколько добывал в ННТО и щеточной артели. Начинался новый этап жизни Мультатули.

Продолжение лакокрасочной карьеры. 1926–1929 гг.

Летом 10 г. в.в.э. Мультатули вновь начал работать на лакокрасочном заводе.

Завод имени Климова, в прошлом принадлежавший гунну Одетцапфелю и галлу Ивандру, известным специалистам по производству необрастающих красок для подводных частей судов, располагался в Нижневодске на Хаджиханской дорог. Этот завод был не столь примитивен, как маленький кустарный заводик (бывший Штапельберга), на котором Мультатули стажировался двумя годами раньше. Самостоятельное предприятие с собственным ограждением состояло из нескольких цехов. Контора и лаборатория находились в отдельных зданиях. На расстоянии километра от завода размещался его филиал, в котором были установлены несколько ультрамариновых тигельных печей.

До великой вохровской революции уровень технологии этого завода соответствовал среднему технологическому уровню небольших заводов минеральных красок в Западной Европе.

В основном цехе стояли большие чаны емкостью в 15–20 кубических метров. Размешивание в них производилось мешалками от трансмиссии. Выше на площадках размещались меньшие чаны для вспомогательных растворов. Фильтрование осуществлялось через небольшие рамочные фильтр-прессы, в которые жидкость и краски нагнетались поршневыми насосами. Разгрузка фильтр-прессов шла вручную, разгрузка и выгрузка сушилки – также.

За этим основным цехом ближе к зданию конторы находился цех для помола сухих красок. Он был оборудован колергонгами и шаровыми мельницами, загрузка и разгрузка которых также осуществлялась вручную. Этот цех был наиболее вредным, так как в нем в основном подвергались размолу очень вредные для здоровья свинцовые краски.

По другую сторону основного цеха располагался цех мокрого помола для переработки печного ультрамарина. Он был оборудован мельничными поставами, работавшими от трансмиссии. Перпендикулярно ему стояли склады сырья и готовой продукции.

Лаборатория по тому времени была довольно приличная. Она состояла из трех комнат. Между двумя комнатами располагались весовая, оборудованная двумя аналитическими весами на агатовых призмах. Газа в этой лаборатории не было, и прокаливание велось с помощью горелок Бартеля.

С другой стороны лабораторного здания было оборудовано довольно обширное помещение, предназначенное для производства выкрасок и различных экспериментов.

Мультатули предстояло организовать эту лабораторию, наладить анализы сырья, полуфабрикатов, готовых изделий и регламентировать технологические процессы производства минеральных красок.

Кроме этого предстояло разработать совершенно не налаженные процессы производства ультрамарина и необрастающих подводных красок.

За полгода до прихода Мультатули организацию восстановления этого завода начал очень толковый инженер Леонид Владимирович Исакович. Этот пожилой, с точки зрения Мультатули, человек (он был на 10 лет старше, то есть 35 лет от роду) успел поработать несколько лет в Италии. Был очень энергичен и невероятно работоспособен. Во время пуска ультрамариновых печей по нескольку суток не уходил домой. В цеху была поставлена кровать, на которой он спал по два-четыре часа в сутки. Исакович сам проектировал, сам был прорабом при строительстве печей и при установке шаровых мельниц для шихты и всего прочего оборудования, в том числе мокрых поставов на главном заводе, описание которого приведено выше.

Мультатули, хотя и занимался ученическим проектом завода глета и сурика, в проектировании и в строительстве был полным профаном. Он с трудом читал даже элементарные чертежи и поэтому с уважением взирал на Исаковича. Это был единственный человек, у которого Мультатули кое-чему научился, если не считать специалиста по проектированию и строительству агрегатов отопления-вентиляции – Галсуина, который был старше Мультатули на 18 лет. С ним Мультатули пришлось еще столкнуться через шесть лет, а теперь он больше всех натаскивал новичка. У него Мультатули перенял вкус к монтажному проектированию. Но уровень общей и технической подготовки Галсуина был немного ниже, чем у Исаковича и Мультатули.

Больше ни у кого Мультатули не пришлось учиться. За полувековой период учебы в институте и практической работы учителями Мультатули были только книги.

Исакович был душой восстановления завода красок им. Климова. Технологию производства минеральных красок, по-видимому, плохо знали и Исакович и Мультатули, а технологию производства ультрамарина и необрастающих подводных красок они и вовсе не знали.

В деле организации лаборатории Мультатули пригодились его занятия в учебных лабораториях качественного и количественного анализа, органического и технического синтеза. Особенно помогло выработавшееся у него «химическое мышление» при разработке методов производства различных химикатов в НИТО. Кроме Исаковича и Мультатули на заводе работали еще два мастера.

Вскоре в лабораторию приняли Немировича и химика Вингурта, окончившего тот же институт, что Мультатули, на два года позже, а на производстве появился однокурсник Лишенцвет. Весь этот коллектив работал дружно и с большой заинтересованностью.

До общей организации производства предстояло разрешить две, казалось бы, неразрешимые задачи – налаживание производства необрастающих красок и ультрамарина. По технологии производства ультрамарина в специальной литературе имелись весьма скудные данные. По технологии производства необрастающих подводных красок – никаких.

За разработку этих тем взялись в основном Исакович и Мультатули, причем Исакович больше занимался разработкой технологии производства ультрамарина, а Мультатули – необрастающими подводными красками.

Необрастающие подводные краски имели два состава. Первый состав должен был предохранять подводную часть судна от коррозии, второй – от обрастания ракушками. Окраска подводной части этими составами значительно увеличивает срок эксплуатации судна и почти вдвое повышает коммерческую скорость.

В первую мировую войну гунн Одетцапфель и галл Ивандр удрали за границу и увезли с собой секрет производства необрастающих составов. Их производство в Государстве Тмутараканском было ликвидировано. Ввоз необрастающих составов по весьма высокой цене поглощал значительное количество дефицитного золота и валюты.

К счастью, на заводе был найден неполный шифр технологии производства необрастающих составов. Все их компоненты были зашифрованы. Но на заводе в различных местах обнаружились банки с наклейками, на которых фигурировал шифр. Была проведена огромная работа по анализу содержи-

мого этих банок. Особенно сложной стала расшифровка органической части составных элементов. Менее сложная расшифровка неорганической части была весьма трудоемкой.

Второй состав, который должен был предохранить подводную часть судна от обрастания ракушками, содержал много ядов: медных, мышьяковых, ртутных, а также соединений сурьмы и других. Недостаточно было определить качественное и количественное соотношение меди, мышьяка, ртути, сурьмы, свинца и других металлов. Следовало еще определить, какие именно соединения этих металлов являются составными элементами. Более того, если было определено, что составным элементом является, например, окись ртути, то следовало установить, какая необходима окись ртути: желтая или красная. Очень трудно было определить связующее вещество красок и составов – комбинацию лаков и олиф.

В те времена еще не было налажено производство искусственных смол. Лаки готовили на базе ископаемых тропических смол. Но если было определено, что лак изготовлен, например, на базе копала, то следовало найти методику расплавления копала и расшифровать оптимальный растворитель. Впрочем, ассортимент растворителей для тропических смол в те времена был невелик. Основным растворителем был скипидар. Но перечень сушек более значительней: свинцовые, марганцевые, кобальтовые и другие.

Особое затруднение представляло испытание пробных образцов необрастающих подводных красок. Суда, уходившие в заграничное плавание, возвращались нередко через несколько месяцев.

В целом разработка технологического процесса производства необрастающих составов была делом весьма трудоемким и сложным. Тем не менее Исакович, Мультатули и двое лаборантов, уделяя этому вопросу меньшую часть времени, решили проблему в максимально короткий срок. Следует отметить, что трое из этой четверки только-только завершили учебу, а Исакович, который имел «огромный» стаж инженерной работы (по тем временам опыт более 10 лет считался очень большим), был скорее эксплуатационником и проектировщиком, чем исследователем.

Аппаратура лаборатории была весьма примитивной. Литература по производству красок отсутствовала, очень мало было и разработок по методам анализа всех отмеченных выше компонентов. Главным подспорьем для анализа был фундаментальный Handbuch Лунге и учебные пособия по качественному и количественному анализу, применявшимся в те идиллические времена.

Любопытно сравнивать методы и результаты исследования актуальных тем в тот период (более сорока лет тому назад), когда только начала применяться гениальная, вездесущая теория карлсизма-ильичевизма, и в нынешние космические, электронные и т. п. времена, когда во всю мощь забил великолепный, блестящий, ни с чем не сравнимый родник единственно-правильной, мудрой и всесильной карлсистс ко-ильичевской теории. Сказать по правде, Мультатули и трое его коллег из-за невежества и вовсе не применяли эту чудодейственную теорию. Тем не менее проблему решили в максимально короткий срок. Чуть больше чем за год метод выработки необрастающих составов был внедрен в производство.

В нынешние изобильные, просвещенные карлсистско-ильичевские времена разработка и внедрение метода производства необрастающих составов выглядели бы примерно следующим образом. Год или два шли бы ведомственные споры, кому и за счет кого осуществить разработку данной темы. Этому вопросу было бы посвящено несколько десятков важных, квалифицированных совещаний, в которых приняли бы участие коллегия министерства во главе с министром и его многочисленными заместителями, техническое, производственное, плановое и другие управления министерства, соответствующие научно-исследовательские институты, представители Госплана Союза, Госплана Великоскифии, министерства торговли, материально-технического снабжения и других. После стольких ответственных совещаний соответствующие функционеры из Госплана и министерств утвердили бы соответствующие ассигнования для соответствующего научно-исследовательского института на предмет разработки этой темы.

Так как тематика научно-исследовательского института в нынешние строго плановые, просвещенные времена определяется на год-два вперед и все лаборатории института предельно загружены теку-

щими и недавно запланированными работами, начало разработки темы по необрастающим краскам было бы запланировано, в лучшем случае, на следующий год, а в худшем могло бы быть отодвинуто еще на 2–3 года. Итак, в идеальном варианте через три года после постановки вопроса научно-исследовательский институт приступил бы к разработке этой темы.

Прежде всего начальник планового отдела вкупе со своими сотрудниками и при решающей консультации заинтересованных основных лабораторий, глядя на потолок, определили бы трудоемкость этой темы и подсчитали бы, сколько человекомесяцев лаборантов, младших научных сотрудников, заместителей начальников лабораторий, начальников лабораторий и прочих функционеров необходимо для выполнения этой темы.

Затем были бы подсчитаны накладные расходы. Этим бы занимались только работники планового отдела института. Таким образом были бы определены стоимость, количество работников и поэтапные сроки выполнения темы. По-видимому, эти работы были бы распределены по крайней мере между четырьмя лабораториями института: лабораториями лаков, красок, ядов и аналитической.

Затем начались бы бесчисленные согласования между лабораториями и плановым отделом. Вся эта суматоха – самая сложная и ответственная часть работы. Всё необходимо предусмотреть, так как план должен быть выполне на 101–102 %. Не больше и не меньше. Больше неудобно, а меньше нельзя, так как существует железный закон планового, карлсистко-ильичевского, вохровского социалистического хозяйства.

Обычно вычисленная с потолка стоимость и трудоемкость темы превышают ассигнования плановых органов, поэтому начинается нудная переписка об увеличении финансирования, если работа производится за счет государственного бюджета. Если же работа осуществляется за счет какого-нибудь завода, на котором предусмотрено строительство цеха необрастающих составов, то плановый отдел составляет договор, который направляется для подписания директору этого завода. Директор, разумеется, неукоснительно подписывает этот договор, как бы ни велика и несообразна была бы стоимость разработки этой темы. Необходимо только, чтобы плановые организации утвердили эту стоимость. Функционеров из плановых организаций также совершенно не интересует стоимость этой работы. Необходимо только, чтобы общая стоимость всех работ по соответствующему министерству или республике на превышали утвержденных ассигнований. Общие же ассигнования определяются чисто арифметическим путем, то есть прошлогодние ассигнования увеличиваются на 5–10 или 15 процентов.

В целом стоимость темы определяется только патологическими вычислениями тех функционеров из лабораторий и планового отдела научно-исследовательского института, которые набили руку на этом арифметическом упражнении.

После описанного оформления начался бы следующий очень важный этап выполнения работы. Партбюро, местком, профуполномоченные, начальник планового отдела и его подручные, начальники лабораторий, их заместители, руководители групп и непосредственные исполнители занялись бы составлением договоров о социалистическом соревновании. Партбюро и местком вдохновляли бы всех остальных, исходя из основ карлсистко-ильичевского понимания истории, исторического и диалектического материализма, а остальные бы подпевали своим идеологическим вождям.

А вообще-то все делалось бы сравнительно просто. В соответствии с разработанным с потолка графиком исполнители бы уменьшили на 1–5 дней срок выполнения их части работы, некоторые добавили бы несколько патетических выражений о горячо любимой родине и т. п. После этого были бы вывешены графики и рекламные объявления о социалистических обязательствах. Эта часть работы выполнялась бы функционерами-энтузиастами из планового отдела, партбюро и месткома. Итак, самая важная и основная часть работы по разработке темы — бюрократическо-пропагандистско-энтузиастская — была бы выполнена.

Через 2,5–3 года энтузиасты, наконец, приступили бы «с огоньком» к менее важной части работы – к собственно разработке.

Утром исполнители и начальники изо всех сил спешили бы на работу и, соскакивая с трамвая, автобуса или троллейбуса, бегом, задыхаясь, как марафонцы, вбегали бы в институт. Не дай бог опоздать.

Энтузиасты-функционеры из отдела кадров, месткома и вохросомола стоят наготове с фотоаппаратами. Фото выставят с соответствующими объяснительными надписями рядом с самоотверженными энтузиастскими соцобязательствами – и затем надо писать всяческие объяснения.

Но на марафонском беге энтузиазм заканчивается. Успев вовремя на работу и оседлав свое рабочее место, мужчины берутся за газеты, а женщины вынимают зеркальца, помаду, пудру и начинают приводить себя в соответствующее рабочее состояние. После все направляются в соответствующие туалеты. Придя из туалетов, энтузиасты обмениваются свежими анекдотами, новостями и сплетнями. Закончив со столь необходимыми приготовлениями, энтузиасты принимаются за работу.

Раньше всего надо изучить литературу.

На столах у энтузиастов лежат кипы литературы. Некоторые энтузиасты, раскрыв на своем столе иностранную техническую литературу, с упоением читают модный роман, лежащий в слегка выдвинутом ящике стола.

Так работают «с огоньком» вохровские энтузиасты от науки…

Через два-три года два, три или четыре этапа разработки технологического процесса производства необрастающих красок были бы с успехом закончены. Энтузиасты из партбюро обсудили бы успешное окончание этой боевой темы и, покритиковав некоторые недостатки организации и взаимосвязи лабораторий, разрабатывающих тему необрастающих красок, с карлсистски-ильичевских позиций указали бы пути исправления этих недостатков.

Функционер-энтузиаст месткома, проверяющий выполнение социалистических обязательств совместно с функционером из СПИ (сектор проверки исполнения) констатировал бы досрочное выполнение принятых повышенных социалистических обязательств. На ближайшем заседание месткома были бы распределены первые и вторые места в социалистическом соревновании. Лаборатория красок получила бы переходящее знамя, а лаборатории лаков, ядов и аналитическая – вымпелы. Лаборатория красок получила бы первую премию, а лаборатория лаков – вторую.

Лаборатория красок получила бы звание лаборатории вохристского (коммунистического) труда, а многие энтузиасты из остальных трех лабораторий, с таким упоением читавших модные романы в слегка выдвинутых ящиках их рабочих столов, получили бы звание ударников вохристкого труда. Энтузиасты-функционеры месткома ударно позаботились бы об организации картинной галереи лучших ударников вохристкого труда за предыдущий год. В центре картинной галереи размещалась бы групповая фотография работников лаборатории красок, с которой победно и скромно глядели бы начальник и парторг лаборатории. Остальные фотографии ударников вохристкого труда размещались бы по обе стороны центральной групповой фотографии.

Работники института толпились бы у этой прекрасной витрины и с удовлетворением рассматривали вдохновенные лица ударников.

Спешно отпечатанный отчет о методе производства необрастающих составов был бы направлен в соответствующее Управление Министерства. Не прошло бы и полгода, как функционеры из Министерства утвердили бы отчет.

Еще через полгода отчет был бы передан проектному институту «Гипролакокраска» с поручением выполнить проектное задание.

Так как исследование вместе со всей подготовкой затянулось уже на 5–6 лет, Министерство обязало бы «Гипролакокраску» выполнить проектирование в кратчайший срок и только в две стадии: расширенное проектное задание (вместо проектного задания и технического проекта) и рабочие чертежи.

Для выполнения расширенного проектного задания был бы назначен срок в три месяца. Три месяца по всем законам спихотехники длилась бы переписка между «Гипролакокраской» и Министерством. Но функционеры из Министерства грозно и неуклонно настояли бы на своем, после чего функционеры спешно начали бы выполнять расширенное проектное задание.

Так как исполнители заинтересованы в получении премий за досрочное выполнение и за экономию, проектное задание было бы выполнено за 10 дней до срока и были бы введены изменения без какой-либо проверки лабораторией красок (лабораторией вохристского труда), которая после получения звания, премии и показа на картинной галерее уже потеряла всякий интерес к этой работе. Итак, проектное задание было бы выполнено за 2 месяца 20 дней и притом было бы принято более экономичное решение. В срок менее чем 1-1,5 года соответствующие функционеры из Министерства с помощью экспертов, мало разбирающихся в незнакомом для них процессе, утвердили бы проектное задание с некоторыми переделками. Исполнители получили бы премию за экономное решение. Начальники монтажно-технологического и планового отдела, директор, главный инженер и его заместители, которые и вовсе не участвовали в разработке проектного задания, не считая их «огромного труда» при подписании чертежей (на кальках), расчетных записок и смет, получили бы самые большие премии.

Переделки осуществлялись бы уже с меньшей спешкой, так как премия за экономное решение уже была бы выплачена. Месяцев через шесть переделки были бы выполнены, после чего был бы определен срок выполнения рабочих чертежей в очень короткий четырехмесячный срок.

Рабочие чертежи в чрезвычайной спешке были бы выполнены за 10 дней до срока, чтобы опять получить премию за досрочное выполнение, и немедленно были бы отправлены заводу-заказчику для получения соответствующей справки, в соответствии с которой Строительный Банк выплатил бы премию.

Директор завода-заказчика такую справку неукоснительно выслал бы, чтобы не портить отношения с проектным институтом, хотя никто из функционеров завода-заказчика не разобрался в качестве проектной документации. После этого началась бы длительная переписка о привлечении подрядной организации для строительства установки необрастающих составов. При удаче через год какая-нибудь подрядная организация приступила бы к строительству и получила бы от директора-заказчика всю проектную документацию с грифом «к производству». Подрядная организация обнаружила бы множество несообразностей в проектной документации – таких, которые не заметил не только директор-заказчик, абсолютно ничего не понимающий в этих делах и даже не умеющий читать чертежи, но и более грамотные функционеры этого директора, которые также мало смыслят в проектировании и строительстве.

Началась бы длительная и нудная переписка с проектной организацией.

Работники проектного института уже не спешили бы с исправлением дефектов наспех сделанного проекта, так как премию за досрочное выполнение они уже давно истратили, а за плохое качество проектной документации никто никакого штрафа не платит, не говоря уже о том, что вину за плохое качество проекта можно свалить на кого угодно: на экспертов и функционеров из Министерства, которые утверждали проектное задание, на работников всяческих Госпланов и смежных учреждений, у которых заручились всякими бумагами о поставке сырья, топлива, энергии и т. п., на работников ведомств водопровода, канализации, железных дорог, электростанций, у которых также заручились всяческими бумагами о согласовании и поставках электро- и теплоэнергии, воды, приема канализационных вод и т. п.

Блестящие мастера спихотехники так обеспечили себя всяческими бумагами, что сам черт ногу сломит при выяснении о том, кто виноват в просчетах.

А вообще со времени начала проектирования прошло-бы уже 3–4 года и проектная документации устарела бы. За это время изменились бы пожарные нормы, правила техники безопасности, типы аппаратов и насосно-компрессорного оборудования, появились бы новые тенденции по установке ряда аппаратов под открытым небом. В результате проектировщики исправили бы не только дефекты и просчеты первоначального проекта, но начали бы кардинально переделывать проект.

Тем временем подрядная организация срочно осуществляла бы выгодные объемные работы и строила коробки и металлоконструкции. Проектная же организация, неопровержимо доказавшая Министерству и Госпланам выгодность переделки проекта, добилась бы новых ассигнований на проектные работы.

Вновь появились бы экономные решения, за которые проектировщики получили бы новые премии, а директор, главный инженер и его заместители – еще и двухмесячные оклады по статье «новая техника».

Хотя проектировщики предусмотрели бы новые решения таким образом, чтобы аппаратура размещалась в уже построенных коробках и металлоконструкциях, последние пришлось бы ломать: это было бы выгодно для подрядной организации, так как увеличивало количество выгодных объемных работ.

Со времени начала строительства прошло-бы уже 4–5 лет.

За это время последовали бы уже 4 грозных решения ЦК партии и правительства о четырех разных сроках окончания строительства. Были бы осуществлены многие «оргмеры», то есть были бы сняты с работы руководители разных подрядных, субподрядных организаций и дирекции завода, на территории которого строился цех необрастающих красок, и назначены новые. (Старые руководители получили бы назначения на другие стройки с понижением, а иногда и с повышением).

Для ускорения строительства приехали-бы начальники Главных Управлений со стороны подрядчика и заказчики и даже заместители министров. Они бы начали усердно проводить бесчисленные оперативные совещания, вызывать исполнителей и всячески терроризировать их.

Так или иначе, но к четвертому грозному сроку объем строительства выполнили бы на 99% и через 6–7 лет после начала строительства торжественно было бы объявлено о начале пускового периода.

Заместители министров и начальники Управлений, «блестяще» справившись со своей задачей, с торжеством уехали бы.

Но хотя цех необрастающих красок и был бы сдан, но в акте о приеме цеха, составленном совместно заказчиком и подрядными организациями, значились бы тысячи крупных и мелких недоделок.

Подрядным организациям невыгодно было бы заниматься этими недоделками, так как все деньги уже получены и ликвидация недоделок затянулась бы еще на полгода, а то и год.

Наконец, после ликвидации этих недоделок, был бы осуществлен реальный, а не бутафорский пуск цеха, торжественно была бы выпущена первая партия необрастающих красок, репортеры газет фотографировали бы героев-производственников, строителей и эксплуатационников. Местная городская, областная пресса и какая-нибудь центральная газета писали бы о новой очередной победе вохровского строя, об огромной экономии иностранной валюты.

Между тем, после испытания первой партии необрастающих красок было бы обнаружено их скверное качество. Судно, покрашенное ими, вернулось бы из плавания с сильно обросшей морскими организмами подводной частью. Началась бы длительная переписка между морским ведомством и предприятием. Каждый из контрагентов обвинял бы другую сторону. Морское ведомство попрекало бы завод скверным качеством необрастающих красок. Предприятие отвечало бы, что эти краски неправильно использовались, мол необрастающие составы рассчитаны на плавание в других районах мирового океана, а, судно забралось в район Сарагасового моря!

Кроме всех этих бед проектная мощность была бы освоена только на 40% вследствие крайне спешной разработки проектного задания и рабочих чертежей. После длительной переписки выезжали бы бригады проектировщиков, переделывались бы проект и установки.

Только через 2–3 года проектная мощность была бы освоена, но генеральная смета была бы перерасходована вдвое.

Итак, то, что в далекие идиллические времена выполнили между делом молодые инженеры Мультатули, Исакович, их два помощника и десяток рабочих за год с небольшим, – через полвека блестящих побед вохровского строя на базе карлсизма-ильичевизма делали бы 15-20 лет сотня работников научно-исследовательского института, полсотни работников проектного института, десятки функционеров заказчика, подрядчика и множество рабочих – строителей и монтажников.

Неискушенному читателю это описание может показаться гротескным, но люди, которые работают в вохровских научно-исследовательских, проектных, строительных организациях и на заводах знают, что вохровская реальность гораздо гротескнее.

Проектированием, строительством и освоением цехов ультрамаринового производства, как отмечено выше, занимался в основном Исакович. Но и на долю Мультатули выпало множество дел. Шихта для обжига состояла из множества составных частей: каолина, инфузорной земли, сульфата натрия, серы и других. Определяющим было качество каолина отчасти инфузорной земли. Значительное влияние на малоисследованный процесс производства ультрамарина оказывали способ изготовления тиглей, в которых обжигалась шихта, и пористость этих тиглей. Следовало быстро наладить химический и гранулометрический анализа каолина. Скоростной химический анализ каолинов на базе методики Лунге и Тредвеля удалось организовать достаточно быстро. Тут главными специалистами стали Лишенцвет и Мультатули.

Труднее было с гранулометрическими анализами, определяющими дисперсность каолина. Пришлось несколько изменить известный метод Шенэ, конструировать прибор и заказывать его у стеклодува. Разрабатывать этот метод пришлось Мультатули. Но труднее всего оказалась выработка метода определения пористости черепка тиглей. Традиционный метод заключался в установления общего объема пор черепка. Для этого определялся удельный вес черепка, затем черепок погружался в расплавленный парафин, парафину давали остыть, и определялся удельный вес черепка, покрытого парафином, который закрывал все поры. На основании этих данных измерялся общий объем пор. Но этот полученный результат не давал представления о скорости прохождения газов через поры. При одинаковом объеме пор (отверстий) их количество и диаметр могли быть разными и, следовательно, скорость прохождения газов была неодинаковой.

В конце концов Мультатули сконструировал прибор, с помощью которого очень быстро можно было непосредственно определить скорость прохождения воздуха через черепок.

Исакович при строительстве ультрамариновых печей предусмотрел сооружение маленькой опытной печи на сотню тиглей (тигли были рассчитаны на 8 кг. шихты). В этой печи испытывались различные шихты, в состав которых входили каолины из различных месторождений, и тигли с различной пористостью. Накопилось большое количество материалов по химическому и гранулометрическому составу каолинов, составу смеси для изготовления тиглей с соответствующей пористостью и соответствующим различным каолином и тигли с разной пористостью и качеством ультрамарина (красящей способности, дисперсности, цвету и т. п.).

Исакович понатыкал в печи термопары и осуществлял эксперименты с различными тепловыми режимами обжига шихты для производства ультрамарина. Испытывались различные составы шихты, различные режимы мокрого помола и различные составы смеси для изготовления тиглей.

В результате производство ультрамарина было прилично освоено, его качество оказалось весьма удовлетворительным, а выход первого сорта – выше нормы. Малоисследованное производство ультрамарина, включая проектирование, строительство, различные эксперименты, было освоено за полтора года, причем были налажены анализы сырья, полуфабрикатов, готовых изделий и осуществлены, как отмечено выше, некоторые исследовательские работы. И все это осуществили Исакович, 2–3 мастера и 4 работника лаборатории.

Выше, на примере разработки необрастающих составов, было уже показано, сколько ресурсов и времени потребовалось бы для организации неисследованного производства ультрамарина ныне – на базе карлсизма-ильичевизма.

В нынешние счастливые времена основным и желательным стимулом разработки какого-нибудь действительного прогрессивного нового или даже липового бутафорского процесса является желание того или иного научного работника получить еще одну галочку (опубликовать еще один «труд»), либо получить авторское свидетельство, либо добыть материал для диссертации на звание кандидата или доктора наук. Ведь научная степень позволяет довести свои доходы до 300–1000 вохриков в месяц и

почить на лаврах. Поэтому при наличии всяких связей и прочих возможностей в научно-технических журналах публикуют множество макулатуры.

А Исакович и Мультатули, накопившие достаточно ценные материалы по производству необрастающих красок и ультрамарина, не опубликовали их. Впоследствии Исакович погиб в одном из лагерных воспитательных заведений, а Мультатули тоже попал в эту благословенную систему, и все тетради с записями пропали.

После освоения производства необрастающих красок и ультрамарина Исакович и Мультатули с такой же стремительностью принялись за освоение цветных красок: кронов, милори, хромово-свинцовых зеленей, киноварей, баканов и других.

Прежде всего Мультатули взялся за разработку быстрого метода определения основного уксусно-кислого свинца. Ему удалось достаточно быстро разработать объемный метод определения количества свинцовых солей с помощью децинормального раствора двухромовокислого калия в присутствии внешнего индикатора – азотно-кислого серебра. Вообще-то Мультатули, возможно, несколько переоценил результативность своего метода и даже решил опубликовать статью на эту тему.

В те идиллические времена авторов, желающих публиковать свои «труды» было мало, еще не наблюдалось шпиономании и совершенно маниакального засекречивания. Не существовали при каждом институте комиссии, которые должны были удостоверять отсутствие секретных данных в публикации и согласие института на публикацию данной работы.

Редакторы научных журналов с охотой почти без изменений публиковали присылаемые работы и не требовали никаких актов упомянутых комиссий. По существу, не было никакой цензуры для научно-технических работ. Это в нынешние счастливые времена помимо цензуры упомянутых институтских комиссий, установлена очень жесткая редакционная цензура. Нельзя публиковать мощности и другие экономические показатели, а также технологические процессы отдельно взятых предприятий. Нельзя приводить сравнительные технические и экономические показатели тмутараканских и зарубежных заводов, если показатели зарубежных предприятий превосходят тмутараканские. Наконец, если ты прорвался через все эти рогатки, нужно ждать в очереди 6–12 месяцев, пока опубликуют данную работу. К этому времени даже те работы, которые имеют какую-либо ценность, устаревают. Разумеется, если работа подписана академиком или в ее соавторы привлечен какой-нибудь влиятельный функционер, она публикуется значительно быстрее.

В те времена работу Мультатули по быстрому определению свинцовых солей «Журнал Химической Промышленности» опубликовал быстро, без приложения каких-либо актов и с небольшими сокращениями. Это была первая опубликованная работа Мультатули. Ему было всего 26 лет, и он испытал значительное удовлетворение, когда читал свою статью в научном журнале.

На заводе имени Климова были разработаны также методы анализа полуфабрикатов милори, и вскоре производство кронов, милори и хромосвинцовых зеленей строго контролировалось лабораторией. Во времена рестэпа усилилась конкуренция частных предпринимателей. Конкуренция была весьма грозной, тем более что частные предприниматели имели возможность подкупать государственных функционеров из отделов снабжения. Поэтому качество продукции требовалось очень высокое.

Исакович и Мультатули даже выписали ступенчатый фотометр (Stuffenphotometer) из Гуннии для более точного сравнения оттенков образца и готовой партии красок. Если случалось, что опытный глаз лаборанта или мастера устанавливал некоторое различие между образцом и средней пробой выпущенной партии, последняя браковалась и использовалась для производства более дешевой, так называемой защитной зелени.

В целом контроль сырья, полуфабрикатов и готовых изделий – при наличии только четырех работников лаборатории – был налажен достаточно удовлетворительно, хотя отсутствовало социалистическое соревнование, хотя лаборатория не добилась звания «лаборатории вохристского труда», не получала знамен и вымпелов и в ней не работали ударники вохристского труда.

Маленькому коллективу удалось добиться выпуска достаточно ярких партий лимонного и оранжевого кронов. Однако глет и уксусная кислота, необходимые для приготовления основного уксусно-кис-

лого свинца (главного полуфабриката для производства кронов) становились все более дефицитными. Мультатули и Исакович решили разработать метод изготовления уксусно-кислого свинца и крона на базе металлического свинца (который не был дефицитен) при минимальном расходе уксусной кислоты.

Через два месяца довольно напряженной работы в урочное и неурочное время Мультатули разработал весьма красивый метод производства краски. Он заключался в следующем. Свинец расплавлялся и гранулировался (расплавленный свинец медленно выливался в холодную воду). Гранулированный свинец размещался на ложном днище. Сверху подавался 4 % раствор уксусной кислоты, снизу подавался воздух. При этих условиях свинец легко растворялся в уксусной кислоте. Раствор циркулировал до образования основного уксусно-кислого свинца. Затем в этот раствор пропускалась углекислота. Образовывались основной углекислый свинец и раствор свободной уксусной кислоты необходимой концентрации. Этот раствор использовался для получения новой порции основного уксусно-кислого свинца из металлического свинца.

Из основного углекислого свинца и смеси раствора двухромовокислого калия и серной кислоты получали крон очень красивого лимонного оттенка.

Исакович спроектировал опытно-промышленную установку, и она была построена. Тем самым был не только заменен дефицитный глет, сокращен расход уксусной кислоты и получен крон с большой укрывистостью (кроющей способностью) и красивым оттенком, но и достигнут значительный экономический эффект. Эта работа была также опубликована в «Журнале Химической Промышленности» и подписана Исаковичем и Мультатули.

Для производства искусственных киноварей необходимы были искусственные анилиновые красные красители. Их получали из-за рубежа, что требовало расхода значительного количества иностранной валюты. Использовав зарубежные литературные данные, Мультатули разработал процесс получения paranitroanilinrot (паранитроанилиновый красный) из паранитроанилина и бетанафтола. Эту работу он не успел опубликовать.

Много занимаясь основными уксусно-кислыми солями свинца, Мультатули заинтересовался и основными уксусно-медными солями.

В те времена на некоторых заводах красок производили очень красивую и одну из лучших антикоррозийных красок – ярь-медянку. В значительной части ее использовали для покраски железных крыш. Основная уксусно-кислая медь голубого цвета, после того как ее смешивали с олифой и наносили на поверхность металла, приобретала очень красивый и яркий зеленый цвет.

Однако метод ее производства был совершенно варварским. Медные листы оборачивали тряпками, смоченными уксусной кислотой. Один лист клали на другой – таким образом, чтобы оставить возможность прохождения воздуха. Через две-три недели или даже через месяц на медных листах образовывался налет голубой основной уксусно-кислой меди. Штабеля медных листов разбирали и вручную оббивали ярь-медянку. Ярь-медянка очень ядовита, еще более ядовита, чем хромово-свинцовые краски. Люди, осуществлявшие такой процесс производства ярь-медянки, укорачивали себе жизнь.

Мультатули решил разработать безопасный и быстрый – «мокрый» – метод производства ярь-медянки через основные уксусно-кислые соли свинца.

К раствору медного купороса (CuSO4) он добавлял растворы основного уксусно-кислого свинца. Мультатули менял концентрации растворов, температуры, основность уксусно-свинцовых солей, смешивал растворы медленно и быстро. Он хотел получить в осадке серно-кислый свинец и коллоидный раствор основной уксусно-медной соли. Ничего не получалось. Мультатули уже решил бросить эту затею, но банку с последним раствором не опорожнил.

На следующий день в этой банке получился замечательный голубой гель. Золь полученной уксусно-медной соли требуемой основности, наконец, перешел в гель. Анализ подтвердил, что получена основная уксусно-медная соль [Cu(OH)2Cu(CH3COO)2].

Выкраска этой соли с олифой на стекле «зацвела» красивым зеленым цветом. Эврика! Была получена быстрым, эффективным, безопасным («мокрым») способом знаменитая ярь-медянка. Но… решив днем раньше бросить это занятие, Мультатули не записал условий получения коллоидного раствора основной уксусно-кислой меди. Он произвел еще множество экспериментов и анализов, однако так и не смог повторить свой удачный эксперимент.

Разумеется, можно было и не добиваться получения коллоидного раствора для отделения сульфата свинца от основной уксусно-кислой меди, поскольку укрывистость сернокислого свинца незначительна. Можно было добиваться получения достаточно укрывистой смеси сернокислого свинца и медянки, что значительно проще, но у Мультатули не было достаточных возможностей и времени. Впоследствии, года через три, он рассказал об этом своему приятелю Менингитчиру, работавшему в научно-исследовательском институте «Лакокраска». Тот позже поведал Мультатули, что ему удалось получить достаточно укрывистую смесь сернокислого свинца и медянки. Но, по-видимому, и Менингитчир не обеспечил практических последствий этой работы.

В заключение следует описать еще одну любопытную разработку, которой занимался Мультатули.

В те времена, в Государстве Тмутараканском освоили производство только одной искусственной смолы для производства лаков – глицеринового эфира абиетиновой кислоты (канифоли). Правда, в Колумбовии и других западных странах усиленно занимались изысканием других искусственных смол. В Колумбовии был выпущен фундаментальный труд Эллиса «Искусственные смолы», и Мультатули даже перевел его для себя – правда, с большим трудом, поскольку плохо владел сакским языком. Примерно, в 11–12 г. в.в.э. в ряде фундаментальных лакокрасочных журналов: Farbenzeitung, Peintures et Couleurs, гуннском, колумбовском и сакском, – появилась многообещающая статья варяжского инженера Pyhälä о методах производства эфиров канифоли не только из дефицитного церина (трехатомного жирного спирта), но из других жирных многоатомных спиртов, а также из ароматических.

В те времена Мультатули был еще достаточно наивен. Он верил, что в фундаментальных зарубежных журналах без основательной проверки не публикуют работ по столь важным вопросам. Инженер Pyhälä рекомендовал в качестве катализаторов этерификации перекись марганца и другие перекиси. Особенно заинтересовал Мультатули рекомендуемый Pyhälä эфир канифоли с фенолом. После многочисленных экспериментов по этерификации с фенолом, Мультатули установил, что кислотные числа полученных из канифоли смол очень велики, то есть процесс этерификации идет очень слабо и в присутствии перекиси марганца, и в присутствии прочих перекисей. В общем, Мультатули произвел весьма фундаментальную проверку Pyhälä и получил весьма негативные результаты, о чем сделал публикацию в «Журнале Химической Промышленности».

Pyhälä, по-видимому, не читал тмутараканских научно-технических журналов и не ответил на разоблачительную публикацию Мультатули. Но прав оказался все же Мультатули. В последующие десятки лет таких эфиров в качестве искусственных смол никто не производил и не использовал.

В целом период работы Мультатули на нижневодском заводе красок имени Климова был одним из наиболее творческих. После перехода из НИТО и увеличения размера его зарплаты он отказался от неприятной и трудоемкой бухгалтерской работы в щеточной артели и освободившееся время использовал для пополнения своих знаний в области техники. Он аккуратно читал все зарубежные лакокрасочные журналы, фундаментальные и рекламные, читал также все Handbuch и на гуннском, галльском и сакском языках. Гуннский язык он знал достаточно прилично. Галльскую литературу читал совместно с Немирович, которая детские годы совместно с отцом провела в Гельвеции. Сакскую литературу прорабатывал совместно со своим приятелем, который неплохо знал сакский язык.

Однако через два года после перехода Мультатули на завод красок все резко изменилось.

Спокойная и результативная работа канула в Лету. По существу, всем на заводе руководил технорук Исакович. Директор Черноградский, как часто происходило в те времена, являлся фигурой формальной, бутафорской. Это был достаточно добродушный человек, который плохо знал производство и не вмешивался в эту сферу.

Несмотря на конкуренцию частных предпринимателей, завод работал рентабельно. Трест «Нижневодсольхимтрест», в ведении которого находился завод, также мало вмешивался в дела предприятия. Но в 12 г. в.в.э. Черноградского сняли и назначили директором некоего Медведева. Новый начальник утверждал, что он член вохровской партии еще с 12 г. до великой вохровской эры. Соответствовало ли это действительности, неизвестно, но доподлинно было известно, что он состоит в дружеских отношениях с секретарем Нижеводского губкома партии и последний его всячески поддерживал.

Помимо всего Медведев оказался горьким пьяницей. А водка стоила дорого, и партмаксимума, который тогда составлял около 280 вохриков в месяц, директору явно не хватало. Медведев вступил в тесный контакт с заведующим складом, и они начали совместно осуществлять разные темные операции. Однако этому мешал Исакович, который до прихода Медведева фактически руководил всеми делами завода, в том числе и финансовыми.

Убрать Исаковича было не так-то просто. Он находился на отличном счету. Под его руководством было осуществлено быстрое восстановление завода почти от нулевого состояния. Он считался одним из самых знающих и энергичных инженеров не только в тресте, но и в городе.

Но у нового директора были неиссякаемая жажда и огромные связи. Он начал действовать. Вызвал из Кремлевии какого-то лаковаря-практика. Назначил его заместителем Исаковича по производству. Собрал шайку-лейку собутыльников. Как известно, нужда заставит зайца спички зажигать. Алкогольная жажда способствовала «изобретательству» Медведева.

Задолго до «изобретателей» из лучшей в мире вохровской тайной полиции, имевшей такого гениального главаря, как Виссарионов, Медведев изобрел «вредительство». Для этого не требовалось больших познаний. Первым делом он с помощью своих дружков-собутыльников, по-видимому, ночью разбавил децинормальные растворы хромпика в лаборатории. Кроны изготовлялись на базе лабораторных анализов растворов основного уксусно-кислого свинца. Следствием было ухудшение качества кронов и увеличение расхода сырья.

Тем не менее Мультатули вскоре обнаружил, что децинормальные растворы хромпика (двухромовокслого калия) разбавлены.

Тогда с помощью своих дружков-собутыльников Медведев маркировал первый сорт ультрамарина последним и наоборот. Короче говоря, он инсценировал «вредительство» намного искуснее, чем его последователи из вохровской тайной полиции через несколько лет.

Это может показаться выдумкой, но это было именно так. Истинным автором патента о вредительстве являлся Медведев! Он изобрел «вредительство» еще до «Рудниковского» и прочих «вредительских» процессов.

Автор этих строк встречал множество «вредителей» в лагерной системе перевоспитания. Все их козни оказались выдуманными вохровской тайной полицией. Все их признания были результатом пыток.

Автору этих воспоминаний известно только одно реальное «дело», причем совсем не вредительское...

Впоследствии на которостльском лакокрасочном заводе был арестован технорук. Мультатули его помнил. Этот технорук и его шурин были задержаны по подозрению во вредительстве в 14 г. в.в.э., через 2,5 года после «художеств» Медведева на нижневодском заводе.

Технорук Тимофеев и его шурин Галкин были приговорены к высшей мере наказания, которая затем была заменена десятью годами лишения свободы. В те идиллические времена ликвидации рестэпа и начала коллективизации к опытным инженерам вохры относились гуманно, поскольку без них было трудно обойтись. Тимофеев и Галкин отбывали наказание в каком-то конструкторском бюро вохровской тайной полиции, их хорошо кормили и часто разрешали свидания с родственниками. Менее чем через два года их выпустили. Тимофеева назначили главным инженером одного из заводов синтетического каучука, а Галкина заместителем главного инженера другого завода синтетического каучука.

Впоследствии, в 22 г. в.в.э., Мультатули в лагерной системе перевоспитания, в Честкуте, встретился с второстепенным персонажем этого «вредительского» дела. Этот человек рассказал следующее. В 10 г. в.в.э. Тимофеев и Галкин, видные тогда инженеры резино-технической промышленности, были командированы в Колумбовию. Там они встретились со старыми владельцами самого большого тмутараканского резино-технического завода. Владельцы, предполагая, что вохровской власти скоро придет конец и они вновь станут хозяевами завода, предложили Тимофееву и Галкину следить за тем, чтобы оборудование предприятия не разбазаривалось, и заботиться о его сохранности. Для этого они должны были привлечь других служащих завода.

Через какое-то посольство бывшие владельцы завода посылали Тимофееву и Галкину крупные суммы денег, часть которых они передавали завербованным служащим. Один из этих служащих оказался сексотом вохровской тайной полиции.

Любопытно то обстоятельство, что главарей этого почти невинного дела выпустили через два года, а второстепенный персонаж отсидел «от звонка до звонка» 10 лет в одном из самых жутких лагерей Заполярья – в Честкуте.

Таково единственно реальное «вредительское» дело, известное много видевшему Мультатули, – да и то вредительством была названа... забота о сохранности оборудования!

Но несомненно, что Медведев был прародителем «вредительства» в вохровском Государстве Тмутараканском. Таким образом, идея «вредительства» уже в 12 г. в.в.э. витала в кругах вохровской тайной полиции. Впрочем, вскоре была осуществлена довольно скверная инсценировка Рудниковкого «вредительского» дела.

Медведев, по-видимому, имел дружков в вохровской тайной полиции и хотел сразу убить двух зайцев. Во-первых, убрать Исаковича, чтобы безнаказано осуществлять свои темные дела с заведующим складом и завербованным для этих пакостей практиком-лаковаром, с которыми он в неумеренном количестве на какой-то даче распивал водку на троих, – а, во-вторых, патриотически вскрыть «вредительство» на прекрасно до него работавшем заводе. Для этого-то он весьма грубо и примитивно с помощью своих дружков-собутыльников и организовал «вредительство». Но вскоре истинное «вредительство» вскрыли Исакович и Мультатули, и этим шайка-лейка «старого члена партии» и его дружков-собутыльников была обезврежена. Тогда Медведев попытался привлечь на свою сторону Мультатули. Он повысил ему зарплату до 250 вохриков и намекал, что метит его на роль технорука с окладом 400 вохриков в месяц. В те времена руководящие инженерно-технические работники получали значительно более высокую зарплату, чем научные работники.

С другой стороны, Медведев намекал, что он связан с тайной вохровской полицией и если Мультатули не стакнется с ним, то ему не сдобровать. Но Мультатули был стреляный заяц и не испугался.

Исакович и Мультатули, хотя и знали, что Медведев в приятельских отношениях с самим вохровским нижневодским «губернатором», продолжали подбирать материал против директора. После отказа Мультатули перейти в пьяный, патриотический, вохровский «стан» Медведева, его убрали весьма оригинальным образом: командировали в Институт переквалификации инженеров-химиков, в Кремлевию!

3 марта 13 г. в.в.э. Мультатули впервые прибыл в вохровскую тмутараканскую столицу Кремлевию. Тогда он еще не ведал, что через 7,5 лет начнет свою карьеру в величественной и изумительной вохровской «гуманной» лагерной системе, в которой вместе с ним было «перевоспитано» в лучших вохровских традициях около 50 миллионов тмутараканских граждан (около 30 миллионов благодарных тмутараканцев, не пережив восторга от такого чудесного перевоспитания, отправились в лучший мир к своим праотцам). И начнет он свою карьеру в знаменитых Кремлевских «перевоспитательных» тюрьмах — Феликсянской и Склянской.

Особого впечатления Кремлевия на Мультатули не произвела, так как он прибыл из очень красивого города. Его только поразило, как мчатся сани по неровно умятому снегу, имеющему склон к трамвайной линии, и не попадают под трамвай.

Первым делом Мультатули купил карту столицы, которая впоследствии, между 25 и 40 г. в.в.э. в период наивысшей шпиономании и засекречивания, не продавалась и стала библиографической редкостью. По этому плану Мультатули, ни у кого ничего не спрашивая, прекрасно ориентировался в огромной Кремлевии.

Затем он разыскал в каком-то переулке в центре города Институт по переквалификации. Оказалось, что жильем Институт своих питомцев не обеспечивает.

Но в те времена, не в пример нынешнему счастливому периоду, перед непосредственным вступлением в светлое царство вохризма, когда почти невозможно получить пристанище в гостинице без «брони», можно было относительно легко устроиться в отдельном номере в любой гостиннице. В тот же день Мультатули оказался в какой-то второразрядной гостинице в Прицепе. На следующий день начались занятия в Институте по переквалификации инженеров-химиков.

Следует отметить, что организация этого Института была первой попыткой переобучить некоторых еще уцелевших старых инженеров, а в основном – «свежих» выпускников вохровских технических вузов. Инициатива создания Института переквалификации приписывалась председателю ВСНХ Валерианову.

Было собрано несколько десятков инженеров со всех концов огромного Государства Тмутараканского. Мультатули стал единственным представителем Нижневодска. Он был самым молодым – ему едва исполнилось 28 лет, и у него оказался самый маленький инженерно-технический стаж – 5 лет. Наиболее солидным питомцем этого Института был член правления кремлевского Анилинтреста – «старик» 50–55 лет с окладистой, с проседью бородой.

У Мультатули много лет сохранялось большое фото первого выпуска Института по переквалификации инженеров-химиком. На этом снимке был запечатлен также и Валерианов, который вскоре преждевременно умер. Впрочем, в тридцатых годах великой вохровской эры «проницательная» вохровская тайная полиция с помощью великой патриотки – некоей женщины-врача – установила, что Валерианов вместе с Пешкиным и многими другими великими тмутараканскими деятелями были отравлены шайкой врачей-ханаанцев. Через несколько лет после того, как отважный Никитов «разоблачил» «культ личности» было не очень четко установлено, что процесс ханаанских врачей-отравителей был очередной провокацией вохровской тайной полиции. Женщина-врач-патриот, награжденная за безумно-смелое разоблачение ханаанцев-отравителей орденом Ильичева, куда-то исчезла.

Состав преподавателей Института по переквалификации был великолепен. Среди них был лучший специалист в области катализа и высоких давлений – академик Итапьев, который вскоре, воспользовавшись тем, что читал лекции в Линбере, сбежал, будучи семидесяти лет от роду, к гниющим капиталистам. Разумеется, его сын, профессор Итапьев, отрекся от предателя-отца. Это ему не помогло. Он, как и многие другие, публично отказавшиеся от своих отцов и братьев, попали в вохровскую лагерную систему перевоспитания.

Будущий «предатель» великолепно преподносил свой предмет, и питомцы Института, если только у них было соответствующее желание, могли достаточно четко представить себе современное состояние катализа.

Коллоидную химию, которую тогда только начинали вводить в университетские курсы, читал известный специалист в этой области – профессор Камнев. О современном состоянии теории физико-химических процессов рассказывал молодой, но подающий большие надежды (ныне академик) вундеркинд Беринде, сын бывшего царского губернатора Кремлевии. Успехи органической химии излагал известный тогда профессор Рошыгин.

Самые лучше в те времена специалисты знакомили и молодых, и престарелых питомцев Института по переквалификации с совершенно новыми тогда в Государстве Тмутараканском дисциплинами – с «процессами и аппаратами», цветоведением, капельным анализом.

Один из вундеркиндов, специалист по окраске тканей, познакомил слушателей с его очень оригинальной векторной теорией цветов.

К сожалению, не все слушатели использовали возможность пополнения своих знаний. Некоторые предпочли превратить период переквалификации в своеобразный отпуск и прогулки по Кремлевии и Ильичевграду. Другим весьма интересные занятия оказались просто не под силу. У третьих уровень знаний изначально был недостаточен для того, чтобы воспринять лекции превосходной плеяды специалистов-лекторов.

Не подлежит сомнению, что не только в те замечательные времена, но и за весь период вохровской власти тот состав лекторов в области химии и химической технологии был наилучшим.

В этот один из наиболее удачных периодов своей жизни Мультатули извлек из лекций талантливых и высокообразованных лекторов все, что можно. Более того, из получаемых им командировочных он ухитрился экономить половину. На третий день после приезда в Кремлевию он оставил гостиницу в Прицепе. Вместе с еще одним из «питомцев» наняли меблированную комнату за 80 вохриков в месяц. При этом переезде еще и еще раз обнаружилось, что Мультатули родился в рубашке.

Во-первых, будучи в гостинице, Мультатули спрятал под матрас триста вохрихов и при выезде забыл их там. Номерная, убиравшая постель, на следующий день вернула эту весьма значительную для Мультатули сумму денег. Во-вторых, при переезде лошадь испугалась трамвая, понесла, сани опрокинулись, и Мультатули был вышвырнут на трамвайные пути. Вагоновожатому удалось остановить трамвай вплотную к Мультатули. Он пострадал минимально: чемоданом ему сильно расшибло нос и подбородок.

Мультатули временно (на месяц) был сильно обезображен. Но это не помешало ему продолжать свои усиленные занятия.

На сэкономленные деньги Мультатули покупал много книг. Приближался конец рестэпа. Все было очень дешево. Превосходный, вкусный кремлевский батон стоил 10 грошей. Неплохой обед – 50 грошей. У букинистов можно было достать почти любую книгу. Помимо слушания лекций Мультатули усиленно изучал соответствующую техническую литературу.

К тому времени он стал неплохим химиком, но был круглым невеждой в химической технологии, в области процессов и аппаратов. Лекторы Института по переквалификации привили ему вкус к химической технологии, и он усиленно занимался изучением процессов конденсации, ректификации, фильтрации, теплотехническими, в частности печными процессами. К его удивлению, за несколько месяцев он серьезно расширил свой технический кругозор.

К сожалению, это полезное и приятное времяпрепровождение нарушила его молодая жена-ведьма. Она неожиданно приехала к Мультатули в Кремлевию. Несмотря на то, что она полностью получила его весьма немалую по тем временам зарплату (250 вохриков в месяц), явилась без гроша.

Мультатули был вынужден нанять отдельную комнату. Начались семейные скандалы. «Дома» Мультатули больше не мог заниматься. Книг он также не мог покупать. Еле-еле хватило денег, чтобы вернуться с женой-ведьмой в Нижневодск вместе с дипломом об окончании Института по переквалификации инженеров-химиков.

Немедленно по возвращении на завод Мультатули включился в борьбу с шайкой Медведева. Он свел близкое знакомство со старшим бухгалтером на базе разговоров о методах бухгалтерского учета, поскольку Мультатули учился у самого Вейцела, автора первых учебников бухгалтерии в Государстве Тмутараканском. Старший бухгалтер посвятил Мультатули в темную комбинацию с бочками, которую провернули Медведев и заведующий складом.

Все эти материалы, а также материалы о «вредительстве» Исакович, Мультатули и Вингурт передали в городскую организацию инженерно-технических работников. Однако Медведев имел слишком могущественных покровителей. Делу не дали хода. Медведев окончательно обнаглел и издал какой-то безграмотный приказ, в котором что-то говорилось о «вредительстве», и уволил Вингурта.

В это время в Нижневодске появился Золотокузнецов, директор самого большого в стране Которостльского лакокрасочного завода, которого сопровождали некоторые работники этого завода и старший научный сотрудник научно-исследовательского института «Лакокраска» — Менингитчир.

Менингитчир читал статьи Мультатули, и он был рад познакомиться с ним, поскольку даже переоценивал его работы. Впоследствии они подружились, и эти приятельские отношения сохранялись до смерти доктора технических наук Менингитчира в 47 г. в.в.э.

Золотокузнецов объезжал все лакокрасочные заводы страны не только для того, чтобы познакомиться с методами производства красок и лаков (в этом он не очень-то смыслил), но и для переманивания наиболее толковых, по его мнению, работников. Менингитчир порекомендовал ему Мультатули как новатора в производстве красок и лаков. Золотокузнецов всячески расписал перспективы работы на «самом большом в мире» Которостльском лакокрасочном заводе и предложил Мультатули выгодные условия переезда в Которостль.

Мультатули обещал подумать.

Вскоре Мультатули, а вслед за ним и Исакович, не видевшие перспектив в борьбе с шайкой Медведева, ушли с завода. Кстати, впоследствии Медведев был снят с должности и переведен на... более ответственную работу, а Исакович и уволенный Медведевым Вингурт вернулись на завод имени Климова. Во времена апогея виссарионовского террора Исакович был направлен в лагерную систему перевоспитания на 10 лет, а Вингурт — на 5 лет. Исакович оттуда уже не вышел, а более крепкий Вингурт вернулся и поныне, несмотря на пенсионный возраст, работает все на том же заводе.

Мультатули решил переехать на работу в Которостль, но, будучи в Кремлевии, договорился с редакцией «Журнала химической промышленности» о том, что напишет монографию о производстве нитроцеллюлозных лаков. За этот труд он и засел после ухода с завода имени Климова.

Производство нитроцеллюлозных лаков к тому времени, в связи с развитием автомобильной промышленности, довольно широко было развернуто в Колумбовии. В Государстве Тмутараканском эта технология находилась в зачаточной стадии на том самом которостльском заводе, куда собирался перейти Мультатули. Таким образом, Мультатули выполнял сразу три задачи: знакомился с одним из производителей – Которостльским заводом, зарабатывал деньги (в те времена хорошо платили за литературную техническую работу — 600 вохриков за печатный лист) и увеличивал список своих «трудов». Работа над монографией, разумеется, была чистейшей воды компиляцией. Но Мультатули постарался ее выполнить настолько добросовестно, насколько это было в его силах.

Он изучил все, что было написано за последние пять лет в колумбовских, сакских, галльских и гуннских журналах о производстве нитроцеллюлозных лаков, а также растворителей и разбавителей для них. Он изучил несколько колумбовских фундаментальных руководств по производству нитроцеллюлозных лаков и методов анализа сырья, полуфабрикатов и самих лаков. Он просмотрел до 500 печатных листов всяческих материалов на трех иностранных языках, которыми владел достаточно скверно.

Даже если качество монографии было отнюдь не высоким, это была первая монография по нитролакам, изданная в Государстве Тмутараканском. 1,75 печатных листа – концентрированное изложение материала, объем которого был в 300 раз больше!

Было еще два соображения, в силу которых Мультатули решил переехать в Которостль. У него на руках было только зачетное свидетельство об учебе. Хотя он уже 5 лет работал после окончания института, диплома так и не получил. Его не допускали к защите дипломного проекта и дипломной работы. Вначале ему предложили сдать политминимум (задним числом, так как до 8 г. в.в.э. не преподавали историю вохровской партии, профгигиену и диалектический материализм, которые входили в политический минимум). Мультатули сдал его без подготовки.

Но тут возникли проблемы с малоскифским языком. Сданный Мультатули зачет аннулировали и объявили, что малоскифский язык следует сдать межвузовской комиссии.

У Мультатули руки опустились, и он решил плюнуть на изучение языка и и на диплом. Однако товарищи его урезонили и порекомендовали присоединиться к одной из групп, с которой занимался парикмахер из Западной Малоскифии, ныне профессор малоскифского языка.

За такие занятия по два раза в неделю «специалист» брал по 8 вохриков в месяц. В каждой группе было по 8 человек. Таких групп у «профессора» было до десяти, и он зарабатывал свыше 600 вохриков в месяц, громадную по тем временам сумму. Парикмахер был членом межвузовской комиссии.

Все же Мультатули кое-чему научился у носителя языка. В межвузовской комиссии он сдал малоскифские язык и литературу на «удовлетворительно». Вскоре объявили, что к защите дипломных проектов и работ будут допущены только те, кто сдал на «весьма удовлетворительно». Мультатули решил уехать в Великоскифию, где не требовали знания малоскифского языка.

Кроме проблем малоскифского языка было второе соображение: Мультатули решил на несколько месяцев отдохнуть от семейных скандалов. О своем решении переехать в Которостль он сообщил Золотокузнецову, и тот подтвердил свое приглашение.

Взлет и конец лакокрасочной карьеры. 1929–1931 гг.

Глубокой осенью 13 г. в.в.э. Мультатули ехал в Которостль. Севернее Кремлевии лесной и болотистый пейзаж казался ему, южанину, привыкшему к морю и степям, несколько необычным. Было немного грустно. Впервые он навсегда покидал теплые края, море.

Которостль произвела на него впечатление маленького, неуютного и скучного городка.

Золотокузнецов назначил его заместителем заведующего лабораторией и заведующим бюро рационализации. Самого Золотокузнецова поставили директором завода «Победа Рабочих» за полтора года до приезда на этот завод Мультатули.

Золотокузнецов происходил из Нижневодска, по национальности – ханаанец. До перехода на завод занимался профработой, а до этого участвовал в гражданской войне комиссаром полка. Он был очень энергичен и весьма честолюбив.

Предыдущий директор оказался горьким пьяницей, собравшим вокруг себя множество собутыльников из администрации завода. При нем на предприятии работали около 800 человек, и оно прозябало. Скверно работали цеха, которые были построены еще старым владельцем: цветных сухих красок, тертых масляных красок, масляных лаков и цинковых белил (из металлического цинка).

Каждым из этих четырех цехов руководили мастера-практики, которые с помощью бригадиров вели всю работу. Техноруком был очень опытный и образованный Тимофеев, в прошлом крупный инженер-резинщик. Заведующий лабораторией Коновалов, окончивший Кремлевский университет в 7 г. в.в.э., уроженец Которостли, отличался инертностью человек. Он уже успел приспособиться к вохровским порядкам, ничем себя не утруждал и только «руководил» лабораторией.

До прихода Золотокузнецова в лаборатории работали несколько девочек-практиков. Когда предприятием руководили предыдущий директор-пьяница и его собутыльники, завод все время лихорадило. Почти непрерывно ощущался недостаток сырья: хромпика, желтой кровяной соли, металлического цинка, льняного масла и пр. Завод работал рывками, с перебоями, план не выполнялся, несмотря на то, что трест спускал несложные задания. Завод был нерентабелен, получал государственную дотацию.

С приходом Золотокузнецова, который, кстати, ничего не понимал в лакокрасочном производстве и вообще в технике, всё начало довольно быстро меняться. Хотя Золотокузнецов имел только начальное образование, он относительно редко ошибался в людях, обладал неисчерпаемой энергией, был очень работоспособен и упорен.

Сам принципиальный трезвенник, он быстро разогнал компанию пьяниц. Подобрал послушных секретаря парткома и председателя завкома. Достаточно быстро распознал положительные качества технорука Тимофеева, мастера цеха тертых красок Обезьянкина и братьев Ивановых, работавших по снабжению и сбыту. Этих работников Золотокузнецов приблизил к себе, старался предоставить им всякие преимущества и стремился поддерживать с ними хорошие отношения.

Коновалов, хотя был подхалимом, не мог скрыть от директора свою вялость, безынициативность. Золотокузнецов давно решил заменить его и на должность заведующего лабораторией наметил Мультатули.

Золотокузнецов начал вербовать на завод новых работников, в первую очередь выпускников Васильевского политехнического института и Кремлевского государственного университета. Во время своих ознакомительных поездок он где только мог сманивал дельных работников.

Для ликвидации убыточности завода Золотокузнецов при финансовой и организационной помощи треста и завербованных молодых специалистов с некоторым стажем приступил к производству цинковых белил методом колумбовского инженера Витериля.

Самой простой была организация спец. цеха, где наладили выпуск деталей для снарядов.

В цехе нитролаков вначале производились только цапонлаки для ногтей и разных покрасок, затем начали изготавливать самые простые лаки для автомобилей. Главная трудность заключалась в дефицитности нитроклетчатки – основы нитролаков. Здесь был допущен некоторый авантюризм.

Нитроцеллюлозу решили заменить старыми негодными порохами, которые подлежали уничтожению. Эти пороха завод, разумеется, получал от военного ведомства бесплатно.

Тонна нитроцеллюлозы стоила в те времена около 10 тысяч вохриков. Казалось, что замена дорогой нитроклетчатки бесплатными, подлежащими уничтожению порохами должна принести значительную экономию как заводу, так и государству. В действительности только завод получал значительную прибыль, а народное хозяйство – убыток, не говоря уже о возможных авариях при переработке таких порохов. Дело в том, что нитролак на базе порохов обладал большей вязкостью, чем нитролак из доброкачественной специальной нитроклетчатки для производства нитролаков, – поэтому при получении нитролака с необходимой малярной консистенцией количество растворенной нитроклетчатки в данных растворителях резко уменьшалось.

Относительный расход дорогих растворителей, которые не увеличивали массу пленки, на единицу пленкообразующего материала (нитроклетчатки) резко возрастал. В результате пленкообразующий материал обходился народному хозяйству дороже несмотря на то, что использовались подлежащие уничтожению пороха.

Для уменьшения вязкости нитролака из порохов последние обрабатывались раствором аммиака, затем обработанные пороха сушились. Эти операции были крайне опасны.

После обработки порохов аммиаком малярные качества нитролака, по-видимому, ухудшались. Но никто не проверял, как изменяются антикоррозийная способность и укрывистость нитролака при использовании нитролака из порохов. Экономический эффект и прибыль подсчитывались весьма примитивно и считались равными стоимости нитроклетчатки, которая заменялась бесплатными порохами.

Таким же авантюрным было и производство цинковых белил из всяческих подозрительных отходов. В старом цехе цинковых белил на базе металлического цинка получали достаточно доброкачественные цинковые белила. В Колумбовии на печах конструкции Витериля получали вполне доброкачественные белила из проверенных цинковых руд. На заводе же «Победа Рабочих» на вновь построенных печах Витериля цинковые белила получали не из цинковых окисленных руд, которых не было в стране, а из цинковой изгари и прочих сомнительных цинковых отходов. Разумеется, и в этом случае никто не исследовал антикоррозийных свойств полученных цинковых белил. Более того, впоследствии было установлено, что тертые на олифе цинковые белила, пока доходили до потребителей, твердели в бочках и вообще не годились для употребления.

Это было, по-видимому, наиболее удачным вариантом, так как сельскохозяйственные машины, окрашенные такими недоброкачественными цинковыми белилами, разрушались коррозией и убытки народного хозяйства были намного больше, чем в том случае, когда тертые маслянные белила твердели в бочках.

Но агенты по всему Государству Тмутараканскому собирали цинковую изгарь и прочие цинковые отходы, особенно отходы в процессе паяния, при котором применялся хлористый аммоний. По суще-

ству, и новый цех нитролаков, и новый цех цинковых белил по методу Витериля выпускали брак. Но зато финансовое положение завода было укреплено, и он больше не нуждался в дотации.

Золотокузнецов был также большим мастером рекламы. Он свел знакомство с известным тогда журналистом Розичем, который позже, в 21 г. в.в.э., был объявлен врагом народа и уничтожен. Этот Розич в «Кривде» и других вохровских газетах писал о громадных успехах завода «Победа Рабочих», о том, как он негодные отходы превращает в золото, в ценные товары и все это делают энтузиасты – вохровские люди, работающие с огоньком под руководством Золотокузнецова, верного сына вохровской партии и героя гражданской войны.

Золотокузнецов стал популярным не только в Которостли, но и в Кремлевии. Он еще шире развернул свою деятельность. Был организован новый цех – эйкезолей, казеиновых красок для цветной обуви.

Казеин в те времена никто не производил. Склады завода были заполнены творогом, которым заменили казеин (казеин – сушеный творог). Немало творога сгнивало. Это тоже было большой потерей для народного хозяйства страны. Во-первых, увеличивались транспортные расходы, так как с дальних мест привозили творог, состоявший почти из одной воды, во-вторых, часть творога пропадала, в-третьих, уменьшались скудные пищевые ресурсы страны, которые и так начали иссякать, как только гениальный Виссарионов прикончил рестэп и стал насильственно-добровольно внедрять коллективизацию.

Но, как известно, искусно организованная реклама оправдывает все расходы, а Золотокузнецов на всю страну разрекламировал организацию производства эйкезолей. Все кожевенные заводы поддержали Золотокузнецова и забирали все эйкезоли, как годные, так и негодные. К тому времени как Мультатули начал работать на этом заводе, все эти новые цеха были уже организованы, а популярность завода «Победа Рабочих» и его энергичного директора Золотокузнецова успела чрезвычайно возрасти.

Вначале Мультатули чувствовал себя весьма неуютно. В лаборатории ему нечего было делать. Заведующий лабораторией Коновалов, да и многие молодые специалисты, которых Золотокузнецов успел навербовать и сунуть в лабораторию, относились к Мультатули с подозрением – отчасти, может быть, потому что ханаанец да притом еще из Нижневодска. Тем не менее молодым работникам внушало уважение то, что он несмотря на молодость был уже автором публикаций в «Журнале химической промышленности» и явно превосходил их в знании технологии лаков и красок, а также аналитической методики.

Коновалов из боязни конкуренции в коллективе не давал возможности Мультатули внедрить новые, разработанные им методы анализа полуфабрикатов. Вообще, несмотря на многочисленный штат лаборатории, анализ полуфабрикатов не был организован и цеха работали по старинке, руководствуясь чутьем старых и достаточно опытных мастеров. Эта пассивность подкреплялась тем, что качество продукции к тому времени стало резко ухудшаться по всей стране. Рестэп прикончили, у частных предпринимателей-рестэпманов вновь (в который раз) экспроприировали их предприятия – и собственные, и арендованные. Часть рестэпманов препроводили в начавшую расширяться лагерную систему перевоспитания, конфисковав все их имущество. Другие, более увертливые рестэпманы как-то устроились.

Всяческая конкуренция была ликвидирована. Начиналась великая первая пятилетка. Надо было выполнять и перевыполнять планы, то есть гнать на склады нужную и ненужную продукцию вне зависимости от ее качества. Началась длительная эпоха организованного товарного голода. Приоритет потребителей, как частных, так и государственных, был сведен к нулю. Почти все товары стали дефицитными. Весьма относительный хозяйственный расчет времен рестэпа (поскольку государство давало дотацию убыточным предприятиям) по существу был уничтожен.

Основным и единственно важным стало выполнение плана выпуска валовой продукции, вне зависимости от ее качества и рентабельности. Чем больше завод перевыполнял план, тем больше были почет и прочие материальные и моральные блага. Но сырье выделялось заводу в лучшем случае только на план. Удовлетворение плановых заявок на сырье было весьма редким явлением. Например, заводу

«Победа Рабочих» запланировали выпустить огромное количество лаков и красок – 20 тысяч тонн в год. А наряды на льняное масло не обеспечивали и 20 % потребности. Не было хромпика, не было желтой кровяной соли (железистосинеродистого калия), не хватало металлического цинка, анилиновых красителей, тяжелого шпата (сернокислого бария) и другого сырья.

К этому времени на заводе было организовано техническое бюро (из молодых специалистов). Им руководил способный и очень добросовестный молодой инженер-механик Костя Храбров. Впоследствии, через шесть лет, он был уже главным инженером Гипрокаучука, а в 22 г. в.в.э., как «враг народа» попал в лагерную систему перевоспитания, где и погиб.

Золотокузнецов дал Храброву задание: запроектировать производства хромпика из хромовой руды, доставляемой с Большого Камня, и желтой кровяной соли из рогов, копыт и поташа или соды.

Со всех концов страны стали свозить рога и копыта и хромовую руду из Большого Камня. И разработка проекта, и строительство этих производств были быстро осуществлены. Завод «Победа Рабочих» стал сам изготовлять хромпик и желтую кровяную соль. Это была очередная победа, и на завод сыпались со всех сторон похвалы. Золотокузнецов скромно и победно усмехался. Его авторитет еще более возрос.

В действительности экономический эффект этих «побед» был не только сомнительным, но попросту отрицательным. Транспортные расходы по доставке хромовой руды за тысячи километров резко увеличились. Вообще-то говоря, хромпик из хромовой руды производился на месте, на Большом Камне, что уменьшало транспортные расходы раз в десять. Кроме того мелкий масштаб производства хромпика на заводе «Победа Рабочих» и неопытность рабочих способствовали полной нерентабельности этой затеи.

Аналогичное положение было и с производством железистосинеродистого калия. К тому же поташа не было, и его пришлось заменить содой (углекислым натрием).

И действительно, несмотря на полное отсутствие хозрасчета, через несколько лет были ликвидированы и производство хромпика, и производство желтой кровяной соли. Но благодаря блестяще поставленной рекламе и перевыполнению плана авторитет Золотокузнецова и завода неуклонно возрастал.

Во все эти замечательные победы лаборатория не вносила никакого вклада, несмотря на то, что там сконцентрировалась большая часть инженерно-технического персонала. Энергично велись в лаборатории исследованиями по замене натуральной олифы (из-за дефицита льняного масла) искусственными олифами. Этим же занимался и научно-исследовательский институт «Лакокраска».

В основном искусственные олифы готовились на базе спирт-уайта. Однако ценность всех этих работ сводилась на нет, так как испытания искусственных олиф должны были производиться на «Крыше» годами. Тогда еще не были освоены быстрые методы испытания олиф и красок. Правда кое-что об этом, о schnell-methoden (быстрых методах) сообщалось в зарубежной литературе. Между тем льняного масла было весьма мало, а план выпуска красок и лаков был очень велик.

Завод выпускал непроверенные искусственные олифы и тертые краски на непроверенных искусственных олифах. Шел сплошной брак. Но качество и рентабельность никого не интересовали, а в тоннах завод перевыполнял план.

Лаборатория в основном занималась анализом сырья. Анализ готовых изделий производился выборочным порядком.

По существу, вся эта аналитическая работа производилась вслепую. Все сырье оставалось дефицитным, рекламации были излишни. Готовые изделия тоже становились дефицитными, и потребители не присылали рекламаций. Как отмечалось выше, Мультатули было нечего делать в лаборатории.

Бюро рационализации на всех заводах Государства Тмутараканского были бутафорскими, надуманными, бюрократическими, никому не нужными подразделениями. Впоследствии все заводские бюро рационализации были ликвидированы. Но пока они существовали, следовало составлять фиктивные планы рационализации, заполнять всяческие формы, которые придумывали вышестоящие организации.

Мультатули договорился с Золотокузнецовым о проведении им ознакомительной поездки по другим заводам красок и потребителям, главным образом по предприятиям сельскохозяйственного машиностроения. По возвращении Мультатули занял уголок в цехе цветных сухих красок и начал заниматься улучшением качества кронов, помогал приехавшему из Кремлевии Менингитчиру осваивать производство кронов по разработанному последним методу, на базе хлороокиси свинца. Но никому это не нужно было. Мультатули считал, что не оправдывает своей довольно высокой зарплаты – 300 вохриков в месяц, не говоря уже о значительных подъемных, которые он получил при переезде.

Он лихорадочно искал возможность что-либо реконструировать, ввести какое-либо новшество. Как функционер из бюро рационализации он ознакомился со всеми цехами и мог вполне представить себе нужды любого цеха и вспомогательных производств.

Наиболее дефицитным сырьем была красная анилиновая краска – литольрот. Она очень дорого стоила, ее получали из Гуннии и расходовали для этого свыше миллиона валютных вохриков в год. Этот краситель был необходим для производства самой дорогой эйкезолевой красной краски. Из-за того, что она была очень дорога, поддерживался... высокий удельный вес этой продукции в валовой продукции!

Между тем поставки литольрота были весьма нерегулярными. Наверху поставили вопрос об освоении производства литольрота Анилтрестом. Но Анилтресту было значительно легче осуществлять бюрократическую переписку, чем разрабатывать метод производства литольрота.

Мультатули решил разработать этот метод. В одном из колумбовских журналов было показано, что литольрот производится из паранитротолуидина и бетанафтола. Мультатули использовал свой опыт синтеза паранитроанилиновой красной на Нижневодском заводе красок. Он списался с некоторыми заводами полупродуктов в Малоскифбассе и получил сведения, что паранитротолуидин является отходом производства. Через месяц метод производства был разработан, и завод «Победа Рабочих» приступил к выработке собственного литольрота. В результате можно было увеличить выпуск красной эйкезолевой, удешевить ее и сэкономить больше миллиона валютных вохриков. Авторитет Мультатули резко повысился.

В 14 г. в.в.э. сгорела большая сушилка цеха цветных красок. Это наносило огромный урон не только выпуску сухих цветных красок, но и тертых масляных цветных красок. Первый пятилетний план был под реальной угрозой срыва. Золотокузнецов рвал и метал.

Еще до этого Мультатули не раз задумывался над странным свойством свинцовых белил. Если водную пасту свинцовых белил смешать с олифой, то вода выделялась и получались очень дисперсные тертые в масле свинцовые белила, почти не содержащие влаги.

Изучение коллоидной химии в Институте переквалификации инженеров-химиков, страстное желание ввести какое-либо новшество, удовлетворительно работавший тогда мыслительный аппарат и пожар в сушилке цеха сухих цветных красок помогли Мультатули быстро решить эту проблему.

В системе пигмент-олифа-вода возможность образования коллоидной системы пигмент-масло были оптимальнее, чем возможность образования коллоидной системы пигмент-вода. Но для этого вода и масло в системе пигмент-масло-вода должны были бы существовать в свободном виде. В действительности же масло и вода образовывали эмульсию: внутреннюю – масло, диспергированное в воде, или внешнюю – вода, диспергированная в масле. В случае свинцовых белил эта эмульсия разрушалась и пигмент свинцовых белил образовывал с маслом-олифой коллоидную систему – тертые в олифе свинцовые белила. Почему же этот процесс протекал только в случае свинцовых белил?

Мультатули было известно, что внутренняя эмульсия масло-вода значительно устойчивее внешней эмульсии вода-масло, причем последняя легко разрушается при механическом воздействии. Ergo, в случае со свинцовыми белилами имеет место образование внешней эмульсии воды, диспергированной в масле. Что же способствует образованию внешней эмульсии? Этому могли способствовать либо кальциевые, либо свинцовые соли олеиновой кислоты в олифе. Если это так, то проблема решена.

Мультатули получил кальциевые соли олеиновой кислоты и добавил их к смеси водной пасты крона и олифы. Вначале получилась немыслимая каша – неразделимая смесь пигмента-крона, воды и олифы.

Для помощи Мультатули пригласил инженера Тазина из лаборатории. После целого ряда экспериментов произошло «чудо».

После добавления олеината кальция в количестве одного процента от олифы смесь водной пасты крона и олифы при энергичном помешивании вначале густела, а затем внезапно стала редкой. Смесь олифы и крона оказалась на мешалке, а вокруг – прозрачная, чистая вода. Среди лабораторной публики царило возбуждение. Но дело было сделано наполовину. Олеинат кальция – слишком дорогое удовольствие. Мультатули уже заранее думал об этом и остановился на дешевом побочном продукте нефтепереработки – мылонафте, натриевой соли нафтеновых кислот. После добавления к мылонафту серной кислоты освобождались нафтеновые кислоты, которые при сочетании с известью давали кальциевые соли нафтеновых кислот. Они вполне заменили дорогую кальциевую соль олеиновой кислоты. Эффект добавки кальциевых солей нафтеновых кислот был таким же, как и при добавке олеината кальция.

Влаги в системе крон–олифа оставалось мало (0,2–0,5 %). Разумеется, следовало испытать полученный из водной пасты крон – тертый на олифе крон на «крыше». Но это длительное испытание невозможно было осуществить. Цех цветных красок из-за пожара сушилки стоял, план, несмотря на перевыполнение в остальных цехах, не выполнялся.

Мультатули спешно произвел производственный эксперимент в большой мешалке цеха тертых на олифе красок.

Произошло то же «чудо». По мере вращения мешалки густая смесь крона, воды и олифы становилась все более редкой, смесь крона и олифы осела на лопастях мешалки, и вся мешалка заполнилась чистой, прозрачной водой. Было немедленно налажено производство тертых красок из водной фильтрпрессной пасты.

Проблема замены сгоревшей сушилки была решена.

Но метод производства тертых на масле красок из водной фильтрпрессной пасты давал массу других преимуществ. Были упразднены не только резка и сушка фильтрпрессной пасты, но и помол, крайне вредный для здоровья рабочих.

Более того, фильтрпрессная водная паста была очень дисперсна и не содержала крупных частиц пигмента, остающихся даже при тщательном сухом помоле. Обычно, при сухом помоле, тертая краска пропускалась через вальцовые краскотерки 5–6 раз, а в случае переработки водной пасты – только один раз. Производительность цеха тертых красок увеличивалась в 5–6 раз. В целом, получалась многомиллионная годовая экономия.

В те времена Мультатули относился весьма индифферентно ко всяческим заработкам, а также не был заинтересован в получении патентов или авторских свидетельств. Зарабатывал он весьма неплохо, так как в дополнение к своей достаточно высокой зарплате получал еще доходы от преподавания. Он читал неорганическую химию в десятом классе профшколы и преподавал технологию красок и лаков и курсовое проектирование группе студентов из Васильевского политехнического института.

Золотокузнецов все больше раздувал значение завода «Победа Рабочих» и добился открытия при заводе химического техникума. В нем Мультатули тоже читал неорганическую химию.

Поэтому Мультатули отказался патентовать и подать заявку на разработанную им технологию – к неудовольствию Тазина, которого он привлек к проработке этой проблемы. Однако функционеры из треста заявили, что подача заявки – не личное, а государственное дело. Мол, для полного использования изобретения его следует запатентовать в главных капиталистических странах и затем продавать лицензию за валюту.

Мультатули был тогда не искушен в патентных делах, а потому не знал, что Государство Тмутараканское не подписало конвенцию по патентному праву и использует безвозмездно любые зарубежные патенты, из-за чего не может патентовать свои изобретения за рубежом и продавать лицензии. Мультатули вместе с Тазиным подали заявку и получили авторское свидетельство. Но от вознаграждения Мультатули опять отказался, вызвав осуждение Тазина.

Авторитет Мультатули укрепился еще сильнее, и он был назначен заместителем технорука. Вскоре после этого технорука Тимофеева арестовали. Золотокузнецов предложил Мультатули эту должность.

Мультатули шел только тридцатый год. Впрочем, Золотокузнецов был только на один год старше. Все тогда были молоды, вплоть до наркомов, возраст которых составлял 40–45 лет.

Завод «Победа Рабочих» еще более раздулся. Он поглотил небольшой завод земляных красок: охры, железного сурика и мумии, сажевый завод в Которостли и завод желтой кровяной соли (синькали) под Васильевым. Число рабочих комбината «Победа Рабочих» достигло двух тысяч. Он стал самым большим лакокрасочным заводом не только в Государстве Тмутараканском, но, пожалуй, в Европе.

Тогда с легкой руки Пешкина модно стало издавать «истории» заводов. Золотокузнецов, разумеется, одним из первых ухватился за этот новый вид рекламы. Он нанял все того же известного публициста Розича, который за солидные «творческие» и «командировочные» со слов Золотокузнецова накатал «героическую историю» его завода. В этой «истории», разумеется, Золотокузнецов высился над всеми на первом плане. Мультатули в числе многих прочих мелким шрифтом отмечался как один из многочисленных изобретателей. В этой «истории», конечно, ни слова не было о том, что завод выпускает много не испытанной и бракованной продукции, – да никто и не думал об этом.

Мультатули освоил все технологические процессы завода, но почти не знал его вспомогательного хозяйства: теплосилового, ремонтного, строительного и т.п. Вспомогательным хозяйством единоличноруководил Тимофеев, весьма опытный инженер. Начальниками котельной, ремонтного и электрохозяйства были весьма недалекие мастера-практики.

Незнание вспомогательного хозяйства смущало Мультатули, которому предстояло заменить Тимофеева, но отступать было некуда. Золотокузнецов убедил его, что никто лучше не справится, и Мультатули стал техноруком.

Он много разъезжал в поисках такого сырья, которым на заводе можно было бы заменить недостающее или дефицитное сырье.

Мультатули даже решил поехать в Среднюю Азию для того, чтобы наладить там добычу смитстонита (окисленной цинковой руды). Отправился он туда весьма оригинально.

Его ведьма-жена из ревности или других соображений заявила, что отныне «запрещает» ему уезжать в командировки. Для усиления «запрета» она спрятала костюм и рубашки Мультатули. Ему пришлось уехать в спецодежде, а рубашки заменить белой жениной кофтой. Во избежание сцен (жена была отчаянной скандалисткой) Мультатули решил обмануть супругу и уехал не по железной дороге, а пароходом вниз по Ловге. До Пешкина он не выходил из своей каюты первого класса, куда коридорный приносил ему пищу.

В Пешкине он купил себе костюм и рубашку. Но и дальше его преследовали всякие приключения. Было очень жарко. Мультатули часто выходил из поезда в погоне за водой. На станции Водкулук он выбежал за питьем без пиджака. Вернувшись в вагон, он обнаружил, что один из соседей по купе исчез, а с ним – его пиджак, в котором находились обе половинки аккредитива (в разных карманах) на 900 вохриков. В те времена эта сумма была довольно крупной. Мультатули оказался без пиджака и с несколькими вохриками в кармане доехал до конечной цели своего путешествия – Чимгора.

Но Мультатули, как всегда, везло. По приезде в Чимгор он почти сразу встретил агента завода и попросил у него 400 вохриков. Воришка, укравший пиджак, не смог использовать именной аккредитив, и через 6 месяцев сберкасса вернула Мультатули 900 вохриков.

Вообще-то, везучесть Мультатули действовала исправно. Как-то в Кремлевии при посадке в трамвай карманник вытащил у него бумажник, но стоявший рядом мужчина заметил это, отобрал бумажник и вернул его Мультатули. На Качкиве, когда Мультатули вместе с другими толпился у буфета, у него стащили часы. Милиционер заметил вора и отдал часы владельцу.

Итак, Мультатули благополучно обосновался в Чимгоре и начал вести переговоры с управляющим Чимгорским трестом по добыче свинцовых руд и руд других цветных металлов. Управляющий ока-

зался весьма ушлым – недаром был земляком Мультатули. Он предъявил ряд почти невыполнимых требований для организации добычи смитстонита. А смитстонит нужен был заводу позарез.

Мультатули уже тогда подозревал, что цинковые белила из изгари и других сомнительных отходов никуда не годятся, что подтверждалось лабораторными исследованиями, проводившимися по его распоряжению. Да и эти отходы были почти исчерпаны. Мультатули даже съездил в Тегжент, недалеко от которого размещались месторождения смитстонита, и убедил местное начальство в реальности добычи этой руды. Вернувшись в Чимгор, он продолжал переговоры с управляющим треста.

Мультатули вынужден был уехать еще до окончания переговоров. Внезапно он получил телеграмму, подписанную соседом, что сынишка его сильно заболел. Но уехать из Чимгора было весьма трудно. Чтобы добираться по железной дороге, нужно было ждать в очереди месяц, а самолетом – две недели. Помог управляющий трестом. Он был членом среднеазиатского ЦИКа, и по его удостоверению агент достал железнодорожный билет.

По приезде оказалось, что сын вполне здоров. Телеграмма была очередным трюком скандалистки-жены...

С Чимгором завязалась переписка. Все же некоторое количество смитстонита удалось получить.

Еще до организации Промышленной Академии, в которой пытались заполнить пробелы в знаниях хозяйственники – члены вохровской партии, герои гражданской войны, имевшие начальное или неполное среднее образование, нередко проводились кампания по их переобучению. В конце 14 г. в.в.э. был объявлен набор «тысячников» в один из институтов Кремлевии. В их число попал и Золотокузнецов. Некоторое время Мультатули через ФОН (факультет особого назначения) обучал Золотокузнецова алгебре, геометрии и физике.

Вскоре Золотокузнецов уехал учиться всерьез. Прочие «тысячники», начиная учиться, оставляли работу и получали соответствующую стипендию. Не таков был Золотокузнецов. Хотя он жил и учился в Кремлевии, формально оставался директором Завода «Победа Рабочих» и наведывался туда раз в 2–3 месяца.

Вообще-то Золотокузнецов всегда старался, чтобы двух членов «треугольника» (кроме него) «выбирали» из числа ограниченных, безвольных людей. Используя свое большое влияние, он всегда достигал своей цели. Перед его уходом в «тысячники» по его «рекомендации» в председатели завкома был «выбран» некий Подцунь. Как и следовало ожидать, он проявил себя как очень недалекий и вялый человек. Но его Золотокузнецов оставил своим заместителем. Поскольку Подцунь был абсолютно фиктивной фигурой, руководство заводом фактически перешло к Мультатули.

Хотя завод находился в зените своей «славы», наследство, полученное от Золотокузнецова, было непомерно тяжелым. Мелкие и крупные неприятности чередовались. Незадолго до ухода Золотокузнецова в «тысячники» на заводе появился авантюрист-«изобретатель» Юлий Ионович Рулье.

Это был пожилой, лет пятидесяти человек, высокий, с ясными правдивыми глазами, очень обходительный и вежливый. Он великолепно сумел втереться в доверие к Золотокузнецову. Его «изобретение» было связано с производством...обуви!

В тот момент коллективизация была в разгаре. Осчастливленные Висссарионовым и его подручными неблагодарные крестьяне – враги народа вырезали больше половины своего скота, считая – из-за своей политической и прочей безграмотности – что теперь скот колхозный, а не свой. Через год в стране не стало кожи для обуви.

Кое-кто из энтузиастов-рационализаторов высказал мысль о ликвидации этого дефицита за счет использования свиных кож. Одним из наиболее рьяных борцов за новый метод оказался Юлий Ионович Рулье.

Он выдавал себя за старого инженера, якобы учившегося в Агирском политехническом институте, где его, мол, преследовали за «изобретения», разумеется, из за зависти. И вот он, горя желанием помочь родному вохровскому государству и узнав, что дирекция славного завода «Победа Рабочих» покровительствует новаторам, решил бескорыстно предоставить одно из своих «изобретений» этому

славному предприятию. Он, Рулье, разработал оригинальный метод производства алюминиевых солей «рыбьих» кислот. Если этими солями «рыбьих» кислот обработать свиную кожу, она станет водонепроницаемой и ее можно будет использовать не только для верха, но и для низа обуви. Славный завод «Победа Рабочих» станет еще славнее, если он организует производство алюминиевых солей «рыбьих» кислот в заводском масштабе.

Когда Рулье рассказывал об этом, его правдивые глаза загорались задорным юношеским блеском. Поверил ли Золотокузнецов этому авантюристу, знал только он сам и унес с собой эту тайну в могилу, когда был уничтожен как «враг народа».

Но Мультатули, как только услыхал о каких-то неведомых «рыбьих» кислотах, понял, что Рулье – кустарь-авантюрист.

Золотокузнецов предложил Мультатули всячески содействовать Рулье и вместе с ним наладить производство солей «рыбьих» кислот. Под предлогом крайней занятости Мультатули отказался от чести организации столь замечательного производства, но обещал выделить Рулье уголок на производстве и в лаборатории и соответствующее оборудование.

Приведя Рулье в лабораторию, Мультатули окончательно убедился, что имеет дело с авантюристом. Так как точные аналитические весы на агатовых призмах были только недавно выверены, Мультатули распорядился о том, чтобы Рулье выделили менее точные весы на стальных призмах. Рулье уселся перед этими весами, начал восхищаться ими, грубо вращать рукоятку. Было ясно, что он никогда не имел дело с аналитическими весами и никогда не учился ни в агирском, ни в каком-либо другом политехническом институте.

Больше Рулье его не интересовал. Золотокузнецова он не пытался переубедить. Рулье с двумя рабочими «колдовал» месяца два. Затем в местной Которостльской газете появилось патриотическое сообщение Золотокузнецова и директора фабрики «Скороход» о том, что передовые энтузиасты двух лучших Которостльских заводов, движимые заботой о родном вохровском государстве, разработали метод обработки свиной кожи, после которой она становится водонепроницаемой. Решена колоссальная проблема. Энтузиасты приложат все усилия чтобы поскорее ликвидировать дефицит кожи. Тмутараканские граждане в избытке будут обеспечены дешевой и доброкачественной обувью, поскольку испытания на заводе «Скороход» дали вполне удовлетворительные результаты. Как были получены эти «удовлетворительные результаты», осталось личной тайной Рулье и директора завода «Скороход».

Рулье всенародно объявил, что он отказывается от какого-либо вознаграждения, так как заинтересован только в благоденствии родного вохровского государства. После этого заявления пламенный патриот отбыл с завода, вызвав слезы умиления у слушателей. Только впоследствии Мультатули случайно узнал, что Рулье «продал» заводу какой-то лом («оборудование» для производства солей «рыбьих» кислот) и по распоряжению Золотокузнецова получил десять тысяч вохриков, очень большую по тем временам сумму.

После того как вскоре Золотокузнецов уехал в Кремлевию в «тысячники», посыпались письма с кожевенных заводов. Кто просил 10 кг., кто 100 кг. солей «рыбьих» кислот. Мультатули понимал, что разоблачение Рулье будет связано с разоблачением Золотокузнецова и директора «Скорохода», а он сам окажется в роли Дон-Кихота, воюющего с ветряными мельницами.

Он поручил одному из братьев Ивановых, ответственному за сбыт, взяться за хитрую переписку. Отписываться пришлось немало.

Золотокузнецову захотелось выполнить первую пятилетку за два года и поэтому. он принял напряженный, совершенно нереальный план на 14-15 гг. в.в.э.

При всей изворотливости Мультатули и очень дельных братьев Ивановых, один из которых занимался снабжением, а другой сбытом, выполнить план в 14 г. в.в.э. не удавалось. В конце четвертого квартала Золотокузнецов появился на заводе. Прежде всего он справился, как с планом. Мультатули ответил, что больше, чем на 98%–99 % план выполнить не удастся. «Эх, вы шляпа!» – сказал Золотокузнецов и умчался к Иванову.

Через пару часов он вернулся к Мультатули: «План можно не только выполнить, но и перевыполнить. Во-первых, на складе достаточно желтой кровяной соли. Из нее можно приготовить милори. Это дорогая краска. Из милори и крона – изготовить зелень. Из зелени – защитную краску. Таким образом, дорогую милори можно будет провернуть трижды. Во-вторых, на складе много тяжелого шпата. Можно очень быстро переработать его на искусственную киноварь. В-третьих, можно достать сколько угодно творога и выпустить дополнительное количество дорогих эйкезолевых красок. Все это позволит выполнить план на 101 %». Мультатули возразил: «Во-первых, желтая кровяная соль заготовлена для того, чтобы в следующем году снабжать заводы сельскохозяйственных машин зелеными кронами, а защитная краска никому не нужна. Заказов на нее нет, и, вообще говоря, защитную готовят только из тусклых бракованных зеленых кронов. Во-вторых, тяжелый шпат заготовлен, чтобы в будущем году выпустить цинковые белила – если израсходовать шпат на никому не нужную искусственную киноварь, то придется выпускать цинковые белила без дешевого заполнителя и удвоится расход дефицитного импортного цинка. В-третьих: излишние эйкезолевые краски сгниют либо на нашем складе, либо у заводов потребителей – на кожевенных заводах».

Мультатули отказался выполнить преступное по существу распоряжение Золотокузнецова ради бутафорского выполнения плана. Золотокузнецов дал эти распоряжения соответствующим начальникам цехов. Те постарались, и план был «выполнен» больше чем на 101 %.

Часть эйкезолевых красок сгнила на складах завода «Победа Рабочих» и кожевенных заводов. Почти полгода тертые цинковые белила выпускались без наполнителя – тяжелого шпата. Были допущены значительное удорожание и перерасход дефицитного импортного цинка. Часть заводов сельскохозяйственного машиностроения остались без зеленых кронов.

Но план был перевыполнен, и фиктивный директор Золотокузнецов был увенчан новыми лаврами.

Еще одно тяжелое наследство, оставленное Золотокузнецовым, – разрекламированное по его поручению Розичем крайне опасное производство нитролаков из подлежащих уничтожению старых порохов, которые обладали скверной привычкой самовоспламеняться и взрываться. Потому-то они и подлежали уничтожению. Множество вспышек и пожаров в химической отрасли дополнялись этой постоянной опасностью взрыва порохов.

Однажды в ноябре, поздней ночью перед рассветом на заводе произошел сильный взрыв. Мультатули, накинув пальто прямо на белье, побежал к нитролаковому цеху. Он еще успел заметить, как из сушилки порохов выбежал живой факел и, не добежав до цеха нитролаков, упал. Тем самым был спасен цех нитролаков. Живым факелом была дежурная работница в сушилке порохов. За стеной этой сушилки были смонтированы две мешалки для обработки порохов аммиаком. Далее размещался склад порохов, где хранилось более 10 тонн старых порохов.

По предположению Мультатули, взорвалась только одна мешалка. Могли взорваться и вторая мешалка, и весь склад порохов. В этом случае разнесло бы весь завод.

Необходимо было немедленно раскрывать крышу и дать приток воздуху. В этом случае порох во второй мешалке мог бы «просто» сгореть.

Пожарные боялись лезть на крышу, хотя Мультатули убеждал их в том, что мешалка не может взорваться. Сам-то он в этом не был уверен. Но делать было нечего. Опасность угрожала всему заводу. Чтобы подбодрить пожарных, Мультатули сам полез на крышу. Собственно, он ничем не рисковал. Если бы мешалка все же взорвалась и пожарные, разбирающие крышу, погибли, он бы тоже погиб и отвечать пришлось бы только перед господом богом...

Но все прошло благополучно. Пожар был ликвидирован.

Вообще, в таких опасных условиях работы «рубашка», в которой родился Мультатули, спасала его неоднократно. Как-то раз во время пожара лаковарки масляных лаков вырвалась длинная струя горящего лака (раствора смолы в скипидаре) и почти смертельно обожгла стоящего рядом пожарного, а Мультатули отделался ерундой. Как-то, проверяя скипидарную «яму», Мультатули отступился с лесенки, ведущей вниз, и очутился по грудь в скипидаре. Все его слизистые оболочки, очутившиеся в скипидаре, страшно обжигало. Если бы Мультатули поскользнулся, конец был бы мучительным. Но

он не растерялся, ухватился за лесенку, выкарабкался и что есть духу помчался к цинковому цеху. Там под душем смыл жегший его скипидар.

Завод «Победа Рабочих» как будущий поставщик лаков и эмалей считался смежником строящегося огромного Пешкинского автомобильного завода. В 15 г. в.в.э. торжественно объявили о пуске этого гиганта. В качестве одного из ответственных работников Мультатули был приглашен на праздничную церемонию.

По приезде в Пешкин его встретили, посадили в автобус и куда-то повезли. Мультатули удивило, как автобус может передвигаться по сплошному морю грязи, в котором тонули его колеса. Но аборигены успокоили его, объяснив, что под этой грязью находится новехонькое шоссе.

Затем подъехали к зданию, оказавшемуся клубом, и высадили пассажиров прямо на парапет. Сойти с него для осмотра цехов оказалось невозможно: грязи было больше, чем по пояс. В конце концов гостей доставили в какое-то помещение, где были установлены топчаны, на которых лежали мешки, набитые то ли соломой, то-ли опилками. Их прикрывали сомнительной чистоты простыни. Кормили гостей какими-то подозрительными консервами. На следующий день началась официальная часть торжества.

С торжественными речами о чудо-гиганте, построенном в короткий срок патриотами, выступали хозяева и смежники. Всем было ясно, что пуск липовый. Завод сдали с огромным количеством недоделок. Затем еще много лет после отъезда технических консультантов-колумбовцев «осваивали» этот завод, который производил устаревший тип автомобилей, проданный колумбовцами. Колумбовцы, согласно договору, кроме поставки некоторого оборудования и технической консультации, обязаны были принять участие в подготовке кадров.

По этой программе с завода «Победа Рабочих» в Колумбовию направили начальника цеха нитролаков молодого инженера Ольховского. Он был достаточно добросовестным человеком, однако его командировка оказалась совершенно бесплодной. Во-первых, в Государстве Тмутараканском совершенно не было налажено производство того обширного ассортимента растворителей и разбавителей, который применялся в Колумбовии. Во-вторых, сомнительно, чтобы колумбовцы сообщали истинные данные о рецептуре и технологическом процессе того или иного лака и эмали.

Для проверки Мультатули поручил Ольховскому разузнать о технологическом процессе производства кронов непосредственно из металлического свинца. Данные, полученные Ольховским, были совершенно лживыми, о чем доподлинно знал Мультатули, поскольку технологию этого процесса он детально разработал еще на Нижневодском заводе красок.

По-видимому, и остальные данные, полученные тмутараканскими специалистами по автомобилестроению во время их длительной командировки в Колумбовию, были такого же сорта. Позже Мультатули узнал один безусловный результат этих зарубежных командировок. Через 5–6 лет Ольховский и остальные попали в систему лагерного перевоспитания то ли за то, что они слишком много видели, то ли потому, что одна сотая или одна тысячная часть этих парней могли якобы стать шпионами.

Ольховский выжил, вернулся из лагеря и был реабилитирован через 20 лет, но процентов 98 этих толковых парней остались в холодной земле тундры или тайги.

Во время торжественных патриотических речей по поводу липового пуска автомобильного гиганта Мультатули почувствовал себя весьма скверно. Как раз отходил какой-то автобус на вокзал, и он решил уехать восвояси. Мультатули был совершенно отравлен праздничным «угощением». Полуживым он добрался до Кремлевии. Еле добрался до буфета и сел. Он не мог ходить. Но вскоре из буфета его выгнали: начиналась уборка.

Держась за стены домов, Мультатули добрался до ближайших знакомых. Там его не узнали и не хотели пускать – так сильно он изменился за сутки после отравления. Больше суток Мультатули, совершенно обессиленный, отлеживался. Благодаря крепкому организму, он немного оправился и уехал к себе в Которостль. Позже Мультатули узнал, что все его коллеги из делегации отравились недоброкачественными консервами и попали в больницу. Были и смертельные случаи. Только Мультатули за счет мощного усилия воли вовремя уехал.

Таков был липовый пуск знаменитого Пешкинского автомобильного гиганта.

Следует отметить, что в то героическое время почти всюду осуществлялся такой бутафорский пуск заводов. И поныне огромные заводы сдаются с многочисленными недоделками и годами осваиваются, что приносит государству неисчислимые убытки.

Несмотря на блестящие «успехи» завода «Победа Рабочих», быт рабочих и служащих резко ухудшился. В результате виссарионовской коллективизации и ликвидации рестэпа продукты исчезли. Была введена карточная система. Продукты, выдаваемые по карточной системе, удовлетворяли только 15–20% потребностей рабочих и служащих. В столовой завода, расположенной в одной из старинных которостльских церквей, выдавали селедочный суп, отвратительный на вкус.

Мультатули зарабатывал очень много. За свои обязанности на заводе, преподавание и литературно-техническую работу он получал около 1000 вохриков в месяц. В те времена на эти деньги можно было бы приобрести 16 приличных костюмов, которые в нынешние времена стоят по 1500–2000 вохриков. Но продукты просто исчезли. Еще не открылись коммерческие магазины и коммерческие столовые, особенно в Которостли. Это специфическое положение ярко иллюстрируется следующим случаем.

В 40 километрах от Которостли размещался нефтеперегонный завод. Мультатули туда иногда ездил по вопросу использования нефтяного песка. Однажды, в 15 г. в.в.э., Мультатули направился туда на моторной лодке, принадлежавшей заводу «Победа Рабочих». Переночевал в общежитии и утром занялся делами. Проголодавшись, пошел в столовую нефтеперегонного завода. Но в столовой ему не выдали селедочного супа с кусочком хлеба, так как он не был к ней «прикреплен». Утолить голод можно было только яблоками, которые почему-то продавались в этой столовой. Но яблоки голода не заглушили.

Мультатули обратился к коменданту общежития и объяснил ему, что он, мол, главный инженер соседнего завода, помирает с голода и даже за деньги не может купить что-либо съестное. Тот обещал помочь и вскоре принес ему на тарелочке пять яиц. Он объяснил Мультатули, что эти яйца достал у кухарки колумбовского инженера, который живет здесь неподалеку в коттедже. Попросил гостя вернуть кухарке тарелку и уплатить ей соответствующую сумму денег. Мультатули так и сделал. Но кухарку он не застал. Поставил на кухонный стол тарелку и положил деньги.

В это время дверь из столовой открылась, и вошла жена колумбовского инженера. Она явно испугалась, увидев плохо одетого – с ее точки зрения – человека. По-видимому, таких главных инженеров в Колумбовии не встречала. Мультатули на ломаном сакском языке объяснил, что он не вор, а главный инженер соседнего завода. Миссис весьма недоверчиво отнеслась к этому объяснению, но успокоилась.

В этот вечер Мультатули с некоторым сарказмом сравнивал положение счастливых тмутараканских и эксплуатируемых колумбовских инженеров. Он заглянул в коттедж второстепенного колумбовского инженера. Этот домик показался ему царским дворцом по сравнению с его жалкой квартирой, уставленной примитивной мебелью. Его, Мультатули, главного инженера громадного завода, миссис второстепенного колумбовского инженера приняла за вора.

В те времена мудрые вохровские вожди решили максимально освоить технику загнивающего капитализма. Множество далеко не первоклассных зарубежных инженеров работали в Государстве Тмутараканском и получали за более легкую работу в десять и десятки раз больше, чем скифские инженеры, зачастую более опытные. Старые опытные скифские инженеры объявлялись «вредителями», и их либо отправляли к праотцам, либо помещали в расширяющуюся систему лагерного перевоспитания, либо за решеткой использовали в особых конструкторских или технических бюро вохровской тайной полиции.

В середине 15 г. в.в.э. «тысячник» Золотокузнецов по протекции своего брата, который к тому времени стал крупным функционером, был назначен начальником Управления строительства заводов синтетического каучука. Раньше Золотокузнецов проповедовал, что проработать всю жизнь на замечательном заводе «Победа Рабочих» – это высшее счастье.

Ныне он витийствовал, что освоить строительство первых в мире заводов синтетического каучука – это еще большее счастье. Он увел с завода «Победа Рабочих» многих лучших, наиболее добросовестных и энергичных работников. Кстати, через шесть лет большая часть этих работников с «Победы Рабочих» очутились в лагерной системе перевоспитания.

Соблазнял Золотокузнецов и Мультатули.

Но тогда Мультатули не счел возможным уйти, хотя было весьма соблазнительно заняться таким интересным новым делом и переехать в столицу Кремлевию.

После того как Золотокузнецов даже формально перестал быть директором «Победы Рабочих», туда назначили нового руководителя Дробникова. Он в прошлом был председателем Асфальтенского губисполкома.

В этот период то и дело раскрывали «гнойники». Разоблачен был и асфальтенский «гнойник». Дробникова сняли со всех своих постов и направили простым рабочим на завод «Победа Рабочих» вместе с еще одним персонажем из асфальтенского «гнойника». Из партии оба они не были исключены. Вскоре товарищ по несчастью стал секретарем партбюро, а Дробников – директором. Это очень характерно и свидетельствует о том, что все эти многочисленные «гнойники»,в значительной степени были обычными вохровскими выдумками.

Дробников оказался очень обходительным, достаточно покладистым и толковым человеком. При нем Мультатули вздохнул несколько свободнее. Больше не затевались опасные рекламные кампании. Разумеется, тяжелым грузом висели старые авантюрные дела.

Вскоре «выяснилось», что славный завод «Победа Рабочих» выполнял первую пятилетку за 2,5 года (!!Sic). Торжество было обставлено с большим треском. Завод получил областную премию в 200 тысяч вохриков. Портреты Золотокузнецова и прочих ударников красовались в старинном Которостльском театре.

Увы, в это же время Тмутараканская прокуратура, тоже движимая патриотическим энтузиазмом, возжелала и свою пятилетку закончить досрочно. Были затеяны много судебных процессов, в том числе, начался процесс работников завода «Победа Рабочих» по делу о многочисленных авариях и пожарах.

Незадолго до этого, после взрыва сушилки для порохов, на завод приезжали следователи из экономотдела тайной полиции и вели длительную беседу с Мультатули. Они у него спрашивали, как бы поступили диверсанты, если бы пожелали специально осуществить взрыв пороховой сушилки. Мультатули ответил, что он не спец по диверсиям. «Но все же, вы лучше всех знаете технологический процесс, помогите нам», – взмолились следователи.

Мультатули ничего не оставалось, как нарисовать картину предполагаемой диверсии. Он предложил такую схему. Когда сушилка не работает, можно из соседнего помещения провести медный провод и опускать его над медной сеткой, на которой сушится порох. Затем, когда смена вступит на вахту, сушилка будет включена в работу, сетки начнут сотрясаться, провод коснется сетки, произойдет короткое замыкание и… взрыв!

Через пару месяцев следователи из тайной полиции приехали за Мультатули, привезли его в экономотдел. Мультатули, ожидая приема к начальнику экономотдела, недоумевал, зачем он нужен тайной полиции, хотя нисколько не боялся.

Вскоре начальник экономотдела его принял. Он пожал ему руку и рассыпался в благодарностях: «Вы очень помогли нам. Вы как в воду глядели. Вы почти точно разгадали коварный замысел диверсантов. Взрыв пороховой сушилки – дело рук подлых диверсантов. Они намеревались в канун годовщины великой вохровской революции взорвать весь завод, но Вы локализировали пожар. У Вас на заводе работает часовщик. Он контрреволюционер – бывший эсер. Проверял часы в соседнем с пороховой сушилкой помещении, просверлил дырку, опустил мерный провод – и в результате взрыв. Часовщик сознался, припертый к стене неопровержимыми фактами. Он получил по заслугам».

Все это казалось Мультатули очень странным. И то, что смирный старый часовщик, отец пяти детей, оказался таким объявленным негодяем. И то, что придуманный им маловероятный вариант диверсии с такой точностью совпал с фактическим вариантом осуществленной диверсии. Мультатули тогда, несмотря на свой скепсис, был очень наивным человеком. Только впоследствии, когда он на собственной шкуре ознакомился с «гуманными» методами вохровской тайной полиции, ему все стало ясно как на ладони. Следователи, понимая, что Мультатули, будучи инженером, опытнее их и больше знает, заставили его придумать правдоподобный, по их мнению, вариант диверсии. Затем, пытая и угрожая расстрелом, они заставили беднягу-часовщика «сознаться» и подписать протокол с указанным вариантом. По-видимому, за «блестящее раскрытие» диверсии они получили по дополнительной лычке. А беднягу-часовщика расстреляли, осиротив пять детей. И в это очередное грязное дело они впутали Мультатули, заставив его «помочь» вохровской власти.

Итак, Которостльская прокуратура «выполнила план». Приглашения в суд на слушание «дела» по соответствующей статье были вручены Мультатули и многим другим «ударникам» – инженерам славного завода «Победа Рабочих». Некоторым инженерам и техникам были вручены повестки о явке в суд в качестве свидетелей.

Дробников бегал в обком и прочие инстанции, чтобы прекратить это вопиющее «дело». Он доказывал, что нельзя судить ударников, которых вчера славили за выполнение первой пятилетки.

Все же в суд надо было прийти. Явились около двух десятков инженеров во главе с Мультатули.

Мультатули нисколько не боялся. Еще ранее юрисконсульт завода, человек маленького роста, пугал его, говоря, что это «дело» пахнет десятью годами заключения, но Мультатули только отмахивался от него. Он не мог представить себе, что его, так много поработавшего и сделавшего, осудят. В те годы, как уже отмечено, он был очень наивен.

Но все же беготня Дробникова помогла. Судья на «процесс» не явился. Суд был отложен, и «дело» никогда не рассматривалось.

Но Мультатули постигло громадное несчастье, которое повлияло на него намного сильнее, чем что-либо за всю его долгую и бурную жизнь. Занятая непрерывными скандалами жена не уследила за маленьким сыном. Он заболел дифтеритным круппом и в течение полутора суток начал задыхаться. Три врача поставили неправильный диагноз.

Только через сутки определили, чем он болен. Мультатули повез ребенка в больницу. На каждой кровати лежали по двое-трое детей. Ребенка положили где-то в коридоре, и в течение часа никто к нему не подходил. Видя, что ребенок совсем задыхается, Мультатули схватил первого попавшегося врача за горло и обещал его задушить, если он не окажет ребенку медицинскую помощь. Полузадушенный врач подошел к ребенку, пощупал пульс и сказал, что ребенок только что умер.

Мультатули был потрясен. Им овладел какой-то психоз. Сынок его был изумительным ребенком – добрым, красивым, крепким, возможно, гениальным. В пять лет он великолепно понял процесс получения белил по Витерилю и сущность вентиляции.

Мультатули решил покинуть Которостль и отдохнуть от своей скандалистки-жены. Он уехал в Кремлевию заниматься проектированием и строительством заводов синтетического каучука.

Первые в мире заводы синтетического каучука. 1931–1936 гг.

После смерти любимого сынишки и Которостль, и славный завод «Победа Рабочих» опостылели Мультатули.

После краткого временного затишья семейные скандалы стали еще более бурными. По этой причине Мультатули все-таки позволил себе соблазниться предложениями Золотокузнецова, отряхнул прах Которостли и завода «Победа Рабочих» от своих ног и укатил в Кремлевию. Он предвкушал, как отдохнет от своей скандальной жены. Вместе с тем со страхом размышлял о том, что его семилетний опыт работы в лакокрасочной промышленности пойдет псу под хвост и снова нужно начинать все снача-

ла. Процессы конденсации, ректификации, полимеризации были ему знакомы только теоретически, к тому же в слабой степени.

Хотя техническое бюро завода «Победа Рабочих», которое проектировало производства хромника, желтой кровяной соли и другие, формально подчинялось ему и он вел курсовое проектирование для группы студентов из Васильевского политехнического института, в действительности Мультатули был профаном в проектном ремесле. Он не имел никакого представления о строительном проектировании, совершенно забыл и, по существу, никогда не знал такие дисциплины как сопротивление материалов и детали машин, имел весьма отдаленное представление об отоплении, вентиляции, водопроводе, канализации. Его познания в топографии, горизонтальной и вертикальной планировке были катастрофически близки к нулю. Он не разбирался в электротехнике и в контрольно-измерительных приборах. Движение жидкостей и газов в системе аппаратов и трубопроводов было для него почти китайской грамотой.

Даже процессы и аппараты лакокрасочной промышленности до того как Мультатули слегка подучился в Институте по переквалификации инженеров и химиков, в 13 г. в.в.э., он знал как мастер. Только на заводе «Победа Рабочих» Мультатули усиленно занимался и в краткие промежутки между многочисленными производственными обязанностями и семейными скандалами пытался познать процессы транспортировки жидкостей, фильтрации, измельчения, а также печные процессы.

С печными процессами Мультатули сталкивался во время студенческого проектирования завода сурика и глета, в период восстановления ультрамаринового производства на заводе в Нижневодске и, наконец, в Которостли на производствах цинковых белил, хромника и желтой кровяной соли. Он полагал, что хотя бы некоторые знания об этих печных процессах помогут ему в проектировании заводов синтетического каучука, на которых применялись печи для пиролиза спирта.

Мультатули еще во времена студенческого проектирования пытался постигнуть гидравлическую теорию печных газов и даже изучил трехтомник Грум-Гржимайло, который в теории печных процессов считался авторитетом, пожалуй, мирового масштаба. Следует отметить, что вскоре сын Грум-Гржимайло (шестью годами позже уничтоженный в системе лагерного перевоспитания) оказался консультантом Мультатули в части проектирования пиролизных печей, и тогда оказалось, что и в этом Мультатули ничего не смыслит.

Что особенно постыдно – Мультатули был дипломированным инженером, уже семь лет занимал различные инженерно-технические должности, а последние два года исполнял должность главного инженера громадного комбината, но к стыду своему не только не мог грамотно изобразить любую насосную, компрессорную, вентиляционную или другую подобную установку, но с трудом читал подобного рода чертеж. Мультатули в роли главного инженера подписывал тысячи смет, но сам не смог бы составить простейшую смету.

И при всем этом на огромном комбинате «Победа Рабочих», на котором работали около трех десятков инженеров, Мультатули считали лучшим инженером.

При столь низком инженерном уровне Мультатули должен был руководить проектированием неведомых никому, первых в мире заводов синтетического каучука! Немудрено, что его страх был велик.

До организации Управления по строительству заводов синтетического каучука одному из проектных бюро Кремлевии было поручено спроектировать опытную установку мощностью 50–100 тонн каучука в год и выполнить проектное задание «большого» завода на 10 тысяч тонн каучука в год. Перед созданием Управления опытная установка, сооруженная в Ильичевграде, уже работала, а проектное задание, или, вернее, крайне слабое эскизное задание завода мощностью в 10 тысяч тонн каучука в год было выполнено под руководством двух весьма способных инженеров Либинсына и Воронцова (впоследствии оба были уничтожены в системе лагерного перевоспитания).

По договоренности с начальником Управления Золотокузнецовым, в конце 15 г.в.в.э. Мультатули на месяц поехал в Ильичевград знакомиться с работой опытной установки.

Эта опытная установка и научно-исследовательская лаборатория при ней именовались «завод литер А». Директором его был весьма энергичный, но малограмотный бывший матрос Смолин, любимец

нового Ильичевградского «губернатора» Кострика. Главным достижением Смолина считалось оборудование... пышного кабинета для академика Гусева, который и поныне считается «отцом» «первого в мире» скифского синтетического каучука.

Академик Гусев действительно был хорошим экспериментатором и отличным химиком. Но уже через год Мультатули обнаружил, что в технологии и в инженерном искусстве академик Гусев ничего не смыслит. Его главный помощник Воронузе кое-что смыслил в технологии и исполнял должность главного инженера опытной установки. (Впоследствии Воронузе погиб в системе лагерного перевоспитания).

У Воронузе помощником работал Храбров – инженер весьма средний. После ареста Воронузе он заменил его, но вскоре переключился на преподавательскую деятельность и одним из первых в те времена получил степень доктора технических наук. Кроме Воронузе и Храброва на опытной установке работала исключительно молодежь, только-только закончившая Ильичевградский политехнический институт.

Впоследствии «завод литер Б» реорганизовался в огромный Научно-исследовательский институт по каучукам.

Как ниже будет показано, дефектный технологический процесс по получению бутадиена (дивинила) из спирта и почти негодного «натриевого» каучука СКБ из дивинила был разработан вначале инженерами Либинсыном и Воронцовым, а затем переработан проектным коллективом Управления по строительству заводов синтетического каучука под руководством Мультатули. Коллектив же «завода литер Б» занимался проверкой технологического процесса на аппаратуре, которая почти ничего общего не имела с аппаратурой больших предприятий, построенных в Которостли, Женорове, Назани и Ефремове, – они по этой причине превратились в опытные заводы. Занимался коллектив «завода литер Б» также разработкой катализатора и процесса полимеризации. Первоначально катализатор для процесса пиролиза получился достаточно скверным, и выход давления из спирта был экономически невыгоден. Специалисты выбрали наименее выгодный процесс полимеризации (натриевый) – очень громоздкий, дававший каучук плохого качества. Да и этот процесс полимеризации был освоен только на больших заводах.

Только после окончания Второй мировой войны, когда вохровские работники побывали в Колумбовии и были захвачены два больших гуннских завода синтетического каучука вместе с технической документацией, по зарубежной методологии в Тмутаракании «разработали» процесс совместной полимеризации бутадиена и стирола. Через двадцать лет после пуска «первых в мире заводов синтетического каучука» на гуннской аппаратуре в Женорове и Белоярске начали выпускать более качественный бутадиен-стиральный каучук. Но еще и сейчас, через 37 лет после пуска «первого в мире» Которостльского завода синтетического каучука, в Которостли и Назани выпускается негодный натриево-бутадиеновый каучук СКБ.

Через несколько лет после Второй мировой войны на базе полученной за рубежом информации «завод литер Б» начал разрабатывать технологический процесс производства стереорегулярных каучуков – полибутадиенового и полиизопренового. Он был осуществлен и освоен на нескольких отечественных заводах примерно лет на 5–8 позже, чем в Колумбовии. Если огромный коллектив научно-исследовательского института по производству синтетических каучуков имеет столь ничтожные результаты за сорокалетний период работы, то по крайней мере может похвастать огромными достижениями по «производству» научных работников. Из этого Института вышли: один академик, один член-корреспондент Академии наук, множество докторов и кандидатов наук. Хотя автор и знаком с некоторыми из этих деятелей, это знакомство столь отдаленное, что судить о качестве «производства ученых » он не рискует.

И аппаратура, и схема опытной установки были весьма примитивными. Но Мультатули был знаком только с оборудованием и технологическими процессами лакокрасочных и сельскохозяйственных заводов, табачных фабрик, мельниц, маслобоек и один раз в жизни видел примитивный нижневодский завод серной кислоты. Поэтому опытная установка и дефектная схема получения синтетического каучука показались ему чуть ли не чудом техники.

Впоследствии Мультатули удивлялся, что для изучения столь примитивной опытной установки ему понадобился целый месяц. Но это еще раз подтверждало тот факт, что «прославленный» главный инженер знаменитого и самого большого в Европе лакокрасочного комбината «Победа Рабочих» Мультатули через семь лет после окончания Политехнического института и публикации ряда работ в «Журнале химической промышленности» был почти абсолютным профаном в области органического синтеза. К этому добавлялось то обстоятельство, что в области проектирования и строительства Мультатули был таким же профаном.

За семь лет инженерно-технической работы он изучил только кустарное производство некоторых химикатов и эксплуатацию весьма примитивных в те времена лакокрасочных заводов. С таким объемом знаний 30-летний Мультатули ехал в Кремлевию руководить проектированием и строительством первых в мире заводов синтетического каучука.

Золотокузнецов – человек без технического и даже общего образования, имевший в своем багаже только трехлетний административный опыт руководства заводом «Победа Рабочих» и несокрушимую энергию, за несколько месяцев провернул бесчисленное количество дел.

С помощью наркома тяжелой промышленности Сергодзе он навербовал из различных ведомств несколько десятков инженеров различных специальностей: технологов, строителей, электриков, сантехников, сметчиков. Золотокузнецов добыл значительное количество жилья (в основном дачного, но в одном из лучших районов Кремлевии поставил типовой двухэтажный дом и в самом центре Кремлевии начал строительство семиэтажного дома), захватил третий этаж «Резинообъединения» и заполнил его столами. «Точки» для строительства четырех больших заводов были выбраны в спешке – в Которостли, Женорове, Ефремове и Назани. При этом руководствовались только простейшими соображениями: близостью к спиртовым заводам, наличием рабсилы и воды, возможностью использования действующих тепло-электроцентролит или строительства новых ТЭЦ.

В Женорове и Ефремове были «запроектированы» и созданы две карликовые ТЭЦ (в Ефремове – мощностью 6 тыс. квт.). Для будущих заводов синтетического каучука с помощью соответствующих обкомов были завербованы часть административных и инженерно-технических работников. В великой спешке, при полном отсутствии не только рабочих чертежей, но и технического проекта, на всех четырех точках были осуществлены весьма примитивные топографические съемки. По эскизному заданию, выполненному под руководством Либинсына и Воронцова, строительными проектными организациями были только намечены соответствующие генеральные планы возведения заводов и спроектированы основные корпуса.

Через полгода с начала организации Управления площадкой были выданы чертежи фундаментов печного, газового и полимеризационного корпусов. Хотя генплан, вертикальная и горизонтальная планировка, материалопроводы с эстакадами, наружные сети, внутризаводские дороги, подъездные пути еще и не проектировались, началась закладка фундаментов основных корпусов!

По эскизным чертежам было заказано оборудование. На многих машиностроительных заводах Золотокузнецов добился передачи 80% всего металла, запланированного для строительства всех химических предприятий, Управлению строительства заводов синтетического каучука.

Золотокузнецов организовал весьма оперативный отдел снабжения и укомплектовал его энергичными людьми. Особенно отличались четыре «снабженца». В прошлом они работали в тайной полиции и поэтому были весьма решительными и воинственными. Никого не стесняясь, захватывали чужие грузы. Эти деятели обладали широкими полномочиями и большим количеством «спецодежды»: шубами, сапогами и прочими редкими вещами – с их помощью они добывали дефицитные материалы и оборудование без нарядов. Склады строек были забиты решительно всем вплоть до дамских подвязок и мало кому доступных в те времена папирос «Герцоговина-Флёр».

Наконец, Золотокузнецов добился самого важного – вертушки! По ней можно было напрямую соединяться с Политбюро: с главным олигархом Виссарионовым и остальными влиятельными олигархами – Сергодзе, Лазаревичем и другими. Золотокузнецов с помощью этой вертушки добывал больше,

чем весь могучий отдел снабжения, вооруженный методами бывших деятелей тайной полиции и «спецодеждой».

Но все-же душой Управления по строительству заводов синтетического каучука было Управление капитального строительства (УКС) и его проектно-монтажный отдел. Ко времени перехода Мультатули в Управление главным инженером УКСа был латинец Галедин. Он не имел высшего образования, но считался опытным практиком в области отопления и вентиляции.

Когда начиналось строительство заводов синтетического каучука, ему было 48 лет.

За 30-лет своей производственной деятельности Галедин смонтировал множество отопительно-вентялиционных систем. Хотя он и не мог производить расчетов (поскольку совершенно не знал высшую математику и путался в элементарной), но безошибочно определял номера вентиляторов, диаметры воздуховодов, конденсатоотводчиков и прочие технические параметры.

Галедин не только свободно читал чертежи, но и прекрасно проектировал. Монтаж он знал лучше всех в системе Управления. Во всех остальных отношениях отличался абсолютной некомпетентностью. Был бесконечно далек не только от неведомой никому технологии производства синтетического каучука, но и от любого известного технологического процесса.

Тем не менее Золотокузнецов правильно поступил, выбрав его из нескольких десятков специалистов, переведенных в Управление для исполнения обязанностей главного инженера. Галедин обладал огромной трудоспособностью и несмотря на свой солидный возраст и огромную занятость старался разобраться в непонятных для него процессах производства синтетического каучука, которые, разумеется, были для него сложнее китайской грамоты.

Мультатули был назначен его заместителем. Поскольку Мультатули считали опытным технологом с солидным по тем временам семилетним стажем, руководство технологами немедленно перешло к нему. Вскоре в УКСе был организован проектный сектор, которым он непосредственно руководил.

В те далекие времена Управление выполняло все функции: оно было и заказчиком, и генподрядчиком по проектированию, и генподрядчиком по строительству, выполняя значительный объем строительно-монтажных работ хозспособом.

Дирекция строек, подчиненная Управлению, разумеется, также была наделена всеми этими функциями. С одной стороны, такое совмещение функций упрощало работу и расчеты, поскольку Управление не могло предъявлять к себе же претензии за плохое качество или несвоевременное выполнение технической документации и строительно-монтажных работ. С другой стороны, поскольку контроль фактически отсутствовал, качество технической документации и строительно-монтажных работ было предельно скверным. Часть строительно-монтажных работ проводилась без какой-либо технической документации.

УКС отправлял все свои многообразные функции крайне хаотично. В крайней спешке, под нажимом административных органов различные проектные, строительные и монтажные организации выполняли подряды по своим проектным и строительно-монтажным работам.

Управление занималось только технологической стороной и частью КИП (контрольно-измерительные приборы) технической документации, иногда в крайне сокращенном объеме – из-за постоянной спешки. Так, например, зачастую выдавались только общая и аксонометрическая схемы и полностью отсутствовали платы и разрезы по технологической части. Строительная часть, сантехническая часть, электрическая часть, материалопроводы и эстакады и генплан сдавались разным проектным подрядчикам.

Сметы вовсе не составлялись, а подрядчики по строительным и монтажным работам драли с заказчика (т. е. с Управления по строительству заводов СК) столько, сколько им заблагорассудится. Строительство разворачивалось бурным темпом, а штаты проектировщиков только комплектовались. Моделировать опытную установку «завода литера Б» не было никакой возможности. Почти вся аппаратура для больших заводов стала принципиально другой. Для пиролиза спирта вместо примитивных печей опытный установки при консультации Грум-Гржимайло были запроектированы громадные круглые

шестнадцатиретортные печи, диаметром в шесть метров и высотой в пять. Таких печей предстояло установить на каждом заводе – 24, а в строившейся первой очереди – 6.

Разделение газов пиролиза, выделение бутадиена-ректификата и его полимеризация на больших заводах также осуществлялись при отсутствии готовой технологической схемы. Разумеется, все подсобное хозяйство: паро-силовое, складское, холодильное, ремонтное, водопровод, канализация, электротехника – проектировалось и создавалось без какого-либо опыта в этой области. Опытный «завод литер Б» даже не мог сообщить, сколько холода требуется для абсорбции бутадиена и его других сопутствующих углеводородов из пиролизного газа. Все ведущие технологи комплектовались из молодых инженеров, не имевших никакого опыта в проектировании не только впервые создаваемых заводов синтетического каучука, но и вообще каких-либо других известных технологических процессов.

Все ведущие технологи были еще моложе Мультатули и по возрасту, и по стажу инженерно-технической работы. Только один Рюченко, «специалист по ректификации», был его сверстником, но не имел высшего образования. Он успел закончить только какой-то провинциальный техникум в Малоскифии.

К началу рабочего проектирования в распоряжении Мультатули были следующие технологи. Ведущий по печному корпусу – энергичный и способный молодой ханаанец Золотогоров. Впоследствии он был препровожден в систему лагерного перевоспитания, выжил, вернулся, успел получить степень кандидата наук и умереть от инфаркта. Его помощником назначили Миленко, который был на год моложе Мультатули. По существу Миленко был начинающим сахарником, но Мультатули оформил его на работу, заверив, что сахарники разбираются в теплотехнике и, следовательно, он быстро разберется в печах.

Консультантом по печным процессам был, как уже упоминалось, Грум-Гржимайло. Ведущим по цеху конденсации-ректификации стал вышеупомянутый Рюченко. Впоследствии Рюченко, несмотря на то, что звезд с неба не хватал, математики не знал, в теплотехнике разбирался плохо, значительно вырос и вместе со своим сыном (инженером-механиком) сконструировал оригинальную ректификационную колонну, которая, впрочем, применения не нашла. Повздоривши в 46 г. в.в.э. с директором Гипрокаучука по вопросу о новой квартире, он ушел на пенсию.

Ведущими по газовому корпусу были 26-летний Осов и Файн. Осов был достаточно способным человеком, но ленив, к тому же комбинатор и подхалим. Считалось, что у него туберкулез, и поэтому Мультатули его щадил. Однако он многих пережил и здравствует поныне.

Осов отличался необычайной ловкостью, и ему поручались всякие «грязные» дела. Так, например, семиэтажный дом, который Управление строило в центре Кремлевии, после сдачи его в эксплуатацию насильно захватили сотрудники газеты «Дезинформация» – той самой, которая по сей день борется за «правду». Мультатули поручил Осову хлопотать о возвращении хотя бы части квартир. Ведя эти хлопоты, Осов добрался до сестры великого Ильичева. Но в первую очередь – уже в другом доме – он выбил для себя отдельную трехкомнатную квартиру, в которой живет и поныне.

Осов всегда жаловался на материальные затруднения, поэтому Мультатули, который был чудовищно занят, всегда перекладывал на него «выгодные» дела. Например, передал ему консультацию по фильму «Производство синтетического каучука». Как-то, будучи навеселе, Осов признался, что за эту «консультацию» получил пять тысяч, а, вообще, за год заработал под крылышком Мультатули 25 тысяч. Зато после ареста своего шефа Осов выступил с горячей обличительной речью, уверяя всех «патриотов», что он давно разоблачал Мультатули как контрика и лейбиста.

В общем толку от Осова было мало. Зато времени у него оставалось много. Как туберкулезный, он на стройки не ездил и, как «хороший товарищ», ублажал жен тех товарищей, которые ездили в длительные командировки на эти стройки.

Впрочем, вскоре он больше не смог оказывать такого рода «товарищескую помощь», так как секретарша Мультатули – Наташа забеременела и Осов вынужден был жениться на ней.

Впоследствии Осов перешел в Институт тонкой технологии, поскольку там заработки были больше. Он добрался до должности заместителя декана.

Когда в 30 г. в.в.э. Мультатули вернулся живым из системы лагерного перевоспитания, Осов кинулся ему на шею.

Газовым корпусом практически занимался Файн. Это был способный молодой инженер, хороший шахматист, но трусливый человек. Когда в 20 г. в.в.э. Мультатули был назначен главным инженером Наверского Завода СК, в числе прочих он потащил за собой Файна. После ареста Мультатули главным инженером был назначен Файн, который сам был арестован и уничтожен.

Примерно через год после прихода в УКС Мультатули заметил, что некоторые отчеты «завода литер Б» составлены весьма толково. Подписывали их, разумеется, главный инженер опытной установки Воронузе или его заместитель Храбров. Во время очередной поездки в Ильичевград Мультатули выяснил, что эти отчеты составлял молодой, недавно закончивший Политехнический институт 23-летний инженер Долгевич. Мультатули тут же перетащил его в Кремлевию, в Управление.

Долгевич оказался способным инженером и хорошим работником да еще и с хорошим характером. Это был красивый белокурый молодой человек, хорошо сложенный, выше среднего роста. Он был любимцем девушек. Однако рубаха-парень Долгевич девушкам предпочитал водку и преферанс. После работы он либо пьянствовал, либо увлекался «пулькой».

Непонятно было, когда Долгевич успевал столько выпивать и при этом запоминать столько технической информации. У него была светлая голова, и из молодых он считался лучшим проектировщиком. Так как от Осова толку было мало, Мультатули именно Долгевича считал своим ближайшим помощником по технологической части уже через несколько месяцев после его перевода в Управление. Долгевича также назначили вместо Осова ведущим по газовому корпусу. Через десяток лет Долгевич стал главным инженером Гипрокаучука и до сих пор, уже свыше 25 лет, подвизается в этой должности.

К сожалению, за длительный период он совершенно изменился. Рубаха-парень перевоплотился в типового вохровского администратора-бюрократа, деквалифицировался, деградировал до дилетанта.

Из-за непрерывного пьянства редкостно здоровый Долгевич превратился в развалину. Стал специалистом по спихотехнике, хитрым и, как все администраторы-бюрократы, не стеснялся «зарабатывать» за чужой счет, подписывать работы, сделанные другими.

Ведущим по корпусу обработки каучука был очень добросовестный и дельный инженер Птичья песнь, года на три моложе Мультатули.

Ведущими по цеху полимеризации были различные инженеры, но в конце концов Птичья песнь стал ведущим и по этой части. Во время войны ему несказанно повезло. Хотя он был гуннского происхождения, его не отправили в ссылку, как прочих соплеменников. После окончания войны он был назначен главным инженером Резинопроекта, а ныне работает главным специалистом Госплана.

Галедин перетащил в Управление двух своих бывших коллег, специалистов по отоплению и вентиляции – Волкова и Баранова.

Волков был очень интересным человеком. Ко времени февральской революции он оказался председателем полкового комитета, а позже сидел в Крестах в Ильичевграде вместе с самыми видными функционерами-лейбистами. Когда Волкова выпустили, он плюнул на всякие революции, арендовал в Кремлевии завод «Калорифер» и жил роскошно. К работе на этом заводе Волков привлек Галедина и молодого Баранова.

После того как мудрый отец народов Виссарионов молниеносно ликвидировал ильичевский рестэп, Волкова и Баранова, как и многих других рестэпманов, направили в систему лагерного перевоспитания. Впоследствие Мультатули был назначен главным инженером Женоровского завода СК, а Волков – начальником монтажа второй очереди этого завода. Волков часто попивал и, будучи в хороших отношениях с Мультатули, сделал его своим поверенным. Между прочим Волков поведал, как Галсдин «продал» его и Баранова и поэтому вышел сухим из воды.

После того как Волков побыл три года в системе лагерного перевоспитания, он смертельно напугался и попросту боялся работать, хотя был столь же опытным монтажником, как и Галедин. На вопрос Мультатули – почему комиссар боевого полка так испугался, Медведев отвечал: если бы Вы, А. И.,

испытали то, что я, Вы бы также испугались. Однако Волков коренным образом ошибся в своем предположении.

Волков никогда не попадал в концлагере на общие работы. Он работал по специальности, был лагерным придурком, получал часто посылки с воли, пробыл в лагере детский срок – меньше трех лет и по выходе из лагеря поселился в Кремлевии. Мультатули попал в концлагерь в наиболее страшные времена. Он годами вкалывал на самых тяжелых общих работах, посылок почти не получал, бывал в таких местах, где из сотни выживал один. В лагере Мультатули находился свыше восьми лет, в «пожизненной ссылке» – 3,5 года, а ему запрещалось проживать в 220 городах. По существу, он был репрессирован около 20 лет и все же не испугался.

Как ни странно, Волков умер в собственной постели. Галедин же и Баранов погибли в застенках тайной полиции.

Баранов, инженер-механик, был года на два моложе Мультатули. Он несмотря на свою молодость, считался одним из самых образованных инженеров в Управлении СК. Выходец из богатой семьи блестяще владел гуннским языком, особенно линберским диалектом, так как его гувернантка была гуннкой. В его судьбе много непонятного. Как уже было отмечено, еще до поступления в Управление СК он побывал в системе лагерного перевоспитания. Находясь в командировке вместе с Галединым и бывшим главным инженером которостльского строительства Реквяком, был арестован в 21 г. в.в.э. и получил 5 лет лагеря. Затем, что весьма удивительно, вместе в Реквяком был до истечения срока заключения освобожден. И, что самое удивительное, после двукратного пребывания в системе лагерного перевоспитания, после окончания войны был направлен в восточную зону понесшей тотальное поражение адольферовской Гуннии на демонтаж гуннских предприятий.

По-видимому, уже после первого пребывания в вохровском концлагере Баранов стал стукачом-сексотом. В восточной Гуннии Баранов завел любовницу-парикмахершу и с помощью этой гуннки перемахнул в Западную зону.

Прекрасно владея гуннским языком и будучи образованным инженером, Баранов организовал в Западной зоне проектное бюро для восстановления разрушенных заводов Западной зоны. Однако вохровская тайная полиция похитила оттуда Баранова. По-видимому, он был уничтожен. Похищение Баранова является еще одним доказательством того, что он был вохровским сексотом.

Протеже Галедина был очень толковый инженер Рабыков. Огромный, очень сильный мужчина и, как все могучие люди, – добродушный. Благодаря Рабыкову и Волкову значительную часть технической документации по отоплению и вентиляции можно было выполнять непосредственно в Управлении. В 21 г. в.в.. Рабыков, оказавшийся сектантом, попал в систему лагерного перевоспитания, выжил, вернулся и затем снова исчез.

К началу организации Управления был еще десяток ведущих инженеров примерно такого же возраста, как и Мультатули. Они курировали строительную часть, водопровод и канализацию, электрочасть и всю техническую документацию, сдававшуюся для выполнения разным проектным организациям-субподрядчикам.

На других стройках тоже были организованы небольшие проектные бюро. Золотокузнецов добился, чтобы тайная полиция передала ему всяческих «вредителей» из промпартии и других «котрреволюционных»» организаций, некоторые из которых первоначально были приговорены к высшей мере наказания. Один из таких «вредителей» – Тимофеев, очень опытный, «старый» (ему было сорок с хвостиком) инженер, который занимал должность главного инженера завода «Победа Рабочих» до Мультатули, был назначен главным инженером Ефремовского завода СК. Его шурина Галкина поставили заместителем главного инженера Которостльского завода СК. Скрябова, который удивительно был похож на своего тезку Вячеславова, – предсовнаркома – утвердили главным энергетиком Женоровского Завода СК, а другого «вредителя» Столбтаева – зам. главного инженера Женоровского Завода СК.

Столбтаев в 20 г. в.в.э. поехал с Мультатули на Наверский Завод СК и был уничтожен тайной полицией. Тимофеев умер от приступа печени еще в 17 г. в.в.э., после того как на него грубо накричал Золотокузнецов. Скрябов и Галкин попросту исчезли.

Самая сильная группа работала на монтаже Которостльского Завода СК. Возглавляли эту группу Костя Храбров и Булов. Костя Храбров, бывший начальник технического бюро завода «Победа Рабочих», был года на три моложе Мультатули. Этого скромного, знающего и трудолюбивого человека в 19 г. в.в.э. назначили главным инженером Гипрокаучука. В 21 г. в.в.э. он был арестован и погиб в системе лагерного перевоспитания. Булов тоже был приличным монтажником и тоже погиб в лагерях.

На Которостльском заводе работал еще один инженер с завода «Победа Рабочих» Дяковдун. Он также исчез в системе лагерного перевоспитания.

Вообще-то все работники с завода «Победа Рабочих», включая Золотокузнецова, попали в виссарионовские лагеря. Совершенно непонятно, по каким причинам заместитель Золотокузнецова по снабжению, бывший прокурор Быкович умер в своей постели. Жив до сих пор скромный плановик Моисеев. Эти двое также перешли в систему СК с завода «Победа Рабочих».

Директором Которостльского завода СК был назначен бывший бравый комбриг – красавец Тереж. Следует признать, что хотя технологические его познания приближались к нулю, он был неплохим директором. В 22 г. в.в.э. Тереж был уничтожен как «враг народа», а его красавица-жена после десятилетнего пребывания в лагере по статье «член семьи врага народа» вернулась живой, невредимой и... по-прежнему красивой.

Первым главным инженером Которостльского завода стал Темняков, в прошлом лейбисткий оппозиционер, побывавший в ссылке в Кучумии. Вскоре он был переведен на Ефремовский завод, откуда безвозвратно исчез. Исчезла и его жена. Следующим главным инженером в Которостли оказался огромный ханаанец из Нижневодска. Он также погиб в системе лагерного перевоспитания.

Третий по счету главный инженер Которостльского завода, еще очень молодой, тоже попал в лагеря, но выжил и был реабилитирован.

Такая же судьба постигла многих администраторов и инженеров с Женоровского и Назанского заводов СК.

В Ильичевграде был еще один опытный завод, на котором пытались получить бутадиен из нефти по методу профессора Зыбова. Все попытки кончились неудачей. Директором опытного завода был энергичный ханаанец Цролль. После ликвидации сооруженной там установки его назначили заместителем Золотокузнецова, затем директором Женоровского завода СК. После выдвижения Золотокузнецова – взамен казненного Гривенникова – заместителем Сергодзе Цролль стал начальником Управления СК. Закончил он свою жизнь в застенках тайной полиции.

В 18 г. в. в. э. в Кремлевии был организован опытный завод «литер А». Директором его назначили энергичного ханаанца Этингоспода. Он, как многие коллеги, угодил в систему лагерного перевоспитания, выжил и вскоре после реабилитации умер от инфаркта.

Такими были система СК и люди, ее организовавшие в самом начале развития промышленности синтетического каучука в Государстве Тмутараканском. Мультатули попал как кур во щи. Еще хорошо, что он во время пребывания в Институте по переквалификации инженеров-химиков немного подучился в части процессов и аппаратов, строительной части, сантехнической части, органического синтеза и т.п. Хотя Мультатули и после этого усиленно учился – в условиях громадной занятости на заводе, в институте, техникуме, профшколе – он чувствовал, что ничего не знает. А признаться в этом не мог. Ведь он был руководителем проектирования первых в мире заводов СК!

Единственное, что он мог себе позволить, – поучиться у Галедина основам отопления и вентиляции и вообще основам монтажа, поскольку сам пытался обучить его технологии. Едва ли он чему-нибудь научил Галедина, но усвоил от него многое. Впрочем, Галедин почти все время пропадал на стройках, против чего он не возражал, поскольку на каждом объекте у него была любовница. А Мультатули постоянно искал источники новых знаний. Всю свою долгую жизнь закоренелый «экстерн» обучал сам себя.

Иногда в отчаянии Мультатули хотел бросить все ко всем чертям и пойти на какую-нибудь стройку землекопом. Но, несмотря ни на что, через год Мультатули был «на уровне».

Это только формально был календарный год. Работники проектных организаций в те времена работали по шесть часов в день. Мультатули работал по 14–18 часов в сутки, без выходных дней и праздников с огромной интенсивностью. Так что, этот его календарный год был эквивалентен пяти годам «нормальной» работы.

Несмотря на перенесенные в юности недуги в памяти Мультатули легко сохранялась огромная информация из области физико-химических констант, приведенная в популярном тогда толстом справочнике Zandolt'a. Он быстро, без детальных расчетов мог определять экономичные скорости жидкостей и газов и, следовательно, наиболее экономичные диаметры трубопроводов. Мультатули без труда преобразовывал плоскостные чертежи в объемные и наоборот, что раньше давалось ему с трудом. Он вполне освоился с узлами и деталями химической аппаратуры, применявшейся в технологическом процессе СК.

Мультатули научился быстро составлять технологические схемы отдельных процессов и мог в течение пары часов набросать достаточно сложную схему, даже аксонометрическую. Что более важно, он мог достаточно быстро находить дефекты в схемах и монтажных чертежах, выполняемых его подчиненными. Казавшиеся раньше весьма сложными схемы отдельных цехов через год представлялись ему элементарно простыми.

Он помнил все основные параметры сотен аппаратов – короче, наизусть знал весь проект завода СК во всех его частях: технологической, сантехнической, строительной и пр.

Он стал лучшим расчетчиком в отрасли. Впоследствии в этом с ним мог соперничать только Лангович.

Отношение коллектива к Мультатули резко изменилось. Раньше его считали ставленником Золотокузнецова и относились к нему с недоверием и страхом, но уже через полгода, если немного и побаивались, то авторитет его был непоколебим.

Только много лет спустя Мультатули узнал, что побаивались его главным образом потому, что страх нагоняла его секретарша Наташа, которая непонятно почему была в него влюблена.

Возможно, что недоверию способствовала коренная чистка, которую он осуществлял. До пуска первых заводов СК в эксплуатацию 14–16 часовой рабочий день был так плотно заполнен, что невозможно было судить о достоинствах или недостатках каждого работника в отдельности. Между тем в Управление СК вливался стремительный поток людей, привлекаемых лучшей зарплатой и возможностью получения жилья в Кремлевии.

Только в 17 г. в. в. э. после пуска третьего Ефремовского завода СК, Мультатули попытался узнать, что за люди работают в аппарате УКСа. Он начал наблюдать за каждым в отдельности. Достоинства и недостатки ведущих инженеров он, разумеется, отлично знал, потому что работал с ними в тесном контакте, но совершенно не имел представления о рядовых инженерах.

Вообще-то такой инженер как Осов в те времена был исключением. Громадное большинство «ответственных работников» работали достаточно добросовестно, но часто впустую из-за различных обстоятельств. Так, например, однажды Мультатули, в обход ведущего инженера дал задание вновь принятому рядовому инженеру: подсчитать коэффициент теплопередачи скруббера, работавшего при температуре 0 С.

Тот обложился справочниками, усердно трудился пару недель и исписал целую тетрадь. Когда Мультатули его вызвал и справился о результатах, инженер молча положил на стол тетрадь. Мультатули даже не стал проверять громоздкие расчеты, а спросил о конечном результате. Испытуемый с торжеством заявил: 500 ккал/1°/м2. Это была явная чушь. Без всяких расчетов опытный практик понимал, что при данной изоляции коэффициент теплопередачи в 1000 раз меньше. Разумеется, всякий расчетчик может ошибиться, но никакой прораб или даже каменщик не может ошибиться, приняв нагрузку на грунт, которая в тысячу раз больше возможной.

В конечном счете Мультатули многим подобным «специалистам» предлагал подать заявление об уходе по собственному желанию. Разумеется, это не способствовало его популярности.

Мультатули и возглавляемый им коллектив по существу варились в собственном соку. Только один Грум-Гржимайло являлся фундаментальным консультантом по проектированию печей для пиролиза спирта. Числился консультантом очень способный и талантливый инженер Либинсын, один из авторов эскизного проекта завода СК, выполненного до организации Управления СК.

Но в то время, по неизвестным для Мультатули причинам, роль Либинсына ограничивалась тем, что в определенные даты он приходил за зарплатой, обменивался с Мультатули несколькими словами и часок коротал в кабинете Золотокузнецова.

Специалисты опытного «завода литер Б» не помогали коллективу проектировщиков из Управления по разным соображениям. Во-первых, они были значительно слабее как проектировщики. Во-вторых, они считали проектировщиков из Управления людьми второго сорта, а себя – авторов процесса получения каучука из этилового спирта, – людьми первого сорта. В-третьих, они видели в Мультатули до того времени, когда борьба его с авантюризмом Золотокузнецова не всплыла наружу, ставленника последнего. В-четвертых, хотя они и были подчинены Мультатули, воспринимали себя как его конкурентов, разумеется, более сильных. Наконец, в-пятых, проектирование и одновременно строительство продвигались столь стремительными темпами, что «Литер Б» не в состоянии был в столь краткие сроки осуществить любой эксперимент.

Мультатули это понимал и не давал им никаких заданий. Но иногда проектировщики попадали в совершеннейший тупик. Например, в цехе абсорбции из пиролизных газов запроектировано было вначале абсорбентом – керосином, – а затем спиртом абсорбировать бутадиен, псевдобутилен, эфир, альдегид и некоторые другие вещества. При абсорбции выделялось значительное количество тепла. Так как процесс абсорбции осуществлялся при 0 С, это тепло следовало отводить холодильным агентом.

Холод для абсорбции составлял основную нагрузку довольно крупного по тем временам холодильного отделения, в котором предполагалось установить 5 больших аммиачных компрессоров. В зависимости от количества тепла, отводимого в отдельные абсорбции, определялась работа компрессоров, насосов, теплообменников и трубопроводов холодильного агента (раствора хлористого кальция). Мультатули запросил «завод литер Б», какое количество тепла выделяется при абсорбции. Ему ответили, что ответ может быть получен через 9 –12 месяцев, после осуществления соответствующих экспериментов и расчетов.

Первый завод, Которостльский, планировалось запустить через полгода. Естественно, ждать год проектировщикои не могли.

Мультатули пришлось рассчитать это количество тепла теоретически, хотя нигде и никогда такой методики расчета не существовало. Он допустил, что это количество тепла термодинамически соответствует работе, которая необходима для того, чтобы компримировать бутадиен от его парциального давления в пирогазе до осмотического давления в растворе спирта плюс теплота конденсации переходящих в раствор веществ.

Теплота конденсации многих веществ в справочнике Zandolf'а не приводилась. Но это не имело никакого значения. Теплота, соответствующая работе компримирования, составляла на килограмм-моль, примерно 1220 ккал., а теплоту конденсации бутадиена, эфира, альдегида и другие Мультатули принял порядка – 50 на моль. При ошибке даже вдвое в определении теплоты конденсации общая ошибка могла составить не более 2%.

Впоследствии оказалось, что оригинальный расчет Мультатули, на который он потратил пару часов (вместо года, который требовали работники «Литер Б»), оказался верным.

Условия работы молодого проектного коллектива Управления СК были поистине неправдоподобными. После того как на Которостльском и Женоровском заводах СК абсорбция была уже почти смонтирована, Мультатули, посоветовавшись со всеми своими коллегами, решил, что эта схема неработоспособна. Остановить работу, вновь проектировать – значило нарушить очень напряженные сроки. Золотокузнецов, ссылаясь на могущественных олигархов Виссарионова, Сергодзе, Лазаревича, буквально терроризировал всех. Ведь Виссарионов в своей знаменитой речи, в 14 г. в.в.э. (впрочем, все его

речи были знамениты) сказал: мол, все у нас уже есть, вот разве каучука нет, но и каучук у нас будет через год-другой.

На одном из приемов у самого Виссарионова Золотокузнецов обещал выдать каучук не «через год-другой», но через полгода-год. Золотокузнецов стал любимцем Виссарионова, сказавшего: «Этого человека надо холить». Это не помешало вохровской тайной полиции через семь лет уничтожить Золотокузнецова, когда последний достиг предела своих честолюбивых мечтаний.

Золотокузнецов со свойственной ему чудовищной энергией гнал всех в хвост и в гриву. Мультатули вынужден был поехать в Которостль и буквально на пальцах показывать, как перемонтировать абсорбцию для того, чтобы осуществить противоток. В этом ему очень помог Костя Храбров, который, кстати, тоже считал его ставленником Золотокузнецова.

Свершилось чудо, пожалуй, немыслимое в нынешние времена. В июле 15 г. в.в.э. была выбрана площадка Которостльского завода СК, а в июле 16 г. в.в.э. «первый в мире завод СК» был пущен в эксплуатацию. За один год были подготовлены рабочие чертежи, заказано и выполнено оборудование, построены цехи, закончены строительно-монтажные и предпусковые работы. Золотокузнецов выполнил обещание, данное могущественному олигарху. Через год был получен первый блок синтетического каучука на первом крупном промышленном предприятии. В газетах трубили, что скептики посрамлены. Нет таких крепостей, которые вохры не могут взять! Правда, не совсем было понятно, кто же эти бесстрашные скептики...

Едва ли кто-то знал, что пуск «первого в мире завода синтетического каучука» – это безумная, преступная, огромная, ненужная растрата человеческого труда. Мультатули в те времена, будучи достаточно невежественным в экономических и даже технологических вопросах, и отдаленно не представлял себе экономической и технологической бессмысленности строительства таких заводов, но все же считал бессмысленным пуск больших промышленных, по существу, опытных предприятий. Тем не менее он чувствовал громадное удовлетворение, когда видел, что температуры, давления и прочие параметры в печах, ректификационных колоннах, абсорберах, теплообменниках и других аппаратах близки к запроектированным.

Не считая некоторых лакокрасочных производств, это был первый большой и сложный завод (к тому же «первый в мире»), запроектированный в значительной части под его руководством.

Впрочем, очень скоро Мультатули понял, что завод этот весьма примитивен и изобилует многими принципиальными ошибками и еще большим количеством элементарных промахов.

При пуске завода на долю Мультатули выпала обязанность руководить открытием цеха конденсации-ректификации. Все пропадали на заводе круглые сутки. Но Мультатули приходилось хуже всех.

Скандальная жена Мультатули жила еще в Которостли. У Мультатули не было никакого желания ускорить ее приезд в Кремлевию.

Пуск завода, к сожалению, совпал с рождением его старшей дочери. Таким образом, Мультатули пожаловал в Которостль и к пуску завода, и к рождению дочери.

Жена настаивала, чтобы сам Мультатули пошел в ЗАГС зарегистрировать рождение дочери. Сколько Мультатули ни доказывал, что он круглые сутки занят и не может этого сделать, ничего не помогало. Жена орала, скандалила, сыпала всяческими ругательствами и даже физически пыталась воспрепятствовать уходу супруга на завод, припрятав его одежду.

Одев какие-то тряпки, Мультатули с совершенно расстроенной нервной системой еле удрал на завод и... чуть не взорвал цех ректификации спирта. Дело в том, что все ректификационные колонны были медными и расчитанными на избыточное давление не более 0,2 атм. Проверяя работу дефлегматоров на верхнем этаже, Мультатули увидел, что стрелка на манометре зашла за красную черту. Душа у него ушла в пятки, но к счастью он догадался, что аппаратчик включил пар в колонну, минуя регулятор пара. Как сумасшедший, не по лестницам, а по металлоконструкциям, как цирковой гимнаст, он спустился на первый этаж и включил регулятор пара. Уму непостижимо, каким образом колонны не взорвались. Ведь давление в них было не меньше 6 атм.

Разумеется, об этом происшествии он никому никогда не рассказывал. Через несколько месяцев, когда демонтировали дефлегматор «героической» колонны, выдержавшей столь большое давление, Мультатули приезжал в Которостль и убедился, что трубки дефлегматора были помяты, что вызвало удивление у всех кроме Мультатули.

После торжественного пуска Которостльского завода СК Мультатули вернулся в Кремлевию. Вскоре сказались результаты легкомысленного использования крупного промышленного предприятия в качестве опытного.

Как уже выше было отмечено, аппаратура и схема больших заводов нигде не проверялись, так как приниципиально отличались от аппаратуры опытного «завода литер Б». Пары спирта при температуре 45 С пропускались через катализатор, насыпанный в реторты, установленные в пиролизных печах. Через два часа катализатор зауглероживался и отказывался работать. Для регенерации катализатор следовало нагреть до более высокой температуры и сжечь осевшие в «червячках» катализатора углерод и смолистые углеродистые соединения. В самих пиролизных печах регенерацию было производить невыгодно. Поэтому в проекте решили катализатор высыпать из реторт и производить его регенерацию в особых регенерационных печах. А в реторты насыпать свежий или регенерированный катализатор.

После пуска завода оказалось, что при выгрузке и загрузке катализатор измельчается, пыль увлекается пирогазом в межтрубное пространство конденсаторов, откуда ее извлечь невозможно. Из-за этого сопротивление растет и в конце концов процесс приходится приостановить. По этой причине Которостльский завод вскоре после пуска пришлось остановить, и весь его многочисленный персонал оказался не у дел. К этому времени Женоровский завод СК был уже подготовлен к пуску и заканчивался монтаж Ефремовского завода СК.

Положение стало отчаянным. Хоть выкинь ко псу три огромных по тем временам завода, построенных со столь великими усилиями. Олигархи звонили. Золотокузнецов свирепствовал. Было непонятно, как выйти из этого непреодолимого затруднения.

Для того чтобы катализатор не измельчался, следовало осуществлять регенерацию в пиролизных печах. Но для того, чтобы не «омертвить» катализатор после двух часов контактирования, следовало 12 часов вести регенерацию. При более быстрой регенерации температура поднималась выше допустимой и катализатор «омертвлялся».

Но при столь длительной регенерации производительность печей снижалась в 7 раз. Это значило, что вместо 4 коридоров печей следует построить 28.

Такое было совершенно немыслимо даже для вохров, для которых не существует неуязвимых крепостей.

Галедин, Мультатули, Баронов и Рабыков придумывали всевозможные конструкции фильтров для улавливания катализаторной пыли. Пока разрабатывались эти фантастические проекты, Которостльский завод стоял. Замедлились работы на Женоровском заводе.

Положение казалось совершенно безвыходным.

Тут у Мультатули блеснула «гениальная» мысль. Он подумал: при высоких температурах происходит диссоциация водяного пара на водород и кислород. Реакция эта эндотермическая и, следовательно, поглощает тепло. До сих пор регенерацию катализатора производили горячим воздухом. А что если производить регенерацию паро-воздушной смесью? Тепло сгорания углерода, осевшевого в катализаторе, будет частично использовано для эндотермической реакции, и регенерацию можно будет вести значительно быстрее. Эту свою идею Мультатули, как всегда, не стал засекречивать и уселся за расчеты.

Работник Ильичевградского завода Быковик, узнав об этой идее, тут же сообщил Золотокузнецову. Они оба поехали на запускавшийся в это время Женоровский завод СК, и Кустарко осуществил эту идею. В основном «славу» пожал Быковик. Впрочем, судьба его была обычной для жителей Государства Тмутараканского. В 34 г. в.в.э., когда Виссарионов с энтузиазмом приступил к искоренению

безродных космополитов, т. е. ханаанцев, Быковика осудили на 25 лет заключения. Через пять лет его реабилитировали, он вернулся в Ильичевград, но вскоре умер от рака.

Кстати, уже значительно позже Мультатули обнаружил, что за рубежом давно применяют для регенерации паро-воздушную смесь. Только из-за плохого знания зарубежной специальной литературы Мультатули и его товарищи не могли быстро решить эту проблему.

Как уже было отмечено, Мультатули и его коллеги варились в собственном соку без какой-либо помощи со стороны, не считая консультаций Грум-Гржимайло. У Золотокузнецова был свой собственный консультант.

Это был тот самый авантюрист Юлий Ионович Рулье, «изобретатель» алюминиевых солей «рыбьих» кислот, который вовлек на заводе «Победа Рабочих» Золотокузнецова и директора фабрики Скороход в мошенническое дело по использованию свиной кожи для производства обуви. Результаты этой авантюры пришлось расхлебывать Мультатули. В Управлении СК Мультатули также оказался жертвой авантюриста-«изобретателя».

Юлий Ионович, состоя личным консультантом Золотокузнецова, постоянно что-нибудь «изобретал», вплоть до стеклянной ректификационной колонны. Все эти «изобретения» Золотокузнецов передавал Мультатули для реализации.

В конце концов, Мультатули разозлился и заявил всесильному Золотокузнецову, что он достаточно занят и не может тратить время на экспертизу безграмотных «изобретений»: пусть Золотокузнецов выбирает между ним и Юлием Ионовичем. Хотя отношения между Золотокузнецовым и Мультатули были уже несколько натянутыми, Золотокузнецов выбрал Мультатули.

Юлий Ионович был рекомендован в Главхимпром (в систему которого входило Управление СК) старшим функционером для надзирания и деятельности Управления СК. Мультатули потерял Юлия Ионовича из поля зрения.

Года через три Мультатули встретил на курорте своего бывшего студента по Промакадемии. Тот оказался крупным функционером из Расткаучука. Старый знакомый похвастался крупным приобретением Расткаучука, который приобрел «блестящего изобретателя» Юлия Ионовича Рулье. Главхимпром «великодушно» уступил его Расткаучуку.

Мультатули, разумеется, дал соответствующую характеристику Юлию Ионовичу. В Главхимпроме его раскусили и сплавили тем же способом, что и Управление СК.

В 16 г. в.в.э. Мультатули не смог взять отпуск. Он смертельно устал и в феврале 17 г. в.в.э. поехал в Чоси. Как крупный функционер, Мультатули получил бесплатную путевку первой категории в Ривьеру, что обеспечивало отдельную комнату и отличное питание. Проводил он время в веселой компании директора крупного завода и начальника Радиоуправления.

Однажды они решили взобраться на Орлиную Скалу. Долго бродили и заблудились. Вдруг наткнулись на фундаментальное ограждение из колючей проволоки. Тянулось оно далеко и исчезало где-то за горизонтом. Внутри ограждения виднелось широкое шоссе. Приятели решили, что шоссе куда-нибудь да выведет, и начали пролезать в нижнем ярусе ограждения, основательно разорвав костюмы. Преодолев препятствие, они пролезли, не прошли и десяти шагов, как перед ними вырос какой-то тип в полувоенной форме. Он потребовал у них удостоверения (паспортов тогда еще не было) и надолго исчез. Вернувшись, велел следовать за собой по тому самому широкому шоссе. Приятели оказались на какой-то большой шикарной даче.

Когда тип в полувоенной форме довел приятелей до калитки, он их спросил, что же с ними делать. Мол, им еще повезло: если бы они перелезли через ограждение чуть повыше по горе, их бы порвали псы. И чего лезут – возмущался он. Скольких уже в 24 часа выставили из Чоси. Приятели заявили, что если нужно, они сами явятся в Тайную полицию. То ли тип оказался в хорошем настроении, то ли он удивился, что задержанные оказались крупными функционерами, – но они были милостиво отпущены.

Оказалось, что приятели проникли на территорию дачи самого Виссарионова! Если бы это случилось на пару лет позже, то по статье 58 пункт 8 (террор) им влепили бы лет десять или совсем уничтожили бы.

Всю пищу, которые приятели получали по путевке первой категории в Ривьере, они съесть не могли. Поэтому часть рациона скармливали собакам. Затем отпускники обнаружили по соседству каких-то странных, оборванных, голодных людей и начали им отдавать свои излишки. Вскоре эти голодные люди исчезли. По-видимому, их прогнали. Но «странные типы» заставили Мультатули призадуматься.

Из-за громадной занятости он не мог быть в курсе политических событий родного Государства Тмутараканского. Мультатули, разумеется, был в курсе, что проводится свирепая коллективизация, слыхал об огромных лишениях населения, знал, что страну, помимо всего прочего, постиг неурожай.

Его родители, жившие в Нижневодске, совсем без своего обычного оптимизма жаловались на недостаток продуктов. Мультатули посылал им по сотне в месяц, что составляло 10% его зарплаты. Они написали, что на эти деньги ничего купить не могут, так как в коммерческих магазинах продают продукты только за золото, а на рынке за эти деньги можно купить только 5 кг хлеба Тогда Мультатули решил послать им сухари, прикинув, что в Кремлевии за 100 рублей в коммерческом магазине можно купить 35 кг хлеба.

Но коммерческий магазин был переполнен, хлеб надо было сушить, и затем предстояло выстоять бесконечную очередь в почтовом отделении. Мультатули предложил все это проделать своей жене. Она наотрез отказалась, утверждая, что не может урезать питание «своих» детей. Впоследствии Мультатули узнал, что заработанные им деньги жена все же использует для посылки сушеного хлеба своей сестре и спокойно урезает питание «своих» детей.

Все же пару посылок с помощью своих знакомых Мультатули ухитрился послать. Столкнувшись в Чоси с голодающими, Мультатули сообразил, что и его старики могут быть в таком положении.

Он не дотянул в Ривьере десяти дней до окончания срока путевки и немедленно собрался. За десять дней ему выдали продукты сухим пайком: хлебом, крупой, консервами, сыром. Набрался полный чемодан. В Нижневодск Мультатули отправился морем, в первом классе. Как ни странно, при наличии отчаянного голода в стране на пароходе в ресторане первого класса кормили отлично.

Приехав в Нижневодск, Мультатули был потрясен. Он встречал много, очень много людей с опухшими от голода лицами. Только функционеры из Тайной полиции и крупные хозяйственные, технические, партийные функционеры имели здоровый, упитанный вид. На Греческой площади Мультатули увидел ужасную картину: какой-то худой подросток выхватил у торговки хлебец. Та догнала его и начала зверски лупить, а подросток, не обращая на это внимания, продолжал жадно давиться хлебом.

В мрачном настроении Мультатули пришел к «старикам». У них также оказались опухшие от голода лица. Мультатули раскрыл чемодан. Отец и сестры сразу же набросились на еду. Только мать, стесняясь, расспрашивала его о всяких разностях.

Ему рассказали о людоедстве, которое свирепствует в селах. Тогда он вспомнил об одном непонятном инциденте. Ведущий инженер Рюченко просил предоставить ему отпуск. Мультатули тщетно пытался объяснить ему, как много дел, но в конце концов махнул рукой и согласился. Рюченко уехал, но через несколько дней появился. Мультатули, увидев его, предположил, что он вовсе не уезжал. Рюченко объяснил, что уезжал, доехал до матери городов скифских – Веика, но дальше побоялся ехать, потому что он толстый, а толстых поедают в первую очередь. Мультатули счел это глупой шуткой и далее не расспрашивал. После рассказа «стариков» о людоедстве, он понял, что инженер не шутил.

В Кремлевию Мультатули возвращался в еще более мрачном настроении. Он задумался о судьбах родной страны.

Еще в первые годы в.в.э. Мультатули в какой-то степени раскусил сущность реального вохровского социализма. Будучи комиссаром продотряда, он чуть не застрелился, но кончил тем, что «только» вышел из партии. Затем он отчаянно боролся за спасение своей семьи («стариков» и сестер) от голода и тифа, окончил институт в тяжелейших материальных условиях, много работал при восстановлении

лакокрасочных заводов и строительстве заводов СК, непрерывно учился и уже лет семь страдал от непрерывных, свирепых скандалов ведьмы–жены.

Всё это как-то ограждало его от печальной действительности вохровского жестокого социализма. Столкнувшись в шикарной Ривьере через семнадцать лет после великой вохровской революции с отчаянным голодом, а в Нижневодске узнав о людоедстве, Мультатули больше уже никогда в последующие десятки лет не отгораживался от внешних политических событий. Реальный, вохровский, жестокий, экономически-бессмысленный социализм при любых обстоятельствах потрясал и волновал его.

В тот момент 32-летний Мультатули еще не мог, оперируя цифрами, сравнивать экономику социализма с экономикой стран «загнивающего капитализма». Он не мог определить размеры чудовищного расточительства и астрономических потерь в условиях экономически-бессмысленной организации вохровского народного хозяйства. Только через 34 года Мультатули удалось подсчитать, что даже через 50 лет великой вохровской революции потери столь грандиозны, что выбрасываются на ветер от 2/3 до 3/4 затраченного народного труда. Через 50 лет, несмотря на то, что вохры пытались использовать достижения фантастической научно-технической революции современности, в основном осуществленной в странах «загнивающего капитализма», производительность труда в Государстве Тмутараканском была в 10-15 раз ниже, чем в «гниющей» Колумбовии.

Он определил, что через 50 лет, хотя каждый тмутараканский трудящийся затрачивает в 1,5 раза больше труда, чем колумбовцы (учитывается работа почти всех тмутараканских женщин и значительная затрата так называемого «свободного времени» на очереди, домашнее и подсобное хозяйство, поездки на работу и с работы и т. д.), жизненный уровень тмутараканцев в 7–8 раз ниже жизненного уровня трудящихся колумбовцев.

Всего этого Мультатули еще не знал.

Он знал только, что демократические свободы всего населения ликвидированы, что все граждане превращены в подопытных кроликов и являются объектом экспериментов немногих вивисекторов-олигархов.

Он знал, что печать, литература, радио, «профсоюзы» и другие части огромного «идеологического» механизма являются покорными служанками олигархии и вовсю с огромным беспрецедентным лицемерием вопят о грандиозных свободах и великом изобилии тмутараканцев.

Что тайная полиция достигла громадного могущества и разворачивает неслыханные репрессии.

Будучи экономически малограмотным, Мультатули все же мог подсчитать в эпоху голода, скольким мертвецам эквивалентно импортное оборудование, закупаемое за рубежом для заводов СК. Центнер зерна мог спасти от смерти одного голодающего. Если за рубежом закупали на один миллион оборудования, следовало продать двести тысяч центнеров зерна – то есть на голодную смерть обрекали двести тысяч «счастливых» тмутараканцев.

Если главный олигарх Виссарионов или «друг народа» Сергодзе ездили на «Линкольнах», то для покупки за рубежом одного такого автомобиля на голодную смерть обрекались 1000 «счастливых» тмутараканцев.

Обо всем этом размышлял Мультатули, возвращаясь из голодающего Нижневодска в Кремлевию, где трудящиеся еле сводили концы с концами, несмотря на относительно «улучшенное» снабжение столицы. Только тогда Мультатули заметил, что кремлевские вокзалы наполняет масса оборванных, тощих людей.

Только после возвращения из Нижневодска Мультатули заметил на стройках жалкие «Шанхаи» – скопища землянок, которые строили раскулаченные крестьяне, нанимаясь со своей лошадкой для производства земляных работ – за хвост селедки, 600 грамм хлеба и фураж для лошадки.

Мультатули заметил, что на стройках, на самых тяжелых работах, кроме «раскулаченных», работают итеэры (ИТР) – люди, присужденные к Исправительно-Трудовым Работам.

С этих пор Мультатули, поскольку это от него зависело, резко сокращал любые заявки на импортное оборудование. Он наивно полагал, что это несколько снизит количество умерших от голода «счастливых тмутараканцев». К тому же большое количество импортного оборудования ржавело на стройках и не использовалось!

Скандальная история вышла с вакуумными мешалками фирмы Werner-Pflederer. Как всегда, за рубеж ездили малокомпетентные люди. Они и закупили для размешивания каучука негодные и очень дорогие вакуум-мешалки.

В соответствии с новой благоприобретенной привычкой Мультатули мрачно подсчитал скольким тысячам тмутараканских «счастливых» мертвецов эквиваленты эти негодные мешалки. И тут выяснилось, что у многих мешалок во внутреннем днище были обнаружены трещины. Тогда Мультатули пригласил из Гуннии представителя фирмы, поехал с ним на стройки и продемонстрировал эти дефекты. По возвращении в Кремлевию, Мультатули перехитрил представителя фирмы. Он доказал, что трещины образовались по вине фирмы. Мол, конструкция ложного днища такова, что невозможно вылить всю воду, залитую при испытании, а в условиях тмутараканских морозов вода замерзла, и образовались трещины. Представитель фирмы вынужден был подписать соответствующий акт.

Затем, обладая некоторой коммерческой хваткой, Мультатули еще раз перехитрил представителя фирмы. Он потребовал, чтобы эти мешалки были вывезены в Гуннию. Представитель взмолился: транспорт надо оплатить валютой до границы Государства Тмутараканского, а фирма и так потерпела убытки из-за падения курса доллара. Мультатули «великодушно» согласился оставить этот «хлам» в Государстве Тмутараканском при условии бесплатной поставки пригодных мешалок другой конструкции.

Впоследствии, после замены на более мощные моторы и усиления лопастей, «хлам» был использован.

Очень помогло то, что Мультатули, хоть и на ломаном гуннском языке, мог объясняться с представителем фирмы без помощи переводчика. Вновь он радовался, наивно полагая, что спас столько-то тысяч тмутараканцев от голодной смерти.

По возвращении из отпуска Мультатули оказался еще более загруженным.

Во-первых, он сглупил и согласился вести курс технологии СК и курсовое проектирование в Промакадемии. Эта промышленная «академия» просуществовала около десятка лет. В ней герои гражданской войны, не имевшие образования, но занимавшие должности директоров заводов, управляющих трестами, начальников главков, «перековывались» за короткий срок в инженеров и получали соответствующие дипломы. До этого за два года они якобы получали среднее образование на «рабочих факультетах» (рабфаках), а затем в четырехлетний срок превращались в «лучших в мире инженеров».

Это была очень трудная публика. На рабфаке они только формально получали среднее образование, фактически были безграмотны и совершенно не знали алгебры, геометрии, тригонометрии, физики и химии. К тому же восприимчивость в 30–40 лет пониженная. Среди десятка слушателей попадался один человек, который кое-как воспринимал тонкости технологии СК и курсового проектирования. Обычно оказывалось, что этот «талант» либо окончил гимназию, либо не доучился в ней один год.

Этих людей ничему не удавалось обучить при всем старании. Тщетно Мультатули пытался, укладываясь в учебные часы, ускоренно ликвидировать их незнание математики, физики, химии. Зная, что у них нет элементарной базы, он вынужден был зачитывать им технологии СК и курсовое проектирование.

Вскоре Мультатули предложили вести курс технологии СК в Институте тонкой технологии. На этот раз он сглупил и, не раздумывая, отказался. Следует полагать, что прими Мультатули это предложение, его судьба была бы совершенно иной.

Во-вторых, время Мультатули еще больше уплотнилось потому, что после пуска первых очередей первых трех заводов (мощностью на 10 тонн каучука в сутки), следовало: а) по-настоящему осуществлять технический проект завода СК – с самого начала; б) выпускать рабочие чертежи следующих

очередей, учтя недостатки первых, по существу, опытных очередей; в) проектировать новые заводы СК в Назани, Белодаре, Гранитчуге, Керуке, Бовтаме, Быкогде.

В этот период произошли две очередные семейные драмы.

Летом 16 г. в.в.э. Мультатули вынужден был перевезти семью из Которостли в Кремлевию, так как она занимала заводскую квартиру завода «Победа Рабочих».

«Вредитель» Тимофеев, назначенный главным инженером Ефремовского завода СК, и его шурин Галкин временно уступили Мультатули их двухкомнатную квартиру. Кроме того Золотокузнецов дал квартиру в дачной местности, куда Мультатули и перевез семью. К этому времени к жене приехала в гости сестра с ребенком. Ребенок чем-то заболел, и жена Мультатули решила их немедленно выставить. Схватила своего младенца, вскочила почти на ходу на переполненный дачный поезд (спешила она так, чтобы поскорее купить сестре билеты для отъезда из Московии), упала, сломала таз и очутилась в больнице. Перегруженный Мультатули остался с грудным ребенком на руках.

Он в тот же день перевез сестру жены с ребенком на городскую квартиру. Голодный ребенок всю ночь истошно кричал. По большой протекции Мультатули на следующий день устроил младенца в один из лучших домов матери и ребенка. Там ребенок начал терять в весе и просто умирал. Но Мультатули достал за большие деньги женское молоко. Ребенок выжил и поныне здравствует в столичном городе Лору.

Вторая семейная «драма» была посерьезнее. В 17 г. в.в.э. к Мультатули приехал его истощенный голодом отец, которому в то время минуло 58 лет. Мультатули он казался дряхлым стариком. К приезду отца Мультатули должен был уехать на одну из строек.

Так как в Нижневодске старики умирали от голода, Мультатули решил устроить родителей в Кремлевии, что при его возможностях и их трудолюбии было вполне реально. До отъезда в командировку Мультатули передал отцу свою обеденную карточку (он получал льготный и приличный обед в ресторане «Прага») и хлебную.

После приезда отец со слезами рассказал, как жена Мультатули издевалась над ним, называла обжорой. Обычно очень спокойный, Мультатули рассвирепел и отправил тут же отца в Нижневодск. Он хотел задушить жену, но пошел в ЗАГС и оформил развод (в те времена это было крайне просто).

Тем не менее после развода Мультатули успокоился и не знал, что дальше делать. Одному ребенку – менее года, вторым жена беременна. Хотя в документе о разводе Мультатули согласился отдавать в качестве алиментов 75% своей зарплаты, он занимал чужую квартиру. В случае его ухода жена с детьми должна была бы освободить жилплощадь. В итоге, оформив развод, Мультатули не ушел от жены. 17 лет он был разведен чисто формально Только в 34 г. в.в.э., перед отправкой в ссылку, ведьма с помощью шантажа принудила Мультатули вновь зарегистрироваться и закабалила его до конца жизни.

После приезда Мультатули из отпуска ему сообщили о крупной аварии на вновь пущенном Которостльском заводе СК. Под помещением, в котором на стержни наносился металлический натрий (так называемой «натриевой комнатой»), произошел взрыв бутадиенового трубопровода. Пожароопасный натрий загорелся, и заживо сгорели семь человек.

Бдительная Которостльская Тайная полиция немедленно начала следствие и «обнаружила» заговор и диверсию «контрреволюционеров». Слесарь Мося, главный «контрреволюционер», виновник взрыва, погиб, но зато остальные члены «банды» «сознались» (Мультатули впоследствии узнал, как «сознаются» в застенках Тайной полиции). Следователи, столь талантливо «раскрывшие диверсию», получили дополнительные лычки.

Между тем, Мультатули недоумевал, каким образом бутадиеновый трубопровод оказался под «натриевой комнатой». Проектировщики предусмотрели возможность загорания натрия и отвели бутадиеновый трубопровод в сторону от «натриевой комнаты». При очередном посещении Которостльского завода СК, Мультатули независимо от представителей тайной полиции расследовал все дело.

Когда монтаж подходил к концу, следовало из корпуса цистерн проводить бутадиеновый трубопровод в корпус полимеризации, но для того, чтобы этот трубопровод не проходил под «натриевой

комнатой», был запроектирован обвод. Площадка, примыкавшая к корпусу полимеризации, на которой следовало вырыть траншею для обвода, была захламлена.

Золотокузнецов и директор завода СК Тереж, которые все время всех подгоняли, заинтересовались причиной задержки монтажа трубопровода для бутадиена. Им объяснили, что надо расчистить захламленную площадку для рытья траншеи. «А зачем же делать обвод по захламленной площадке, а не вести бутадиеновый трубопровод прямо?» «Так запроектировали этот идиот Мультатули и его компания». Золотокузнецов и Тереж приказали вести бутадиеновый трубопровод напрямик.

Таким образом, бутадиеновый трубопровод оказался под натриевым помещением. Согласно правилам техники безопасности, хаотично применявшимся в те времена, слесари должны были использовать для «взрывных» коммуникаций медные ключи (чтобы предотвратить появления искры). Но медных ключей не хватало. В тот раз слесарь работал железным ключом, высек искру, бутадиен взорвался. Погиб бедняга-слесарь, и живьем сгорели семь человек, а функционеры из Тайной полиции получили повышения в чине.

Такова была истинная история аварии. К тому времени Мультатули считал уже, что славное строительство «первых в мире заводов синтетического каучука» является преступлением не только вследствие экономической и технологической бессмыслицы, но и по причине массового нарушения элементарных положений техники безопасности, – об этом подробнее будет рассказано ниже.

Мультатули никому не рассказывал о результатах своего частного расследования. Торжественный пуск «первого в мире завода синтетического каучука» был образцом чудовищной бесхозяйственности даже без учета того, что аппаратуру не опробовали на опытной установке.

При получении первых блоков каучука выход каучука из спирта был немногим более одного процента.

Это значило, что для производства одной тонны каучука следует затратить 300–500 тонн зерна, или уморить голодом 3000 тмутараканцев.

Некоторые «чудаки» подсчитывали себестоимость «первого в мире синтетического каучука», исходя из ресторанной цены водки. Получались фантастические цифры. Стоимость только сырья для производства 1 тонны синтетического каучука, с учетом ресторанных цен на водку в масштабе современных цен, составляла 1 миллион.

На катализаторе, применявшемся при пуске заводов СК, выход бутадиена из спирта в парадных условиях опытной установки составлял 18%. На больших заводах выход бутадиена в контактных газах был 15–16 %. Но далее потери бутадиена в конденсате, в газе после скрубберов, в отмытом альдегиде, в полимеризации, а также механические потери достигали громадных размеров, и уже после того как процесс был относительно «налажен», выход каучука из спирта составлял 5–6 %.

Вместе с бутадиеном при пиролизе спирта получались значительное количество эфира, альдегида высших спиртов, псевдобутилена, пиперилена, этилена и других полезных продуктов органического синтеза. В патриотической спешке, для выполнения мудрого указания отца народов невозможно было запроектировать использование всех этих ценных продуктов, и они шли псу под хвост.

Более того, по схеме технологического процесса в цехе ректификации спирта получали значительное количество эфироальдегидной фракции, в отделении ректификации бутадиена – кубовые остатки, а при отмывке сырца-бутадиена – раствор альдегида. Если псевдобутилен, этилен получались в газообразном виде и их было трудно использовать, то жидкие фракции сравнительно легко применить. Но деятели из опытного «завода литер Б» только начали исследования по возможности использования этих жидких фракций.

В конце концов работники Управления и дирекции заводов, хоть и приученные к хищнической эксплуатации и к громадным потерям, вместо того, чтобы сжигать эфироальдегидную фракцию, начали добавлять ее в спиртовую шихту, используемую для пиролиза. Впоследствии выяснилось, что добавка альдегида к шихте сильно повышает выход бутадиена. Этот шаг был сделан без санкций деятелей «Литер Б».

Мультатули, потрясенный хищнической эксплуатацией и громадными потерями, в дополнение ко всем своим обязанностям лихорадочно занимался исследованиями по использованию побочных продуктов и путей уменьшения механических и технологических потерь бутадиена.

Когда потери бутадиена достигли 50 и более процентов, он разработал нормативы потерь по всей цепочке технологического процесса и установил, что сумма всех потерь, при несложных мероприятиях не должна превышать 16%.

Мультатули даже начал проектировать установку для получения целлозольва (ценного растворителя) из этилена, установку для получения альдегида из альдегидной воды.

В одну из своих поездок в Ильичевград, он требовал от академика Гусева и еще двух деятелей (все трое в последующие 5-8 лет по разным причинам умерли) изменить примитивный процесс изготовления катализатора для повышения его активности. Мультатули даже предложил в общих чертах соответствующее направление для изготовления катализатора, которое и было использовано. Правда, и в этом случае по разным причинам автор остался в тени.

Мультатули угрожал, что если «литер Б» энергично не улучшит активность катализатора, то, как и в случае с эфиро-альдегидной фракцией, – это будет осуществлено на заводах.

Следует отметить, что угроза подействовала. Через два года технология производства катализатора была изменена и выход бутадиена в контактных газах достиг 35% вместо 18%. Разумеется, борзописцы трубили о миллиардной «экономии», как это принято в вохровской практике.

Обычно представителем Управления СК в правительстве и прочих официальных учреждениях был академик Гусев. Как отмечалось, он был отличным химиком-экспериментатором, но в технологии, аппаратуре, экономике ничего не смыслил. Поэтому, перед тем как академик Гусев выступал в высоких инстанциях, Мультатули часами накачивал его по технологической части. Поведал он ему свои мысли об использовании побочных продуктов. Всё это Гусев принял на веру, сильно преувеличил, и в стенограмме XVII съезда отмечены, со слов «отца скифского каучука» – академика Гусева, «огромные достижения вохровской науки по использованию побочных продуктов производства синтетического каучука тмутараканским методом».

Но всё это была чистейшая пропаганда. В действительности в те времена строительство тмутараканских заводов синтетического каучука было грандиозной авантюрой. Никто тогда даже отдаленно не представлял, того колоссального урона, который это строительство наносило тмутараканскому хозяйству.

Спустя почти три с половиной десятка лет Мультатули подсчитал, какой ущерб народному хозяйству приносило производство синтетического каучука в 40 г. в.в.э., через 25 лет после пуска «первого в мире завода синтетического каучука». Выход каучука из спирта тогда достиг 44% вместо 1% при пуске. Тогда еще использовался пищевой спирт. Мощность каждого завода возросла в 5-6 раз по сравнению с первоначальной проектной мощностью.

Несмотря на все эти «грандиозные достижения» – по сравнению с производством каучука из нормального бутана, которое было осуществлено в Колумбовии еще во время войны, – потери Государства Тмутараканского из-за регрессивного метода производства СК измерялись миллиардами. А если подсчитать, что от животноводства отвлекались 2-3 миллиона тонн зерна и оставшийся без корма скот вместо молока и мяса практически производил навоз, то потери были еще больше.

Из-за скверного качества тмутараканского каучука (СКБ) срок годности шин был ничтожным, и это в свою очередь увеличивало гигантские потери.

Всё это в конкретных цифрах Мультатули отдаленно не представлял в период строительства первых заводов синтетического каучука. Но он видел, что из карьеристских соображений Золотокузнецов готов совершить еще два больших преступления:

Во-первых, он добился ассигнований на строительство еще ряда заводов, уже упомянутых выше, при отсутствии апробированного проекта. К счастью, когда на каждый из этих новых заводов уже было затрачено по нескольку миллионов, первый заместитель Сергодзе Гривенников законсервировал

их строительство. Затраты оказались на 100% бессмысленными. Когда положение Гривенникова пошатнулось, Золотокузнецов написал заявления в ЦК, обвиняя Гривенникова во вредительстве. После ареста и казни Гривенникова Золотокузнецов, по-видимому, из за его «сигналов» в ЦК был вознесен высоко и стал преемником Гривенникова, до тех пор пока его в свою очередь не уничтожила тайная полиция.

Во-вторых, желая выслужиться, Золотокузнецов без нажима сверху предложил реализовать невыполнимый план производства синтетического каучука в 17 г. в.в.э. Между тем, пущенные первые три завода работали очень скверно и вместо 30 тонн в сутки выпускали 5-10 тонн. Для выполнения плана, предложенного Золотокузнецовым, следовало в фантастические сроки пустить вторые очереди. Между тем их вообще не следовало строить, так как неизвестно было, когда вообще удастся наладить процесс производства. Кроме того не было выделено и 30% того количества металла, который был необходим для вторых очередей. На пущенных в эксплуатацию первых очередях одна авария следовала за другой.

Золотокузнецов совсем сорвался с узды. Несмотря на то, что работа в цехе полимеризации была очень опасной из-за несовершенства конструкций, он, весьма мало разбираясь в процессах, предложил увеличить высоту полимеризаторов (для экономии дефицитного металла). Технически это было совершеннейшим вздором. Мультатули наотрез отказался принимать «идею». Но Золотокузнецов через его голову, приказал ведущему инженеру Птичья Песнь проектировать такие полимеризаторы. Это грозило неисчислимыми скверными последствиями. Тогда Мультатули решил вступить в открытую борьбу с могущественным и грозным Золотокузнецовым. Он старался привлечь на свою сторону главных инженеров заводов. Но от этого толку было мало. Тогда он начал действовать через Рабкрин. В Рабоче-крестьянской инспекции он добился того, что составленное им письмо было подписано заместителем предсовнаркома Лаукмежем и направлено в СТО (Совет Труда и обороны).

Золотокузнецов был вызван из отпуска. Нереальный план производства синтетического каучука на 17 г. в.в.э. аннулировали, сроки пуска вторых очередей отодвинули на год. По существу, Мультатули оказал услугу не только строительству, но и Золотокузнецову – что и пытался объяснить Рколлю, преданному подручному Золотокузнецова, который прикидывался лучшим другом Мультатули. Прекрасно зная, что Рколль всё передает Золотокузнецову, Мультатули рассказал в деталях «лучшему другу», как он провел всю «компанию». Затем, не дожидаясь возвращения Золотокузнецова, укатил на Женоровский завод СК. Вскоре, вслед за Мультатули, в Женоров прикатил Золотокузнецов. Три дня каждый занимался своими делами, игнорируя друг друга, хотя оба жили в так называемом «доме правительства» – бараке, приспособленном для размещения командированных крупных столичных функционеров...

Наконец, Золотокузнецов вызвал Мультатули. Вначале он его пытался «перевоспитать». Убеждал, что каждая тонна каучука ввиду возможности войны дороже чего угодно, включая человеческие жизни, чем и объяснял столь напряженные и рискованные темпы строительства. Кстати, как впоследствии оказалось, даже соображения автаркии оказались глубоко ошибочным. Война, спровоцированная Виссарионовым при заключении пакта о ненападении с Адольфером, вспыхнула значительно позже, через 8 лет, но даже тогда огромные затраты в регрессионную промышленность тмутараканского синтетического каучука оказались совершенно бессмысленными. Ефремово и Женоров были захвачены гуннами, была начата эвакуация Которостльского завода СК, производство на Наверском заводе СК всё ещё никак не могли наладить. Скверный каучук выдавал один Назанский завод.

В тяжелые годы войны Государство Тмутараканское осталось без своего каучука, такого непомерно дорогого. Спасли положение «загнивающие» колумбовцы. Они за один год бесплатно, по поставкам лендлиза за счёт колумбовских налогоплательщиков, ввезли 70 тысяч тонн превосходного каучука.

Признавая техническое превосходство Мультатули, Золотокузнецов считал себя намного более сведущим в политике и экономике. Разумеется, он не догадывался, насколько он смешон, но всё-таки по скучающей физиономии Мультатули понял, что пора прекратить «перевоспитание». Тогда он подошел ближе к делу и заявил, что если и в дальнейшем Мультатули будет вмешиваться в «политику», он ему

обрубит руки. Мультатули покорно ответил, что, мол, что поделаешь: если сможет, пусть рубит. На этом и разошлись.

Вся эта история просочилась в низы. С этим совпало следующее обстоятельство. Как-то в очередной «революционный» праздник для торжеств был занят большой зал проектно-монтажного отдела. Мультатули в этот день, как обычно, очень поздно закончил работу. Когда, освободившись, он проходил через этот зал, его задержал зам Золотокузнецова Быкович и пристыдил за то, что он не «празднует». Чтобы доказать свою «революционность», обычно сдержанный и угрюмый в те времена Мультатули сплясал Камаринского. Этот мелкий инцидент и его выступление против грозного Золотокузнецова, ставленником которого его некогда считали, способствовали возрастанию его популярности. Добродушный Птичья Песнь просто влюбился в него и сильно преувеличивал его таланты.

Мультатули был уже не мальчик и прекрасно понимал, что его песенка спета. При первой возможности, когда Золотокузнецов будет считать, что Мультатули можно безболезненно или даже с легким уроном заместить, он будет убран.

Все же Мультатули напрягал все свои силы и, всячески подгоняя коллектив, наряду с выдачей документации для вторых очередей занимался выполнением генерального проекта и составлением генеральной сметы. В те времена (да иногда и в нынешние) всё делали наоборот: сначала осуществляли строительство, а затем составляли сметы.

Мультатули даже пытался коренным образом изменить проект Назанского завода СК, который только начинали строить. Он хотел коренным образом перепроектировать цех конденсации, ректификации и сэкономить в эксплуатации значительного количества пара и холода. «Заводу литер Б» он дал задание и схему. Когда все было подготовлено, он, не доверяя деятелям из «Литер Б», поехал в Ильичевград, трое суток не спал, лично проверял схему. Тогда он и познакомиться ближе с Долгевичем и другими рядовыми инженерами «Литер Б».

Закончив проверку в 20 часов, Мультатули приехал в гостиницу. Поезд уходил в 23 часа. Мультатули прилёг на уютную кровать. Взглянул на часы: 8 ч 30 м. вечера. Потом еще раз взглянул на часы – они показывали уже 8 часов. В чём дело? Ведь только что было 8 ч. 30 м.

Незаметно для себя Мультатули проспал мертвым сном 11,5 часов.

В первый и последний раз в жизни Мультатули опоздал на поезд. В тот же день он уехал дачным поездом на ближайшую станцию и оттуда первым поездом, в купе проводника – в Кремлевию.

Через несколько месяцев после того как СТО аннулировал план производства СК на 17 г. в.в.э. и перенес сроки ввода вторых очередей, Золотокузнецов попытался нанести первый удар Мультатули.

Заводы работали плохо. Реторты в печах быстро сгорали, и в некоторых печах вместо 16 работали 1-3 реторты. Колонны для ректификации бутадиен-сырца зарастали полимером и, что самое главное, нарушали процесс полимеризации и получался жидкий каучук.

К этому времени хуже всех работал Ефремовский завод СК. Вместо 10 тонн каучука в сутки он выдавал полтонны совершенно негодного жидкого «каучука». Золотокузнецов потребовал от Мультатули выработать совокупность мероприятий, которые обеспечили бы выполнение плана производства 10 тонн доброкачественного каучука в сутки. Отметил: работа по проектированию ныне не имеет никакого значения, главное – производство, а никто иной как Мультатули должен в первую очередь отвечать за неполадки на действующих заводах.

Мультатули понимал, что Золотокузнецов, наконец, решил рассчитаться с ним. Но делать было нечего. Он тут же собрался и уехал в Ефремово.

После смерти «вредителя» Тимофеева главным инженером там назначили молодого полуграмотного ханаанца Велина. Потолковав с ним, Мультатули увидел, что Велин почти ничего не смыслит в технологическом процессе, не умеет прочесть даже элементарный чертеж и понятия не имеет о простейших расчетах. Этот молодой карьерист так и остался полуграмотным даже спустя 30 лет. Вообще-то Ефремовский завод был смонтирован лучше всех, и было удивительно, что работает он хуже всех.

Мультатули решил проверить работу всех агрегатов завода. Для него это было нетрудно, поскольку весь проект он знал наизусть. Сразу выяснил, что почти не работали спиртоиспарители. Проверив коэффициент теплопередачи у выносных кипятильников, Мультатули установил, что он раз в десять меньше проектного. Ясно – поверхность сильно загрязнена каким-то веществом с малой теплопроводностью. Мультатули распорядился о демонтаже одного из спиртоиспарителей. Оказалось, что трубки забиты смолой. Все трубки были прочищены, и спиртоиспаритель заработал нормально.

В печах почти не было работающих реторт. Большая часть реторт сгорела. Следовало наладить «горячий» ремонт печей и полностью укомплектовать их ретортами. Плохо работала абсорбция. Оказалось, что схема запутана и не подавала свежий спирт.

Труднее всего обстояло дело с полимеризацией. Непонятно было, почему процесс полимеризации протекает столь ненормально и не доходит до конца. Ясно было, что какое-то вещество является тормозом полимеризации. Деятели с «Литер Б» не давали ответа на вопрос, что именно тормозит процесс полимеризации. Мультатули предположил, что это какое-то газообразное вещество, и решил усилить стравливание после дефлегматора колонны ректификации бутадиена-сырца. В результате этого начали получаться нормальные твердые блоки каучука.

Через полгода, уже на Женоровском заводе, Мультатули подробнее изучил этот вопрос и добился того, что процесс полимеризации бутадиена протекал втрое быстрее. Это значило, что вместо трех огромных корпусов полимеризации с 150 полимеризаторами достаточен один. Получилась огромная экономия в металле и строительно-монтажных работах для вторых очередей. Впоследствии деятели «Литер Б» установили, что тормозом является углекислота. При стравливании с колонны ректификации бутадиена-сырца углекислота удалялась. Однако и в этом случае Мультатули как автор решения остался в тени.

Мультатули безрезультатно пытался обучить Велина. Однажды он почти двое суток продержал его в печном корпусе. По ходу такого «дежурства» времени было много. Мультатули рассказал Велину, что в солидном гуннском «Журнале прикладной химии», к своему удивлению, наткнулся на огромную политическую передовицу, что его удивило, так как этот журнал всегда был аполитичен. По-видимому, вохровские цензоры тоже так считали и потому пропустили этот номер журнала. Но с приходом Адольфера к власти все научные журналы перестали быть аполитичными, а уже прошло полгода, как он правил.

Мультатули поведал Велину, что прочтя эту политическую передовицу, он убедился в том, что нацизм и вохризм – две стороны одной и той же медали. Тоталитарные устройства нацизма и вохризма настолько похожи, что полицейская, партийная, хозяйственная и «профсоюзная» схемы почти не отличаются друг от друга. Даже лозунги почти одинаковые.

Через 17 лет Мультатули узнал, что Велин донес – да еще перепутав всё – в тайную полицию. Велин, кстати, передал содержание беседы Золотокузнецову, но тот не был мелочным и только пожурил Мультатули за его легкомысленные разговоры. А через 30 лет проходимец Велин встретился с Мультатули, обнял его, расцеловался и поздравил с реабилитацией.

Через три недели Ефремовский завод СК работал «нормально» и давал 10 тонн твердого каучука в сутки. Золотокузнецов поздравил с успехом Мультатули, который вернулся в Кремлевию и с жаром вновь взялся за выполнение технического проекта и генеральной сметы заводов СК. Он хотел думать, что, может быть, пронесло и Золотокузнецов оставит его в покое.

Итак, с помощью ефремовской комбинации Золотокузнецову не удалось выжить Мультатули из Кремлевии. Но дни Мультатули в столице, согласно планам Золотокузнецова, были сочтены.

В январе 18 г. в.в.э. проходил XVII съезд. Золотокузнецов как кооптированный член этого съезда принимал участие в его «работе».

Однажды, вернувшись с одного из заседаний съезда, он вызван Мультатули и сообщил ему, что с ним беседовали сам нарком Сергодзе и секретарь Женоровского обкома – Варейкис. Они крайне озабочены жалким состояние Женоровского завода синтетического каучука, который вместо того, чтобы по плану выпускать 10 тонн «доброкачественного» каучука в сутки, выпускает полтонны жидкого не-

годного каучука. Они настаивают, чтобы Золотокузнецов принял любые меры для оздоровления этого завода. Ведь Которостльский и Ефремовский заводы СК после многочисленных провалов выполняют «план». Он, Золотокузнецов, обязан сделать все возможное для того, чтобы вывести Женоровский завод из прорыва.

Золотокузнецов сказал, что ему прекрасно известно: состояние Женоровского завода СК намного хуже состояния Ефремовского завода до того, как он направил туда Мультатули. Мультатули, как технический руководитель отвечает за техническое состояние этого больного завода. (Незадолго до этого сам Мультатули слыхал, как Золотокузнецов, разговаривая по «вертушке» с ближайшим подручным Виссарионова Лазаревичем, жаловался ему на свою загруженность – мол, у него нет главного инженера и он выполняет функции и начальника Управления, и главного инженера). Золотокузнецов подвел итог: Мультатули должен поехать на Женоровский завод не «гастролером», как на Ефремовский завод, а главным инженером. Он, Золотокузнецов, идет на эту жертву и ослабляет Управление в Кремлевии. Более того, он приносит еще одну жертву: своего первого заместителя Цролля направляет директором буксующего завода. Этот завод является ныне самым важным звеном работы Управления. По состоянию этого завода сам величайший вождь Виссарионов и наркомы Лазаревич и Сергодзе будут судить о работе управления СК…

Мультатули ответил, что, он сознает свою и его – Золотокузнецова – ответственность за состояние завода, но еще в большей степени он отвечает за состояние проектирования заводов синтетического каучука. Три больших завода СК уже пущены в эксплуатацию, со времени пуска Которостльского завода СК прошло полтора года, а проектирование этих заводов еще не закончено. Не подготовлена генеральная смета этих трех заводов. Отсуствует техническое решение использования побочных продуктов и отходов.

Потери громадны – подчеркнул Мультатули – и только-только намечаются пути к уменьшению этих потерь. Не закончен даже проект использования готового, отмытого от сырца-дивинила уксусного альдегида, и раствор этого ценного продукта на всех заводах сливается в канализацию. Он, Мультатули, вместе со всеми своими сотрудниками надеется через три месяца закончить генеральную смету первых трех заводов синтетического каучука, проект установки по получению концентрированного уксусного альдегида из раствора, а также значительно продвинуть вперед работу по использованию других побочных продуктов и отходов, в частности организовать производство целозольва из этилена. Всё это обещает уменьшение громадных потерь.

Наконец, Мультатули напомнил, что хотя он считал это бессмысленным, ему навязали проектирование еще нескольких заводов синтетического каучука: Белодарского, Гранитчугского, Быкогодского, Керунского, Бовтамского, а также Назанского, где заканчивается монтаж. К сожалению, ввиду нехватки помощников ему пришлось лично руководить всеми этими работами и некому передать это руководство. Даже при наличии соответствующего опытного преемника для передачи потребуется длительное время. В случае его ухода выполнение всей проектной документации сильно замедлится, и урон будет больше, чем польза от его работы на Женоровском заводе синтетического каучука.

Золотокузнецов, еще раз сославшись на разговор с наркомом Сергодзе и секретарем Женоровского обкома Варейкисом, заявил, что самое важное в настоящее время – улучшение работы Женоровского завода. А на проектную контору он навесит большой замок, и Мультатули сможет забрать с собой в Женоров некоторых лучших инженеров из Кремлевии.

(Позже Мультатули узнал, что Золотокузнецов лгал о закрытии «конторы». Была уже полная договоренность о том, что способный и толковый инженер Либинсын, один из авторов эскизного проекта завода СК, назначается главным инженером Управления СК. Кстати, еще до поездки Мультатули для ликвидации прорыва на Ефремовском заводе СК Золотокузнецов намекал на двух «котов» в одном мешке, имея в виду невозможность совместной работы Либинсына и Мультатули.

Мультатули чуял, что Золотокузнецов хочет одним ударом убить трех зайцев: избавиться от него, найти подходящего для себя главного инженера и переложить на плечи Мультатули все «грехи» по Женоровскому заводу СК. И действительно во всем этом Золотокузнецов преуспел. Но поистине смер-

тельным его план оказался для Либинсына. Через четыре года он как главный инженер Управления СК был арестован и погиб в системе лагерного перевоспитания.

Золотокузнецов заявил, что считает разговор законченным: ехать нужно сегодня же – и Мультатули был вручен билет для проезда в мягком вагоне до Женорова. «Ваши вещи Вам будут доставлены на следующий день после приезда в Женоров», – «обнадежил» Золотокузнецов.

«Допустим, что вполне естественен мой молниеносный отъезд в Женоров без вещей, без прощания с семьей, как будто весь Женоровский завод взорвался и только я могу погасить огромный пожар, но я не в состоянии ходить, так как на пятке правой ноги у меня вздулся огромный пузырь», – неожиданно для Золотокузнецова заявил Мультатули. С трудом разувшись, он показал пузырь.

Но это только на мгновение смутило Золотокузнецова. Он тут же вызвал своего заместителя Быковича. Тот до революции был фельдшером! Быкович быстро проколол пузырь, смазал иодом, забинтовал ногу. Золотокузнецов бодро напутствовал Мультатули: «Вас повезут к поезду в машине, помогут дойти до Вашего купе, обеспечат пищей – а пока приедете в Женоров, все заживет и сможете ходить. Желаю Вам всяких благ, надеюсь что на Женоровском заводе, хоть и не столь быстро, Вы наладите работу так же, как и на Ефремовском».

Так Мультатули был отправлен на Женоровский завод. В те времена с работниками любого ранга обращались, как с вещами. Без лишних разговоров вместе с Мультатули тут же пустились в путь еще три инженера. Вновь назначенный директором Женоровского завода Цролль должен был выехать через пару дней.

Мультатули мог, разумеется, отказаться и уйти из Управления по строительству заводов синтетического каучука, но он чувствовал себя настолько тесно связанным с этой системой, что даже не подумал об этом. За два года напряженнейшей работы он прочно сросся и с работой, и с людьми. На следующий день Мультатули был уже на Женоровском заводе.

Состояние предприятия действительно стало катастрофическим. За 2,5 года Золотокузнецов сменил 22 директора и главных инженера этого странного завода.

Некоторые директора гнались за липовым выполнением строительных графиков, и работы выполнялись безобразно. Фундаменты на глазах крошились. Особенно страшными были фундаменты под компрессорами для дивинила-сырца. Эти компрессоры на глазах.«ходили». Казалось, что вот-вот они сорвутся с фундаментов. Во время первого же обхода Мультатули заметил, что стены холодильного цеха дрожат. Оказалось, что фундаменты мощных холодильных аммиачных компрессоров сопряжены с фундаментами стен и огромный кран для монтажа компрессоров, укрепленный на подкрановых балках, грозил свалиться на компрессоры и людей.

В контактных печах почти все реторты были сожжены, и вместо 16 реторт в каждой печи были 1-3 реторты. Схема в отделении конденсации и в газовом корпусе была безнадежно запутана, и трудно было установить, какой цех больше виноват в огромных потерях дивинила за скрубберами, которые доходили до 30%. При монтаже на трубопроводе контактных газов из отделения конденсации в отделение абсорбции «забыли» установить трубу Вентури для измерения протекающих объемов контактного газа. Начальник газового корпуса утверждал, что виноват в огромных потерях цех конденсации. Колонна ректификации сырца-дивинила вся «закаучуковалась», тарелки заросли полимерами, производительность ее была ничтожна, а качество дивинила-ректификата, направляемого в цех полимеризации, было скверным.

Наиболее «страшным» был цех полимеризации. В нем были установлены 150 полимеризаторов. Как и на остальных заводах, в полимеризатор вставлялся каркас из стержней, на которые наносился металлический натрий. После окончания процесса полимеризации блок-полимер вместе с каркасом выгружался краном. Но процесс полимеризации протекал не до конца, «каучук» получался такой консистенции, как повидло. Каркас «прорезал» жидковатый «каучук», и последний оставался в полимеризаторе. Операторы залезали в полимеризатор и вычерпывали жидкий «каучук», в который были вкраплены кусочки металлического натрия. Это была крайне опасная работа, чреватая вспышками и взрывами. К тому же для этой работы почему-то использовали глухонемых.

Но особо катастрофично было отсутствие на заводе инертного газа – азота или углекислого газа. Дело в том, что после окончания процесса полимеризации необходимо было отсосать псевдобутилен, который в процессе ректификации сопутствовал дивинилу. Отсасывание осуществлялось мощными вакуум-насосами. После отсоса, перед снятием крышки полимеризатора необходимо было ликвидировать вакуум в полимеризаторе добавкой инертного газа – азота. Если вакуум не доводили до атмосферного давления азотом, то при вскрытии полимеризатора образовывалась крайне взрывчатая смесь из псевдобутилена и воздуха. Поэтому вскрывать полимеризаторы для выгрузки каучука без добавления азота запрещалось. Но азот на заводе отсутствовал и, рискуя жизнью людей и гибелью оборудования, работу завода не приостанавливали.

Паровые котлы были оборудованы скверными трубками, они то и дело «прогорали», происходил довольно шумный «маленький» взрыв, что грозило взрывом всей котельной. Котельную, а, следовательно, и завод приходилось останавливать.

Пуск в эксплуатацию новой Женоровской электростанции задержался больше чем на год, и электроэнергию для завода СК получали с маломощной городской электростанции. Диспетчеры Женоровского завода СК, опасаясь риска повышения температуры в полимеризаторах (что могло привести к взрыву), давали распоряжение о пуске дополнительного холодильного компрессора. (Компрессоры были установлены на полную мощность завода – пять комплектов. При работе на полную мощность выпуск каучука должен был составить 35 тонн каучука в сутки. Фактически же выпуск тогда составлял полтонны в сутки. А диспетчеры вводили в действие 3-4 холодильных компрессоров из пяти, предназначенных для полной мощности). Особенно злоупотребляли этим ночные диспетчеры.

При пуске лишнего холодильного компрессора в большом городе Женорове выключалось электроосвещение и останавливались трамваи. Жители Женорова вынуждены были в темноте пешком возвращаться из театров и кино.

Через пару месяцев новая электрическая станция была пущена в эксплуатацию, и завод СК начал получать электроэнергию от нее. Но эта новая электростанция страдала «пусковыми болезнями» и ее часто внезапно останавливали.

При этом компрессоры, отсасывавшие контактные газы, останавливались, давление в ретортах, установленных в печах, повышалось, и реторты летели к чертовой матери.

При появлении Мультатули на заводе никто никаких дел ему не передавал. Предыдущие директор и главный инженер были так же внезапно сняты, как внезапно были назначены Мультатули и Цролль. Заместитель главного инженера Столбтаев – из «вредителей» – был толковым и опытным инженером, но беспробудно пил. Главный электрик, тоже из «вредителей», однофамилец председателя совнаркома и очень похожий на последнего (хотя у него были рыжие усики), был запуган и не решался на какие-либо самостоятельные действия.

Начальник монтажа второй очереди Сергей Михайлович Волков, о котором упоминалось раннее, был опытным монтажником, но его тоже смертельно напугало трехлетнее «перевоспитание».

Все начальники цехов были малоопытными молодыми инженерами, а дежурные инженеры и даже заместители начальников цехов только-только «вылупились из яйца». Самый «старый» и самый «опытный» из них – не считая бывших «вредителей» – 33-летний Мультатули имел «огромный» инженерно-технический стаж в 9,5 лет. Но всё же Мультатули знал наизусть весь проект завода и, поскольку он не просто «руками водил», а вместе с подобранным им коллективом практически осуществлял все технические решения, то смог быстро ориентироваться во всех «страшных» делах Женоровского завода.

Поселился он в «доме правительства» – в бараке, где жили руководящие работники завода.

Через два дня Мультатули узнал все вышеописанное и еще множество деталей, которыми автор не захотел загромождать описание. Первым делом он снял всех диспетчеров и заменил их сам на все три смены. Спал Мультатули в «доме правительства» четыре часа в сутки, телефон стоял у изголовья, и в экстренных случаях его будили даже в этот короткий промежуток для отдыха. Остальные двадцать часов он сидел в своем кабинете и редко отлучался оттуда, так как выполнял обязанности всех трех

сменных диспетчеров около двух месяцев – до тех пор, пока не пустили в эксплуатацию новую электростанцию.

Следует отметить, что используя хорошее знание проекта, баланса расхода холода, воды, сжатого воздуха и электроэнергии, Мультатули балансировал на самой грани и включал не более двух компрессоров холодильного отделения и изредка трех (только днем). Благодаря этому завод более не вынуждал жителей Женорова возвращаться из кино пешком в темноте.

Приехавшие с ним три инженера были назначены соответственно начальниками печного цеха, цеха конденсации-ректификации и газового корпуса. Бывшие начальники этих цехов были переведены в заместители начальников, чем они, разумеется, были недовольны. Не был смещен только начальник цеха полимеризации – хитрый малоскиф Плашевский, который впоследствии сильно подвел Мультатули.

С первых же дней Мультатули начал настаивать на месячной остановке завода на ремонт, так как необходимо было сменить фундаменты компрессоров дивинил-сырца, вварить в трубопровод контактных газов трубу Вентури, разомкнуть фундаменты холодильных компрессоров с фундаментами стен, заменить дефектные трубки в паровых котлах, оборудовать печи ретортами, заменить закаучукованную колонну ректификации дивинила, осуществить целый ряд других работ, ускорить монтаж второй очереди завода. И, наконец, работа в цехе полимеризации без инертного газа была связана с огромным риском, грозила взрывом огромного корпуса и гибелью многих людей.

Мультатули гарантировал выполнение годового плана в случае остановки завода на месяц. Однако, ему не разрешили остановить завод даже на сутки. Он был в отчаянии.

Но делать было нечего. Первым делом он решил вварить в трубопровод контактного газа трубу Вентури. Для этого следовало бы остановить завод на 3 суток. Сам процесс приварки трубы Вентури должен был занять два часа. Однако до начала сварки, согласно правилам техники безопасности, следовало трое суток продувать трубопровод инертным газом. Но не было ни трех суток, ни инертного газа. Мультатули решил пойти на риск и вварить трубу Вентури без предварительной продувки трубопровода инертным газом. На всякий случай он все время стоял около сварщика, чтобы в случае взрыва отправиться вместе с ним к праотцам и таким образом избежать ответственности. Все прошло благополучно.

Осмелев, Мультатули организовал замену фундаментов под компрессоры и разъединение фундаментов холодильных компрессоров без остановки завода. Как выше было отмечено, первые два месяца Мультатули почти не спал. Полгода были наполнены событиями, как полвека. Авария следовала за аварией. Однажды ночью, когда глухонемые снимали крышку полимеризатора, не вводя предварительно инертный газ из-за отсутствия последнего, последовал взрыв, тяжелая крышка полимеризатора взлетела под потолок, упала и убила трех операторов.

Когда Мультатули той ночью прибежал в цех, его не так ужаснули трупы трех убитых, как то, что в траншее горела изоляция трубопроводов (по-видимому, на них попали кусочки металлического натрия). Пламя распространилось по траншее и приближалось к емкости, в которой находилось 25 кубических метров ректификата дивинила. Весь цех мог взорваться.

Мультатули предложил пожарным немедленно тряпьем (но не водой) тушить все очаги пламени. Испуганные, неопытные пожарные, боясь нового взрыва, не лезли в траншею. Тогда Мультатули полез один. За ним пошли пожарные. Очаги пламени в траншее удалось ликвидировать. Цех и люди были спасены.

В другой раз в цехе полимеризации произошла вспышка. Загорелась одежда на дежурном инженере. Бедняга растерялся и побежал. При беге огонь на одежде (ватной) начал всё больше разгораться. Пока беднягу поймали, повалили и потушили на нем одежду, более 50% кожи было обожжено. Бедняга умер через тринадцать дней. Он страстно хотел жить…

Через полгода Женоровский завод начал выполнять план как по выпуску каучука, так и по строительству второй очереди. С Мультатули творились странные вещи. Он не помнил множества простых

обычных слов. Когда у него возникал позыв мочиться, он не мог облегчиться и, наоборот, иногда был не в силах сдержать мочевыделение.

Поскольку Женоровский завод вырвался даже вперед по сравнению с Которостльским и Ефремовским заводами СК, Мультатули получил месячную путевку в Сладководск, на Казкав.

В Сладководске Мультатули окреп, бросил курить. Сердце перестало беспокоить. (Спустя три месяца после приезда в Женоров у него был сердечный приступ).

Его отношения с Золотокузнецовым продолжали обостряться. Либинсын проявлял большой такт и только один раз за полгода приехал в Женоров. Он сообщил Мультатули, что нарком Сергодзе решил наградить автомашиной «Эмка» всех директоров и главных инженеров действующих заводов синтетического каучука. Посоветовал улучшить отношения с Золотокузнецовым. Но Мультатули считал Золотокузнецова прямым виновником гибели людей и не мог простить ему его авантюрной технической политики.

Кроме того он не сомневался, что Золотокузнецов, выбрав соответствующее время, уже уверенный в нормализации положения на заводе, отомстит ему за унижение, которое он претерпел в Совете Труда и Обороны.

И действительно месть не замедлила последовать. Золотокузнецов создал секретную комиссию во главе с бывшим ближайшим коллегой Мультатули – Галединым. С такой же легкостью, с какой Галедин за четыре года до этого предал Сергея Михайловича Волкова, он предал и Мультатули. Справедливости ради следует отметить, что Галедин смертельно боялся Золотокузнецова, впрочем, как и все остальные руководящие работники.

Все грехи и недостатки руководства 22 предыдущих директоров и главных инженеров были приписаны Мультатули. Разрушение реторт, происходившее вследствие частых остановок вновь пущенной электростанции, также были приписаны Мультатули. Результаты «работы» комиссии были опубликованы в секретном приказе. Этим же приказом Мультатули был снят с поста главного инженера завода и понижен в должности (неизвестно, каким образом).

Все было столь чудовищно, настолько противоречило истине, что Золотокузнецов мог все это оформить только секретным приказом. Ведь всем было известно, что Женоровский завод СК был доведен до катастрофического состояния и работал хуже всех других заводов только потому, что он, по существу, не имел никакого руководства. Каждые два-три месяца Золотокузнецов сменял директора или главного инженера.

Всем было известно, что в течение восьми месяцев Мультатули работал свыше своих сил. Наконец, всем было известно, что к внезапному приезду Мультатули завод был доведен «до ручки», технологический процесс полностью расстроен, многие агрегаты находились в аварийном состоянии и завод выпускал пол-тонны жидкого каучука в сутки. А ко времени «секретного» снятия Мультатули завод выпускал 10 тонн сравнительно «доброкачественного» каучука (насколько дрянной натриевый каучук – СКБ мог быть «доброкачественным») и по всем «показателям» работы вышел вперед по отношению к Которостльскому и Ефремовскому. Все это знали, и все... молчали. Мультатули ожидал мести Золотокузнецова, но не такой подлой и коварной.

Он был потрясен. Вообще-то к тому времени Мультатули уже полностью убедился в неэкономичности и примитивности разработанного процесса производства синтетического каучука. Но за три года сумасшедшей, напряженнейшей работы, когда он громадным напряжением воли мобилизовал все резервы своего мыслительного аппарата, пренебрегал даже выполнением элементарных физиологических функций, сном, едой, Мультатули превратился в орудие осуществления чудовищно разорительного процесса производства синтетического каучука (насколько этот процесс был разорителен для народного хозяйства страны, Мультатули подсчитал только через 30 с лишним лет, в 50 г. великой вохровской эры).

Он так сросся с этим делом и с людьми, что ему просто невозможно было расстаться с ними. Однако несправедливость была слишком чудовищна. Самый творческий – в инженерном отношении – период его жизни не только был гнусно перечеркнут, но в дополнение ему были приписаны результаты всех

авантюрных и полуграмотных трюков Золотокузнецова и его многочисленных подручных. Никакая философия не могла Мультатули помочь спокойно отнестись ко всему этому. Особенно усиливало его ярость торжество Золотокузнецова.

Тот убил двух зайцев: наказал «виновника» всех грехов и вывел из прорыва безнадежный Женоровский завод. Мультатули заявил директору Цроллю, что немедленно уходит из системы СК и возвращается в Кремлевию. А на вокзал уйдет пешком.

Цролль убеждал Мультатули успокоиться. (Его «миролюбие» было фальшивым: Цролль входил в секретную комиссию, угробившую Мультатули). В конце концов Цролль, сам водивший автомобиль, повез Мультатули на вокзал. По дороге он продолжал убеждать Мультатули не уходить из системы СК. Мол, секретный приказ – политический ход, иначе Золотокузнецов не мог поступить. Мол, мало ли что бывает, но все равно Мультатули все уважают и ценят.

Мультатули отмалчивался. Он вернулся в Кремлевию. Золотокузнецов, удовлетворенный выполнением своего замысла, был весь переполнен «добродушием» и перечислял Мультатули всяческие возможности. Он сулил ему должность начальника Технологического отдела Управления. Предлагал поехать на Казкав главным инженером нового опытного завода по производству синтетического спирта из углеводородного спрея. Оскорбленный Мультатули даже не отзывался.

Кстати, после отказа Мультатули на Казкав поехал молодой инженер Близин. Он вместе со своими сотрудниками на опытном заводе благополучно пережил войну, не попал в систему лагерного перевоспитания, дважды получал «за разработку» метода получения синтетического спирта Ильичевскую премию (тогда – Виссарионовскую) и ныне числится академиком одной из республиканских академий. Если бы Мультатули поехал на Казкав, возможно, и его ожидало бы подобное «благополучие».

После отъезда Мультатули из Женерова главным инженером завода был назначен бывший «вредитель» Столбтаев, который работал заместителем Мультатули. Через неделю Столбтаеву отдали предназначенную для Мультатули «Эмку». Автомашины получили свыше десяти работников системы СК, которыми их облагодетельствовал нарком Сергодзе.

Характерно, что все награжденные попали в систему лагерного перевоспитания и погибли. Погиб и нарком Сергодзе. Ему не привелось стать объектом перевоспитания. Но некоторые приближенные к нему работники попали в этот кровавый ад.

Подлейшим секретным приказом не закончилась Женеровская эпопея Мультатули. Через пару месяцев он был вызван в Женеров на суд.

Смерть трех операторов во время взрыва в цехе полимеризации не прошла незамеченной. «Общественность» призывала наказать виновных, и вохровский суд не смог игнорировать это требование. К суду привлекались Мультатули, начальник цеха полимеризации Пламевский, работники отдела снабжения и транспорта.

Возмущенный Мультатули через Галедина поставил в известность вышестоящее начальство, что если это судебное дело не будет прекращено, то он разоблачит все авантюрные действия Управления СК, использовав документы, которыми ранее собирался снабдить СТО.

Угроза возымела действие. Через того же Галедина Мультатули было сообщено, что судебное дело прекратить невозможно, но он лично может не беспокоиться.

И действительно судебная комедия была разыграна как по нотам.

Для суда была выбрана маленькая комнатушка. «Посторонних» не пускали под тем предлогов, что помещение суда переполнено. Каждый обвиняемый имел своего казенного защитника, хотя никто не просил защитника. Процесс судопроизводства протекал архи-гуманно. Диссонанс внес только молодой прокурор. Этот энтузиаст произнес громовую речь. Мол, вот этим людям (во главе с Мультатули) вохровская власть доверила огромное дело, оказав им великую честь. Но они не только не оправдали доверие вохровской власти, но своей преступной халатностью способствовали гибели вохровских людей и оборудования и т.д. и т.п.

Все это прокурор произносил с огромным пафосом. Казалось, что он потребует высшей меры или, по крайней мере, десяти лет лишения свободы. Но… неожиданно для всех он потребовал для Мультатули шести месяцев условно, для функционеров из отдела снабжения и транспорта – одного года принудительных работ по месту службы с удержанием 20% зарплаты, а Пламевский был оправдан.

Начальник цеха Пламевский оказался весьма хитрым. Он все время писал докладные записки Мультатули и копии оставлял себе. Он писал, что из-за отсутствия азота снимает с себя ответственность за безопасность людей и оборудования и т.д. Даже когда Мультатули давал Пламевскому устные распоряжения об обеспечении всех слесарей медными ключами или об укреплении конструкций кранов для выгрузки блоков, он тут же писал докладную записку Мультатули о том же, и, разумеется, копию оставлял себе. Все эти копии он предъявил суду. Судья покрикивал на Пламевского, называл его бюрократом, но вынужден был полностью оправдать, хотя формально как начальник цеха, он отвечал за всё в первую очередь. Пламевский был бы оправдан даже в том случае, если бы судья и прокурор не получили секретного указания устроить судебную комедию.

Через полгода условное наказание в шесть месяцев принудработ для Мультатули было аннулировано.

Больше всего пострадали «стрелочники» – незначительные функционеры из отделов снабжения и транспорта (не считая, разумеется, погибших операторов). У «стрелочников» год удерживали 20% зарплаты.

Так закончилась Женеровская эпопея. Уйдя из системы СК и желая попрощаться со своими бывшими сотрудниками, Мультатули устроил в своей Кремлевской квартире званый обед. На длинном столе в большой комнате он расставил более 20 приборов. Стол был переполнен яствами и напитками. Но… никто не приходил. Явился только один сотрудник, долговязый Клименко. Когда он увидел, что никого нет, то тут же под каким-то предлогом смылся. Впоследствии, через 12 лет, когда Мультатули живым вернулся из системы «лагерного перевоспитания», Клименко хвастался своей «храбростью».

Те же сотрудники Мультатули, которые за полтора года до этого считали за честь быть приглашенными и пьянствовали у него на квартире, ныне боялись попасть в немилость к Золотокузнецову. Уже через год-два после провокационного убийства Кострика, когда Виссарионов начал массовое истребление партийных, хозяйственных, технических и прочих функционеров, травля попавших под подозрение стала привычным явлением. И семья Мультатули стала объектом остракизма после его ареста. Но, как отмечалось, и за два года до ареста Мультатули подвергся преследованию.

Приятель Мультатули Волковысский к тому времени занимал довольно крупный пост. В Главоргхимпроме он был куратором двух крупных отраслей промышленности – лакокрасочной и анилкрасочной. В 11 г. в.в.э. его репрессировали за сочувствие лейбистской оппозиции, выслали в Которостль. Затем он повинился, и его реабилитировали.

Чувствуя неуверенность, Волковысский решил пойти на производство – главным инженером Которостльского завода «Победа Рабочих» и предложил Мультатули заменить его в Главоргхимпроме. Мультатули после ухода из системы СК оказался не у дел и, хотя терпеть не мог чиновничью, бюрократическую деятельность, согласился. Не оформившись, он неделю проработал в наркомате тяжелой промышленности, в Главоргхимпроме. Но вскоре увидел, что обязан отвечать за две крупные отрасли промышленности перед начальником Главка (по нынешним масштабам – министром), а прав у него – никаких. Он не имел возможности даже посоветовать тому или иному управляющему трестом осуществить какое-либо мероприятие.

Мультатули был настолько осторожен, что не оформлялся в наркомате в отделе руководящих кадров. Он исчез оттуда, даже не получив зарплаты.

Вновь Мультатули оказался не у дел. Да и деньги у него были на исходе, а он был обременен немалой семьей. Через день после того как Мультатули смылся из наркомата, его посетил бывший его студент из Промакадемии – Кимлау. После окончания Промакадемии Кимлау назначили техническим директором Кремлевосновхимтреста. Кимлау принес несколько листов ватмана и просил провести экспертизу «проекта». «Проект» был, мягко выражаясь, весьма странным. На одном месте начерчен

большой прямоугольник, а внутри прямоугольника – пять окружностей. На втором листе – какая-то невероятная мазня, а сверху было написано: «Схема производства основной углекислой меди».

Просмотрев этот «проект», Мультатули недоуменно пожал плечами. Кимлау объяснил «ситуацию». Пару лет тому назад Кремлевосновхимтресту было вменено в обязанность построить на подчиненном ему Скорополновском химзаводе под Захолмском цех инсектофунгицидов. Сельское хозяйство терпело огромные потери не от контриков-вредителей, а от насекомых-вредителей. А производство инсектофунгицидов для борьбы с этими реальными «вредителями» не было еще налажено в Вохровском Союзе. Скорополновскому заводу предстояло стать пионером этого производства.

Трест никак не мог найти какую-либо проектную организацию, которая выполнила бы проект цеха инсектофунгицидов. Технорук Скорополновского завода порекомендовал дать заказ на проектирование какому-нибудь частнику-инженеру (в те времена разрешалось оплачивать проекты, выполненные частным образом). Этот же технорук пообещал разыскать компетентного специалиста. Через некоторое время технорук сообщил, что некий специалист предлагает свои услуги.

Трест заключил с этим неким специалистом договор, а последний, получив четыре тысячи, вручил Кимлау вышеописанный «проект».

Мультатули выразил сожаление по поводу того, что его бывший студент Кимлау оказался жертвой жулика, и удивление, что учение в Промакадемии не помогло Кимлау отличить безграмотную мазню от проекта.

Кимлау бы потрясен. Все сроки прошли, и ему пообещали отобрать его партийный билет, если через полгода цех инсектофунгицидов не будет введен в эксплуатацию. Кимлау униженно умолял Мультатули взяться за выполнение этого проекта. Но Мультатули никогда не выполнял проекты частным образом и никогда не занимался инсектофунгицидами.

Правда, работая в лакокрасочной промышленности, Мультатули имел дело с производством основных углекислых медных и свинцовых солей. Однако для получения основной углекислой соли меди следует ранее получить окись меди. Мультатули был хорошо знаком с производством окиси свинца и совершенно не знаком с производством окиси меди. Таким образом, по крайней мере по двум причинам Мультатули не мог удовлетворить просьбу Кимлау, что и объяснил визитеру.

Кимлау продолжал настаивать, обещал достать в научно-исследовательском институте инсектофунгицидов какие-то итальянские материалы по производству окиси меди. Мультатули не мог поручиться за работу печи по производству окиси меди, поэтому Кимлау брал на себя полную ответственность за работу этой печи и готов был подписать любое соглашение.

Поскольку Мультатули был не у дел, он в конце концов согласился.

Было подписано соглашение, в которое Мультатули внес множество оговорок. Оплата за проект по трудовому соглашению составляла семь тысяч. Объем проекта – около 70 ватманских листов. В те времена оплата одного ватманского листа составляла 250 вохриков. Правда, занимались этим подрядчики, которые сами не умели проектировать, а нанимали проектировщиков-«китайцев», которым платили половину, забирая себе 50% всей суммы. Таким образом, цена за лист, которую Мультатули назначил, была даже меньше той, которую получали «китайцы». Мультатули должен был составить еще пояснительную записку и защитить техно-рабочий проект цеха инсектофунгицидов в научно-техническом совете Наркомместпрома.

К этой работе Мультатули привлек двух своих бывших подчиненных из системы СК (на этот раз они не испугались Золотокузнецова) и двух чертежников.

Итальянские материалы по окислению меди были получены. Мультатули удалось также достать около 30 листов чертежей сушилки – вращающегося барабана.

Чтобы не мудрить, Мультатули запроектировал двухполочную печь типа Малетра. Реакционные чаны для растворения окиси меди и получения углекислой меди для удобства выгрузки он запроектировал конусными. По договору следовало выполнить только технологически-монтажную часть. Объем технологически-монтажной части составил 35 листов. По договору срок выполнения должен

был составить два месяца. Но фактически проект был выполнен в один месяц. Так как любые сроки ввода цеха в эксплуатацию прошли, проект был быстро рассмотрен и утвержден научно-техническим советом Наркомместпрома. Экспертом-рецензентом назначили какого-то работника НИИ инсектофунгицидов.

Присутствовали все «ИТГ» Скорополновского завода и треста. Мультатули один защищал проект и весьма высокомерно отвечал на вопросы и замечания. После утверждения проекта Мультатули впервые в жизни за частную работу получил семь тысяч. Половину он разделил между своими коллегами, хотя сам выполнил более 50% объема всех работ, сам разработал схему и единолично отвечал за проект.

Мультатули, как всегда, везло. Известно, что даже в нынешние времена множество проектов идет в корзину. Проекты же Мультатули, плохие или хорошие, почти всегда доходили до реализации во все периоды его работы, исчислявшейся десятками лет.

Был осуществлен и этот проект, который, кстати, был выполнен достаточно добросовестно, с учетом требований того времени. Но через год, когда Мультатули был уже главным инженером Фотокинохимтреста (ныне – Главкинопленки), ему грозили крупные неприятности за тот проект!

Год спустя Мультатули вызвал по телефону какой-то следователь и пригласил его к себе. Мультатули, сославшись на занятость, отказался. Через несколько дней следователь вновь настоятельно пригласил его. Мультатули больше не мог отказываться и пришел. Тот поставил его в известность, что Рабоче-крестьянская инспекция передала ему дело о проектировании цеха инсектофунгицидов. Этот проект признан каким-то частным экспертом (инженером из Анилпроекта) дефектным, и поэтому срываются сроки ввода в эксплуатацию – на этот раз по вине Мультатули.

Следователь предупредил Мультатули об уголовной ответственности и сказал, что единственный выход для него – самому взять на себя руководство монтажом. Мультатули несколько струхнул (хотя в тепло-технических расчетах был принят запас в 100%, он не был уверен в работе печи по окислению меди), но не подал виду. Он рассмеялся и заявил, что масштабы его нынешней работы в сотни раз превышают объем работ по монтажу этого цеха и, наконец, проект был утверждён НТС Наркомместпрома, а потому ответственность несет Кремлевосновхимтрест. С этим он и ушел.

Вернувшись домой, позвонил Кимлау. Тот был в полном смятении. Мультатули сообщил ему, что он очень занят, так как завтра утром уезжает в отпуск на Казкав, и порекомендовал Кимлау предложить Теплострою взять подряд на строительство и монтаж этого цеха.

Вместе с тем Мультатули заверил Кимлау, что цех будет работать. Пообещал более подробно поговорить с ним после приезда из отпуска. Поговорили они не через месяц, а через четыре месяца.

Кимлау рассказал Мультатули весьма комичную историю строительства этого цеха. Утвержденный проект и финансирование были переданы Скорополновскому заводу для реализации. Единственным «инженером» на заводе был сам технорук. Остальные ИТР были практиками. Но «инженер»-технорук, как впоследствии выяснилось, был вотсарским жуликом. Он выдавал себя за инженера и даже профессора. К тому же рекомендовал другого вотсарского жулика, который выманил четыре тысячи за «проект».

У директора завода техническая эрудиция приближалась к нулю. Да он и не очень интересовался техникой. Ему перевалило за пятьдесят, но он был по уши влюблен в свою пятидесятилетнюю жену. 34-летнему Мультатули это казалось невероятно смешным.

Этот-то влюбленный директор вместе с вотасарским жуликом-техноруком сыграли главные роли в уголовном детективе – строительстве цеха. Вообще-то «технору́ку» не надо было обладать технической грамотностью для строительства цеха. Ему следовало попросту передать проект какому-нибудь подрядчику и финансировать его работы. Но безграмотный аферист и этого не знал. Поэтому он уговорил директора с помощью какого-то инженера из Анилпроекта, что проект якобы дефектный.

У директора оказался дружок – крупный функционер из Рабоче-крестьянской инспекции. Тот и передал это дело прокуратуре с предложением привлечь Мультатули к уголовной ответственности. По-

сле отъезда Мультатули в отпуск Кимлау использовал его совет и заключил с Теплостроем соглашение о подряде на строительство цеха. И Теплострой, и привлеченный эксперт из НИИ инсектофунгицидов (которые, кстати, еще при защите дали положительный отзыв) признали проект удовлетворительным. Цех был построен. Печь, реакторы и сушилки работали вполне удовлетворительно. Технорук-жулик был разоблачен, но скрылся. Влюбленный директор завода с еще большим увлечением начал ухаживать за своей пятидесятилетней женой.

После окончания проекта цеха инсектофунгицидов Кимлау предложил Мультатули хотя бы временно поработать его заместителем, предложив оплату даже выше той, которую Мультатули получал в системе СК. Кремлевосновхимтрест «руководил» небольшими, большей частью старыми заводами основной химической промышленности. В Кремлевской области Скорополновский завод, построенный чуть ли не 100 лет тому назад, состоял из старейшего цеха серной кислоты и нового цеха магнезии-усты, которая изготовлялась для нужд Управления СК.

Это был чудо-завод! Главное чудо: неизвестно, на чем держались печи Малестра для обжига пирита. Когда впоследствии приступили к их капитальному ремонту, оказалось, что они держались на «честном слове». Фундамента не оказалось. По-видимому, под действием сернистого ангидрида фундаменты были полностью разъедены.

Два завода – Веновский и Профессорский размещались в пригородах Кремлевии. На них вырабатывались серная, азотная и соляная кислоты, сернистый натрий и некоторые другие химикаты.

На Профессорском заводе имелась относительно новая установка серной кислоты, построенная к концу Первой мировой войны, за год до начала великой вохровской эры. Она была оборудована новейшими непрерывными печами системы Геррисгофа. Но именно эта установка не работала, так как не хватало платины, которая использовалась в качестве катализатора для окисления сернистого газа в серный ангидрид. В состав Кремлевосновхимтреста входил также Больше-Мальцевский завод, расположенный в Назярской области.

На этом заводе производились разные органические продукты: уксусная кислота (из древесного уксусного порошка), амилацетат, этилацетат и другие. Оборудование этого завода было таким же допотопным, как на Скорополновском и Веновском заводах.

В тресте и на заводах формально числились 4 инженера: жулик-технорук Скорополновского завода, Кимлау, директор Веновского завода – Руко Иосиф Иосифович (кончивший Промакадемию, тоже бывший студент Мультатули) и старый-престарый (так, по крайней мере, казалось Мультатули) технорук Больше-Мальцевского завода, которому было за пятьдесят.

Наиболее положительным выглядел Руко Иосиф Иосифович. Остальные «ИТР» были практиками или вообще людьми без определенных занятий.

Фактически в системе Кремлевхимтреста инженеры отсутствовали.

Все четыре завода были убыточными. В состав треста входило еще одно производство, которое размещалось в... комнате. Тут вырабатывались сиропы для сельтерской воды. Орудовали там мастер с двумя подручными. Мастер получал весьма высокую зарплату и всячески сохранял «секрет» производства. Для пущей важности в стоведерный чан он бросал в присутствии начальника микроскопический кусочек лимона.

Вот это «производство» давало огромную прибыль, которая значительно превышала убытки четырех заводов. В целом Кремлевосновхимтрест был прибыльным и числился в Наркомместпроме преуспевающим. Чем занимались сотрудники этого треста, оставалось совершенно неясным. Относительно понятна была работа бухгалтерии и опекающего ее управляющего трестом, весьма добродушного человека. Они сводили концы с концами.

Характеристика технического директора Кимлау приводилась выше. Функции остальных сотрудников треста определить трудно. Был обычный набор отделов: отдел кадров, производственный отдел, отдел снабжения, отдел сбыта и т.п.

Впрочем, сотрудников насчитывалось немного – около двух десятков, и занимали они небольшое помещение на Мясницкой улице. Управляющий трестом Кимлау и Мультатули сидели в одной комнате. К тому времени, когда Кимлау предложил Мультатули работать в этом тресте, у последнего уже был значительный по тем временам стаж. Но работал Мультатули в основном в производствах органической химии. С производствами основной, или неорганической химии он был знаком постольку, поскольку сдавал неорганическую технологию в институте.

Кимлау и Руко «специализировались» в Промакадемии тоже в области органического синтеза – синтеза каучука. И на заводе «Победа Рабочих» в Которостли, и в системе СК Мультатули привык к крупномасштабной работе, поэтому деятельность в Кремлевосновхимтресте казалась ему мелкой, кустарной, малоинтересной. Но ничего более интересного не подворачивалось, а в материальном отношении он был обеспечен даже лучше, чем в управлении СК. Мультатули принял предложение Кимлау. В этом тресте он «проработал» около трех месяцев.

Администрация Наркомместпрома и треста считала, что сделала ценное приобретение, и ценила Мультатули даже больше мастера по изготовлению сиропов, который обеспечивал прибыльность работы треста. Но за три месяца Мультатули сумел сделать немногое. Наибольшее внимание он уделил Больше-Мальцевскому заводу. Там наметил замену периодических ректификационных колонн на непрерывные и расширение ассортимента растворителей.

Впоследствии Мультатули стал экспертом проекта реконструкции этого завода, но никогда не узнал, был ли этот проект осуществлён. На остальных заводах Мультатули пытался внедрить элементарный производственно-технический учет с фиксацией удельных расходов пара, электроэнергии, воды, рабсилы и т.п. Наконец, работая в этом тресте, он осуществил защиту и утверждение проекта цеха инсектофунгицидов.

Никогда Мультатули не узнал и о результатах своей деятельности в этом тресте. Кимлау и Руко, несмотря на то, что были старыми партийцами, или именно благодаря этому оказались «врагами народа» и исчезли. С остальными работниками треста Мультатули больше никогда не встречался, да и вряд ли узнал бы их.

Бывший сотрудник Управления СК Равис, который тому времени стал крупным функционером наркомата, порекомендовал администрации ГУКФа (Главного Управления Кинофотопромышленности, позже реорганизованного в Комитет искусств) Мультатули в качестве главного инженера Кинофотохимтреста.

Впоследствии Мультатули узнал, что Золотокузнецов в ответ на запрос администрации ГУКФа дал ему блестящую характеристику как проектировщику, строителю и эксплуатационнику. Этот поступок Золотокузнецова, сильная ностальгия по СК, где Мультатули столько пережил, и другие мотивы послужили причиной того, что он через два года вернулся в систему СК.

Начальником ГУКФа был крупный функционер Тихацкий, чуть ли не личный друг Виссарионова. В систему ГУКФа входили киностудии, печатные фабрики, которые занимались копированием фильмов-негативов, трест по производству кино и фотоаппаратуры, Кинофотохимтрест и некоторые другие подразделения.

Крупными функционерами ГУКФа (не считая кинокритиков и известных киноактеров) считались еще заместитель Тихацкого Своин и молодой управляющий Кинофотохимтреста (он был на два года моложе Мультатули), юрист по профессии Тяжин. Толковали, что он какой-то родственник Тихацкого. Видный, высокий и красивый Тяжин оказался энергичным, способным человеком. Хотя он был юристом, неплохо разбирался в технологии производства кинопленки, фотопленки, фотобумаги и пользовался значительным авторитетом. Тем более что должность главного инженера треста до прихода Мультатули никогда не замещалась инженером по профессии.

Фотокинохимтрест относился к таким же молодым учреждением, как и управление СК, но предприятия, входящие в его состав, были значительно «старее» заводов СК. В состав треста входили два относительно новых кинопленочных завода. Один – небольшой, в Наделавле, древнем великоскифском городе, находящемся посередине между Кремлевией и Которостлью. Этот завод выпускал

негорючую ацетатную пленку. Второй – побольше, размещался в Соштке, в Малоскифии, и был построен при технической консультации галлов, считавшихся лучшими специалистами по производству кинопленки. В Назани проектировали и начали строительство крупнейшего в Европе кинопленочного завода мощностью в 100 миллионов погонных метров кинопленки.

В Кремлевии размещались два завода фотопластинок, в Веике – фотобумажная фабрика, в Ильичевграде – фотобумажная фабрика и фабрика рентген-пленки. В состав треста входила еще фабрика фотохимикатов. Это был весьма солидный трест союзного значения, пожалуй, наиболее респектабельный в Кремлевии.

Мультатули был представлен Тихацкому и Своину и в максимально короткий срок утвержден в должности главного инженера треста. В Кремлевосновхимтресте он еще около года оставался в качестве консультанта (по совместительству). Это был зенит технической карьеры Мультатули – как по форме, так и по содержанию.

Разумеется, в Управлении СК масштабы работы были побольше и посерьезнее. Там Мультатули был пионером и начинал дело с нуля. Работал неизмеримо интенсивнее с использованием всех возможных резервов своего мыслительного аппарата. Фактически он выполнял обязанности главного инженера Управления СК, хотя числился заместителем главного инженера. Несмотря на невероятную занятость, рано утром и поздно вечером Мультатули добирался домой на переполненном трамвае. Автомашиной пользовались Золотокузнецов, его заместители и родственники.

В те времена главное значение придавалось не зарплате, а снабжению. Мультатули вместе с несколькими другими ведущими инженерами был прикреплен к «Кооперативу» с некоторым преимущественным снабжением по сравнению с обычными «ширпотребными», но не сподобился правительственной второй категории (ГОРТ-Б). Как впоследствии оказалось, Золотокузнецов все карточки ГОРТ-Б присвоил лично себе и по ним получали продовольствие и товары его жена и прочая родня. По-видимому, Золотокузнецов присваивал себе и весь «спецфонд», о котором администраторы тогда не отчитывались.

Главный бухгалтер Управления СК как-то рассказал Мультатули, что шестьдесят тысяч, ассигнованные на улучшение быта сотрудников Управления СК, целиком израсходовали на дачу Золотокузнецова в Серебряном Бору, где стены комнат были отделаны гобеленами.

Когда в 50 г. в. в. э. отмечали 35-летие Гипрокаучука, собрались в частности все бывшие директора и главные инженеры Гипрокаучука, в том числе и Мультатули (разумеется, явились только оставшиеся в живых...). Один из присутствовавших, работавший короткое время директором Гипрокаучука, после того как уничтожили предыдущих руководителей, был использован в качестве понятого при конфискации имущества Золотокузнецова. Он рассказал, что в сарае его дачи обнаружили несколько мотоциклов и велосипедов. В те времена раздавали много талонов для бесплатного приобретения книг. Кое-какие Золотокузнецов раздавал. Перепадало также и Мультатули. Но большую часть талонов Золотокузнецов присваивал себе и собрал огромную библиотеку.

Между тем Мультатули был страстным коллекционером технической книги. Когда бы он ни ехал в Ильичевград, привозил полчемодана книг. Он собрал все справочники, словари, все книги по технологии химических производств, по физической химии, по термодинамике. Всего около тысячи томов. Увы, библиотека погибла, когда его семью отправили из Кремлевии в ссылку.

Все эти факты о Золотокузнецове Мультатули узнал впоследствии. Между тем, хотя Золотокузнецов и был очень крут с подчиненными, он имел репутацию высоконравственного человека. Всеми его подобными грязными делами ведала представительная дама – жена управляющего Анилтреста, занимавшая должность управляющего делами Управления СК.

Возможно, что Золотокузнецов на самом деле был лучше большинства подобных ему крупных функционеров. Он совершенно не употреблял алкоголя, обладал громадной работоспособностью и энергией, в ряде случаев мог проявить объективность, доказательством чего служит данная им блестящая характеристика Мультатули – несмотря на, казалось бы, их враждебные отношения. Основной чертой Золотокузнецова был карьеризм. Еще в Которостли, когда по линии ФОНа (факультет особо-

го назначения) Мультатули занимался с Золотокузнецовым и обучал его элементарной математике и физике, тот в минуты откровенности признавался, что стремится быть наркомом. И действительно он стал наркомом, но очень скоро расстался с этим постом, а после жестоких пыток – и с жизнью.

Итак, Золотокузнецов держал Мультатули в черном теле. Правда, он провел его в члены Кремлевского делового клуба, где Мультатули получал дешевый, но питательный обед. Чтобы оценить эту «щедрость», следует указать, что в заштатном, незначительном Кремлевосновхимтресте Мультатули на третий день после оформления получил заборную книжку Кремлевторга, которая по выдаваемому количеству продовольствия и промтоваров (по ценам в десять раз дешевле коммерческих) была близка к заборной книжке правительственного кооператива ГОРТ-Б. Как только Мультатули был оформлен в Фотокинохимтресте, несмотря на тесноту ему был предоставлен хорошо обставленный кабинет, выделена автомашина, выдана заборная книжка ГОРТ-Б и он был прикреплен к столовой высшей категории, где за символическую плату давали заранее заказанные четыре блюда (это во время голода 17-18 г. в.в.э.!).

Из спецфонда Тяжин оплачивал стоимость путевки на курорт и давал тринадцатый месячный оклад. При поездках на любой завод Мультатули пользовался хорошо обставленной комнатой и специальным питанием наряду с руководством ГУКФа и Фотокинохимтреста. При поездках в Ильичевград его ждал самый дорогой шикарно обставленный двухкомнатный номер в «Астории», где он мог заниматься и принимать функционеров фабрик.

Получаемые им материальные блага в какой-то степени соответствовали занимаемой им должности. В первый и последний раз. В дальнейшем, при его резко возросшем техническом и экономическом опыте, Мультатули был либо рабом (в системе лагерного перевоспитания), либо в лучшем случае «негром», работавшим на мелких карьеристов-авантюристов, на разных боссов, средних и крупных функционеров.

Но и в Фотокинохимтресте, так же, как до этого и после этого, все его работы были приписаны другим.

Вначале Мультатули чувствовал себя в Фотокинохимтресте весьма неуютно. Он впервые попал в систему, в которой не был пионером. Не в самом Управлении, но в его проектной конторе и на фабриках, подчиненных тресту, он встретил сложившиеся коллективы. Технология фотокинохимического производства была совершенно незнакома Мультатули. Но все же ему было легче, чем в системе СК, так как к этому времени он приобрел значительный проектный и строительно-монтажный опыт.

Фотокинохимическая технология, в особенности в части химии, была намного сложнее примитивного производства бутадиена из спирта и его полимеризации. Требовалось весьма много времени, чтобы освоить эту технологию.

Ближайшие помощники Мультатули: Кшулин, начальник производственного отдела, успевший написать толстую книгу о производстве кинопленки, Тонкогузов, начальник проектной конторы, побывавший в Галлии для ознакомления с тамошней кинопленочной промышленностью, – по знанию технологического процесса производства кинопленки, фотобумаги и фотопластинок, были на несколько голов выше Мультатули. Однако как проектировщик Мультатули был настолько же выше Кшулина и Тонкогоузова. Это свое преимущество он и решил использовать для завоевания авторитета в новой системе.

Мультатули сразу же заметил два слабых звена, которыми никто не занимался или очень мало занимались.

Первое. Для получения коллодия, то есть раствора нитроклетчатки в смеси спирта и эфира, на 20% нитроклетчатки расходовалось 80% растворителей. На разливочных машинах из коллодия испарялись растворители. Их следовало регенерировать, поскольку их стоимость была значительно выше стоимости пленкообразователя – нитроклетчатки. Для этого на Наделевской фабрике применялся абсорбционный способ, а на Соштинской фабрике – конденсационный метод. На обеих фабриках потери спирта и эфира были громадными. Вот эти-то процессы – абсорбции, конденсации, ректификации –

Мультатули знал лучше старых работников Фотокинохимтреста. Имеются в виду даже не Кшулин и Тонкогузов, которые были дилетантами в области проектирования, а основные проектировщики.

Второе. При нанесении фотоэмульсии на пленку получалось много брака. Даже плановый брак составлял 30% всего объема производства. В некоторые месяцы, особенно летние, все 100% пленки шли в брак!

Из брака вторично использовали только целлулоид. Фотоэмульсию, представляющую коллоидный раствор азотного серебра в фотожелатине, смывали и спускали в канализацию. Чудовищно, но огромное количество серебра, то есть валюты, которую страна выручала, продавая по дешевке дефицитный хлеб, отбираемый у голодающих крестьян и рабочих,спускали в канализацию! И никого это особенно не беспокоило. Этого Мультатули, узнавший годом раньше о чудовищном голоде и людоедстве в Малоскифии, стерпеть не мог.

Он сам разработал простейший метод регенерации серебра и, пользуясь своей административной властью, не испрашивая никаких кредитов на капитальные работы, за полгода внедрил этот метод в производство. В первый же год работы Мультатули в Фотокинохимтресте было сэкономлено 7000 кг серебра. Затем этот метод был перенесен на печатные фабрики, и годовая экономия составила десятки тонн серебра.

Через несколько месяцев Мультатули уже не чувствовал себя неуютно. Он был признан как коллективом проектировщиков, так и эксплуатационниками. Мультатули пользовался не только поддержкой Тяжина, но и симпатией секретаря партколлектива Ухина.

Ухин ранее работал в системе СК. Золотокузнецов его выгнал, а Мультатули приютил в Фотокинохимтресте. Вскоре Ухова «выбрали» секретарем партколлектива. Позже Мультатули рекомендовал его директором строившегося Назанского кинопленочного гиганта.

Ухов каким-то образом ухитрился не попасть в систему лагерного перевоспитания и до выхода на пенсию работал директором Назанской кинопленочной фабрики. Тихацкий, Своин и Тяжин, разумеется, попали под молот репрессий. Тяжин оказался в Шостымском лагере и выжил, о чем рассказал Мультатули его племянник.

Первая фабрика, которую построил Мультатули, была Наделавльская. Там он и встретил новый 19-й год в.в.э. (великой вохровской эры). В этом маленьком городке заместитель Управляющего треста союзного значения являлся значительной персоной. Его напоили, заставили произнести новогоднюю речь.

Мультатули много занимался с главными инженерами Наделавльской и Соштскинской кинопленочных фабрик. Это были типичные по тем временам эксплуатационники – по существу, мастера. Главный инженер Наделавльской фабрики впоследствии, может быть, под влиянием «уроков» Мультатули перешел на проектную работу.

Основное же внимание Мультатули уделил проектированию мощной Назанской кинопленочной фабрики. Обе действующие кинопленочные фабрики были наполовину кустарными. Поливочные машины для производства целлулоида, купленные за рубежом, сильно устарели. Еще более устарели поливочные машины, которые осуществляли нанесение фотоэмульсии на целлулоид.

Регенерация растворителя, как было отмечено выше, осуществлялась абсорбционным и конденсационным методами, причем имели место огромные потери эфира и спирта. Разделение эфира и спирта осуществлялось на маленьких периодических тарельчатых колоннах.

Сушка кинопленки после нанесения фотоэмульсии проходила в примитивной «сушилке», без наличия четких зон с определенными параметрами температуры и влажности, через которую фестоны пленки перемещались своеобразным транспортером. Кондиционирование воздуха для темных цехов, в которых на целлулоид наносилась фотоэмульсия и производилась окончательная отделка кинопленки, осуществлялось скверно. Из-за всего этого, а также отсутствия кондиционированной фотожелатины количество брака было огромно. Вообще говоря, кинопленка ввозилась из-за рубежа.

Изготовление фотоэмульсии производилось совершенно кустарно, в горшках.

В целом, обе действующие фабрики имитировали устарелые зарубежные предприятия, отличаясь от них только чудовищной бесхозяйственностью, скверным качеством продукции и непомерным количеством брака. Наиболее удовлетворительно работали импортные перфорационные станки с первым классом точности (большим, чем у часов).

Фотожелатину поставляла мировая галльская фирма Руссело. Как-то произошел любопытный инцидент.

Как всегда, за рубеж посылались малокомпетентные вохровские люди, главным достоинством которых была «чистая биография». Подобного рода представители были направлены в фирму Руссело для заключения договора на поставку фотожелатины. При составлении технических условий соглашения эти «специалисты» многое не учли.

Летом 19 г. в.в.э. вся (!) кинопленка шла в брак. При проявлении она покрывалась точками. Еще хуже было, когда такая бракованная пленка попадала в работу. Тогда убытки увеличивались многократно. Первая съемка известного фильма «Мы из Кронграда» производилась съемочной группой на юге. Эта группа не была укомплектована фотолабораторией, и заснятые куски фильма проявлялись за 1,5 тысячи километров в киностудии. Только в киностудии обнаружили, что кинопленка – бракованная.

Главной неприятностью был не миллионный убыток, а задержка выпуска крайне важного пропагандистского фильма. «Мы из Кронграда» пришлось еще раз снимать. Дежурный инженер Сошткинской фабрики, допустивший выпуск бракованной пленки, был уволен, начальник цеха получил строгий выговор, главный инженер Сошткинской фабрики – выговор, а Мультатули поставили на вид. Такие «оргмеры» должны были способствовать уменьшению количества брака. Предпринять что-либо против фирмы Руссело было невозможно, так как поставляемая ею кинопленка вполне удовлетворяла техническим условиям, согласованным с вохровскими представителями, обладающими «чистыми биографиями».

Мультатули обратился к фирме с просьбой прислать главного химика фирмы. Неожиданно приехал сам владелец фирмы. Это был высокий моложавый галл (выглядел на 28-30 лет, в действительности ему было 55) с прекрасными манерами. На фабрике его сопровождал Мультатули.

Было довольно затруднительно создать Руссело привычные ему условия. Утром он тратил полтора часа на туалет и гимнастику, разумеется, привык к комфортабельной ванне. Но еще труднее было обманывать профессионала. Мультатули получил инструкцию не показывать Руссело темные цеха. Между тем галл просил показать ему именно эти цеха. Мультатули пришлось пуститься на понятную Руссело хитрость. Дело в том, что при «красном свете» темных цехов глаз не сразу аккомодируется, поэтому вход в темный цех предусмотрен через длинный коридор с постепенным затемнением.

Мультатули вводил Руссело не через этот длинный коридор, а сразу и быстро «протаскивал» его через цех. Гость, разумеется, ничего не видел. «Фокус» он понимал, но более не настаивал на ознакомлении с фабрикой.

Кстати, именно благодаря Руссело Мультатули бросил курить. Мультатули выдали особые заказные папиросы для того, чтобы он угощал ими Руссело. На второй день после отъезда Мультатули вдруг объявил Руссело, что отныне он бросает курить. Ему было неудобно нарушить свое слово, чтобы не создать у Руссело впечатление о слабой воле вохровских людей. Больше Мультатули никогда не курил.

Объяснялся Мультатули с Руссело без помощи переводчика, главным образом на гуннском языке, поскольку галльский он порядочно забыл.

По возвращении в Кремлевию Мультатули признал, что рекламацию фирме он не может предъявить, поскольку нарушения невыгодных для вохровской стороны технических условий поставок фотожелатины не имеется. Но Руссело сам убедился, что на вохровских фабриках идет сплошной брак. Если Руссело не согласится на введение дополнительных пунктов в технические условия и будет посылать подобную желатину, то Вохровский Союз в дальнейшем не пролонгирует договор о поставках желатины. А ведь Вохровский Союз – очень солидный клиент. Разумеется, Мультатули умолчал о том,

что в Вохровском Союзе начато строительство собственного завода фотожелатины. Руссело согласился и в дальнейшем поставлял доброкачественную фотожелатину.

Решение о проектировании и строительстве крупной современной фабрики кинопленки было принято еще по плану первой пятилетки. Одновременно с этой мощной кинопленочной фабрикой следовало построить завод нитроклетчатки для производства целлулоида и фабрику фотожелатины. До окончания строительства Назанской кинопленочной фабрики, предстояло построить и ввести в эксплуатацию Учебную экспериментальную станцию (УЭС) для отработки процесса.

Однако по многим причинам фабрика не была пущена ни в первую, ни во вторую пятилетку. Одной из причин была слабость проектной организации и недостаточная энергия администрации.

Руководитель ГУКФа Тихацкий, считал что инженеры – люди второго сорта. К первой категории он относил деятелей искусства – и, разумеется, себя. Его отношение к «техникам» чисто арифметически проявилось при отборе гостей для празднования 15-летия вохровского кино.

В Доме Кино по этому случаю был организован роскошный сабантуй, разумеется, за счет государства, то бишь за счет счастливых вохровских трудящихся. На каждого гостя было затрачено около 150 вохриков, что по тем временам считалось большой суммой. Всего «гостей» было 250.

«Техников» вместе с женами на этом роскошном сабантуе было шесть, в том числе Мультатули с супругой.

В те времена возвеличивали не только величайшего из великих вождей Виссарионова, но также его соратников и более мелких вождей в отдельных областях. Корифеи киноискусства, собравшиеся на этом богатом празднестве, не ударили лицом в грязь и превозносили маленького вождя Тихацкого до небес. Разумеется, до этого все восторженно кричали: «Хайль Виссарионов!!» Но о технологии производства на этом торжестве не было произнесено ни слова.

Любой мелкий функционер из администраторов киноискусства не только на мелкую инженерную сошку, но и на главного инженера фотокинохимтреста глядел сверху вниз. Это пренебрежение инженерными кадрами в системе ГУКФа сказывалось во всем.

Небольшая проектная контора, в которой трудилось около ста человек, работала в две смены из-за недостатка помещения. Между тем у Тихацкого за его кабинетом была огромная комната, в которой он «думал». Оттуда выходила дверь на лестничную клетку, марши которой были устланы мягким ковром. По лестнице разрешалось ходить только крупным функционерам, чтобы шаги по лестничной клетке не мешали Тихацкому «думать», или еще что-нибудь делать.

В то же время проектировщики (видимо, предполагалось, что они не мыслят) работали в две смены и ютились в маленьких комнатушках. Особенно плохо обстояло дело с проектированием оборудования кинопленочных заводов. А почти все оборудование не имело аналогов: насосы, мешалки и фильтр-прессы для коллодия, поливочные машины, перфорационные станки.

Поливочные машины для целлулоида состояли из 20.000 деталей. Перфорационые станки, как отмечалось, были очень высокой точности.

Насосы и фильтр-прессы для коллодия из-за его большой вязкости были весьма специфичны. А опытных конструкторов было не хватало, да и отсутствовало удобное помещение для них. Мультатули пришлось заключить договор с одним из клубов, разместившемся в километре от ГУКФа, и разместить в этом клубе конструкторов.

Ко времени прихода Мультатули в фотокинохимтрест технический проект Назанской кинопленочной фабрики, наконец, был вчерне закончен.

Даже началось строительство этой фабрики. Первоначально ее строительные площадки размещались по соседству со стойкой завода синтетического каучука. В 17 г. в.в.э. проектировщики «Большой Ловги» (каскада Ловжских гидростанций) предложили ликвидировать строительство завода СК и Назанской кинопленочной фабрики, так как их якобы зальет водой. Мультатули, работавший тогда в системе СК, возражал и заявил, что в крайнем случае завод СК будет обвалован. Фотокинохимтрест без

звука согласился и ликвидировал площадку. Убытки составили 5 миллионов, и было потеряно много времени. С тех пор прошло 36 лет. Гидростанции были построены, а завод СК благополучно работает, выпускает скверный натриевый каучук СКБ и не залит водой.

Технический проект, выполненный маломощной проектной конторой, не понравился Мультатули. В сущности, он в значительно больших масштабах повторял устарелую и в известной степени примитивную технологию Сошткинской кинопленочной фабрики. Начальник проектной конторы Тонкогузов, хоть и побывал в Галлии, но, как уже отмечалось, в проектировании был дилетантом. Несколько толковых молодых технологов-проектировщиков не получали серьезной работы и варились в собственном соку.

Настоять на переделке технического проекта было трудным и почти невозможным делом. Мультатули натолкнулся на упорное сопротивление коллектива проектировщиков во главе с Тонкогузовым, которые, разумеется, защищали свое «детище». Кроме того многократно устанавливавшиеся сроки окончания строительства Назанской фабрики были сорваны. Мультатули несмотря на свою должность главного инженера был чужаком и выступал один против всех.

Все же он настоял на официальном пересмотре технологической части всех цехов. Эта ревизия заняла целый месяц. Несмотря на то, что проектировщики кинохимтреста знали свою технологию немного лучше Мультатули, его большой проектный опыт победил. Он доказал, что основные цеха должны быть коренным образом перепроектированы.

Цех производства целлулоида был запроектирован с учетом регенерации спирта и эфира методом конденсации в условиях глубокого охлаждения. Мультатули настоял на применении не испытанного дотеле метода абсорбции активированным углем.

Взамен сушки готовой кинопленки с нанесенным слоем фотоэмульсии фестонами в открытой сушилке Мультатули добился сушки кинопленки в закрытом коробе с применением точных параметров температуры и влажности в отдельных зонах. В связи с этим следовало перепроектировать всю систему кондиционирования воздуха.

Требовалось перепроектировать насосы и мешалки для коллодия, фильтры поливочных машин. По существу, весь проект надо было переделать, что являлось скандалом в условиях срыва нескольких правительственных сроков.

Управляющий трестом Тяжин, то ли из-за веры в авторитет 34-летнего Мультатули, то ли из-за разочарования в эрудиции Тонкогузова, то ли просто потому, что был достаточен разумен, поддержал Мультатули. Сопротивление проектировщиков было сломлено.

Была начата переделка проекта. Хотя Тонкогузов формально оставался начальником проектной конторы, непосредственное руководство проектированием Назанской кинопленочной фабрики фактически перешло к Мультатули. Нагрузка Мультатули стала весьма значительной, хотя и уступала его объему работы в системе СК.

В 19 г. в.в.э., после провокационного убийства Кострика в Ильичевграде, было арестовано очень много людей (по непроверенным данным – до 200 тысяч). Часть этих арестованных направлялись в достаточно приличную ссылку в Поволжье, в Башкирию и прочие провинциальные места. Другие попадали в систему лагерного перевоспитания. Начались массовые аресты и в более отдаленных городах. Арестовали приятеля Мультатули Волковысского. Жена Волковысского Павлова, очень культурная женщина и прекрасный экономист, работавшая в Гипрохиме, была немедленно уволена.

Мультатули, узнав об этом, посетил Павлову, которая жила в одном из домов Управления СК (Волковысский некоторое время работал в системе СК). Павлову он не застал и оставил ей записку. Однако, заглянув еще два раза, он ее вновь не застал. Впоследствии Павлова призналась, что вследствие шока стала очень подозрительна и считала Мультатули сексотом. А в тот драматический момент Мультатули прекратил попытки оказать помощь Павловой.

Слабенький отдел капитального строительства фотокинохимтреста не мог сравниться с подобным подразделением в системе СК. Начальник ОКСа Гусевский был слабовольным, малоинициативным,

хоть и добросовестным работником. Видимо, он попал туда благодаря начальнику ОКСа ГУКФа, партийному деятелю с большим стажем. Этот «опытный» руководитель впоследствии был уличен в жульничестве.

Оказалось, что когда проект отдавался на экспертизу, начальник ОКСа брал у эксперта 25% его вознаграждения. Позже, после окончания войны, когда взяточничество достигло апогея, подобные махинации считались в Кремлевии в порядке вещей.

Особенно скверно работала плановая часть ОКСа. Там не было ни одного толкового экономиста. Мультатули неоднократно напоминал Гусевскому, чтобы он подобрал квалифицированного специалиста. Однако все оставалось без изменения. Тогда Мультатули предложил, чтобы начальник планового отдела треста рекомендовал грамотного экономиста.

Через несколько дней тот предложил кандидатуру экономиста-женщины. Мультатули не принял ее, мотивировав свой отказ тем, что женщины редко бывают инициативны. По его убеждению, им обычно мешало то, что они заняты домашним хозяйством, – а в фотокинохимтресте надо было заново организовать эффективную экономическую службу в капитальном строительстве, что требовало полной самоотдачи.

На следующий день какая-то женщина по телефону справилась у Мультатули о причинах отведения ее кандидатуры на должность экономиста по капитальному строительству. Голос показался знакомым. Оказалось, что это жена Волковысского Павлова. Мультатули попросил ее прийти и немедленно оформил на работу. Как далее будет показано, это послужило причиной того, что Мультатули, был арестован «раньше времени» (примерно, на год).

Примерно через пару месяцев после того, как была начата переделка проекта, генеральную смету Назанской кинопленочной фабрики (по старому варианту) утвердил начальник ГУКФа Тихацкий.

На очередном заседании Совнаркома его председатель Вячеславов осведомился у Тихацкого о полной стоимости строительства Назанской кинопленочной фабрики. Тихацкий как «деятель искусства», разумеется, подобными «пустяками» не занимался. Он глубоко изучил и карлсизм-ильичевизм, и вопросы искусства, а такими «низменными» делами как техника и экономика не интересовался. Поэтому Тихацкий первую цифру, которая взбрела в его мозги, начиненные карлсизмом-ильичевизмом и лозунгами о развитии вохровского искусства.

Вячеславов справился о стоимости строительства Назанской кинопленочной фабрики, которая была предусмотрена первым пятилетним планом. Эта стоимость оказалась вдвое меньше названной Тихацким цифры. Вячеславов удивился и потребовал объяснения причин такого удорожания. Тихацкий не растерялся и сослался на удвоение первоначально запроектированной мощности фабрики. Вячеславов удовлетворился этим ответом.

По возвращении в ГУКФ Тихацкий срочно вызвал Мультатули и справился у него о действительной стоимости кинопленочной фабрики. Она оказалась чуть ли не вдвое больше названной Тихацким.

Тихацкий разбушевался. Мультатули успокоил его и объяснил, что названная им стоимость определена по генсмете, неделю тому назад утвержденной самим Тихацким. Действительная стоимость будет еще больше, так как, во-первых, строительство понесло большие убытки при ликвидации первой площадки, во-вторых, фактические затраты превышают сметные, в-третьих, проект переделывается, что будет связано с дополнительным удорожанием.

Тихацкий еще больше разбушевался и потребовал от Мультатули в трехдневный срок пересчитать смету и довести (на бумаге) стоимость фабрики до той суммы, которую он брякнул предсовнаркому Вячеславову.

Мультатули объяснил, что стоимость производственных объектов не может быть уменьшена. Общую стоимость фабрики можно уменьшить только за счет таких объектов как трамвайная ветка, жилкультстроительство и – не исключено – некоторых подсобных объектов. Наконец пересчет сметы потребует не трех дней, а трех или даже шести месяцев.

Мультатули сказал, что если начальник ГУКФа соблаговолит указать, какие объекты жилкульт- или подсобного строительства исключать, то он организует пересчет генеральной сметы Назанской кинопленочной фабрики. «Деятель искусства»Тихацкий, в ярости прогнал Мультатули. Затем через его голову приказал начальнику ОКСа Гусевскому в трехдневный срок пересчитать генсмету и довести стоимость фабрики до суммы, которую он выдал Вячеславову.

Робкий Гусевский не осмелился возражать и испросил только весьма значительную сумму для оплаты временной работы нескольких десятков сметчиков. Со всей Кремлевии были собраны около тридцати сметчиков, которые с удовольствием согласились работать по совместительству (лишние деньги никогда не помешают). Началось дружное изготовление «липы». Эта «работа» продолжалась не три дня, а несколько месяцев. Мультатули никакого участия в ней не принимал.

Вячеславов, конечно, быстро забыл об этом инциденте. Недолго помнил о нем и Тихацкий. Результаты многомесячной работы над «липой» вышвырнули в корзину. Только деньги, заработанные совместителями-сметчиками, были, по-видимому, использованы рационально.

Раннее отношения Мультатули и Павловой были весьма прохладными. Она была страстно влюблена в своего мужа, который, кстати, ей изменял. Ей казалось, что Мультатули менторски относится к ее мужу, эрудицию которого она сильно преувеличивала. А Мультатули обоснованно убеждал Волковысского перестать дилетантски относиться к технике и побольше учиться – хоть немного ознакомиться с проектной работой. Волковысский относился к этому добродушно, но Павлова приходила в ярость. Ей казалось, что по своим познаниям Волковысский выше на голову Мультатули, а тот – самоуверенный хвастун. В свою очередь, Мультатули считал Павлову злой и необщительной.

Когда Волковысского арестовали, Мультатули разорвал круг остракизма вокруг Павловой не только тем, что после увольнения из Гипрохима оформил ее на работу. Он дал ей один из своих костюмов для пересылки Волковысскому и одолжил его супруге 1500 вохриков.

Мультатули узнал, что почти все заработанные деньги Павлова расходует на помощь мужу и брату (бывшему вохросомольцу), который также угодил в систему «лагерного перевоспитания», а сама щеголяет в дырявых туфлях и скверно питается.

Отношения между Мультатули и Павловой резко изменились и стали подлинно дружескими. Павлова познакомила Мультатули с сестрой и со своей приятельницей Лелей Ломашкиной, муж которой тоже был арестован.

Мультатули и Ломашкиной помогал, «устраивая» ей сметную работу и «одалживал» деньги, которые она впоследствии не возвратила...

В архиве фотокинохимтреста работала женщина, муж которой тоже попал под колесо репрессий. Мультатули содействовал тому, что она не была уволена, и однажды подписывая ведомость на премиальные вознаграждения, включив и эту сотрудницу.

Впоследствие все это было ему приписано как помощь врагам-лейбистам.

Летом 19 г. в.в.э. Мультатули отправился на Казкав в полуторамесячный отпуск. Отпуск он провел превосходно. На обратном пути ему предстояло посетить Воинскую фотобумажную и Сошткинскую кинопленочную фабрики. По дороге он заехал в Нижневодск к родным, где в последний раз увидел отца, уничтоженного в 25 г. в.в.э. нацистами.

Мультатули наведался на фабрику красок имени Климова, где некогда работал. От главного инженера Ицковича, его бывшего сослуживца, который в это время замещал директора, Мультатули узнал, что тайная полиция справляется о его «политической благонадежности».

На Сошткинской кинопленочной фабрике он встретил управляющего трестом Тяжина. В отношении Тяжина к Мультатули чувствовалось какое-то изменение, но между ними ничего не было сказано и они вместе возвратились в Кремлевию.

В тот день, когда Мультатули приступил к работе, к нему зашел его бывший протеже, секретарь партколлектива Ухов и в туманных выражениях поздравил его, сказав, что все отзывы о нем благо-

приятны. На следующий день Тяжин сказал, что Тихацкий просит Мультатули зайти к нему. Тихацкий повел туманную речь о том, что капитальное строительство осуществляется скверно из-за плохой постановки проектной работы. Главное ныне – улучшение проектной работы. Он, Мультатули, зарекомендовал себя, как прекрасный проектировщик, поэтому Тихацкий решил пойти на жертву и использовать Мультатули только на проектной работе. Ему предлагается должность начальника проектной конторы, а Тонкогузов будет его заместителем.

Тихацкий пообещал, что зарплата Мультатули будет увеличена с 900 до 1200 вохриков в месяц. Кроме того гарантировал каждый квартал премиальные в размере месячного оклада – таким образом, средний месячный оклад составит 1500-1600 вохр. Следует отметить, что в должности главного инженера треста Мультатули получал 900 вохриков. Карточная система к тому времени была ликвидирована, дополнительные блага в виде заборной книжки «Горт-Б» и прочих привилегий полностью потеряли свое значение. Поэтому, несмотря на понижение в должности, материальное положение Мультатули резко улучшалось. По тем временам он получал редкую зарплату, значительно превышавшую оклады профессоров вузов.

Но Мультатули понимал, что уже попал в поле зрения тайной полиции и, хотя гроза временно миновала по каким-то неведомым для него причинам, но его будущее становится сомнительным. Настроение стало скверным. Он вообще задыхался в царствовавшей тогда атмосфере страха и лицемерия. Масштабы работы проектной конторы его не удовлетворяли. Семейная жизнь по-прежнему протекала в скандалах. Он подумывал о том, чтобы уйти на какую-нибудь бездумную физическую работу. Но, разумеется, это было фантастикой.

Еще в юности, играя в футбол и будучи вратарем, Мультатули получил сильный удар в пах и впоследствии страдал от грыжи. Уже двадцать лет Мультатули никак не мог позволить себе потратить один-два месяца на операцию. В начале 20 г. в.в.э., он все-таки лег в больницу.

Операция прошла благополучно, но пациента положили у окна, из которого сильно дуло (была середина февраля). Мультатули начал сильно чихать, что было мучительно, так как швы были свежие. Они вообще могли разойтись.

Мультатули умудрился каждый «чих» растянуть во времени, и швы не лопнули. Он вернулся домой перед днем своего рождения. Скандалистка-жена встретила его «сюрпризом». Хотя она по договоренности получала его очень большую зарплату, в доме не было ни гроша. В день рождения он не мог позавтракать. Это был не первый такой случай. С тех пор Мультатули завел свою «черную» книгу, о которой жена с ее гипертрофированным эгоизмом ничего не знала.

Мультатули решил зарабатывать побольше денег. Он уже не отказывался ни от консультаций, ни от экспертиз.

Вне системы СК Мультатули был единственным специалистом по производству синтетического каучука, поэтому проекты СК попадали к нему на экспертизу. Его считали также специалистом по ректификации, и он экспертировал подобные проекты.

Платили тогда за такую работу щедро. Никаких «отчислений» (взяток) Мультатули никому не давал. Например, за экспертизу нового проекта завода синтетического каучука мощностью в 30 тысяч тонн он получил полторы тысячи, а затратил на эту экспертизу меньше двух дней.

Разумеется, при экспертизе проекта завода СК Мультатули попадал в неудобное положение. Он должен был критиковать работу своих бывших сослуживцев, а Либинсын, который был в менее коротких отношениях с бывшими сослуживцами Мультатули, защищал их работу. За экспертизу проекта, на которую Мультатули тратил два вечера, он получал от 600 до 1000 рублей.

Отныне всеми доходами – кроме зарплаты – Мультатули распоряжался самолично. Пронырливая жена ничего не знала о его дополнительных заработках. Помимо экспертиз и консультаций Мультатули получал доход от статей и переводов. Его приятельница Женя прекрасно стенографировала, печатала на машинке и хорошо знала гуннский язык. Она перепечатывала материалы и помогала в переводах. Мультатули «одолжил» ей тысячу на покупку машинки. Эти деньги он так и не получил обратно.

Мультатули чувствовал, что за ним ведется слежка. Ему не была известна степень одурачивания высшим руководством самих функционеров тайной полиции, но он понимал, что они ведут дело таким образом, как будто бы в действительности вылавливали «врагов народа».

Подозрителен ему был старый приятель Павловой и Волковысского – Скавронский. Это был инженер... фокстротного типа! Он работал в Госкинопроекте, прекрасно танцевал, но технику явно не любил. После того как Павлова познакомила его с Мультатули, Скавронский «воспылал любовью» к нему, часто посещал его по месту службы и изредка дома. Скавронский усиленно приглашал Мультатули к себе домой. У него оказалась очень милая жена, которая угощала Мультатули всякими вкусными блюдами, которыми гость не был избалован.

То ли для усиления близости, то ли потому, что он действительно нуждался, Скавронский «одолжил» у Мультатули 250 вохриков. Эти деньги он не вернул. Однажды, посреди какого-то общего разговора, Мультатули напрямую спросил Скавронского: не сексот ли он? Тот не растерялся и обратил все это в шутку.

И все же впоследствии оказалось, что Скавронский – сексот.

В апреле 20 г. в.в.э. была арестована Павлова. Мультатули понимал, что и его судьба предопределена. Вместе с тем по наивности полагал, что если он уедет из Кремлевии, то его минет общая участь.

Однажды Золотокузнецов позвонил Мультатули и осведомился у него, как он относится к возвращению в систему СК. Мультатули всегда хотелось вернуться в систему СК. Поэтому он ответил, что может вернуться только при одном условии: если ему предоставят совершенно самостоятельную работу и он будет более или менее независим как от самого Золотокузнецова, так и от Либинсына.

Через месяц Золотокузнецов вновь позвонил Мультатули и попросил его зайти. Он сообщил, что строительство Наверского завода синтетического каучука на базе хлоропрена, получаемого из ацетилена, передано из Главхимпрома непосредственно в систему СК. Если Мультатули согласен, он будет назначен главным инженером Наверского завода синтетического каучука. Мультатули согласился при условии организации им на Наверском заводе самостоятельной проектной группы, для чего он просил передать ему несколько инженеров из Кремлевии. Золотокузнецов с легкостью принял все условия Мультатули. Вопрос был решен.

Мультатули был удовлетворен. Во первых, он возвращался в близкую ему систему СК, во-вторых, уезжал из Кремлевии, где шли репрессии, в безопасный, по его мнению, далекий Навер.

Наивность Мультатули, как уже было отмечено, в те времена была поразительной. Считая себя осторожным скептиком, ждал утверждения своего назначения наркомом: если Сергодзе утвердит назначение – он в безопасности.

Тихацкий не отпускал Мультатули. Тот подал заявление и через две недели ушел из системы СК, не сдав официально дела, хотя фактически все передал Тонкогузову, который очень радовался уходу конкурента.

Мультатули был утвержден Сергодзе и 2 июля 20 г. в.в.э. назначен главным инженером Наверского завода СК. Знакомился он с материалами Наверского завода СК дома.

Как раз в это время к нему заявился друг его детства Давид.

Последние десять лет Мультатули жил очень напряженно. Почти все время он уделял работе и учебе. К тому же семейные скандалы были почти непрерывными. Отдыхал он от этого бедлама, только когда перебирался в другой город, когда был в командировках или когда семья уезжала на дачу, куда он наведывался только по воскресеньям. За эти десять лет Мультатули растерял всех своих школьных и институтских товарищей. Только два- три бывших однокашника появились на горизонте, потому что хотели с помощью Мультатули устроиться на работу.

Поэтому появление лучшего друга детства Давида было приятной неожиданностью. Но, боже, в каком виде он явился!..

Одеждой Давид напоминал бродягу. От современных хиппи отличался только тем, что они лохматы, а он был абсолютно лыс. Давид подробно рассказал о своих странных злоключениях.

Мультатули отдал ему свой костюм, пожертвовал одним днем, гуляя с ним по Кремлевии, и многое порассказал о работе на заводе «Победа Рабочих», в системе СК и кинофотохимтресте. Он даже познакомил друга с Ломашкиной, которая устроила маленькую вечеринку. Затем, не обладая достаточным количеством времени, отправил его на дачу к своей семье.

Через неделю Мультатули оформил Давида в качестве инженера-механика на Наверский завод СК. Давид получил подъемные и уехал в Навер. Мультатули дал ему для самообразования чемодан книг по вопросам производства карбида, ацетилена и синтетического каучука.

Встретился Мультатули с Давидом через... 22 года. Мультатули был настолько уверен в дружбе Давида, что никогда не задавал себе самому вопрос, почему его друг весь этот долгий период не подавал вестей о себе.

Каким образом Давид, протеже Мультатули, уцелел в условиях бойни, учиненной тайной полицией в 20-23 г. в.в.э.? Каким образом, Давид смотался с Наверского завода СК во времена, когда судили за один прогул?

Дружба Мультатули с Давидом началась еще за пять лет до начала великой вохровской эры, и только через сорок пять он узнал, что Давид никогда не был его другом и относился к Мультатули с большим предубеждением – кстати, ни на чем не основанном.

В 42 г. в.в.э., уже после так называемого разоблачения «культа личности», Давид преклонялся перед Виссарионовым, искренне или неискренне полагал, что большинство истребленных «врагов народа» действительно заслуживали своей участи. Короче говоря, он был убежденным, твердокаменным виссарионовцем и полагал, что виссарионовский социализм – наилучшая альтернатива для человечества.

Когда у Мультатули начались «неприятности», он в течение 11 лет еще несколько раз встречался с Давидом. «Друг» намекал, что считает Мультатули ренегатом и отщепенцем и не исключает возможности, что Мультатули занимался «вредительством». При одной из встреч Давид проговорился, что в 7 или 8 г. в.в.э. где-то на границе работал сексотом и вынужден был выдавать ханаанцев-кармелистов. Дескать, его вынудили.

В связи с этим Мультатули вспомнил, что с вечеринки у Ломашкиной Давид ушел раньше, а потом оказалось, что под окном торчит сыщик, который увязался за Мультатули, когда последний поздно ночью возвращался домой. Обо всем этом Мультатули при последней встрече в 50 г. в.в.э. с семидесятилетним Давидом хотел последнего спросить, но так и не задал этих вопросов.

Давид жил тогда почти нищенски в какой-то трущобе на жалкую пенсию в 43 вохрика. Веских оснований для того, чтобы считать Давида доносчиком, предавшим его, у Мультатули не было. Он расстался с Давидом почти дружески, но желания видеть его и беседовать с ним больше не было.

Итак, в 20 г. в.в.э. Мультатули чувствовал, что за ним следят.

Согласно договоренности с Золотокузнецовым Мультатули отобрал несколько инженеров, в том числе его бывшего заместителя в Женорове Столбтаева (того самого, который получил вместо него автомашину) и уехал с ними в Ильичевград.

В Ильичевграде на базе зарубежной технической информации, которую какими-то путями удалось заполучить в Колумбовии, был построен опытный завод по производству наирита (хлоропренового каучука). После ознакомления с проектом завода хлоропренового каучука Мультатули решил внести некоторые коренные изменения и удвоить мощность Наверского завода синтетического каучука. В связи с этим Мультатули собирался внести кое-какие изменения и в работу Ильичевградского опытного завода.

Через две недели Мультатули от сестры Павловой, которой разрешили последнее свидание перед отправкой на этап, узнал, что следователи тайной полиции крайне интересуются его особой.

В связи с этим Мультатули на день поехал в Кремлевию для того, чтобы поговорить с женой о том, как ей жить с ребятишками в случае его ареста. Но супруга, нацеленная только на скандалы, и слышать об этом не хотела. Мультатули вернулся в Ильичевград.

Перед окончательным отъездом в Навер Мультатули опять прибыл на два дня в Кремлевию. Он решил, что, если его не арестуют на вокзале, то всё в порядке. Его не потревожили на вокзале из-за ошибки сексота... Скавронского.

Его арестовали в дороге.

Столбтаев и другой заместитель Мультатули погибли в Навере.

Прием на Лубянке. 1936-1937 гг.

К Мультатули пришла сестра Вари Павловой. На последнем свидании перед отправкой на этап Варя ухитрилась передать сестре, что допрашивающий ее следователь очень интересуется Мультатули. Об этом обстоятельстве сестра Павловой и информировала его.

Время было тревожное. Только-только закончился процесс Радомыслова, Розенполева и других. Выяснилось, каким образом эти деятели пробрались к руководству партии. Стало ясно, как много лет они обманывали и предавали народ и партию.

После убийства Кострика уже второй год разоблачались органы во главе с Егровым и Араловым и многочисленные враги народа. Выявленные враги исчезали в неизвестном направлении. После сообщения Павловой Мультатули понял, что ему грозит такая же участь. Он решил, что при переезде на периферию опасность стать врагом народа и исчезнуть отпадет или значительно уменьшится. Вскоре он договорился, что поедет в Навер, где будет работать главным инженером крупного строительства. До этого необходимо было съездить в Ильичевград для корректировки работы опытного завода.

Через три недели Мультатули вернулся в Кремлевию. Ему сообщили, что его назначение утверждено наркомом Сергодзе. Это совсем его успокоило. Он полагал, что такое утверждение согласовывается с органами. Оставалось последнее испытание. Если его не «возьмут» на вокзале при отъезде из Кремлевии, то все в порядке: опасения Павловой преувеличены, и не так еще плохо в нашем богоспасаемом отечестве...

Мультатули смотрел на спящих розовощеких детишек и не решался их разбудить. Увидит ли он их еще? С женой произошла очередная ссора, и она его не провожала. В этом году отпуск пропадал. Он решил ехать не прямо, а через Нижневодск, повидать стариков и потом морем добраться до Батуми, а оттуда в Навер. Жене об этом не сообщил, так как она находилась в состоянии очередного конфликта с его родителями.

Провожал Мультатули только Скавронский – «фокстротный» инженер. Познакомился с ним Мультатули у Павловой. Она представила его как старого приятеля своего мужа – Волковысского. Это была серьезная рекомендация. Волковысского Мультатули считал очень порядочным человеком и был с ним в приятельских отношениях.

Вскоре после убийства Кострика Волковысского вместе со многими другими ильичевградцами арестовали. Ему повезло. Его не расстреляли, а отправили в лагерь. Павлову немедленно уволили из Гипрохима. Ее материальное положение сразу ухудшилось. Она помогала не только мужу, но и брату-комсомольцу, который тоже ухитрился стать врагом народа и угодить в лагерь. Мультатули одолжил Павловой 1500 рублей и помог ей устроиться на работу.

Об этих фактах Скавронский знал. По-видимому, Варя ему рассказала. Перед отправкой Вари на этап Скавронский передал ее сестре сапоги и кое-какие вещи. Все же этот вертлявый, изящный, мало смыслящий в проектных делах инженер (хотя он и работал в «Госкинопроекте») казался весьма подозрительным. Бросалось в глаза, что Скавронский добивался сближения с Мультатули, хотя тот не находил с ним даже общих тем и к тому же был очень занят. Как-то во время какой то легкой беседы

Мультатули внезапно, глядя ему прямо в глаза, спросил не сексот ли он. Скавронский не растерялся и обратил всё в шутку.

Конечно, Скавронский знал об отъезде в Навер и провожал Мультатули. Ведомственная машина главка куда-то исчезла. Такси не было. Скавронский предложил поехать трамваем и помочь таскать чемоданы. Сели на трамвай номер 6. Перед остановкой «Комсомольская площадь» Мультатули сказал, что сейчас сойдет и пересядет на четвертый трамвай. «Почему?» спросил Скавронский. «Да потому, что мне нужно на Брянский вокзал. Я еду через Нижневодск», – ответил Мультатули.

Скавронский был явно ошеломлен. Не прощаясь, расталкивая публику, он на полном ходу соскочил с передней площадки. Мультатули сам приехал на Брянский вокзал. До отхода поезда оставался час.

Мультатули констатировал, что оказался достаточно проницательным. Скавронский все же сексот. Конечно, ему попадет от начальства – за ошибку, но ошибку он исправит. До отхода поезда оставался час, и «черный ворон» успеет приехать. Так стариков и не придется увидеть.

Зря Мультатули впервые так шикарно приоделся. Всё было тщательно продумано. Неброский дорогой костюм. Самый шикарный шерстяной галстук, какой только можно было достать в Кремлевторге. Элегантное демисезонное пальто. Модные желтые шевровые туфли. Мягкая, фетровая шляпа последней модели. Даже два чемодана были заказные, очень дорогие. Мультатули сказали, что в Навере хорошо одеваются и встречают «по одежке».

Время тянулось бесконечно долго. В купе мягкого вагона был еще один пассажир, кстати, несколько внешне похожий на Мультатули. Он притащил два таких же больших чемодана. Мультатули вспоминал каждое слово и выражение лица Скавронского. Ну, конечно, он сексот.

Ясно, почему следователь так дотошно допрашивал Павлову об ее отношениях с Мультатули. Все-таки не хочется стать врагом народа и отправиться туда, куда «Макар телят не гонял». Наконец, поезд двинулся, а «черный ворон» так и не прибыл. Значит, неспроста Сергодзе утвердил назначение.

Мультатули вспоминал сейчас ряд случаев, когда за ним несомненно была слежка. Как-то он гулял с приятельницей по Поварской, и за ним неотступно следовала какая-то тень. Он внезапно остановился у какой-то парадной. Тень, оказавшаяся рослым мужчиной, медленно проследовала далее. Эта тень его еще долго сопровождала. Незадолго до отъезда в Ильичевград он со своим другом Давидом зашел к приятельнице Вари – Леле Ломашкиной. У нее оказались гости. Немного выпили и танцевали. Леля обратила внимание на то, что напротив, на другой стороне улицы, все время торчит какой-то тип.

Когда Мультатули вышел, этот тип увязался за ним и «провожал» до дому. Следовательно, слежка несомненно была. А машина не приехала. И Сергодзе утвердил приказ о назначении. Ergo, Мультатули считается вполне благонадежным. Может быть, зря он покидает столицу и едет в далекий Навер. Впрочем, нет. Там все же будет поспокойнее, чем в Кремлевии или Ильичевграде.

Тучи рассеялись. Настроение улучшилось. Появился чертовский аппетит. В «Хуторе Михайловском» Мультатули купил курицу и умял ее целиком. Вскоре пожалел о жадности.

После отравления сулемой при изготовлении необрастающих красок в 1927-м у Мультатули был хронический колит. Теперь начались сильные боли в области живота и неистребимый понос. Мультатули и думать забыл о всяких врагах народа и других превратностях судьбы. Он сразу обессилел и думал только о том, как-бы избавиться от боли и выспаться.

Мультатули с нетерпением ждал приезда в Нижневодск. Вот уже Жмеринка, Вопнярка, Бирзула, Раздельная. Наконец, Нижневодск. Мультатули схватил чемоданы и устремился за соседом. Он заметил, что соседа задержали какие-то два рослых субъекта и повели его, но не придал этому значения.

Он стремился скорей приехать к старикам, принять лекарство, выздороветь и выспаться. Вышел на привокзальную площадь. Такси не было. Какой-то извозчик, приняв Мультатули за иностранца, запросил цену, в десять раз превышающую нормальную. Мультатули возмутился. К нему подскочил какой-то носильщик и узнав, куда ему нужно, предложил помочь доехать на трамвае. Мультатули согласился.

Носильщик взял чемоданы и они пошли к трамваю. Ждали необычно долго. Наконец, трамвай показался. Мультатули и носильщик с чемоданами начали влезать в трамвай. Как раз в это время подошли два рослых субъекта: «Это ваши чемоданы?» – спросили они грубо. «Мои», – ответил Мультатули. «Тогда пойдемте с нами».

Мультатули отвели в оперпункт при вокзале.

Там какой-то чин потребовал паспорт. «Вас-то нам и надо», – сказал он и принес свои извинения соседу Мультатули по купе, который ошибочно был задержан вместо него.

Девять лет спустя, после встречи с женой, Мультатули удалось разобраться в сложной схеме деятельности тайной полиции по защите тмутараканских граждан от врагов народа – в данном случае от Мультатули.

Скавронский был «внешним» сексотом. По организационным причинам (должен был, по-видимому, связаться с каким-то связным) он не смог вовремя сообщить следователю, который вел дело врага народа Мультатули о том, что тот уезжает с Брянского вокзала. Жена Мультатули одумалась и решила поехать на вокзал провожать его. Но она не знала, что он едет в Нижневодск, и поехала на Курский вокзал. Туда же приехал «черный ворон» за Мультатули. Ни жена, ни пассажиры не заметили черной машины.

В «черном вороне» началась паника: матерый враг народа перехитрил органы, обманул свою жену и скрылся! Теперь попадет от начальства. Жену посадили в машину тайной полиции, привезли ее домой и устроили «засаду».

Тем временем сообщение Скавронского поступило к следователю. Была послана депеша о «снятии» Мультатули с нижневодского поезда. Хотя и здесь ошиблись, но в конце концов сцапали истинного врага народа.

Следователь местного Нижневодского отдела тайной полиции усадил Мультатули в машину, и его отвезли на Маразлиевскую улицу. Задержанного обыскали. В багаже нашли докладную записку по поводу удвоения мощности завода с резолюцией Вячеславова. Следователь решил, что имеет дело с крупным московским функционером. Может быть, поэтому Мультатули попал в сравнительно комфортабельную одиночку.

Ему оставили деньги, и он даже мог заказывать блюда в тюремном буфете, а затем его везли одного в целом купе столыпинского вагона. Его сопровождал спецконвой из четырех человек во главе с лейтенантом, и конвоиры покупали ему в вокзальных буфетах все, что он заказывал. Только впоследствии Мультатули понял, в каких шикарных условиях он пребывал после ареста в нижневодский, кремлевский и долагерный периоды.

Зачем-то следователь начал составлять анкету.

Мультатули внешне был совершенно спокоен. Он и в самом деле полагал, что полностью владеет собою и может регистрировать свои собственные ощущения. Только на несколько дней позже, имея массу времени на размышления в своей уютной одиночке, Мультатули понял, что арест в какой-то степени вывел его из состояния равновесия. Во-первых, он сразу и немедленно выздоровел, во-вторых, когда следователь заполнял анкету, на какую-то долю секунды Мультатули забыл имя своей старшей дочери.

Переход от кипучей деятельности к полному безделью в тюремной одиночке действовал угнетающе. Сама камера была и в самом деле уютна. Хотя она размещалась в полуподвальном этаже и на окно был поставлен козырек, над ним виднелось голубое, безоблачное нижневодское небо. Площадь одиночки была довольно большой – 12 квадратных метров. В углу стояла кровать, снабженная матрацом, постельным бельем и одеялом. Около кровати была тумбочка.

Хлеб оказался достаточно съедобным. На обед давали почти литр густого фасолевого супа. При желании можно было получить добавку. Наконец, можно было заказывать в буфете вполне съедобные блюда, благо деньги Мультатули оставили.

Каждый день выводили на 15-минутную прогулку в симпатичный маленький и очень зеленый дворик. Никогда впоследствии за всю длительную тюремно-лагерную эпопею Мультатули не пребывал в таких комфортабельных условиях. Но тогда он этого не понимал. Ему было тесно в «огромной» камере. Мешала параша. Сносная тюремная уборная, куда его водили дважды в день, казалась ему мерзкой и грязной. Вкусный фасолевый суп (много лет позже в лагере у него текли слюнки, когда он вспоминал об этой роскоши) казался ему безвкусным, и он отказывался от добавки. Котлеты, которые приносили из буфета, раздражали как слишком пресные, и он их выбрасывал в парашу. Книги ему оставили, но он не мог читать. Спать ни днем, ни ночью ему не хотелось. Время текло гнетуще медленно.

Мультатули вспоминал то, что ему приходилось читать о том, как «убивали» время арестанты в одиночке. Можно, например, заняться приручением какой-нибудь мыши. Но мышей в камере не было. Мультатули заметил в углу паутину и паука. Вот тут и появилось занятие. Он долго наблюдал за пауком. Только в этой камере он детально изучил технологический процесс, разработанный пауком для ловли мух.

Затем Мультатули различно направленными плевками разрушил хитроумное паучье сооружение и наблюдал, как паук восстанавливает паутину. Однако вскоре Мультатули это надоело. Пару дней он занимался изучением процесса производства карбида кальция, хотя не совсем был уверен, пригодится ли это ему когда-нибудь в арестантской карьере.

Всего Мультатули пробыл в одиночке 5 дней, но этот временной отрезок был, пожалуй, самым длительным по сравнению со всеми остальными периодами его тюремно-лагерной карьеры, которая продолжалась более 8 лет.

Наконец, Мультатули проводили в «черный ворон» и отвезли на вокзал. Началась нормальная арестантская жизнь. Впрочем, эта жизнь была не совсем нормальна. Условия следования были просто шикарными. Доходило до того, что конвоиры вступали с ним в беседу.

До Веика ехали без особых приключений. В Веик приехали в воскресенье. Столыпинский вагон поставили за два километра от станции. Начальник спецконвоя, молодой лейтенант надолго исчез. Когда объявился, то, нещадно ругаясь, рассказал, с какими трудностями достал «ворона». Затем велел собрать вещи и даже осведомился, сможет ли Мультатули километра два таскать свои чемоданы. Мультатули что-то пробурчал.

Лейтенант распорядился, чтобы чемоданы взяли конвоиры. Так они всей группой и пошли: конвоиры с чемоданами, лейтенант и Мультатули.

Однако метров за 400 от вокзала весь распорядок был изменен. Лейтенант велел Мультатули взять свои чемоданы. Затем он и конвоиры вынули пистолеты из кобур. Лейтенант с пистолетом пошел впереди, с двух сторон от него – два конвоира с пистолетами и два конвоира сзади. Таким строем и пришли на вокзал. Публика в страхе шарахалась и слышно было, как некоторые говорили: «Шпиона поймали». В конце концов Мультатули водворили в комфортабельный «черный ворон».

Куда-то приехали. Ушедшего лейтенанта долго ждали. Вернувшись, он сказал, что во внутреннюю тюрьму Веикской тайной полиции не принимают, – то ли из-за воскресного дня, то ли потому; что транзитных арестантов не помещают в эту тюрьму. Лейтенант опять ушел. Мультатули оставили, и он, к своему удивлению, получил возможность без конвоя прохаживаться около «ворона»! Вскоре лейтенант и конвоиры появились, и «черный ворон» поехал к Веикской тюрьме. Там лейтенант очень долго договаривался с начальством.

В итоге ворота гостеприимно раскрылись, и «ворон» въехал в тюремный двор. Лейтенант зашел в кабинет начальника, а Мультатули посадили на какую-то скамью в коридоре. Сидел он там довольно долго, но не скучал. Наблюдал, как в соседнем помещении взвешивают и обмеривают каких-то «бытовиков». Начальник тюрьмы подошел к Мультатули, сказал, что свободных помещений, к сожалению, не имеется, и любезно осведомился, не устроит ли его красный уголок.

Красный уголок оказался очень просторным. Уже наступил вечер. Мультатули продолжал пользоваться льготами крупного врага народа. Лейтенант лег спать на какой-то стол, а Мультатули предоставили диван. Конвоиры по очереди охраняли их сон. Отдыхающие конвоиры спали на полу.

На следующий день Мультатули передали другому спецконвою и повезли в Кремлевию. Хотя Мультатули по-прежнему один занимал целое купе в столыпинском вагоне, новый спецконвой уже не был столь любезен.

Конвойные в станционные буфеты не бегали и ничего не приносили Мультатули. Он должен был довольствоваться хлебом и селедкой. В Кремлевии его сдали в знаменитый «прием на Лубянке-2». Тут сразу все изменилось, и он стал обыкновенным лубянским арестантом. Его долго «обрабатывали». Раздели догола, обыскивали, прощупали всю одежду. Чемоданы и деньги забрали, отобрали ремень, срезали все пуговицы. Тщательно обследовали анальное отверстие, для чего приказали стать «раком». Затем велели одеваться, прицепили какой-то номер и сфотографировали анфас и в профиль.

Кстати, впоследствии, когда Мультатули освобождали и доверили ему его «дело» для комендантского лечпункта, он смог убедиться, что это лучшие фото, какие он когда-либо имел. Во-первых, на Лубянке было отличное «ателье», во-вторых, Мультатули был мужчиной в полном расцвете сил.

Затем Мультатули заставили «поиграть на пианино» – для снятия отпечатков пальцев и повели в камеру. Она оказалась очень маленькой, не более 8 метров. В ней вплотную стояли три железных койки, на которых лежали доски с тощими матрацами. Постельного белья и подушек не было. Между койками и стеной был узкий проход, по которому едва мог ходить один человек. В одном углу стояла параша, в другом – деревянная урна. В камере имелось маленькое зарешеченное окно, закрытое козырьком. Неба не было видно. В целом камера оказалась очень мрачной и холодной. Свет электрической лампочки не выключался ни днем, ни ночью.

К приходу Мультатули в камере было пять человек. Потом стало больше, но за время его пребывания более десяти человек не набиралось. Вообще говоря, камеры в «приеме на Лубянке-2» предназначались для арестантов из различных тюрем Кремлевии, которых привозили сюда для допросов. Уже в сентябре 1936-го все столичные тюрьмы: Бутырская, Краснопресненская, Лефортовская, Таганская, внутренние тюрьмы при всех вокзалах, милицейских отделениях – были переполнены. Конечно, не так, как в 1937-1938 когда плотность заселения тюрем увеличилась вдвое-втрое.

В камере приема арестант ожидал, когда его поведут на допрос. Обычно время пребывания в этой камере очередного арестанта составляло несколько часов. В более редких случаях арестант ожидал 1-3 дня После допроса его увозили в тюрьму, в которой он «квартировал».

Но были исключения. Например, Мультатули поместили не в обычную густонаселенную тюрьму, а сразу привезли в «прием на Лубянке-2», где он пробыл целый месяц. Мультатули встретил в этой камере Окунева из института Маркса-Энгельса. Окунев просидел тут 3 месяца. Он несколько дней общался с арестантом, который до него просидел в этой же камере 2 месяца. Мультатули просидел с Окуневым 3 дня и таким образом узнал, кто проходил через эту камеру последние 6 месяцев – от апреля до октября 1936года.

Если арестанта приводили, например, из Бутырской тюрьмы, то он рассказывал не только о себе, но и о всем «коллективе» его камеры. А в каждой бутырской камере размещались в тот период по 60 человек. Времени было много. От 6 до 22 часов можно было разговаривать. Впрочем, не всегда. После ночных допросов хотелось спать. Времена тогда были либеральные. Днем дозволялось лежать на сравнительно жестком ложе и спать. Был даже институт старост. Старосты сами назначали дневальных для уборки камеры и мойки параши.

По-видимому, тогда не подсаживали «наседок». Не слышно было, чтобы давали дополнительные сроки за «контрреволюционную пропаганду» в самой тюрьме. Микрофоны в стенах ставили в исключительных случаях. Даже можно было перестукиваться. В больших камерах выбирали «культурников» и устраивали вечера самодеятельности, на которых выступали любители, а иногда и профессиональные актеры из арестантов.

Через год эта идиллия была закончена. Старост пересажали в карцеры. Дневальных стали назначать тюремные надзиратели. Днем от 6 до 22 часов ложиться не разрешали. Говорить можно было только шепотом. За перестукивание всю камеру лишали прогулки, тюремной лавочки или сажали в карцер.

При появлении тюремного начальства нужно было вскакивать и держать руки по швам. Запретили всякие передачи. Пытки применялись почти ко всем.

Мультатули по-прежнему «везло». Он попал на Лубянку-2 в идиллический период. Правда, ему трудно было спать на жестком ложе без подушки. Тюремная баланда казалась пресной и безвкусной, хлеб – черствым и кислым. Вообще, большинство заключенных попадали на Лубянку-2 с воли – поэтому они каждый день отдавали обратно почти весь хлеб и основную часть баланды сливали в парашу.

Трудно было привыкнуть спать при свете, но в целом у Мультатули самочувствие было превосходное. Камера на Лубянке-2 превратилась для него в университет! В этом университете он по-особому постигал людей. Он видел людей мужественных и людей трусливых и, главное, он видел людей обнаженных. Людей без маски. Он видел людей в их первозданном виде.

В камере Мультатули выяснил, как осуществляются государственные дела с черного хода. Для него открылся неизвестный ранее мир, и он с жадностью впитывал новые впечатления. Окунев рассказал ему обо всех крупных чиновниках Наркомзема, которые прошли через эту камеру. Мультатули узнал любопытные подробности о том, как фабрикуются дела о «вредительстве» в планировании, о засорении зерна всякими – уже настоящими – сельскохозяйственными вредителями. Впрочем, все это делалось по одним и тем же разработанным примитивным шаблонам, рассчитанным на малограмотных следователей

Иногда следователями составлялись оригинальные протоколы. Так, некий враг народа сознался, что завербовал для контрреволюционной работы Кая Юлия Цезаря и Александра Македонского. Все это было занесено в протокол.

В камеру приема попадали самые различные люди. Как-то привели одного валютчика. На Лубянке он уже был в двадцатые годы. Тогда искали золото. Летом, в жару, набивали камеру так густо, что «золотари» стояли вплотную. Так, стоя, и спали. Если они не сообщали, где запрятали золото, подбавляли еще людей. Так они стояли, обливаясь потом до тех пор, пока не рассказывали, где золото.

Однажды в камеру втолкнули очень представительного человека лет пятидесяти. Он оказался бывшим министром финансов Дальневосточной буферной республики. Он очень интересно рассказывал, как в этой республике в начале двадцатых годов была осуществлена золотая реформа.

В течение недели в камеру доставили двух бывших секретарей Гривенникова. Один занимал важный пост в Наркомлегпроме, другой тоже отличался высоким чином. Оба были как ошпаренные, ничего не понимали и полагали, что их взяли случайно, что вскоре все выяснится и они вновь усядутся в свои кресла. Мультатули их успокоил и разъяснил, что более «десятки» они не получат, а при хорошем поведении дадут 5 лет. Впрочем, это только в том случае, если они сознаются в своих контрреволюционных преступлениях и их будут судить закрытым спецсудом. Если же не сознаются, то их судить не будут. Они пройдут по Особому Совещанию тайной полиции, получат не более 5 лет, но сроки по Особому Совещанию – не сроки. Можно просидеть всю жизнь. Конечно, долго сидеть не придется. Тех, которых спроваживают по Особому Совещанию, используют на самых тяжелых работах в самых штрафных лагерях, и они не так уже долго мучаются.

К тому времени Мультатули за три недели обучения в тюремном университете сам стал «профессором» и обучал следующие поколения. А эти бывшие секретари Гривенникова впоследствии сыграли свою роль в организации его процесса и других судилищах.

Под конец Мультатули мог довольно бегло перестукиваться и однажды узнал, что появились… новые купцы и новый товар. Купцы продавали Малоскифию, Дальний Восток и тому подобный странный товар. Какую-то роль в разоблачении этих купцов сыграли и секретари Гривенникова.

Однажды втолкнули маленького человечка. Он оказался слесарем, бывшим красногвардейцем. Обвиняли его в том, что он покушался на убийство Виссарионова из игрушечного пистолета. Этот пистолетик он соорудил для своего десятилетнего сына. Слесарь подробно рассказывал о жене. Она была очень больна. С ее ведома у него завелась молодая любовница-комсомолка. И все: жена, любовница, сынишка – на очной ставке показали, что этот слесарь, бывший красногвардеец, собирался убить из

детского пистолета Виссарионова. Бедняга горько плакал, когда вспоминал, как любимый сынок обличал его, глядя в глаза.

Персонажи менялись, как в калейдоскопе.

В камере появился краснощекий, пожилой, но хорошо сохранившийся человек. Он оказался цирковым артистом. Был уверен, что попал по недоразумению, и держался довольно бодро, хотя ему приходилось спать на цементном полу, к чему он, по-видимому, за время своей цирковой деятельности не привык. Много рассказывал о цирке.

Как-то его вызвали без вещей к следователю. Прошел день – его нет, второй день – нет, а пайку и баланду для него выдают. Староста Мультатули объяснял тюремщику, что такого в камере нет, но тот продолжал выдавать для него пайку и баланду.

На четвертый день появился какой-то человек, обросший седой щетиной, и с бутербродом в руке. Когда обитатели камеры присмотрелись к нему, они с трудом узнали циркового артиста. Ему уступили место на койке, но он не лег, а сел и часа два лихорадочно рассказывал, держа бутерброд в руке.

Он попал в «конвейерную» обработку. Сто часов подряд его заставили стоять. Ноги страшно распухли; за четверо суток он поседел. Несколько раз инсценировали расстрел. Менявшиеся в «конвейере» следователи монотонно убеждали свою жертву сознаться в шпионаже: мол, вопрос о его расстреле решен, всё известно, в том числе – когда и кому он передал шпионские сведения о военном заводе, на котором муж его дочери директорствует. Но если он сознается, то будет смягчена участь его дочери и ее мужа. Может быть, его даже не расстреляют. Он будет помилован и получит 10 лет ИТЛ. Потом его начинали «расстреливать». И так продолжалось 100 часов. Несчастный не успел рассказать сокамерникам все, что он хотел. Вскоре его увели.

Густо проходили через камеру анекдотчики-болтуны. Таких долго не держали. Некоторые даже не успевали рассказать, за какой анекдот их взяли. Через камеру проходило также много «любопытных». Эти «любопытные» пытались попасть в зал, где инсценировали процесс Зиновьева-Каменева.

Прошли также два человека, побывавшие в концлагерях.

Один бежал из лагеря, который отвечал за строительство автострады Минск-Кремлевия. Побег он совершил только для того, чтобы отдохнуть в сухой тюрьме и попасть в другой лагерь. Добравшись до Кремлевии, добровольно явился в органы. По его словам, больше не мог находиться в прежнем лагере. Вообще-то лагерь был как лагерь. Тяжелая работа, мизерные порции баланды, 10-часовой рабочий день (не считая прочих затрат времени: развод, дорога до места работы и обратно, приход, обыск). Общие нары в грязном и холодном бараке. Все дело в том, что в августе и сентябре непрерывно шли дожди. Сушиться было негде, и работяги месяцами ни днем, ни ночью не просыхали. Их ватное тряпье всегда было насквозь мокрым. Мокрыми были ноги, руки, все тело.

Только впоследствии, на Воркуте, Мультатули понял, что значит длительное время – недели, месяцы – быть мокрым. Значительно легче перенести голод, жажду, усталость от многочасовой тяжелой работы, чем постоянно ходить в мокром ватном тряпье. И поэтому из описанного «мокрого» лагеря многие, рискуя жизнью, бежали. Убежать надо было подальше, чтобы, «заработав» новый срок, не попасть в тот же лагерь.

Довольно много появлялось в камере «отравителей» и «террористов». Их быстро обрабатывали – «приклеивали» им статью 58 п. 8 и отправляли в лагеря. В эту группу попадала обслуга всяких высокопоставленных учреждений и отдельных знатных сановников – повара, домработницы.

Один из этих террористов рассказал, что даже старую домработницу Вячеславова взяли, и сам хозяин не мог ее спасти.

Однако не у всех дело быстро кончалось.

Мультатули некоторое время лежал рядом с врачом Рынейским. Его одиссея была весьма любопытна. В 1933 году за «длинный язык» он попал в лагеря. Жена Рынейского, очень энергичная женщина, через год добилась его освобождения. Рынейский даже после освобождения оставался очень напуган-

ным и боялся вновь попасть в лагерь. Он решил уехать на необитаемый остров. Отправился на остров Рудольфа в качестве врача группы зимовщиков. Через два года Рынейский заболел цингой. В 1936 году он решил вернуться на Большую землю, чтобы вылечиться. Если бы он не решился в 1936-м, ему пришлось бы уехать в 1938-м, так как пароход заходил раз в два года. Рынейский боялся, что два года не протянет.

Начальник зимовки на этом пароходе отправил также двух зимовщиков, уличенных в жульнических комбинациях, с соответствующей аттестацией. Эти прохиндеи по совместительству оказались сексотами и донесли на начальника и Рынейского. Рынейского они обвиняли в том, что он якобы как-то раз в красном уголке, глядя на портрет Виссарионова, сказал, что у вождя одна нога короче другой. Участь Рынейского была предрешена. Вскоре после приезда его забрали.

Рынейский обладал феноменальной памятью. На спецсуде он до мелочей восстановил чуть ли не каждый час своего пребывания на острове Рудольфа, многократно уличил сексотов во лжи и жульничестве. В результате суд был отложен. Рынейский долго просидел затем в Бутырской тюрьме. За это время права странного неконституционного органа – Особого Совещания, были расширены: раньше она давало максимум пятилетний срок невинным людям, против которых даже нельзя было состряпать дела в закрытом спецсуде, – теперь он вырос до десятилетнего. Вот тогда-то Рынейский получил по ст. 58 п. 8 (террор) 10 лет по постановлению Особого Совещания. (В 1938 году Особое Совещание тайной полиции могло уже «давать» 25 лет.)

Труд членов Особого Совещания был очень тяжелым и напряженным, что могут иллюстрировать следующие небольшие статистические выкладки.

В 1937 году в каждой камере Бутырской тюрьмы в среднем размещались 100 арестантов. Всего камер было 100. Следовательно, вместимость Бутырской тюрьмы составляла 10 тысяч арестантов. Средний период «обработки» одного арестанта – 3 месяца. Таким образом, производственная мощность по обработке арестантов составляла – 40 тыс в год. Производственная мощность «Бутырского комбината» составляла максимально 20% всей тюремной мощности в Кремлевии. Всего арестантов «обрабатывалось» в столице в 1937 году не менее 200 тысяч. В 1938 году это число значительно увеличилось. Совещания этих самоотверженных тружеников проходили 2 раза в неделю или около 100 раз в год. За одно «совещание» (если принять удельный вес врагов народа, «обработанных» Особым Совещанием, по отношению ко всем врагам народа – 60%) приходилось разбирать в среднем 1200 дел.

Герои труда из Особого Совещания проявляли неслыханный патриотизм. При столь огромном напряжении они трудились 6 часов или 360 минут подряд. При этом тратили 0,3 минуты, или 18 секунд на одного врага народа. Надо принять во внимание, что в те времена еще не изобрели электронно-вычислительные машины. Более того, 15 лет спустя великий Виссарионов и его соратники объявили кибернетику очередным буржуазным шарлатанством.

Вожди не знали, что подхлестываемые великим патриотизмом и огромной любовью к народу стахановцы из Особого Совещания превозошли будущие самые быстродействующие электронно-вычислительные машины 1965 года: 18 секунд на разоблачение одного врага народа и установление ему меры наказания!!! А ведь кроме того эти рекордсмены должны были утверждать в 10-15 раз больше приговоров областных «троек».

Пожалуй, следует рассказать еще об одном эпизоде. В камеру привели 20-летнего розовощекого юношу. Прямо из дома его отправили к следователю и от того – в камеру приема. В камере он пробыл день. Все время дрожал и плакал. Мультатули не часто случалось видеть государственного злодея-плаксу, пришибленного таким чудовищным страхом. Парнишка страстно хотел жить и ужасно боялся смерти.

Все старались утешить парня и уверяли его, что дело у него пустяковое и более 3-5 лет он не получит – короче говоря, окажется в выигрыше. В те – еще идиллические – времена (конец 1936 года) считалось, что взаимоотношения советского человека с защищающей народ тайной полицией – это своеобразная игра. 3 года срока — выигрыш. 5 лет срока — ничья. 10 лет срока — проигрыш. «Вышка» (высшая мера наказания) в счет не шла, так как уже была вне игры…

История юноши была довольно обыкновенной. Семья – дворянская. Мать – бывшая начальница гимназии. По случаю дня рождения юноши собрались гости. Было немало спиртного, произносили тосты. Когда уже выпили достаточно, юноша почувствовал прилив храбрости, выпил еще бокал вина, встал и сказал, что если бы ему представилась возможность, он со шпагой ворвался в Кремль и заколол Виссарионова. Естественно, среди гостей оказался сексот. Розовощекий юноша, его мать и все гости попали «куда полагается».

Впоследствии Мультатули встретился с гостем – однодельцем этого юноши. Парень не зря боялся: всю компанию судил спецсуд. Юношу приговорили к «вышке», а мать к 10 годам. Остальным дали от 5 до 8 лет. Мать просила разрешения попрощаться с сыном. Ей разрешили. Но сынишка превратился в столб: руки его повисли, глаза стали стеклянными, он уже ни на что реагировал...

Пару дней в камере приема просидел цыган. Красивый, статный человек лет тридцати. Глаза его были необыкновенными: черные, глубокие, яркие. Он великолепно владел русским языком. Был очень вежлив, мягок и достаточно интеллигентен. В общем, это был редкий, необычный цыган. Жил он в деревне и исполнял обязанности председателя колхоза! Однажды милиция сообщила, что бежал опасный бандит-рецидивист. Приводились его приметы. По данным милиции, он скрывался в районе колхоза, поэтому всех просили приложить максимум усилий, чтобы поймать бандита и доставить куда надо.

Цыгану повезло. Он встретил бандита. Тот оказал отчаянное сопротивление. Цыган, человек могучего сложения, одолел его, связал и доставил в милицию. Наивный герой не знал, что он нарушил гуманные советские законы. Нельзя применять насилие над человеком, хотя бы он и был бандитом. Он не имел права связать его, а должен был мирно уговорить явиться в милицию. Конечно, цыгану «светило» немного. Детский срок – всего 3 года. Но к прежней благополучной жизни он с судимостью уже не вернется.

Мультатули много размышлял над контрастами вохровского бытия. С одной стороны – изощренные пытки и уничтожение сотен тысяч и миллионов невинных людей, с другой стороны – высокая гуманность по отношению к рецидивисту-убийце. Он еще не знал тогда, что «бытовики» – это «социально-близкие», что они – «золотой фонд лагеря» (как выразился однажды начальник Воркутинского лагеря) и их надо перевоспитывать. Вот «контрики» – враги народа, их надо беспощадно уничтожать.

Много рассказал о лагерном быте инженер-экономист Иоффе. Его привезли из далекой Воркуты для дачи каких-то дополнительных показаний.

Он пробыл в камере приема три дня. Рассказывал очень образно, толково. Мультатули впоследствии попал в Воркуту и убедился, что все рассказы соответствуют реальности. Но, как ни странно, по описаниям зека он составил себе совсем иное представление о воркутинском колорите и быте. Только на этом примере Мультатули убедился, как велик должен быть талант писателя, чтобы истинно передать свои впечатления читателю. Иногда обилие деталей искажает общую картину…

Через 10 дней после доставки в Кремлевию Мультатули вызвали и повели к следователю. Ему велели заложить руки за спину и идти вперед. Время от времени сопровождающий постукивал ключами. Когда слышался ответный стук, сопровождающий ставил Мультатули носом к стенке. Не дай бог, заключенные из разных камер увидят друг друга! За это тюремщикам грозило строгое наказание.

Вообще, вся игра велась патриотами-работниками НКВД всерьез. Как будто все эти бесчисленные, обыкновенные обитатели Тмутаракании в самом деле были шпионами, заговорщиками, диверсантами, вредителями. Чиновники-тюремщики работали в соответствии с последними достижениями тюремной техники и науки. Были тщательно изучены все древние и новейшие пытки.

Всякие дыбы, железные сапоги, клещи и прочие средневековые пытки устарели, были громоздки и к тому же требовали специального оборудования, специально обученных палачей. Были изобретены принципиально новые пытки, посрамившие средневековых палачей. В их оправдание нужно сказать, что наука и техника их эпохи намного отставали от современной.

Например, средневековая пытка крысой была очень примитивна и тоже требовала специального оборудования и умения. Надо было изготовить специальный ящик с отверстием для крысы. Надо было

тщательно привязать этот ящик к животу заключенного. Далее все предоставлялось крысе. Она прогрызала себе ход через внутренности подопытного заключенного.

Истинные научные гипотезы и изобретения должны быть предельно просты. Этому принципу следовали ученые патриоты, работники НКВД-МГБ. Применялись весьма изящные пытки.

В маленькой камере день и ночь горела лампа на 1000 ватт. Подопытный враг народа пытался закрыть глаза. Но яркий свет проходил через веки. На следующий день он лез под койку, прикрывался всяческим тряпьем. Через несколько дней сходил с ума.

Очень изысканная современная пытка – длительное отсутствие сна. Заключенному не давали заснуть неделю, две недели, месяц, два месяца…

Конечно, эта пытка связана с дополнительными трудовыми тюремщико-затратами. Специальный тюремщик днем и ночью должен будить подопытного врага народа, если злодей пытается поспать. Самые выносливые максимум через месяц признавались во всех совершенных и не совершенных ими контрреволюционных преступлениях.

Особое значение имело отличное знание физиологии высококвалифицированными следователями. Конечно, все они владели значительным числом приемов джиу-джитсу и других методов безотказного подавления собеседника..

Энтузиаст-следователь сидит рядом с обрабатываемым врагом народа и вежливо с ним разговаривает. Конечно, он уверен, что в данном случае имеет дело с вежливым и воспитанным врагом народа. Во время культурного разговора следователь как бы случайно ставит свой каблук, окованный железом, на ногу собеседника и начинает методически раздавливать большой палец ноги. Или следователь играет своим карандашом, снабженным острым металлическим наконечником. Он игриво вращает этот карандашик. Затем, опять таки случайно, совершенно случайно, он вдавливает острый наконечник карандаша в солнечное сплетение обрабатываемого врага народа.

Если это не помогает, он заставляет своего собеседника встать лицом к стене. На всякий случай звонком вызывает себе на подмогу двух элегантных молодых палачей. Велит врагу народа стать на цыпочки, вытянуть вверх руки и приложить вытянутые руки к стене. Минут пять он держит испытуемого в таком положении. Затем резкий удар ребром ладони под поясницу. Подопытный враг народа ударяется носом об стену, и ломается хрящ. Затем это повторяется несколько раз. Опытные враги народа утверждали, что это одна из самых болезненных пыток. Они, конечно, не могли сравнивать эти ощущения с ощущением человека, привязанного постромками к четырем могучим коням, которые разрывают его на четыре куска в процессе древнего средневекового четвертования. Среди средневековых палачей тоже были истинные мастера. Но только самые искусные могли так погонять коней, чтобы жертва лишь при второй или третьей попытке умирала, разорванная на четыре куска. У неискусных мастеров преступник разрывался на четыре куска после первой же растяжки. Наш элегантный следователь и не менее элегантные его помощники могли сколько угодно раз тыкать подопытного преступника сломанным хрящем в стену. В крайнем случае его отливали, если он лишался сознания.

В этом заключались изящество и законченная простота пытки. Не нужно было ни инструмента, ни коней, ни громоздкого эшафота. Эффектно и дешево.

Знание физиологии создавало специалисту много удобств. Можно было одним-двумя ударами отбить почки. Никакой крови, даже никаких ссадин, если бить через мокрую тряпку. Зато эффект колоссальный. Все это было в должной степени стандартизировано и типизировано.

С течением времени Мультатули накопил значительный тюремный, лагерный и ссыльный стаж. Он побывал во множестве тюрем: Нижневодской НКВД, Веикской тюрьме, Лубянке, Бутырках, а затем – Афумской МГБ, Афумском «Корабле» (так назвали заключенные эту тюрьму), Стерлитамакской, Инксчелябской, Новокучумской и Белоярской пересыльных тюрьмах, во многих подразделениях Воркутского, Ухтинского, Устьвымского и Вятского лагерей, в нескольких ссылках. Он слышал рассказы многих его товарищей по заключению и ссылке.

Все эти богоспасаемые места отличались какими-то только им присущими своеобразными чертами. Вместе с тем все было стандартизировано. Точно так же выглядит и отдельный человек. Как живой механизм он типичен, но нет двух одинаковых людей.

К началу войны тюрьмы, лагеря и аппарат, руководящий этими необходимыми при социализме государственными учреждениями, составляли огромную систему. Тюрьмы были самой разнообразной конструкции с очень сложным хозяйством и очень сложным управлением. Техника их достигла максимального совершенства.

Побег из тюрем был невозможен. Ничто не могло проникнуть к заключенным, ничто не могло проникнуть от заключенных на волю. Даже маленький кусок туалетной бумаги по использовании необходимо было сдавать надзирателю. В Бухенвальде у заключенных при восстании оказались пулеметы и другое оружие. В Бутырской перенаселенной камере, где приходилась треть квадратного метра на человека, как-то упала иголка. Всей камере грозило лишение прогулки и лавочки. Через шесть часов среди кучи тел и вещей иголка была найдена и возвращена попке, или вертухаю (так называли тюремных надзирателей).

Конечно, и речи не могло быть о том, чтобы – как из чудовищных фашистских застенков – иногда доходило до всего мира какое-нибудь последнее письмо заключенного (казненного или не казненного). Техника в этом случае была изумительная. Часто смещались надзиратели. По выходе из блока эти надзиратели обыскивались другими надзирателями. Передача записки или каких-нибудь предметов рассматривалась как тягчайшее преступление.

Все было регламентировано: общий режим, паек, порядок выдачи баланды, обыски, баня, выдача иголки, тряпья для починки, даже форма и объем параши. Для разных тюрем, разных камер в одной тюрьме, разных арестантов в одной камере предусматривался свой особый режим. И для всего составлялись подробные инструкции. Камеры были самые различные: подследственные, постоянные, этапные, больничные, одиночки, всякого назначения карцеры, камеры для расстрела, камеры с вентиляцией и без вентиляции, камеры мокрые и сухие, всякие хозяйственные подразделения.

Лагеря были самые различные: лесные, сельскохозяйственные, дорожные, для горных работ, мужские, женские и для несовершеннолетних, лагеря, из которых заключенные передавались для строительства разных предприятий, для особых конструкторских и технических бюро, штрафные и не штрафные, каторжные, политические и бытовые, послевоенные спецлагеря. Эти различные лагеря состояли из множества строений: бараки и палатки, бани и уборные, стационары и санчасти, конторы для зеков и для вольнонаемных, каптерки и столовые, карцеры, морги, вышки, проходные, колючие ограждения, казармы для ВОХРа и жилье для ВОХРа и прочих вольнонаемных. Ларьки и магазины для вольнонаемных и зеков. Собачники. Зоны оцепления со своей структурой проходных, вышек, ограждений. Мастерские, заводы, склады, бревнотески и лесные дворы в зоне оцепления.

Ссыльные также были самых различных категорий. Некоторые ссыльные должны были являться для отметки раз в декаду, другие два раза в месяц, или раз в месяц, или раз в три месяца. Некоторые ссыльные могли жить в некоторых кучумских или среднеазиатских городах, других обязывали селиться за 100, 200 или 500 километров от железной дороги в глухих сельских поселениях.

Ссыльные отличались по… привилегиям. Самыми привилегированными были представители старых «народов-преступников»: дальневосточные корейцы и китайцы, попавшие в ссылку задолго до начала войны.

Менее привилегированными «народами-преступниками» были направленные в ссылку в начале или конце войны гунны, венгры, болгары, румыны, греки, чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, калмыки, крымские татары. Для них в поселках устанавливалась зона, которую представители перечисленных «народов-преступников», так же, как и выжившие к 1948-1950 гг. «контрреволюционеры», не должны были переходить. Им неоднократно, под подписку, объявлялось, что в случае перехода этой зоны они будут осуждены на 25 лет каторжных работ.

После окончания войны тюрьмы и ссыльные места пополнились новыми многочисленными категориями преступников: латами, литами, эстами, жителями Западной Белоскифии, Западной Малоски-

фии, Буковины, Бессарабии. Очень много было наших военнослужащих, освобожденных из немецкого плена.

Были изловлены и направлены в лагеря и в ссылку остатки белогвардейцев и прочих русских, бежавших еще в 1917-1920 годах и проживавших в Манчжурии, Корее, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Мазурии, Восточной Гуннии, Югославии, а впоследствии и в Китае.

Основной контингент тюрем в 1944-1953 годах составляли изменники, работавшие в различных учреждениях и предприятиях во время гуннской оккупации. и власовцы. Все они получали 25 лет, 20 лет, 15 лет, 10 лет и ссылку (пожизненную или срочную) по усмотрению тружеников Особого Совещания или спецсудов, которые руководствовались менявшимися инструкциями, передаваемыми в разное время сверху. К концу патриотической деятельности великого марксиста Виссарионова эта огромная система (с учетом бытовиков) охватывала ориентировочно 15 миллионов заключенных и 10 миллионов ссыльных. При этом, несмотря на огромную смертность, число «преступников» не убывало до 1954 года.

Система функционировала десятилетиями и была не менее сложна, чем общая государственная социалистическая система. Но для руководства социалистической системой было создано огромное количество вузов, в которых воспитывались кадры для управления всеми частями самой передовой мире страны. Нет сомнения, что для управления сложной тюремно-ссыльной системой, охватывавшей 25 миллионов «подопечных», а также несколько миллионов управляющих и надзирающих за этими подопечными, были созданы средние и высшие учебные заведения, в которых воспитывались эти несколько миллионов надзирающих. Но так же, как и шпионские школы, эти учебные заведения, по-видимому, были строго засекречены. Однако, можно себе представить, хотя бы центральное учебное заведение.

Условное название: Академия тюремных и ссыльных наук. Факультеты: следовательско-пыточный (тут могут быть «отделения» – следовательских и пыточных наук; тюремного строительства, эксплуатации тюрем; факультет сексотов); факультет строительства и эксплуатации лагерей со специальностями – дорожной, горной, арктической, лесной и общепромышленной. Непременно должны функционировать факультет ссыльных наук, факультет собаковедения, факультет оперативников, факультет цензуры и дезинформации.

Последние три факультета достигли совершенства! Несмотря на наличие десятков миллионов заключенных и ссыльных, страна ничего не знала о жизни этой значительной части населения. Побеги, по существу, были невозможны. Да и некуда было бежать. Те, которым удавалось преодолеть совершенную систему оперативников и добраться до обжитых мест, вновь попадали в руки славных работников МГБ. Эта совершенная система включала в штаты надзора всех дворников, попов всех мастей. Если дом имел несколько подъездов, то в каждом из них имелись добровольцы-патриоты из комсомольцев или членов партии, которые сообщали о любом подозрительном субъекте. Спецотделы учреждений и предприятий имели специальный штат сексотов, которые также выявляли всяких подозрительных субъектов, болтунов и недовольных.

Салтыков-Щедрин в реакционные царские времена писал об установлении железного порядка, согласно которому назначаются главный городской шпион, квартальные шпионы, десятихатные шпионы и, лучше всего, шпион в каждой хате. Фантазия Салтыкова-Щедрина оказалась убогой. И ясно почему. Он не обучался на факультете сексотов Академии тюремных и ссыльных наук. При весьма ограниченной фантазии писатель не представлял себе, как может быть создана тотальная система сыска…

Когда Мультатули первый раз ввели к следователю, то он, хотя уже прошел курс наук в университете отдельно взятой камеры, еще не представлял себе тотальной системы сыска.

Его сразу поразил демократизм следователя: «Ну-с, Абрам Исидорович, будем с Вами работать. Я – следователь Русевич.» Ни фамилии, ни бывшей должности, ни где и когда родился. Никакой формалистики!

Допрос велся, конечно, ночью, и вся обстановка была весьма зловещей. Но Мультатули все таки решил осведомиться, почему – в нарушение конституции – более двух недель, без предъявления об-

винения, его держат арестантом в НКВД. Он ведь подследственный, и с ним должны обращаться как с таковым в соответствии с социалистическими законами. «Ха-ха-ха! Ты подследственный? Подследственные вот где ходят», – Русевич ткнул пальцем в окно, которое выходило на Лубянскую площадь. По ней действительно ходили много подследственных москвичей. – «А ты уже не подследственный, ты изобличенный преступник, худший из преступников, контрреволюционер. У НКВД брака не бывает. Нам все известно. Давай, рассказывай о своей контрреволюционной работе!».

Затем Русевич вновь стал вежливым: «Мы знаем, Вы талантливый инженер. Партия и правительство доверили Вам ответственное дело. О, если бы Вы не свернули с правильного пути и не сомкнулись с врагами народа! Может быть, мы Вам и дальше доверим работу, но Вы должны чистосердечно признаться во всей Вашей контрреволюционной работе. Вы были в партии?»

«Да, был».

«Когда вышли из партии?»

«В 1921 году»

«Почему?»

«Выбыл механически, так как начал вновь учиться в институте».

«Ты врешь, негодяй! Ты уже тогда смыкался с контрреволюционной оппозицией». Ты одалживал деньги Павловой? Сколько одолжил? Принял на работу?»

«А разве противозаконно одалживать деньги? Или принимать на работу? – Одалживал. Принимал на работу».

«Сознаешься в том, что ты помогал троцкистам?»

«Они такие же троцкисты, как Вы».

Тут Русевич взревел, захлебнулся в многоэтажном мате. На одном из очередных ночных допросов Мультатули заявил, что больше отвечать ничего не будет, что не привык к мату и ко всяким вздорным обвинениям. К его удивлению, его больше не вызывали.

Калейдоскоп сменяющихся людей уже не интересовал его как прежде. Ночи стали холодными, а укрыться было нечем. По проспекту Окунева (так Мультатули назвал щель между койками и стеной, где один человек с трудом мог пройти – 5 шагов вперед и 5 шагов назад) уже нельзя было шагать, так как в камеру натолкали 10 человек.

Книг не давали. Единственным развлечением были шашки. Доской служили картонки от папиросной коробки, на которой горелой спичкой были нарисованы клетки. Из зубного порошка, который некоторые арестанты приносили с собой, были сделаны белые и черные шарики. Но, когда начиналась игра, «болельщики» должны были заслонять играющих, чтобы попка, смотря в глазок, не смог обнаружить шашистов.

К баланде Мультатули никак не мог привыкнуть и мечтал о том времени, когда попадет в Бутырки. Там раз в декаду можно было получать кой-какие продукты из тюремной лавочки. А, может быть, разрешат и передачу. Там есть возможность брать книги в тюремной библиотеке. Там положено гулять 15 минут по более просторному тюремному дворику, а не 5 минут. Там не такая мрачная и холодная камера.

Наконец, однажды его вызвали «с вещами». «Черный ворон». Каменные мешки бутырского «вокзала». Там – «обработка», а в 2 часа ночи Мультатули втолкнули в камеру №88.

Он стоял у параши со своим узелком. Параша была большая, ведер на шесть. От нее шел смрадный аммиачный запах мочи. Нары с одной стороны. Нары с другой стороны.

Виднелись грязные ступни арестантов. На нарах вплотную лежали арестанты. Около самой параши на нарах было еще место. Его и занял Мультатули. Сбылась его мечта: он попал в Бутырки.

Клюква. 1937 г.

В этом году весна пришла рано. Уже к середине апреля сошел снег. Показалась подснежная брусника. Тайга дышала весной. В воздухе звучал неумолчный птичий гомон, и в муравейниках закипала работа. Муравьи хозяйственно шныряли по всем направлениям, выполняя какую-то важную для них работу. Вдыхая ароматы пробуждающейся весенней тайги, заключенный Мультатули присел на замшелый одинокий пень, внимательно наблюдая за суетливой жизнью муравейника.

Сегодняшний день был особенным. Уже семь месяцев без сопровождения конвоя и собак он мог находиться либо в тюремной камере, либо в бараке-палатке пересыльного пункта, либо в этапном бараке. Ни разу, за исключением первых семи дней этого семимесячного периода, когда он был в одиночке, он не оставался один.

И вот он стоит один в тайге, недалеко от этапного барака. Вдыхает весенние ароматы пробуждающейся тайги. Постоянно очертания муравейника начали расплываться. Мультатули отчетливо увидел детишек. Семь месяцев тому назад он последний раз их видел в момент, когда его уводили, в кроватках – спящими. Краснощекого, смуглого крепыша – годовалого сыночка и белокожих, разрумянившихся во сне девочек – трехлетнюю и четырехлетнюю.

Постепенно образы детишек бледнеют, и теперь Мультатули сквозь муравейник видит их мать. Вспоминает жену, забыв все, что отдаляло его когда-то от нее, ее сварливость, себялюбие, крикливость.

Но похолодало, свежий ветер зашумел, закачались верхушки сосен. Он приходит в себя. Близится закат солнца. Нужно возвращаться в барак. Скоро поверка.

В бараке на дощатом полу настлана хвоя. Уже с неделю тому назад конвой привез вещички этапников – на хвое уложены пальто, одеяла и всяческая мелкая рухлядь. Хотя прибывшие расположились на полу этапного барака довольно густо, все довольны неслыханным комфортом. Уже две недели не гонят каждый день в этап. Две недели каждый день дают баланду, ароматную баланду из сухих овощей. Утром и вечером зеки пьют кипяток.

Они спят на хвое и укрываются всякой рухлядью. Можно даже полежать на спине, и не надо во время сна поворачиваться по команде с боку на бок.

У всех бодрое настроение.

Кто-то из этапников каким-то одному ему известным способом раздобыл газету с речью Виссарионова. В этой речи вождь клеймил «перестраховщиков», которые арестовывали тех, кто «ходили по одной улице с троцкистами».

Эту речь некоторые этапники связали с тем, что уже две недели их никуда не гонят, сносно кормят и даже разрешили на 500 метров без конвоя ходить в тайгу. Грузин Папава сказал: «Совэршэнно ясно. Висарионов заклэймыл пэрэгыбы. Нас всэх повэдут обратно в Котлас. Одэнут в хорошие костумы и повэзут в Кремлевию».

Какой-то скептик вслух сомневается в предрекаемом счастливом исходе. Папава в запальчивости кричит: «Ты настоящий контррэволуцыонер, тэбя-то не повэзут обратно в Котлас, а нас, настоящих болшэвыков, повэзут в Котлас!»

Спор прерывает конвой. Всех выгоняют из барака, и начинается нудная и длительная поверка. То одного недостает; то двое лишних. Наконец, все в порядке. Двери барака открываются, и все попарно возвращаются на свои места.

На следующий день заключенных поднимают очень рано. «Сидера» укладывают на телегу. Строится этапная колонна. Через 25 километров она прибывает в Чибью на «Кирпичный завод». Попава упал духом. Говорят, что на этой командировке только самые здоровые и выносливые смогут продержаться полгода. Правда, «Чибью-Крутая» еще страшнее, и поэтому некоторые этапники довольны, что попали на «Кирпичный». Колонну этапников загоняют в уже населенную палатку. Нижние нары заселены

густо. Все с «сидерами» лезут на верхние нары. Нары перегружены и в некоторых местах обрушились, покалечив лежащих.

Наконец, все устроились. Мультатули досталось скверное место на верхних нарах. Как раз над головой в палатке дыра, из которой нестерпимо дует.

После ранней теплой весны наступило резкое похолодание. Палатки, карцер, кухня, баня, санчасть с стационаром расположились на берегу реки Чибью. С трех других сторон построено ограждение из колючей проволоки с «кукушками» для конвоя и с вахтой.

За колючей проволокой – несколько метров вспаханной почвы. На такой земле легко обнаружатся следы беглых заключенных.

И все же в сравнении с перенаселенной, затхлой тюремной камерой заключенные в палатках на берегу реки Чибью чувствуют себя значительно лучше. Вскоре начинается промысел. Мультатули и некоторые другие умельцы нашли березовую кору, какие-то доски и организовали производство деревянных ложек и котелков из коры.

Березовый котелок и деревянная ложка стоят 50 копеек до 1 рубля. Еще в тюрьме, перед отправкой в этап, зекам выдали с лицевого счета каждого от 10 до 25 рублей. Дошлые зеки по сумме судят, кого куда посылают. Если 10 рублей – то в Воркуту, так как условно длительность этапа до Воркуты считается 5 суток (по 2 рубля в день). Если 15 рублей – то в Мариинские лагеря. Если 25 рублей – то в Колыму.

Мультатули и его приятель – врач Щиголь получили по 10 рублей, и они твердо знают, что их направляют в Воркуту. Поэтому их очень пугает «кирпичный завод». Имея «валюту», зашитую в кальсонах, Мультатули и Щиголь обзаводятся котелками. Деревянные ложки они умудрились стащить еще в Бутырской тюрьме. Таким образом, обеспечены всем необходимым. Владельцы котелков могут получать баланду и «добавок».

На следующий день подъем в 4 часа 30 минут. Всему этапу вместо этапных 800 гр хлеба выдают полновесную пайку в 1 кг. Кто имеет котелок, получает баланду. Объявляется начальник работ из зеков. Он разбивает этап на бригады и назначает бригадиров и десятников.

В бригадиры и десятники пробиваются только наиболее пронырливые заключенные. Таким оказался заключенный Когно, человек неопределенных занятий и с темным прошлым. Как только этап вышел из Котласа, конвой назначил Когно завхозом этапа. Вместе с конвоем он продавал продукты, предназначенные для этапников, вместе с ними пил и ел. Теперь Когно сразу же назначают десятником.

Наконец, этапников строят, и начинается первый «развод». В 5.45 всех выводят из зоны и подводят к инструменталке, которая находится вне «жилой» территории. В первый день получение инструмента проходит относительно спокойно. Никто не спешит и не толкается. Новоявленные зеки еще не знают, что пайка в значительной степени зависит от качества инструмента.

Наконец, все получили топоры, пилы, лопаты и ломы. Конвой опять пересчитывает зеков, строит по пятеркам. Зачитывается надоедливая молитва: «Лишенные свободы! Конвою подчиняться беспрекословно. Исполнять немедленно любое распоряжение. Ходить строем. Говорить шепотом. А то и совсем не говорить. Полшага влево или вправо считается побегом. Стреляем без предупреждения, а то и псов напустим. Понятно?». Зеки хором отвечают: «Понятно». Колонна двинулась.

Впереди идет здоровенный Косолапов из Нижневодска. Он умудряется кроме пайки доставать еще хлеб. Всю дорогу он громко «с выражением» газует. До места работы более 5 километров. На обширном болоте нужно выкорчевать пни. Бригадир разбивает бригаду на звенья по 5 человек. Вместе с Мультатули в звене – врач Щиголь, счетовод Козлов, «игрец» Косолапов и бывший политработник Мазур. Десятник объявляет, что пни мелкие и поэтому норма на человека – 20 пней. На звено в 5 человек – 100 пней.

Первый пень попадается чрезвычайно «упрямый». Все звено возится уже целый час и никак не может его выкорчевать. Никто из звена никогда не корчевал пней, да и вообще не занимался физическим трудом. Только один зек в юности работал физически. Поэтому становится специалистом «по топору».

Он с силой рубит корни, от чего у него вскоре появляются очень болезненные кровавые мозоли. А пень все стоит и не хочет вытаскиваться.

Наконец, через полтора часа пень осилили. Как же выполнить норму в сто пней? Как заработать пайку? После того как осилили первый пень, все устали, пропотели. Ноги промокли насквозь, так как вода в болоте по щиколотку. Когда рубишь топором, вода летит в рот, нос, глаза. После первого пня разделились на две группы. Мультатули и Щиголь в одной группе, остальные три в другой. Иногда соединяются вместе, чтобы общими усилиями вытащить подрубленный пень. 10-часовой рабочий день тянется нестерпимо долго.

К концу дня после тяжелой и утомительной работы звено выкорчевало только 20 пней. Следовательно, завтра оно получит только по 400 гр. хлеба на человека и вечером – «первый котел», то есть абсолютно жидкую баланду, без горстки клея-каши.

Зеки выходят из болота и начинают строиться. Строятся они долго потому, что колонна растянулась на большом пространстве. Насквозь мокрые ноги начинают замерзать. Вечером температура доходит до -15°. Несмотря на усталость приходится отстукивать чечетку. Все же ноги деревенеют.

Сбор, проверка и построение по пятеркам длятся целый час. Наконец, в 18.30 колонна быстрым шагом двигается в зону на «Кирпичный». Через час приходят, сдают инструмент. Снова счет по пятеркам, и зеки бегут получать баланду.

Ночью Мультатули уже не замечает, что дует из дырки в крыше, и засыпает мертвым сном.

На следующий день у инструмента столпотворение. Все стараются получить хороший инструмент. Топоры разрешают проносить в зону и хранить в палатке. Отныне те, кому попались хорошие топоры, кладут их под изголовье. Только урки, обладатели хороших топоров, кладут их не под изголовье, а под нары.

Мультатули попался плохой топор, но он также кладет его под нары. Через несколько дней урка «Косоглазый» разбушевался. Кто-то у него украл его хороший топор, который он положил под нары. Он ходит и проверяет у всех топоры и обнаруживает свой топор… у Мультатули. С ревом и отборным матом уголовник вырывает у него «свой» топор и в ярости замахивается. Мультатули успевает интуитивно сообразить, что бежать не надо, и плотно обхватывает «Косоглазого». Тот тщетно пытается вырваться из цепких объятий, однако на следующий день он становится приятелем Мультатули и даже достает ему хороший топор.

Через две недели корчевка пней на болоте закончилась. Во вторую неделю звено уже выработало норму. Стали лучше работать, к тому же и бригадир научился делать «туфту». Он завышал диаметр пней, и тогда норма уменьшалась до 10 пней на человека.

Заметно потеплело. Почти все зеки бригады получили полную пайку в 1 кг и «второй котел» – баланда была гуще, давали лишнюю ложку каши, и иногда перепадал кусок вареной трески с гнильцой.

Настроение у людей значительно улучшилось. Однако судьба зеков изменчива. После того как закончилась уже привычная работа на болоте, колонну перевели на другие работы – на пилораму и строительство дорог.

Мультатули и «игреца» Косолапова направили в звено, которое строило деревянную дорогу. Звено состояло из 5 человек. Трое из этого звена могли плотничать, поэтому распределение обязанностей быстро определилось. Плотники укладывали бревенчатую дорогу, а Мультатули и Косолапов должны были заготавливать бревна.

Норма на человека составляла 5 погонных метров, а на все звено – 25 п. м. При среднем диаметре бревен в 20 см. на каждый погонный метр приходилось заготавливать 5 бревен по 6 метров длиною. Всего для выполнения нормы звена следовало заготовить 125 бревен за рабочий день. Из одного дерева получалось только одно бревно. Следовательно, необходимо было свалить 125 деревьев, отпилить от каждого дерева 6-метровое бревно, срубить все сучки и отнести каждое бревно к строящейся дороге на расстояние 300-500 метров. Для выполнения нормы нужно было пробежать с грузом и без груза... 80-100 километров в день!

Норма была невыполнима. По глупости звено пыталось выполнить ее, так как все были нестерпимо голодны и жаждали получить полную пайку. Плотники даже помогали в подноске. Работали иногда по 12-14 часов. Но в лучшем случае норма выполнялась на 50-60%. «Туфта» была невозможна, так как дорога принималась по погонным метрам.

Все рабочие звена прочно сели на 400-граммовую пайку. Все кроме Мультатули начали понемногу «доходить». Он еще в Бутырской тюрьме, предвидя всякие неприятные случайности, установил для себя специальный режим и, укрепив мускулы, ухитрился «поправиться» на 10 кг. Таким образом, имел в себе НЗ (неприкосновенный запас) в 10 кг жира, что эквивалентно по калорийности 40 кг хлеба.

Положение казалось безысходным. Намечался прямой путь через слабкоманду в стационар, где предстояло быть одетым в деревянный бушлат с беспересадочным направлением к праотцам.

Но неожиданно в конце мая Мультатули вместе с товарищами по этапу из Котласа были вызваны «с вещами». Вновь конвой прочитал обычную «молитву», и этап направился из Чибью в Кожву.

Вначале все шли бодро. После каторжной работы на «Кирпичном» этап казался увеселительной прогулкой. Был полный разгар северной весны. Тайга украшалась свежей зеленью. Лесные птицы бесновались и устраивали великолепные брачные концерты. Конвой выдавал по 800 гр. хлеба и 1 селедку в день. Все этапники заметно приободрились и опять начали на что-то надеяться.

Мультатули и Щиголь чувствовали себя весьма уверенно и тоже надеялись на будущее, так как Щиголю удалось через лагерных врачей-зеков достать полпуда сухарей. Поскольку Щиголь носил кое-какие вещички, а Мультатули был повыносливее, он таскал мешок с сухарями. Но оптимизм зеков был преждевременным...

Проводники посоветовали конвою пойти к Кожве коротким путем через болотистую тайгу и чуть не погубили весь этап.

Через болото в тайге шла узкая тропка. Она была такой узкой, что почти все время этапники соскальзывали с нее и вязли по колено в болотном месиве. Люди, затрачивая невероятные усилия, двигались со скоростью менее километра в час.

Конвой нещадно гнал этап по 18 часов в сутки. За это время этап продвигался на 12 километров. А до Кожвы по этому «короткому» пути предстояло пройти 36 километров.

Мультатули приходилось особенно тяжело. Во-первых, он таскал полпуда сухарей, во-вторых, споткнулся и зашиб колено. Уже на второй день, после 6-часовой ночевки у костров, он брел самым последним и далеко отставал от всех. За ним ходил конвойный, молодой 20-летний парень.

Мультатули знал, что самое страшное – упасть. Конвойный на себе его не понесет, и, следовательно, он будет убит «за попытку к бегству».

По тропке он вообще уже не мог ходить и должен был все время вытаскивать то одну, то другую ногу из вязкой болотной грязи. К середине дневного перехода Мультатули чувствовал, что никак не может вытащить в очередной раз ногу из болота. Однако он вновь и вновь вытягивал то правую, то левую ногу из трясины. Он не слышал уже птичьего гомона, не видел тайги. Выключил все чувства, все мысли. Вся его энергия была подчинена отчаянному желанию использовать все возможные и невозможные запасы прочности организма для вытаскивание ног из болота.

К концу второго дня, когда Мультатули, израсходовав все свои физические ресурсы, решил лечь в болото, конвой объявил о второй ночевке.

Этапники заготовили топливо для костров себе и конвою. В первую очередь разожгли костер конвою, а затем по костру на каждые 10 зеков. Конвой назначил десятских, прочел молитву о том, что десятский отвечает за десяток, что вставать и отходить по нужде можно только с разрешения конвоя, напомнил о том, что стрелять будет без предупреждения, а если надо, то и собак спустит с поводка. Наконец, смертельно усталые зеки свалились у костров и заснули мертвым сном.

Рано утром следующего дня зеки двинулись дальше. Через несколько часов они еле передвигали ноги. Как и в предыдущие дни, Мультатули плелся далеко позади, и за ним устрашающе двигался конвоир с винтовкой наперевес.

Внезапно тропа и трясина кончились.

Далеко впереди простиралось заросшее травой и покрытое водой зыбкое болото. Оно казалось непрочным и пружинило при каждом шаге. На этом болоте клюквы было видимо-невидимо. Смертельно усталые зеки начали подбирать клюкву и тут же ее съедали. При этом зеки отходили больше, чем на полшага влево и вправо. Однако конвой не стрелял и позволил измученным зекам есть клюкву вволю.

Свершилось чудо. Чем больше клюквы съедали этапники, тем меньше чувствовалась усталость. Клюква казалась необыкновенно вкусной. Все тело наливалось бодростью и силой. Усталость как рукой сняло. Оставшиеся 6 километров прошли незаметно. Зеки подошли к барже, которая должна была по Печоре и Усе доставить их в страшную, далекую Воркуту.

Другие этапы, которые шли «дальней» дорогой, уже были в трюме баржи и заняли лучшие нары. «Клюквенный» этап, который выбрал «ближнюю» дорогу по болоту, пришел последним. Болото и клюква сроднили зеков этого последнего этапа, и в дальнейшем они долго держались вместе.

Всего на нарах в трюме баржи в страшной тесноте уместились 600 зеков. Из них около 350 имели высшее образование. Тут были инженеры, агрономы, учителя, врачи. Много лет спустя участники «клюквенного» этапа при редких встречах приветствовали друг друга словом «клюква».

Спецэтап. 1940 г.

Мультатули блаженствовал под душем в Бутырской тюрьме. Он злорадно смотрел, как смывались с его волосатого тела тысячи вшей. Тело распарилось от нестерпимо горячей воды. Он ещё и ещё раз уничтожал кипятком своих заклятых врагов. Наконец, выключил горячую воду и долго стоял под холодным душем.

Выйдя из душевой в противоположную сторону, он получил свое прожаренное тряпьё. Ему нравился и казался родным специфический запах тряпья, прожаренного в Бутырской дезинфекционной камере. В Бутырке тряпье прожаривали лучше, чем во всех тюрьмах и лагерях.

После полной очистки от вшей и двухмесячной грязи Мультатули проводили в один из каменных мешков Бутырского «вокзала». Там его вновь заставили раздеться догола. Один из «специалистов» тщательно обследовал все отверстия его тела. Другие два «специалиста» тщательно обследовали каждый шов его тряпья. Впрочем, с самого начала Мультатули добровольно отдал 300 рублей, которые тщательно зашил в укромном месте ватных брюк ещё в Воркуте. Эти деньги он пронес через все лагерные пункты, и ни комендант, ни конвой, ни урки не могли их обнаружить. Зато по прибытии в Кремлевию он мог пользоваться бутырской лавкой по крайней мере четыре месяца.

Наконец, обработка закончилась, и в полночь Мультатули втолкнули в камеру. Она была набита битком. Два ряда нар вдоль стены заполнены телами арестантов. Оба ряда нар соединялись щитами, которые ликвидировали проход между нарами, и в этом проходе также тесно лежали зеки. Мультатули досталось место на щитах у самой параши. Все сто арестантов камеры по дороге к параше переступали через Мультатули. Но он в родных Бутырках чувствовал себя, как в раю. Уже два месяца он не спал без верхней одежды в теплом помещении, на настоящем тощем Бутырском мате (эти маты уже год выдавали арестантам). Под голову Мультатули положил телогрейку и укрылся бушлатом. От блаженства, которое он ощущал каждым сантиметром своего тела, даже не смог сразу заснуть.

Он не воспринимал тяжелого смрада выделений сотни арестантов, он не чувствовал аммиачного запаха параши, когда очередной арестант перешагивал через него и снимал крышку с параши. Мультатули блаженствовал и думал о том, как относительны человеческие ощущения. Четыре года тому назад он впервые попал в Бутырку, проведя предварительно месяц в Лубянке.

Даже после месячного пребывания в чистилище Лубянского «приема» бутырская малонаселенная камера (всего-то в ней находилось около 40 арестантов) показалась ему адом. От параши исходил густой запах перестоявшейся человеческой мочи. Ночные выделения 40 арестантов делали воздух столь густым, что хоть топор вешай. Множество грязных ступней в тусклом свете камеры выглядели отвратительно. Два единственных окна в конце камеры усугубляли ощущение безнадежности. Оглушал дружный храп арестантов.

Тогда Мультатули еще не имел привычной «удобной» лагерной одежды: ватных брюк, бушлата, телогрейки. Он носил обыкновенный легкий штатский костюм. Матов в тот период не полагалось, и Мультатули никак не мог уснуть. Болели все кости. Прошел бесконечно длинный месяц, пока он приучился спать на голых нарах.

А теперь Мультатули по-настоящему блаженствовал в такой же камере, в которой было уже в 2-3 раза больше арестантов и можно было лежать только боком по соседству с парашей. Такова сила человеческой приспособляемости.

Перед его мысленным взором вновь промелькнули картины спецэтапа из Воркуты в Кремлевию. В 1939 году Третий отдел лагеря, после двухлетнего действия секретного меморандума, предписывавшего использовать Мультатули только на самых тяжелых работах, наконец, оставил его в покое. Он стал номенклатурным лагерным зеком. Проектировал транспорт угля для погрузки его на баржу, составлял нормировочники для Воркутского лагеря, был старшим нормировщиком, заведовал лабораторией лакотделения и даже проектировал промышленный комплекс «Воркута – Северный Урал».

Мультатули был расконвоирован, жил вне зоны и получал атэпэвский лагерный паёк. Он был сыт и носил лагерную «модную» одежду первого срока. Короче говоря, стал преуспевающим лагерным «придурком». В этих благоприятных условиях особенно сильно сказывалась тоска по воле и тоска... по женщине.

В августе 1940 года знакомый нарядчик из УРО (отдел учета и распределения зеков) по секрету сообщил Мультатули, что его должны препроводить в Кремлевию. Поскольку в 1939 году начался пересмотр «дел» и многих зеков (особенно долгосрочников – двадцатипятилетников) освобождали, лагерные приятели Мультатули после обсуждения целого ряда «параш» (слухов) единодушно решили, что его вызывают для пересмотра «дела» и освободят. Поэтому они надавали ему кучу поручений, и он денно и нощно зубрил адреса. Сам Мультатули относился к этому более реально и считал, что его вызывают в Кремлевию для использования в какой-нибудь ОТБ (особом техническом бюро).

В ту пору началась массовая организация ОТБ, в которых использовались зеки-инженеры. В особенности расплодились эти ОТБ во время войны и после ее окончания. В этих ОТБ были собраны множество известных и дельных инженеров – наряду с большим количеством совершенно неграмотных работников. Начальники в погонах, в подавляющем большинстве необразованные люди, конечно, не могли разобраться, кто пригоден и кто непригоден для исследовательской и проектной работы. Начальники не ошибались или редко ошибались только в том случае, если данный специалист был широко известен. Например, в одном из ОКБ работал известный авиационный конструктор – зек Туполев.

Впоследствии оказалось, что предположения Мультатули соответствуют действительности.

Перед тем как отправиться в этап, ему предстояло решить целый ряд проблем. Важнейшая проблема: он должен был устроить свою приятельницу Женю.

Женя прибыла в Усу с этапом из нижнего сельскохозяйственного лагпункта Кочмеса, в котором в основном работали женщины. Туда она попала вместе со многими другими подругами по несчастью из Темниковского лагеря. В этом лагере в 1938-1939 годах находилось около 1500 женщин. Большинство были жёнами высокопоставленных в прошлом работников: бывших наркомов СССР, союзных и автономных республик, бывших секретарей обкомов, бывших крупных военных работников, видных советских работников и работников промышленности. Вследствие ошибки аппарата там понадобились и обыкновенные смертные. Все они как «члены семей врагов народа» по постановлению «особого советника» были присуждены к семи и восьми годам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Полтора года эти женщины занимались только вышиванием и из мужчин видели одного коменданта. Хотя их силы таяли от скудного питания, многие из них (в основном еще нестарые, здоровые женщины) жаждали любви. Так как мужчин не было, то зачастую объектами любви оказывались... женщины. Возникало много лесбийских парочек.

Конечно, за полтора года в лагере успели обсудить все «дворцовые» сплетни всех союзных республик. Многие из этих сплетен знала Женя, которая также была «членом семьи врага народа». Мультатули познакомился с ней, когда его назначили старшим нормировщиком и, следовательно, высшим начальником бригады «членов семей врагов народа». Все эти женщины использовались на тяжелых физических работах и выполняли 3-5% нормы. Однако, Мультатули проставлял им по 150%.

Так как в лагпункте было мало женщин и много мужчин-«придурков», вскоре все эти женщины устроились на легкие работы, а самая эффектная из них – Айно Куусинен, жена известного государственного деятеля Куусинена, попала в санчасть. Только Женя не могла «пристроиться», так как решительно отвергала домогательства многочисленных «поклонников».

К августу 1940-го, когда Мультатули собирался в далёкий этап, он уже коротко познакомился с Женей и они стали закадычными приятелями. Хотя их тянуло друг к другу – они еще не были вконец истощены – до интимных отношений не дошло.

Пользуясь своим влиянием старшего нормировщика, Мультатули удавалось часто освобождать Женю от тяжелых работ, и в каком-нибудь укромном уголке в белые заполярные ночи они вели долгие беседы обо всем. Очень часто Женя уютно устраивалась у него на коленях, и белая ночь проходила совершенно незаметно.

Его поражали обширные, поистине энциклопедические познания Жени. Она особенно хорошо знала этнографию и библиографию. Владела несколькими языками. Обладала превосходным аналитическим умом. По мнению Мультатули, Женя принадлежала к немногим людям, которые трезво и объективно представляли себе политическое, социальное и экономическое состояние современного мира. Она обладала исключительной памятью и помнила все «дворцовые» сплетни, которыми обменивались «члены семей врагов народа» в Темниковском лагере.

Когда-то, будучи в сельскохозяйственной командировке, Женя познакомилась с «однодельцами» Мультатули Лелей и Павловой. За короткое время она узнала их лучше, чем он, который был с этими женщинами в приятельских отношениях ещё в Кремлевии.

Особенно преследовал Женю один «придурок» из клюквенного этапа – начальник лесного склада Лаврентьев. Он обжился в лагере, слыл отличным знатоком лагерных махинаций и правой рукой лагерных начальников, в том числе начальника лагпункта – капитана тайной полиции. До отправления в этап Мультатули нужно было обязательно спасти Женю, не допустить, чтобы она попала в когти Лаврентьева и прочих комендантов и нарядчиков.

За год до этого начальник планового отдела, высокопоставленный «придурок» зек Попандопуло угрожал спровадить Мультатули на общие работы и надеть на него деревянный бушлат. Этим он заставил его, по существу, изобрести зеркало. Дело в том, что Попандопуло обещал достать зеркало самой жене капитана тайной полиции. Та, в свою очередь, обещала ему три литра спирта. За три литра спирта Попандопуло способен был убить не трех зеков, а даже тридцать.

Мультатули в ту пору «заведовал» лабораторией лаготделения. Под угрозой физического уничтожения, ничего до этого не зная о производстве зеркал, он разработал технологию их изготовления. Ляпис, сегнетову соль, нашатырный спирт, серную кислоту и мел он достал в складе сангородка. Нужное оборудование было изготовлен кустарным образом.

В то время навигация по Усе, впадающей в Печору, длилась 1-2 месяца в году, а иногда Уса и вовсе не вскрывалась и в Воркуте использовались запасы предыдущего года. В числе дефицитных вещей были и зеркала. Толстые, раскормленные жены начальников-вольнонаемных, которые абсолютно ничего не делали, так как в их распоряжении было сколько угодно рабов из зеков, и любовницы высокопоставленных «придурков» высоко ценили зеркала. Самые красивые зечки, в свое время околачив-

шиеся в Кремлевии в «Метрополе» и получившие за «ПШ» (подозрение в шпионаже) 3 года ИТЛ, за временную любовь брали 25 рублей или зеркало.

Научившись делать зеркала, Мультатули стал монополистом. Только его с помощью какой-нибудь «придурок» – нарядчик или комендант мог добиться любви красавицы Князевой или другой ПШ. Пользуясь своей незаменимостью, Мультатули время от времени спасал какого-нибудь доходягу. Сунет нарядчику зеркало, тот купит разовую благосклонность Князевой – и, глядишь, доходяга переводится с тяжелых общих работ на какую-нибудь легкую «придурочную» работу.

Тем не менее летом 1940 года Мультатули уже не работал в лаборатории. Он вновь был назначен старшим нормировщиком лагпункта. В лаборатории работала очередная любовница Попандопуло, весьма некрасивая Ставская. Мультатули решил сделать большое метровое зеркало начальнику сангородка и поменьше – старшему нарядчику УРЧ (Учетно-распределительная часть. В Управлении лагерем все подразделения назывались отделами, а в лагпунктах – частями.)

Пришлось Ставскую научить делать зеркала. Они были изготовлены. Перед самым этапом Мультатули устроил Женю в сангородок. Там она благополучно просуществовала до своего освобождения в 1947 году. Вообще, работники санчасти, санотдела и сангородков жили – с точки зрения лагерных доходяг – великолепно и большей частью выживали.

В начале сентября 1940-го Мультатули вызвали с вещами. Всего в спецэтапе было 20 человек. Кроме того в Кремлевию направлялся этап сумасшедших. Их, по-видимому, везли в тюремную психиатрическую больницу, в Кострому.

Весь этап разместили в небольшой барже из-под цемента. Всем выдали зимнюю одежду первого срока: ватные брюки, телогрейку, бушлат, пару белья, портянки и кожаные лагерные ботинки. Просто франтовски приоделись! После передачи этапа конвою всё резко изменилось. Была прочитана обычная молитва о беспрекословном подчинении конвою, о том, что стрелять будут без предупреждения, и т. п. Выдали 4 кг хлеба и 5 селедок на 5 дней.

Баржа была маленькая, вся в цементе, и спецэтап мог разместиться, только сидя на корточках. Сумасшедших устроили посвободнее и получше на большей половине баржи.

Хотя «парадная» одежда была тут же перепачкана цементом, были приятные моменты. Вода за бортом – в неограниченном количестве. Возможность освободиться от жидкости – тоже неограниченная. Поэтому можно было без страха съедать всю выделенную конвоем селедку. Только по ночам стало уже холодно. Температура снижалась ниже нуля. Однако закаленные зеки прижимались друг к другу, плотно закутывались в телогрейки и бушлаты и ухитрялись, сидя на корточках, спать.

На цементной барже зеки ехали вниз по Усе трое суток. Соседями Мультатули оказались один врач из сангородка, бывший комбриг и гунн, национал-социалист, которого, как и всех подданных адольферовского рейха, после заключения пакта о ненападении направляли в Кремлевию, в Бутырскую тюрьму, откармливали до нужных кондиций, одевали в приличный костюм и высылали в Гуннию.

Каждый их этих соседей был по-своему интересен, и трое суток прошли быстро. Ниже Сивой Маски Уса стала, и дальше на барже невозможно было двигаться. Этап перевели на угольную баржу. Потом внезапно потеплело и начались холодные осенние дожди. Ночью температура вновь падала ниже нуля. В перерывах между дождями зеки снимали свою одежду, проветривали и сушили её, чтобы не замерзнуть ночью.

Через несколько дней конвой перевел, наконец, этап на крытую северо-двинскую баржу. Правда, с боков баржа была открытая. Зеки, не спавшие много ночей, заснули мертвым сном. День накануне выпал относительно теплый, температура была выше нуля, моросил дождь. Однако над головой была крыша. Закутавшись в бушлаты, зеки спали.

Среди ночи Мультатули проснулся от ощущения холода и пронизывающей сырости. Дождь с крыши баржи капал на то место, где он лежал (по-видимому, над этим местом в крыше был желобок). Ватные штаны и даже кальсоны были насквозь мокрыми. А температура упала уже намного ниже нуля.

Был единственный способ не замерзнуть: раздеться догола, быстро выжать всю одежду, в особенности ватную, проветрить и просушить её на морозе. Так он и сделал. Выжимание досуха тряпья было тяжелым трудом, и раздетый Мультатули не чувствовал холода. Пока же одежда проветривалась и сохла на морозе, он стремительно бегал по палубе. Места было мало, и бегать было неудобно. Мультатули начал замерзать. Вскоре он оделся, побегал в одежде и лег спать.

Этапу грозила опасность погибнуть от голода и от холода. Запасы хлеба и селедки у конвоя кончались, а вблизи не было жилых мест. Оставить этап конвой тоже не мог. В конце концов все запасы пищи закончились, и четверо суток конвой не выдавал хлеб.

У Мультатули был НЗ (кусок сала), и он им поделился с болезненным комбригом. Шакал-шкипер баржи за кружку кипятку брал рубль, но у большинства зеков не было денег, а Мультатули опасался на виду у всех доставать зашитые деньги. Зеки были в отчаянии. Но тут вернулись два конвоира, притащившие мешок чечевицы.

Конвоиры приказали оставить все вещи на барже и двинуться пешком вниз по Усе. Они раздали по 400 гр. чечевицы на нос. Мультатули все же потащил около 8 кг всяческой рухляди, в том числе книгу Беджера «Процессы и аппараты» и толстую «Органическую химию» Голле Мана. Из-за этого он впоследствии чуть не погиб.

Доведя этап до ближайшего леса, конвой сделал остановку. Разожгли костры. Котелки и ложки запасливые зеки имели и сварили по целому котелку чечевицы. Люди возвращались к жизни. Было тепло, желудок приятно полон. Однако до ближайшего лагпункта – Кочмеса предстояло пройти 45 километров. Запасов пищи уже не было, а переход нужно было сделать в один день.

Конвой поднял зеков и погнал их дальше. Дорога была скверная. Вновь потеплело, и пришлось месить грязь. Попадалось множество ручьев. Через них переходили по бревнам. На десятом километре Мультатули не удержал равновесие, упал с бревна в ручей и вымок до пояса. В ватные брюки набралось огромное количество воды, и, кроме этого, Мультатули тащил 8 кг. груза. Последние 15 км он еле переставлял ноги.

Мультатули плелся позади всех, и за ним неотступно следовал конвоир. Упасть нельзя было. Это означало конец. Все же он добрался до нар и, не раздевшись, мокрый свалился. Не слышал, как раздавали хлеб, баланду и кипяток. Не слышал, как утром все этапники встали и побежали за баландой.

Конвой сделал остановку на двое суток. На следующий день Мультатули проснулся поздно и обнаружил, что одежда на нем просохла.

Он решил разыскать Лелю, надеясь при её помощи захватить кое-какие запасы. Она ему многим была обязана. После ареста её мужа в Кремлевии Мультатули помог ей деньгами и устроил на работу.

В Бутырской тюрьме Леля не имела денег на лицевом счете и сидела на пустой бутырской баланде. В ту пору Мультатули стал «телеграфистом» камеры. Ему удалось наладить связь с женской камерой перестукиванием. Он брал в тюремной лавочке продукты для Филиппова, который не имел денег на лицевом счете, а жена Филиппова, сидевшая в одной камере с Лелей, брала продукты из лавочки для Лели. Помогал ей Мультатули и в этапном вагоне, куда попал вместе с Лелей. Правда, уже впоследствии он сообразил, что, возможно, обидел Лелю, не ответив на её нежности в этапном вагоне.

Против ожидания Леля встретила Мультатули относительно холодно. В какой-то мере подтвердились высказывания о ней Жени и Павловой. Леля сожительствовала с агрономом Кочмеса и при его покровительстве стала бригадиром.

Мультатули всегда считал Лелю симпатичной, умной и милой женщиной, однако члены её бригады были другого мнения. Многие её ненавидели за то, что она их сильно эксплуатировала и держала впроголодь.

В общем, встреча с Лелей, которую Мультатули считал близким человеком, не принесла ему того удовольствия, которого он ждал. Леля сытно накормила его, и они сравнительно холодно расстались. Мультатули даже не рассказал Леле о страшном конце Павловой, так как после всего услышанного не имел абсолютной уверенности в том, что Леля не стала стукачкой.

До Усть-Усы лагпункты попадались редко. День отдыхали только в Адзьва-Вом, где было организовано Управление по строительству железной дороги Котлас-Воркута. В основном ночевали в лесу, у костров. Как обычно, конвой разбивал этап на десятки и каждый десяток разжигал свой костёр. Назначенный десятский отвечал за десяток.

Переходы оказались длинные. Ходить было трудно. В Кочмесе и Адзьва-Вом спецэтап пополнился несколькими десятками молодых урок, молодых парней по 18-20 лет. Они шпарили по 6-7 километров в час, и сравнительно пожилые спецэтапники вынуждены были приспосабливаться к их темпу. К середине перехода «старики» еле дышали.

Наконец, этап пригнали в Усть-Усу. Там были нары в бараках, баланда и кипяток

Мультатули встретил в Усть-Усе знакомого врача Полянского, которого за какую-ту провинность выслали из Воркуты в Усу. Кстати, это спасло ему жизнь. Он был троцкистом, а эту категорию «контриков» весной 1938 года. в Воркуте уничтожали на знаменитой командировке «Кирпичный завод».

Полянский сытно накормил Мультатули специальными вкусными блюдами, которые повара стационара готовили для врачей. Мультатули с огромным удовольствием слушал рассказы Полянского из фольклора Усть-Усинского лагеря.

В Усть-Усе спецэтап посадили в трюм речного парохода и повезли вниз по Печоре в Нарьян-Мар. Там этап должны были перевести на морской пароход. В Нарьян-Мар прибыли вовремя. Печора стала. Расположился спецэтап на пристани.

Еще до этого Мультатули присоединился к группе зеков, которые должны были принести припасы (хлеб и селедки на 15 дней) для спецэтапа. Во время этого рейда он умудрился опустить в почтовый ящик заранее написанное письмо. Он также ухитрился купить по две пачки махорки на нос, что привело в неслыханный восторг всех зеков. Когда Мультатули объявил, что жертвует свои две пачки махорки, зеки его чуть не задушили в объятиях и тут же начали эти сокровища делить спичечными коробками. Впоследствии, на пересылке в Архангельске, Мультатули жестоко голодал и пожалел о своей ненужной щедрости.

На следующий день спецэтап и с ним 200 урок погрузили в трюм морского парохода. Опытные зеки сделали из селедки и небольшого количества растительного масла форшмак и уложили его в консервные банки. Ещё сидя на пристани, посушили хлеб и заполнили свои бесконечные мешочки сухарями. Однако ни побывать в бане, ни постирать свое лагерное белье не удалось. Урки «импортировали» несметное количество вшей.

В трюме было очень тесно. Расположиться можно было только «валетами»: ноги каждого зека упирались в бока соседа и наоборот. Свое тряпье зеки клали под себя. Стенки трюма были покрыты инеем. Температура трюма днем была плюс 3-4, а ночью, вероятно, ниже. «Туалет» – одно очко на 200 зеков, помещался наверху на палубе. Для того, чтобы попасть туда, нужно было 2-3 часа стоять в очереди. Вскоре среди зеков началась дизентерия. Теперь, чтобы справить нужду, необходимо было уже 6 часов ждать в очереди. Несмотря на то, что было только одно очко, конвой запускал по два человека, что, конечно, способствовало более быстрому распространению дизентерии.

Как только обнаружились признаки дизентерии, Мультатули отдал свой «форшмак» и питался только сухарями, запивая их минимальным количеством воды. Он сумел не заболеть.

Больше всего его изводили вши. Каждую ночь он подходил, перешагивая через тела зеков, к лестнице, которая вела на палубу, снимал рубаху, сплошь покрытую вшами, стряхивал их и затем охотился за каждой тварью в отдельности. Однако это мало помогало. Уничтожить миллионы вшей всего этапа, которые особенно возлюбили Мультатули, он не мог.

Беспокоил его и сосед – пахан. В спецэтапе были несколько женщин, в основном «члены семей врагов народа». Среди них особенно выделялась бывшая учительница Варя. Суровая лагерная жизнь не смогла лишить её нежной женственности. Несмотря на специфическую лагерную серость, отпечаток которой был на всех зеках, лицо Вари казалось очень милым.

Урки-паханы быстро распределили между собой женщин, и соседу Мультатули «досталась» Варя. Пахан этот был молодым здоровенным детиной. Он, по-видимому, уже давно не имел дело с женщинами и поэтому явно злоупотреблял возможностью использовать Варю. Так как ноги пахана упирались в бока Геймана, последний мог вести статистический учет чувственности пахана и днем, и ночью. Гейман даже изучил тембр подергивания ног пахана в «ответственные» моменты.

Между тем океанский пароход двигался по Печорской губе. Она была столь широка, что берега еле виднелись. Впереди два небольших ледокола прокладывали путь пароходу. Наконец, судно вышло в свободное от льдов Баренцево море. Сразу потеплело. Со стен трюма сошёл иней. Однако добавилась новая беда. Осеннее Баренцево море было неспокойно. Сильно качало. Многие страдали морской болезнью. Ко всем прочим «прелестям» добавился тяжёлый запах блевотины.

Варя тоже страдала от морской болезни. Однако молодой пахан не обращал никакого внимания на состояние Вари и с таким же рвением предавался любовным утехам.

Большая часть зеков была больна. Неспокойное море послужило причиной распространения «параш» о гибели многих судов с этапами. Рассказывали жуткие история о том, как суда забирало льдами и многие зеки умирали с голоду, после чего их выкидывали в море рыбам на съедение.

Между тем пароход понемногу двигался, вши стремительно размножались, и очередь к туалету неуклонно увеличивалась. Однажды, сильно рискуя, пользуясь тем, что конвой повернулся, чтобы закурить на ветру, Мультатули отбежал и бросил в почтовый ящик второе письмо. По существу, он рисковал жизнью.

Кстати, оба письма – одно жене, второе старикам – были получены. Жена не смогла приехать в Кремлевию на свидание, так как сама находилась вместе со всей семьей в ссылке, в Курганской области, а сестра Мультатули Бела опоздала на один день. За сутки до её приезда Мультатули угнали в этап на север. Он больше никогда не увидел сестру. В 1941 году она была уничтожена нацистами в Каменец-Подольске.

Здоровые урки днем и ночью сражались в карты. Незадолго до прибытия в Архангельск они «наказывали» одного «заигранного» здоровенного вора. Избивали его беспощадно. По нескольку человек одновременно били его ногами по животу, по лицу, по срамным местам. Ломали ему ребра. Слышался непрерывный жуткий, звериный вой избиваемого. Конвой не вмешивался. Наконец, «заигранный» замолк и превратился в безгласный труп. В Архангельске он вдруг воскрес!

Вообще, живучесть урок изумительна. Впоследствии этот «заигранный» попал вместе с Мультатули в одно «купе» столыпинского вагона. Оказалось, что он человек огромной силы. А били его маломощные, слабые от плохого питания молодые шкеты-кусочники, которым было по 18-20 лет. Мультатули спросил вора, почему же он не сопротивлялся. Тот ответил, что «заигранный» не смеет сопротивляться. Проигрыш обязательно должен быть уплачен, а если нет, то неплатежеспособного жестоко избивают и при сопротивлении убивают. Несмотря на тщательный обыск у шкетов-кусочников были ножи...

После прибытия в Архангельск зеков повели через город в пересыльный лагпункт. В городе стояла мягкая снежная зима.

Мультатули уже более четырех лет околачивался в лагерях и тюрьмах. Быт лагерей стал для него реальностью Нормальная городская жизнь казалась ему столь же фантастичной, как бытие каких-нибудь существ с другой планеты. Сквозь строй конвойных и собак он вглядывался в ставшие для него необычными лица и одежду прохожих горожан. Всё для него было ново и необычно: фасады домов, витрины магазинов. Вид относительно нормальной человеческой жизни растопил лёд защитного слоя безразличия, и Мультатули почувствовал, что его гложет обыкновенная человеческая тоска...

В пересылке этап погнали на санобработку. Однако чужого белья с чужими прожаренными гнидами не выдали. Прожарку лохмотьев произвели чисто символически при низкой температуре – лохмотья только замокли. На этот раз все этапные вши получили амнистию. Неполная шайка тепловатой воды не могла даже смыть грязь и нательных вшей. Провели медицинский осмотр – неизвестно для каких целей, так как все зеки отправлялись в конечные пункты следования вне зависимости от состояния здоровья. Осмотр проводила весьма миловидная женщина-врач, тоже из зечек.

Она брезгливо прикасалась к раздетым зекам, по телу которых ползали крупные жирные, откормленные вши. Сквозь слой вшей она зачем то прослушивала легкие, сердце. После завершения процедуры зеков погнали в бараки.

В пересылке было очень голодно. Баланды почему-то не полагалось. Давали только 600 гр. хлеба и кипяток. Предусмотрительный зеки за спичечную коробку махорки получали пайку хлеба. Мультатули только щелкал зубами. Спутник по этапу, национал-социалист Келлер раздразнил к тому же описаниями изготовления различных вкусных блюд.

Келлер был большим гастрономом, хотя у него была не в порядке печень и он с трудом пережил злоключения мучительного этапа. Он рассказывал, что одно из вкуснейших блюд можно приготовить из жирной собачины. Для этого мясо молодой жирной собаки нужно трое суток держать в морской воде... А Мультатули недоставало обыкновенного, ароматного, вкуснейшего лагерного хлеба.

Удивительно, но Келлер пребывал в благодушном настроении. Он бесконечно рассказывал о своей берлинской шестикомнатной квартире, наполненной бесконечным количеством вещей, мебели и всякими диковинными бытовыми приборами. Он так подробно рассказывал, как будет саморучно готовить всякие коктейли и одни пить через соломинку, а другие употреблять вперемешку с какими-то марочными винами, что у Мультатули текли слюнки.

Келлер до ареста был представителем гуннской фирмы, занимавшейся производством оборудования для кирпичных заводов. По совместительству он сообщал фирме о числе и мощности кирпичных заводов в СССР. Как все гуннские подданные, в Воркуте он не использовался на тяжелых работах и был завхозом одной из шахтерских бригад. Келлер считал, что его несчастья приходят к концу. Вскоре он возвратится в рейх, в свою комфортабельную квартиру и получит железный крест...

А Мультатули в одну прекрасную ночь оказался в Бутырской тюрьме у параши.

Там на следующий день арестанты узнали, что он старый лагерный волк. По неписанному закону ему предоставили одно из лучших мест на нарах около окна, закрытого железным козырьком.

Жизнь Мультатули стала великолепна. Одно удовольствие следовало за другим. Утром он получил свежую, приятно пахнущую пайку и полтора кусочка настоящего сахара-рафинада. Чтобы растянуть наслаждение, он мелкими глотками отпивал сладкий кипяток и заедал его настоящим, хорошо испеченным хлебом. В обед он медленно поглощал ароматную, неслыханно вкусную бутырскую пшённую кашу. Ее было мало, но ему дали ещё порцию.

В тюремной лавочке можно было брать продукты 2 раза в месяц на колоссальную сумму в 75 рублей в месяц. Мультатули удачно попал в камеру как раз в тот день, когда составлялись ведомости продуктов, которые зеки должны были назавтра получить в лавочке.

Он заказал хлеб, колбасу, сахар, селедку, копчёную рыбу и... маргарин, так как сливочного масла в бутырской лавочке не было. От одного только предвкушения грядущего многодневного пиршества Мультатули ощущал головокружение.

Увы, наслаждался он только один день! Далее наступила расплата. После приёма определённой дозы маргарина у Мультатули, чей желудок отвык от жиров, начался сильнейший понос. По неписанному закону, парашей можно было пользоваться только по малой нужде. Разве что в исключительном случае камера разрешала использовать парашу при «серьезной» надобности. При этом страдалец должен был вне очереди тщательно помыть парашу в санузле. Мультатули, конечно, разрешили бы. Но как лагерный ветеран он сам не мог разрешить себе отравить и без того «густую» атмосферу камеры.

Тюремные надсмотрщики водили обитателей камеры в санузел только два раза в сутки по неопределённому движущемуся графику. Иногда первый выход приходился на 6 часов утра, а второй наступал перед поверкой в 9 часов вечера – перерыв достигал 15 часов. В этом отношении тюремная администрация была непреклонна.

Страдания Мультатули стали ужасающими. По существу, это было хуже любой пытки. Давление газов отдавалось во всех жизненных органах. Возникла какая-то специфическая головная боль. К концу дня он уже стоял у двери, согнувшись в три погибели, чтобы первым попасть в туалет...

Но всё в нашей вселенной, – кроме самой вселенной – имеет конец. Мультатули выздоровел и уже более умеренно наслаждался поглощением пищи.

За это время он уже успел удовлетворить любопытство сокамерников, которые ожидали отправки в лагерь. День его был предельно заполнен, так как кроме выполнения многочисленных процедур: подъем, приведение в порядок нар, гимнастика, получение пайки, сахара и кипятка, завтрак, обед, пребывание 2 раза в день по часу в туалете, проверка и т.п. – Мультатули получил книги из довольно приличной бутырской библиотеки и много читал.

В свою очередь, он, попав в столицу, узнал много важных новостей. Самая интересная заключалась в том, что обращение с гуннами, предназначенными для отправки в рейх, круто изменилось. До этого их пребывание в Бутырках отличалось необычайной роскошью. В камере их было не более 12 (тмутараканских зеков размещали по 100 человек!). Им предоставляли шикарные кровати с панцирными сетками, а также постельное бельё, нательное бельё, полотенца. Кормили, как в первоклассном санатории. И вдруг их перевели на нормальный бутырский пищевой режим!

Не поняв ничего, гунны объявили голодную забастовку. Тогда их распределили по нескольку человек в обычные перенаселённые бутырские камеры. Эти гунны в рейх не попали. Такие изменения навели Мультатули на глубокие размышления, результат которых будет приведен ниже.

Узнал он также – в деталях – причину его вызова в Кремлевию. Оказывается, уже несколько месяцев из лагерей привозили в столицу инженеров, в основном проектировщиков.

В камере, где он находился, побывало уже несколько таких специалистов. Обычно через неделю их вызывали без вещей. Вталкивали в «конверт». Тут стоит объяснить, что «конверт» – это автомашина с двумя рядами очень тесных кабинок. В кабинках зеки сидят так, что колени упираются в подбородок. По узкому проходу ходит вооружённый оперативник. Кабинки, конечно, все заперты. Дверь в кабинки решетчатая – чтобы все зеки просматривались. Когда машину трясёт, колени бьют по челюсти.

Поездка в «конверте» интересна, но лишена приятности. В «конверте» привозят на Лубянку. Ведут на 7-й этаж. Кинуться головой вниз нет никакой возможности, так как на всех лестничных маршах установлены решётки.

На 7-м этаже зеков приводят в маленькую комнатку, группами по три человека. После ожидания – от одного до пяти часов – заводят по одному в огромный кабинет. За большим двухтумбовым столом сидит важный чин в военной форме. На петлицах три ромба. Перпендикулярно к столу поставлен длинный стол. В конце этого стола сидит чиновник средних лет, одетый в элегантный штатский костюм. Чин с тремя ромбами – начальник технического отдела ГУЛАГа. Он задает всем зекам, отбираемым в ОТБ или ОКБ, стандартные вопросы.

Первый вопрос: «Будете ли вы с нами работать?» Затем следуют обычные анкетные вопросы о месте рождения, национальности и т.п.

Где учился – в средней школе, высшей школе? Наконец, последний вопрос аналогичен первому: «Будете ли Вы с нами работать, и относитесь ли Вы лояльно к вохровской власти?». Вся процедура длится 7-8 минут. Затем звонок, является оперативник и уводит зека в маленькую комнату для ожидания. Когда все опрошены, вновь – в «конверт» и в Бутырскую тюрьму.

Через 3-4 дня вызывают с вещами и, по-видимому, увозят в соответствующее ОКБ или ОТБ.

Ровно через неделю после прибытия Мультатули в Кремлевию его вызвали без вещей. Всё было в точности так, как рассказали сокамерники. В маленькой комнате Мультатули сидел ещё с двумя зеками и ожидал, пока его поведут к чину с тремя ромбами. Все трое перезнакомились.

Одного спутника Мультатули привезли из Норильского лагеря. В прошлом он был главным инженером завода удобрений в Донбассе. Вскоре после ареста его поместили в лифт раздетым догола. В январе в этот лифт подавали вентилятором воздух с улицы в течение 24 часов. Впоследствии специалисту по удобрениям отбили почки и привезли в лагерь распухшим. Несколько месяцев он был на диете из сухарей, и ему не давали воды. Хотя этот огромный человек не умер, но выглядел крайне болезненным даже через три года после «экспериментов», в которых он был подопытным животным.

Второй кандидат в шарашку не успел рассказать свою тюремную одиссею, так как Мультатули повели к человеку с тремя ромбами. Первую минуту всё шло в соответствии с рассказанным в камере. Когда Мультатули сообщил, что родился и учился Нижневодске, всё пошло иначе. Чин с тремя ромбами выразил сомнение в том, что в Нижневодске существовал политехнический институт. В ответ Мультатули начал рассказывать историю эвакуации Рижского политехнического института в Первую мировую войну, но чин с тремя ромбами нажал на звонок, и оперативник увел арестанта.

Анкетный допрос Мультатули длился не 7-8 минут, а 3-4. Мультатули так никогда и не узнал, что не понравилось в нём чину с тремя ромбами: его нос или то, что он родился в Нижневодске, – а, может, оба этих недостатка.

Через три дня Мультатули не вызвали с вещами. Не вызвали его и через три недели. Примерно через полтора месяца его перевели в этапную камеру, в бутырскую «церковь», и 21 января 1941 году молодой конвоир с помощью известного приема «колено в зад» впрессовал его в купе столыпинского вагона. Мультатули не растерялся, влез на полку и втерся селёдкой в уже плотное население «второго этажа».

Изобретение вагона для транспортировки арестантов приписывают Столыпину – министру внутренних дел в период царствования Николая II. По своему общему устройству столыпинский вагон – такой же, как обыкновенный купированный вагон, и состоит из 6 купе и длинного коридора. В коридоре обыкновенные вагонные окна, но в них вмонтированы решётки. Двери «купе» – тоже железные, решётчатые. Внизу – лавки с проходом. На втором этаже – сплошные нары с вырезом посередине по ширине нижнего прохода. Вырез сделан у решётчатых дверей для того, чтобы «верхнее» население могло соскакивать вниз.

Напротив решётчатой двери – над вторым этажом – небольшое решётчатое окно размером примерно 50х30 см. Над вторым этажом расположены две узкие «багажные» полки.

В такое купе конвоиры вышеуказанным способом запихали 28 зеков. Наиболее ушлые пассажиры выбрали узкие «багажные» полки, где располагались по два «валетом».

На этих полках зеки располагались по барски, однако там было нестерпимо душно и переносить эту духоту в течение нескольких недель могли только самые молодые. На втором этаже «селедками» вместе с барахлом располагались 9 зеков, обязательно головами к решётчатой двери. На нижних лавках располагались по 5 зеков с пожитками. В проходе между лавками сидели на «сидорах» еще 5 зеков. Таким образом, весьма комфортабельно в купе располагались 28 человек. Бывалые зеки рассказывали, что в купе набивали и более 30 арестантов.

Состав «купе» оказался довольно квалифицированным: Алкснис – бывший начальник моботдела наркомата обороны, Кушев – бывший начштаба у Жукова во время операции при Халхин-Голе, бывший комдив Смирнов, бывший начальник радиоуправления, какой-то одноногий, очень желчный бывший комбриг, бывший главный механик наркомата среднего машиностроения, два политэмигранта-итальянца, бывший главный интендант при Блюхере, старенький профессор из Баку, два бывших пленных, вернувшихся из Суомии, – офицер и солдат. Как всегда, в такую блестящую компанию попал молодой урка, который блаженствовал на верхней багажной полке.

Вначале всё население «купе» не могло ни усесться, ни улечься, но затем все «утряслись». Стоял сплошной гул: когда говорили сразу 28 человек, только ближайшие соседи могли слышать друг друга. Конечно, конвойный ничего кроме общего гула не слышал. Он следил в основном за одним – чтобы одновременно не курили больше одного зека. Как-то закурили сразу двое. Первым – бакинский профессор. Конвоир снял пистолет, отдал его своему напарнику, отомкнул решетчатую дверь и ключами начал бить по костяшкам рук старичка.

Опытные лагерники, в том числе и Мультатули, не ели селедки и пили минимальное количество воды. Конвой приносил пару вёдер воды два раза в день. Кто имел кружки, зачерпывал оттуда и пил. Плохо было, конечно, тем, кто не имел кружки. Бакинский профессор по неопытности в первый день поел селедку и выпил около литра воды. Водили в туалет только утром по одному человеку на 2-3 минуты. За эти 2-3 минуты нужно было успеть сделать всё. Бакинский профессор не смог, конечно

дождаться до следующего утра. Ранее он наполнил мочой кружку, а затем... штаны. Так же пострадали и другие неопытные люди.

Соседом Мультатули оказался Алкснис. Он был арестован в конце 1938-го, после соответствующей обработки получил 15 лет и был послан в Мариинские лагеря. В 1940-м его вновь привезли в Кремлевию, и он получил «добавку» в 10 лет. Алкснис был исключительно эрудированным человеком. До того как его назначили начальником моботдела, он работал профессором Академии Генерального штаба. Отлично знал военную и гражданскую промышленность – в той мере, в которой вообще один человек мог быть знаком с такой всеобъемлющей сферой.

Перед арестом Алксниса Виссарионов поручил ему проинспектировать несколько военных округов. Тот изучил ситуацию и представил объективный доклад. В результате оказался соседом Мультатули в купе столыпинского вагона...

Ещё в Воркуте Мультатули познакомился с помощником Алксниса, бывшим князем Ордынским. Князь получил блестящее военное образование. Кстати, его рассказы почти совпадали с тем, что сообщил Алкснис.

Несколько недель, которые провели совместно Мультатули и Алкснис, были заполнены до предела совместными беседами, и каждый из них обогатился важной информацией. Самой животрепещущей темой была возможность вовлечения Тмутаракании в войну. Мультатули сообщил Алкснису о том, что гуннов больше не выпускают в рейх. Алкснис отметил печальное положение с военными кадрами (после их массового уничтожения в 1937-1938гг.), значительное отставание авиации по техническим показателям, печальное положение с мобзапасами, которые он обнаружил при инспектировании. Всё это, а также намеченные мероприятия по ликвидации этих проблем и тупик гуннского рейха в войне с Саксией привели собеседников к выводу, что война для Тмутаракании неминуема в текущем 1941 году. Алкснис даже назвал дату: июнь – за полгода до нападения Гуннии! Он оказался пророком.

11 февраля зеков привезли на станцию Весляны железной дороги Котлас-Кожва и передали этап 11 лагпункту Усть-Вымлага. Стояли жестокие сорокаградусные морозы. Рано утром этапников погнали на работы. Мультатули попал на штабелёвку леса. Истощенный, обессиленный, в ботинках не по сезону, он проделал 8-километровый переход от 11 лагпункта до места работ.

Возчики не давали ни минуты передышки. Они всё подвозили и подвозили брёвна. Нельзя было задержать возчиков, а главное – лошадей (потому что 1 лошадь эквивалентна 5 зекам) ни на минуту. Приходилось непрерывно поднимать тяжёлые брёвна и раскатывать их по убийственно длинному штабелю. Наконец, бесконечный 10-часовой рабочий день кончился. Конвой опять гнал зеков 8 километров – обратно в зону.

Кончились «спецэтапы». Опять начиналась «нормальная» лагерная жизнь.

Алкснис умер во время войны в Усть-Вымлаге, в Княжпогосте. Умирал он долго и мучительно. Был уже типичным «доходягой». Кушев, по-видимому, по протекции Жукова в начале войны был освобожден. Он тоже стал «доходягой» и неминуемо погиб бы, но его спас земляк, который пробрался в хлеборезы. Он устроил туда и Кушева, уже истощенного, покрытого вшами.

После вызова на освобождение Кушева обмыли, одели и самолетом отправили в Москву. Вскоре зеки узнали о производстве Кушева в генералы. В сводках часто упоминалось об успехах войск генерала Кушева. Так же, как Рокоссовский и другие, он удостоился звания Героя.

Про Смирнова говорили, что он стал стукачом. После окончания войны его освободили.

Пеллагра

Воскобойников очень хорошо относился к Мультатули. С тех пор как Мультатули после завершения спецэтапа в Кремлевию привезли в Усть-Вымлаг, он был очень одинок. Его перебрасывали с одной работы на другую. Работы были тяжелые. Штабелевка, разгрузочно-погрузочные работы на лесной бирже, дорожные работы.

Зима стояла суровая, а Мультатули не имел валенок. Он все еще был обут в лагерные ботинки, полученные в Воркуте при отправке в спецэтап. Ноги всегда мерзли, и приходилось часто отогревать ступни у костра, что не давало возможности заработать пайку. Однако большей частью работа была повременная, и Мультатули получал 600 гр. хлеба и «второй котел».

При переводе с одной работы на другую приходилось перетаскивать «шмутки» и каждый раз устраиваться в новом бараке. Люди менялись словно в калейдоскопе. Как-то Мультатули вызвали «с вещами», и он был переброшен с 10 лагпункта на 8-й лагпункт. Там-то он встретил Воскобойникова, который занимал место на нарах неподалеку от него. Воскобойников выглядел благообразным старичком. Было ему лет 55...

Он участвовал в революционном движении и в царские времена сидел в тюрьмах. Родился и жил в Малоскифии в каком-то небольшом местечке. Учился в хедере. Затем работал столяром и одновременно занимался самообразованием. Революция освободила его из тюрьмы. До 1937 года был партийным функционером и занимал довольно видные посты.

Хотя он был неглупым человеком, но считал, что в лагерь попал случайно. А, может быть, хитрил с Мультатули.

В лагере Воскобойников работал столяром и имел свой уголок в столярке. В нее он вскоре и переселился из барака на постоянное жительство, благо столярка находилась в зоне. Соорудил себе топчан, столик, табурет и роскошно жил в своем «особнячке». По его словам, он получал посылки. Действительно иногда отдавал Мультатули свою баланду и пайку.

В «особнячке» Воскобойников частенько вел беседы с Мультатули, главным образом, в редкие дни отдыха, которые полагались раз в 10 дней, если эти выходные не отменяли. Беседы велись на темы по тем временам весьма опасные.

Как-то товарищи по бригаде предупредили Мультатули, что Воскобойников – стукач и часто ходит к «куму». Мультатули усомнился. Однако, факты подтверждали, что Воскобойников действительно стукач. Однажды он был застигнут в уборной, когда писал донос. Его накрыли одеялом и сильно избили, а донос забрали.

После этого Мультатули реже встречался с Воскобойниковым. Его не очень испугало то, что Воскобойников оказался стукачом. Почему-то он был уверен, что Воскобойникова заставили сотрудничать и тот доносит по «обязанности». И в самом деле на Мультатули Воскобойников не доносил. Но радикальные беседы прекратились.

От баланды и паек хлеба Мультатули также отказывался, заявлял, что сыт. Мультатули подозревал, что «посылки» Воскобойников получает от третьего отдела за свою стукаческую работу.

Вновь Мультатули, живя в густонаселенном бараке и обмениваясь потом и грязью с лежащими справа и слева соседями, стал, по существу, одинок. Но внезапно появился просвет.

Начальник подсобных предприятий 8-го лагпункта зек Никифоров, получив от кого-то сведения, что Мультатули – инженер-химик, назначил его заведующим смолокуркой и дегтеваркой.

Это означало 800 гр. хлеба в день и третий котел, то есть немного больше баланды и каши, а иногда даже кусок рыбы (соленой трески годичной давности) или кусочек солонины (20-30 гр.). Это означало отдых от тяжелой работы. Это означало быть под крышей. Это означало, что ноги, обутые в ботинки, не будут мерзнуть. Это означало возможность перехода в барак, где нары устланы по вагонной системе и, следовательно не надо будет обмениваться потом с соседями справа и слева.

Все же Мультатули чувствовал себя не в своей тарелке, так как никогда не интересовался смолокурением и производством дегтя. Пришлось незаметно учиться у рабочих. Дня через два Мультатули начал постигать «секреты» этих промыслов, организованных весьма кустарно и на низком техническом уровне. Он уже наметил кое-какую рационализацию, но через 5 дней нарядчик вызвал его «с вещами» и Мультатули вновь был направлен в этап на 5-й лагпункт «мамок».

Бóльшая часть «зечек» старались забеременеть.Это давало ряд преимуществ: 3-4 месяца можно было не работать. Питание было чуть получше.

Случаи беременности у зечек наблюдались очень редко. Сближавшихся зечек и зеков уличали в нарушении лагерного режима, сажали в изолятор на 250 гр. хлеба, и, что намного хуже, на 200 гр. воды в день – а через месяц выпускали из изолятора и ослабевших переводили на самые тяжелые работы. Для некоторых зеков романтическое приключение кончалось «деревянным бушлатом», зечки же, как правило, выживали. В редких случаях они беременели, и тогда их переводили в «мамки».

В Усть-Вымлаге эти «мамки» содержались на 5-м лагпункте. Обычно в три-четыре месяца грудных детей переводили на искусственное питание и затем сплавляли в Архангельск.

На этот лагпункт «мамок» начальник 8-го лагпункта и спровадил Мультатули и многих других зеков. Этот энтузиаст хотел доказать, что не уменьшая на его лагпункте объема производства сельскохозяйственных продуктов, которые предназначались для «вольнопленных» (вээков) служащих лагеря, он в порыве патриотизма может также способствовать увеличению объема лесозаготовок. Вот таким-то образом «сознательность» начальника способствовала тому, что Мультатули и другие зеки стали лесорубами.

Из новоприбывших сколотили бригаду, назначили бригадира и передали конвою. За зоной всех снабдили топорами и лучками. До участка, где производился повал, было сравнительно близко – 3 километра.

Бригадир сколотил звенья по 2-3 человека. С Мультатули никто не хотел работать. Во-первых – ханаанец, во-вторых – «прохфессор». Десятник распределил всех по участкам и ушел.

Бригадир начал учить Мультатули искусству лесоруба. В основном учение состояло из густого мата. Однако, в перерывах между выбросами мата Мультатули понял, что необходимо усвоить несколько правил.

1. Счистить снег с дерева, так как высота пня должна быть не выше 10 см. Снег нужно расчистить так, чтобы был обеспечен полный ход лучка.

2. Из «хлыстов» следует напилить либо пиловочник, либо шпальник, либо дрова. Длина каждого из сортов должна быть соответствующей. Для определения длины следует срубить палку и сделать метр. В случае нарушения размеров – «кандей» (карцер).

3. Сучки должны быть обрублены заподлицо.

4. Все отходы надо сжигать. За обнаруженный мусор или если пень будет выше 10 см – «кандей».

5. Весь лес должен быть заштабелеван.

6. Лучок следует держать так-то. Следует опасаться, чтобы лучок не был зажат деревом. За поломку «полотна» лучка – «кандей». После того как бригадир проинструктировал Мультатули и ушел, тот остался один на один с «хлыстами». Топором Мультатули владел и подруб сделал быстро. Однако лучок не пилил. Мультатули еле-еле протаскивал его. Через полчаса совсем обессилел.

В конце концов полотно лучка зажало деревом. Подошел бригадир. Снова мат. Бригадир был из крестьян. «Как же ты жил всю жизнь?» Мультатули с горя попытался было объяснить бригадиру, как он устал. Что-то пробормотал о том, что он, мол, проектировал заводы. Бригадир только презрительно посмотрел на него и велел держать топор у запила. Затем нашел дрын и дрыном забил топор в распил. Лучок освободился, и можно было продолжать пилить дерево.

Бригадир ушел.

Мультатули, наконец, спилил первую сосну. Сучки и суки срубить было легче. Топором он научился владеть, еще когда корчевал пни на болоте в Чибью. Вторую сосну Мультатули тоже спилил с большим трудом. Надо было начать жечь сучки и вершины. Спичек у него не было. До ближайшего зека-лесоруба было метров 400-500. Ходить надо было по целине. Достав огонь, Мультатули начал разжигать костер. Однако сырая древесина никак не хотела гореть. Всё-таки с большим трудом костер был разожжен.

Пока Мультатули свалил третью сосну, костер снова потух. Вновь он пошел за огнем.

К концу дня Мультатули спилил 5 хлыстов, а сучки не были сожжены. Десятник обещал на следующий день, если сучки не будут сожжены, посадить в кандей. Бригадир смеялся. «Эх, ты, прохиндей, разве сырые сучки горят? Сушняк надо заготовить». Мультатули еле плелся, а норма была выполнена только на 10%, так как сосны были худоваты и «кубатуры» не давали.

На следующий день пайка составляла только 400 гр. «Еще благодари, х…сос, что не получил штрафной – 250 гр хлеба», – с этими словами бригадир передал Мультатули 400 граммовую пайку. Мультатули плотно засел на 400 гр. и первый котел. Он и мечтать не мог получить больше этого: чтобы получить 600 гр. хлеба и второй котел, надо было выполнить норму на 75%. Некоторое время он держался за счет того, что продал простыню и одеяло за 5 кг. хлеба. Затем предстоял прямой путь в доходяги, а затем – деревянный бушлат...

Его спас счастливый случай.

В санчасти работала жена одного из Косиоров – известных партийных и советских деятелей. Она имела формулировку:«Член семьи врага народа» и 7 лет срока.

Кто-то ей сказал, что Мультатули был в Воркуте, когда там находился один из братьев Косиоров. Мультатули рассказал ей о судьбе этого Косиора и при каких обстоятельствах его расстреляли. С тех пор она ему каждый день носила свою пайку хлеба – 600 гр. Таким образом, он съедал в день 1 кг. хлеба, и дистрофия ему уже не грозила.

Однако жизнь была тяжелая. Мультатули понял, что норму можно выполнить только в том случае, если валить деревья «толстые» – большого диаметра. Массу времени надо было затратить на расчистку снега, рубку сучков и сжигание. На эти операции в случаях и тонкого, и толстого хлыста надо было затратить одинаковое количество времени, а разница в «кубатуре» получалась огромной. В конце концов десятник выделил Мультатули участок с «толстыми» хлыстами.

Но на первом же хлысте Мультатули застрял. Диаметр комля оказался больше просвета рамы лучка. Мультатули вынул лучок и в раздумье стоял у дерева.

В это время инспектор КВЧ (культурно-воспитательная часть) ходил по участку с одной из «мамок» и вдохновлял зеков-лесорубов. Этот инспектор-придурок – урка, здоровенный, краснощекий малый, отъевшийся на хлебах зеков (эти придурки и в хлеборезке, и в столовой становились своими людьми и ели досыта) – был большим энтузиастом и патриотом. Он закричал: «Что же ты, контрик, не пилишь, срываешь план! Опять взялся за саботаж и вредительство?» Мультатули пробормотал, что деревья такого диаметра лучком не спилить. «Эх ты, контра, ничего-то ты не умеешь».

Мультатули решил его подзадорить, так как понял, что тот захочет покрасоваться своей силой и уменьем перед «мамкой». «Вы тоже не сможете лучком свалить этот хлыст». Придурок скинул бушлат, подпилил, и сосна рухнула, вздымая тучу снега.

Все же Мультатули так и не смог выполнить норму, хотя научился и пилить, и рубить, и сжигать старые сучья и вершины.

Вскоре его направили обратно на 8-й лагпункт. По-видимому, план лесозаготовок был подтянут, а зеков-работяг начальник сельскохозяйственного лагпункта не хотел терять. Неожиданно Мультатули назначили заведующим кирпичным заводом.

Кирпичный завод был построен по схеме, применявшейся еще при царе Горохе. Зимой глина месилась вручную в ящиках ногами людей. Летом глину месили копытами лошади, которую гнали по кругу, укорачивая или удлиняя ремень, привязанный к центральному столбу. Глину накладывали лопатами на носилки и разносили по столам формовщиков. Кирпич формовали в деревянных формах. Сформированный кирпич ставили на доски по 6 штук. Эти доски клали над отопительными трубами.

Отопительные трубы и столы формовщиков располагались в длинном деревянном сарае. Недалеко от сарая располагалась напольная печь на 10 тыс. штук кирпичей.

Кирпич-сырец на «козах» зеки относили и делали кладку в печи. Глину добывали тут же недалеко в карьере.

Мультатули никогда не занимался и не интересовался производством кирпичей.

Кирпичный завод был расположен в «зоне оцепления» за рекой Весляной. Конвой сопровождал зеков до парома.

Со смутным чувством Мультатули шел в первый день к парому. Какая-то лихая зечка затянула, стоя на переполненном пароме, «Страдание». Напев «Страдания» каким-то образом гармонически сочетался со смутным настроением Мультатули, и всё: паром, шустрая зечка, река Весляна, конвой, свучавшая мелодия, наступающее лето, видневшийся вдали кирпичный завод, надежда на скорое освобождение (теоретически 2 сентября кончался срок), неопределенность перспектив «руководства» неизвестным кирпичным заводом – всё это сливалось в одно цельное художественное полотно и казалось, что всё это естественно и так и должно быть.

Среди зеков, работавших на кирпичном заводе, урки отсутствовали. Большинство было из крестьян. Бывший заведующий Платонов, которого перевели на работу формовщика, говорил Мультатули, что его сняли за то, что он плохо «плентовал».

Очаровал Мультатули формовщик Петров. Он еще в юности стал сектантом-евангелистом. Ему уже шел шестой десяток, но он все еще был крепким мужчиной. С работой справлялся относительно легко и всегда старался помочь наиболее слабым. Иногда отдавал им часть пайки и баланды. Был он всегда ровным, никогда не раздражался. К людям относился весьма снисходительно. Несмотря на малограмотность он в вопросах морали был намного выше многих «культурных». Петров, видимо, очень напоминал первых евангельских христиан.

На воле ему случалось вырабатывать кирпич. В лагере он занимался этим только летом «на плацу» Петров много рассказывал о своей жизни в деревне, о евангелистах и даже пытался «спасти» Мультатули, всячески убеждая его в том, что верующие живут счастливо, поскольку уверены в настоящем и будущем. Как уверял Петров, евангелисты в большинстве своем хорошие люди. Было очевидно, что он глубоко верит и убеждения его твердые и искренние.

Петров вскоре убедился, что Мультатули не удастся «спасти», но продолжил относиться к нему ровно и дружественно. Петров много рассказывал о деталях кустарного кирпичного производства. Вскоре Мультатули усвоил нехитрые способы производства кирпичей. Он улучшил технологию добычи глины в карьере.

На этом кирпичном заводике выпускали много брака, что было одной из причин снятия Платонова. В значительной части брак получился из-за наличия в глине известковых включений. При обжиге кирпича происходила диссоциация известковых включений, и выделяющий углекислый газ образовывал много капиллярных трещин. Кирпич с такими трещинами был хрупок.

Некоторые формовщики производили формовку небрежно, и не получались углы. Обжиг вели неправильно. Глина месилась недостаточно качественно.

Времени у Мультатули было много, заводик был маленький, и можно было все эти недочеты исправить. Качество кирпича улучшилось. Все зеки начали получать полную пайку и третий котел.

Коллектив был дружный. Только один «обжигайла» Желтов вносил диссонанс. Желтов, маленький хитрый мужичок, был честолюбив. Он считал, что его обидели. Он, мол, лучший знаток кирпичного производства, а потому должен быть заведующим. В свое время он устраивал всяческие каверзы Платонову. Поговаривали, что он «стукач». Мультатули решил убрать его с обжига, который был самым ответственным участком. Присмотревшись и освоив и эту простую операцию, Мультатули перевел Желтова в формовщики, где было легче за ним следить.

Жизнь Мультатули наладилась. Больше его не перебрасывали с места на место. Жил он в бараке с рабочими кирпичного завода. Можно было оставлять там пайку и портянки – эти необходимые вещи не исчезали. На 8-м сельскохозяйственном лагпункте баланда и каша были более вкусными и питательными, чем на лесных лагпунктах.

Срок кончался. Мультатули в переписке с женой уже выяснял возможность переезда в Курганскую область, где его семья находилась в ссылке, после того как в 1938 году ее выслали из Кремлевии. Он уже подсчитывал, сколько еще дней его будут кусать комары. А комары отличались злобой и многочисленностью, так как в округе было много болотистых мест.

Но зек – не хозяин своей судьбы.

Плановый отдел лагпункта, узнав, что дела на кирпичном заводе улучшились, решил проявить рвение и увеличить выработку кирпича.

Сказано – сделано. Начальник лагпункта, который тоже был энтузиастом, утвердил увеличенную выработку. Производительность кирпичного заводика определяла напольная печь, в которую загружали 10 тысяч штук кирпича. Процесс обжига состоял из следующих операций.

1. Загрузка кирпича

2. Легкий обжиг – досушка сырца.

3. Собственно обжиг, который продолжается до тех пор, пока верхние ряды кирпича не доходят до красного каления.

4. Печь замазывается и кирпич «томится» 3 суток.

5. Выгрузка кирпича.

Все эти операции в сумме занимали 10 суток. Таким образом, в месяц можно было выдавать примерно 30 тыс. шт. кирпича.

Все доводы Мультатули о том, что выработку кирпича невозможно повысить, не привели ни к чему. Плановый отдел во главе с энтузиастом-начальником лагпункта решили, что «томить» кирпич ни к чему, и «сократили» процесс до 8 суток, увеличив, таким образом, производительность печи на 25%.

Кирпичный завод начал выпускать сплошной брак. Печи и трубы, которые сооружали из этого кирпича, конечно, не могли долго проработать. Мультатули предвидел это и начал подавать одно заявление за другим с просьбой перевести его в рабочие. Он законно опасался, что его обвинят во вредительстве и дадут новый срок. Просьбу его не удовлетворяли.

Внезапно грянул гром. Началась война.

Во дворе зоны в последнее время на двух стендах наклеивали местную котласскую газету и «Правду». Главная вохровская газета поступала в лагерь с опозданием. Однажды толпа зеков прочла в устаревшей «Правде», что поджигатели войны Галлия и Саксия распространяют злостные слухи, будто гуннский рейх собирается напасть на Тмутараканию и концентрирует войска на границе с ней. Это, мол, клевета. В действительности германские войска возвращаются из Югославии, а Красная Армия проводит обычные маневры. В котласской свежей газете была приведена речь Вячеславова: «Братья и сестры, подлые фашисты вероломно напали на нашу родину…» Вскоре газеты были сняты, а начальник КВ-2 снят с работы «за небрежность».

Информация не поступала, но война давала о себе знать. Килограммовая пайка была уменьшена до 675 гр. Режим был ужесточен. Начало исчезать много людей. Баланда стала более водянистой.

Урок, мошенников и других бытовиков начали освобождать досрочно с отправкой на фронт. «Контриков», у которых кончался срок, перестали освобождать. «Исчезали» только «контрики». Количество «стукачей» увеличилось.

И в такое время, когда в этом уже не было никакой надобности, заявление Мультатули удовлетворили. Его сняли и поставили глиномесом.

Это была самая тяжелая работа на кирпичном заводе. Работали два человека. Отрывать лопатой замешанную глину невероятно тяжело. На носилки накладывали 10 пудов глины. Руки деревенели. И так без перерыва приходилось работать 10 часов. На столах формовщиков глина не должна была иссякать. К концу третьего дня Мультатули просил перевести его в формовщики. Несколько дней он

не вырабатывал норму, кирпичи получались без углов, но на пятый день он уже выполнял норму в 800 шт. в день.

В конце концов он начал работать «обжигателем». Это была наиболее легкая работа. Тяжело было только раз в 10 дней, во время загрузки печи. Приходилось на «козе» носить 20-25 кирпичей – сырца, что составляло 80-100 кг.

Но в целом эта работа была относительно легкой. Нужно было заботиться только о сухом топливе. Вновь жизнь Мультатули потекла привычно и относительно легко. Однако теперь она зависела и от новых внешних обстоятельств.

В августе начали строить аэродром. Все подсобные производства закрыли. Масса зеков была переброшена на земляные работы по строительству аэродрома. Рабочий день, не считая сборов и ходьбы, длился 14 часов. Подымали в 4 утра, кончали работу в 19.30. Утром давали более густую баланду. В 12 часов приносили на место работы густую баланду и дополнительные 300 гр. хлеба в дополнение к пайке в 675 гр., которую выдавали утром.

Мультатули назначили бригадиром. Норма должна была обязательно выполняться при всех условиях. Ни дождь, ни любые условия работы не принимались во внимание. Пока норма не выполнялась, в зону не отводили.

Тем, кто выполнял 400% нормы и более, выдавался неслыханный и невиданный дополнительный паек: 300 гр. белого хлеба, 300 гр. кеты и невероятно вкусная грудинка в огромном количестве – 200 гр., а также золотая лагерная валюта – пачка махорки или пачка папирос.

Начался ажиотаж. Выполнять 400% нормы, по существу, невозможно. Вообще, единые нормы на земляные работы очень велики, и их могут выполнить только искусные, здоровые и сытые землекопы. Для зеков единые нормы увеличились на 25%.

Но зеки – народ ушлый. Они великие специалисты по туфте. В этом случае существует круговая порука, от работяги до десятника. Существовало множество способов туфты. Самый эффектный следующий: когда снимают землю, оставляют контрольный столбик земли и по этому столбику (по его высоте) рассчитывают объем снятой земли. Зеки оставляли два столбика – перед приходом десятника срезали второй столбик и накладывали его на контрольный. Все старательно подглаживалось; сверху был виден дерн второго столбика, и... объем вынутой земли увеличивался вдвое.

Но все же аэродром надо было заканчивать быстро, и, по-видимому, поступило строгое указание о том, что туфтить можно до определенного предела. Фактически объемы работы должны были быть не менее 40-50% записанных.

Чтобы выполнить 400% нормы на бумаге, надо было в действительности выполнить не менее 180-200% нормы. Огромный паек, который выдавали работягам за 400% выполнение нормы, работяги частично делили с бригадиром и десятниками. Мультатули взяток не брал, а слюнки у него текли, когда он смотрел, как некоторые рабочие и все бригадиры и десятники уплетают грудинку и прочие яства.

Мультатули решил уйти с бригадирства и работать тачечником. Первые три дня он не мог овладеть тачкой. Грунта в нее накладывали до 20-25 пудов. Если тачку заедало или она соскакивала с доски, нужно было прилагать невероятные усилия для того, чтобы установить груженую тачку на доску. Однако Мультатули был в отличной физической форме и через несколько дней с разбегу лихо опрокидывал 25-пудовую тачку. 14 часов в день он бегал вниз по доске с груженой тачкой, вверх с порожней тачкой. Ему записывали 400-420%, и он получал желанный великолепный паек.

Самочувствие Мультатули было в то время замечательным. У него даже исчезло неприязненное чувство к вохровцам и их женам. Дело в том, что жены вохровцев иногда в дни ударников, субботников, воскресников накладывали землю в тачки. Жены эти были откормленные, холеные, румяные. Наиболее здоровые и лихие зеки, хорошо питавшиеся, возбужденно поглядывали на них.

Стояли чудесные летние погоды. Те жены, у которых мужья были где-то далеко на фронте, тоже не оставались равнодушными. Лихие зеки устраивали соревнование и в рекордное время прибегали к

женам с пустыми тачками. Мультатули не вступал в соревнование. Однако однажды жены его соблазнили, и он посрамил своих более молодых соперников! В то время ему было сорок лет.

Мультатули был полон энергии. Надежды на лучшее еще не угасли. Но он по-прежнему не знал, что его ждет дальше.

Строительство аэродрома кончилось. Мультатули вернулся на кирпичный завод. Внезапно его вызвали на освобождение.

Это было совершенно непонятно. Правда, срок его кончился. Но, ведь «контриков» не освобождают – только урок и прочих бытовиков.

Освобождение было весьма подозрительным. Мультатули собрался, попрощался с товарищами-зеками. Те и радовались, и – бедолаги – завидовали.

На комендантском лагпункте, где оформляли освобождение, было полным-полно урок. Мультатули каждый день гнали на земляные работы, на строительство Катища. Давали всего 675 гр. хлеба, а баланда содержала только соленую воду. Немного помогали та махорка и папиросы, которые выдали на аэродроме. Это была золотая валюта. Можно было за одну папиросу или одну закрутку махорки получить обед третьего котла. Но Мультатули распоряжался не по-хозяйски этими ресурсами. За обед он давал целую пачку. Вскоре «валюта» кончилась, и Мультатули начал понемногу терять отличную физическую форму, в которой он был, работая на аэродроме.

Кончилось и везение. Вскоре выяснилось, что на освобождение его вызвали ошибочно. Мультатули вернули на 8-й лагпункт и назначили бригадиром. Его бригаду укомплектовали мазурскими ханаанцами. В большинстве это были лавочники и люди «легких» профессий, не приспособленные к физической работе. К тому же все они были истощены, и у них уже начинались цинга или пеллагра. Как не бился Мультатули, более 5% нормы бригада не выполняла. В какой-то степени спасали капуста и картошка.

Вначале убирали картошку. Она была перемешана с грязью и сверху запорошена тающим снегом. Эту мерзлую смесь грязи и картошки нужно было затаривать в мешки. Руки мерзли, можно было грызть сырую картошку.

На уборке капусты было легче. Работали звеньями по четыре человека. Один человек освобождался звеном. Его обязанность состояла в следующем: он должен был добывать топливо и каждый час либо готовить ведро тушеной капусты, либо варить целиком ведро вилков. Каждый час звено съедало ведро капусты. Но капуста не могла заменить хлеба. Все члены бригады получали штрафные 250 гр. хлеба, а Мультатули, единственный из бригадиров – 400 гр. хлеба.

Бригада с каждым днем таяла и пополнялась новыми доходягами. Мультатули было ясно, что при такой пище и он будет доходить. Он начал настаивать на том, чтобы его перевели работягой в более работоспособную бригаду. Его перевели. Но ему не везло. Ввели новый порядок, по которому паек давали не за выработку предыдущего дня, а за выработку предыдущей декады. Он был обречен на то, чтобы еще 10 дней получать 400 гр. хлеба и первый котел, то есть котелок теплой соленой воды.

Все же Мультатули старался изо всех сил. Производительность была вопросом жизни и смерти. При отсутствии пищи он ежедневно вырабатывал более 125%. Через декаду должен был получить третий котел. С каждым днем ему было все труднее и труднее вырабатывать 125%. Но он держался на этом уровне.

Тем не менее Мультатули опять не повезло. На десятый день его направили в этап с аттестатом, по которому ему выдавали 400 гр. хлеба. Послали его на штрафной 16-й лагпункт. Первое, что этапники услыхали на этом лагпункте: «Сюда приходят, но уже не уходят». Было похоже, что это так...

Барак был предельно грязный. Клопов бесконечное множество. Урок из отрицаловки поменьше, но тоже много. Хотя пригнали на16-й лагпункт поздно вечером, рано утром выгнали на лесоповал.

В этапе Мультатули познакомился с врачом – мазуром Собесским. Примерно в начале октября освободили бóльшую часть мазуров из «воссоединившихся» с матерью–родиной Западной Белоскифии

и Западной Малоскифии. Среди этих «мазуров» были и мазуры, и малоскифы, и ханаанцы, и белоскифы, и великоскифы. Значительную часть населения «воссоединившихся» территорий загнали в лагеря.

Эта категория заключенных была менее приспособлена к лагерям, чем тмутараканские зеки. Хотя их использовали на менее тяжелых работах и выдавали по 1 кг. хлеба, они мерли, как мухи. Из-за непривычки к безвитаминозной пище болели цингой и пеллагрой. А в этом случае цикл был обычный: он завершался «деревянным бушлатом».

Выживших мазуров освободили в октябре по соглашению с союзниками. Но некоторых не выпустили.

В числе не освобожденных оказался Собесский. После попадания в лагерь он как врач работал в санчасти. Был где-то в Мурманских лагерях.

Врачам жилось неплохо. Собесский спал в тепле и был сыт. Но почему-то жаждал свободы. Он где-то достал компас, запасся некоторым количеством продуктов и даже сумел найти болотные сапоги. Затем в компании еще с одним зеком дал тягу. На суомской границе его поймали. После этого Собесского использовали только на тяжелых общих работах. Возможно, поэтому его не освободили вместе с другими мазурами, которые в большинстве попали в армию Андерса и с ней выбрались за рубеж.

Наверняка не случайно Собесского вместе с Мультатули загнали на штрафной 16-й лагпункт. Начальник работ этого лагпункта, зек Волков был из крестьян и ненавидел городских, в особенности интеллигентов. Он, как и многие крестьяне, считал, что лагеря выдумали городские ученые. И надо же – начальник работ каким-то образом узнал, что Мультатули из «ученых»! Тот был обречён.

Собесский и Мультатули вместе пилили лес Давали им, явно по указанию начальника работ, самые невыгодные участки – в основном тонкий лес. Мультатули сделал ошибку и чуть не погубил Собесского.

Мультатули во что бы то ни стало старался выполнить норму. Он был к тому времени неплохим лесорубом. Однако при тонком лесе норма невыполнима. Более 70% нормы приятели не могли выполнить и, тратя огромное количество энергии, получали по 400 гр. хлеба и первый котел. Так выжить нельзя было.

Перед октябрьскими праздниками, будучи уже немного не в себе и маниакально стремясь заработать 1 кг. хлеба, они спилили толстомерные семенники. Их посадили в холодный кандей, где они чуть не замерзли. Собесский уже окончательно доходил. Однажды Мультатули открыл свой заветный облепленный клопами сундучок и… вынул 300 гр. грудинки, которую он сохранил с аэродромных времен. Собесский и Мультатули долго наслаждались, откусывая микроскопические кусочки грудинки.

На следующий день Собесский нелегально устроился в санчасти. Это спасло его от неминуемой гибели.

Мультатули погибал в одиночестве. С мазуром было все-таки легче. Оба оказались беспредельно уставшими, голодными людьми. Но, лежа рядом на нарах или сидя за костром в редкие промежутки отдыха, они беседовали и в какой-то мере забывали об усталости и голоде.

Мультатули старался объяснять Собесскому смысл событий, происходивших за последние четверть века. Но тот, как почти все жившие за пределами Тмутаракании не мог осознать реальность происходящего. Он был не в силах понять, почему из «воссоединенных с родиной» Западной Белоскифии и Западной Малоскифии 10% населения погнали в лагеря и ссылку. Он не мог понять, кому нужно, чтобы миллионы нормальных работящих людей умирали в лагерях. Он не понимал сущность вохровского государства. Он не представлял схемы его функционирования. Но все же беседы об этом помогали Мультатули как бы со стороны наблюдать самого себя и было легче медленно и мучительно умирать...

Когда Собесский попал в санчасть, Мультатули остался один на один с собой.

Вскоре наступил некоторый просвет. Неожиданно была выполнена просьба Мультатули поставить его на повременную работу – погрузку бревен на сани. Два дня он получал 1 кг. хлеба. Однако был уже настолько обессилен, что не мог грузить тяжелые бревна на сани. Пилить тоже не мог.

Его направили в звено двух молодых урок. Он должен был окапывать снег и готовить хлысты для пилки. Надо было выкинуть не менее 100 кубометров снега в день. Урки гнали Мультатули беспощадно. Через два дня он свалился. После этого окончательно закрепился на 400 гр. хлеба и использовался только на обрубке сучьев.

Некоторые зеки, чтобы избавиться от непосильной физической работы, клали на доску три пальца левой руки и обрубали их топором. Но Мультатули знал, что это не спасет. Он видел, что все «саморубы» уходят в землю…

Как-то Мультатули, будучи в состоянии депрессии, не разулся вовремя и не отогрел замерзшие ступни. Несколько пальцев были отморожены. Их надрезали, и Мультатули блаженствовал целый день, валяясь на нарах. Увы, блаженство сопровождалось мучительным чувством голода.

На следующий день Мультатули выдали валенки вместо «трамотов» из шины, из за которых ноги были в натертостях и ранах. В валенках ноги словно погрузились в мягкие ласковые подушки. Это было чудесное ощущение.

К этому времени он успел съесть весь свой подкожный жир. Организму пришлось питаться мышцами, и Мультатули начал катастрофически худеть.

На свою беду Мультатули обладал огромной выносливостью и не сваливался. Другие в таком состоянии утрачивали способность к выживанию, а он двигался и ходил на работу. Почти каждый день кто-нибудь из бригады умирал в лесу. Некоторых давили на смерть деревья, так как реакция у большинства доходяг замедленная. Другие от слабости просто падали замертво.

Вечером конвой заставлял остальных доходяг приносить покойников в «стационар». Там составляли акт в девяти экземплярах о смерти з/к от такой-то болезни. Умирать следовало только в «стационаре».

Особая слабость чувствовалась в ногах (один из первых признаков пеллагры). Натренированные на тяжелых физических работах руки были еще сильны, а ноги уже передвигались с трудом. Когда ноги уже совсем не ходили, Мультатули падал в снег. Никто не обращал на него внимания. Для работы он больше не годился, и бригадир считал его уже покойником.

Дело шло к концу. Но в лес его гнали каждый день беспощадно. Комендант стаскивал Мультатули с нар и выводил на развод. Там его передавали вместе с другими зеками конвою, и он отшагивал 5 километров на делянку. Мультатули пробовал часть своей 400 гр. пайки менять на овес, который возчики крали у лошадей. Этим овсом многие зеки засоряли желудки и умирали. Вскоре Мультатули перестал есть сырой овес – не из боязни засорить желудок, а потому что сильно сокращалось время сна: чтобы разжевать полулитровую банку сырого овса, требовалось несколько часов. Кроме того десны были сильно изранены.

А барак жил своей жизнью. Слышались истошные крики смертельно избиваемых «заигранных» урок. Доходяга, ленинградский инженер Варшавский, зачисленный в слабкоманду, смаковал свой стационарный «обед», состоявшийся из ложки каши-затирухи и микроскопического кусочка солонины. Этот кусочек он мог держать во рту целый час и смаковать. Урка-пахан с верхних нар ставил свои грязные ноги на голову Варшавского, а тот смиренно терпел. Как-то раз Мультатули этого не стерпел и схватился за дрын. Пахан благодушно вырвал дрын: «Тебя же скоро оденут в деревянный бушлат, а ты за дрын хватаешься».

Вскоре у Мультатули появилась новая беда. Перестала сгибаться нога. В этот день он еле доплелся до нар. Как раз пришел Собесский. Он немного отъелся в санчасти и уже не выглядел доходягой. Приятель явился сообщить, что, наконец, его, как и всех мазуров, вызывают на освобождение. Мультатули пожаловался, что правая нога не сгибается. Как внешне выглядит нога, он не знал, так как уже две недели, будучи совсем обессиленным, не снимал ватное тряпье. Собеский помог раздеться. Вся нога до паха сильно распухла. Диагноз был поставлен сразу – флегмона. Вид Собесского явно говорил, что Мультатули приходит конец...

Мультатули попросил у Собесского бумагу и карандаш. Написал предсмертные письма матери и жене. Супругу просил мягче относиться к детям, поменьше давить, ничего не внушать им помимо их воли. У матери просил прощения за горе, которое он безвинно причинил ей. Письма просил отправить после освобождения Собесского из лагеря по вольной почте. Собесский, по-видимому, выполнил обещание, так как мать получила «предсмертное» письмо. Больше Мультатули никогда Собесского не видел.

В санчасть Мультатули в тот день не пошел, так как сил у него не хватало. Освобождение от работы не получил. Но на следующий день нарядчик и комендант совместными усилиями выгнали его на развод. Обращение к лекпому не возымело действия. Лекпом объяснил, что освобождение от работы дается только вечером зекам, которые действительно больны, а Мультатули, по-видимому, симулирует, так как вполне хорошо стоит на собственных ногах.

В дальнейшем выяснилось, что лекпом отлично знал состояние Мультатули. Он даже знал, что у него весьма высокая температура. Возможно, что ему сказал об этом Собесский. Так или иначе, но Мультатули выгнали за зону. До делянки конвой разрешил ему добираться самому, так как он задерживал бригаду. Каким то чудом он доплелся до делянки. Сам Мультатули так и не узнал, сколько времени он добирался. Смутно помнил, что где-то полз, где-то ковылял.

По-видимому, внешнее его состояние, после того как он дополз, было таким, что десятник, бригадир и конвой, много раз видевшие доходяг и полупокойников, разрешили ему вернуться в зону. Впрочем, пообещали водворить его в кандей, если он не оформит освобождение. Только благодаря одному сердобольному возчику, который с риском попасть в кандей (доходяг нельзя было брать, возить надо было только лес) подвез его почти до зоны. Мультатули дополз до своих уютных нар.

Вечером пришли с носилками и унесли его в стационар. Там были почти настоящие кровати. Железную койку покрывали досками, на них клали большой мешок, набитый опилками. Кроме того имелась деревянная подставка, на которой лежала мягкая ватная подушка. Мешок был застлан простыней. Мультатули имел собственное шерстяное одеяло, которое каким то образом сохранилось у него. В стационар доставили также его заветный железнодорожный красный сундучок и мешок с тряпьем.

Наконец-то Мультатули лежал на почти настоящей кровати в теплом помещении, и утром не надо было ходить в лес. Поутру он получил 1 кг. хлеба и горячую баланду. Многомесячные мечты о том, чтобы сразу съесть целый килограмм хлеба, наконец, воплотились в реальность. Но увы, когда он начал грызть хлеб, вкус его оказался отвратительным. Теплой баланды тоже не хотелось. Нога чертовски болела. Но только эта боль напоминала о чем то живом, о жизни...

Днем безграмотный лекпом Пастухов пытался какими-то щипцами вскрыть флегмону. Ему ассистировала медицинская сестра, надменная жена начальника взвода ВОХРа. Она что-то говорила о том, что эти контрики продолжают вредить народу невзирая на войну. Они помогают Адольферу и вместо того, чтобы давать лес родине, вспрыскивают себе керосин и искусственно «делают себе флегмону». Они готовы подохнуть, только бы навредить народу. Вообще-то, зря возятся с этими врагами народа! Патриотические речи сестры не способствовали тому, чтобы вскрыть флегмону. Минут 15 ковыряли щипцами, причиняя мучительную боль, а затем два санитара отнесли Мультатули из грязной каморки, называвшейся «операционной», в «палату».

В «палате» – комнате в бараке – весьма тесно стояли 12 коек. Между коек можно было еле-еле протиснуться. Для того, чтобы вынести очередного покойника, надо было проделать ряд хитроумных и сложных такелажных операций. У входа стояло грязное ведро, которое работало на полную мощность. День и ночь кто-нибудь из 12 больных сидел на нем. Вонь стояла невыносимая, так как по крайней мере половина пациентов делали под себя.

Впрочем Мультатули все это представлялось, как в тумане. По-видимому, он спал и просыпался. Однажды, проснувшись, он почувствовал, что ему легче и под ним мокро. Оказалось, что флегмона сама вскрылась и вся койка была в гное. Он почувствовал зверский аппетит. Однако под изголовьем обнаружил только пол-пайки. Остальной хлеб за это время (он не мог сообразить, за сколько дней) стащили либо зек–санитар, либо больные.

На следующий день он с волчьим аппетитом съел килограмм хлеба и баланду, а к обеду у него начался неистребимый пеллагрозный понос. Нескончаемое количество раз надо было ковылять к ведру. Нарушилось не только пищеварение, разладилась также работа почек и мочевого пузыря. Наряду с ужасным поносом мучил непрерывный позыв мочиться.

Мультатули пытался соблюдать хоть подобие элементарной чистоты и решил истребить учебник неорганической химии, которая хранилась в его заветном красном сундучке, который был снабжен крепким замком. Ключ от замка, как крестик висел на шее. Зек-санитар, заметив, как больной истребляет драгоценную тонкую бумагу, годную для закруток махорки, предложил Мультатули обменять книгу на эквивалентное количество листов историй болезни.

Истории болезни писались на бланках, изготовленных из очень плотной бумаги, и для курения не годились. Отныне Мультатули, сидя на ведре перед использованием очередной истории болезни, читал ее. Впрочем все истории были исключительно однообразны. В подавляющей своей части они заканчивались стереотипной фразой: «Больной скончался». Оказалось, что на этом лагпункте среди «скончавшихся больных» было много мазуров и валахов.

Еще будучи в Воркуте, Мультатули много читал о витаминах, об авитаминозных болезнях и знал наизусть книгу Мак-Колюма «Учение о питании».

Поняв, что заболел пеллагрой, – хотя никто ему об этом ничего не сказал! – он предпринял попытку излечиться. Все пеллагрики во время пеллагрозного поноса теряли массу жидкости и неумеренно потребляли ее в виде баланды и кипятка. Кроме того, пеллагрики не могли есть соленую рыбу. А к этому времени «больным» начали выдавать кусок соленого жирного омуля. Всю баланду и часть хлеба Мультатули отдавал доходягам, а ему давали несколько кусков омуля. С отвращением, насилуя себя, он съедал все куски омуля, в котором по его мнению содержались витамины. Жидкость пил в умеренном количестве. За месяц он совсем высох.

Мультатули приобрел такой вид, как у всех пеллагриков перед мрачным концом. Руки стали тонкими, очень тонкими – кости, обтянутые кожей. Лицо превратилось в череп, обтянутый кожей, с глубоко запавшими глазами. Только ноги не были такими опухшими, как у умирающих, потому что Мультатули умеренно потреблял жидкость.

Пеллагрозный понос кончился. За этот месяц на 12 койках скончались 27 человек. Мультатули уже точно знал специфическое подрагивание ног перед смертью. Все пеллагрики в этот момент становились ненормальными. Все за 7-10 дней до смерти обычно ничего не ели. У некоторых ненормальность проявлялась в том, что они прятали выдаваемые пайки либо под мешок-матрац, либо в мешок. Пайки были перемешаны с калом. Обычно после очередной смерти в «палате» те больные, у которых был аппетит, обыскивали матрац покойника и иногда, как шакалы, затевали драку из-за вымазанного калом хлеба. Но обычно зек-санитар зорько наблюдал за умирающими и нередко, не дождавшись их смерти, забирал пайки.

Раз в десять-пятнадцать дней, доходяг-пеллагриков таскали в баню, где их пытались отмыть от кала, засохшей мочи и всякой прочей грязи. Обычно это приурочивали к приезду врачебного начальства из головного лагпункта. Это начальство состояло главным образом из зеков. Только один раз инспекция попыталась зайти в «палату», но, открыв дверь, визитеры тут же отпрянули. В дальнейшем больных носили в «приемную». Кто мог двигаться, сам плелся туда на осмотр.

Баня помещалась небольшом бараке и состояла из четырех секций. В одной секции помещалась «жарилка» – дезинфекционная камера, в которой жарили вшей и гнид. Вторая секция – приемная. Здесь зеки раздевались; сдавали вшивое белье, а отдельно – тряпье в жарилку. Из приемной они голыми входили в собственно баню, где было установлено несколько лавок и котел с тепловатой, грязноватой водой. К этому котлу выстраивалась очередь, и каждый получал неполную шайку тепловатой воды и маленький кусочек мыла размером 4х2х1 см. Оно либо плохо мылилось, либо совсем не мылилось.

В бане надо было простаивать в нескольких очередях. В приемной стояла очередь на стрижку и бритье. Брили раз в десять дней, но это не навязывалось. Стрижка была обязательна по одному разу в месяц. Только по особому разрешению начальника лагпункта можно было не стричься и носить при-

ческу. Такие разрешения выдавались обычно только некоторым «бытовикам». «Контрики» обязательно должны были быть стриженными.

В «собственно бане» очередь устанавливалась не только за водой, но и за шайками. Воды еле хватало, чтобы намылиться. Впрочем мыло плохо мылилось, и поэтому недостаток тепловатой воды не так сильно ощущался, так как почти нечего было смывать.

Из «собственно бани» выходили в последнее помещение, где было навалено прожаренное тряпье. В общей толкотне и давке зеки искали каждый свое тряпье. Затем устанавливалась очередь за новым бельем с чужими прожаренными гнидами. Белье было пошито из низкосортной бязи. В кальсонах одна штанина черная, одна «светлая».

Некоторые доходяги-пеллагрики еще «мылись» сами. Других условно обмывали зеки-санитары. Картина была не для слабонервных. Вперемешку с мытьем пеллагрики тут же оправлялись и мочились. «Плохих» клали на лавки, и они занимали много места. Те, которые могли двигаться, толпились у других лавок. И все эти полускелеты ссорились за каждый квадратный сантиметр площади лавки.

Пеллагрики становятся очень сварливыми. Их раздражает каждая мелочь. Даже будучи ненормальными, они помнят, что санитар, лекпом, врач, нарядчик – это начальство и, конечно, ни в чем не перечат им. Агрессивость проявляется только в отношениях друг с другом. Пеллагрики ссорятся из-за ведра и не дают друг другу посидеть сколько надо. Ругаются из-за кипятка. Когда дают «цинготное», вернее антицингонтное – 100 гр. полугнилой брюквы, каждому кажется, что его обделили и дали меньше, а сосед получил больше.

Все – даже умирающие – участвуют во всяких менах. Меняют баланду, хлеб, рыбу, котлетку из солонины, которая полагается раз в неделю, 30 гр. сахару, который выдают раз в месяц. В этой «меновой торговле» каждый старается обмануть другого.

Все эти несчастные, обреченные на смерть, боятся выздороветь, так как страшатся непосильной работы и мороза.

Когда раздают термометр для замера температуры, одни подбивают температуру, чтобы она была более высокой, другие прижимают термометр к металлу железной койки, чтобы температура была ниже (делают это более «ученые», знающие, что у пеллагриков должна быть пониженная температура: 35° и даже 34,5°). Все эти фокусы известны врачам и даже безграмотному лекпому. Но они знают, что пациенты все равно помрут, и не обращают никакого внимания на их ухищрения.

Хотя у Мультатули кончился пеллагрозный понос, болезнь продолжала прогрессировать. Слегка соленая пища ему была очень противна. Он был так же сварлив, как и другие, и ему казалось, что его во всем обделяют. Он жил какой-то двойной жизнью. С одной стороны, был так же ненормален, как и другие, с другой стороны, продолжал наблюдать за собой и за другими.

Мультатули тоже боялся выздороветь. Очень боялся. У него зарождались несбыточные планы на случай выздоровления. Например, он хотел поразить главного врача уменьем определять количество аскорбиновой кислоты (витамина С) и заняться этой работой после выздоровления. День и ночь он повторял про себя: «2-7 дихлорфенолиндофенол». Постепенно все элементы этого реактива он путал и одновременно смутно соображал, что путает, и был в отчаянии, так как рушилась его мечта: после «выздоровления» избежать смертельных общих работ.

Мультатули разламывал высушенный хлеб и, обнаружив в середине кусочек невысушенного хлеба, ужасался. Ему казалось, что если он скушает кусочек невысушенного хлеба, вновь начнется пеллагрозный понос. Вообще-то после окончания поноса у него появился чудовищный аппетит, но на редкую котлетку из солонины он смотрел подозрительно. По его мнению она была не прожарена. Мультатули ее откладывал, и она … исчезала. Он не понимал, почему котлетка исчезала, хотя все было просто. Ее утаскивал какой-то сосед по «палате», который еще двигался.

Под изголовье Мультатули положил три кусочка сахара и не мог понять, очень почему они уменьшаются и становятся круглыми катышками. Когда он выздоровел, то, конечно, понял, что сахар облизывают мыши.

В «стационар» клали в основном умирающих. В «стационаре» было 12 коек, а из 400 зеков человек 300 болели пеллагрой и препеллагрой или просто обессилили. Как-то надо было поместить нового умирающего Для него не было места. Санитар сказал: «Мультатули, наверное, ночью помрет, тогда положим нового, а пока пусть полежит в приемной». А Мультатули, услыхав слова санитара, думал о том, что в морге ему будет холодно. Он знал, что стоят суровые январские морозы. Когда возвращался из бани, ему казалось, что его собственное одеяло лежит через две койки от его «кровати». По-видимому он не мог уже фиксировать местонахождение отдельных предметов.

Пеллагра сказывалась на всех физиологических системах – пищеварении, почках, психике, чувстве равновесия, зрении, слухе, вкусе. Одеяло-то лежало на его же койке.

Ему казалось, что валахи давным-давно попали в лагерь, еще раньше его. А они-то прибыли менее года назад. Мультатули не понимал, как они могли привести в лагерь золотые часы и кольца. Только впоследствии он узнал, что начальник этого штрафного лагпункта присвоил себе несколько чемоданов золотых вещей умерших валахов.

Все же Мультатули доставал и листал некоторые книги. Но странное дело: во всех книгах, которые он, вообще говоря, когда-то читал, он видел описание приготовления и поедания всяческой еды, всяческих явств. Всё остальное было только фоном этого описания. Память превратилась в какой-то странный механизм. Он всё помнил, но в искаженном виде. Всё в его памяти было перепутано, и все его попытки распутать клубок воспоминаний кончались неудачей.

Мультатули ходил по палате с трудом. Ноги подгибались. А соседи продолжали помирать. В январе на 12 койках умерли еще 28 человек. (Способность считать Мультатули все же сохранил).

Аппетит все увеличивался и достиг непомерных размеров. Как-то Мультатули устроил грандиозное пиршество. Он принял участие в очередном «ограбление» мертвеца и стащил пайку. За день до этого выдали 30 гр. сахарного песку. Почти целый час он наслаждался, отпивая крохотные глотки сладкого кипятку и закусывая двумя пайками хлеба, составлявшими 2кг. Наступила вакханалия вкусовых ощущений. Каждый глоток и каждый кусочек хлеба он чувствовал всем своим существом. Это было неизъяснимым наслаждением. Это было счастье. Но, увы, всё кончается.

Через 1-2 часа Мультатули был снова голоден и должен был довольствоваться в этот день только баландой и двумя ложками каши. Всю долгую-долгую ночь он ждал утра и пайки.

По-видимому, омуль, умеренное употребление жидкости, выносливость, неистребимое желание жить и рассказать обо всем другим – помогло ему. Мультатули все же выздоравливал. Будущее было туманно и неясно.

Из 16-го лагпункта, подкомандировки, решено было вывести всех здоровых, больных и умирающих зеков. Поговаривали, что лагпункт будет приспособлен для военнопленных-гуннов.

В один прекрасный день больным велели собираться с вещами. Тех, кто не мог двигаться, одели и на носилках перенесли на сани. Тем, кто мог передвигаться, выдали вещи и велели одеваться. Мультатули с грехом пополам оделся в свое ватное тряпье. Санитар взвалил на него сундучок, связанный с мешком. По-видимому, вес груза был больше веса самого Мультатули. К собственному удивлению, пошатываясь, он двинулся к подводе. Возчик снял с него сундучок с мешком. Хотя сани были низенькие, Мультатули никак не мог усесться. Возчик усадил его на сундучок.

Мороз был градусов 35. Мультатули стало очень холодно. Застегнуться и обвязаться он не сумел и поясница осталась голой. Вскоре обоз под охраной конвойных и собак двинулся.

Мультатули почувствовал, что сидит непрочно. С полчаса он держался, а затем упал в снег. Обоз продолжал двигаться. Желание жить было неистребимо. На неподвижные сани Мультатули не мог забраться. Ходил он на подгибающихся распухших ногах, но сумел догнать движущиеся сани вскарабкаться на них. Возчик не заметил, как он упал и снова появился рядом с ним. Чуть позже он обернулся и увидел, что Мультатули синеет. Он заорал: «Ты что же, х…сос, жить не хочешь? Шевелись, хлопай руками!». Мультатули хотел жить и с большим трудом хлопал руками. Еще два раза он сваливался с саней.

Наконец-то приехали на какой-то лагпункт. На Мультатули вновь взвалили его груз и велели идти в зону. Он не помнил, как дошел до барака и даже взобрался на более теплые верхние нары. Мультатули почти замерз и был сонным.

Проснулся он только на следующий день, а, может быть, через два дня. Пропало ощущение времени, и вообще он плохо воспринимал окружающее. У него осталось только одно сильное ощущение, муки сосущего голода.

Мультатули не ориентировался в маленькой зоне. Попасть в столовую он мог только вместе с другими. Ему казалось странным, что какой-то старший зек–больной (он, вообще, не понимал, какое положение тот занимает) может запоминать, кому, сколько, каких именно дать паек, какую отпустить баланду и какую кашу. Он не соображал, на какую скамью сесть и как сесть. Однако он знал, что ему должны давать пайку, баланду, кашу.

Кипятку в барак приносили мало, и Мультатули, хотя всё еще помнил, что ему следует пить мало, даже и немного воды не мог достать. О том, что в бараке появился кипяток, он узнавал только по шуму. Но спускался с нар очень медленно и, пока подходил к бачку, кипяток кончался.

Пить все же надо было. Мультатули решил самостоятельно выйти из барака, найти кухню и достать кипяток. Он ходил в маленькой зоне, словно в дремучем лесу, и даже не представлял, как найдет свой барак. Кстати, когда он через неделю несколько освоился, оказалось, что в зоне всего-то два барака.

Мультатули ткнулся в хлеборезку, и его вытолкали в шею, в вдогонку летел десятиэтажный мат. Совершенно непонятным образом он нашел кухню, и ему там дали кипяток. Так же инстинктивно он нашел дорогу в свой барак. Это был период наибольшего помутнения психики.

Мультатули смутно помнил, как он попал в «сангородок», одну из «командировок» 10 лагпунта. Он помнил, как где-то дали котелок баланды на пятерых. В компании были урки, и они не позволяли Мультатули зачерпывать баланду. Когда он попросил дать и ему немного, один из урок разбил ему в кровь рот. Вольнонаемная сестра, которая сопровождала этап, равнодушно взирала на это.

В главном бараке сангородка были установлены нары по вагонной системе (вагонки). Мультатули не досталось места на нарах, и он выбрал уютное место под нарами. Сверху на него плевали и харкали. Было много всякого мусора.

Здесь умирали довольно часто, хотя давали 1 кг. хлеба, целую селедку, литр баланды и две ложки каши в день. Вскоре Мультатули возлег на верхние нары на место одного умершего.

Медленно, но верно восстанавливалась память. Мультатули начал тренировать ее, стараясь пройти в уме неорганическую химию. Вначале ничего не мог вспомнить. Но затем понемногу вспоминалось все больше и больше. Он немного окреп и уже мог по крайней мере час держаться на ногах.

В 1942 году весна была ранняя. Иногда выпадала ясная солнечная погода. Зеки-пеллагрики выходили на улицу и грелись на солнце.

Начальником сангородка был авантюрист-зек, выдававший себя за врача. Однако он был неплохим организатором. Заставлял больных выгребать мусор из под нар, ставить чуни под нары носками наружу. Если чуни стояли не так, грозил выписать из сангородка.

Как-то этот начальник санчасти опрашивал больных, имеются ли среди них фармацевты. Внезапно Мультатули объявил себя фармацевтом! Его перевели в «аптеку», маленькую комнатку в бараке санчасти. Так как он с трудом ходил, по распоряжению начальника санчасти ему поставили топчан в «аптеке».

В «аптеке» стоял шкаф с банками. На них были надписи, большей частью по латыни. На одной банке с жидкостью Мультатули прочитал на наклейке – acidum muriaticum. Он знал, что acidum – кислота, а что такое «muriaticum» не помнил. Вообще-то память еще не функционировала нормально. Однако понемногу он вспоминал и узнавал все больше и больше. Начальник санчасти мало вмешивался в его дела, так как, по-видимому, совершенно не знал фармакологии.

Вскоре Мультатули усвоил названия всех трав и медикаментов, находившихся в шкафу. Всякими способами узнал он и дозировку. Он много употреблял имеющиеся в «аптеке» витамины С. Однако понимал, что радикальное средство лечения пеллагры – дрожжи, содержащие значительное количество витамина РР (никотиновая кислота).

Мультатули просил достать культуру любых дрожжей. К его удивлению, вскоре на эту глухую командировку доставили некоторое количество дрожжей. Как посеять и размножить культуру дрожжей, он не знал. Знал только, что дрожжевые грибки усваивают сахар, крахмал и другие углеводы. Все же он рискнул, затребовал муку и сахар, замешал в определенном соотношении, поставил в теплое место и был потрясен тем, что утром все это месиво начало бродить.

В первую очередь Мультатули испытал это месиво на себе и начал съедать по 1 литру в день этих «дрожжей». Затем начали раздавать всем пеллагрикам по 200 гр. в день.

Результаты не замедлили сказаться. Сам Мультатули креп с каждым днем. Смертность пеллагриков уменьшилась. У оставшихся в живых пеллагриков болезнь не прогрессировала.

Вскоре Мультутули заболел. Температура доходила до 40 градусов, однако никто из «специалистов» санчасти не смог поставить диагноз. Через три дня он выздоровел.

Вскоре слава о знаменитом «фармацевте» дошла до головного 10-го лагпункта. Сама начальник санчасти зек – врач Шульман приезжала в «сангородок» поговорить с «фармацевтом». Мультатули ей понравился, и она решила повысить его до «должности» зав. аптекой лаготделения.

Но вскоре «фармацевта» погнали с этапом на 10-й лагпункт. Это был один из тяжелейших этапов. Мультатули выздоравливал, однако ходить он мог только немного – 1-2 км, а нужно было пройти 30 километров. К тому же опять повысилась температура. Вновь он смутно соображал, что с ним происходит. Желание было одно: лечь на землю и долго- долго лежать. Но он знал, что нужно идти, и воля гнала немощное тело вперед.

В бараке Мультатули свалился на первые попавшиеся нижние нары. Но пришел он не

вовремя. Было 30 апреля. Время великого предмайского «шмона». Банда нарядчиков, комендантов и вольнонаемных паразитов выгоняла всех зеков на улицу. Там их раздевали и обыскивали. В бараках сваливали в кучу все тряпье и также производили тщательный обыск. Искали лагерную одежду, книги, кустарные ножи, безопасные бритвы, медикаменты, витамины, «пулеметы», «пушки», «бомбы». Так патриоты готовились в лагерях к великим октябрьским и майским праздникам.

Как выяснилось потом, у Мультатули температура доходила до 41 градуса. По-видимому, вид его был настолько жалкий, что даже банда, производившая «шмон», не выгнала его…

На следующий день санчасть разыскала его и выдворила в стационар. На головном лагпункте стационар даже немного походил на лечебное учреждение. Помещался он в отдельном большом бараке. Там было 10 палат, в которых стояло по 4-6 коек. На койках красовались простыни и подушки с наволочками. Постельное белье было относительно чистое. Там же жили в отдельных комнатах нач. санчасти Шульман и зек – заведующий стационаром Вадян. Была кухня и аптека. Был соответствующий штат обслуживающих., были повар, кухонные работники, санитары. В палатах соблюдалась относительная чистота.

Вадян был опытным врачом. Учился в Жиле. Практиковал и жил – до воссоединения Буковины с матерью-родиной – в Беловцах. Незадолго до начала войны Буковину начали приобщать к вохровским порядкам. Этап следовал за этапом.

В начале 1941-го Вадян вместе с этапом из 999 человек прибыл в Усть-Вышлаг. Его жену и дочь отправили в ссылку в Кучумию. За год Вадян научился довольно сносно говорить по русски.

Вадян поразил Мультатули как огромный, очень сильный мужчина. Отличался поистине гуннской педантичностью, аккуратностью и чистоплотностью. Как многие врачи в маленьких городах – был универсалом. Несмотря на довольно мягкий характер, в стационаре установил железный порядок.

Если урки хулиганили или занимались воровством, он их из стационара не выписывал, а собственноручно избивал. Самые агрессивные уголовники трепетали перед ним.

Профессиональный кругозор у Вадяна был широкий. При первом же обходе он внимательно осмотрел Мультатули и определил, что у него приступ малярии. Акрихин в аптеке был, и Вадян помог Мультатули излечиться от малярии.

Мультатули откровенно признался, что никогда не был фармацевтом. Однако после окончания приступа малярии он начал исполнять обязанности аптекаря и… лекпома.

В этом стационаре было также очень много пеллагриков и, хотя смертность была меньше, чем на 16-м лагпункте, но все же очень высокая. Лагпункт считался относительно большим – 1500-2000 зеков, и морг был всегда переполнен.

Здесь началось ежедневное производство дрожжей. Дрожжи готовил Мультатули, он же их раздавал. Удалось даже добиться получения молока – по 200 гр на 40 больных.

Только здесь Мультатули узнал, что в лагерной системе продуктовые нормы для больных вполне сносные, и не обязательно умирать с голоду. Кроме хлеба больным полагалось 200 гр. молока, 0,5 яйца, 100 гр. крупы, 40 гр. мяса, 10 гр. жиров. Если не было каких-либо продуктов, полагалась эквивалентная замена. Однако воровство процветало по всем линиям. Оно начиналось с ЧОС (части общего снабжения). Крали повар и кухонные рабочие. Они не только сами объедали больных, но и до отвала кормили своих любовниц. Санитары тоже получали добавки на кухне за счёт больных. В стационарной кухне подкреплялись некоторые знатные придурки – зеки, начальник работ, комендант, нарядчики.

Шульман и Вадян тоже питались в стационарной кухне, хотя получали полагающееся им продовольствие сухим пайком. Вадян отдавал большую часть своего сухого пайка земляку из Беловиц – Клингеру. Часть пайка он вносил в общий котел в стационарную кухню.

В результате в этом лагпункте больные получали не больше 50% полагающихся им продуктов – и это было великолепно! В других лагерных стационарах больные не видели ни молока, ни жиров, ни мяса, ни каких-либо круп кроме ячменной сечки. Всё это целиком пожирали придурки.

Мультатули, пользуясь покровительством Вадяна и Шульман, постепенно добился того, что ЧОС полностью выдавал все продукты. Если каких-нибудь продуктов не было в каптерке, то получали эквивалентную замену тем, что имелось в наличии. Молоко на кухню не сдавалось. Мультатули лично раздавал его больным. Следили за поваром, чтобы он не сплавлял продуктов и готовой пищи на сторону. Дрожжи раздавались каждый день. Как только появились ягоды, слабкоманда снаряжалась для заготовки, и больные получали по 200 гр. ягод. В результате столь несложных мероприятий морг часто пустовал. А в зиму 1941-1942 бывали периоды, когда в морге трупы складывали штабелями.

Вадян был очень доволен работой Мультатули в стационаре. Мультатули готовил и раздавал лекарства больным, мерил им температуру, ставил простые и сифонные клизмы, готовил и раздавал дрожжи, распределял молоко и ягоды. Он писал истории болезни, так как Вадян недостаточно владел русским языком.

В свободное время Мультатули много беседовал с Вадяном. Как-то он спросил Вадяна о том, как тот себе представлял Тмутараканию, когда жил в другой стране. Оказалось, что у Вадяна была совершенно точная информация. Он читал о том, что якобы в Тмутаракании арестовывают невинных людей, уничтожают их в лагерях, что в колхозах заставляют работать бесплатно, что реальная зарплата рабочих низка, что в магазинах мало вещей и продуктов, что общественное мнение отсутствует, что профсоюзы фиктивные, а профсоюзные работники являются по существу государственными служащими, что все живут в коммунальных квартирах, что даже в семьях люди боятся высказываться по любым политическим и бытовым вопросам, что комсомольское, пионерское, стахановское и другие движения насаждаются сверху и все это фикция и т д. Вот только этой информации Вадян не верил и считал, что это обычная клевета буржуазной печати. Он искренне был убежден, что Тмутаракания – рай для трудящихся.

Такое представление, по словам Вадяна, было у многих интеллигентов за рубежом. Правда, у его земляка Клингера, ныне находившегося на общих работах, было иное представление. Клингер, по профессии юрист, считался довольно зажиточным человеком. Был сионистским функционером, ездил в Палестину для выяснения перспектив переезда туда некоторых черновицких ханаанцев. В лагерь попал в одном этапе с Вадяном. Семья его тоже была в ссылке в Кучумии. Не умер только потому, что его подкармливал Вадян. Он не заболел цингой и пеллагрой. Клингер сочинял по-гуннски очень грустные стихи о северном и суровом лагерном лесе. Подсчитывал, сколько человек выжило из родного беловицкого этапа. В 1943 году из 999 человек осталось в живых 40...

К концу лета Мультатули почти полностью оправился от пеллагры. Только ноги оставались еще опухшими. Он стал таким же крепким, как во времена строительства аэродрома. Мультатули уже не видел в каждой книге описание всяческих явств. Он уже давно постоянно был сыт. В каждой книге он видел прекрасных женщин. И без книги множество прекрасных женщин посещали его каждую ночь… во сне.

Но однажды наяву пришла зечка, бывшая киноактриса. Закрыла дверь аптеки на крючок, скинула халат и… оказалась в костюме Евы. Белотелая, со свежей кожей, она была прекрасно сложена: тонкая талия и крутые бедра, груди маленькие и упругие. Она была прекрасна и села на колени Мультатули. Это было чудовищное искушение. Но… она болела сифилисом. Мультатули это знал. В санчасти всё знают. Она уверяла, что сифилис она сама выдумала, так как к ней пристают придурки.

Мультатули выдержал это искушение. Он понимал, что ей нужны мазь для натирания кожи, сахар и белая мука. Мазь он ей обещал приготовлять, а сахар и белую муку не дал. Он ей накинул халат и выпроводил. После этого тщательно и долго мыл раствором перманганата руки и губы. Она его поцеловала в губы. До глубокой ночи он не мог успокоиться, а когда он заснул, она вылечилась от сифилиса и он бесконечно целовал ее прекрасное тело.

Осенью «кум» осматривал стационар и интересовался всеми его делами. Когда он зашел с Шульман и Вадяном в аптеку, то ткнул пальцем в Мультатули и спросил, что этот здесь делает. Ему ответили, что он аптекарь. «Но ведь у вас по штату нет аптекаря». Ему объяснили, что Мультатули болел пеллагрой и ему дали временную инвалидность на 6 месяцев. «Но ведь это здоровяк, он лбом может сшибать сосны. Завтра же выпишите его».

Вскоре Мультатули выписали, он попал в бригаду урок и корчевал пни. Жил он уже с урками в бараке.

Пеллагра кончилась. Начинался новый этап жизни в лагере.

Стакан махорки, или месть лошади. 1943 г.

Мультатули постоянно испытывал ощущение голода. Ежедневно он с нетерпением ожидал получения пайки хлеба в 500 гр. Получал ее утром и тут же съедал. Затем ожидал наступления утра следующего дня. Баланда, которую он получал утром и в 5часов дня, и 2–3 ложки каши-затирухи в счет не шли. Они только увеличивали ощущение голода.

Знатные придурки и прочая челядь в те времена пожирали 70–80% и без того незначительного количества продуктов, отпускаемых зекам. Они целиком съедали все мясо (30 гр. с костями на зека), все жиры (8 гр. на зека) и основную часть крупы и муки (100 гр. на зека).

Цепочка воровства начиналась с повара и его команды. Эти съедали самые отборные продукты, попадающие на кухню. Ели от пуза. Досыта кормили своих любовниц.

Подчиненные повару зеки не выполняли тяжелых работ по кухне: колки и пилки дров, доставки воды, чистки топок. Для этого они нанимали доходяг с «общих работ» и за счет всех остальных зеков давали им за эту работу котелок густой баланды. Работа эта давалась по блату, так как желающих было много.

Значительное количество пищи съедали контролеры из трудяг-«стахановцев». Каждые сутки на кухне дежурил другой. Существовала традиция, согласно которой не только сам контролер наедался до отвала, но он же кормил почти так же сытно вчерашнего и завтрашнего контролера. Вдоволь ели коменданты, нарядчик, десятники, начальник работ (из зеков) и их любовницы. За счет зеков питался также весь придурочный состав КВЧ (культурно-воспитательный части) Особо почетные зеки: каптеры (вещевой и продовольственный), хлеборез, бухгалтер по материальной части, главбух и старший нормировщик – получали блюда из отборных продуктов. Бригадирам выдавались двойные порции баланды и каши. Вот таким образом съедались 70–80% скудного приварка всей массы зеков.

Более или менее неприкосновенным оставался только хлебный паек. Пекари и хлеборезы при всех ухищрениях не могли красть более 10% всего хлеба. Но хлеб (500 гр) содержал только 1000 калорий, а оставшийся после всех изъятий приварок – 200 калорий, то есть половину необходимого минимума для придурков конторы.

Мультатули удалось пристроиться в контору бухгалтером по расчету. Это было, конечно, намного лучше, чем общие работы в бригаде «кусочников» – мелких урок. Во-первых, можно было перейти в барак для придурков. Во-вторых, хоть приходилось трудиться по 12–14 часов в сутки, но работа была легкая и в теплом помещении. Минусом был очень скудный паек и сквернейший характер главного бухгалтера. Приходилось терпеть бесчисленные оскорбления, так как он в любой момент мог спровадить на общие работы.

Появилась возможность получить немного «еды». Днем раньше зарезали лошадь. Ветеринар поставил диагноз – сап. Тушу следовало закопать и произвести дезинфекцию белильной известью. Но ушлые зеки все же украли немного мяса и крови. И мясо, и кровь сварили.

Один из этих зеков предложил Мультатули совершить товарообмен. За кровь больной лошади – махорку. Сделка была оформлена. Зек получил махорку на одну закрутку, а Мультатули – полный карман свернувшейся крови. Страшен был не сап, а грязь, которая накопилась за много лет в кармане зека: там были и остатки махорки, и раздавленные клопы, и гниды, и всякий мусор. Все это Мультатули съел в один присест.

На следующее утро начались боли и понос. Как назло объявили ударные, и всем придуркам приказали пойти пилить лес. Идти к лекпому было бесполезно. Он бы не поверил, что болезнь совпала с ударником. Испытывая сильнейшую боль и еле волоча ноги, с пилой и топором за плечами Мультатули отправился на ударник.

Участок он получил на косогоре. Было сравнительно тепло, не более 25 градусов мороза. Когда Мультатули разоблачался, он не чувствовал холода. Впрочем, сильнейшая боль затмевала все остальные ощущения. А пилить надо было. В зону не попадешь, пока не выполнишь норму. Болен ли, обессилел ли – все это в счет не идет. Надо пилить.

На косогоре пилить очень неудобно. Наконец, первое дерево спилено, но вот беда: подруб совершен неправильно, и дерево зависло. Нужно пилить другое дерево, на котором зависло первое дерево. Это опасно. Первое дерево при падении может задавить. Но тут у Мультатули появилась новая проблема: он подпилил второе дерево, и первые два зависли на третьем! Это очень редкое явление. Теперь, если подпилить третье дерево, обязательно задавит. Но Мультатули не думал об этом. Боль в животе совершенно изнурила его. Наконец, третье дерево спилено, все три хлыста с грохотом валятся и... все благополучно.

Очень неудобно обрабатывать лежащие в одной куче три хлыста. Но в конечном счете суки срублены, деревья разделаны на пиловочник и на дрова, заштабелеваны. Есть 25% нормы. Через 12 часов выполнена норма и…живот перестал болеть. Оказывается, тяжелая работа, если превозмочь бессилие и боль, является превосходным лекарством. Урки из КВЧ и их идейные руководители, славные работники органов, как всегда, правы. Они утверждают, что «от горячей работы тает твой срок» и укрепляется здоровье.

Но после тяжелой работы опять нестерпимо хотелось есть. После того как Мультатули уничтожил баланду, он повалился на нары и несмотря на голод уснул мертвым сном.

На следующий день его ждало необычайное происшествие. Пришла посылка. В ней 30 стаканов махорки.

За закрутку махорки давали 100–200 гр. хлеба. За спичечную коробку махорки – целую буханку хлеба. За 3 стакана махорки можно было купить кожаный костюм.

У Мультатули был крепкий железнодорожный сундучок с надежным замком. Конечно, в бараке урок украли бы весь сундучок. Но в бараке придурков махорка в сундучке под ключом в безопасности.

На следующий день после получения посылки Мультатули набрал в карман махорки и угощал всех придурков конторы. Это было ошибкой. Нарядчик прислал своего дневального, который требовал целый стакан махорки. Мультатули в эйфории от свалившегося богатства послал его ко всем чертям.

Через несколько дней поутру нарядчик с ехидной улыбкой объявил Мульатули, чтобы он «собрался с вещами». Нарядчик отомстил и «вклеил» его в этапный список. Обычно этот список составляли нарядчики, и начальник лагпункта, не глядя, подписывал.

Было начало января. В конторе сверстывались месячный, квартальный и годовой балансы. Мультатули объявил главному бухгалтеру, что баланс не сможет сверстать, так как направляется куда-то в этап. Главбух тут же побежал к начальнику, и ему удалось добиться, чтобы Мультатули исключили из этапного списка. На этот раз все прошло благополучно.

Но через две недели нарядчик столковался с комендантом, и Мультатули утром забрали в кондей. В этом мрачном заведении сидело много мокрушников.

Он попал в многолюдную камеру. Блатные его обступили и начали оттеснять к параше. Крышку с параши сняли.

В этом положении подопытный субъект совершенно беспомощен. В случае сопротивления его незамедлительно окунают в парашу. Мультатули обыскали. Забрали остатки махорки, три рубля и оставили в покое.

Мультатули сидел на полу и ждал. Он понял, что комендант совместно с нарядчиком запрятали его в кондей, чтобы прямо оттуда отправить в этап – и концы в воду. Так это и было. Через несколько часов его вывели за зону, бросили ему сундучок и мешок и с рук на руки передали этапному конвою.

Нарядчик отомстил. За то, что ему не дали «лапу» – стакан махорки, он сплавил Мультатули на штрафную подкомандировку 10-го лагпункта. Возврата из таких мест, в особенности для «принципиальных», не бывало. Такова была «система ценностей» в высокогуманных виссарионовских лагерях. Человеческая жизнь – стакан махорки...

До штрафного лагпункта оказалось недалеко – всего один переход. Но и он оказался тяжелым. У урок обычно вещей нет, поэтому и лошади для пожитков Мультатули не дали. А, может быть, подействовало «покровительство» нарядчика. Пришлось весь 20-километровый переход тащить сундучок и мешок.

Мультатули уже знал, как таскать свои «сидеры». Он умело связал сундучок с мешком. Распределил давление груза на грудь, плечи, спину и руки.

Все же через километра два стало нестерпимо тяжело. Бросить сундучок было невозможно. В нем была махорка – единственный шанс выжить. И Мультатули, изнемогая, донес свои «сидера» до штрафного лагпункта.

У входа в зону его тщательно обыскали на глазах у всех урок. Все оставшиеся 25 стаканов махорки забрали – под предлогом, что урки его убьют из за этого богатства.

К его удивлению, урки не затолкали его под нары. Хотя барак был невообразимо грязный, нары были не общие, а сооруженные по системе «вагонка». Лампочки в бараке отсутствовали, что-то рассмотреть удавалось только при отблесках нескольких топившихся печек.

Властвовала в бараке пятерка закоренелых бандитов во главе с огромным звероподобным то ли башкиром, то ли татарином. Они занимали два отдельных купе. После возвращения из леса в их купе

шла непрерывная карточная игра. Кусочники, фактически их рабы, заготовив достаточное количество сухой щепы, освещали лучинами этот игорный шабаш.

Работяги занимались «производством». Одни сушили на печке овес. Другие, разостлав на полу свои грязные рубахи, сплошь заросшие гнидами, растирали на этих рубахах стеклянными банками зерна украденного овса. Третьи просеивали «размолотый» овес через консервные банки, днища которых были продырявлены гвоздем. Четвертые варили кашу.

Где то в углу избивали «заигранного» урку из кусочников (то есть проигравшего и не сумевшего выплатить проигрыш). Избивали его жестоко дубинкой. Били в самые уязвимые места. Он орал страшным звериным криком.

Умельцы делали из проволоки иглы. Такая игла стоила 200 гр. хлеба. Игла – предмет первой необходимости. Не починишь рукавицы – отморозишь руки. Некоторые занимались у слабо светивших печек починкой своего тряпья.

Вся эта красочная картина особенного впечатления на Мультатули не произвела. Он уже однажды после липового «освобождения» побывал на штрафном лагпункте, болел пеллагрой и выжил. Теперь у него была махорка. Он понимал, что коменданты и каптеры отнимут у него тем или иным способом часть махорки, но всю забрать не смогут. Махорка обеспечивала ему некоторую независимость от главарей бандитов. Нужно было только сообразить, где держать эту махорку.

А пока что он смертельно устал, ему хотелось спать. Звериные крики «заигранного» урки не давали отключиться. Наконец, он замолк, и Мультатули уснул.

Утром его включили в бригаду, и он отправился на лесоповал. Как всегда, работал один. Но уже имел опыт пильщика. Участок оказался неплохой. На этот раз Мультатули не был доходягой и с большой натугой норму выполнил.

После «обеда» он пошел истребовать свою махорку. В каптерке шел пир горой. Все курили его махорку – и каптер, и комендант, и нарядчики. Махорка была возвращена точно по весу. Секрет был простой и подлый. Махорку намочили. К счастью, на штрафном лагпункте оказался знакомый врач, переведенный с 10 лагпункта. Поговаривали, что он стукач. Через 7–8 лет, когда Мультатули «оформляли» в пожизненную ссылку, он узнал, что этот врач и в самом деле был стукачом.

Но в тот момент главным стало то, что врач согласился хранить сундучок с махоркой с условием получать каждый день одну-две закрутки. Главное богатство было надежно пристроено.

За одну закрутку для бригадира и десятника можно было выполнять только четверть или половину нормы. Еще за две закрутки можно было досыта наедаться хлебом и баландой.

Вечером следующего дня главари бандитов, узнав, что Мультатули вернули махорку, стали приставать к нему. Он им ничего не дал. Понимал, что последствия будут скверные, но давать уголовникам махорку означало за неделю-две исчерпать весь запас.

На следующий день Мультатули, наклонившись, пилил дерево. Внезапно почувствовал, что его душат. Что-то резануло по руке. В глазах потемнело. Очнувшись, он увидел, что вдали разбегаются какие-то люди. Выше ладони на руке была рана, и сильно текла кровь. Из ватных штанов был вырван карман. Вся операция было осуществлена следующим образом. Один урка, тихо подойдя сзади, схватил Мультатули за горло. Другие два держали за руки, и в это время лучок, вылетев из рук, поранил Мультатули. Четвертый урка вырвал карман, в котором были две закрутки махорки для десятника и бригадира.

Мультатули присыпал рану пеплом из костра, разулся, оторвал от портянки кусок, перевязал рану и зубами затянул узел. Вечером он с большим трудом пробрался к начальнику лагпункта до начала разнарядки и пожаловался, что урки напали на него и поранили руку. Начальник спросил, кто напал. Мультатули не знал. «Ты голову не морочь! Если в следующий раз сам поранишь себя, пойдешь в карцер на 200 гр. хлеба, а на работу тебя будут выводить», – сказал начальник.

Мультатули стало ясно, что славный работник органов не защитит его от бандитов. Все же он решил не сдаваться уркам. Все свои «сидеры» хранил у врача.

Спал он одетым. Бушлат служил матрасом, а телогрейка подушкой. Время от времени у него крали рукавицы или телогрейку. Но за закрутку махорки он покупал новую телогрейку или несколько пар рукавиц.

Спал Мультатули на нижней наре вагонки. Внизу было меньше клопов. Вообще многие зеки спали на полу барака, так как клопы на нарах сильно донимали. Часть «смельчаков» лежали на нижних нарах, а на верхних, где, вообще говоря, было теплее, почти никто не оставался.

Мультатули, несмотря на усталость, спал чутко, как зверь. Однажды, ночью на него вновь напали человек семь. Вновь душили, вновь вырвали карман. Тогда он решил перебраться на верхние нары. Но заснуть не удалось. Наверху он оказался, хоть и неважной, но единственной пищей для клопов. Вообще говоря, клопы недолюбливали Мультатули и, если была другая «пища», его не трогали. Но в данном случае у них выбора не было.

Мультатули зажег лучину и посмотрел на низ верхней нары, занятой им. Дерева не видно было. Клопы кишели в несколько рядов. Пришлось перебраться на пол. Но на полу вся площадь была занята. Свободное место оставалось только у самих дверей. Там было холодно и дуло.

Жить стало невмоготу. Вновь приходилось спасать жизнь. Один из бараков был приспособлен под стационар. Врач жил в отдельной кабинке, а лекпомы ютились в разных закоулках на топчанах. Мультатули удалось договориться с лекпомом, и тот согласился за одну закрутку махорки спать вместе с ним на своем топчане. К сожалению, лекпом был необычайно грязен, редко мылся в бане и ужасно вонял. Но выбора не оставалось. Жизнь или вонь. Мультатули, конечно, выбрал грязного и вонючего лекпома. А за закрутку махорки десятнику он получал участок для пилки леса недалеко от костра конвоя.

Махорка спасала Мультатули от голода, холода, чрезмерной усталости и от урок. Но он переоценил свою безопасность. Когда урки увидели, что махорка от них окончательно ускользнула, они решили отомстить.

Хотя урки не любили работать, один из их главарей – маленький, очень широкоплечий и сильный, по кличке Зубатый, был искусным лесорубом. Однажды, когда Мультатули на своей делянке переходил овраг по бревну, Зубатый подпилил огромную ель, а подруб заранее сделал так, чтобы ель упала на бревно, по которому Мультатули переходил овраг. Совершенно случайно увидев, что ель падает на него, Мультатули успел спрыгнуть и лечь на дно оврага. Он чудом избежал смерти.

Свыше двух месяцев Мультатули пробыл на штрафном лагпункте, а затем его отправили обратно на 10-й лагпункт. Там его встретил старый «приятель» – нарядчик. Тот самый, которому он был обязан отправкой на штрафной лагпункт.

Зная, что Мультатули никогда не имел дела с лошадьми, теперь злопамятный нарядчик его отправил на конный двор – возчиком. Все объяснения, что, он мол, никогда не имел дела с лошадьми и даже не умеет их запрягать, не помогли. Либо работать возчиком – либо холодный «кондей». Был конец марта, стояли еще порядочные морозы. Мультатули уже испытал прелести холодного кондея, чуть не замерз там и поэтому согласился работать возчиком.

Конечно, самое тяжелое – запрягать лошадь на морозе голыми руками. Если не умеешь это делать, руки стынут и деревенеют. Но махорка помогла найти учителей. Через пару дней Мультатули умело запрягал лошадь. Беда пришла оттуда, откуда он менее всего ее ожидал. Начальник кондвора (тоже зек) оказался порядочным антиханаанцем и дал Мультатули коня, от которого отказывались все возчики.

Это был могучий конь весом 600–700 кг. Ему ничего не стоило возить сани с горбылем. Но конь был удивительно ленивым и... очень хитрым. Он нарочно падал и обязательно падал в какую-нибудь рытвину или яму. Причем конь быль настолько хитер, что падал в таком месте, где были люди. Он, по-видимому, даже различал конвойных, десятников, бригадиров и понимал, что в их присутствии его бить не будут. Когда конь падал в яму, его приходилось распрягать. Но распрячь – это полбеды. Конь

сам из ямы подняться не мог. Приходилось поднимать его. А он был очень тяжелый. Вагой поднимать опасались, чтобы не сломать ему ребра.

К концу рабочего дня Мультатули совершенно изнемогал. А нач. кондвора еще и издевался над ним: «Эх ты, работяга, самого здорового коня дал тебе, а ты нормы не выполняешь». Помучившись пару недель, Мультатули заявил, что пойдет в кондей, но работать с этим конем не будет.

Ему дали другую лошадь. И эта оказалась с дефектом. Внешне лошадь как лошадь и совсем не слабая. Но увидит на земле любую тоненькую веточку и остановится, не преодолевая это «препятствие». Бывало, час Мультатули бьется, пока лагерная кляча переступит веточку. Норму выполнить с этой лошадью было невозможно, а махорка кончилась.

Мультатули понимал, что и в дальнейшем нач. кондвора будет ему давать «порченых» лошадей. Он решил отучить свою от «странности».

Все лагерные лошади были воспитаны на густейшем мате. Но самый многоэтажный мат, воспроизводимый грубейшим голосом, не помогал. Тогда Мультатули обтесал здоровенную дубинку, обмотал дубинку ватным тряпьем и в уединенных местах (лошадей бить запрещалось – за это в лучшем случае сажали в кондей, а при повреждении лошади давали срок – безнаказанно бить можно было только зеков) зверски лупил свою «кормилицу».

Через несколько дней лошадь перевоспиталась. Стоило Мультатули взяться за дубинку – и лошадь переступала не только через тоненькую веточку, но и через более солидные препятствия. Жить стало легче. Мультатули выполнял норму, получал килограммовую пайку и третий котел. А в третьем котле давали иногда куска гнилой трески, и в нем изредка пахло солониной.

Наступило тяжелое для возчиков время – весна. Дороги развезло. Но подопечная Мультатули была уже воспитана и тянула в грязи. Сани сменили на подводы.

Начало подсыхать. Солнце порядочно грело. Мультатули благодушествовал. В местах, где не было начальства, он даже садился на подушку подводы, спускал ноги и наслаждался прекрасным, душистым лесным воздухом.....

Однажды, сидя на подушке» и болтая ногами, он по дороге увидел своего приятеля Клингера из Черновцов. Тот штабелевал бревна. Мультатули затеял с Клингером дружеский разговор. Внезапно его пронизала острая боль. На короткий миг он потерял сознание и очнулся на земле между ногами лошади. Как-то он сумел даже взобраться на телегу. У него была сломана кость левой ноги у щиколотки.

Лошадь воспользовалась тем, что возчик отвлекся разговором с Клингером, и отмстила своему обидчику. Она, конечно, почувствовала, что нога Мультатули подвернулась под пень, потянула, и кость сломалась. Клингер подозвал одного зека и вдвоем они принесли Мультатули к штабелю, где и положили его.

Он долго лежал с переломанной ногой. В разгар рабочего дня нельзя было отвлечь лошадь для перевозки какого-то зека. Но самое тяжелое было впереди.

Когда рабочий день кончился, Мультатули положили на телегу и три километра везли по ухабистой лесной дороге. Эта поездка была бесконечна. При каждом ухабе будто тысячи горячих игл вонзались ему в ногу.

В стационаре доктор Вадян хотел разрезать обувь. Но как же пожертвовать драгоценными лагерными ботинками! Махорки уже не было. Следовательно осенью придется шлепать по грязи в лаптях. Мультатули так и не дал разрезать ботинок. Долго-долго Вадян снимал его. Было мучительно больно, но зато ботинки удалось спасти.

Мультатули наложили шины. Ногу привязали к спинке кровати. С непривычки было очень тяжело лежать неподвижно. Мультатули лежал, смотрел, как множество крупных тараканов ползали по стене, и считал...

Он считал, сколько месяцев проваляется в стационаре. Попадет ли на общие работы осенью или зимой и погонят ли его на общие работы, если он захромает? Он размышлял о том, как бывают мстительны лошади!..

Чуни с бахилами, или как освобождали зека из ИТЛ. 1944-1945 гг.

Развод

В 4 часа 30 минут, как и всегда, старенький дневальный, бывший красногвардеец, стучал в дверь кабинки и будил ее обитателей.

Первым вскакивал Мультатули, открывал двери и приводил в порядок «постель».

Зеки – бывшие начальники жили шикарно. В бараке, оборудованном общими нарами, для них была выделена отдельная кабинка площадью 12 кв.метров.

В самом лучшем углу стоял топчан директора гидролизного дрожжевого завода, зека Мультатули. Ему «повезло». Он был приговорен Особым Совещанием «всего» к пяти годам пребывания в исправительно-трудовых лагерях. Повезло ему потому, что постановление Особого Совещания было оформлено в марте 1937 года. В это время максимальный срок заключения, который мог присудить этот странный внесудебный орган, мог составить 5 лет. Через полгода максимальный срок увеличился до 10 лет, а в 1938-м – уже до 25 лет.

По рассказам матушки Мультатули, он родился в «рубашке» – достаточно волосатым и по всем приметам должен был быть счастливым. Даже следователи, по милости которых он первые два года заключения использовался только на самых тяжелых работах, где почти никто не выживал, оказались бессильными против его «везения».

Он выжил, работая в допотопной шахте времен царя Гороха. В ней не было клети, и зеки спускались и поднимались по «ходкам». Хотя дневальные будили их в 4 часа, в лаву шахтеры попадали только через три часа, уже уставшими от передвижения по скользким и низким «ходкам» с полным набором инструмента.

Мощность угольного пласта составляла 1 метр, и зекам приходилось работать или лежа, или с колена. Забой осуществляли тем же инструментом, которым пользовались рабы в древнем Египте.

Лава была мокрой и только наполовину оборудованной конвейером. На нем уголь спускался к «печке» – выходу из лавы. С верхней половины лавы уголь сбрасывался вручную. Шахтеры ложились на спину один за другим и кидали уголь лежа, загребая его лопатой. Несмотря на всякие предосторожности уголь лез в глаза, уши, нос, за ворот. Вентиляция была плохая, и так как взрывы производились аммоналом, приходилось дышать окисями азота. Крепления делались наспех. Лесогоны иногда, перевыполняя норму, спускали плохую рудостойку, и нередко лава сама «садилась». Конечно, в этом случае от шахтеров не оставалось даже мокрого места.

Работа шла почти непрерывно, без отдыха, и поэтому к концу смены шахтеры работали автоматически, их внимание было притуплено. От усталости они уже не замечали, что с кровли сыпется «крошка» и иногда на них падал «кусочек» породы весом в полтонны-тонну.

Баланду шахтеры съедали в 5 часов утра. С собой в шахту они брали корки хлеба, потому что в мякиш набиралось много угля. Эти корки хлеба и были их вторым завтраком.

Из лавы зеки уходили в 14 часов 30 минут. Самые здоровые из них отдыхали по нескольку раз при подъеме из шахты по скользким «ходкам». После сдачи инструмента и лампы они попадали в шахтерскую «баню», где получали неполную шайку тепловатой воды. Снимали только рваную, замазанную глиной и углем телогрейку, а также рубаху с прожаренными гнидами. Полоскали неотмываемое от грязи тело только до пояса; Всю эту операцию надо было проделывать молниеносно, так как очередь жаждущих «помыться» была весьма велика.

После бани шахтеры-«стахановцы» шли в столовку, где получали жидкую баланду и кашу, заправленную только солью. Иногда им давали кусок вареной, полугнилой трески, заготовленной несколько лет тому назад.

Запомнился 1937 год, когда осенью привезли картофель. Технология хранения и выдачи этого картофеля в столовую была весьма своеобразной. Каждый день его перебирали и отбирали гнилой картофель, который сдавали в столовую зеков (в столовую и ларек для вольнонаемных отпускали сносный картофель). Таким образом, за зиму весь картофель «перерабатывали» в гнилой и кормили им зеков, в том числе шахтеров

Большинство шахтеров – не стахановцев в столовую не пускали. При любой погоде они становились в очередь к окошечку под открытым небом. Плохо одетые (шахтерам не давали валенок даже третьего срока), в худых лагерных ботинках, очень часто в жуткую пургу (зима в Заполярье длилась не менее девяти месяцев, и больше половины дней были пуржистыми), поеживаясь и отстукивая натруженными ногами чечетку, шахтеры час дожидались, пока им нальют в котелок (а он был не у каждого) баланду.

Необходимо отметить, что по официально установленным нормам шахтерам, в отличие от других зеков, отпускался паек, почти достаточный для возмещения затраченной энергии. Однако многочисленные «придурки»: повара, кухонные рабочие, нарядчики, коменданты, бригадиры, десятники, нормировщики, бухгалтеры, диспетчеры, экономисты, врачи, лекпомы и любовницы этих «придурков» – почти начисто съедали те 8 гр. жиров, 50 гр. мяса (солонина с костями) и 100 гр. белой муки или макарон, которые полагались шахтерам. Этим измученным людям оставалась только баланда из черных гнилых капустных листьев или гнилой картошки (очень редко – чаще из негодных сухих овощей) и каша-заваруха из самой дешевой крупы – сечки, заправленной только солью. Пища не содержала витамина С, поэтому зеки очень часто заболевали цингой. Из-за отсутствия витамина А шахтеры страдали куриной слепотой. Почти полное отсутствие витамина РР (никотиновой кислоты) вызывало самую страшное авитаминозное заболевание – пеллагру. Немало людей зарыли в промерзшую землю тундры после этих болезней.

Получив «сытный» обед, шахтер приходил в свой родной барак, где и наслаждался процессом поглощения баланды и каши. Почти все шахтеры могли бы спать десятки часов подряд (может быть, вследствие загазованности шахт), но такой возможности у них не было. Поэтому, наскоро починив свое тряпье и сдав мокрую телогрейку в сушилку, шахтер начинал готовиться ко сну. Эта процедура была весьма сложной. Спали на общих «двухэтажных» нарах. Занимаемое место было строго стандартизировано, и ширина проверялась веревкой или ниткой. Никто, конечно, свою «жилплощадь» не хотел отдавать. Ее ширина в зависимости от плотности населения в бараке составляла от 0,5 до 1 метра. На этом месте укладывались все пожитки. Всё это тряпье, ватные брюки, телогрейку, если ее не сдавали в сушилку, тряпье с «воли», если его не утащили, нужно было так рассортировать, чтобы получились «перина», «подушка» и «одеяло». Над головой приспосабливался ящик, в который помещались невообразимо грязные шахтерские ботинки, остатки «пайки» хлеба и прочие мелочи. Проделав все это, шахтер засыпал мертвым сном. Рано утром его вновь будили, и день начинался снова.

Установленного дня отдыха не было. Полагался один свободный день через каждые 10 суток. Однако, начальники, горя патриотическим желанием выполнить и перевыполнить план, иногда заставляли по нескольку месяцев работать без выходного дня.

Мультатули не погиб, даже работая на «снегоборьбе» История организации «снегоборьбы» в Воркуте весьма своеобразна.

Между Воркутой и пристанью Усой. К реке Усе, впадающей в Печору, была проложена узкоколейка.

Трасса этой железной дороги была выбрана поспешно и обладала крупным недостатком. По пути было много выемок, а так как пуржистых дней было больше, чем не пуржистых, зимой узколейку заносило снегом, и уголь возили по ней только 3–3,5 месяца в году. Некий энтузиаст-начальничек, капитан тайной полиции, решил, что уголь надо возить круглый год, и для этого организовал снегоборьбу.

На несколько станций этой узкоколейки с двух концов пригоняли зеков – человек по 100. Работать приходилось непрерывно, так как проклятый ветер, скорость которого достигала 15 метров в секунду, проникал всюду, в любую щелку и даже зеки, привыкшие к любым условиям, замерзали. Бесчисленные веревочки, которыми они завязывали узелки на ногах, руках, шее, груди, не помогали. Злой ветер проникал всюду.

По окончании 12-часовой работы зеки могли отдохнуть на станции, помещении, площадью 30–40 квадратных метров. Там они могли съесть свою пайку – 1 кг хлеба в день и вскипятить воду.

Отдых был неполноценным, так как 100 зеков не могли улечься. 0,3–0,4 квадратных метра на человека не хватало для комфортабельного устройства.

Большинство «героев» снегоборьбы болели цингой. Ослепительно белая тундра, в которой негде спрятаться, ослепляла в самом прямом смысле слова. Очков не выдавали. Слепота сопровождалась сильными глазными болями.

Неожиданно среди этих злосчастных зеков объявился «святой человек»! Звали его Мазур, он был в прошлом политработником в Красной Армии. Слава о нем разнеслась далеко. Это действительно был человек не от мира сего. Когда Мазур на снегоборьбе стал «доходягой» и весь уже покрылся цинготными язвами, он получил посылку, в которой было много махорки. А махорка и вообще всякий табак котировались в лагере, как золотая валюта. За табак можно было практически получить любые блага. В частности, можно было подкупить нарядчика и перевестись со снегоборьбы на менее гибельную работу.

Но Мазур, будучи почти на краю физической гибели, не использовал посылочный табак для облегчения своей участи. Он раздавал табак всем зекам, с которыми погибал на работе по очистке узкоколейки от снега.

В результате героической работы начальника, несмотря на «саботаж» «контриков», один раз удалось протащить поезд из 10 узкоколейных вагонов. Всего угля провезли 90 тонн. Но к лету около узкоколейки выросли огромные штабеля снега высотой 10–12 метров. Снег медленно таял и размывал земляное полотно железной дороги. Для перевозки угля пропали два летних месяца. Всего для снегоборьбы было затрачено несколько миллионов зеко-дней.

Сколько было затрачено не зеко-дней, а зеков, никем не было подсчитано. Тундра подсчетов не вела. Также не было подсчитано, сколько зеков ослепли и заболели. Но кто-то произвел очень интересные расчеты: если бы использованные для «героической» снегоборьбы зеки пешком шли из Воркуты в Усу и несли в горсти по 0,5 кг. угля, то они бы перенесли 300–400 тонн угля – в 3–4 раза больше привезенных «знаменитым» поездом 90 тонн, за что «начальничка» наградили.

Мультатули ускоренно доходил в результате остроумного эксперимента начальника лагеря Якова Мороза. Эксперимент настолько своеобразен, что имеет смысл подробнее рассказать о нем.

На пристани Уса уголь грузился в баржи. Ввиду кратковременности навигационного периода (3 месяца) весьма «логично» установили 12-часовой рабочий день – и никаких выходных дней до конца навигации. Особенно напряженная работа была у вагонетчиков. Они наполняли углем 1-тонные вагонетки, катили их по узкоколейным путям и сбрасывали уголь по рештакам в баржи. Нельзя было задерживаться ни у угольных штабелей, ни на узкоколейке, ни у рештаков. При задержке можно было получить по голове лопатой от своего же брата-зека, либо от бригадира и десятника.

Работа шла в таком лихорадочном темпе, что иногда зеки вместе с вагонетками и углем перелетали на рештаки и катились в баржи на головы «баржевым» зекам. Бывало, что и вагонетчики и зеки, работавшие по планировке угля на барже, отправлялись в лучший мир ad patres (к предкам).

Остроумный замысел Якова Мороза заключался в следующем. Во-первых, из части зеков, которые умели играть на музыкальных инструментах, составляли оркестр и их долю работы перекладывали на оставшихся тружеников. Под музыку темп работы ускорялся, и в результате при меньшем количестве зеки выполняли больший объем работы.

Во-вторых, начальничек совершенно справедливо считал, что даже послушные зеки в течение 12 часов не смогут сохранять неизменным столь лихорадочный темп работы. А темп нельзя сбавлять, так как баржа – не зек, ее простой недопустим. Поэтому сутки были разделены на 4 части по 6 часов. Шесть часов работы, шесть часов отдыха, еще шесть часов работы, еще 6 часов отдыха.

Единственная ошибка начальничка заключалась в том, что 6 часов отдыха не получалось. Значительно количество времени занимали ходьба в зону и обратно, мытье, одевание, раздевание, получение и уничтожение баланды. Спать на общих нарах в палатке (где селили погрузчиков угля) можно было в течение 3–4 часов, не беспокоясь о том, что проспишь. Нарядчики, дневальные и коменданты стаскивали работяг за ноги.

Но в целом начальничек не ошибся. За счет выбывавших и доходяг нагоняли других зеков – столько, сколько требовалось.

Несмотря на всю эту убийственную «систему», Мультатули везло необыкновенно. Оправдывались предсказания его матушки. Если с кровли падал обломок породы весом до тонны, то приземлялся в сантиметре от Мультатули. Лаз заваливался через долю секунды, после того как он уже пролез. Лава «садилась» выше или ниже того места, где находился Мультатули. Дерево падало, только «погладив» ветвями его спину. Даже когда очень опытный «урка»-лесоруб захотел огромной елью раздавить Мультатули за то, что тот не давал ему табака, то и этот признанный мастер чуть-чуть промахнулся.

Когда Мультатули «доходил» от фурункулеза и вся его шея, спина были усеяны чирьями, которые нельзя было отмывать от угольной пыли, а шею сгибать было мучительно, то и в этом случае ему повезло совершенно невероятным образом.

В лагере появились японские иваси, которые почему-то назывались «зельдь». Мультатули догадался обменять хлеб на килограмм «зельди», которая, по-видимому, содержала нужные витамины. Через несколько дней все чирьи засохли.

То, что Мультатули направили на этап в Усу, оказалось везением. Ведь он уже начал «доходить» в шахте.

До этого он заболел флегмоной и пеллагрой на штрафном лесном лагпункте. Из-за флегмоны нога до паха налилась гноем. Безграмотный лекпом попытался тупым инструментом вскрыть флегмону, но не смог. Температура была высокой, смерть казалась неизбежной. Но кожа сама лопнула в том месте, на которое давил лекпом. Гной вытек, залил всю койку, и Мультатули был на время спасен. Но пеллагра добивала его.

Однажды Мультатули, находясь в последней стадии пелллагры, когда начинается психоз, услышал, как санитар сказал: «Вот, ночью этот помрет, тогда мы и положим нового на его койку». Мультатули испугался, так как стояли сорокаградусные морозы и он боялся, что после смерти замерзнет в морге (так проявлялся психоз). И тут Мультатули опять повезло. Всех оставшихся в живых вывезли в «сангородок», так как штрафной лагпункт решили приспособить для военнопленных-гуннов.

«Сангородок» тоже был довольно страшным учреждением, но благодаря ряду удач и тут Мультатули выжил. Трижды за время его зековской карьеры урки кидались на него с топором, но благодаря везению до убийства не доходило.

Когда Мультатули работал возчиком, ему неизменно давали самых худших лошадей. Одна из них, после того как он весьма жестко ее «укрощал», отомстила ему, ударив копытом по левой ноге и сломав ее в лодыжке. К счастью, прекрасный врач-зек Вадян из Черновцов так починил ему ногу, что он нисколько не хромал, хотя другие возчики в аналогичных случаях оставались хромыми.

Вылечив ногу, Мультатули вновь попал в такие условия, что мог стать доходягой Внезапно его отправили в этап на строительство гидролизно-дрожжевого завода. Начальник строительства, бывший зек, вначале не разобрался в возможностях Мультатули, и он попеременно работал землекопом, возчиком, углежогом, слесарем. Затем, когда выяснилось, что он спец, Мультатули «возвысился» до должностей главного инженера и директора этого завода.

Таким-то образом он попал в привилегированную кабинку зеков-начальников.

Около топчана Мультатули стоял элегантный топчан зека Глюковича – технорука лесопильного завода. Этот высокий, статный человек родился и жил в Валахии. Вступил в комсомол. Бежал в Тмутараканию и длительное время жил неплохо. В 1938 году его, как и многих коммунистов-иностранцев, арестовали. Вначале его использовали на общих работах. Однако, вскоре он завел связи с женщинами. Одна из них, начальница планового отдела лагпункта, помогла ему освободиться от общих работ и начать карьеру начальника.

Глюкович быстро освоился с обычаями лагеря и, применив, возможно, валахский опыт, зажил отлично. Со «своего» лесопильного завода он посылал подчиненных ему зеков-рабочих для обслуживания столовой, каптеров и других зековских начальников, которые заведовали всякими благами. Взамен он получал от этих начальников американские консервы, всякую лагерную одежду первого срока, в том числе нормальное белье.

Обыкновенным зекам белье меняли только в бане, куда водили один раз в 10 дней. Это белье изобиловало прожаренными гнидами. В кальсонах одна штанина была из черного материала, а другая из серого.

Как-то приятель Мультатули Протасов, работавший в проектном бюро лагеря, хвастался, что достал две пары белья. Он, конечно, не был таким «блатмейстером», как Глюкович, и для него это была большая удача. Почему-то Протасову не нравились разноцветные кальсоны. И помогла ему в этом... бывшая жена «президента» Калинина. Она работала в бане. Принимала от зеков грязное белье и выдавала чистое. Она-то из двух пар разноцветных кальсон сконструировала одну пару черных и одну пару серых кальсон.

По блату Глюкович имел хороший топчан, настоящее одеяло, настоящую пуховую подушку и даже простыни. Когда ему нужно было, он оставлял работниц лесопильного завода в зоне (числились они официально на заводе). Эти работницы стирали его белье, а после стирки удовлетворяли его мужские желания.

Однако все же Глюкович часто попадал в отчаянное положение и всегда жил под угрозой отправки на общие работы.

Несмотря на то, что он имел достаточно наложниц-зечек, его тянуло к вольнонаемным женщинам – и не к одной, а ко многим. Поскольку он был расконвоирован, то имел возможности заводить знакомства с вольнонаемными. В разгар войны было много «соломенных вдов». Женщины работали конвоирами, пожарными и т. п. К тому же Глюкович был неотразимым мужчиной!

Несколько раз он попадался на запрещенных связях, но как-то сумел выходить из беды. Женщин-вольнонаемных высылали из лагпункта, а Глюковича на время лишали бесконвойного хождения. Тем он и отделывался. А других начальников-зеков, если только уличали в связи даже с зечкой (не говоря о вольнонаемной), строго наказывали. Переводили на общие работы (что само по себе грозило физической гибелью), а перед этим сажали в кондей на 200 гр. хлеба в день и, что еще хуже, давали только стакан воды в день.

На следующем топчане у противоположной стены спал механик гидролизного завода болгарин Кочев. Он был таким же видным мужчиной, как Глюкович, и несмотря на свои 45 лет и лагерные условия, очень хорошо сохранился. Кочев, как и Глюкович, пользовался большим успехом у зечек-начальниц и вольнонаемных пожарниц. За счет женщин он существовал довольно благополучно. Значительную часть своего рабочего дня проводил в тихих, уютных местах.

Прошлое Кочева было туманным. Из его отрывочных рассказов следовало, что он был из крупных функционеров-партийцев. Очень часто ездил за границу с учеными, и в его обязанности входила слежка за своими коллегами. Но те считали его стукачом и в его присутствии «опасных» разговоров не вели.

В условиях лагеря вступать в любовные контакты было очень сложно. Работники санчасти занимались этим даже в морге.

Глюкович и Кочев иногда использовали для этих забав кабинку «начальников», но там даже при условии, что кто-то стоял на «цинке», было довольно опасно слишком увлекаться. Лесопильный завод они не могли использовать потому, что он не отапливался. Поэтому для приятного времяпрепровождения со своими дамами облюбовали гидролизный завод, оборудованный центральным паровым отоплением. Здесь самыми удобными и уютными местами для любовных утех служили огромной чердак и... большие дрожже-растильные чаны.

За топчаном Кочева стоял такой же ненарядный, как у Мультатули, топчан прораба Шайо. Он тоже очень мало рассказывал о себе. Когда его спрашивали о национальности, называл себя венгром иудейского происхождения.

Шайо был значительно культурнее Кочева и Глюковича и неплохо знал строительное дело.

К подчиненным ему зекам-работягам относился строго и, хотя не так часто, как Кочев, но изредка их лупил.

Как-то Мультатули пришлось взять Шайо за руки и успокаивать его. Проходя по заводу, он, увидел, как маленький Шайо подскакивает и норовит выбить зубы огромному зеку-слесарю. Этот болван изрезал для прокладки трубопровода несущую балку.

Кочев же, пользуясь своей властью и физической силой, за дело, а иногда безо всякого повода избивал подчиненных ему зеков.

Из всех четырех «начальников», конечно, никто не знал за что их осудило странное и непонятное учреждение, называемое Особым Совещанием тайной полиции. Впрочем, считалось нелепым разговаривать об этом, так как никто не мог понять системы изъятия и превращения миллионов людей в навоз для удобрения далекой тундры и тайги.

После побудки вся четверка, слегка плеснув на лицо и руки из рукомойника, висевшего в углу кабинки, бежала в «столовую».

«Столовая» – небольшой грязный барак, половину которого занимала кухня. В другой половине размещались 6 длинных самодельных столов и 12 грубо сколоченных скамеек, за которыми могли усесться 60 человек.

Кочев по совместительству был начальником бригады на гидролизном заводе. Он раньше других начальников в сопровождении трех здоровенных зеков с дрынами шел в хлеборезку, получал пайки и торжественно под охраной нес их в столовую.

Значительную трудность представляло распределение горбушек. Считалось, что горбушки питательные, так как соотношение количества мякиша и массы корки меньше и, следовательно, средняя влажность меньше.

Горбушки либо выдавались «стахановцам», либо разыгрывались в «лотерее». Одного из зеков ставили спиной к пайкам и кричали: «Кому?». Зек называл фамилию «везунчика».

Далее бригадир из окошка получал от повара и дежурного по кухне баланду и раздавал бригаде. Так как бригада приходила в «столовую» первой, в ней плавали подозрительные комья сухих овощей и кое-какие крупинки сечки. Баланда была теплой и казалась необычайно вкусной. Бригадир и все «начальнички» получали двойную порцию баланды – конечно, за счет работяг.

Гидролизному заводу как ударной стройке выделяли 10 стахановских пайков. 3 стахановских пайка получали Мультатули, Кочев и Шайо и 7 пайков – работяги. Счастливчики, пользовавшиеся стахановскими пайками, кроме баланды, получали еще 0,5 литра каши-разварушки из сечки. Доходяги-работяги с жадностью смотрели во рты счастливчиков, пожиравших эту ароматную вкуснейшую кашу. Часть доходяг толпились у окошечка и вымаливали у повара и дежурного добавку. Иногда они получали эту добавку и целый день вспоминали о своей необыкновенной удаче.

Съев баланду, работяги прятали в мешочке остатки пайки и деревянную ложку, клали все это добро за пазуху и принимались за оформление своего туалета. Некоторые шли в сапожную и портновскую, куда они чуть ли не дважды в неделю сдавали для починки свое тряпье и подобие обуви. Очень сложно

было починить обучи. Следовало найти какие-нибудь опорки, либо одолжить у товарища его «трамоты» чтобы дойти до сапожной.

Вообще приходилось тщательно заботиться о своих ногах. Портянки требовалось любым способом высушить и проверить, нет ли складок. Там, где находились края «трамотов», слой портянок должен был быть толще. «Трамоты» – оригинальная обувь из старых шин, весьма тяжелая, она холодила ноги и натирала кровавые раны.

Один лагерный остряк предлагал следующим образом «наградить» изобретателя этих «трамотов»: во-первых, присудить его к пожизненному обуванию этих трамот, во-вторых, привесить ему 4 пары на шею.

Последнее приготовление: бесчисленными завязочками и палочками герметизировались телогрейка и ватные брюки, чинились тряпичные рваные рукавицы. Наконец, все готово. Зеки набрасывали на себя бушлаты и в 5 ч. 15 минут направлялись на развод к воротам зоны.

Там собирались все высшее начальство лагпункта: нач. лагпункта, или его заместитель, или оба вместе, а также начальник КВЧ (культурно-воспитательной части), коменданты, нарядчики, начальник работ. Около ворот зоны расклеены лозунги, сочинявшиеся в КВЧ: «От жаркой работы тает твой срок»; «Боритесь за звание стахановца!»; «Каждый спиленный хлест – снаряд против Адольфера» Доходяги прятались по закоулкам бараков. Нарядчики и коменданты вместе с лекпомом выискивали симулянтов и приволакивали на развод. Толпа зеков у лагерных ворот встречала их тумаками.

При температуре минус 40 плохо одетые зеки мерзли, после того как согрелись баландой. Наконец, когда выводили всех симулянтов и доходяг, являлся начальник конвоя вместе с конвоирами и их друзьями-овчарками.

Всех зеков выстраивали в колонну пятерками. Раздавались выкрики конвойных: «Первая пятерка выходи! Вторая пятерка.выходи...».

Наконец, все зеки оказывались за зоной. Их окружали конвойные и собаки.

Лагерные начальники приобретали довольный вид. Они проделали огромную работу: вытолкнули зеков за зону и передали их конвою. Вольнонаемные начальники с чувством выполненного долга отправлялись спать.

Зеки-начальники: коменданты, нарядчики, энтузиасты-работники КВЧ (вся эта публика – в основном «бытовики», то есть спекулянты, мошенники, урки, которые считались золотым фондом лагеря в противоположность «контрикам» – врагам народа) шли в столовую и получали от пуза густую баланду, кашу. Все эти припасы они несли в свои кабинки. Кроме того через каптеров они делали запасы американских консервов – колбасы, тушенки и пр.

Они вкусно и досыта ели. Затем некоторые ложились спать (коменданты), а другие расходились по конторам.

Не все «придурки» так жили. Большинство «придурков» – бухгалтеры, нормировщики, сапожники, портные, рядовые работники планового отдела, диспетчеры – питались еще хуже работяг и жили в общих бараках.

После того, как зеков выталкивали из зоны, их приводили к инструменталкам. Каждая бригада старалась получить лучший инструмент: пилы, топоры и пр. От качества орудий труда зависела пайка. Более сильные и более ловкие зеки захватывали лучший инструмент. Вообще, инструмент, как и всякое оружие, держать в зоне запрещалось. Для того, чтобы в зону не проносили «оружие» и прочие запрещенные вещи, зеки подвергались тщательному обыску при выходе и входе в зону.

Наконец, бригады, снабженные инструментом, выстраивались каждая отдельно, и каждую сопровождал свой конвой.

Наиболее многочисленная охрана сопровождала штрафные бригады, которые комплектовались из особо опасных преступников – бандитов и рецидивистов. Иногда в штрафные бригады попадали «контрики», которые там быстро погибали...

В бригаде гидролизного завода шествовал его директор Мультатули. Его почему-то, по неизвестным для него причинам (но, должно быть, известных «свату» – уполномоченному Третьей части), вновь законвоировали. Вследствие этого он был настроен мрачно и даже начал отпускать бороду.

Работа в зоне оцепления

Часть зеков уводили в лес на лесоповал, а часть – в зону оцепления.

В зоне оцепления находились лесопильный завод, огромное число штабелей опилок, гидролизный завод, бревнотаски и штабеля бревен.

Зона оцепления занимала огромную площадь. Она была окружена специальной колючей изгородью с многочисленными вышками и выглядела значительно величественней зоны, где жили зеки.

На вышках днем и ночью стояли конвойные-вохровки. Мужья этих женщин отправились на войну, а жены заменили их в патриотическом занятии – охране общества от многочисленных врагов народа.

Работа по строительству ударного гидролизного завода считалась легкой. В лагерях строилось много таких заводов.

Внешне идея строительства гидролизно-дрожжевых заводов казалась очень заманчивой. В самом деле, всюду около лесопильных заводов скапливались горы опилок. Опилки окислялись, разогревались и начинали гореть – поэтому доставляли только хлопоты.

А в это время шла война. Пищевых продуктов не хватало. Не только в лагерях, но в Ильичевграде и в ряде других мест свирепствовала пеллагра. Кое-где пеллагра называлась дистрофией. От этой страшной авитаминозной болезни, значительно более страшной, чем цинга, погибали миллионы людей.

В некоторых лагерях в особенности в лесных, в 1942–1943 годах пеллагрой заболевали большинство зеков. Как раз в этот период проектные (Гидролизпромпроект) и научно-исследовательские учреждения разрабатывали проект по переработке древесных опилок в гидролизные дрожжи.

Эти дрожжи являлись ценным пищевым продуктом с большой калорийностью и, что самое главное, содержали витамин РР (никотиновую кислоту), из-за отсутствия которого и развивалась пеллагра. Проект предусматривал обработку опилок серной кислотой в гидролизерах при атмосферном давлении и температуре около 100 градусах. На больших гидролизных заводах опилки и древесное сырье обрабатывались при 10 атмосферах в громоздких металлических аппаратах, защищенных от воздействия серной кислоты керамикой.

Суть заманчивой идеи заключалась в следующем. Металла и машиностроительных заводов для изготовления громоздких металлических гидролизеров в стране не хватало. Между тем в лагерях имелось много леса и золотых рабочих рук – с их помощью можно было изготовлять деревянные гидролизеры, в которых планировалось осуществлять процесс обработки опилок серной кислотой при атмосферном давлении.

Правда, при этом проходил только процесс гидролиза крахмала и пентозанов и перерабатывалось только 8% всей древесины. Остальная древесина (клетчатка) не гидролизовалась, как это происходило при давлении в 10 атмосфер. Кроме того в процессе гидролиза получались пентозы, а обычные дрожжевые грибки (сахаромицеты) усваивали только гексозы (шестиатомные сахара), но пентозы не усваивали. И вот вывели особую расу дрожжевых грибков (монилиа мурманика), которая усваивала и пентозы. Эврика! Величайшая проблема была решена, что позволяло опилки перерабатывать в пищевые продукты, которые к тому же являлись великолепным лекарством от пеллагры, – в деревянных гидролизерах.

Гидролизпромпроект разработал типовой проект гидролизно-дрожжевого завода мощностью 500 тонн сухих дрожжей в год. Энтузиасты – специалисты из УЛЛП (Управления лагерей лесной промышленности) направили эти проекты для осуществления во множество лесных лагерей. Все стройки гидролизных заводов объявили ударными.

УРО (учетно-распределительный отдел) лагерей начал подбирать кадры. Специалисты спецэтапами направлялись на ударные стройки. Работа закипела.

Но... оказалось, что даже типовой технический проект (по которому, вообще, не строятся заводы, так как необходимы рабочие чертежи, выполненные для каждого завода в отдельности) дефектен. Не годились ни начало проекта, ни его конец. Да и весь проект не годился. По чертежам трубопроводы лезли друг на друга, врезались в балки. По чертежам строить завод нельзя.

Во всех лагерях, где планировалось строительство гидролизных заводов, чертежи начали переделывать.

По проекту опилки подавались на верх гидролизеров какой-то допотопной бадьей вручную. Для концентрирования дрожжевой суспензии запроектировали невыполнимый выпарной аппарат. Проектное бюро лагеря и Мультатули бадью заменили скребковыми транспортерами. Вместо негодного выпарного аппарата установили фильтрпресс.

Поскольку не привозили арматуру, начали изготовление арматуры на месте. Кроме того не было некоторых насосов. Организоововали у себя кустарное производство насосов.

Зеки старались вовсю. Тем не менее только в трех лагерях удалось пустить в эксплуатацию заводы, а в других местах строящиеся гидролизно-дрожжевые заводы так никогда и не были пущены. Но наименьшие убытки государству принесли как раз те лагеря, где гидролизно-дрожжевые заводы не были пущены! На начавших работать гидролизных заводах производительность оказалась в десятки раз меньше проектной. Качество дрожжей было настолько низким, что даже голодные зеки поедали их с большой неохотой.

Мультатули по этому поводу много писал в УЛЛП и через «свата» в экономотдел тайной полиции. Всё было безрезультатно. Только однажды начальник лагеря получил примерно такой ответ из УЛЛП:

«Вы подобрали хорошие кадры инженеров для работы на гидролизно-дрожжевом заводе. Их рационализаторские предложения можно будет осуществить впоследствии. Но пока необходимо пустить в эксплуатацию дрожжевой завод в соответствии с проектом для того, чтобы быстро наладить производство дрожжей для з/к».

Напрасно Мультатули доказывал, что пуск завода в соответствии с проектом – авантюра, что себестоимость негодных к употреблению дрожжей в 40 раз выше нормальной. Он дерзко указал, что значительно выгоднее тем хлебом, которые получают работающие на заводе зеки, откармливать свиней: количество доброкачественной свинины, полученной за счет этого хлеба, превысит количество полученных негодных дрожжей и себестоимость мяса будет в 40 раз меньше себестоимости дрожжей.

Впоследствии, еще перед пуском завода, до окончания войны, Мультатули по представлению треугольника: начальник лагеря, уполномоченный Третьей части и начальник КВЧ – был досрочно-послесрочно освобожден с прикреплением к лагерю. Досрочно – потому, что «контриков» во время войны не освобождали вне зависимости от окончания их так называемого срока заключения. Послесрочно – потому, что его внесудебный «срок» заключения кончился более 3 лет тому назад. Мультатули приложил героические усилия для того, чтобы его семья – жена и трое детей приехали к нему в лагерную глушь.

После ареста Мультатули семья его была выслана из Кремлевии в ссылку, в Курганскую область. Через много лет соседи рассказывали вернувшемуся Мультатули, как они плакали, глядя на водворение в машину его детей двух, четырех и пяти лет. Все малыши были больны коклюшем.

Ко времени полуосвобождения Мультатули, мать жены умерла с голоду. То же грозило всей семье. Это и послужило основной причиной вызова жены и детей Мультатули в лагерную глушь. Когда они с великим трудом приехали, было прислано последнее необходимое для пуска оборудование и Управление лагеря потребовало незамедлительно пустить в эксплуатацию завод.

Но завод пустить было невозможно. Не было извести, которая обязательно требовалась для нейтрализации гидролизата.

Задолго до пуска завода Мультатули многократно писал, что помимо всякого сырья и оборудования необходима известь. Он отмечал, что сам – как зек – не может ни с кем заключить договор на поставку известняка. А кроме того нужен кирпич и необходимо соответствующее финансирование для постройки печи по обжигу известняка. Никто на это не реагировал.

Когда прибыло последнее оборудование, уже не з/к, а в/н Мультатули вызвали в Управление и спросили, когда он намерен пустить дрожжевой завод. Он ответил, что завод готов к эксплуатации, но пустить его нельзя, так как нет извести.

Начальник отдела Управления лагерем, бывший зек Костров, не моргнув глазом, попробовал пугать: «Слушайте, Мультатули, я ничего не понимаю в химии-мимии, но желаю Вам добра. Вы перевезли сюда свою семью. Пускайте завод, иначе Вы опять попадете в зону и погибнет Ваша семья».

Никакие доводы, что дело не в химии-мимии и что без извести нельзя пустить завод, не помогли.

На следующий день было совещание у полковника (так называли начальника лагеря – был только один полковник).

Все начальники отделов вскакивали, как заводные, и рапортовали, что они все сделали для пуска ударной стройки.

Мультатули доложил, что завод к пуску готов, но без извести его пустить невозможно. Полковник тихо, но значительно сказал: «Мультатули, я желаю Вам добра. Пускайте завод. Исполняйте!».

Мультатули был потрясен тем, что может опять попасть в зону. А что будет с семьей, с детишками? Правда, дети были уже постарше: 10, 12 и 13 лет.

Он сел в поезд. От Управления до лагпункта было 60 километров. Мультатули начал думать горькую думу. Проехав 30 километров, сошел. Как хищник, начал высматривать, где лежат запасы бута (известняка) для ремонта разных железнодорожных сооружений. Наконец, нашел.

На следующий день он созвал своих зеков.

- Ребята, хотите быть расконвоированными?

- Хотим, гражданин начальник.

- Будете возить бут с тех мест на железной дороге, которые вам укажу?

Это было рискованно. Но «бытовики» ничего не боялись.

- Будем, гражданин начальник.

Два вагона бута были привезены. Заодно привезли украденную у железной дороги пару рельсов. Рельсы на кузнице были разрублены и использованы как насосники. У лога, выходящего к речке, вырыли четырехугольный котлован. Разобрали паровой котел. Три стены «печи» были земляные, четвертой стороной была громадная крышка котла, заделанная горбылем. Сверху печь закрывалась стальными листами.

В печь завалили вагон бута, затопили. Бут был обожжен. Появилась известь. Правда, пришлось после выемки обожженного известняка сортировать его, так как в этой импровизированной лагерной печи он плохо обжигался. Но известь удалось добыть. Начальнички, как всегда, оказались мудрыми. Завод был пущен. Больше Мультатули не разводил бесполезные химии-мимии.

Через 1–2 года все эти гидролизно-дрожжевые заводы были закрыты и затеянная авантюра так же бесславно закончилась, как в свое время – авантюра с растительным каучуком из гвайюлы, тау-сагыза, кок-сагыза и т. п. Правда, последняя «технология» применялась свыше 20 лет и стоила государству дороже.

Шайо и Кочев распределяли зеков по работам. Вся строительно-монтажная работа осуществлялась крайне примитивными способами и, конечно, вручную. Единственная механизация – 3-тонная толь. Главное орудие у землекопов: лопата, кирка и лом, у плотников – пила и топор. Все же, в эти примитивные методы работ прорывалась новая техника. Имелся электросварщик.

Помогала неистощимая изобретательность людей, сформированных нищетой и технической отсталостью. Например, надо гнуть трубы. Станка для этого нет. Тогда станок заменяют костром и пнем. Трубу засыпают сухим песком. Кладут в костер так, чтобы края трубы были вне костра. Когда середина трубы накаляется докрасна, по два человека берутся за края трубы и сгибают ее под определенным углом. Упором служит пень. Когда пень сгорает, приспосабливают другой пень. Основное орудие – истошный крик: «Раз-два взяли, дружно взяли!».

Другой пример. Сломали несколько ферро-силициевых насосов. В основном ломаются фланцы. На ферро-силициевые фланцы приспосабливают стальные фланцы. Остались последние два ферро-силициевых кислотоупорных насоса. Если их сломают, то беда. Завод нельзя будет пустить. Тут применяются мудрые методы начальства. Кочев обещает, а Мультатули подтверждает, что если будет сломан еще один ферро-силлициевый фланец, то бригада слесарей отправится на лесоповал. Это сразу срабатывает. Насосы установлены и фланцы целы.

Еще один случай. Прибыл паровой котел. Его надо сгрузить и волоком тащить полтора километра на дрожжевой завод. Кочев и Мультатули с бригадой такелажников отправляются за котлом. С помощью «раз-два взяли» и нечеловеческих усилий котел доставляют на завод.

Впрочем, самое трудное – не голыми руками таскать многотонный котел, а... достать конвой! Станция находится за зоной оцепления, конвой же очень дефицитен. Конвой не дают, но котел должен быть установлен в срок. Конвой запаздывает, а от установки в срок котла зависит пайка. Несмотря на запаздывание конвоя котел устанавливается в срок.

Кроме строительства завода, из строителей необходимо было готовить эксплуатационный персонал – аппаратчиков, в частности мастеров смен. Из мало-мальски интеллигентной публики имелись: Лопатин, бывший капитан корабля, Клингер – бывший юрист из Беловиц, Клячко – студент-электрик из Львова, Лебедев – старый профессор-физик из Кремлевии, Саввинов – химик из Брно, замарашка – бывшая миллионерша, жившая в столице и окончившая десятилетку, и некая «директриса» тоже с десятилеткой за плечами. Все эти зеки являли собой актив. Остальные либо окончили семилетку, либо и ее не осилили.

У каждого из этого актива когда-то была большая и интересная жизнь.

К работе на гидролизном заводе в тот момент годился только Саввинов. Это был мужчина среднего роста за сорок лет. Выглядел доходягой, более чем худощавым. По-видимому, в нормальном состоянии был весьма плотным.

Его родители, люди среднего достатка, в 1918 году бежали из Тмутаракании. Саввинов учился вначале в Константинополе, затем перебрался в Чехословакию и кончил институт в Брно. По специальности был сахарник и работник лаборатории. В лаборатории умел все, как большинство западных химиков. Мог собрать любой прибор, починить электрический шкаф. Работал быстро, анализы делал точно.

Саввинов обладал колоссальной волей. В лагере занимался исследовательской работой по увеличению в рационе зеков сахара на какие-то ничтожные доли процента. Вообще-то говоря, вся эта работа не стоила выеденного яйца, но упорство он проявлял неслыханное. Научился спать при отвратительном питании не более четырех часов в сутки. Вставал в полночь – в час и записывал свои расчеты. Хотя хлеба ему не хватало, менял его на бумагу.

Саввинов считал, что ему необходимы белки, и иногда менял пайку на... большую лагерную крысу. Варил из нее суп, не обращая внимание на то, что порой ему подсовывали дохлых крыс. Он уверял коллегу Мультатули, что суп и мясо крысы не хуже куриного.

Чтобы не тратить лишнего времени, необходимого для умственной деятельности, Саввинов не раздевался и не мылся от бани до бани, то есть не менее десяти дней. Поэтому по внешнему виду мало напоминал лагерного придурка, а больше смахивал на работягу, или, вернее, представлял нечто среднее между работягой и работягой-доходягой. Так как часть хлеба Саввинов тратил на «канцелярские принадлежности», остатка скудного пайка (ударного пайка не удостоился) ему не хватало и он подбирал всякую дрянь вроде гнилых рыбных костей, которых более зажиточные лагерники не ели, а также упорно выпрашивал добавки у дежурного и повара.

Но держался Саввинов молодцом. Регулярно вставал ночью и писал. То ли для успешного продвижения своего «исследования», то ли из подхалимства «посвятил свой труд уважаемому руководителю Мультатули». В свободное время он с упоением вспоминал про «афинские ночи», участником которых был то ли в Константинополе, то ли в Брно.

Клингер сразу производил впечатление весьма культурного человека. Ему удалось сохранить чувство человеческого достоинства. В Беловцах он был видным функционером сионистского комитета. Много путешествовал, бывал в Греции, Палестине.

Многих ханаанцев Клингер успел из Беловиц переправить в Палестину. Сам же опоздал с отъездом и перед началом войны оказался среди нечисти, от которой очищали Вохровскую Буковину. Его направили в лагерь, а семью в Кучумию. Из его этапа в основном уцелели придурки, такие, как доктор Вадян, бригадиры, каптеры. Клингер, по образованию юрист, не мог приспособиться и попал на общие работы. Остался он в живых потому, что его подкармливал Вадян, который сам питался за счет больных зеков, а Клингеру отдавал свой паек. Впоследствии Мультатули устроил его на дрожжевой завод.

Лебедеву было всего 59 лет, но он производил впечатление глубокого старика. Этому способствовала длинная седая борода. До лагеря Лебедев работал профессором-физиком. Будучи очень разносторонним человеком, он хорошо знал историю, прекрасно разбирался в литературе, искусстве. Часами мог говорить об этом.

Хотя Лебедев уже два года провел в тюрьме и лагере, он все еще жил сообщениями из академической среды. В редкие свободные часы рассказывал Мультатули о новостях зарождавшейся ядерной физики, о цепной реакции, которую может вызвать бомбардировка нейтронами, о лавинном распаде. Иногда давал Мультатули литературу, получаемую от кого-то из Кремлевии. Как-то раз даже дал очень интересную статью Де Брайля. Но кроме книг он ничего не получал – ни вещевых, ни продуктовых посылок.

Будучи разносторонне образованным человеком, Лебедев ничего не умел делать руками. Когда его послали на дрожжевой завод, Мультатули предложил ему исправить плохо работавший электрический термостат. Лебедев не сумел это сделать и даже удивился, что ему дали такое поручение. Не смог он даже работать с микроскопом. Не смог усвоить несложную механику объемного анализа, хотя любую девочку, окончившую семилетку, простой методике тестирования обучали за месяц.

В конце концов Лебедева пытались использовать как сторожа. Но то ли из-за недоедания, то ли из-за старости он часто засыпал на посту. После этого он работал статистиком в санчасти, но и там не мог приспособиться. Вскоре бедняга перешел в «коллектив» доходяг и умер.

«Замарашка» окончила десятилетку. Во время войны занялась сбытом фальшивых продкарточек, заработала на этом миллионы рублей, но попалась, получила 10 лет ИТЛ и очутилась на дрожжевом заводе. Хвасталась, что миллионы свои запрятала. По-видимому, в лучшие годы могла выглядеть очень симпатичной, но теперь не каждый поверил бы в это, так как она редко мылась. Впрочем, была шустрой и понятливой.

«Директриса» считалась самой красивой зечкой в лагпункте. По мере сил следила за собой. К ней многие вожделели, но она всем предпочла маленького Шайо. Они друг другом были очень довольны, тем более что оба ухитрялись есть досыта. «Директрисой» ее прозвали, так как Шайо распустил слух, что она живет с... Мультатули.

Всего насчитывалось несколько десятков человек, из которых собирались воспитать мастеров и аппаратчиков. Разнокалиберная публика.

Обучать их должен был всё тот же вездесущий Мультатули. За это он дополнительно получал 50 копеек за час. За директорство выплачивали 40 рублей в месяц. Это называлось «премиальным вознаграждением», поскольку зекам не полагалось зарплаты. Ценность «премвознаграждения» познавалась через его покупательную способность. Например, хлебная горбушка весом в 400 гр. стоила 40 рублей. За преподавание Мультатули записывали больше часов, чем их содержится в сутках

Он пытался заработать любыми способами. После того как Мультатули узнал, что теща в ссылке умерла от голода, он постоянно думал, как добыть денег. Продавал каждый день полпайки хлеба, табак, который ему когда-то прислали, получал деньги за лекции, а также премвознаграждение. После долгих хлопот он добился возможности снять 600 рублей с лицевого счета и благодаря своему влиянию директора гидролизного завода получил разрешение посылать семье деньги. В течение двух месяцев ему удалось послать 3000 рублей. Это было 20 ведер картофеля по ценам Курганской области, но все-таки отодвигалась опасность гибели от холода его детей.

Лекции Мультатули, конечно, читал не 24 часа в сутки, а последние 4 часа из 10-часового рабочего дня. Два часа для будущих мастеров и два часа для будущих аппаратчиков.

Рабочий день заканчивался в 17 часов. Ходьба, ожидание развода и прочее в счет не входили. На лесоповал ходили за 8-10 километров. В действительности рабочий день длился 14-15 часов. После их истечения все зеки собирались у мостика, где кончалась зона оцепления. Опять долго шли сборы, в результате которых всех, наконец, строили. Вновь конвой принимал зеков. «Первая пятерка выходи, вторая пятерка выходи…»

А мороз здоровенный. Наверное, ниже сорока. Счастливчики носили валенки третьего срока. Большинство зеков обувались в «трамоты» или чуни и ватные чулки. Все лагерники были закаленными и в ходьбе переносили мороз сравнительно легко.

В конце концов подходили к зоне. Бывали невезучие дни: в зоне шло священнодействие – считали головы. Поверка – дело долгое: то одного недостает, то один лишний. Каждый раз счет начинался снова. Коменданты и нарядчики шныряли по баракам, разыскивали доходяг, которых не смогли выгнать за зону на работу. Самыми аккуратными были придурки, они первыми выходили на линейку. Доходяги хитрее – они могут протянуть ноги где-нибудь в укромном месте, где их и не найдешь.

А работяги, пока шла поверка, стояли у ворот за зоной под охраной конвойных и собак и читали душеспасительные лозунги, написанные на воротах энтузиастами из КВ-2: «Кто не работает, тот не ест»; «От всех по способностям, каждому по труду»; «Победа социализма и коммунизма во всем мире неизбежна»; «Позор лодырям!»; «Слава стахановцам!»; «От жаркой работы тает твой срок».

Пока в зоне считали головы, у ожидавших за ее воротами работяг отмерзали носы, щеки, деревенели ноги. Особенно плохо приходилось лесорубам. У них была самая тяжелая работа. Несмотря на жестокий мороз они так взмокали, что гимнастерки и белье были пропитаны потом. Когда они не меньше часа стояли и ждали, пока их впустят в родную, уютную зону, потная одежда промерзала. Хотя ледяная гимнастерка являлась хорошим изолятором, беднягам было нестерпимо холодно. Даже конвойным, которых сытно кормили, обували в валенки первого срока, снабжали полушубками и теплыми портянками, становилось холодно, и они нетерпеливо стучали в ворота, требуя закончить поверку.

Наконец, поверка кончалась. Ворота зоны раскрывались. «Первая пятерка выходи! Вторая пятерка выходи!»… Коменданты наскоро обыскивали зеков, и те бегом устремлялись «домой».

Отдых в зоне

Отдых в зоне был довольно активным. Требовалось провернуть множество дел. Самое главное – поиски пищи. Все завтракали не позже 5 часов утра. Чувство голода появлялось иногда сразу же после заглатывания баланды, а в лучшем случае – через 15-30 минут после окончания этой процедуры, одной из самой значительной для зеков. Пайку многие съедали немедленно после получения отчасти потому, что аппетит непомерен, а отчасти потому, что это был самый верный способ сохранения своего запаса хлеба. Зек никогда не был гарантирован от того, что пайку украдут.

«Контрики» и «бытовики» жили и работали вместе, что превращалось в огромную беду для политических. «Контрики» в основном представляли собой средних людей с нормальными моральными устоями. Конечно, в жестких лагерных условиях эта мораль претерпевала всяческие изменения. Люди постоянно ходили по самому краю физической гибели – все хотели выжить и всячески приспосабли-

вались. Но «контрики» друг у друга не крали. А одна из разновидностей «бытовиков» – урки воровали все, что могли, и, конечно, не у своих, а у «контриков», или как они их называли, « выб…ков Ягоды».

Особенно страдали «контрики», когда урки крали у них рукавицы или портянки. Без рукавиц обмораживали руки, без портянок – ноги.

Как-то в лагерь приехал майор из армии. Он рассказывал о войне и о том, как страна нуждается в лесе. После произнесения речи майор спросил – имеются ли жалобы. «Контрики», которые жили невообразимо хуже греческих и римские рабов (рабы представляли значительную ценность, и хозяева берегли их), просили только одного: убрать от них урок. Майор, который, по-видимому, был глубоко убежден, что имеет дело с подлинными врагами народа, с презрением ответил: «Кто вас знает, кто у кого крадет».

И действительно внешне зеки-«контрики» и зеки-урки были неотличимы. Разве что среди «контриков» было больше доходяг. Все они были одеты в одинаковые лагерные лохмотья, все были стриженые, у всех были серо-грязные, обросшие, безразличные лица.

Некоторые счастливчики, в частности, «стахановцы» и получатели ударных пайков (на дрожжзаводе), оставляли кусок хлеба, прятали за пазуху и съедали в 11-12 часов.

Все возвращались в зону предельно голодные. В «столовой» обедали по бригадам. Технология получения обеденной баланды была такой же, как и утренней баланды. Так же толпились жаждущие добавок. Доходяги шныряли по столам, собирали недоеденные кости, вылизывали миски. Не обходилось без скандалов и ожесточенных драк.

У кого оставался хлеб, те стряпали из него всевозможные блюда. Варили мякиш в кипятке. Поджаривали и потом варили. Сушили хлеб и откусывали хлеб крохотными кусочками, чтобы продлить удовольствие.

Те, кто имел отношение к лошадям, крали овес и несмотря на обыск проносили в зону. А там начинался сложный процесс переработки овса. Его сушили. Затем на грязной рубахе с прожаренными гнидами стеклянной банкой раздавливали зерна овса. У всех этих фабрикантов были самодельные сита, сделанные из консервной банки. С помощью гвоздя дырявили дно консервной банки.

Через такую банку просеивали размолотый и просушенный овес. После изготовления овсяной то ли крупы, то ли муки варилась каша. Весь процесс был крайне трудоемкий и заканчивался намного позднее отбоя. А отбой – в 22 часа. Хотя зеки ели эту кашу с аппетитом, вкус у нее был омерзительный. Нормальный, не голодный человек, конечно, не мог бы ее есть.

Доходяги, у которых не было сил, меняли 200 гр. хлеба на банку овса и уписывали зерна овса, слегка поджаривая его. Часто они засоряли желудок и умирали.

Вообще, мена шла во всю. И, странное дело, хотя зеки плохо представляли себе калорийность пищевых продуктов, мена совершалась именно в соответствии с их калорийностью. Например, раз или два в год выдавали 300 гр. сахарного песка. Доходяги обменивали его на 750 гр. хлеба. Обладатели этого песка, растворяли его, варили и очень искусно приготовляли что-то вроде фруктового сахара. С одним маленьким кусочком такого сахара они выпивали пол-литра кипятку. Но подобное удовольствие можно было позволить себе очень редко.

Другие зеки в свободное время занимались починкой своих лохмотьев. Разную мелочь в портновскую не сдашь, да и сдавать туда в починку не так уже просто. Сдавать следовало через дневальных, в очереди.

Иглу достать было сложнее, чем нитки. Применялись самодельные иглы, которые зеки изготавливали из проволоки. Такая игла ценилась в 200-300 гр. хлеба. Нитки можно было достать у тех, кто получал посылки.

Из-за этих сложных обстоятельств и недостатка времени (требовалось сохранить побольше времени для сна на «уютных» нарах), зеки брались только за те починки, которые абсолютно необходимы.

Чинили рукавицы, шили потайные карманы. Заплаты зеки никогда не накладывали: не хватало тряпья, времени, дефицитных иголок и ниток.

К отбою большинство зеков уже похрапывали. Не спали только фабриканты каши и некоторые придурки, которые пробирались к своим любовницам в женские бараки. Не спали также бригадиры, десятники, нарядчики. Они все на разнарядке.

Вел разнарядку начальник лагпункта капитан Дубровник, длинный (1м 85см), сухощавый мужчина с тупым и свирепым лицом. Он, по-видимому, был из штрафных. Вообще, в лагерях встречалось много штрафных работников тайной полиции. До войны даже те бывшие работники органов, которые имели длительный срок заключения, зачастую становились в лагерях большими начальниками. Так, Мороз, бывший начальник Бакинской тайной полиции, спьяну застреливший в кафе человека, был осужден на 10 лет и, будучи заключенным, исполнял обязанности начальника лагеря. Этот самый Мороз стал изобретателем 12-часового прерывного рабочего дня для грузчиков угля в Усе. Впоследствии он был освобожден, а затем расстрелян из за связи с Ягодой.

Медведь, который получил 10 лет заключения как участник «дела Кострика», (он был начальником Ильчевградской тайной полиции), тоже стал начальником лагеря. Впоследствии он исчез. Может быть, расстреляли.

До войны заключенные, бывшие работники органов иногда даже назначались уполномоченными Третьей части в лагерных подразделениях. Впоследствии, может быть потому, что вспомнили, что Третья часть созвучна с Третьим отделением царских времен, ее переименовали в оперативно-вохровский отдел лагеря. В лагпунктах все отделы назывались частями.

Во время и после войны заключенные больше не назначались начальниками. Проштрафившиеся работники тайной полиции, не получившие срока заключения, направлялись в различные глухие лагеря.

Дубровник был одним из этих проштрафившихся. Он оказался вполне на месте. Если бригадиры или десятники просили отпустить работягам побольше премблюд (премблюдо – черная дрянная булочка весом 150-200 гр.), он орал: «Эти лодыри не имеют права на премблюдо! Они его не зарабатывают. Я не могу направо и налево раздавать продукты».

Сам он не делал различия между своим и казенным. Неоднократно требовал у Мультатули всяких благ из склада дрожжевого завода для своего личного хозяйства. Он использовал рабов-дневальных из заключенных. Эти дневальные выполняли обязанности прислуги, откармливали его свиней и птиц. У Дубровника были большие огороды, на которых зеки выращивали для него картофель. Этот картофель он сдавал в ларьки заключенных,

где его продавали по 10 руб. за кг. Таким образом, с гектара он собирал до 100 тыс. рублей. Вместе с тем он был большим патриотом и, если видел, что какой-нибудь доходяга присел отдохнуть, то этот здоровенный верзила тихонько подкрадывался и лупил полудохлого доходягу дрыном.

На разнарядках Дубровник тоже был очень патриотически настроен и всячески стремился урезать количество зеков на работы, чтобы с минимумом людей выполнить максимум работ.

Обязательно присутствовал на разнарядке начальник конвоя. Во время войны конвоя не хватало, и места работы следовало намечать в соответствии с наличием конвоиров.

Этот начальник конвоя был весьма изобретательным по части лозунгов. Вся казарма вохровцев пестрела ими. Были, например, такой лозунги: «Перевыполним план по побегам – ни одного побега!»; «Служебная собака – твой лучший друг и помощник. Береги и холи ее».

Изредка приходил на разнарядку и «сват» – уполномоченный Третьей части, хлипкий мужчина лет за сорок с острым птичьим лицом. У него, как у всех «сватов» был свой штат стукачей среди заключенных. Одних он запугивал, других подкармливал. Чтобы не разоблачать своих информаторов, он вызывал к себе массу всяких зеков, и стукачи в ней терялись. Впрочем, большинство стукачей – по разным признакам – зекам были известны.

Особенно, любил уполномоченный вызывать зечек. Отличался большим сластолюбием. Жена была лет на десять старше его и выглядела очень старой. Вольнонаемные женщины им брезговали – уже очень он был некрасив и омерзителен. Хотя большинство из них были соломенными вдовами, никакие посулы и даже скрытые угрозы не могли принудить их вступить в связь с уполномоченным. Зечки же были беззащитны. Медвежья шуба во второй комнате кабинет «свата» была широко известна среди зечек лагпункта. На этой шубе побывали также и некоторые работницы дрожжевого завода. После пребывания на ней у них появлялись сливочное масло, американская колбаса, консервы, тушенка.

«Сват» был большим патриотом. Он часто делал доклады в клубе вольнонаемных. Наиболее красноречиво и возвышенно звучал его доклад на тему присвоения Виссарионову звания генералиссимуса. «Сват» с патриотической дрожью в голосе пояснял, как был бы счастлив Суворов, если бы он мог осознать великую честь быть генералиссимусом наряду с величайшим из великих – Виссарионовым. Как счастливы генералы, что генералиссимус – генерал над генералами – это именно величайший из великих гениев, наш родной отец и вождь Виссарионов.

Разнарядка проходила бурно и долго.

Когда все зеки и конвойные распределялись по работам, усталые и полусонные бригадиры и десятники расходились. Особенно плохо было бригадирам. Им приходилось вставать раньше всех и вместе со своими телохранителями бежать в хлеборезку за пайками.

Как обычно, после разнарядки возвращались в свою кабинку Глюкович, Кочев, Шайо и Мультатули. Не успели они улечься, как ворвался нарядчик:

- Мультатули, пляши! Тебя вызвали на освобождение.

- Иди ты к черту. Врешь.

Мультатули третий раз вызывали на освобождение. Первый раз – еще во время следствия. Следователь во время ночных допросов много раз пытался выяснить что-нибудь о связях Мультатули с «врагами народа», в частности с неким Ковшовым, о котором арестованный и понятия не имел. Следователь давал ему фотографию Ковшова и с «пристрастием» допытывался, знает ли он этого бандита. Следователь утверждал, что Мультатули, используя свое влияние, пытался устроить Ковшова на работу в Кремлевии.

В конце концов Мультатули полюбопытствовал: когда же он пытался устроить этого незнакомого ему бандита? Следователь ответил, что это было в период между 8-м и 15-м февраля. Мультатули обрадовался! 11 февраля его оперировали. В больнице он пробыл с 5 февраля до 21 марта. Об этом, ухмыляясь, и сообщил следователю. К его удивлению, это было проверено. Следователь объявил, что алиби Мультатули доказано и он будет освобожден. Но он должен понимать, что в Кремлевии не может оставаться, хотя в любом другом городе сможет работать, например, в Вологде. Может быть, Мультатули хочет свидания с женой? Может быть, он хочет, чтобы жене выдали справку о его невиновности для того, чтобы она получила его двухмесячный оклад? Может быть, он хочет, чтобы ему передали все письма жены? Мультатули ответил, что он всего это хочет.

И вот, на диво всей густонаселенной камере номер 88, Мультатули принесли кучу писем жены, ему дали свидание – явление совершенно не слыханное для того периода! Жена на свидании сообщила, что получила справку для получения двухмесячного оклада. Вся камера завидовала и поздравляла Мультатули. После этого его никуда не вызывали.

Прошел месяц, другой.

Наконец – «Мультатули, с вещами!». С вещами вызывали для перевода в этапную камеру или вообще при переводе в другую камеру, а также при освобождении и... при переводе в камеру смертников. Конечно, вызывали на освобождение. Мультатули собрал свои «шмутки» – небольшой узелок. Вся камера вновь поздравляла его. У некоторых в глазах стояли слезы.

Мультатули привели в «Бутырский вокзал». Он состоял из отдельных маленьких камер без окон; которые зеки называли собачниками. В собачнике уже сидел уже какой-то зек. Странно, но этот зек был очень знаком Мультатули. Где же он видел его? Зек тоже смотрел на пришельца с явно выраженным

любопытством. Внезапно у обоих мелькнула почти одновременно гениальная догадка. «Вы бандит Ковшов?» «Вы бандит Мультатули?» Наконец-то, однодельцы, придуманные следователем, встретились. Обоим во время допросов следователи показывали фотографии «сообщника».

Впоследствии они оба попали в одну и ту же этапную камеру. Первый день относились друг другу даже враждебно. Каждый предполагал, что другой наговорил всякую всячину и оклеветал его. Но затем все выяснилось, и они стали друзьями. У обоих была весьма интересная жизнь, о которой они рассказывали. Неделя пребывания в этапной камере протела незаметно. Через неделю они расстались навсегда...

Из собачника Мультатули повели куда-то по коридорам, велели оставить вещи и запустили в какой-то кабинет. Какой-то чин ему зачитал: «По постановлению Особого Совещания от такого-то числа и года, он, Мультатули, за контрреволюционную деятельность осужден на 5 лет ИТЛ. Срок заключения считается с такого-то числа, такого-то года».

«Но, позвольте, ведь никакого суда не было и никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался». «Вы читали Постановление? Распишитесь, что Вы читали». Мультатули расписался. Так он был «освобожден» в первый раз.

Второй раз его «освободили» вскоре после начала войны. Еще в Воркуте после тяжелого периода общих работ он стал номенклатурным лагерным работником и использовался только на легких придурочных работах: нормировщиком, заведующим лабораторией и т. п. По лагерным понятиям, он жил неплохо. Но вдруг его вызвали с «вещами» на этап.

После длительного мучительного этапа, длившегося три месяца, на баржах, пешком, в трюме речного парохода, в трюме океанского парохода и, наконец, в столыпинском вагоне, его привезли в родную Бутырскую тюрьму. Там его отмыли от вшей, прожарили одежду первого срока, которую ему выдали перед этапом, и привели в камеру.

Вначале, как новенькому, ему дали место около параши, где после этапных приключений он чувствовал себя, словно в раю. На другой день выяснилось, что он старый лагерный волк, и ему дали лучшее место. Тут же принесли ароматную и вкусную бутырскую баланду. После трехмесячного питания всухомятку (только черствый, черный этапный хлеб) баланда казалась божественным нектаром.

От сокамерников Мультатули узнал, что через эту камеру проходили зеки, которых технический отдел ГУЛАГа комплектовал для какого-то ОКБ (особого конструкторского бюро). Ему описали весь процесс оформления в ОКБ.

Сначала в «Конверте», особой машине с маленькими кабинками, где колени упираются в подбородок, привозят на Лубянку, в технический отдел ГУЛАГа. Там ожидают в какой-то маленькой комнатушке. Затем приводят в огромный кабинет, где стоит большой письменный стол и перпендикулярно к нему – длинный-длинный стол. За письменным столом сидит человек с тремя ромбами. В конце длинного стола сидит человек в великолепно сшитом штатском костюме. Человек с ромбами задает вопросы, человек в штатском что-то пишет. Все это длится 7-8 минут. Затем привозят обратно в Бутырскую тюрьму и отсюда через 1-2 дня – в таинственное и завлекательное ОКБ.

Все было так, как рассказали. Только Мультатули спрашивали не 7-8 минут, а всего 3 минуты. Затем его привезли в Бутырскую тюрьму и увезли оттуда не через 1-2 дня, как других, а через месяц. Вместо ОКБ его посередине лютой зимы, в ботинках доставили в лесной лагерь и сразу начали направлять на разные тяжелые работы. В конце концов Мультатули стал заведующим лагерным кирпичным заводом и вновь жил относительно неплохо.

Тут его вновь вызвали на освобождение. И Мультатули, и другие были удивлены. На освобождение вызывали только «бытовиков», у которых кончались сроки с учетом зачетов. «Контриков» же не освобождали, вне зависимости от того кончился или не кончился срок. Все было очень странно.

Однако Мультатули выдали с его лицевого счета 300 рублей. Он купил шикарные свиные туфли, не менее шикарные брюки и бушлат первого срока, запаковал в чемодан папиросы, табак и другие «шмут-

ки» и франтом отправился на комендантский лагпункт для оформления освобождения. Он сразу же попал в барак, наполненный урками, так как освобождали в основном ворье, и те его сразу обобрали.

Мультатули послали на земляные работы и почти не кормили. По-видимому, выяснилось, что в УРО напутали – «контриков» не полагалось освобождать – и, чтобы скрыть свою ошибку, Мультатули загнали на штрафной лагпункт.

На этом лагпункте он должен был отправиться к предкам. Однако, к собственному удивлению, и там выжил.

11 января 1945 года Мультатули в третий раз вызвали на освобождение и на этот раз действительно освободили, правда, с прикреплением к лагерю.

Мультатули знал двух своих солагерников, которых по одному разу ложно освобождали. Одного из них, в прошлом художника, в 1940-м вызвали на освобождение. Хотя он был «контриком», у него набралось свыше года зачетов. Было время, когда некоторые «контрики» получали зачеты – конечно меньше, чем «бытовики» (те в некоторых случаях получали 3 квартала за 1 квартал, и таким образом их срок сокращался втрое).

Бывшего художника спросили, куда он собирается поехать на постоянное жительство. Он назвал ряд столичных и областных городов, но ему неизменно отвечали, что туда нельзя. Тогда он попросил работников УРО порекомендовать ему город, где ему можно поселиться. Куда хотите, отвечали ему. Тогда художник заявил, что изучит географическую карту и после обеденного перерыва продолжит перечень городов, куда он хочет поехать. В перерыве УРО получил пакет, в котором было указано что все зачеты «контрикам» отменяются, и художника отправили на лагпункт, где он отбывал срок заключения. Вернулся он поседевшим. Впоследствии стал доходягой и умер.

Второй солагерник тоже поседел, когда узнал, что его не освободят

Оформление освобождения

Как влиятельному придурку, Мультатули выдали на руки его дело, сэкономив таким образом дефицитного конвоира.

В первый раз он увидел свои фотографии в профиль и анфас, сделанные на Лубянке. Снимки были великолепны. Мультатули даже не поверил, что таким он был 8 лет тому назад. С фотографии на него глядел молодой энергичный человек, твердо знающий свое место в мире и исполненный сознания своего достоинства. Он совершенно не походил на бородатого стриженого человека с серо-грязным лицом, на котором едва-ли можно было уловить проблески мысли и который был весьма был похож на пахана урок.

Мультатули думал о том, как сильно меняют облик человека лагерь, лохмотья, борода, жизнь в грязи. Так его не изменит самый искусный грим.

Ему страстно захотелось содрать эти великолепные фото и сохранить их для своих потомков. Однако снимки были добротно приклеены, и выдрать их можно было только с бумагой, к которой они были приклеены. Сказалась лагерная дисциплина, и Мультатули фото не тронул.

Приехав на комендантский лагпункт, Мультатули предъявил на вахте свое «дело». Первым делом с него сняли валенки первого срока, которые ему выдали как директору дрожжзавода. Снятие валенок было первым актом оформления освобождения. Взамен ему выдали чуни с бахилами (ватными чулками). Затем в сопровождении нарядчика Мультатули прошел в зону.

Нарядчик, заметил, что имеет дело с культурным придурком (нарядчики умели индивидуализировать не различимые для вольнонаемных грязные фигуры зеков). Он посоветовал Мультатули не ночевать в бараках, так как там находились этапы отпетых урок, которые разденут его и будут отбирать пайки. Он порекомендовал попросить заведующего баней приютить его на несколько дней, пока будет оформляться освобождение, в бане. Мультатули так и сделал. Разыскал баню и попросил заведующего разрешить ему спать в бане. Заведующий согласился с условием, что Мультатули будет работать.

Работа заключалась в следующем.

Через лагпункт проходили многочисленные вшивые этапы. При входе в баню они должны были отдать свое вшивое тряпье на прожарку. Это тряпье Мультатули должен был относить в вошебойку. После мытья в бане зеков выпускали в другое помещение, куда Мультатули приносил им прожаренное тряпье. Помимо всего прочего это была очень тяжелая работа. За один раз приходилось переносить на палке 5 комплектов тряпья. И так приходилось бегать целый день. Каждый час пропускали 50 человек.

Спал Мультатули на одной из скамей, которые весь день использовались для мытья. Было сыро. Чувствовался специфический запах человеческих выделений людей. которые подолгу не мылись. Но он так уставал, что засыпал как убитый на жесткой, сырой банной скамье.

Кроме урок в январе 1945-го густо шли этапы несчастных людей, опоздавших на несколько минут на работу или без разрешения перешедших на другую работу. В тот период за такие преступления присуждали к 6 месяцам заключения. Но почему-то многим давали год и более. Несмотря на короткие сроки их отсылали в дальние северные лагеря. В большинстве эти преступники были молодыми женщинами. Мультатули обслуживал и женские этапы.

К этому времени ему исполнилось 43 года. Аскетичная жизнь до ареста, «монастырское» существование в лагере и ударные пайки дрожжевого завода способствовали тому, что к этому времени Мультатули достиг полного мужского расцвета.

Когда обнаженные, только с воли, молодые наяды окружали его, ему казалось, что он попал в магометанский рай и вокруг прекрасные гурии – блондинки, брюнетки, рыжие, толстые, худые, средние, только что помывшиеся. От них исходил густой, возбуждающий, женский запах. Эти прекрасные наяды окружали Мультатули и спрашивали: «Дедушка, дедушка, как же живется у вас в лагерях? Что же с нами будет?». «Ничего, доченьки, выживете» – утешал он. «Как же выжить? Работа тяжелая, а еды мало». «Доченьки, в лагерях много комендантов, нарядчиков, поваров, каптеров». «Но их же мало, а нас много».

Мультатули жалел этих молодых девушек. Он то знал, что только меньшинство попадет в лапы комендантов, нарядчиков, поваров и те их будут подкармливать за счет пайка работяг. Большинство же отправятся на тяжелые работы, потеряют женский облик. Некоторые из них перестанут мыться, и к их лежанкам нельзя будет подойти из за густого смрадного запаха…

Освобождение Мультатули было оформлено, ему вручили 3-месячный паспорт вольнонаемного II-ой категории, и он отправился в Вожаель, административный лагерь, оформляться вольнонаемным директором дрожжзавода.

Он уже имел право жить в гостинице для вольнонаемных. Но как вольнонаемному II-ой категории, что было видно по одежде (особенно выделялись чуни с бахилами), ему разрешили занять койку только в передней, где даже не было печки. Снег в ту пору был глубокий и набивался в чуни. В теплом помещении снег таял и вода впитывалась в ватные чулки, а сушить их было негде.

Через три дня назначение вольнонаемным директором было оформлено, и впервые за последние 8 лет Мультатули начал получать зарплату – 700 рублей в месяц.

Надо было возвращаться восвояси. Обычно от Вожаели до железнодорожной станции Весляна, находящейся на расстоянии около 20 километров, шел автобус, вернее грузовая крытая машина со скамейками. Все же в машине, наполненной людьми, было теплее. Так как было неизвестно, пойдет ли автобус, Мультатули сел в открытую грузовую машину. Мороз был градусов 35, дорога очень плохая, и машина еле ползла. 20 километров она преодолела за 3 часа.

Через 15 минут Мультатули почувствовал, что пальцы ног начинают промерзать. Ватные чулки-то были мокрые. Стало ясно, что дело плохо. Надо было сойти с машины и пойти назад в Вожаель, но Мультатули ехал дальше. Он шевелил пальцами, постукивал ногами. Ничего не помогло. Ноги замерзали, и вскоре чувствительность была потеряна. Мультатули надеялся приехать на станцию Весляна, разуться и оттереть в теплом помещении ноги.

Наконец приехали. Но, увы, станция не отапливалась! Несколько часов Мультатули ходил по станции на своих култышках. Вернее, не на своих, а на чужих, так как он ног не чувствовал. Наконец прибыл поезд. Но вагон, в который он попал, тоже не отапливался!

Мультатули впал в уныние. Быть полуосвобожденным, конечно, неплохо, но как быть без ног? Он не верил, что сможет танцевать на протезах. Ему вспомнилось, как недавно повесился врач, освобожденный на соседнем лагпункте…

Наконец, он приехал в родную зону. Его встретил старенький дневальный. Мультатули ему тут же сообщил, что ноги его пропали.

Дневальный стащил чуни и бахилы. Замерзшие мокрые бахилы стояли, как сапоги. Ступни ног были белые. Дневальный начал оттирать ноги. Бахилы оттаивали. С них текли капли воды. Ноги тоже оттаивали, но с них не текла вода. Дневальный затем выжал из бахил чуть ли не банку воды.

Ноги остались, протезы не были нужны. Только впоследствии много лет спадали ногти с больших пальцев.

Позже Мультатули спрашивал у врачей, каким образом сохранились ноги, которые не менее 12 часов были в замороженном состоянии. Врачи либо не верили, либо ничего не могли объяснить. Сам Мультатули объяснял это следующим образом. Ледяные бахилы являются неплохим изолятором. Ноги охладились только до нескольких градусов выше нуля. При этой температуре они теряют чувствительность. Но ноги не замерзли.

Сидя в своей кабинке, Мультатули не думал об этом. Он испытывал блаженное состояние. Было восхитительно тепло. Он вновь чувствовал ноги. Баланда, которую принес дневальный, казалась очень вкусной.

Но приходили и мрачные мысли. Завтра его выгонят из уютной зоны. Жить будет негде. Разве что на дрожжзаводе. Но дрожжзавод из-за ремонта котла не отапливается. Северный паек еще не оформлен. На 700 рублей в месяц можно купить только 700 гр. хлеба.

А где-то в ссылке голодали дети и жена. Война еще не завершилась. В любой момент могли загнать обратно в зону. Мультатули знал, что дрожжзавод – бесперспективное и авантюрное предприятие.

В лагере доходяги умирали. На их место пригоняли новых. Могущество Виссарионова было беспредельно. Степень его обожествления всё увеличивалась.

Мультатули думал о том, что ярлык «врага народа», по-видимому, останется за ним навсегда. Если и удастся получить открепление от лагеря, то неизвестно, где поселиться, потому что в огромном количестве городов запрещается жить. Он даже не знал, какое у него будет ограничение: минус 100 или минус 200 городов, в которых недозволено селиться. И стоит ли уезжать в обжитые места? Из таких мест бывшие враги народа довольно быстро возвращаются в лагерь. А будучи вольнонаемным в лагере, всё же меньше шансов стать опять зеком.

Хотя он знал, что все в нашем подлунном мире переменно, но не мог и вообразить, что через 20 лет, сидя в уютной квартире в Кремлевии, будет читать в журнале «Москва» рассказ Адлан-Семенова «Каменный барельеф», заканчивающийся стихами:

«Кто опрокинул лагерные зоны
И вырубил под корни лагеря?
Кто обуздал безумье произвола?
Из глубины болот
Из гиблых мест
Из лагерей
Из казематов голых…
Защитников «культа» не найдется.
А если есть?
Я вызову из тьмы
Поэтов тени,

Тени полководцев
И тени коммунистов с Колымы.
Я вызову в свидетели парторгов,
Красногвардейцев,
Партизан седых.
И явятся они в молчаньи строгом.
Не перечесть свидетелей моих.
Я вызову расстрелянную славу,
Героев волочаевских ночей.
Поэты и без права и по праву
Стихами убивают палачей.
Они свергают ложные кумиры
И попадают первыми в обвал.
Остается в мире
Поэзии верховный трибунал…».

Железногорский завод синтетического каучука. 1946-1950 гг.

11 января 29 г. в.в.э., еще до окончания войны, Мультатули был «освобождён» с прикреплением к лагерю. Неудобно было водить директора гидролизного завода на работу под конвоем в сопровождении собак. К тому же так называемый пятилетний срок заключения, на которой Мультатули был заочно осужден неконституционным, так называемым Особым Совещанием тайной полиции, кончился еще 2 сентября 25 г. в.в.э. Так как других «контриков» начали освобождать только через два года, считалось, что Мультатули освобожден досрочно-послесрочно.

Незадолго до этого. мать его жены, которая вместе с последней находилась в ссылке, умерла от голода. Зарплата, которую Мультатули получал после «освобождения» как вольнонаемный, была символической. Основой существования был довольно солидный по тем временам северный паек.

Опасаясь за судьбу детей, несмотря на трудности переезда в военное время, Мультатули решил перевезти семью к себе, в лагерные места. Семья приехала уже после окончания войны, в августе. Встреча была трогательной. Девять лет Мультатули не видел детей, которых оставил крошками. Сердце Мультатули больно сжалось, когда он увидел их в отрепьях.

В те времена нужна была большая изворотливость, чтобы одеть и прокормить пять человек. За девять лет, когда Мультатули иногда подолгу находился на самой грани физического уничтожения, вспоминания об отвратительных семейных скандалах смягчились, и Мультатули был все же благодарен своей скандалистке-жене (с которой, кстати, находился в официальном разводе) за то, что она сохранила детей.

Однако только первая неделя была мирной, Мультатули полгода копил для детей тушенку, крупы, жиры. Он с громадным удовольствием наблюдал за их неистребимым аппетитом (бедняги редко ели кашу и еще реже видели мясо). С удовольствием носил их всех троих вместе – десятилетнего сынишку и девочек двенадцати и тринадцати лет – хотя они вместе весили более 100 кг.

Недоразумения с женой начались с того, что Мультатули возражал против методов свирепого воспитания, в частности побоев. Кроме того, он на один свой северный паек не мог накормить и одеть всю семью. Жена Мультатули сразу позабыла о своих девятилетних мытарствах, когда Мультатули находился в системе лагерного перевоспитания, не хотела идти ни на какую службу. Отговаривалась: там холодно, работа продавцом опасна из-за материальной ответственности и т.п.

С большим трудом Мультатули убедил ее пойти на фиктивную работу лаборантки гидролизного завода, на котором он работал директором. Был получен второй северный паек. Но эта «липа» была нравственным мучением для Мультатули. Тогда за малейшее опоздание осуждали на 6 месяцев заключения, а жена, считая себя «директоршей», опаздывала на часы.

Уже через две недели она начала скандалить. Чтобы терроризировать Мультатули, громко орала: «контрик», «лейбист».

Два северных пайка тоже не могли обеспечить семью всем необходимым. К тому же однажды из-за неосторожности детей сгорели с трудом добытые валенки. При морозах в 40-60 градусах вся семья осталась без теплой обуви. Зима с 29 на 30 г. в.в.э. была суровой. Однажды, когда температура снизилась до 55-60° мороза, кончились дрова и осталось только одно громадное 400-килограммовое бревно, которое Мультатули не мог поднять на козлы.

Жена была скандалисткой высшей квалификации и отлично работала языком, но из физических работ признавала только гимнастику. Мороз был страшный. Пришлось Мультатули одному поднимать на козлы громадное бревно, чтобы распилить. Он сумел его поднять, но надорвался. Разумеется, ничего не сообщил своей «любящей» жене. Впоследствии – в Железногорске – его дважды оперировали.

На следующий год Мультатули завел несколько огородов. С них собрал около полутонны картофеля.

Очень трудно было с учебой детей. В месте расположения гидролизного завода отсутствовали школы. Дети потеряли год. Мультатули начал хлопотать о разрешении уехать из этих мест. Ему в конце концов разрешили и выдали почти нормальный паспорт.

Этот «паспорт» имел одну особенность: «минус 220». Это означало, что Мультатули запрещается проживать в 220 городах. Мультатули даже точно не знал, где именно не дозволено проживание. Он смутно помнил, что запрещено селиться в столичных, областных, пограничных и еще каких-то городах.

Вне зависимости от той неясной информации, которой обладал Мультатули, он решил поехать в Кремлевию. Но выбраться с маленькой станции, на которой проживал Мультатули, было абсолютно невозможно. Во-первых, не продавали билетов, во-вторых, поезда останавливались на две минуты и проводники не открывали дверей. К тому же за Мультатули следовала одна старая женщина, которая приезжала к сыну на свидание. Он не мог бросить ее на произвол судьбы.

Мультатули часто оказывал услуги начальнику этой маленькой станции и был уверен, что тот продаст ему билеты. Но начальник уперся и не хотел этого делать. Мол, Мультатули уже не директор; на кой черт ему следует оказывать такую услугу! Наконец, прибыл состав, и только тогда начальник станции продал ему билеты, полагая, что Мультатули не сумеет сесть на этот поезд.

Но не тут-то было. Хотя все вагоны оказались запертыми, Мультатули взобрался на буфера и втащил за собой старуху. Сказался опыт гражданской войны, когда Мультатули приходился ездить на поездах любыми способами.

Был конец сентября, и ночью стоял лютый холод. Старуха совсем замерзала и все время стремилась свалиться. Мультатули, разумеется, тоже замерзал, но старушка (50-летняя...) являлась своеобразной грелкой. Приходилось все время ее поддерживать и не давать свалиться под поезд.

К утру совсем замерзшему Мультатули удалось влезть в переполненный вагон и втащить старуху. К вечеру прибыли в Костик, где следовало пересесть на поезд, направлявшийся в Кремлевию. Вокзал был переполнен лежащими, сидящими на вещах и стоящими телами. Трудно было даже втиснуться в помещение, чтобы погреться. Надежды достать два билета в Кремлевию были совершенно безумными. Мультатули решил «организовать» очередь, поскольку все попытки согреться на вокзале терпели крах.

К утру Мультатули – «организатору» очереди, удалось достать два билета из проданных кассиршей четырех.

Мультатули залез на третью полку пассажирского вагона и блаженствовал до самой Кремлевии.

Десять лет тому назад Мультатули ходил по этому огромному городу вольным человеком. Теперь столица державы казалась ему зловещими джунглями.

Мультатули боялся каждого полицейского. Больше всего он опасался вокзала, так как знал, что тот кишит стукачами. Ушлая старуха, которую Мультатули с таким трудом довез в Кремлевию, немедленно смылась.

Предусмотрительный Мультатули купил билет не до Кремлевии, а до Ставрограда на Казкаве. В случае, если какой-нибудь полицейский или «оперативник» его сцапает, он сможет сказать, что в Кремлевии проездом. Впрочем, Мультатули не был уверен, что Ставроград не в «минусе».

Мультатули сдал на хранение деревянный чемодан и пошел полюбоваться на «свой» дом в центре города, где некогда проживал. Около этого дома он встретил своего бывшего сослуживца и соседа, весьма симпатичного человека. Тот был несказанно удивлен, так как все знакомые Мультатули были уверены, что он давно погиб в системе лагерного перевоспитания. От него Мультатули узнал все новости. Однако к себе сослуживец не пригласил...

Мультатули оказался в безвыходном положении. К многочисленным знакомым, к родне жены и к своим собственным дальним родственникам Мультатули не решался зайти, предвкушая поворот от ворот. Искать место в гостинице с «минусовым» паспортом было бесперспективно. Ночевать на вокзале, как отмечено выше, было весьма опасно, по этой части Мультатули имел солидный опыт.

Шесть лет тому назад его приятельница Женя дала ему адрес своих близких родственников. Этот адрес он заучил наизусть. Мультатули решил с огромным опозданием передать привет от Жени. После того, как он рассказал о житье-бытье Жени шестилетней давности, его угостили чаем. После чая, часов в одиннадцать вечера, Мультатули собрался уходить.

Невестка Жени осведомилась, имеет ли Мультатули ночлег. Он ответил отрицательно. Тогда она предложила ему ночевать у них. Впоследствии оказалось, что Мультатули, одетый в брюки-галифе и френч из шинельного сукна, а также обутый в сапоги, произвел потрясающее впечатление на невестку Жени, бывшего прокурора одной из союзных республик, слегка репрессированной в 21 г. в.в.э. и работавшей юрисконсультом.

На следующий день Мультатули явился в Гипрокаучук. Он был первым, который живым явился «оттуда», из системы лагерного перевоспитания. Поскольку к тому же он был организатором и первым главным инженером Гипрокаучука, то являлся довольно одиозной фигурой. В знакомый ему кабинет нынешнего главного инженера в течение четырех часов нескончаемым потоком заходили работники Гипрокаучука, министерства и даже других институтов.

Приехал его бывший помощник Осов и начал обнимать Мультатули. Тот самый Осов, который произнес пламенную речь о контрике и лейбисте Мультатули после ареста последнего...

В целом бывшие сослуживцы Мультатули отнеслись к нему благожелательно. Наиболее влиятельные коллеги начали судить и рядить о том, куда «пристроить» его. Мультатули с большим трудом разъяснил, что в столицах и областных городах ему проживание запрещено. Это было непонятно сослуживцам. Они «забыли» черные времена 20-23 гг. в.в.э. Видимо, полагали, что только в те годы по непонятным для них причинам имели место массовые аресты, а до этого и особенно ныне, после победоносной войны, наступила Эра неслыханной демократии...

Все же кое о чем они, наверное, догадывались. Главный инженер Главкаучука Фридкамень, член вохровской партии, предложил Мультатули две работы: стать заместителем главного инженера Ефремовского завода синтетического каучука или начальником Управления строительства Железногорского завода СК, в 45 километрах от Гандкара, в центре Атахстана.

Директору Железногорского завода СК Ицхакову (бывшему профсоюзному» работнику) рассказали, какой «звездой» был некогда Мультатули, и директор всячески соблазнял его. Он узнал, что Мультатули многосемейный и нищий после заключения. Ицхаков обещал ему подъемные в размере трехмесячного оклада плюс оплату проезда семьи и провоза багажа, ссуду для покупки коровы, тонну картофеля, а главное – отдельную квартиру!

Он расписывал грандиозные перспективы этого строительства.

В 30 г. в.в.э., после окончания войны, в стране свирепствовал голод. Год был неурожайный. Но в Атахстане, в Гандкарской области, где неурожайные периоды были частым явлением, этот год наоборот выдался весьма урожайным. Цены на хлеб и картофель были в пять раз дешевле, чем в Ефремове. Мультатули надо было кормить пять ртов. Он выбрал атахстанскую глушь.

Мультатули пригласили на прием к заместителю министра по кадрам. Тот был из молодых (около сорока) и задавал множество глупых вопросов. Почему Мультатули арестовали? Ведь заводы СК работают хорошо. Работал ли Мультатули в заключении о специальности? Ведь Мультатули – видный инженер и было бы глупо не использовать его опыт и знания. Почему его семью выслали из Кремлевии? Мультатули только пожимал плечами и заявлял, что он сам ничего не понимает. Заверил собеседника, что, разумеется, его использовали по специальности, что жил он неплохо, а его семье всячески покровительствовали. Мультатули было не совсем ясно, кем является заместитель министра. Может быть, он наивный дурачок, а, может, прикидывается таковым. Через пару лет этот заместитель министра был снят с понижением в должности за «потерю бдительности» в случае с Мультатули...

Через пять дней министр подписал приказ о назначении Мультатули начальником УКСа Железногорского завода СК. Мультатули попрощался весьма трогательно с родственниками Жени и поехал в неведомый Железногорск. Уже давно он не ездил в мягком выгоне. Условия путешествия казались ему неслыханной роскошью. Так он роскошествовал четверо суток до Павлопетровска, где предстояла пересадка. Там Мультатули попал в привычные условия: бесплацкартный вагон, битком набитый вербованными кахами. Вновь санузлы были загажены, вновь, как в спецэтапе, он был буквально заеден огромными полчищами породистых вшей.

Так покрытый вшами Мультатули явился в дирекцию Железногорского завода.

Железногорск расположен в 45 километрах от Гандкара. Первыми поселенцами были «раскулаченные». Там была построена Гандкарская электростанция, которая обслуживала Гандкарский угольный бассейн. Во время войны началось строительство металлургического завода и завода СК. В качестве рабсилы до войны использовались «раскулаченные», к концу войны – сосланные представители «народов-преступников»: ингочеченцы и гунны, а также военнопленные гунны и банзайцы. После того как военнопленные гунны и банзайцы были отправлены на родину, их заменили зеки из огромного Гандкарского лагеря.

Строительство металлургического завода было, по-видимому, солидно обосновано наличием громадных запасов железной руды, топлива и известняка. Строительство же завода синтетического каучука было следствием обычной хозяйственной неразберихи, свойственной уродливой вохровской экономической системе. Единственным основанием были... мощные залежи почти химически чистого известняка.

Несмотря на то, что Наверский завод синтетического каучука работал из рук вон плохо, в Железногорске запроектировали почти двойник этого предприятия. Были построены такие же маленькие и не механизированные карбидные печи мощностью 7500 квт, хотя за рубежом, в странах гниющего капитализма, уже строили мощные карбидные печи на 60.000 квт с механизированной загрузкой извести и кокса и механизированной выгрузкой и охлаждением карбида кальция во вращающемся барабане. Были запроектированы и построены маленькие печи, мощностью 25 тонн извести в сутки.

К началу войны работники Гипрокаучука были эвакуированы из Кремлевии в Железногорск. Горя патриотизмом и желая в трудный час помочь родине, они запроектировали подобные Наверским цеха производства ацетилена, моновинилацетилена, хлористого водорода, хлоропрена, каучука. Они даже запланировали совершенно неэкономичный маленький заводик кокса, полагая, что во время войны трудно будет доставлять кокс для производства карбида кальция.

Следует отметить, что этот заводик кокса в трудные времена войны был полностью построен. Цеха же хлоропренового каучука не успели достроить. Для некоторых цехов были только заложены фундаменты, а для других установлены и стены.

К этому времени война победоносно закончилась. В восточной Гуннии начались демилитаризация и денацификация. Особенно усердно демилитаризация проводилась в областях Восточной Гуннии,

которые должны были отойти к Мазурии. В этих областях демонтировали почти сплошь все оборудование, которое считалось «трофейным».

В соответствии с этой политикой и был организован... маскарад. Вохровские специалисты из различных институтов наряжались в соответствующие офицерские мундиры. Новоиспеченные «офицеры» – «лейтенанты», «капитаны», «майоры», «полковники» и «генералы» – в шутку назывались «сарубовскими «офицерами», поскольку член Политбюро Сарубов ведал этой операцией по демилитаризации.

«Сарубовские офицеры» получали огромные оклады – 3000 талеров в месяц и более. Всего за 60 талеров в месяц они получали из Военторга достаточное питание. Под «руководством» этих «офицеров» гунны осуществляли демонтаж (то бишь «демилитаризацию») оборудования гуннских заводов, которое в официальной документации проходило как «оборудование особых поставок».

«Оборудование особых поставок» направлялось в глубь Государства Тмутараканского. В числе прочих был демонтирован недавно пущенный в эксплуатацию гуннский цимосвенский завод синтетического каучука. Еще до войны из чисто стратегических соображений (в Гуннии отсутствовала добыча нефти и был дорог спирт) гунны разработали сложный и многостадийный метод производства синтетического каучука из угля и известняка через карбид кальция, ацетилен, ацетальдегид, альдоль, бутилен, дивинил. Эту технологию они внедрили на двух громадных заводах, пущенных в эксплуатацию во время войны, – в Шпакоу и в Цимосвене. Как уже говорилось, Цимосвен отходил к Мазурии – поэтому его оборудование было демонтировано и увезено в Государство Тмутараканское. Шпакоуский завод не был демонтирован и до «организации» Гуннской демократической республики эксплуатировался «акционерным обществом» – то есть Государством Тмутараканским.

Директором-распорядителем Шпакоуского завода был назначен бывший подчиненный Мультатули, из молодых специалистов Женоровского завода СК. Одно время положение этого работника выглядело крайне неустойчивым, поскольку отец его в царские времена был жандармом. Но затем он пролез в вохровскую партию, сделал там карьеру, а после войны вывез из Гуннии значительные ценности, разбогател и стал крупным вохровским функционером.

Вместе с оборудованием была вывезена вся техническая документация. «Мудрецов» из Гипрокаучука, Главкаучука и Министерства пронзила «гениальная» экономическая идея. Оборудование готовое имеется, техническая документация имеется, процесс испытан и осуществлен на двух гуннских заводах – ergo, можно быстро смонтировать эту технику в Железногорске, где имеется достаточно известняка и топлива, функционирует Гандкарская электростанция, уже работают три карбидные печи и хватает рабсилы из «преступного» народа ингочеченцев.

Сказано – сделано. В Железногорск было заслано 3000 вагонов «оборудования особых поставок». В таком виде Мультатули и увидел строительство Железногорского завода СК.

В ведении директора Ицхакова находились и действующий завод – карьер известняка, цех известковых печей, цех карбидных печей, цех упаковки карбида, и строящийся завод – незаконченные цехи наирита, заводик кокса, площадка в 30 гектаров, на которой было размещено «оборудование особых поставок», дюжина временных складов, в которых были размещены электрооборудование и контрольно-измерительные приборы (тоже из «оборудования особых поставок») и РВЗ (ремонтно-восстановительный завод).

При РВЗ находилось конструкторское бюро из двух десятков человек, работавших под руководством сосланного гунна Погреба. Директор Ицхаков всё, что обещал Мультатули, выполнил с превышением: подъемные в размере трехмесячного оклада плюс дорожные расходы, квартира, сарай для коровы, ссуда в шесть тысяч вохриков для покупки коровы. Правда, в результате грянувшей финансовой реформы Мультатули вернул государству шесть тысяч полноценными деньгами, на которые можно было купить шесть коров. Но это уже не вина Ицхакова. Мультатули, как и многих других соотечественников, обжулило вохровское государство.

Ицхаков заявил, что начальник УКСа не может позориться в брюках галифе, френче из шинельного сукна и в лагерном бушлате. Он вызвал начальника ОРСа и распорядился о том, чтобы Мультатули были пошиты костюм и пальто из лучшего сукна.

Через неделю Мультатули преобразился. Не считая того, что постарел на десять лет, он выглядел так, как и столько же лет тому назад, до ареста.

Мультатули немедленно включился в работу. Он ознакомился с проектным заданием, выполненным Гипрокаучуком на базе захваченной гуннской технической документации. Он визуально ознакомился с «оборудованием особых поставок». Под открытым небом на площадке в 30 гектаров хранились сотни тысяч узлов. Хотя гуннский многоступенчатый и сложный процесс производства синтетического каучука был известен гуннам, галлам, саксам и колумбовцам, большая часть проектного задания и все оборудование были наглухо засекречены. Каждый из сотен тысяч узлов имел шифр из шести цифр и букв.

Демонтажные ведомости оставались китайской грамотой, и расшифровать их можно было (с величайшим трудом), только получив допуск к секретным делам.

Тайная полиция не давала разрешения на допуск Мультатули (как бывшего «врага народа») к секретным делам – которые, как уже отмечалось, были секретом Полишинеля, известным всем «гниющим капиталистам».

Вообще-то из инженерно-технических работников на строительстве работали либо бывшие «враги народа», либо представители «народов-преступников», главным образом, сосланные гунны. Те, кому можно было доверить секретные государственные дела, более или менее хорошо разбирались в карлсизме-ильичевизме и ничего не понимали в технике. Начальник спецотдела, сын раскулаченного, успевший пролезть в вохровскую партию, даже в карлсизме-ильичевизме разбирался плохо.

Директор Ицхаков хорошо знал профсоюзные дела. Главный инженер Шмидтов формально в «бригадные времена» закончил институт. Он был очень силен в карлсизме-ильичевизме, но о своей специальности инженера-электрика имел весьма смутное представление. Настолько смутное, что даже пытался создать perpetuum mobile, а именно: с помощью редуктора (приспособления для изменения количества оборотов) безгранично увеличивать мощность электромотора. Логарифмическую линейку Шмидтов считал чудодейственным прибором и, хотя не научился пользоваться этим простым устройством, всегда хвастал, что ночами производит на нем расчеты. В действительности по ночам он занимался совсем другими делами. Хотя был женат и многодетен, очень любил юных девушек и пользовался славой Дон Жуана, тем более, что в те крутые времена мог в изобилии доставать любые дефицитные продукты. Поговаривали, что он сексот, и директор Ицхаков побаивался его.

Были еще два инженера – члены вохровской партии, которым можно было бы доверить государственные секреты: Векслер и Петуханов. Они активно соперничали. Оба считали себя величайшими специалистами по производству карбида кальция и всячески порочили друг друга. Векслер вообще-то слыл человеком добросовестным и еще в Навере имел дело с карбидными печами. Петуханов приобрел заслуженную репутацию пьяницы, и весьма трудно было определить объем его инженерных знаний. Он побывал в Восточной Гуннии в качестве «сарубовского офицера», но там пьянствовал и даже не привез каких-либо ценностей. Вот Шмидтов, который тоже был «сарубовским офицером» и имел какое-то отношение к отправке «оборудования особых поставок», вместе с технологиями привез полвагона гуннских вещей.

Шмидтов был большим патриотом и ревностно осуществлял демилитаризацию и денацификацию гуннов. Он не только демонтировал руками гуннов оборудование, но собственными руками «демонтировал» шубы, фарфоровую посуду, отрезы сукна, скатерти и прочее «военное оборудование». Эти трофеи он вместе со своей женой, тоже членом вохровской партии, тщательно оберегал и сохранял, проветривая, посыпая нафталином, чтобы вражеская моль не попортила «продукты денацификации», ставшие достоянием вохровского государства. Патриот Шмидтов не затруднял государство эксплуатацией этого «военного оборудования» и, не покладая рук, вместе со своей патриоткой-женой сам его использовал.

Итак, патриоты, которым можно было доверить государственные тайны, были доками только в карлсизме-ильичевизме и ничего не понимали в технике. Даже парторг ЦК тоже ничего не понимал в технике, хотя Данов, ближайший подручный и родственник великого вождя Виссарионова, утверждал, что создание института парторгов ЦК на крупных предприятиях способствовало приобщению ведущих вохров к технике.

В результате с большими трудностями, под личную ответственность директора Ицхакова бывший «враг народа» Мультатули был допущен к секретным делам и получил возможность ознакомиться уже со всем проектным заданием, включая спецчасть, а также с секретными демонтажными ведомостями. Начальник спецотдела, патриот из раскулаченных, долго внушал Мультатули, что ему оказано высочайшее доверие, и ознакомил его со шкалой наказаний от 5 до 25 лет заключения за нарушение правил пользования секретной документацией. В частности, запрещалось переписывать секретные данные. Но запомнить шифры нескольких сотен тысяч узлов, невзирая на прекрасную память, Мультатули не мог. Поэтому, рискуя в соответствии с открывшейся ему шкалой наказаний получить 10 лет заключения, он в двенадцать блокнотов записал основные шифры.

Директор Ицхаков, то ли по опыту «профсоюзной» работы, то ли по другим соображениям считал, что основой любой «руководящей» работы являются совещания. По-видимому, и свою «руководящую» работу он оценивал по пятибалльной системе. Он считал, что отлично поработал, когда проводил пять совещаний в день, и плохо, если за сутки проходило только одно совещание.

Совещания эти были очень многолюдными и несмотря на шум – унылыми. Иногда на них приходили 50-100 «руководящих» работников завода.

Генподрядчик и его 15 субподрядчиков: Проммонтаж, Сантехмонтаж, Спецстрой, Фундаментстрой, Союзэкскавация, Теплострой, Термоизоляция и прочие – в свою очередь также проводили массу совещаний.

Главные совещания назывались оперативками. Ицхаков, как заказчик, проводил свои оперативки, генподрядчик и его субподрядчики – свои.

Один раз в неделю проводилась общая оперативка, на которой присутствовали все подрядчики и заказчик.

Разумеется, на всех этих говорильнях присутствовали в полном составе все треугольники (директор, или начальник, секретарь парторганизации или парторг ЦК, секретарь завкома или месткома) или даже четырехугольники (включая секретаря вохросомола) всех организаций: заказчика, генподрядчика и 15 субподрядчиков. Присутствовали и начальники всех отделов всех организаций.

Общая оперативка заказчика и всех подрядчиков представляла величественное зрелище. Обычно главными солистами были со стороны генподрядчика – Атахметаллургстроя – его главный инженер, который не имел почти никакого представления о строящемся заводе СК, а со стороны заказчика – Мультатули.

Шум на этих оперативках стоял невообразимый. В основном все старались свалить вину за нарушение сроков строительства отдельных сооружений и узлов друг на друга: субподрядчики на генподрядчика и наоборот, все подрядчики на заказчика, а заказчик на всех подрядчиков. Заказчик должен был в определенные сроки поставлять подрядчикам техдокументацию, оборудование, некоторые материалы и финансировать работы, а подрядчикам полагалось осуществлять строительство множества промышленных и жилых объектов. Первое многолюдное совещание у Ицхакова, на котором присутствовал Мультатули, только что вернувшийся из системы лагерного перевоспитания и привыкший к дисциплинированным лагерным совещаниям под «руководством» полковников или генералов с «государственно-безопасными мозгами», – обсуждало животрепещущий вопрос о комплектации «оборудования особых поставок».

Вообще трудно было что-либо понять. Стоял невообразимый шум. Выступало множество ораторов, большинство из которых были незнакомы Мультатули. Он успел познакомиться только с директором Ицхаковым, архитектором Царевым (который, кстати, числился кем-то вроде главного инженера стро-

ительства), главным инженером завода Шмидтовым, начальником РВЗ Тенором, начальником конструкторского бюро РВЗ Погребом и старшим инженером-строителем Зеленым.

Ясно было только одно: никто не имеет никакого понятия не только об объемах работы, но даже о номенклатуре объектов, которые следовало строить. Никто не прочел проектного задания, но даже если бы и прочел, то ничего не понял бы. Ни у кого не было никакого представления о том, какое оборудование следует монтировать и как его комплектовать. Никто ничего толком не знал о состоянии оборудования.

Многие, в том числе парторг ЦК, начальник ремонтно-восстановительного завода Тенор, главный инженер завода Шмидтов, знали оборудование только с точки зрения утилитарной. С их участием разворовали и обменяли на сельскохозяйственные продукты большие добротные мешки, в которые были упакованы дорогие контрольно-измерительные приборы.

Та же компания демонтировала мелкие моторы транспортеров, шнеков и лебедок. Их обменяли на сельскохозяйственные продукты. Были разворованы все большие фарфоровые чаши из лабораторного оборудования. «Концерн» этих патриотов эффективно использовал «демилитаризацию» гуннских заводов, способствуя механизации колхозов и улучшению собственного быта.

Со своей стороны, военнопленные гунны и банзайцы, занимавшиеся такелажем «оборудования особых поставок», тоже не зевали. Они выламывали алюминиевые трубы холодильников и лили из них ложки. Спиливали из тарелок ректификационных колонн стаканчики из нержавеющей стали. Все это они также меняли на сельскохозяйственные продукты.

Мультатули приехал поздней осенью в начале октября. Не прекращались дожди, которые поливали технику, размещенную на открытой площадке и ничем не прикрытую.

Так использовалось «демилитаризованное» «оборудование особых поставок». Следует отметить, что разорив новенький, с иголочки громадный завод и передав мазурам голые стены цимосвенского завода синтетического каучука, «великодушные» тмутараканские вохры впоследствии изготовили для мазуров проект устарелого неэкономичного завода синтетического каучука из спирта и даже помогли оборудованием, которое было смонтировано в опустошенных цехах цимосвенского завода.

Этот дорогой и неэкономичный завод мазурского синтетического каучука и поныне истребляет часть мазурских сельскохозяйственных продуктов.

На вышеописанном шумном совещании у Ицхакова начальник конструкторского бюро Погреб авторитетно заявил, что его подчиненные могут осуществить комплектацию оборудования для первой очереди завода в течение трех лет. К тому времени еще не был определен срок пуска первой очереди, но шли разговоры о том, что строительство и монтаж первой очереди завода должны быть осуществлены в срок менее года.

Мультатули был новым человеком на строительстве. Он только две недели тому назад приехал. Гуннский метод производства синтетического каучука был ему совершенно незнаком, но он успел ознакомиться с первой очередью: производством извести, карбида, ацетилена и ацетальдегида.

Мультатули неделю бродил по площадке, где было размещено «оборудование особых поставок» и, хотя не имел четкого представления об объеме работы по комплектации оборудования первой очереди, все же кое-что уже соображал. Комплектация оборудования состояла из следующих операций. 1. По демонтажным ведомостям и шифрам следовало подобрать и определить местоположение узлов каждого отдельного аппарата. 2. По проектному заданию подобрать аппараты для каждого цеха. 3. Определить, какие аппараты отсутствуют 4. Составить дефектную ведомость. 5. Определить объем работ по восстановлению этого оборудования.

Погреб сильно испугал «профсоюзного» директора Ицхакова сроком в три года для комплектации оборудования.

Погреб был весьма ушлым и успел приобрести авторитет как видный конструктор. В прошлом он работал в Кремлевии, а в Железногорск был сослан, как представитель «народа-преступника» (гуннов).

Среди всеобщего шума и уныния Мультатули попросил слова. Он заявил, что если будет выделен соответствующий безлюдный фонд и из Гипрокаучука направят десяток юношей и девушек – конструкторов, он, Мультатули, берется в сверхурочное время (после выполнения своих основных обязанностей) укомплектовать оборудование первой очереди за три месяца, а не за три года.

Его заявление произвело фурор.

Авторитет Погреба на заводе был очень велик, но Ицхаков успел в Кремлевии узнать, что сам Долгевич, главный инженер Гипрокаучука, был учеником Мультатули, что последний руководил проектированием первых заводов синтетического каучука. Поэтому он поверил Мультатули.

Вообще-то Ицхаков был человеком весьма энергичным. В короткое время организовал не только присылку десятка молодых конструкторов из Гипрокаучука, но и добился направления двух десятков инженеров из различных ведомств Кремлевии и Ильичевграда для комплектации электрооборудования, контрольно-измерительных приборов, сантехнического и прочего оборудования. (Мультатули взялся руководить комплектацией только технологического оборудования). Ицхаков добился выделения ста тысяч вохриков безлюдного фонда для оплаты этих двух десятков инженеров. С Мультатули он оформил противозаконное трудовое соглашение (формально не имел право этого делать, поскольку Мультатули являлся служащим завода). Гипрокаучук тоже был заинтересован в эскизировании аппаратуры и из безлюдного фонда платил Мультатули за руководство десятком конструкторов.

Впрочем, во всей этой шумной компании молодых и более опытных конструкторов (которых набралось более тридцати человек) был только один очень опытный конструктор Бычков, лет на десять старше Мультатули. Хотя он слыл практиком, но прекрасно знал оборудование известкового и карбидного цехов. К тому же принимал участие в демонтаже Цимосвенского завода синтетического каучука.

Документы оформления оплаты по безлюдному фонду составлял и подписывал Мультатули. Тогда уже было принято давать «маклерские». Все инженеры, получавшие по безлюдному фонду, относили 25% Мультатули. Тот в шутливой форме отклонял предложения принять «маклерские».

Неизвестно, что думали инженеры, предлагавшие Мультатули «маклерские». Может быть, они считали, что Мультатули не удовлетворяется 25%. Так или иначе после ряда попыток они уже больше не предлагали Мультатули «маклерских» и начали приносить ему... водку. Но он не пил. Когда после осуществления комплектации эти инженеры возвращались восвояси, один из них перед самым отходом поезда сунул Мультатули в карман 500 вохриков и тут же вскочил на подножку. Через четыре с лишним года, будучи в ссылке, работая смолокуром и расходуя 10 вохриков в неделю на ведро картошки и 4 кг черного хлеба, Мультатули горько пожалел, что отказался от 25 тысяч вохриков «маклерских», тем более, что львиную часть работы этих 20 инженеров выполнил он сам...

Все же двух инженеров Мультатули использовал в «корыстных» целях. Они ему помогли нагрузить сено, которое он приобрел для коровы, на машину и на крышу сарая.

Несмотря на слабую квалификацию публики, занимавшейся комплектацией оборудования (некоторые из молодых конструкторов из Гипрокаучука в натуре не отличали редукторы от насосов), сроки были выдержаны. Аппаратура по цехам была подобрана.

Авторитет Мультатули стал непререкаемым. Да и по существу, он здесь был единственным настоящим технологом, имевшим опыт в проектировании, строительстве и эксплуатации.

Векслер и Петуханов тоже были технологами, имели кой-какой опыт в эксплуатации производства карбида, но не могли «прочесть» даже элементарных чертежей. Начальник производственного отдела завода Сегал, жена Петуханова, была поумнее своего мужа, но в строительстве и проектировании разбиралась слабо.

В УКСе работал очень толковый сосланный инженер-гунн Зеленый. Лет на 15 старше Мультатули, он был весьма приличным инженером-строителем и имел громадный опыт в строительстве.

Царев, уже упомянутый выше, получил образование архитектора и формально являлся начальником Мультатули. Но в технологии он ничего не понимал, поэтому Мультатули со стороны заказчика фактически был главным действующим лицом. Царев даже как строитель по эрудиции сильно уступал

Зеленому. Зато это был высокий, красивый человек, бывший борец. Ему приходилось содержать громадную семью. Он со всеми сохранял великолепные отношения и для «дополнительных» заработков не брезговал темными делами.

Работал в УКСе также довольно толковый инженер Молчалин. Но это был неисправимый взяточник. Как инженер-сантехник он принимал работы от Спецстроя, Промвентиляции и Сантехмонтажа. За ним приходилось следить в оба.

От Кремлевии в Железногорск поезд шел тогда шесть суток. Гипрокаучук был далеко и не обеспечивал стройку в должные сроки техдокументацией. Мультатули решил организовать на стройке небольшое проектное бюро. В первую очередь он использовал пленных инженеров-гуннов и с их помощью начал выполнять кое-какие строительные и сантехнические проектные работы. Дирекция Гипрокаучука предложила Мультатули по совместительству работать начальником железногорского сектора Гипрокаучука, который предполагалось организовать на базе укомплектованного им проектного бюро.

Мультатули это вполне устраивало как материально, так и по существу дела, поскольку передача техдокументации была одной из основных обязанностей заказчика.

Среди сосланных гуннов на заводе работали опытные проектировщики: монтажник Колумбар (состоявший ранее в Гипрокаучуке), инженер-строитель Мигалин, инженер-электрик Ящичек. Кроме этих инженеров на завод пришли несколько специалистов – в том числе один опытный архитектор, освобожденных из заключения в Гандкарском лагере. Из присланных для комплектации оборудования девушек из Гипрокаучука две нашли «дефицитных» женихов-инженеров – хоть и бывших гандкарских зэков.

Из этих работников можно было укомплектовать вполне работоспособный проектный сектор Гипрокаучука.

Между дирекцией Гипрокаучука и тайной полицией завязалась длительная переписка, с которой впоследствии Мультатули ознакомился – когда был реабилитирован и допущен к секретной документации. Тайная полиция не решилась допустить недавнего «врага народа» Мультатули к «государственным тайнам». А без допуска Мультатули не мог возглавлять проектный сектор Гипрокаучука. По линии завода он был допущен к «секретной переписке» под ответственность директора Ицхакова. В итоге тайная полиция не несла ответственности, если бы бывший «враг народа» передал всем известные «секреты» «гнилым капиталистам».

Дирекция Гипрокаучука начала подыскивать кандидата на должность начальника железногорского сектора Гипрокаучука. Ицхаков тоже был заинтересован в организации такого сектора.

Петуханов зря получал зарплату. Использовать его на действующем карбидном заводе не было возможности. Возникла бы склока между ним и Векслером. Поэтому, когда выяснилось, что тайная полиция не разрешает Мультатули занять по совместительству должность начальника железногорского сектора Гипрокаучука, Ицхаков выдвинул на эту должность кандидатуру Петуханова. Хотя тот ничего не соображал в проектных делах, у него была «чистая биография» и он недавно стал кандидатом в члены вохровской партии.

Разумеется, работники проектного сектора не признавали «авторитета» невежды Петуханова и ходили консультироваться к Мультатули. Номинальный начальник возненавидел реального проектировщика, категорически запретил «своим» работникам обращаться к Мультатули и из-за враждебного отношения к нему даже вредил делу. Но начальство из кремлевского Гипрокаучука его одернуло, и Мультатули начал впоследствии, по совместительству, выполнять некоторые проектные работы для железногорского сектора Гипрокаучука. Оплату оформлял, разумеется Петуханов.

В целом благодаря наличию хороших кадров сектор работал неплохо. Чем больше Петуханов ходил на охоту и пьянствовал, тем лучше проявлял себя сектор. Фактически им руководил опытный монтажник Колумбар.

Этим сектором Петуханов «руководил» девять лет. После смерти великого Виссарионова сосланные гунны и бывшие заключенные разъехались. Ничему не научившийся «руководитель» Петуханов

вместе с несколькими чертежниками получал зарплату и не выдавал никакой продукции. В конце концов сектор пришлось ликвидировать в 40 г. в.в.э. Мультатули к этому времени вернулся из ссылки, был реабилитирован и занимался организацией Ново-Валериановского филиала Гипрокаучука. Директор Гипрокаучука предложил Мультатули устроить Петуханова у себя в Ново-Валериановском филиале. Мультатули отказался. Он объяснил, что Петуханов способен выполнять только роль директора, поскольку ни в Институте, ни за 10 лет «инженерно-технической» работы не научился читать чертежей, – но с таким директором он сотрудничать не сможет.

В результате Петуханов был назначен крупным функционером в организовавшийся тогда Атахстанский совнархоз...

Какой-то «умник» в кулуарах министерства решил, что первую очередь Железногорского завода СК можно ввести в эксплуатацию через полгода! Министерство внесло это предложение в Совет Министров, который с удовольствием утвердил срок пуска первой очереди: лето 31 г. в.в.э.

Вскоре Железногорский завод СК подвергся нашествию начальников. В специальном служебном вагоне приехал заместитель министра по строительству вместе с целым штатом советников. Прибыли кремлевские начальники всех подрядчиков вместе со множеством начальников отделов соответствующих строительных управлений. Приехал начальник Главкаучука в сопровождении множества функционеров из отделов. В маленькой местной гостинице не хватало мест для такого количество высоких гостей.

Начался великий аврал.

Постановление Совета Министров о пуске первой очереди летом 31 г. в.в.э. стало законом. Как известно, нет таких трудностей, которые были бы не под силу вохрам и, наконец, закон есть закон, а приказ есть приказ.

Вся орава начальников, включая заместителя министра, разумеется, не имела никакого представления об истинном положении дел и объемах работ, которые необходимо выполнить для пуска в эксплуатацию первой очереди. На стройке имелось только проектное задание, и была известна липовая стоимость первой очереди в соответствии с липовой сметой. Приходилось руководствоваться совершенно липовым проектом. Рабочий проект организации работ еще предстояло составить после завершения рабочих чертежей или хотя бы технического проекта.

Главный инженер проекта из Гипрокаучука Дубицкий в соответствии со своей фамилией был настоящим дубом и в проектировании ничего не смыслил. До назначения главным инженером проекта он работал секретарем парторганизации и занимался главным образом добыванием квартир для своих жен и родственников.

Не были даже известны объем и номенклатура временных сооружений для ведения строительства. Тяжелым грузом на строительстве лежали незаконченные цеха наирита и полностью законченный заводик кокса. Все эти сооружения надлежало снести. Был составлен акт бросовых работ на 25 миллионов.

А в это время компания начальников во главе с заместителем министра рвала и метала, требуя приступить к составлению строительно-монтажных графиков, в соответствии с которыми первая очередь должна была быть пущена через полгода, летом 31 г. в.в.э.

Но для составления графиков необходимо было иметь представление об объемах работ по вертикальной планировке, сетям: водопроводу, канализации, теплосетям, кабельным сетям, эстакадам, дорогам, электрохозяйству, ремонтным мастерским, складам, прочим подсобным сооружениям, жилью, временным сооружениям и по основным цехам.

Необходимо было определить объемы земляных и бетонных работ, кирпичной кладки, плотницких, столярных, трубопроводных, отделочных, изоляционных и штукатурных работ, электроработ, а также металлоконструкций, работ по КИПу и т.д.

Как отмечалось, проекта организации работ не было и в помине...

У представителей Гипрокаучука – главного инженера проекта Дубицкого и начальника сектора Петуханова – были чистые биографии, они кое-что слыхали о карлсизме-ильичевизме, но понятия не имели о проекте завода и уж совсем ничего не смыслили в производстве строительных и монтажных работ. Только Мультатули за два с половиной месяца успел ознакомиться с проектным заданием.

Неглупый «профсоюзный» директор Ицхаков в какой-то степени уяснил себе положение дел, да и Мультатули успел немного просветить его. Всю банду строительных начальников Ицхаков натравил на Мультатули.

Всю ночь, до 4-5 часов утра, Мультатули находился в окружении приехавших начальников и главного инженера Атахметаллургстроя Габрера. Он смотрел на потолок, орудовал логарифмической линейкой, что-то мычал и объявлял объемы кирпичной кладки, земляных, бетонных, трубопроводных, штукатурных, электро- и прочих работ соответствующего цеха. Начальники из ведомства ген- и субподрядчиков дружно записывали эти цифры, разумеется, липовые. Затем все отправлялись на несколько часов спать. В 9 часов утра ночная бригада собиралась вновь, и к ней присоединялась группа самых высоких начальников, включая заместителя министра, начальника Главкаучука и директора Ицхакова.

Это огромное сборище «разрабатывало» строительно-монтажные графики соответствующего цеха в «строгом соответствии» с липовыми объемами работ, определенными в ночных озарениях Мультатули и низших строительно-монтажных руководителей.

Получалось, что почти одновременно должны производиться строительные, монтажные, сантехнические, электро- и отделочные работы. Чтобы завершить всё в фантастический срок, предусмотренный «законом» Совета Министров, иногда для монтажа трубопроводов следовало расставить монтажников локтем к локтю, тут же должны были толпиться сантехники, электрики, каменщики, штукатуры и прочие строители. В течение двух недель патриотической работы Мультатули и сонма начальников были составлены строительно-монтажные графики для всех цехов, подсобного хозяйства, внешних сетей, эстакад, дорог и т.п.

Но тут возникло новое затруднение. На дворе стояла довольно суровая зима. Огромную трубу высотой в 100 метров можно было соорудить только в тепляке. Целый ряд работ в цехах, строительство которых еще не было начато, можно было осуществлять только при положительных температурах. А вентиляторы для для отопления планировалось доставить только летом. Для проведения строительно-монтажных работ требовалась электроэнергия, а постоянная электроподстанция могла быть введена только через 9-12 месяцев.

Но патриотических начальников эти «незначительные обстоятельства» не смутили. Было решено зимой сооружать трубу в тепляке, из имеющегося на заводе барахла собрать «непроектные» вентиляторы (с тем, чтобы когда-нибудь позднее заменить их на проектные), построить временную электроподстанцию. Высоких начальников совсем не смущало то, что непроектные вентиляторы не поместятся в запроектированных для них помещениях, – да они об этом и не знали.

Наконец, состоялось многолюдное заключительное совещание оравы столичных начальников во главе с заместителем министра – со стороны подрядчиков и начальника Главкаучука – со стороны заказчика. Разумеется, прибыли администрация и «руководящие» работники железногорского завода СК, генподрядчика и всех 15 субподрядчиков. Присутствовали «треугольники» и «четырехугольники» всех организаций.

Огромный кабинет директора Ицхакова не вмещал всех важных персон. Менее значительные начальники толпились в приемной. Заместитель министра, генерал Василевский произнес вступительную речь и поблагодарил патриотов-начальников, в том числе и Мультатули, за «громадную работу» для организации очень важного для «народа» строительства – одной из больших послевоенных строек. Затем бодро (по чину) выступали другие столичные и местные начальники. Секретарь Железногоркого горкома и парторг ЦК заверил всех, что железногорские вохры окажут всемерную поддержку строительству.

Выслушав всех начальников, Мультатули попросил слова. Сославшись на некоторый свой проектный и строительный опыт, он заявил, что дело не в том, что первая очередь не будет пущена ни через

полгода, ни через полтора года, ни через два с половиной года (фактически первая очередь была пущена через четыре с половиной года!), а в том, что будут осуществлены никому не нужные зимние работы (тепляк для трубы, которая понадобится только через несколько лет, когда действительно будет пущена первая очередь, и другие зимние переустройства), никому не нужные временные работы (временное отопление еще не построенных цехов, временная электроподстанция и другие) и к бросовым работам объемом в 25 миллионов, выполненным в трудное военное время, добавятся ненужные работы стоимостью в несколько миллионов.

Мультатули предупредил, что будут зря использованы очень дефицитные материалы (кабель, цемент и другие), дефицитная рабсила. Он признал, что все графики строительно-монтажных работ, составленные столичными и местными начальниками в сотрудничестве с ним, – липовые, поскольку уже сейчас выясняется, что рабочие чертежи будут сильно отличаться от проектного задания и даже объемы работ, определенные по дефектному и поверхностному проектному заданию, подсчитывались Мультатули сугубо ориентировочно, «с потолка» – на ночных заседаниях. А поскольку строительно-монтажные графики – липовые, это означает, что громадное строительство будет осуществляться без всякого плана, хаотически – из-за чего многочисленные подрядчики не смогут подготовить фронт работ друг для друга.

Наконец, он, Мультатули, в настоящее время занимается комплектацией «оборудования особых поставок» и ему известно, насколько оно разукомплектовано и повреждено. Даже, если имеющийся ремонтно-восстановительный завод (РВЗ) будет расширен вдвое, то потребуются 3-4 года для восстановления оборудования кустарными методами. Об отправке же оборудования для ремонта на заводы химического машиностроения не может быть и речи.

Мультатули собирался еще и далее распространяться, но председательствующий – заместитель министра прервал его, заявив, что отпущенное ему время истекло. Совещание велось дисциплинированно (в этом вохры большие специалисты), и выступавшим в «прениях» давали по 10 минут.

Начальник Главкаучука (кстати, бывший подручный Мультатули) заявил, что Мультатули отнюдь не выражает мнение Главка и все сказанное им – его личное мнение. Поскольку Главкаучук согласовал строительно-монтажные графики со строителями, дирекция Железногорского завода и подчиненный дирекции Мультатули будут неукоснительно выполнять все предписанное графиками.

Далее, с патриотическими речами выступили директор Ицхаков, главный инженер Шмидтов, главный инженер проекта Дубицкий, новоиспеченный начальник сектора Гипрокаучука Петуханов, главный инженер генподрядчика Габрер и некоторые другие функционеры, представлявшие подрядчиков и заказчика.

Хотя речь Мультатули и внесла некоторый диссонанс в этот оптимистический хор, но известно было, что он не совсем перевоспитанный «враг народа», его терпят только из-за его значительного опыта, а вообще за ним надо глядеть в оба. Все патриоты заверили заместителя министра, что работы будут выполнены в срок и даже досрочно.

Затем генподрядчик и субподрядчики расписались, при этом сделав оговорки: «Если в срок будут предоставлены фронт работ, техдокументация, оборудование и материалы». Эти «небольшие» оговорки, по существу, снимали с них всякую ответственность за выполнение работ в срок, так как было очевидно, что в соответствующие сроки не будут предоставлены ни фронт работ, ни техдокументация, ни оборудование, ни материалы.

Заместитель министра – генерал Василевский собственноручно вычеркнул все оговорки таким образом, чтобы их можно было прочесть, приписал: «Вычеркнуто мною» и подписался. Этим и закончилась патриотическая инсценировка.

После этого заместитель министра укатил, оставив свой служебный вагон и свою свиту. В результате этого спектакля авторитет бывшего «врага народа» Мультатули стал непререкаем и среди подрядчиков.

Вообще следует отметить, что за почти полувековую работу наибольшим авторитетом Мультатули пользовался на Железногорском заводе СК (где он работал 4 года), на гидролизном заводе, Афумском

филиале Гипрокаучука и в Цниитэнефтехиме (союзном научно-исследовательском институте, в который он попал в самом конце своей «карьеры»).

Между тем семейные дела Мультатули были по-прежнему очень плохи. Семья вскоре приехала в Железногорск. Еще по дороге дети заразились и переболели корью. Все были раздеты и разуты, никакого имущества не было. Кустарную мебель, изготовленную на гидролизном заводе, пришлось всю оставить, так как перевезти ее не представлялось возможным, да и продать было некому.

Следовало обзаводиться всем заново. Но Мультатули зарабатывал много. Он получал персональную ставку, утвержденную министром, зарабатывал на комплектации оборудования, получил значительную сумму «подъемных». Ему выделили обещанную тонну картофеля. Он купил корову и сено, обзавелся курами и поросенком. Дети были трудолюбивыми. Жена ими командовала. По распоряжению Ицхакова Мультатули получал по твердым ценам необходимые вещи.

Кроме всего прочего Мультатули преподавал – он читал одной из групп инженерно-технического персонала лекции «Процессы и аппараты». Хотя в стране свирепствовал голод, большая семья Мультатули была полностью обеспечена продуктами. Но жена Мультатули – квалифицированная скандалистка, почти немедленно начала использовать эту свою главную специальность.

Первые три месяца Мультатули жил в одной квартире с еще одной семьей. С этими соседями жена скандалила почти ежедневно. Когда Мультатули получил отдельную двухкомнатную квартиру, она начала скандалить со своей старшей дочерью. Но основное было впереди.

Еще на гидролизном заводе жена перехватила письма Жени, и переписка прекратилась, поскольку Мультатули не получил ее письма и не ответил. История выглядела так.

В Кремлевии, у родственников Жени, Мультатули узнал ее точный адрес и написал ей письмо, указав железногорский адрес. Когда же получил в Железногорске ее первое письмо, он спешно составлял спецификацию для одного из своих сотрудников, которого самолетом отправлял в Кремлевию. Поэтому он Жениного письма не прочел и положил его в один из ящиков своего служебного письменного стола. Когда передал своему сотруднику спецификацию и отправил его, он решил прочесть Женино письмо, но оно исчезло!

Через несколько дней жена предъявила Мультатули копию этого письма и потребовала адрес Жени. Скандалы стали свирепыми и непрерывными. Мультатули и так был перегружен, а жена своими сценами все ночи не давала ему заснуть. Она запирала входную дверь и не давала ему уходить на работу. Мультатули не раз сбегал через форточку.

Когда через два месяца после отъезда заместителя министра Мультатули уезжал в служебном вагоне в командировку в Кремлевию, он проспал в поезде круглые сутки.

После его приезда из Кремлевии скандалы стали еще более свирепыми. Жена орала все ночи напролет и не давала спать ни Мультатули, ни детям. В конце концов Мультатули не выдержал, так как скандалистка, уверенная в своей безнаказанности, совсем распоясалась. Однажды, в дополнение к тому, что не давала спать, она окатила Мультатули с ног до головы полным ведром фекальных стоков. Мультатули взбесился, что с ним случалось крайне редко, и впервые за многие годы жестоко избил супругу. Тем не менее безобразные скандалы продолжались. Мультатули сбежал из дому и поселился в гостинице. Однако и там жена не оставляла его в покое и в присутствии посторонних устраивала безобразные скандалы.

Тогда Мультатули поселился в своем служебном кабинете, который размещался в корпусе, находившемся на территории завода. Завод был номерным, проходить можно было через вахту только по специальным пропускам. Но однажды скандалистка, обманув и разжалобив вахтеров, проникла на завод.

Мультатули жил, как бродячая собака. Захватил с собой только запасную смену белья и бритву. Спал на диване у себя в кабинете. Часов до 11 вечера к нему ходили посетители. Умывался он где попало. Питался скверной пищей в столовой. Жена оделась в отрепья, заставила всех детей ходить с собой

и часами стояла с ними около вахты. Мультатули не только жил, как собака, но полностью испил чашу позора. Но далее скандалистка опозорила его еще больше.

После бесконечных скандалов Мультатули вынужден был вернуться «домой».

В 31 г. в.в.э. правительство начало поощрять и субсидировать индивидуальное жилищное строительство. Подчиненный Мультатули, начальник планового отдела УКСа, вохр Ретещенко начал соблазнять Мультатули идеей организации «треста» по индивидуальному жилстроительству. В состав этого треста он предложил включить себя – вновь назначенного главного инженера завода Ретещенко, заместителя директора по транспорту, начальника отдела кадров (бывшего полковника тайной полиции) Раздегова, Царева, Тенора, Мультатули, одного из мастеров из РВЗ и Шмидтова.

Все они были довольно колоритные фигуры. Шмидтов, Тенор и Царев охарактеризованы выше. Новый главный инженер завода Ретещенко при совершенно случайных обстоятельствах сделал блестящую карьеру. В 29 г. в.в.э. он был назначен начальником цеха конденсации Женоровского завода СК, после того как его предшественника отправили директором на гуннский завод синтетического каучука в Шпокау.

Директор Железногорского завода Ицхаков уже давно просил Главкаучук направить ему технолога в качестве главного инженера завода, ссылаясь на то, что Шмидтов – электрик. В конце концов Главкаучук удовлетворил просьбу Ицхакова и направил «опытного технолога» – Ретещенко в 31 г. в.в.э. Тот умудрился год просидеть в кабинете главного инженера и не принимать никакого участия не только в строительстве нового завода, но и в работе действующего завода. Через год он еще не знал перечня цехов строящегося завода. Даже «профсоюзник» Ицхаков понял, что Ретещенко ни уха ни рыла не смыслит, и начал хлопотать о его замене более знающим технологом. Ретещенко уже паковал вещи.

Как-то Мультатули в бане разговорился с одним ответственным атахом. Этот атах интересовался характеристиками работников завода СК. В шутку Мультатули всячески расхвалил Ретещенко и характеризовал его, как одного из самых «опытных технологов» главка.

Оказалось, что этот атах – председатель горсовета. Он слыхал о Мультатули как организаторе промышленности синтетического каучука и поэтому весьма считался с его мнением. В итоге руководящие деятели Атахстана выразили крайнее недовольство тем, что из республики отзывают «опытного технолога» Ретещенко, и настояли на том, чтобы его оставили главным инженером завода. Ицхаков вынужден был дать отбой. Ретещенко распаковал свои чемоданы.

Атах – председатель горсовета оказался мудрецом. Ретещенко так же, как и «профсоюзнику» Ицхакову, отнюдь не понадобилось знание технологии для того, чтобы «работать» главным инженером крупного завода, затем директором вместо Ицхакова и, наконец, крупным функционером Атахстанского совнархоза. Впрочем, к чести Ретещенко следует признать, что он не был уголовником подобно Шмидтову и немного ориентировался в производстве синтетического каучука из спирта.

Заместитель директора по транспорту был «вестготом». Во время войны в Вестготии он был послан туда «добровольцем» и «воевал» в органах снабжения. После поражения «наших» он вернулся в Государство Тмутараканское и затем во времена Второй мировой войны продолжил «воевать» в разных тыловых ведомствах, в том числе на Железногорском заводе СК. Он был алкоголиком и в конце концов окончательно спился. Разумеется этот «доброволец», как и Шмидтов, не очень чувствовал разницу между своим и государственным карманом. Подобно им путал свои и «народные» средства полковник Раздегов, воспитанный в традициях вохровской тайной полиции.

Единственным положительным человеком из этой компании был начальник планового отдела УКСа Ретещенко. Он, по крайней мере, кое-как ориентировался в своем ремесле – планировании, хотя тоже не проявлял особой щепетильности, тратя государственные деньги.

Председателем «треста» по индивидуальному строительству был «выбран» Шмидтов. Он был настолько вопиюще безграмотен, что не представлял себе, как выглядит щебень. Но слыл стукачом, его боялись. Шмидтов обладал непревзойденным талантом к изысканию и получению всяческих дефицитных товаров. Поэтому он был вполне на месте как «председатель» этакого «треста».

Тенор мог на заводе РВЗ изготовлять необходимые для индивидуального жилстроительства металлоконструкции и поставлять рабочую силу – военнопленных банзайцев.

Заместитель директора по транспорту мог предоставлять транспорт, а, кстати, и необходимые строительные материалы.

Мастер из РВЗ был назначен «прорабом». Для этого его и включили в состав «треста». Главный инженер Ретещенко и Раздегов были влиятельными функционерами и представляли два угла административного треугольника. Эти влиятельные функционеры должны были узаконить махинации «треста».

Начальник планового отдела УКСа – Ретещенко был организатором «треста». Мультатули и Царев были его главными техническими руководителями. Их роль, по замыслу организаторов «треста», заключалась в следующем: они должны были спроектировать жилые дома, вертикальную планировку, водопровод, канализацию и отопление, а также отвести подходящий участок.

Мультатули выбрал участок, запроектировал квартал с сетями отопления, водопровода и канализации, а Царев спроектировал дом с заливными стенами.

«Трест» немедленно приступил к реализации проекта. Были оформлены участки. Приступили к рытью котлованов и строительству фундаментов. Для всех членов «треста», кроме Мультатули и Царева, рытье котлованов и закладку фундаментов осуществляли военнопленные банзайцы, числившиеся в РВЗ и направленные Тенором. Материалы этим членам «треста» направлял зам. директора по транспорту.

Мультатули несмотря на недостаток времени сам для себя вырыл котлован и заложил фундамент. Материалами его снабдил генподрядчик с оплатой по счету.

Царев фундамента не закладывал. Затем, по распоряжению Тенора, в РВЗ изготовили металлическую опалубку для литых стен. По имеющимся у Мультатули сведениям стоимость этой опалубки в твердых ценах составила 15 тысяч.

Мультатули предложил членам «треста» оплатить Железногорскому заводу СК хотя бы стоимость амортизации этой опалубки. Шмидтов фыркнул: «Честняга». Стоимость амортизации, разумеется, не была оплачена.

Вскоре Мультатули уехал в командировку, в Кремлевию. После его возвращения «председатель» Шмидтов сообщил Мультатули, что он и Царев исключены из состава «треста», поскольку они не вохры, а беспартийные и это обстоятельство может скомпрометировать остальных участников «треста» – вохров. Мультатули был рад расстаться с этой шайкой.

Царев отнесся к этому безразлично, так как он не очень хотел строиться.

Мультатули стало известно, что распространились слухи, инспирированные возможно этой шайкой вохров, о строительстве его дома якобы за счет подрядчиков.

Вообще, с точки зрения, жуликов, это было весьма правдоподобно. Ведь Мультатули контролировал строительство объемом в десятки миллионов вохриков в год. Форму №2 о сдаче отдельных элементов строительства, которые процентовались ежемесячно, подписывал Мультатули, после чего Промбанк финансировал подрядчиков. Зарплату Промбанк финансировал в соответствии с объемом работ. Поэтому подрядчики всяческими способам стремились завышать объемы работ. С этим были связаны выполнение плана и его перевыполнение, а следовательно, и значительные премиальные, которые выплачивались крупным функционерам в большей степени, а мелким функционерам в меньшей.

Способы мошеннического увеличения объемов работ были самыми разнообразными.

Вертикальные стенки котлованов не крепились, а в объем работ записывалось крепление – лес присваивали себе прорабы. Нередко из-за этого грунт засыпал рабочих-зеков, и они гибли. Ограждения для монтажа трубопроводов не ставились, а в объем работ засчитывались... В объем работ включались уборка гигантских объемов несуществующего снега, подвоз с дальних расстояний огромного количества материалов.

Если создавалась насыпь, то записывалась съемка огромных объемов несуществующей «грязи», которую следовало вывезти. Если земля из выемки перемещалась в сооружаемую вблизи насыпь, то записывалась отвозка земли из выемки автотранспортом за 2 км и подвозка автотранспортом земли в насыпь. Фактически земля из выемки перемещалась в насыпь скрепером. Этим «методом» объем работ увеличивался больше чем вдвое.

Особенно мошенничали строители при составлении так называемых «актов скрытых работ». Както Мультатули возвратился из командировки. Инженер Молчалин, осуществлявший технадзор по объектам водопровода и канализации, собирался куда-то с функционерами из Спецстроя – начальником и главным инженером Новокучумского Управления и начальником и главным инженером местного Управления. Мультатули вежливо спросил, куда они направляются такой большой компанией. Оказалось, что они собираются составить акт скрытых работ по очень длинной ветке канализации, диаметром 800 мм.

Зная, что Молчалин нечист на руку, Мультатули заявил функционерам из Спецстроя, что в составлении столь крупного акта скрытых работ он обязан лично участвовать. Те (все вохры) оказались большими добряками. Они были озабочены состоянием здоровья Мультатули. Мол, он, наверное, устал после шестидневного путешествия из Кремлевии. Поэтому с этим делом вполне справится опытный инженер Молчалин и не стоит Мультатули затрудняться. Мультатули поблагодарил субподрядчиков за заботу о нем, но поехал вместе с ними.

Канализационный коллектор уже засыпали. Акт скрытых работ был уже составлен. В этом акте отмечалось, что коллектор проложен в плывуне и осуществлены очень дорогие шпунтовые работы на сумму свыше одного миллиона вохриков.

Вся эта история была известна Мультатули. Вскоре после приезда оравы начальников, составивших липовые строительно-монтажные графики, Спецстрой вырыл траншею для укладки канализационного коллектора протяженностью в 2 километра. Трубы не были присланы на стройку, и в следующую зиму траншею завалило снегом.

Летом снег растаял, и стены траншеи обвалились. Экскаватором исправить траншею не было никакой возможности. Пришлось эту работу осуществить вручную – трудом свыше тысячи зеков из близнаходящегося Гандкарского лагеря. Размер зарплаты оказался огромным и не соответствовал объему работ. Вот поэтому и был составлен мошеннический акт скрытых работ. Если бы этот акт узаконили, Спецстрой не только получил бы из Промбанка деньги для погашения задолженности по зарплате, но значительно перевыполнил план по объемам работ. Соответственно, функционеры из Спецстроя получили бы свыше ста тысяч премиальных.

Мультатули заявил, что никакого плывуна и никаких шпунтовых работ не было и акт им подписан не будет. Каким образом функционеры-вохры вышли из затруднения, Мультатули не интересовало. У подрядчиков было множество способов давать взятки инженерам Технадзора. Например, они заготавливали сено и рыбу. Учесть количество отловленной рыбы и заготовленного сена невозможно, поэтому они могли расплачиваться этими продуктами с инженерами Технадзора.

Подрядчики могли платить за якобы подготовленные проекты и сметы. Этим методом, кстати, широко пользовались Царев и главный архитектор Гандкара. Последний якобы разрабатывал проекты, а Царев составлял и подписывал соответствующий документ, и затем они делились наличными деньгами.

Поскольку Мультатули мог бы об этом узнать, Царев предложил ему долю. Мультатули отказался, но в дела Царева не вмешивался. Объемы работ подрядчиков составляли десятки миллионов вохриков, и им ничего не стоило построить крупному функционеру заказчика, каким был Мультатули, дом стоимостью в 30-50 тысяч и перевести эти затраты на какой-нибудь объект.

Мультатули это было известно лучше, чем другим. Поэтому, когда распространились слухи о том, что Мультатули строит себе дом за счет подрядчиков, он решил прекратить строительство своего жилья. К этому времени он кроме личного труда вложил в это строительство 500 вохриков.

Участок и фундамент дома Мультатули каким-то образом попал в руки бригадира ЖКО (жилищно-коммунального отдела) Железногорского завода СК. Хотя этот бригадир получал всего 600 вохриков в месяц, на которые он сам (не считая его семьи) не мог прокормиться, он за шесть месяцев выстроил себе дом стоимостью в 60 тысяч (разумеется, за счет материалов и рабсилы ЖКО). Его шеф, начальник ЖКО, получавший тысячу вохриков, тоже «выстроил» свой дом, который продал за 100 тысяч.

Между тем строительство домов членов «треста» осуществлялось бурными темпами. Все члены «треста» получили ссуды — по 8 тысяч вохриков. Они и их семьи принимали «деятельное участие» в строительстве. Как-то в воскресенье все сразу явились на стройку. Взялись за какую-то конструкцию, крикнули: «Раз-два-взяли!» От такого самозабвенного труда они сразу устали, распаковали корзины с выпивкой и закуской и приступили к «трудовому пикнику».

По городу распространились слухи, что члены «треста» строят себе дома за счет государства. Всех влиятельных вохров «треста» вызвал секретарь горкома, пожурил их, напомнил им, что светлое царство коммунизма не за горами и негоже вохрам обзаводиться собственными домами. Он предложил им сдать незаконченные дела заводу. Разумеется, за свой «самоотверженный труд» они получат соответствующую компенсацию.

Воспользовавшись отъездом Мультатули в командировку, один из инженеров технадзора составил выгодную смету затрат, и члены «треста» в качестве компенсации за свои «затраты» кроме ссуды получили еще по 10 тысяч.

Так были «наказаны» жулики-вохры. За свое воровство они получили по 18 тысяч. Но инициатор «треста» – начальник планового отдела УКСа Ретещенко и мастер РВЗ умудрились не сдать заводу свои дома и заработали на этом по шестьдесят тысяч.

Вообще-то в рамках кампании индивидуального жилстроительства строили около двухсот домов. Мультатули была известна только одна супружеская пара, которая своим трудом и за счет собственных средств около трех лет строила свой дом. Это были один из инженеров завода и его жена-врач. Месячный заработок их составлял 2,5-3 тысячи вохриков. Остальные «жилстроители» были всяческими «коммерсантами»: заведующие столовыми, повара, функционеры отдела снабжения, шоферы и, разумеется, функционеры из ЖКО.

В 31 г. в.в.э. родное правительство облагодетельствовало трудящихся финансовой реформой. Мультатули здорово пострадал от этого правительственного «благодеяния».

Еще задолго до ареста Мультатули купил на две тысячи облигаций так называемого «золотого» займа. Жена Мультатули их каким-то образом сохранила. До начала войны эти облигации можно было продать. В системе лагерного перевоспитания Мультатули частенько помирал с голоду. Посылка стоимостью в 100 вохриков могла избавить Мультатули от сосущего ощущения голода в течение целой зимы. Имея на руках две тысячи, «заботливая» жена вполне могла за четыре года послать четыре посылки общей стоимостью в 400 вохриков. Однако эти посылки не были отправлены, и Мультатули голодал, не имея претензий, так как не знал о существовании этих двух тысяч.

Во время войны облигации были «заморожены». После окончания войны их опять пустили в обращение. Когда Мультатули начал строить дом, он намеревался купить лес на эти две тысячи. Ему было известно, что вскоре даже твердые цены на лес увеличатся втрое. Однако то, что попадало в руки жены, она уже не выпускала. Облигации она не отдала, и лес не был куплен.

В результате «благодатной» для трудящихся финансовой реформы эти облигации были обесценены в пять раз, и две тысячи превратились в четыреста вохриков. Однако две тысячи в13-14 г. в.в.э., когда Мультатули купил эти облигации, были эквивалентны 20 тысячам ко времени финансовой реформы. Таким образом, в результате «благодеяния» власти Мультатули получил 400 вохриков взамен потраченных им 20.000 вохриков по ценам 31 г.в.в.э. Разумеется, если бы облигации не попали к жене, он купил бы лес, который после реформы стоил бы 6-10 тысяч вохриков.

Еще до ареста у Мультатули были облигации всего на 15 тысяч. Удержанные из зарплаты деньги за эти облигации в период 10-20 г. в.в.э. были эквивалентны 75 тысячам в ценах 31 г. в.в.э. В результате

конверсии займов Мультатули получил 5 тысяч. В утешение следует отметить, что Мультатули с облигациями пострадал не больше других трудящихся.

Как уже говорилось, до финансовой реформы Мультатули взял ссуду в 6 тысяч для приобретения коровы, за которую было уплачено около восьми тысяч. Выплачивал Мультатули эту ссуду полноценными деньгами, на которые корову можно было купить за одну тысячу вохриков.

Мультатули мог еще более пострадать. Незадолго до финансовой реформы Мультатули собирался в командировку. и получил аванс в 3 тысячи. Но жена спрятала его паспорт и две недели не отдавала его.

Совершенно случайно за три дня до финансовой реформы Мультатули решил вернуть аванс в три тысячи в бухгалтерию. Если бы он не вернул эти деньги, то в результате реформы получил бы за три тысячи – триста вохриков, а по грабительскому закону при отчете должен был бы вернуть три тысячи.

В результате реформы Мультатули потерял подъемные в три тысячи, которые он должен был получить с Наверского завода СК после реабилитации.

Общие потери Мультатули в результате «благотворной» для трудящихся финансовой реформы составили около 100 тысяч вохриков в ценах 31 г. в.в.э.

Между тем строительство первой очереди Железногорского завода СК шло бурными темпами. Прошли полтора года после нашествия оравы начальников и год после намеченного срока пуска первой очереди.

Как и предвидел Мультатули, были выполнены в «строгом соответствии» с липовыми строительно-монтажными графиками только ненужные строительные работы. Зимние работы, оплачиваемые в десять раз дороже, были очень выгодны генподрядчику и субподрядчикам, и те выполняли их стремительными темпами. Высилась ненужная пока стометровая труба, сооруженная в топляке, гнили столярные изделия в никому ненужной временной электроподстанции, для строительства которой был затрачен крайне дефицитный кабель. Заваливались траншеи для водопровода, канализации и теплосетей, вырытые зимой в условиях суровой гандкарской зимы и оплаченные заказчиком по огромным зимним расценкам.

Валялись никому не нужные, собранные из барахла огромные вентиляторы №16, которые якобы были необходимы для отопления не построенных цехов. На сборку этих вентиляторов в РВЗ было затрачено огромное количество дефицитной квалифицированной рабсилы, а необходимая для первой очереди аппаратура «особых поставок» («трофейная») не ремонтировалась.

Стремительным темпом ликвидировали здания, фундаменты и стены начатого в суровое военное время завода хлоропреного каучука (совпрена) и заводика кокса. Вследствие стремительных темпов ликвидации этих бросовых работ стоимостью в 25 миллионов, задавили несколько зеков. Это был, возможно, один из лучших результатов энтузиазма оравы начальников, поскольку несколько зеков избавились от тяжелой юдоли земной и попали в небесный рай.

По-прежнему на многолюдных оперативках представители подрядчиков и заказчиков яростно спорили и старались переложить вину за срыв очередных сроков друг на друга. По-прежнему до этих общих оперативок подрядчики и заказчик на своих автономных оперативках разрабатывали методы поведения для того, чтобы лучше околпачить друг друга.

Военнопленные гунны и банзайцы давно были отправлены по домам. В качестве работяг использовали местных тмутараканских зеков из огромного гандкарского лагеря. За этими ушлыми зеками следовало следить в оба, так как они были большими специалистами по туфте. После печального опыта по такелажу «оборудования особых поставок» банзайцами и гуннами, когда последние выламывали алюминиевые трубы и детали из нержавеющей стали, зеков больше не использовали для этих работ.

К работам с этим оборудованием не допускали даже представителей «преступных народов» – ссыльных ингочеченцев и гуннов. А оборудование, размещенное под открытым небом, потихоньку ржавело, поливалось дождем и засыпалось снегом.

Уже три года эта техника лежала без присмотра. Даже то оборудование, которое предназначалось для первой очереди и уже год, согласно липовым срокам начальства, должно было находиться в эксплуатации в действующих цехах, ржавело под дождем и снегом. Авральная комплектация этого оборудования была осуществлена вовремя бригадой, которую организовал Мультатули, но РВЗ было занято комплектацией ненужных вентиляторов и другого оборудования для временных агрегатов в соответствии с липовыми графиками.

До оборудования первой очереди «руки» РВЗ не доходили.

Для ускорения ремонта оборудования первой очереди пришлось прибегнуть к помощи одного из субподрядчиков – Проммонтажа и пойти на мошенническую сделку. Выше указывалось, что зарплату финансировал Промбанк – определенный процент от общего объема работ, а в объем работ входили и оплаченный труд, и материалы, и оборудование, и накладные расходы подрядчика.

Поскольку оборудование обязан был поставлять заказчик, стоимость его не входила в объем работ подрядчика. Объем работ включал кроме оплаченного труда и накладных расходов трубопроводы, металлоконструкции и прочие материалы. Ремонтировать оборудование заказчика подрядчику было невыгодно, так как объем работ состоял бы только из оплаченного труда и накладных расходов. Но отсутствие отремонтированного оборудования не давало возможности осуществлять его монтаж, что чрезвычайно ухудшало показатели работы и подрядчика, и заказчика. Вследствие этого заказчик и подрядчик пошли на мошенническую сделку.

Заказчик фиктивно «продавал» подрядчику оборудование, а подрядчик включал стоимость оборудования в форму №2, то есть в объем работ. Таким образом, стоимость оборудования дважды входила в объем работ: и по линии заказчика, и по линии подрядчика. Это улучшало показатели и министерства-заказчика, и министерства-подрядчика. Но в целом для народного хозяйства это была грубая приписка, липа, увеличивавшая общие государственные капиталовложения.

Подрядчику подобная сделка была чрезвычайно выгодна, так как стоимость оборудования иногда в сотни раз превышала стоимость ремонта. Подрядчик таким способом «перевыполнял» объем работ, и все его главные функционеры получали значительные премиальные.

Характерно следующее обстоятельство.

Первая очередь Железногорского завода вместо полугода была выстроена за 4,5 года. Между тем подрядчики почти всегда «перевыполняли план работ».

Следует отметить, что при крайне низком качестве выполненных работ изворотливость подрядчиков, да и заказчика была феноменальной, а квалификация ревизоров из Промбанка была крайне низкой. Вначале ревизором Промбанка был очень древний старик, который некогда был хорошим сметчиком. Но он уже не мог передвигаться и оставил работу.

Заведующий местным отделением Промбанка обратился к Мультатули с просьбой рекомендовать знающего инженера для работы в его учреждении. За полгода до этого, когда решался вопрос о десятке спецставок, крупный функционер из министерства навязал некоего ловкача в старшие инженеры Технадзора УКСа с присвоением ему спецставки в 2000 вохриков в месяц. Уже через неделю стало ясно, что этот «эксперт» ничего общего со строительством и инженерным искусством не имеет, но он был протеже большого начальника и избавиться от него было не так-то легко. Царев предложил рекомендовать нового «специалиста» в Промбанк. Заведующий Промбанком был очень обрадован и даже выхлопотал для него сохранение спецставки, хотя зарплата инженеров Промбанка была очень низкой. Этого «артиста» раскусили в Промбанке только через два года. Он при полном невежестве в инженерных делах оказался весьма ловким типом.

У подрядчиков было принято в качестве взятки предоставлять инженерам Промбанка выполнение всяких липовых смет. Но «артист» даже прочесть смету не мог! Он нанимал опытного сметчика и платил ему за помощь.

Этот случай может показаться анекдотическим. Но в те времена «инженеры» из Промбанка нередко мало отличались от этого мистификатора. Ставки в Промбанке были низкие, и туда шли наихудшие

инженеры или те, которые выдавали себя за инженеров и не могли найти себе подходящую работу на строительстве и на заводе даже в условиях всеобщего довольно низкого квалификационного уровня тмутараканских инженеров.

Неудивительно, что условия для всяческих приписок и махинаций были оптимальными. Для проверки состояния трофейной техники приезжали многочисленные комиссии, которые направлялись особым отделом «оборудования особых поставок», организованном в Министерстве. В основном эти комиссии комплектовались из людей, политически надежных, но никогда не видевших такого оборудования.

Характерно, что в результате «трудов» этих комиссий, Железногорский завод СК был удостоен похвалы и признан лучшим из предприятий, хранящих такое оборудование. И действительно, внешне для подобного рода комиссий порядок представляли идеальным. На площадке оборудования усилиями директора Ицхакова была выстроена конторка. В конторке размещался специальный отдел хранения «оборудования особых поставок».

Во главе этого отдела был поставлен вернувшийся из системы лагерного перевоспитания бывший директор Женоровского завода СК. Этот человек, закончивший институт в «бригадные» времена, остался невежественным вплоть до ухода на пенсию. Его сотрудники были более квалифицированными. После работы, проведенной командой по комплектации, могли легко разыскать местонахождение узлов соответствующего аппарата, но были неспособны наладить хранение разукомплектованного, разворованного и ржавеющего оборудования под открытым небом.

Особо хорошее впечатление на комиссии производило это оборудование зимой. Оно сверкало белым и чистым снежным покровом. Каждая деталь и каждый узел были снабжены биркой с демонтажным шифром, между узлами проложены аккуратные дорожки. Контрольно-измерительные приборы размещались во временных «холодных» складах и тоже украшены бирками. «Ученые» карлсисты-ильичевисты из комиссий, разумеется, не знали, что контрольно-измерительные приборы гибнут в холодных складах, так как их необходимо хранить в условиях положительных температур (не ниже +5°С). Они не подозревали, что аккуратно расставленное и пронумерованное оборудование под чистым снегом разукомплектовано, ржавеет и не выдерживает напряжений при перепаде температур в 100 градусов (от -50°С до +50°С).

Все же местное начальство, особенно директор Ицхаков, который не был типовым вохровским энтузиастом и отличался некоторой добросовестностью, беспокоилось о судьбе гибнущего оборудования. Какой-то чудак предложил покрыть оборудование черным ковбасслаком. Был устроен грандиозный ударник. Энтузиасты – жены работников и ученики школы самозабвенно обрызгивали, задыхаясь от смрада, сотни тысяч узлов черным ковбасслаком.

Площадка оборудования превратилась в черное кладбище. Впоследствии работники ремонтно-восстановительного завода и пущенных в эксплуатацию цехов всячески проклинали изобретателя (так и оставшегося неизвестным) этого метода сохранения оборудования. При пуске цехов много дней стояли жуткие запахи испарявшихся при нагреве черных теплообменников и колонн «ароматических» растворителей ковбасслака. Механически очистить аппараты от ковбасслака не было никакой возможности.

После того как РВЗ закончил работы по изготовлению ненужного временного оборудования, он, наконец, приступил к восстановлению оборудования первой очереди завода. Начальником РВЗ, как выше было отмечено, был очень энергичный (член «треста») Тенор. Как человек семейный, он успел обзавестись многочисленным потомством. Это в те трудные времена его ко многому обязывало. Вместе со своим начальником конструкторского бюро Погребом он занимался темными делами по снабжению колхозов оборудованием и техдокументацией. Техдокументацию изготовлял, разумеется, Погреб руками работников конструкторского бюро, а Тенор был «организатором». Тенор не успел получить высшего образования и не имел никакого отношения к ремонтному делу, но начальство с ним считалось как с вохровским функционером. На заводе Тенора недолюбливали, тем более что он имел несчастье быть ханаанцем.

Но все-же он был достаточно энергичным и вскоре довел численность работников РВЗ до шестисот человек.

РВЗ был кустарным предприятием с крайне низкой производительностью труда, и восстановление оборудования шло еще более медленными темпами, чем предсказывал Мультатули. Даже со значительной помощью подрядных организаций для подготовки оборудования первой очереди потребовалось более четырех лет. Хранение и восстановление оборудования первой очереди обошлось дороже, чем если бы изготовили новое оборудование. Следует отметить, что объем оборудования цехов первой очереди составлял только 20-25 процентов объема оборудования всех цехов, а цеха альдоля, бутилена и дивинила так никогда и не были построены. Судьба оборудования этих цехов автору неизвестна. Следует полагать, что после значительных расходов по его хранению оно было использовано как лом.

Энтузиазм работников действующего карбидного завода бил через край. Самыми большими энтузиастами оказались Шмидтов и Петуханов.

В местной областной газете «За социалистический Гандкар» появилась большая подвальная статья за подписью Шмидтова. Главной ее особенностью было наличие более 150 местоимений «я». Основной смысл статьи заключался в следующем: Работники мелких кустарных карбидных печей Навера и Железногорска соревновались. Работники Навера были «учителями», а работники Железногорска – «учениками». (Как уже говорилось, эти «ученики» в основном были ссыльными ингочеенцами. Работали они в ужасных условиях). В соревновательном порыве «ученики» превзошли «учителей». Но «учителя» поднатужились и вновь превзошли «учеников», еще более повысив производительность карбидных печей. Затем «ученики» вновь превзошли «учителей». В результате, производительность карбидных печей достигла «потолка», который не могли перескочить ни «учителя», ни «ученики». Тогда им на помощь пришли пылкие энтузиасты-инженеры Шмидтов и Петуханов. По ночам они считали на логарифмической линейке и изобрели «короткую сеть».

С помощью этой чудодейственной «короткой сети» производительность карбидных печей повысилась в полтора раза, и экономия составит много миллионов в год. Неутомимые энтузиасты Шмидтов и Петуханов продолжали по ночам с помощью логарифмической линейки изыскивать новые способы повышения производительности карбидных печей на благо народа и родной партии.

При очередной командировке в Кремлевию Мультатули привез экземпляр этой газеты начальнику отдела по проектированию производства карбида Свинарю. Прочтя статью, Свинарь побагровел и начал орать: «Я разоблачу эту сволочь.» Он рассказал то, что давно было известно Мультатули.

Во время демонтажа гуннского Цимосвенского завода работники Гипрокаучука ознакомились с новым способом канализации электроэнергии к электродам карбидных печей. Этот метод («короткая сеть») значительно повышал производительность карбидных печей и удешевлял производство карбида.

В 30 г. в.в.э. Гипрокаучук предложил дирекции Железногорского завода реконструировать карбидные печи мощностью 7500 квт и внедрить выше отмеченную «короткую сеть». Заводу были направлены договор на подготовку Гипрокаучуком технической документации по реконструкции цеха карбидных печей.

Главным инженером Железногорского завода СК был в то время Шмидтов. Из-за своего дремучего невежества он в этом вопросе не разобрался и договор не подписал.

Петуханов был «сарубовским» офицером и имел некоторое отношение к демонтажу Цимосвенского завода. Он слыхал о «короткой сети» и через год после того как Шмидтов отказался подписать договор, подбил его вместе с ним, Петухановым, направить в БРИЗ рационализаторское предложение о «короткой сети». Директор Ицхаков то ли не разобрался, то ли побаивался Шмидтова, но не возражал против «авторства» Шмидтова и Петуханова в изобретении «короткой сети».

Вот таким-то образом Шмидтов и Петуханов стали «героями-изобретателями» и получили по 12 тысяч каждый. Свинарь так и не разоблачил Шмидтова. Тот приехал в Кремлевию, пригласил Свинаря в «Метрополь», и за бутылкой коньяка премия была поделена между Шмидтом, Петухановым, Свинарем и главным инженером Института Долгевичем.

Вскоре приехал в Железногорск очень культурный инженер Гипрокаучука Перцюс. Узнав о «героических» делах компании Шмидтов-Петуханов, он возмутился: «Ведь это мы с Бычковым выполняли техдокументацию по «короткой сети»!» Впрочем, Перцюса и Бычкова тоже «успокоили» Им выдали по месячному окладу в качестве премиальных.

Логарифмическую линейку, с помощью которой два изобретателя якобы вели по ночам подсчеты, Шмидтов приплел потому, что этот невежда считал ее последним достижением науки и техники.

Как уже ранее отмечалось, чтобы избавиться от Шмидтова, которого Ицхаков побаивался, последний рекомендовал его в директора Белоярского завода СК. Там Шмидтов проштрафился и был назначен директором законсервированного Устьперцского завода. Этот жулик даже был членом обкома.

В Устьперцье таланты Шмидтова развернулись вовсю. Он устроился по совместительству директором еще одного законсервированного строительства и в обоих местах получал «за выслугу лет». За счет государственных средств построил себе огромный коттедж. Принудил к сожительству 18-летнюю девушку. Кому-то удалось разоблачить его именно в этих махинациях, хотя этот жулик, член обкома, безусловно был замешан во множестве криминальных дел. Его «наказали», коттедж отобрали и переселили в квартиру, сняли с должности директора и назначили заместителем директора по капитальному строительству, что являлось чистейшей синекурой. Поговаривали, что он умудрился сохранить работу по совместительству и по-прежнему получать «за выслугу лет» по двум должностям.

Последний раз автор встретил Шмидтова в Кремлевии, в 40 г. в.в.э. Он по-прежнему выглядел добродушным рубахой-парнем и «работал» где-то директором завода. Ему было тогда только 47 лет, но, по-видимому, из-за пьянства и разврата он растолстел, облысел и поседел. Это был один из типичных вохров, «пылкий энтузиаст» и большой знаток карлсизма-ильичевизма.

В одну из своих командировок в Кремлевию Мультатули узнал, что надвигаются грозные события. В столицу съехались начальники отделов кадров всех крупных предприятий. Эти начальники получили специальные инструкции. Передавали, что великий семинарист Виссарионов крайне озабочен наличием «опасных мыслей» у перевоспитанных в системе лагерного перевоспитания «врагов народа». Эти выжившие в условиях сурового лагерного перевоспитания «враги народа» нередко благодаря высокой квалификации и большому техническому и житейскому опыту занимали видные посты.

Вождь вполне логично считал, что перевоспитанные «враги народа» не совсем добродушно относятся к родной вохровской власти. Он распорядился выявить всех перевоспитанных «врагов народа» и отправить их в пожизненную ссылку в места не столь отдаленные. Начальники отдела кадров получили инструкции увольнять «врагов народа» с наиболее важных строек и действующих предприятий еще до того как тайная полиция во исполнение директив отца народов не разместит их в положенные места.

Хотя Мультатули и допускал возможность таких планов отца народов, поскольку они были вполне логичны, он все же не представлял себе размеров этой гениальной операции. Однако вскоре, через пару месяцев, Мультатули узнал множество ее деталей.

Однажды ему передали, что какой-то мужчина настоятельно просит его выйти через проходную будку за пределы завода (завод был номерной и пропускали на завод только по особым пропускам). Выйдя, Мультатули с удивлением узнал «полдюйма». Так звали за маленький рост одного из бывших директоров кремлевского опытного завода СК Этинхоза.

Этинхоз «перевоспитывался» в лагере Гнездильске, затем его направили в особое конструкторское бюро в Кремлевии. После освобождения бывший вохр Этинхоз за взятку обменял свой дефектный паспорт с «минусом 220» и устроился в Кремлевию на работу у одного из своих бывших подчиненных Растрепцева, который к этому времени успел стать крупным функционером. В Кремлевии Этинхоз преуспел и должен был вскоре получить отдельную квартиру…

Но он оказался одной из первых жертв новых директив отца народов. Его арестовали, инсценировали следствие и отправили этапом в пожизненную ссылку, в Железногорск. После Склянской тюрьмы, пересыльных тюрем его в вагоне для заключенных привезли в Железногорск. Только здесь выпустили из-под конвоя на все четыре стороны, предупредив, что он должен являться каждые две недели к ко-

менданту на отметку и не смеет под угрозой 25 лет каторжных работ самовольно уезжать из Железногорска.

Без денег Этинхоз бродил по Железногорску, не зная что предпринять, но все же довольный, что, наконец, существует без тюремщиков и конвоиров. Он направился на завод СК и в конторе, находящейся вне территории завода, увидел фамилию Мультатули.

Мультатули снабдил его деньгами и устроил в одно из общежитий завода.

Директивы об увольнении с важных строек врагов народа еще не действовали, и поэтому оказалось возможным оформить Этинхоза старшим инженером по технадзору в непосредственное подчинение Мультатули.

Вместе с Этинхозом в Железногорск прибыл первый этап подобного рода ссыльных, которых оформили на работу в различных предприятиях Железногорска. Среди них оказалось много квалифицированных инженеров и химиков.

Этинхоз описал Мультатули технологический процесс новой гениальной операции отца народов.

Ясно было, что изъятие врагов народа происходит планомерно, без излишнего шума, по определенной системе. Но расшифровать эту систему ни в 32 г. в.в.э. с Этинхозом, ни позже, в 35 г. в.в.э., (когда настала очередь Мультатули отправляться в ссылку), не удалось.

Было высказано предположение, что вначале «очищают» от врагов народа Кремлевию и стокилометровую полосу вокруг столицы, а затем все более провинциальные места – но так «не сходилось». По алфавиту тоже не получалось. Но все же Кремлевию «очищали», по-видимому, быстрее других мест.

Этинхоз был весьма толковым и добросовестным работником. Он вскоре стал популярным среди работников Управления капитального строительства. В те мрачные, кровавые виссарионовские времена, играя в «демократию», при липовом тайном голосовании Этинхоза даже выбрали в местком УКСа Тут все вохры переполошились. Нельзя было допустить, чтобы бывший «враг народа» стал членом месткома. По каким-то надуманным причинам результаты «выборов» аннулировали и при следующих выборах заставили Этинхоза снять свою кандидатуру.

Дальнейшая судьба Этинхоза была обычной для «врагов народа». Через год после прибытия первого этапа, в соответствии с инструкциями, все ссыльные были уволены из Железногорского завода СК. Вместе с ними был уволен и Этинхоз. Некоторое время ему материально помогала жена, вместе с сыном перебравшаяся из Кремлевии в Железногорск. Затем Мультатули, который имел влияние у подрядчиков, устроил Этинхоза техноруком кирпичного завода. Однако через несколько месяцев главный инженер Гандкарметаллургстроя прохвост Габрер обвинил Этинхоза во вредительстве. Якобы по вине Этинхоза кирпичный завод был построен на площадке, где не оказалось глины, из-за чего глину пришлось завозить издалека, что привело к миллионным убыткам. В действительности строительство кирпичного завода велось уже несколько лет и началось задолго до того, как Этинхоза сослали в Железногорск. Ошибка в выборе площадки была на совести преуспевающего вохра Габрера и его подручных.

Так или иначе Этинхоз вынужден был оставить работу на кирпичном заводе. Тогда он решил использовать свою старую дореволюционную профессию и пошел фармацевтом в аптеку. К этому времени отец народов и его подручный Беридзе затеяли липовый процесс ханаанских врачей-отравителей. По всему обширному Государству Тмутараканскому началась кампания по преследованию ханаанцев – врачей и аптекарей.

Обманутый вохровскими газетами народ считал, что все ханаанцы, которые врачи и аптекари, – отравители. Не избег этой участи и Этинхоз. Он имел несчастье быть ханаанцем и жить в тоталитарном государстве. Его хватил инфаркт. После выздоровления жена Этинхоза выхлопотала разрешение привезти мужа в Кремлевию для лечения.

Вскоре страну поразило огромное несчастье – отец народов умер. Через два года после этого Этинхоз был реабилитирован, восстановлен в вохровской партии и направлен на работу в Гипрокаучук в качестве главного инженера проекта, а затем и начальника технического отдела. Однако, когда Этинхоз

вступил в фазу преуспевания и обзавелся собственной жилплощадью в Кремлевии, он получил второй инфаркт и тромб. Он умер в 41 г. в.в.э. и не успел вкусить плодов нового вохровского преуспевания.

Ко времени прибытия первого этапа ссыльных авторитет Мультатули достиг предела. Вообще-то это был один из творческих периодов его жизни. Он уже давно разобрался во всех деталях гуннского метода производства синтетического каучука. Руководя работой по комплектации оборудования демонтированного гуннского завода синтетического каучука, Мультатули отлично представлял себе состояние этого оборудования.

Положение дел с проектированием и строительством этого предприятия ему было известно намного лучше, чем главному инженеру завода Долгевичу, его бывшему ученику, безграмотному главному инженеру проекта Железногорского завода СК Дубицкому и другим проектировщикам Гипрокаучука.

Несмотря на занятость Мультатули успел ликвидировать свое отставание, накопившееся за девять лет пребывания в системе лагерного воспитания. Мультатули понимал, что до и во время Второй мировой войны гунны построили заводы синтетического каучука со столь сложной и многостадийной схемой не от легкой жизни, а в соответствии с тем сырьем, которым располагали. Еще до того, как Мультатули (при всей занятости) приступил к расчетам, он интуитивно понимал, что гуннский метод крайне неэкономичен. В первую очередь входили цехи карбида кальция, цех по производству ацетилена, цех по получения ацетальдегида из ацетилена и некоторые подсобные цехи. Конечным продуктом первой очереди был ацетальдегид. Эти цеха строились энергичней всего прочего.

Во вторую очередь намечалось построить цехи альдоля, бутилена, дивинила, полимеризации дивинила, выделения и обработки каучука.

Прогрессивными цехами по сравнению с их аналогами в производстве каучука из спирта были только три последних: полимеризации, выделения и обработки каучука.

Вся остальная цепочка, от цехов карбида кальция до цеха дивинила была неэкономичной и громоздкой. Особенно усложненными были три стадии второй очереди: альдоля, бутилена и дивинила. Мультатули было ясно, что эти цеха долго не смогут быть освоены, особенно аппаратура, работающая под давлением в 300 атмосфер.

Мультатули понимал, что ремонт и восстановление оборудования второй очереди обойдется дороже, чем изготовление подобного оборудования заново на специализированных заводах.

Только-только были ликвидированы незаконченные цеха по производству хлоропренового каучука (совпрека) и утверждены сметы на бросовые работы в 25 миллионов вохриков. Строительство первой очереди по гуннской многостадийной схеме развернулось вовсю, поэтому нельзя было предложить ликвидировать и эти не законченные еще цеха. Самую прогрессивную в те времена колумбовскую схему по производству дивинила из нормального бутана нельзя было осуществить по двум причинам: 1) в Государстве Тмутараканском этот процесс не был разработан; 2) нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность еще не производили нормального бутана. К производству нормального бутана приступили только через пятнадцать лет.

Вследствие всего этого Мультатули представлялась целесообразной следующая схема:

1. Цеха первой очереди заканчиваются строительством и осуществляются выпуск ацетальдегида.

2. Производства альдоля, бутилена и дивинила замораживаются и не строятся.

3. Строится цех по пиролизу смеси спирта и ацетальдегида по испытанному методу первых заводов синтетического каучука из спирта. Спирт завозится со стороны, а излишек ацетальдегида вывозится.

4. Цеха совместной полимеризации дивинила и привозного стирола, выделения каучука и обработки каучука укомплектовываются гуннским «оборудованием особых поставок» с демонтированного Цимосвенского завода.

В соответствии с этой схемой следовало выкинуть проект, разработанный Гипрокаучуком, и приступить к разработке нового.

Мультатули догадывался, что его предложение будет встречено в штыки. Тем не менее он в одиночку при чрезвычайной занятости приступил к расчетам.

Результаты его подсчетов оказались сенсационными. Экономия в капитальном строительстве составляла 40 миллионов, а годовая экономия в эксплуатации – 10 миллионов!

Мультатули направил свое предложение и расчеты в министерство. Какой-то полуграмотный референт министра прислал Мультатули отрицательный ответ.

Тогда Мультатули направил свои расчеты в Главк и Гипрокаучук.

Один из бывших подчиненных Мультатули, видный функционер Гипрокаучука Мотыгин подтвердил размеры экономии, но заявил, что эта схема «стратегически» не обоснована. Переписка длилась более двух лет.

В 34 г. в.в.э. Мультатули поехал в командировку, в Кремлевию. В тот момент вопрос об его увольнении с Железногорского завода (об этом еще будет рассказано), был уже решен, и он ожидал, что его отправят в ссылку. Тогда-то Мультатули узнал, что Долгевич, Дубицкий и еще двое его бывших подопечных вошли в правительство с предложением осуществить предложенную им схему. Мультатули пристыдил их: «Как же так, раньше всячески отвергали мою схему, а ныне присвоили авторство себе, даже из приличия не включив Мультатули. И так поступили бывшие товарищи и подчиненные по работе!»

Плагиаторы ничуть не смутились. Не могут же они в такие времена сотрудничать с бывшим «врагом народа»! В виде компенсации они предложили составить протокол и подтвердить четыре других рационализаторских предложения Мультатули – не столь крупных, но также дававших экономию в несколько миллионов.

Такой протокол за подписями Долгевича и прочих Мультатули получил, но толку от него никакого не было. Часть предложений не были осуществлены, остальную часть присвоили другие «авторы».

В 38 г. в.в.э, когда судимость Мультатули была снята и он вернулся из ссылки, он написал письмо главному инженеру Главкаучука, также его бывшему подчиненному, с просьбой подтвердить его авторство по новой схеме Железногорского завода СК. Тот ответил, что эта схема не принята и не осуществлена.

Через год, когда Мультатули приступил к организации Ново-Валериановского филиала Гипрокаучука и был назначен директором и главным инженером этого филиала (после реабилитации) он был допущен к секретной переписке. Во время одной из командировок в Кремлевию, Мультатули узнал, что его схема не только принята, но по этой схеме составлено проектное задание, которое утверждено всеми инстанциями, после чего начато изготовление рабочих чертежей. В свое время вся переписка по поводу этой схемы велась по секретной линии, поэтому у Мультатули никаких документов не было. Он начал рыться в секретных архивах Гипрокаучука и нашел заключение Мотыгина, о котором было упомянуто выше.

Мультатули вновь написал заявление начальнику Главка с изложением всех обстоятельств. Приказом начальника Главка была создана комиссия. В эту комиссию были введены Долгевич, Дубицкий, некоторые другие работники Гипрокаучука. Председателем этой комиссии был назначен функционер Главка Двоицкий. Он не был удовлетворен наличием рецензии Мотыгина на предложение Мультатули и требовал разыскать само предложение.

Через месяц в архивах Главка было найдено предложение Мультатули. Долгевич и другие подтвердили авторство Мультатули. Но Двоицкий был недоволен. Он сомневался, что один Мультатули в состоянии был осуществить все расчеты, и предложил разыскать все материалы в архиве спецотдела Железногорского завода СК. Но к этому времени были ликвидированы министерства и созданы совнархозы...

Мультатули предстояло начать все сначала в Гандкарском Совнархозе. Поняв, что дело с подтверждением авторства безнадежно, он плюнул на это. Как-то он разговорился с бывшим главным инжене-

ром Главка, вохром Фридкамнем, и тот сказал: «Чудак ты, Мультатули. Когда ты был в ссылке, Долгевич, Дубицкий и другие получили по твоему предложению по 50 тысяч».

В заключение стоит отметить, что эта схема была осуществлена к 45 г. в.в.э., через 14 лет после того, как Мультатули ее предложил. Но к этому времени она была неэкономична и регрессивна, так как уже была разработана схема производства дивинила из нормального бутана и следовало ликвидировать старые заводы по производству дивинила из спирта, а не строить новые. Но такова уж дефектная вохровская система.

А в тот период, когда с Железногорского завода уволили всех бывших ссыльных и по новой отправили в ссылку, положение Мультатули пошатнулось. Секретарь горкома произнес погромную речь о том, что, мол, и ныне сомнительные элементы, бывшие «враги народа» занимают видные посты и срывают сроки строительства. Этот секретарь горкома написал в ЦК вохров Атахстана, что до сих пор «враг народа» Мультатули верховодит строительством важного объекта – Железногорского завода СК.

ЦК Атахстана направил соответствующее письмо в ЦК вохров Союза, а последний предписал министерству «принять меры». Приказом по Главку Мультатули без объяснения причин был уволен. Самому Мультатули по секрету рассказал об этом главный инженер Главка Рогдин, бывший его подчиненный. Однако дирекция Железногорского завода СК не выполняла этот приказ, по-видимому, по тайной договоренности с Главком.

Еще задолго до этого заместитель министра по кадрам был смещен за потерю бдительности в случае с Мультатули, а последний был снижен по должности и официально назначен начальником производственно-технического отдела УКСа. Формально начальником УКСа считался Царев – хотя и беспартийный, но с чистой биографией. Однако для Мультатули сохранили спецставку, никакого главного инженера УКСа не назначили.

Поскольку Царев ничего не смыслил в технологии, а главный инженер завода Ретещенко – в проектировании и строительстве, Мультатули, как единственный человек на заводе, знающий все части проекта: технологическую, строительную, сантехническую и прочие и детально знающий сметы, по-прежнему заправлял передачей техдокументации, оборудования и принимал работы от подрядчиков.

С ним отлично сработались подчиненные ему очень опытный инженер-строитель – сосланный гунн Зеленый, опытный сантехник-взяточник Молчалин, работники по оборудованию и другие.

К этому времени Зеленый и Мультатули вдвоем за бутылкой вина отметили свои юбилеи: Зеленый – 40-летие своей инженерной работы, а Мультатули – 25-летие производственной деятельности.

Разумеется, строительство шло вкривь и вкось, но подрядчики прониклись уважением к Мультатули и количество махинаций было сведено к минимуму.

Директор Ицхаков справедливо считал, что все бразды по строительству завода в руках у Мультатули и до окончания строительства первой очереди его увольнять нельзя.

Ввиду отсутствия проекта организации работ, множества дополнительных работ, многочисленных махинаций подрядчиков, замены отсутствующих материалов более дорогими, огромной стоимости кустарного ремонта оборудования, генеральная смета первой очереди была перерасходована на десятки миллионов вохриков. Мультатули поставил об этом в известность Ицхакова и последний считал, что никто кроме Мультатули не сможет оправдать этот перерасход. Короче говоря, уволить Мультатули не было никакой возможности.

К Мультатули в кабинет подсадили инженера Брейгела. Он был на двенадцать лет моложе Мультатули. По окончании войны Брейгела направили в восточную Гуннию. Он также был «сарубовским» офицером, но проштрафился. Сожительствовал с молодой гуннкой, что запрещалось. Из партии его не исключили, но из восточной Гуннии отозвали и направили на Железногорский завод СК.

Вскоре Брейгел женился на свояченице Ицхакова, и его назначили начальником строящегося цеха ацетальдегида. До пуска в эксплуатацию Брейгел должен был осуществлять технадзор по строительству этого цеха.

Но большую часть времени он проводил в кабинете Мультатули. Тот не знал, кто подсадил к нему Брейгела – директор Ицхаков или парторг ЦК. Не знал он также, зачем его прислали. Для того, чтобы наблюдать за ним, или для того чтобы поучиться? Может быть, Брейгела собирались поставить на место Мультатули?

Брейгел не был инженером, он учился в университете. В инженерном искусстве проявлял абсолютным профаном и вначале не мог прочесть самый элементарный чертеж. Химические дисциплины он знал удовлетворительно, но для строительства эти знания были ни к чему.

Впрочем, Брейгел оказался достаточно способным и с помощью Мультатули, через несколько месяцев освоил достаточно сложную схему цеха ацетальдегида.

Он начал осваивать даже сметное дело, расчетную форму №2 и махинации подрядчиков. Мультатули, хотя и предполагал, что Брейгел является соглядатаем, добросовестно обучал его тому, что сам знал. К сожалению, Брейгел был чересчур напорист. Он мог быстро сделать карьеру, но к 34 г. в.в.э отец народов стал махровым антиханаанцем, затеял дело с безродными космополитами-ханаанцами, со злоумышлением ханаанцев против автозавода, с отравителями-врачами-ханаанцами и собирался даже всех ханаанцев спровадить в ссылку. Брейгел также, как и Ицхаков, сам был ханаанцем! Ицхаков, хотя и убеждал других ханаанцев на Железногорском заводе СК уволиться по собственному желанию, сам вынужден был уйти с завода. Карьера Брейгела затормозилась

Тем не менее после смерти отца народов Брейгел ожил. В 44 г. в.в.э он был назначен главным инженером Стерталимакского завода СК.

В Железногорске поползли слухи, что Мультатули «уходит» с завода СК.

Несмотря на наличие ссыльных в Железногорске и погромную работу вохровского пропагандистского механизма многие вохровские функционеры смутно представляли себе истинное положение дел. Именно поэтому некоторые из них наивно предлагали Мультатули очень выгодную работу в связи со слухами о его уходе с завода СК.

Заведующий железногорским отделением Промбанка, убедившись в никчемности «артиста», предлагал Мультатули должность главного инженера Промбанка даже с сохранением его спецставки.

Управляющий Железногорским отделением Союзэкскавации уговаривал Мультатули перейти к нему главным инженером Управления. Он соблазнял его высоким окладом, большими премиальными, бесплатным сеном для коровы и прочими благами.

Мультатули, разумеется, понимал положение вещей лучше этих функционеров. Усмехаясь, он иронически соглашался на их предложения при условии утверждения его в должности главного инженера Союзным Промбанком или Союзным управлением Союзэкскавации! Он объяснял им, что он бывший «враг народа» и побывал в лагерной системе перевоспитания. Через два-три месяца вохровские функционеры смущенно объявляли, что утверждение пока не последовало, но они хлопочут и по-прежнему очень желают работать вместе с Мультатули. Сам же Мультатули понимал, что дни его сочтены: как только строительство первой очереди подойдет к концу, его уволят.

Между тем жена Мультатули начала требовать, чтобы он зарегистрировался с ней в ЗАГСе (с 17 г. в.в.э. он был с ней в разводе).Она угрожала, что в противном случае пойдет в тайную полицию и наговорит всяких глупостей. Мультатули знал, что в лучшем случае его осудят на пожизненную ссылку, а в худшем он может попасть вновь в лагерную систему перевоспитания.

Несмотря на то, что он хорошо зарабатывал, накоплений у него не было. А дети были еще подростками. Жена могла ускорить его отправку в ссылку, и дети остались бы совсем необеспеченными. При перспективе пожизненной ссылки регистрация в ЗАГСе теряла какое-либо значение. Мультатули согласился.

Жена Мультатули из-за особых соображений обманула функционеров ЗАГСа. Она заверила их, что все время жила в не зарегистрированном браке. Хотя уже свыше 20 лет она носила фамилию Мультатули, в марте 34 г. в.в.э. в брачном свидетельстве была записана... ее девичья фамилия. Как она провела функционеров ЗАГСа – непонятно.

Мультатули стал рьяно выколачивать деньги всюду, где только мог. До этого он никаких дел с БРИЗом не имел. Ныне стал засыпать БРИЗ рационализаторскими предложениями. В течение года получил по некоторым их этих предложений 10 тысяч. Мультатули начал выполнять любые проектно-сметные работы для проектного сектора Гипрокаучука, невзирая на противодействие ненавидящего его начальника этого сектора – Петуханова.

Он разрабатывал технологические схемы, проектировал наружные сети водопровода, составлял монтажные сметы и составил первую в Гипрокаучуке смету пусковых расходов на 30 миллионов Это было огромное самобытное «сочинение». Мультатули скрупулезно подсчитал количество сырья, полуфабрикатов, материалов и готовых изделий, которым следует заполнить аппараты и коммуникации огромного завода, стоимость рабсилы, энергосредств и амортизации для этого заполнения, стоимость всех затрат для четырехмесячного пускового периода, когда завод будет работать с производительностью меньше проектной, стоимость испытаний компрессоров, насосов, электромоторов, аппаратов и т. п.

Это была совершенно оригинальная работа, так как никакого образца у Мультатули не было. Только за нее Мультатули получил пять тысяч вохриков.

Последние два года Мультатули еще ухитрялся писать автобиографические очерки. Написал он около тысячи страниц, охвативших период его жизни от 13 до 30 лет. Эти очерки и 5 тысяч рублей он дал детям и велел им зарыть всё в ящике, в сарае – что они и сделали. Держать деньги в сберкассе Мультатули опасался, так как «холодная война» была в разгаре и могла стать «горячей».

Весной 34 г.в.в.э. Ицхаков вызвал Мультатули, заперся с ним в кабинете и объявил, что уже год у него лежит приказ Главка об увольнении Мультатули. Он по доброте не давал ему ходу, но больше не может не подчиняться приказу. Несмотря на это он просит Мультатули утвердить в Кремлевии сметы на перерасход в 20 миллионов. Лучше него это никто не сделает, потому что, во-первых, Мультатули сам составил эти сметы, а во-вторых, утвердить эти сметы должны бывшие подчиненные Мультатули, с которыми он лучше всех сумеет поладить. Он, Ицхаков, не поскупится, оплатит билет на самолет. Торопиться с этим делом не надо: Мультатули может оставаться в Кремлевии столько, сколько ему понадобится для личных дел, – месяц-полтора. Ведь ему надо устроиться куда-нибудь на работу. После приезда Мультатули он еще оформит ему выходное пособие. Но Мультатули должен обещать ему, что добросовестно отнесется к этому поручению и со свойственными ему знанием и энергией утвердит эти сметы, поскольку он как директор отвечает за перерасход.

Мультатули грубо ответил, что в доброте Ицхакова он сильно сомневается. Целый год его не увольняли, потому считали незаменимым. Что касается просьбы о добросовестности, то хотя его уже 14 лет безвинно репрессируют, он не похож на некоторых вохровских функционеров и свои обязанности выполняет в соответствии с навыками и принципами, которые создавались десятки лет.

Ицхаков, понимая его состояние, пропустил его грубости мимо ушей. Мультатули улетел в Кремлевию.

Сметы на перерасход он быстро утвердил с помощью своего бывшего подчиненного Тышнера, ставшего крупным функционером-сметчиком. Помимо проблем трудоустройства Мультатули необходимо было уладить еще одно важное дело. По новому декрету можно было с 50 лет получать пенсию в размере половины зарплаты и добавку «за выслугу лет», если представить соответствующие справки о работе на вредных производствах.

Все письма Мультатули о высылке подобных справок оставались безрезультатными. Более того, Мультатули попросту ничего не отвечали. Между тем подобная пенсия плюсовалась к зарплате, если пенсионер продолжал работать. Это была очень солидная прибавка.

В этом деле Мультатули не преуспел. Когда Мультатули пришел в Главкинопленку к главному инженеру Главка Таракану, его бывшему подчиненному, тот смертельно побледнел. Мультатули его успокоил и сказал, что он не пришел искать работу, а просит только выдать справку о работе в этом учреждении 15 лет тому назад. Но даже справку Мультатули не получил. Таракан посоветовал обра-

титься за этим к бывшей секретарше Мультатули, которая с тех пор стала крупным функционером министерства.

Мультатули понял, что является типичной жертвой остракизма, и махнул рукой на затеянное дело с получением пенсии.

Уныло бродя по коридорам министерства, Мультатули зашел к своему бывшему сослуживцу Реквяку, который работал тогда главным инженером Союзрасткаучука. Тогда эта вопиющая экономическая авантюра еще не была ликвидирована. В 22 г.в.в.э. Реквяк вместе со многими другими деятелями СК был арестован и препровожден в систему лагерного перевоспитания.

Ему невероятно повезло. «По особым обстоятельствам», еще во время войны он был реабилитирован и вернулся в Кремлевию.

Он с пониманием отнесся к Мультатули. Когда Мультатули рассказал ему свою одиссею, он воскликнул: «Да ты же находка для нас. Боюсь, что ты не согласишься пойти на любой наш завод в качестве главного инженера, так как заводы маленькие и оклад главного инженера только 1500 вохриков. Но, если согласишься, то можно оформить тебя хотя бы завтра. Нужно только поговорить с начальником Главка, как-то неудобно это сделать без него»

Мультатули удивился, но согласился и сказал, что завтра зайдет.

На следующий день Реквяк сказал: «Не понимаю в чем тут дело, но начальник расвирепел, когда я ему назвал твою фамилию». Оказалось, что начальник – тот самый заместитель министра по кадрам, который пострадал из-за «отсутствия бдительности» при оформлении Мультатули начальником УКСа Железногорского завода СК.

Безрезультатны были и другие попытки Мультатули. Тогда он зашел к начальнику Главкаучука Гладиченко, тоже одному из его бывших подопечных.

Мультатули задал Гладиченко один-единственный вопрос. По каким причинам его уволили? Может быть, он по квалификации не подходит, проштрафился, или имеются какие-то другие причины. В приказе никакие объяснения не приведены. Гладиченко несколько смутился и ответил: «Что же, А.И., вы разве не понимаете?» «Предположим, что я понимаю, но объясните мне, могу ли я работать где-нибудь в системе Главкаучука?»

«Я не знаю, но завтра об этом спрошу заместителя министра».

На следующий день Гладиченко объяснил, что на действующем заводе Мультатули нигде не оформят на работе, но на строящемся предприятии это возможно под ответственность его директора. Главкаучук же направить Мультатули на такое строительство не может.

Положение Мультатули стало совсем без надежным. В ссылку не направляют и на работу не принимают. А на руках скандалистка-жена и трое ребятишек.

Но Мультатули еще не растерял запасы везения. На следующий день, бродя по коридорам министерства, он наткнулся на Кинитова.

Кинитов еще в Женорове работал вместе с Мультатули и ценил его способности даже выше, чем следовало. Он был неисправимым, но весьма добродушным пьяницей. К началу войны оказался директором Ильичевградского опытного завода «Литер Б». Предприятие вместе с Кинитовым эвакуировали. Кинитов ездил на барже, потихоньку распродавал ценности завода и пьянствовал. Хищения были обнаружены. Кинитова судили и дали 5 лет заключения с отправкой на фронт. Из партии не исключили! Во время войны он дослужился до чина полковника и после победы был назначен крупным функционером в Управлении промышленностью Восточной Гуннии. Там он хоть и жил с семьей, но беспробудно пьянствовал, в «денацификации», как Шмидтов, не участвовал. Короче говоря, не грабил и из-за пьянства, невзирая на высокий оклад, ценностей не накопил.

После «образования» Гуннской демократической республики Кинитов вернулся в Государство Тмутараканское и был назначен директором строящегося Стерталимакского завода СК. К этому времени в апреле 34 г.в.в.э. Мультатули и встретил его в коридорах министерства.

После того как они рассказали друг другу о своих приключениях, Кинитов сказал: «Понимаешь А.И., нужно начинать с самого начала. Я в делах строительства разбираюсь плохо, главным инженером назначили Демостового, он вообще ни хрена не смыслит ни в строительстве, ни в проектировании, ни в управлении, и мне нужно как-то выкарабкиваться из этой ямы. Ты тоже попал в переплет. Давай объединим наши усилия». «Но, я же «враг народа». Правда, Гладченко объяснил, что это вполне возможная комбинация, но пес его знает, может быть, ты из-за меня пострадаешь». «Была – не была, официально мне ничего не известно о «врагах народа», я завтра поеду в Стерталимак, поезжай со мной. Если понравится, я тебя тут же оформлю.»

Так Мультатули поехал в Стерталимак. Ко всему прочему в Стерталимаке все оказалось очень дешево. Кинитов оформил Мультатули в качестве начальника производственно-технического отдела, выплатил подъемные. Мультатули слетал в Железногорск, получил командировочные, выходное пособие и вернулся в Стерталимак. Судьба благоприятствовала ему. Он не только устроился на хорошей работе в местности с дешевыми ценами на продукты, но и скопил уже двадцать тысяч вохриков.

Вначале были кое-какие трудности. Требовалось наладить связи с подрядчиками и начинать осваивать площадку. Топографические изыскания на площадке были осуществлены, сетка разбита, но бетонные знаки роперов были зарыты на два метра в землю, внешние металлические стержни были уничтожены, так как площадка использовалась под огороды. С большим трудом обнаружили два ропера, пришлось перелопатить массу земли. Пора было приступать к сооружению подъездных путей, шоссейных дорог и сетей водопровода. Кроме того можно было начать строительство временной конторы и временного жилья. Пока же «Управление» строительством размещалось в арендованном трехкомнатном частном домике.

Через некоторое время Кинитов заявил, что ему «кое-кем» рекомендован в качестве экономиста некий работник. Этот «некий» работник оказался проштрафившимся следователем и ничего в экономике не понимал. Мультатули сразу раскусил этого стукача.

Но в целом контора начала работать. Появились начальники спецотдела снабжения-сбыта, машинистка, экономист, «инженер» по технадзору (безграмотный пьяница и жулик, владелец арендованного домика). Кинитов пьянствовал, главный инженер Демостов просто ничего не делал. Начальник отдела снабжения закупал мебель для конторы и для сотрудников, а главным образом занимался своими помидорными плантациями и заодно пил. Начальник спецотдела запирал в шкафы секретную техдокументацию и тоже пьянствовал. Впрочем, объем работ был пока невелик, и Мультатули легко справлялся со всеми обязанностями заказчика.

Подрядчики явно были недовольны Мультатули, потому что не привыкли к его относительно строгому приему работ. Они безрезультатно жаловались Кинитову на действия Мультатули. Однако Кинитов объяснил им, что Мультатули – один из опытнейших работников Главка, и жалобы прекратились. Более того, подрядчики начали заискивать перед Мультатули, пытались подкупить его лесом и прочими благами. В общем, отношения Мультатули с подрядчиками к общему удовольствию наладились, тем более что Мультатули всячески их консультировал.

Мультатули старался втянуть в работу Демостова, предложил ему даже разобраться с проектом производства каучука из нормального бутана. Но Демостов оказался лентяяем, хотя был трезвенником и отнюдь не тупицей.

Мультатули на новом месте не прописывался, считая, что так удлинит срок своего выявления для направления в ссылку.

Вместе с тем он деятельно готовился к ссылке. Каждое второе воскресенье ехал в район и закупал по дешевым ценам сливочное масло, муку, мед, мясо, картофель, топливо, сено. Купил корову. Заготовил снаряжение для этапа: рюкзак, одеяло, ватные штаны, телогрейку, сапоги, валенки, котелок, ложку, резиновую подушку, наматрацник. Все это снаряжение висело наготове, упакованное в рюкзак.

Мультатули заключил договор с одной владелицей частного домика на аренду двух комнат на год. Со своей стороны, он отремонтировал домик и оштукатурил все комнаты. Мультатули опасался, что

после ареста семью его могут выселить из казенной квартиры. В этом домике был также сарай для коровы.

По-прежнему продолжая начатое в Железногорске, Мультатули слал рационализаторские предложения в БРИЗ Главка. На этот раз для большей вероятности продвижения разработок он взял в соавторы Демостова. В итоге в одно из воскресений Мультатули купил и привез домой четырех овец.

На следующий день он принимал работы у подрядчика. Временная контора к этому времени уже была построена, и у Мультатули в ней был большой кабинет. Вернувшись после приема работ, Мультатули заметил около конторы какой-то черный автомобиль. Он не обратил на него никакого внимания и пошел в свой кабинет еще раз просмотреть акты приема работ по форме №2. В это время начальник спецотдела попросил его к себе для просмотра прибывших секретных чертежей.

В спецотделе сидели два типа в военной форме. Один, в форме лейтенанта, предъявил ему ордер на арест. С приветом – ответил Мультатули. «Долгожданный» момент наступил...

Все перешли в кабинет Мультатули. Лейтенант-следователь потребовал ключи от письменного стола и сразу бросился к ящику, в котором хранился личный дневник, который впервые в жизни вел Мультатули. Ясно, что стукач-экономист сообщил об этом в тайную полицию. Но в своем дневнике Мультатули, зная о соседстве стукача, не касался ни политики, ни экономики. Молодой следователь был явно разочарован.

Нашел следователь в ящиках стола деньги — 6 тысяч вохриков. Затем Мультатули усадили в черную машину и повезли домой. Дома был произведен тщательный обыск. При переезде из Железногорска дети зашили деньги (5 тысяч вохриков) и биографические очерки в пальто.

При приезде в Стерталимак все вещи были вывешены для проветривания. Жена заметила, что пальто чем-то забито. Распорола подкладку – посыпались деньги и множество исписанных листов. По ее словам, она, прочитав эти листки, пришла в ужас и уничтожила их, а деньги, разумеется, присвоила.

В целом, Мультатули перевыполнил свои планы. Были корова, великолепное сено на год. Топливо на полтора года. Картофель также на полтора года. 60 кг. топленого сливочного масла в алюминиевом бидоне, мед, 300 кг. муки и 4 овцы. Мультатули взял себе в пожизненную ссылку 500 вохриков, а шесть тысяч отдал жене. Квартирой семья была обеспечена на год.

Мультатули послал сына за дочерьми, последний раз поел домашних щей, распростился с семьей, взял рюкзак, сел в черную машину, помахал рукой и вновь отправился в неизведанное. Был канун праздника солнечной виссарионовской конституции, очередная годовщина которой отмечалась 5 декабря 34 г. в.в.э.

Пожизненная ссылка. 1950-1954 гг.

В черной машине молодой лейтенант-следователь привез Мультатули к себе в местное отделение тайной полиции. По-видимому, он превысил свои функции или, может быть, в порядке стажировки пытался инсценировать допрос. В этом городишке, в тот канун солнечной виссарионовской конституции, 5 декабря 34 г. в в.в.э., у молодого лейтенантика был еще один «клиент»- шофер-мордвин. Тот пришелся ему больше по вкусу. Лейтенант с ним разоткровенничался и заявил, что Мультатули – «битый ханаанец».

Вскоре Мультатули отвезли в обыкновенную полицейскую каталажку. Здесь ему пригодилось его снаряжение. Он подстелил ватные брюки и телогрейку, надул резиновую подушку и укрылся одеялом. Ему не пришлось, как 14 лет тому назад в Склянской тюрьме (в Кремлевии), приучать свои кости к деревянным нарам.

На следующий день конвой привез Мультатули к обыкновенному пассажирскому вагону, и тут он встретился с шофером-мордвином. В Афу их ждал уже нормальный «черный ворон», который довез арестованных во внутреннюю тюрьму Афумской тайной полиции.

Первым на «обработку» вызвали мордвина. Затем наступила очередь Мультатули.

«Обработка» оказалась более тщательной, чем четырнадцать лет тому назад в Кремлевии. «Операторы» – рататы в халатах остригли волосы на всем теле, затем проинспектировали все отверстия в теле подопытного арестанта (видимо, в поисках пулемета или бомбы). Сфотографировали в профиль и анфас. Заставили «поиграть на пианино» (сняли отпечатки пальцев). Забрали все вещи. Взамен выдали какое-то серое белье, ватные штаны, телогрейку третьего срока – размером для двенадцатилетнего мальчика и чоботы, отдаленно похожие на обувь.

После этого остриженного, смешно одетого арестанта Мультатули втолкнули в маленькую камеру. Он едва узнал шофера-мордвина. Раньше тот произвел на него впечатление смышленого, болтливого человека. Теперь увидел на табурете молчаливого тупого мужика, одетого, как Мультатули, и остриженного.

Мультатули достаточно громко приветствовал соседа. Открылось окошечко в двери, и вертухай-ратат предупредил, что разговаривать можно только шепотом. Оказывается, за прошедшие 14 лет тюремная техника подавления заключенных гигантскими шагами продвинулась вперед. Режим стал значительно строже. Разговаривать можно было только шепотом. От шести утра до 22 часов запрещалось ложиться на койку. Разрешалось либо ходить, либо сидеть на табурете. Но ни в коем случае нельзя было, сидя на табурете, дремать. Если «вертухай» замечал, что у арестанта закрыты глаза, он снимал с него телогрейку и ватные штаны, а температура в камере была не более 14-15 градусов. Арестант, оставшийся в одном белье, действительно больше не был склонен дремать.

С 22 часов вечера до 6 часов утра арестанту предписывалось лежать на койке, обязательно головой к двери, а полотенце следовало помещать в противоположном конце.

Только кипяток, баланда, пайка хлеба в 600 гр. и 15-минутная прогулка в особом крошечном дворике (делалось всё, чтобы арестанты из разных камер не увидели друг-друга) оставались неизменными. Когда арестантов водили в туалет, к следователю, в баню, или на прогулку, раздавался бесконечный перестук ключей. Тогда вертухай ставил своих арестантов носом к стене, пока встречный вертухай вел мимо своих арестантов. В целом, в 34 г. в.в.э. тюремная техника работала прекрасно.

В камере, кроме мордвина, размещались один старый головаст и молодой скиф. Головаст заявил, что он поэт, а молодой скиф представился как бывший офицер.

Поэт все больше молчал. Скиф оказался очень болтливым, разглагольствовал о всяческих несправедливостях, Постоянно приставал к Мультатули и требовал от него объяснения причин всех этих несправедливостей. Мордвин словно ничего не слышал, он не реагировал на разговоры, идиотически уставившись в потолок.

Мультатули всё это показалось подозрительным, и он решил напустить «философского тумана». Стал объяснять скифу относительность понятий добра и зла, справедливости и несправедливости, перешел к трактовке «вещи в себе». Ссылался на Спинозу, Канта, Гегеля и Фейербаха. Тут старый поэт-головаст заявил, что ему по старости лет разрешили два часа днем поспать, и лег.

Вскоре «поэт» начал посапывать. Молодой скиф заговорщически подмигнул Мультатули и шепотом сообщил, что старик – стукач.

Мультатули стало ясно, что они оба «наседки». В те времена «развернутой демократии», через 14 лет после торжественного утверждения виссарионовской конституции, имели место так называемые «камерные дела». К «свежим» арестантам подсаживали «наседок» (за эту «работу» заключенным, в основном уголовникам, каждый день засчитывался за четыре и давалось разрешение на посылки). «Наседки» затевали провокационные разговоры, и, если арестант им поддакивал, он обвинялся в контрреволюционной пропаганде и получал дополнительный срок.

Вскоре молодому скифу принесли «передачу»: колбасу и прочие деликатесы. Он сообщил, что это принесла его невеста, и начал угощать мордвина и Мультатули. Они отказались: ясно было, откуда эта «передача». В подследственных камерах передач не получали.

Поздно вечером того же дня Мультатули и мордвина перевели в другую камеру, и несколько дней они пробыли там вдвоем. Мордвин вновь превратился в смышленого мужика. Его словно прорвало:

«Ну, и «битый» ты! Прав был следователь из Стерталимака». «Ну, а ты почему вдруг превратился в идиота?» – спросил Мультатули. «А когда операторы кончили обработку, один из них сказал другому по-рататски: «Куда его, к нашим?» А я по-рататски понимаю и сообразил, что меня поместят к «наседкам».

В общем, мордвин и Мультатули оказались «наседкам» не по зубам. Мультатули чувствовал себя спокойней, чем в прежние тюремные времена. Наконец-то не надо было нервничать, ждать ареста. Он снова попал в испытанную систему перевоспитания. Он недосягаем для скандалистки-жены. В период следствия можно даже отдохнуть. Правда, очень скучно, книг не дают. Особенно баланда противна: во-первых, непривычна, во-вторых, еще нет ощущения голода.

Зато мордвин оказался весьма интересным собеседником. У него была громадная семья, вернее род – около полутораста человек. Возглавлял этот клан древний патриарх, от которого пошло множество сыновей. Они считались достаточно зажиточными, имели свою большую мельницу.

Во время коллективизации они оказались классовыми врагами. Четырех сыновей «патриарха» расстреляли, остальных разогнали по лагерям и ссылкам. Собеседник Мультатули пробыл в лагере 10 лет. После освобождения поселился в Стерталимаке, женился и работал шофером.

Через пару дней вертухай повел Мультатули к следователю. И здесь он констатировал, что техника подавления психики двинулась вперед. Арестант держал руки сзади, вертухай брал его за них и таким образом вел по коридорам.

У следователя был огромный кабинет. В одном углу стоял больших размеров письменный стол, за которым сидел следователь в новенькой с иголочки офицерской форме, а в противоположном углу стоял табурет, на который вертухай усадил Мультатули.

Когда конвоир вышел, следователь заорал: «На колени!». Мультатули, хоть и был острижен и одет в лохмотья, сохранил чувство достоинства и удивленно воззрился на следователя.

«Руки на колени», – уже тише сказал следователь. Оказалось, что в соответствии с новой тюремной техникой во время допроса арестант, сидя на табурете, должен держать руки на коленях.

«Ну-с, А. И., будем с вами «работать».

На столе у следователя лежала толстая-претолстая папка. Как впоследствии узнал Мультатули, это было именно его дело. В 21 г. в.в.э. оно было очень тонкое, но удивительно растолстело за 14 лет. Ложными оказались легенды о том, что во время эвакуации Кремлевии в начале войны (в 25 г. в.в.э.), множество дел «контриков» были уничтожены и якобы вся площадь у внутренней тюрьмы тайной полиции была ими устлана.

В стране были разрушены тысячи городов и сел, но дела «контриков», как самое ценное имущество Государства Тмутараканского, были сохранены целыми и невредимыми.

Больше всего следователь спрашивал о деятельности Мультатули после освобождения из лагерной системы перевоспитания. Может быть, он интересовался этим в связи с тем, что при освобождении Мультатули под расписку ему объявили, что он обязуется никому не расказывать о том, как его и других «перевоспитывали», – если он все же расскажет кому-нибудь об этом, то по какой-то статье получит три года.

Интересовали следователя также возможные встречи Мультатули с бывшими товарищами по системе перевоспитания. Но в основном началась болтовня о контрреволюционной «работе» еще до первого ареста.

Мультатули резонно отвечал, что этими липовыми делами четырнадцать лет тому назад занимались два следователя. В результате «работы» этих следователей он уже отсидел восемь с лишним лет в тюрьмах и лагерях, куда его направляли без какой-либо даже липовой судебной процедуры. Почему же эти дела вновь возбуждаются?

Молодой следователь намекнул, что те два следователя-ханаанца были врагами народа и он, мол, осуществляет дополнительное следствие. Его интересуют связи Мультатули с лейбистами. Мультату-

ли ответил: «Не знаю вообще, что такое лейбизм». Следователь разразился гомерическим хохотом. Он постучал в стенку коллеге из соседнему кабинета, тот пришел, и они вместе истерически хохотали, тыкая пальцами в сторону Мультатули: «Ха-ха-ха! Он не понимает, что такое лейбизм!».

Мультатули не беспокоили ни их хохот, ни их крики, ни их грубость, ни их «патриотизм». Он понял, что у следователей нет никаких агентурных данных (доносов) о его «контр-революционной пропаганде». Он точно знал, что в соответствии с директивами великого семинариста его и ему подобных ждет пожизненная ссылка. Неясно было только, куда его отправят.

В камеру поместили еще двух человек, таких же крестьян в прошлом, как и мордвин. После двух допросов следователь внезапно объявил, что «следствие закончено».

Мультатули потребовал вызова прокурора. К его удивлению, тот прибыл. Мультатули заявил прокурору протест в связи со своим арестом без наличия состава преступления. Он протестовал против дополнительного следствия по липовому «делу» четырнадцатилетней давности, по которому он уже бессудно отсидел в тюрьмах и лагерях более восьми лет. Прокурор объяснил Мультатули, что он имеет право написать письменный протест, но это совершено бесполезно, так как имеется соответствующее «постановление партии и правительства». Его отправят не в лагерь, а в ссылку. Там у него времени будет много и он сможет из ссылки посылать столько заявлений, сколько ему угодно.

Мультатули махнул рукой и подписал протокол об окончании следствия.

Через день Мультатули перевезли из внутренней тюрьмы Афумской тайной полиции в «корабль». Так называли достаточно новую Афумскую тюрьму. Попал он в большую камеру, где размещались 20 арестантов, в основном бывшие раскулаченные крестьяне.

Времени было много. Книг в этой большой камере не давали. Здесь Мультатули весьма подробно ознакомился с проведением коллективизации в Головастии. Разумеется, рассказы этих выживших очевидцев и жертв коллективизации ничего общего не имели с подтасованной ложью «Поднятой целины» Бурнова.

Можно было только поражаться живучести крестьян, которых безжалостно, свирепо и без всякой кормежки гнали по этапам в ссылки и лагеря. Впрочем, выживало меньшинство. Большинство раскулаченных погибли.

Выжили те крестьяне, которые были отправлены не в ссылки и лагеря, а в «другие районы» и ухитрились с жалким скарбом кочевать с одной стройки на другую (так называемые грабари)

Случайно среди крестьян затесался один ханаанец-кармелист, бывший литский офицер. Он очень гордился созданием Государства Ханаанского и несмотря на то, что был лет на пятнадцать моложе Мультатули, пытался опекать его как своего соотечественника по исторической родине.

Попал в эту камеру и племянник известной научной деятельницы Лешенинской.

Зима 34-35 г. в.в.э. было очень суровой. То ли вследствие этого или из-за неполадок в системе отопления температура в камере колебалась от нуля до минус двух градусов. В камере стояла маленькая скамья, на которой умещались всего четыре человека. «Постель» на день убиралась. Приходилось при отрицательной температуре сидеть на железной койке.

При переезде в «корабль» Мультатули выдали его вещи, но он их сдал на хранение, полагая, что будет сидеть с уголовниками, а сам оделся в легкую спецодежду, которую захватил при аресте. Именно в ней он сиживал на железной койке. Соседи его предостерегали и не советовали сидеть на холодном металле. Однако Мультатули их не послушал. Вскоре у него появились сильные боли в левой ноге от пятки до таза. Тюремный врач не смог поставить правильный диагноз. Только в ссылке, работая смолокуром, Мультатули узнал, что заболел левосторонним ишиасом.

Вскоре его перевели в маленькую камеру на трех человек. Там его соседями также были бывшие «раскулаченные», и их рассказы о коллективизации мало отличались от уже слышанных. Все та же чудовищная свирепость виссарионовских вохров. Мультатули с ними становилось скучно. Единственным развлечением были книги и посещение бани.

Иногда во время прогулок по дворику удавалось услышать радио и узнать некоторые фальсифицированные новости о войне в Стране Утренней Зари.

Дни шли очень однообразно. Подъем в шесть часов утра. Получение пайки. Уборка камеры. Туалет. Выдача кипятка. Баланда в 12 часов. 15-минутная прогулка в маленьком дворике. Тюремная каша в 17 часов. Туалет. Отбой в 22 часа.

Раз в десять дней баня, где можно было постирать белье и помыться.

В начале марта 35 г. в.в.э., через три месяца после ареста, Мультатули вызвали в какую-то канцелярию и ознакомили с «Постановлением» Особого Совещания тайной полиции. В соответствии с этим документом Мультатули за «контрреволюционную деятельность» был осужден на пожизненную ссылку в Белоярской области Кучумии.

Через пару дней Мультатули уже сидел в «черном вороне». Кроме него там находилась молоденькая симпатичная девушка, которая плакала горючими слезами.

Она рассказала Мультатули свою историю. Ей двадцать лет. Ее отец прошел то же, что Мультатули. В 21 г. в.в.э. был арестован ни за что. Бессудно, Особым Совещанием тайной полиции был осужден на 10 лет. Срок отбывал в Честкутском лагере, в Заполярье. После «освобождения» остался вольнонаемным в Честкуте. Вызвал семью. В восемнадцать лет девушка начала работать продавцом в магазине. Вскоре из-за неопытности у нее оказалась недостача в 2 тысячи вохриков в старом масштабе цен (в новых ценах – двести вохриков). Девушка испугалась и сбежала к тетке в Афу. Ее нашли и присудили к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Ясно было, что такая молоденькая красивая девушка станет жертвой лагерных придурков и если выживет, то выйдет из лагеря сломанным человеком. И хотя Мультатули судьбу этой девушки знал наперед, он ее жалел и всячески утешал.

Мультатули с его громадным лагерным опытом, учил ее, как оптимально прожить в лагере длительный десятилетний срок. Впрочем, как «бытовик» девушка получит 2-4 года «зачетов» и через шесть лет выйдет на волю. Девушку явно страшила неведомая судьба, но в подобных случаях участие даже постороннего человека столь благотворно, что даже в полутьме «черного ворона» видно было, как высохли слезы и как она заулыбалась.

Между тем «черный ворон» прибыл к вагонзаку. Девушку вызвали первой. Затем повели Мультатули. «Купе» в вагонзаке было так плотно набито зеками, что конвойный поддал ногой в зад и таким прогрессивным способом впрессовал Мультатули в эту компанию. После Мультатули подобным же манером вогнали еще двух зеков, и «купе» было полностью укомплектовано. Вместо четырех человек в него вместилось тридцать!

По пять человек заняли нижние лавки. Пять зеков сидели на своих «шмутках» между лавками. Одиннадцать человек лежали головами к решетчатой двери «купе» на средних, соединенных между собой полках. По два человека валетами лежали на узких «багажных» полках. Эти места считались самыми лучшими, хотя там было очень душно.

Всем выдали по селедке и 800 гр. хлеба. Мультатули все это было знакомо, он был достаточно опытным. Сидя четвертым на лавке, он раньше всего постарался поместить обе ноги и рюкзак. Однажды в таком этапе из Кремлевии на север в 25 г. в.в.э. он чуть не лишился ноги, так как последняя много дней была на весу. Селедку, разумеется, Мультатули не ел, так как, во-первых, воду давали только два раза в день (по кружке, если таковая была у зека), а, во-вторых, в туалет водили только один раз в день максимум на две минуты.

Первая остановка была в Инскчелябе. Пересыльная тюрьма была переполнена.

В начале 35 г. в.в.э. «ассортимент» зеков был весьма разнообразен. Кроме многочисленных бытовиков: убийц, воров, мошенников, хулиганов, растратчиков, бракоделов, насильников, гомосексуалистов, прогульщиков, женщин и врачей, замешанных в незаконных абортах, – система лагерного перевоспитания пополнялась бесчисленными новыми категориями «врагов народа».

Из областей, оккупированных во время войны гуннами, шли с 10-25 летними сроками: бывшие старосты и полицаи, просто люди, работавшие во времена оккупации на предприятиях, контролировавшихся гуннами, девушки, сожительствовавшие с гуннами, и, наконец, люди, на свое несчастье попавшие в орбиту наблюдения многочисленных стукачей, штатных и внештатных.

Направлялись в ссылку люди, подобные Мультатули, и «контрики», у которых закончился «срок» заключения – бессудный по Особому Совещанию тайной полиции или полученный в инсценированном спецсуде. Ехали новые «контрики», которые на свою беду рассказали не там где следует какой-нибудь анекдот. Ехали «безродные космополиты» (ханаанцы). Ехали ханаанцы, которые «пытались взорвать» автомобильный завод в Кремлевии. Их направляли на каторжные работы, а их семьи в ссылку. Ехали ближайшие родственники «изменников родины», то есть тех, которые предпочли капиталистический ад социалистическому раю. Ехали в лагерь или в ссылку многочисленные бывшие военнопленные (имелись в виду тмутараканцы, которые были в плену у гуннов и освобождены отуда западными союзниками).

Из восточноевропейских государств, «освобожденных» в результате победоносной войны, также направлялся обширнейший «ассортимент» зеков и ссыльных: бывшие белогвардейцы, захваченные в этих районах, ханаанцы-кармелисты, мнимые, а, может быть, и действительные шпионы. Наконец, в новых «народно-демократических» государствах, в которых после появления тмутараканских войск почти немедленно происходила «революция», производилась стандартная «чистка» и устанавливалось «морально-политическое единство». Тут использовался тмутараканский опыт времен коллективизации и периода 18-25 г. в.в.э, последовавшего после провокационного убийства Кострика.

Разновидности арестованных в возникших по щучьему велению или вернее по повелению Виссарионова и его тайной полиции «народно-демократических» государствах были примерно такими же, как 10-16 годами раньше в Государстве Тмутараканском. Но теперь налаженный процесс «чистки» осуществлялся быстрее. Поэтому в тюрьмах и вновь организованных лагерях «народно-демократических» государств не хватало мест. Государство тмутараканское гостеприимно предоставляло «народно-демократическим» государствам емкости своих обширных мест перевоспитания.

Зеки-гунны утверждали, что только из восточной зоны Гуннии, через Линбер ежедневно отправляется один железнодорожный эшелон зеков.

Осуществлялась окончательная «чистка» в воссоединенных с матерью-родиной Западной Малоскифии, Западной Белоскифии, Валахии и Приваряжских государствах.

Особо свирепо «чистка» осуществлялась в Приваряжских государствах: Литии, Латии и Эстии. Зеки-приваряжцы утверждали, что в лагеря и ссылки было направлено до 20% населения их стран. Пожалуй, стационарные и пересыльные тюрьмы Государства тмутараканского, особенно, в бывших оккупированных гуннами районах, были значительно плотнее «населены», чем в пиковый предвоенный период после провокационного убийства Кострика. В переполненной Инскчелябской пересыльной тюрьме даже на полу не хватало места.

Однако опытный и бывалый арестант Мультатули захватил место на полу не только для себя, но и для опекаемого им жителя из столицы Латии – Агира. Этот тридцатилетний краснощекий парень был сильно потрясен. Во время войны он чудом уцелел и получил пару орденов. Его брат – тмутараканский офицер служил в оккупационные войсках в Эстерии. Этот брат сбежал в капиталистический ад. В связи с этим парня, который даже не переписывался со сбежавшим братом, вместе с женой и трехмесячным ребенком, в соответствии с чудовищным вохровским законом, препроводили на пять лет в ссылку в Кучумию. Жена ехала в соседнем женском купе, а ребенок находился в купе конвойных. Жене разрешалось время от времени навещать ребенка. Парень по неопытности таскал огромный багаж, и Мультатули помогал ему.

Следующая остановка была в Новокучумской пересыльной тюрьме. Эта тюрьма была еще более переполнена, чем Инскчелябская.

Администрация была вынуждена даже помещать «мокрушников» в одной камере с «контриками». Правда, пахан этих убийц, высокий суомиец, дал слово не трогать «контриков». Кстати, слово свое

он сдержал: «мокрушники» не грабили «врагов народа». Сами «мокрушники» расположились весьма свободно на втором этаже нар. «Контрики» плотно, как сельди, заполнили нижние нары.

Пахан «мокрушников» вежливо осведомился, нет ли среди «контриков» желающих сыграть партию в шахматы. Мультатули хоть и был весьма плохим шахматистом, полез на вторые нары. Пахан легко выиграл у него две партии.

Во время игры, по просьбе Мультатули, предводитель «мокрушников» рассказал свою биографию. Его отец и мать получили клеймо «контриков» и были препровождены в 21 г. в.в.э. в систему лагерного перевоспитания. Пахан в четырнадцать лет оказался беспризорным. Он связался с ворами и ограбил ювелирный магазин. Затем совершил убийство. Еще два убийства. Стал знатным «мокрушником». Получил несколько сроков по 25 лет. В карты играет беспроигрышно. Имеет деньги. Дает «лапу» нарядчикам и комендантам. Почти никогда не работает. Даже в «кандее» (карцере) живет неплохо. Пользуется авторитетом среди бандитов. Внушает страх «кусочникам». В целом почти доволен жизнью, не тоскует по воле.

В Новокучумской пересыльной тюрьме было так же грязно, как и в других пересыльных тюрьмах. Но вместо обычной отвратительной тюремной баланды давали уху из какой-то мелкой свежей рыбешки.

Наконец, завершился этап в последнюю пересыльную тюрьму – Белоярскую. Из вагонзака к «черному ворону» гнали километра два. Здесь сказалось преимущество заранее подготовленного снаряжения.

Рюкзак с широкими ремнями, отлично подогнанный, несмотря на то, что был набит всем необходимым, не врезался в плечи и носился легко. Мультатули шел быстрым шагом, не уставал. В последнем этапе конвойные были особенно свирепые. Они беспощадно гнали арестантов. Особенно страдал один старик (впоследствии оказалось, что он был немногим старше Мультатули). Конвойные «помогали» ему прикладами. Мультатули пожалел беднягу и потащил кроме своего рюкзака его шмутки.

Белоярская пересыльная тюрьма оказалась весьма старинной. «Контриков» привели в огромную камеру, которая за последние два века перевидала немало каторжников и в царские, и в вохровские времена. Установить, когда через эту тюрьму прошло больше арестантов: за двести дореволюционных лет или за три десятилетия вохровской эпохи – Мультатули не удалось. Зато он смог ориентировочно подсчитать, сколько «контриков», арестованных в период с 13 по 24 г. в.в.э., выжили. В этот период, в основном после убийства Кострика, т.е. в 19-24 гг. в.в.э. было арестовано 10-15 миллионов «контриков» – крестьян, рабочих, интеллигентов. Большая часть этих «врагов народа», разумеется, из тех, которые выжили к 35 г. г.в.в.э., были освобождены с соответствующим минусом.

Почти все «освобожденные» в 32-35 гг. в.в.э. по «решению партии и правительства» были препровождены в ссылку, из них большинство – в пожизненную ссылку, а незначительная часть – на десять лет.

По данным многочисленных арестантов, примерно 50% ссылались в Белоярский край, остальные в Новокучумский и в Среднюю Азию.

Все ссылаемые в Белоярский край проходили через вышеуказанную огромную камеру, в которую набивали около 400 человек. Была еще маленькая женская камера, в которой находилось около 20 человек.

Средний срок пребывания в этих камерах составлял 5-10 дней. Таким образом, за три года через мужскую и женскую камеры прошло около 70 тысяч ссыльных «контриков». По всей стране отправили в ссылку около 150 тысяч таких «контриков». Вывод: из 10-15 миллионов «врагов народа», арестованных в 19-24 гг. в.в.э., не считая незначительного количества выживших и еще томящихся в лагерях, к 35 г. в.в.э. осталось 150 тысяч...

Но лагеря к тому времени были пополнены «свежим» контингентом, состав которого автор расшифровал выше. «Население» этих лагерей составляло «стандартные» 10-15 миллионов человек. В ссылке же, с учетом «народов-преступников» – ингочеченцев, гуннов, половцев, рататов Таврии, бакларцев,

карабдинцев, хинезийцев, эллинов и других, а также бывших тмутараканских пленных, освобожденных из Гуннии, – находилось около 10 миллионов человек.

В Государстве Тмутараканском великолепно унифицированы печать, литературатура, радио, телевидение, короче говоря, все части огромного пропагандистского механизма. В какой-то степени унифицированы все схемы бюрократического управления: партийная, полицейская, хозяйственная, «профсоюзная» и другие. Была сделана попытка унифицировать также промышленные, сельскохозяйственные предприятия, жилые здания, города, тюрьмы и лагеря. Однако эта попытка из-за бесхозяйственности, незаинтересованности и других причин не удалась.

Предприятия даже при одинаковых типовых проектах получались разными. То же было со зданиями и городами. К тому же было очень много индивидуальных проектов, а типовые проекты часто менялись. Впрочем, и в промышленном, и в жилом строительстве были общие черты: преобладала серость.

Тюремное и лагерное строительство в бесчисленных конструкторских и проектных бюро, набитых зеками, также пытались типизировать. Однако тюремные объекты еще более отличались друг от друга, чем промышленные и жилые. В любой тюрьме и лагерном пункте была своя специфика. Даже такая мелочь, как параша, во всех тюрьмах отличалась формой и емкостью.

В Белоярской тюрьме параши напоминали большие молочные бидоны емкостью в 30 литров. Хотя таких «бидонов» было три, 400 арестантов, питавшихся в основном баландой, кипятком и хлебом, влажность которого была не менее 50%, быстро наполняли эти приспособления и вокруг них всегда красовались лужи мочи.

Нынешняя огромная камера была еще грязнее камер других пересыльных тюрем.

Вначале Мультатули досталось место на загаженном полу. Но через пару дней он перебрался на вторые нары, рядом с каким-то воришкой, который каким-то образом затесался среди «контриков».

21 марта 35 г. в.в.э. Мультатули стукнуло 50 лет. Еще во внутренней тюрьме тайной полиции в Афу Мультатули получил из тюремной лавочки конфету (на лицевом счету у него было 500 вохриков в старом масштабе цен, которые он оставил себе на весь период пожизненной ссылки). Пару конфет он протащил через все этапы и пересыльные тюрьмы. Одну конфету отдал воришке – дежурный дал двойную баланду. Так Мультатули отмечал пятидесятилетие своей бурной, полной приключений жизни.

В углу камеры, у окна, на вторых нарах возлежали какие-то «аристократы-контрики». Они держались отдельной группой и мало якшались с остальными. Мультатули же возлежал ближе в дверям камеры среди «плебеев».

Он оброс большой трехмесячной бородой и больше походил на пахана-жулика, чем на «контрика».

Как-то, гуляя по перенаселенной камере, Мультатули разговорился с одним из «аристократов». Между прочей информации поведал ему, что лет 15-20 тому назад руководил проектированием первых заводов синтетического каучука. Тот, по-видимому, отнесся к этому недоверчиво и решил, что «пахан» Мультатули здорово заврался.

Книг в этой камере не давали. Было очень скучно. Дни и часы тянулись нестерпимо медленно. Возможно, поэтому на другой день «аристократ» решил позабавиться. Он наведался в угол, где лежал Мультатули, и привел еще одного «аристократа». Тот был высоким мужчиной примерно метр восемьдесят, выглядел моложе своих 45 лет и производил приятное впечатление. У него было типичное ханаанское умное лицо, почти всегда украшенное иронической улыбкой.

Оба начали потешаться над «вралем-паханом» Мультатули. Осведомились, не был ли академик Гусев учеником Мультатули. Мультатули с серьезным видом отвечал утвердительно. Мол, академик Гусев был неплохим экспериментатором-химиком, но в технологии ничего не понимал. А так как в правительстве систему по производству синтетического каучука обычно представлял Гусев, то перед тем, как академик туда отправлялся, Мультатули приходилось «накачивать» его соответствующими технологическими сведениями.

В таком духе разговор между Мультатули и вторым «аристократом» – Кофчелом продолжался достаточно долго. Чувство иронического превосходства Кофчела стало быстро тускнеть, и в конце концов он осведомился о фамилии «пахана-враля». Эта фамилия, разумеется, была ему знакома.

Кофчел работал на Ильичевградском опытном заводе синтетического каучука. Когда в 20-22 г. в.в.э. арестовали множество деятелей из системы производства синтетического каучука, Кофчела перевели в Кремлевию и он стал относительно крупным функционером – на свою беду, разумеется. Вскоре и его «изъяли из употребления». В системе лагерного перевоспитания он просидел лет восемь. В 30 г. в.в.э. его «освободили», разумеется, с «минусом». Он устроился где-то на Казкаве, на опытной станции по расткаучуку и в основном занимался своей кандидатской диссертацией.

В тот период, когда Кофчела арестовали, семьи «врагов народа» не выселяли из Кремлевии в ссылку. Поэтому его жена жила в Кремлевии и не очень ему досаждала. Он вполне имел возможность на службе заниматься ерундой и защитить диссертацию. Получив степень кандидата, переехал куда-то под Кремлевию. Именно поэтому Кофчела вторично арестовали чуть ли не на год раньше Мультатули, и он просидел еще целый год в Склянской тюрьме.

Кофчел не был знаком Мультатули, так как до ареста последнего был сравнительно мелким функционером. На следующий день тупой бритвой, которую Мультатули раздобыл у какого-то арестанта, он сбрил свою трехмесячную бороду. Кофчел окончательно убедился в том, что Мультатули – не пахан-враль, а тот, за которого себя выдает. Тем не менее свое ироническое отношению к Мультатули Кофчел сохранил, по-видимому, навсегда.

Впрочем, Кофчел, относился весьма иронически к подавляющей части человечества и по степени скептицизма значительно превосходил Мультатули. Отныне почти все время Кофчел и Мультатули проводили вместе. На прогулке в вонючем дворе Белоярской тюрьмы они обязательно держались рядом – так можно было вести радикальные разговоры, не опасаясь, что кто-нибудь подслушает.

Оба были достаточно информированы. Кофчел просидел некоторое время в политизоляторе и встречал там интересных людей. В ссылке Мультатули и Кофчел переписывались.

Кофчел в ссылке заболел. Только смерть великого семинариста спасла его от полной неподвижности. Мультатули вновь встретился с Кофчелом только через четыре года в Афу на заводе синтеза спирта. Он не узнал ироничного собеседника. Вместо моложавого мужчины высокого роста, он увидел согбенного старика (в виде буквы Г), седого и лысого.

Работа на заводе для Кофчела была синекурой. Он почти ничего не делал в течение почти года. К концу года получил отдельную двухкомнатную квартиру, но тут ему сообщили, что он реабилитирован. Хотя к тому времени завод был пущен и Кофчел мог начать что-то делать, он и часа не пробыл в Афу – тут же уехал в Кремлевию, плюнув на квартиру. Кстати, вещи Кофчела в эту квартиру таскал Мультатули.

Согбенный Кофчел все же успел сделать карьеру. Он восстановился в вохровской партии, через семь лет получил степень доктора технических наук и внедрился в ряды вохровской научной элиты.

Хотя Кофчел и имел склонность к карьеризму, он представлял наиболее положительную часть вохровской научной элиты. Был человеком способным, в какой-то степени добросовестным. Отвлекаясь от его показного и обязательного вохровского «патриотизма», Кофчела можно было причислить к относительно порядочным людям.

Через две недели после того, как Мультатули привезли в Белоярск, его вместе с 25 другими «контриками» передали какому-то лесохимическому тресту. Ни Мультатули, ни его товарищи, разумеется, не знали, что они, как живой товар, «проданы». Им просто велели собраться с вещами. На этот раз конвой не вез их, как селедок, в вагонзаке. Группу посадили в обыкновенный пассажирский бесплацкартный вагон, сопровождал ее комендант. Из Белороярска их привезли в Кснак. В Кснаке всех погрузили в грузовую автомашину и повезли на 180 километров к северу, в районное село Сатеево.

В Сатееве их выпустили «на волю». Привели к какой-то хате, в которой были встроены нары. Комендант раздал последний раз по килограмму хлеба и селедку и сообщил, что «контрики» сами завербовались в лесохимический трест.

Несмотря на недемократичное обращение Мультатули обрадовался, что может разгуливать по селу без конвойных. Целых четыре месяца он был лишен этого удовольствия.

На дворе стоял апрель. Зима в Сатееве была весьма суровой. Более пятидесяти дней стояла температура ниже минус 50. Однако в апреле под снегом появилась вода.

Ссыльные, «проданные» лесохимическому тресту, должны были жить в бараке за 20 километров от Сатеева и окаривать сосны, предназначеные к подсочке летом. За окарку каждого дерева платили 9 грошей. Лыжи не выдавали. Снег был по пояс. В день удавалось окаривать не более 10 деревьев и заработать меньше 1 вохрика в старом масштабе цен.

Там, где располагался барак, в лучшем случае можно было купить картофель по 5 вохриков за ведро и потратить на это всю «зарплату». Те, кто получал деньги от родных, не могли на них что-либо купить.

Мультатули совсем не понравились новые «господа», которые его купили. Побродив по селу, он обнаружил две кустарные артели – кирпичную и смолокуренную. Технoруком кирпичного «завода» оказался ссыльный, старый знакомый по Честкутскому лагерю, которого, кстати, считали стукачем. Он согласился принять Мультатули в артель, но предупредил, что работа начнется летом.

Все ссыльные из нового этапа должны были явиться к начальнику местного районного управления тайной полиции для получения справок и регистрации. Явившись к этому начальнику, Мультатули осведомился о своем правовом положении. Вначале начальнику был просто непонятен вопрос Мультатули. Затем он сообразил и ответил, что Мультатули – полноправный гражданин Государства Тмутараканского, а потому пользуется всеми демократическими правами, в том числе правом избирать соответствующие органы и даже сам может быть избран во все демократические учреждения Государства.

- Почему же меня «завербовали» против моего желания в какой-то лесохимический трест? – спросил Мультатули.

- Вы сами добровольно завербовались, – ответил начальник.

- Ничего подобного, – возразил Мультатули.

- Но трест уже затратил на вас известные средства, доставив в Сатеево, – сказал начальник.

- Я вовсе не изъявлял желания переселиться в Сатеево, и, если государство сочло это необходимым, то оно обязано перевезти меня за государственный счет, – заметил Мультатули.

- Государство и перевезло вас за свой счет до Кснака, – парировал начальник, – а от Кснака до Сатеева вас перевозил лесохимический трест.

Мультатули сделал движение рукой, будто собирался достать бумажник из бокового кармана:

- Что же, я готов уплатить лесохимическому тресту восемь вохриков за проезд из Кснака в Сатеево на грузовой машине, в которой ехали 25 ссыльных, но у меня отобрали 500 вохриков и выдали тюремную квитанцию. Как только мне вернут мои деньги, я расчитаюсь с лесохимическим трестом.

- Об этом договоритесь с администрацией треста. Если они согласятся вас отпустить, я не возражаю против того, чтобы вы сами устраивались на работу в Сатеево. Но поступить на работу для вас обязательно. Если вы договоритесь, сообщите мне, – завершил дискуссию представитель всесильной тайной полиции.

Мультатули уже было известно, что главный инженер лесхимтреста, тоже ссыльный, не имеет высшего образования, и решил сыграть на этом, испугав его как конкурента. Он заявил «главному инженеру», что у него 27-летний инженерно-технический стаж и он специализировался в области лесохимии, но предпочитает работать в смолокуренной артели. Если «коллега» не возражает, Мультатули устроится в этой артели.

Как и ожидал Мультатули, «главный инженер» испугался возможного соперничества, подсиживания и немедленно согласился отпустить его. Об этом Мультатули сообщил начальнику из тайной полиции. Тот выдал ему справку о том, что он ссыльно-поселенец, и разрешил ему проживать в Сатееве, но предупредил, что каждые две недели необходимо являться к коменданту на отметку.

После ухода из лесхимтреста Мультатули выселили из хаты со встроенными нарами, и в конце сатеевской зимы он без гроша в кармане, имея только полбуханки хлеба, очутился на улице. Было еще холодно.

Воришка, сосед по камере, после того как Мультатули угостил его конфетой в честь своего пятидесятилетия, спер у него хорошее шерстяное кашне. Теперь отсутствие этого кашне усиливало чувство бесприютности. Бездомный Мультатули тоскливо бродил по улицам села. Тяжелый рюкзак все же немного согревал его.

Мультатули не терял самообладания и раздумывал, что из «снаряжения» и кому продать. В первую очередь деньги нужны были для оплаты телеграммы и какого-нибудь жилья.

Везение опять не изменило ему. Мультатули встретил старого знакомого по Усть-Мывоскому лагерю. Тот уже второй год был в ссылке, работал где-то бухгалтером и получал 300 вохриков в месяц. Этот знакомый одолжил ему деньги на телеграмму и посоветовал поискать жилье в кредит.

Мультатули послал телеграмму и просил немедленно выслать четыреста вохриков, помня, что отправляясь в ссылку, оставил семье свыше шести тысяч. Затем отправился искать жилье. В какой-то многонаселенной хате ему согласились сдать угол за 30 вохриков (в старом масштабе цен) в месяц. Но предупредили, что рядом с его койкой будет проживать только что родившийся теленок. Напротив, в другом конце хаты, на широкой деревенской кровати спали молодожены. Мультатули предупредили, что из окружных деревень часто приезжают «командировочные» и ночуют на полу в этой же «комнате». Действительно, в дальнейшем весь пол бывал устлан телами этих «командировочных».

После Белоярской камеры и эти условия казались «роскошными». Мультатули не возражал ни против теленка, ни против «командировочных», ни против соседства молодоженов.

Он объяснил, что сейчас у него денег ни шиша, но на днях должен прийти телеграфный перевод. Мультатули попросил дать ему в долг ведро картошки и каждый день по поллитра молока. Сатеево было переполнено ссыльными, и местные крестьяне-кахи доверяли им. Мультатули тоже внушал им доверие. Они заключили «договор».

Мультатули уже не был бесприютным. Более того, он обеспечил себе витаминизированную пищу: картофель и молоко. Эта еда после четырехмесячной тюремной баланды и сплошного черного хлеба в вагонзаке казалась ему манной небесной. Он решил две-три недели наслаждаться роскошными жилищными условиями, чудесным питанием, вольным хождением по кучумскому селу и пока не работать.

Ссыльные, оказавшиеся в Сатееве, в основном были из воссоединенных с матерью-родиной Западной Малоскифии и приваряжских государств. Много было бывших жителей столицы Латии – Агира. Все устраивались как могли, в колхозе, в артелях. Некоторые завели огороды, коз и даже коров. Те, у кого были деньги, купили дома. Сруб стоил довольно дешево: 2-4 тысячи в старом масштабе цен. Коров продавали совсем за бесценок: 800-1000 вохриков. Однако держать коров оказывалось весьма накладно. Сено достать или накосить было почти невозможно. Земля принадлежала либо колхозам, либо государству. Косить сено в лесу или на полях запрещалось.

Многие по ночам косили сено на колхозных и государственных землях, но если их ловили, смельчаки получали 10 лет лагерей. Впрочем, они не очень боялись лагерей, так как считали, что там не хуже, чем в колхозах.

Трава на лугах и в лесах гнила, а скот из-за бескормицы резали, и мясо было очень дешево. У хозяев, сдававших Мультатули угол, было даже две коровы, но из-за голодного рациона они после отела давали всего по 4 литра молока. За каждую корову приходилось платить государству-хищнику 300

литров молока и 40 кг. мяса живым весом. Ссыльные находились в таких же условиях. Многие из них предпочитали держать коз и довольствовались удоем в 1-2 литра от каждой козы.

Некоторые ссыльные получали деньги от родственников. Но большинство, как и крестьяне-кахи, вообще не видели денег.

Хозяева Мультатули считались зажиточными людьми. В составе их многочисленной семьи был старик, который где-то что-то сторожил и получал за это 150 вохриков в месяц (в старом масштабе цен). 30 вохриков, получаемые ими от Мультатули за угол, и гроши, которые платили «командировочные» за ночевку на полу, считались солидной добавкой к их денежному бюджету. Но подобно всем крестьянам-кахам они были очень нерасчетливы.

В майские дни хозева устроили грандиозную пьянку. Примитивная и невкусная закуска из собственных овощей им ничего не стоила, но водка и самогон истощили их денежные ресурсы на несколько месяцев вперед. Покупали они только хлеб, который им выдавали по спискам. Даже мизерной суммы на оплату этого хлеба у них два месяца не было. Кроме выручки за угол, за картошку и молоко, которые они продавали Мультатули, они ничем не располагали. Но этих денег не хватало для оплаты за хлеб для их многочисленной семьи. Они вынуждены были одалживать деньги у... того же Мультатули, который к этому времени получил по телеграфу 400 вохриков.

Через три недели Мультатули устроился на работу в смолокуренную артель. Техноруком там числился симпатичный ссыльный, латиец, бывший профессор, специалист по инструментальной промышленности. Он носил длинную седую бороду и смотрелся стариком, хотя оказался немногим старше Мультатули. Латиец был очень крепок и собственноручно, без всякой помощи построил себе маленький домик. Его выгребной туалет и дворик были немного чище, чем «комната», где жил Мультатули.

Профессор этот вообще отличался необычайной чистоплотностью. У него была достаточно молодая любовница, с которой он, кстати, предпочитал жить раздельно.

Следует отметить любопытный факт. Ссыльные мужчины большей частью были пожилыми или даже в преклонном возрасте. Женщины-ссыльные почему-то оказывались относительно молодыми, в возрасте 25-35 лет. Многие местные девушки предпочитали сходиться с пожилыми ссыльными, если таким образом можно было выйти из колхоза. Поэтому попадались очень эксцентричные пары. Технорук кирпичной артели жил с двадцатилетней кахкой. 75-летний ханаанец из Агира жил с землячкой, 35-летней цветущей латийкой.

Профессор отнесся весьма благосклонно к Мультатули и содействовал назначению его старшим смолокуром. Впрочем, это к добру не привело.

Смолокуренный заводик был заведением времен царя Гороха. В землю были зарыты два чугунных котла, емкостью по два кубометра. В каждый из них вставлялся легкий решетчатый стакан из тонкого полосового железа. В эти стаканы загружалось сырье – в основном старые смолистые пни. После загрузки на котел накладывалась крышка и замазывалась глиной. В дне котла было отверстие, через которое смола, образовавшаяся в результате сухой перегонки смолья, стекала в деревянный короб, проложенный в земле, и оттуда в бочку. В верхней части котла был вварен штуцер, соединенный с медным змеевиком, который погружался в деревянный чан с водой. Чан находился в небольшом срубе. В этом же срубе умещалась маленькая комнатка для смолокура. Там же был вырыт колодец. Вода качалась ручным насосом.

Заводик размещался в глухом лесу в шести километрах от Сатеева. Неподалеку от заводика был построен барак, в котором жили ссыльные, работавшие в артели. Он буквально кишел крупными породистыми клопами.

Работа на примитивном смолокуренном заводике была очень тяжелой. Дрова для топок приходилось носить из штабеля за 200 метров. Потом надо было колоть эти дрова и жечь их в двух топках для двух котлов. Расход дров доходил до 20 складочных кубометров в сутки.

Но еще тяжелее было качать воду из колодца скверным ручным насосом. В смену приходилось накачивать несколько десятков ведер для смены теплой воды в чане со змеевиком. Профессор, технорук

артели, к приходу Мультатули успел рационализировать это допотопное производство. Решетчатый стакан, вставляемый в котел, был его изобретением. Раньше котел после окончания сухой перегонки охлаждался до двух суток, затем из котла выгружался древесный уголь, остававшийся в результате сухой перегонки после удаления жидких и газообразных продуктов смолья.

Профессор запроектировал также лебедку, с помощью которой стакан с древесным углем вытаскивался из котла и опускался в яму, которая тут же закрывалась крышкой, замазываемой глиной.

Обычно двое работали у лебедки, а двое заливали водой раскаленный древесный уголь, который приходя в соприкосновение с атмосферой, немедленно загорался. Через сутки стакан с охлажденным древесным углем с помощью лебедки вытаскивали из ямы, древесный уголь вываливали около смолокурни, а стакан вставляли в очередной котел.

Однако в древесном угле оставались раскаленные части, и частенько древесный уголь, лежащий в куче вокруг смолокурни, загорался. Днем и ночью следовало зорко следить за этой кучей самовозгорающего древесного угля и немедленно гасить возникающее пламя. Через месяц после ухода Мультатули с этой работы смолокурня сгорела дотла.

До прихода Мультатули старшим смолокуром был ссыльный мужичок лет 58. Работал он вместе со своей женой, пожилой крестьянкой лет 50, очень грязной и нечистоплотной. Жили они в вышеупомянутом бараке, в отдельной комнатушке. Остальные рабочие артели ночевали в общем помещении этого барака, разделенном перегородкой на два общежития: мужское и женское. Мужичок со своей старушкой работали посменно, по 12 часов. Мужичок ухитрялся еще иметь молодую любовницу – ссыльную крестьянку и иногда хаживать часов на шесть на охоту. Выгрузку древесного угля и загрузку смолья он производил через день, и тогда ему давали в помощь на три часа двоих рабочих.

Вообще-то работа производилась в варварских условиях. «Механизированным» был только один участок. Смолистые пни не корчевались. Под пень закладывался заряд аммонала, взрывался – и пень летел туда, куда хотел. Затем пни подбирались, и лошадь подвозила их к смолокурне. Корни обрубались и пни целиком – разумеется, вручную – совали в стакан, установленный в котле. Топились котлы как бог на душу положит. Скипидар, несмотря на наличие медного змеевика, целиком терялся. Конечно, не использовались все газообразные и легколетучие вещества, получавшиеся в результате сухой перегонки смолья.

Выход смолы был ничтожно мал, а выход древесного угля вовсе не учитывался.

Мужичок наверняка продавал древесный уголь, а, возможно, и древесную смолу. Он почти тотчас же предложил Мультатули участвовать в комбинации по продаже древесного угля. Мультатули отказался и предупредил мужичка, что не потерпит этих комбинаций, чем сразу нажил в нем врага. Возможно, что в свои смены мужичок и его жена продолжали продавать на сторону древесный уголь.

Мультатули почти сразу изменил схему работы. Вместо двух смен он установил три смены по восемь часов. Дежурили посменно Мультатули, мужичок и его жена. Выгрузка и загрузка одного из котлов производилась не через день, как раньше, а каждый день, причем от дополнительных рабочих для разгрузки-погрузки Мультатули отказался. Ранее у лебедки работали двое пришлых рабочих, отныне у лебедки работал один Мультатули, а мужичок и его жена заливали древесный уголь водой. Только от сокращения циклов производительность смолокурни по смоле увеличилась вдвое.

По согласованию с профессором Мультатули нанял двух ссыльных, которые распиливали пни. Это был сизифов труд. Поперечная пила с трудом протаскивалась в смолистом пне. Приходилось непрерывно смазывать пилу керосином. Бедняги ссыльные тратили на дорогу из Сатеево и обратно 3 часа, работали по 10-12 часов, чтобы напилить каждый день 2 кубометра пней и зарабатывали по 2 вохрика в день (в старом масштабе цен, то есть почти только на хлеб.) Но даже эта тяжелая и почти бесплатная работа была выгоднее работы в колхозе.

Вследствие измельчения смолья выход смолы вырос. Где-то Мультатули достал книжонку (по-видимому, у профессора) и начал вести процесс по определенному температурному режиму, что также увеличило выход смолы. Вода в чане чаще сменялась, и удалось наладить сбор скипидара.

Авторитет Мультатули в артели и у начальства в Кснаке сразу возрос. Однако его беспокоило, что выход смолы повысился очень резко. По его расчетам, выход древесной смолы был больше, чем ее было в смолье. Мультатули просил выборочно проверить бочки со смолой.

Оказалось, что в смоле много воды. Разыгрался скандал. Разумеется, воду подливал мужичок, но доказать это было трудно. Все же профессор-технорук поддержал Мультатули, и дело замяли. В дальнейшем, мужичок не подливал воды.

В тайге начиналась весна. Начало пригревать. Было очень тепло – и от тяжелой работы, и от солнышка. Но у Мультатули разыгрался ишиас. Из-за ужасной боли в левой ноге и тазу он не мог спать. Еле дополз из Сатеева в лес, в смолокурку. В поликлинике к нему, как «врагу народа» отнеслись подозрительно. Врач не мог с уверенностью установить наличие ишиаса. Его освободили на две недели без выплаты больничных. Между тем артель за проработанное время тоже не платила.

В артели был очередной финансовый кризис. Своих денег у Мультатули оставалось мало. Он перебрался из Сатеева в лес, в барак, отгородив в комнате, в которой жил мужичок с женой, угол только для койки. Клопы, вначале не разобравшись, с жадностью набросились на Мультатули, но он им не понравился и они вернулись к мужичку с женой. Вообще клопы не любили Мультатули, и если только по близости были другие жертвы, они его оставляли в покое.

Ишиас мучил Мультатули целый месяц. Самое лучшее в мире вохровское здравоохранение не только не оплатило вынужденный прогул по болезни, но и не лечило. Может быть, помогла тяжелая работа, или другие обстоятельства, но ишиас, наконец, оставил Мультатули в покое.

Тут появилась новая беда. 10 июня в лесу появился гнус. Мошкара ела заживо. Мультатули сладострастно вспоминал милых милосердных комаров.

В накомарнике он задыхался и не носил его. Дегтем не хотелось мазать лицо, так как деготь трудно смыть, да его и не было под рукой. Немного спасал скипидар, получение которого наладил Мультатули. Но он быстро высыхал и гнус вновь с ожесточением набивался в рот, нос, глаза, уши. Скипидар спасал на 10-15 минут и, кстати, разъедал кожу.

Особенно пострадал Мультатули, когда вместе с мужичком пошел в тайгу помечать пни для взрыва. Они заблудились. Накомарник Мультатули не захватил. Скипидар в склянке кончился. Туча гнуса безнаказанно ела лицо, руки и ноги Мультатули. Несколько часов мужичок и Мультатули брели по тайге

Наконец, где-то вдалеке послышался слабый стук топора. Пошли на этот стук.

И ведь что бывает на свете! Лесорубом оказался старый знакомый Мультатули по Честкутскому лагерю, с которым он в последний раз виделся 11 лет тому назад.

Деньги были на исходе. Никакой надежды получить что-то за работу в смолокуренной артели в обозримом будущем не было. Мультатули ограничил свои расходы до минимума, до 10 вохриков (в старом масштабе цен) в неделю. За 5 вохриков он покупал ведро картофеля, а остальными деньгами оплачивал 600 гр. хлеба в день, который получал по списку. Соль одалживал у мужичка.

Еще когда Мультатули жил в Сатееве, до переезда в лес, он обзавелся друзьями. Особенно подружился с бывшим журналистом из столицы Эстерии – Жилы. Этот идеалист еще смолоду стремился переехать из капиталистического ада Эстерии в пролетарский рай Государства Тмутараканского. Наконец, его мечта осуществилась. Он попал в пролетарский рай. Но, увы, счастье его продолжилось недолго. В 21 г. в.в.э. он попал в категорию «врагов народа», и его загнали на 10 лет в Честыму. Как иностранец он плохо знал скифский язык и все 10 лет его использовали на общих работах. Несколько раз он был «доходягой». Уму непостижимо, как этот щуплый маленький слабый ханаанец выжил.

Вообще-то маленькие, щуплые люди имели больше шансов выжить, так как вне зависимости от роста все лагерники получали одинаковую пайку хлеба и одинаковую баланду. Кроме того слабых зеков не использовали для очень тяжелых работ. Все же удивительно, как этот человек не погиб в течение 10 лет на общих работах в суровом климате Честымы. Но, удивив всех, он выжил и... был направлен в Сатеево в пожизненную ссылку.

В ссылку к нему приехали жена и сын. В Эстерии, в Жиле, жена была искусной модисткой. В Сатееве она вернулась к своему ремеслу. Жене фининспектора и женам кое-какого другого начальства она шила бесплатно, поэтому финансовые органы ее не беспокоили.

Они с мужем купили домик, сына устроили в профтехническое училище и в общем жили безбедно на заработки жены. Но ссыльный ханаанец обязан был работать. За год до приезда Мультатули он трудился в колхозе. Гнус ел его беспощадно. Но, как выше уже было отмечено, стоимость баланды, которой его кормили в колхозе, превышала заработок. Мультатули устроил приятеля на смолокуренный заводик.

Этот щуплый ханаанец был удивительно жизнерадостен, никогда не унывал. Он был по-настоящему остроумен. Несмотря на физическую слабость упорство его было поразительно. Как-то Мультатули заметил, что он целую неделю корчует небольшой пень на своем участке, у домика. Мультатули предложил свою помощь, но ханаанец отказался. «Или я осилю пенек, или он меня осилит», – сказал он.

Хотя Мультатули вскоре уехал из Сантеева, он переписывался с ханаанцем около пяти лет, даже когда после смерти великого семинариста их обоих освободили. После освобождения щуплый ханаанец вначале учительствовал в Агулаке, затем ему разрешили уехать в капиталистический ад, в Эстерию, в Жилу. Следует полагать, что бывший журналист был сыт по горло тмутараканским раем и хорошо понял, что капиталистический ад, да еще в демократической Эстерии, традиционной стране «муниципального капитализма» – не такая уже плохая штука.

Когда Мультатули еще обитал в Сантееве, он познакомился с тремя уроженками Латии, проживавшими до ссылки в Агире.

Две из них были совсем старухами, третья была 40-летней крепкой и симпатичной женщиной. У одной из старух муж умер совсем недавно, прожив с ней около года в ссылке. Две других вообще не знали, куда делись их супруги в результате «чистки» населения в Латии, воссоединившейся с родиной–матерью.

Все три были ханаанками, в прошлом достаточно зажиточными. Положение у них было неопределенное, и они очень бедствовали.

Только одна из-за старух за полгода до знакомства с Мультатули выиграла по одной из облигаций выигрышного займа 5000 вохриков и купила домик. Одну комнату она сдавала; вторая старуха была кем-то вроде прислуги и обрабатывала огородик при домике.

Все они великолепно относились к Мультатули и всячески старались ему услужить. Разбогатевшая старуха даже подарила ему бумажник из крокодиловой кожи, принадлежащий мужу. Он впоследствии великолепно прослужил Мультатули 18 лет.

Знакомство со всеми этими людьми, которые все были значительно слабее Мультатули и очень тяжело переносили тяготы кучумской ссылки, в какой-то степени скрашивали ему одиночество, гнус и ишиас.

Попав в ссылку, Мультатули совсем не писал своей скандалистке–жене. Ее письма он рвал, не читая. Считал, что наконец-то избавился от нее. Детям он писал, что сделал все возможное для их обеспечения, что ныне работает смолокуром и зарабатывает максимум 150 вохриков (в старом масштабе цен) в месяц, но даже эти ничтожные деньги ему не выплачивают, а если бы и выплатили, то их еле хватало бы на собственный прокорм. Мультатули напоминал, что на год вперед обеспечил их кровом, едой, топливом и деньгами. Их мать для него не существует. Он никогда не сможет забыть, как она его свирепо преследовала, скандалила, обирала, порочила и клеветала на него.

Увы, Мультатули очень огорчали письма детей. Они писали, что мать скандалит с хозяйкой дома, что та выселила корову из сарая и собирается до срока выселить их из дома. Что мать ссорится со старшей дочерью и все время бегает по судам и прокурорам. Что мать проработала чуть более месяца в яслях и затем ее уволили.

Сведения были самые неутешительные. Но самого Мультатули ел гнус, и он ничем не мог помочь детям.

Внезапно, как снег на голову, жена... появилась в бараке! Разумеется, привел ее проводник, которым ее снабдило районное управление тайной полиции.

Мультатули следовало идти на смену. Когда он увидел жену, то буквально задохнулся от гнева. Во-первых, он ее ненавидел. Во-вторых, был в бешенстве. В условиях тяжелой работы, под гнусом он жил на 10 вохриков в неделю, а она, не спросясь, бросила детей и затратила на поездку 1000 вохриков.

Он не сказал ни слова и пошел в ночную смену на смолокуренный заводик. Жена видела его адски тяжелую работу, которая выглядела особенно мрачно ночью. Казалось, что от гнева Мультатули лопнет. Он заявил, что как только освободится от работы, задушит ее.

Жена не испугалась. Она хорошо изучила Мультатули.

Утром он остыл. Понял, что ежели она нашла дорогу в ссылку, от нее уже не избавиться. Кроме того надо было спасать детей. Из квартиры их выселяли. Корову некуда было деть. На работу жена устроиться не могла, ожесточенно дралась со старшей дочерью. Пока еще есть какая-то собственность, следует быстро всё реализовать, купить здесь за 4-5 тысяч домик с огородиком (соток 15), на котором уже посажен картофель. Тогда будет кров, картофель; когда дети приедут. Мультатули с ними заготовит дрова. Может быть, даже удастся купить корову, благо это недорого. Непонятно было только, чем кормить корову.

Мультатули писал во многие учреждения, предлагал себя как проектировщика. Но он либо не получал ответа, либо приходили неопределенные отписки. Лично поехать для беседы он никуда не мог, будучи ссыльным, которому под подписку объявили, что его осудят на 25 лет каторжных работ, если самовольно покинет место ссылки.

Наиболее реальной была работа в Исинейстрое, который занимался проектированием и строительством предприятий цветной металлургии и редких металлов в Белоярском крае. В ведении Исинейстроя находилось громадное по тем временам Особое Техническое Бюро (ОТБ), в котором работало около 1000 зеков. Главный инженер этого ОТБ, вольнонаемный, был захвачен гениальной идеей: использовать ссыльных инженеров. Но им воспрещалось селиться в Белоярске. Зеки из ОТБ могли за колючей проволокой жить в Белоярске. В 70 километрах от Белоярска, в вохрозе, построили несколько домиков, в которых должны были работать и жить ссыльные инженеры. Там решено было организовать филиал ОТБ из ссыльных инженеров.

По дороге домой жена, проезжая Белоярск, зашла в ОТБ к начальнику отдела кадров, капитану тайной полиции. Было извлечено заявление Мультатули, и любезный функционер обещал устроить мужа в организуемый филиал ОТБ. Свое обещание он сдержал. Впоследствии, почти двадцать лет жена хвасталась, что устроила Мультатули на работу и «спасла» его.

Через месяц в Сатеево пришел вызов. Комендант оформил пропуск. Артель выплатила всю задолженность. Прибыли 500 вохриков по тюремной квитанции. Мультатули «разбогател»: у него скопилось около тысячи вохриков, и он обрел на два дня волю. Он сам, без сопровождения коменданта, мог ехать в Кснак и в Белоярск. Все складывалось шикарно.

Прибыв в Белоярск, Мультатули сразу направился в ОТБ. Несколько часов он ждал приема у главного инженера ОТБ. Это был ханаанец, который презрительно относился ко всему человечеству, кроме себя самого. Просмотрев анкету и выслушав «показания» Мультатули, он выразил свое полное разочарование. «Да вы же всюду были в ролях главного инженера! Не видно, где вы занимались проектной работой, – это даже не учитывая того, что вы ничего не смыслите в цветной металлургии и в процессах обогащения», заметил он.

Мультатули начал смущенно бормотать, что он, мол, занимался проектированием лакокрасочных заводов, заводов СК, кинопленочных заводов и даже в заключении спорадически занимался проектной работой.

Вообще-то Мультатули в душе был согласен с этим крупным начальником ОТБ и тоже считал, что вохровские главные инженеры обычно не знают проектного ремесла. Их дело – только «руководить». Мультатули достаточно часто встречал совершенно безграмотных главных инженеров. Он уже был уверен, что «высокий начальник» отошлет его обратно в Сатеево, что было бы для него сильнейшим ударом. В это время в кабинет главного инженера вошел какой-то крупный мужчина. Главный сказал: «Послушайте Валин, Вы сегодня возвращаетесь в Лишу. Захватите этого инженера, бог знает кого нам направляют».

Валин оказался начальником Лишинского филиала ОТБ. Тоже ссыльный. Так Мультатули попал в филиал ссыльных в Лишу. Но злоключения его только начинались... Правда, он был поражен «громадным» окладом – 1000 вохриков в месяц. Он уже привык зарабатывать 150 вохриков, и даже 400 вохриков казались ему щедрой оплатой.

Мультатули предоставили место в общежитии и зачислили в какой-то технологический отдел. Он понятия не имел, что должен делать. Цветной металлургии он не знал, проектировщик тоже никудышний – прав оказался начальник. Графика и почерк у него были неважные. Правда, он был приличным расчетчиком, но в областях весьма далеких от цветной металлургии.

Мультатули не был типичным вохровским руководителем, но все же в прошлом он в основном занимался руководящий работой. Литературу еще не привезли из ОТБ, где были хорошая библиотека и кабинет проектов.

В комнате, где Мультатули работал, сидели еще три человека. Все они копошились и изучали материалы по проектировании Сорского Комбината цветной металлургии. Только один из этих четырех – Милованов занимался вопросами обогащения. До этого он работал в ОТБ в Белоярске. У него недавно закончился срок заключения, после которого он должен был 10 лет пробыть в ссылке. Его оформили инженером Лишинского филиала, в технологический отдел. Был он о себе весьма высокого мнения и метил в начальники технологического отдела.

Пробыв 10 лет в заключении (как «контрик»), Милованов страдал «тоской по женщине» и усиленно искал невесту. После недолгих поисков и «смотрин» ему приглянулась ссыльная девушка 21 года. Ему самому уже стукнуло 50. Основное население вохроза состояло из представителей «народа–преступника» – половцев. Они были сосланы в Белоярский край шесть лет назад.

Вначале половцы вырыли землянки для себя, а также для скотины. Разумеется, весь их скот остался на родине, в Половеции. Но в Белоярском крае, куда пригнали этапы половцев, «взамен» отобранного у них на родине скота им выдавали по одной телке. Постепенно половцы поставили срубы, благо леса кругом было достаточно. Дома они строили в основном летом и осенью. Но в страду без выходных дней работали на полях вохроза по 12-14 часов в сутки и строить свои дома могли только в «свободное» время, по ночам. Для заготовки леса у них было больше времени, так как это они делали зимой, когда работали в вохрозе по восемь часов и им давали выходные дни.

Плата за работу в вохрозе была символическая, и средства к существованию они добывали в основном за счет своего карликового приусадебного хозяйства. Государство–вампир не довольствовалось барщиной, то есть почти бесплатной работой половцев в вохрозе, но взимало огромные налоги с жалкого приусадебного хозяйства: 300 литров молока с коровы, 40 кг. мяса живым весом, 500 вохриков с приусадебного участка, яйца, шкуры, картофель.

Корма для скотины выдавались вохрозом в недостаточных объемах, главным образом – солома. Половцы по ночам косили сено в лесу или на вохрозных лугах, рискуя попасть в заключение сроком на 10 лет.

Кроме половцев в Лишинском вохрозе были и другие ссыльные: скифские гунны, казковцы, которые побывали в плену у адольферовцев в Гуннии и, наконец, «контрики». Подавляющее большинство «контриков» по постановлению Особого Совещания тайной полиции были «приговорены» к пожизненной ссылке. Вся эта масса ссыльных должна была регулярно отмечаться у коменданта. Чаще всех отмечались «контрики» – один раз в две недели. Представители «народов–преступников» должны были отмечаться один раз в квартал.

Мультатули предстояло не только приспособиться к непривычной для него работе. Следовало срочно решить вопрос о жилье для его семьи, которую он ожидал со дня на день. До ближайшей деревни было восемь километров, но нечего было и думать о том, чтобы снять там комнаты или купить домик.

Тем не менее Мультатули не утратил изобретательности. Он купил у половцев, которые переезжали в построенный ими дом, оставленную ими землянку за 600 вохриков. Рядом была землянка, в которой половцы держали скотину и огороженный приусадебный участок в восемь соток гектара. Таким образом, «жилье» для семьи и для будущей коровы было обеспечено.

И тут произошел очередной вохровский катаклизм!

Дело в том, что тайная полиция не засекретила ссыльных. Эти ссыльные, бывшие враги народа, могли вполне свободно передать все секреты зарубежным колумбовцам-империалистам. А технология цветной металлургии была наглухо засекречена. Все технологические проектные материалы были спешно увезены из Лишинского филиала в ОТБ в Белоярск.

Ссыльным инженерам было объявлено, что отныне филиал будет заниматься проектированием... подсобного хозяйства. Использовать можно будет только инженеров–определенного профиля: строителей, механиков, электриков и сантехников. Инженеры–технологи не нужны. Если же они хотят продолжать работу в филиале, то могут быть использованы только, как копировщики или чертежники.

Делать было нечего. Мультатули объявил себя сантехником и заявил, что готов проектировать водопровод, канализацию, отопление и вентиляцию. Ему повезло. В филиале не оказалось ни одного сантехника, и руководство филиала в лице начальника и главного инженера было весьма довольно тем, что технолог Мультатули оказался заодно и сантехником.

Начальство ОТБ решило, что вначале Лишинский филиал будет выполнять только рабочие чертежи по проектным заданием ОТБ. Для начала филиалу заказали рабочие чертежи литейного и кузнечного цехов Сорского комбината, а также какого-то клуба.

На беду Мультатули, в клубе было предусмотрено однотрубное отопление. Мультатули никогда не проектировал ни водопровода, ни канализации, ни отопления, ни вентиляции. Кое-что он все же знал. В бытность его крупным функционером в УСК, где он руководил проектированием заводов синтетического каучука, через его руки проходила и проектная документация по сантехнике. Отоплению и вентиляции он немного подучился у своего подчиненного специалиста – теплотехника Рабыкова и у своего приятеля Волкова, который в этих делах был еще опытнее Рабыкова. Но когда Мультатули пришлось выполнять рабочие чертежи однотрубной системы отопления клуба, он понял, что как исполнитель никуда не годится.

Это было попросту трагедией.

Мультатули шел уже шестой десяток. Мозговые кибернетические системы работали не так четко, как прежде. Из ОТБ в качестве образца были присланы несколько рабочих проектов систем отопления. Но во всех проектах системы отопления были двухтрубными.

Так же, как когда-то в Честкутском лагере Мультатули для спасения собственной шкуры пришлось «изобрести» способ изготовления зеркал, так в Лишинском филиале после многих бессонных ночей ему пришлось «изобрести» однотрубную систему отопления в трехэтажном клубе. Любопытно, что впоследствии этот клуб был построен и система отопления функционировала нормально.

Но это были только цветочки, ягодки были впереди.

Предстояло приступить к выполнению рабочих чертежей водопровода, канализации, отопления и вентиляции литейного и кузнечного цехов. Мультатули даже отдаленно не представлял себе, как он будет выполнять чертежи вентиляции.

К этому времени приехала семья. Жена умудрилась потерять все документы и поехала их искать. Половцы ушли из землянки, а Мультатули с тремя детьми–подростками расположились в ней.

Мультатули лег спать на топчан, который остался в наследство от половцев, а дочери и сын расположились на земляном полу около топчана. Хотя Мультатули еще в лагере меньше всех страдал от атак

кровожадных клопов, на этот раз он не мог спать. Он встал и зажег спичку. Вся подушка была сплошь покрыта клопами. Наволочки не было видно. Мультатули лег на пол рядом с детьми.

В землянке было полным полно клопов, мокриц, пауков. На следующий день началась генеральная чистка, которая продолжалась три дня.

Мультатули привез из филиала пару кроватей, стол и стулья. Так закончилось благоустройство половецкой землянки.

Однако дела были из рук вон плохи.

После ликвидации всего «имущества» за вычетом расходов на проезд у семьи оставалось шесть тысяч вохриков в старом масштабе цен. Продукты доставать в вохрозе было весьма затруднительно. Даже при полуголодном существовании расходы на еду для пяти человек составляли 75 вохриков в день и больше. Даже при новой «громадной» зарплате в 1000 вохриков в месяц после вычетов оставалось 800 вохриков или около 25 вохриков в день. Скандалистка–жена была занята перебранками со старшей дочерью и даже не думала устраиваться на службу. Был уже конец августа. Надо было предпринять какие-то «героические» меры для того, чтобы прокормиться и обогреться зимой.

Начались походы в соседние села. Были куплены две овцы, два поросенка и корова.

Для коровы кое-как отремонтировали землянку (скотскую), туда же поместили овец. Поросят устроили в загоне, в жилой землянке, в той «комнате», в которой пожираемая клопами семья Мультатули спала первую ночь. Вонь стояла невыносимая.

С большим трудом нашли сено для коровы. Надо было достать еще картофель для поросят и для себя. Старшая дочь уехала в Белоярск, так как поступила после окончания средней школы на третий курс горного техникума. Младшая дочь уехала в районный центр учиться в десятом классе.

К тому времени за 300 вохриков были куплены 15 соток гектара огорода.

В конце сентября Мультатули с сыном и дочерью, которая была вызвана из районного центра, отправились за пятнадцать километров убирать картофель с купленного огорода. Убирали тщательно, извлекая каждую маленькую картофелину. Пришлось заночевать в поле. Ночи стояли уже холодные. Особенно замерзала дочь. Мультатули с сыном отогревали ее. К следующему дню весь картофель был убран. Жена где-то достала мешки. Уже из последних сил, после почти двухсуточной деятельности, картошку затарили и ухитрились к вечеру поймать «левую» машину. На ней привезли 50 мешков картофеля к «родной» землянке. «Подвал», примыкавший к землянке, оказался разрушенным. Мультатули с сыном спешно отремонтировали его и засыпали туда картофель.

Благодаря всем этим энергичным мерам семья была обеспечена на зиму картофелем, молоком и в какой-то степени мясом. Хлеб, выстояв в больших очередях, можно было покупать в местном «кооперативе».

Зимы в тех местах были холодные, и нужно было заготовить не менее 25 куб. метров дров. Но как раз это не составляло проблемы для Мультатули, который в лагерной системе перевоспитания в числе прочих профессий приобрел специальность лесоруба, тем более что Лишинка была окружена лесами. За два дня Мультатули с сыном заготовили дрова, достали «левый» трактор и привезли эти дрова к землянке. Сын устроился в филиале курьером за 300 вохриков в месяц.

К предстоящей зиме семья была обеспечена всем. Уютной, вонючей и влажной землянкой, в которой вещи всегда становились мокрыми, теплом; продовольствием. Дочери учились. Сын был зачислен экстерном в девятый класс средней школы. Чистый денежный доход семьи составлял свыше тысячи вохриков, не считая стипендии старшей дочери в размере 180 вохриков. Дочери наняли углы соответственно в Белоярске и в районном центре.

Но положение Мультатули не было прочным. Он одновременно должен был самоучкой проектировать водопровод, канализацию, отопление и вентиляцию при наличии весьма скудной сантехнической литературы и выдавать не менее 15 нормальных листов чертежей в месяц. На беду какой-то дурацкий функционер из ОТБ потребовал от Мультатули развертки всех воздуховодов с отводами.

Попытки Мультатули убедить этого функционера, в том что строители из «Сантехмонтажа» не нуждаются в этом, так как для любых воздуховодов и отводов у них имеются готовые развертки и, вообще говоря, кровельщики и без этих разверток могут заготовить соответствующие «картины» для этих воздуховодов и отводов, – ни к чему не привели.

Начертательную геометрию Мультатули сдал 32 года тому назад и забыл ее основательно. После множества бессонных ночей он сам научился делать никому не нужные развертки. В дополнение к этому Мультатули приходилось ежедневно пилить и колоть дрова, носить за полкилометра воду из колодца (жена за несколько лет так и не смогла научиться носить ведра на коромысле), убирать коровий навоз, огораживать участок и выполнять прочие крестьянские обязанности. К счастью для Мультатули, проекты литейного и кузнечного цехов Сорского Комбината бесконечно переделывались и, по-видимому, никогда не были осуществлены.

Проектные задания этих цехов осуществлял Гипроцветмет. Рабочие же чертежи путе-шествовали из Лишинского филиала в Белоярское ОТБ, оттуда к заказчику, от заказчика в Гипроцветмет, а из Гипроцветмета эти чертежи начинали новый цикл. В этом порочном круге первые неумелые чертежи Мультатули затерялись.

А через полгода в условиях чертовского напряжения умственных способностей Мультатули кой-чему научился и даже начал выполнять 150 и даже 200% «нормы», которую в конечном счете он сам устанавливал.

В филиале подвизался самый разнообразный народ. Были старые проектировщики–зубры, у которых было до 25 лет проектного стажа, главным образом строители. Механики и электрики были слабее, но и среди них были относительно опытные проектировщики. Сантехников, как уже выше было отмечено, не было. Единственным «сантехником» первые полтора года был Мультатули.

Копировщики начали практиковаться только в Лишинке. Единственным копировщиком, который занимался этим до ссылки, был бывший князь Долгорукий, старый алкоголик. Этот аристократ средства для покупки водки добывал удивительным путем. Он занимался рационализацией любых предприятий, процессов и конструкций. Свои рационализаторские предложения рассылал многочисленным адресатам. Расходы на почтовые марки были очень значительными, но князь утверждал, что они с лихвой окупаются, так как где-нибудь кто-нибудь обязательно клюнет и ему вышлют соответствующее авторское вознаграждение. Все же князь одалживал у кого мог, так как без водки существовать не мог. Бóльшей частью он долги отдавал.

Сметчиков и специалистов по проектам организации работ в филиале не находили. Был один известный в стране теплотехник. В архиве работал профессор математики, выживший после десятилетнего пребывания в шестомском лагере. Этот высокий, стройный, хорошо сохранившийся 80-летний галл преподавал ранее в одном из высших учебных заведений Кремлевии.

Был даже один бывший редактор вохровской газеты в Колумбовии.

Среди копировщиц были дочери «врагов-хананцев». Их родители обвинялись в том, что презрев гостеприимство, которые им сотни лет оказывали скифы, хотели взорвать автомобильный завод в Кремлевии. Эти террористы либо были «заслуженно» расстреляны, либо направлены на каторгу, а семьи – в ссылку сроком на 10 лет.

Вся эта разношерстная публика жила вначале в общежитиях. В каждой комнате было по 10 коек. Только ссыльные – начальник филиала и главный инженер имели отдельные комнаты. Через год-два, когда были построены еще несколько домов, каждому была предоставлена своя комната. Один Мультатули крестьянствовал и жил в отдельной землянке.

Впоследствии приехали несколько работников, которые женились на ссыльных из приваряжских республик и жили в своих домах, вернее, в домах благоприобретенных жен.

Хотя состав проектировщиков был достаточно квалифицирован (разумеется, не считая работников архива, склада, сторожей, курьера, завхоза, секретаря, начальника филиала, копировщиков), в филиал удалось затесаться и неумельцам. Был один очень бодрый старикан 70 лет, который зимой щеголял

без пальто и имел 30-летнюю любовницу. Он с трудом научился чертить, но ничего не понимал и совершал множество ошибок. Был гунн, убивший свою жену, осужденный на десять лет заключения и затем умудрившийся стать «контриком», – он как-то устроился техником, хотя не имел никакого технического образования.

Среди этих ссыльных инженеров выделялись «богачи» и бедняки. «Богачи» были выходцами из из Гнездильского лагеря. Они были освобождены после окончания войны. К ним приехали жены и вместе со своими освобожденными мужьями работали в качестве вольнонаемных. В Гнездильске, как и всюду в Заполярье, тарифные ставки были в 1,8 раза выше, чем на «Большой земле». Кроме того каждые полгода добавляли 10% за выслугу лет. После 5 лет выслуга составляла уже 100%. Таким образом, зарплата была по крайней мере в 3,6 раза больше, чем в обжитых местах. А так как все эти инженеры в лагерном Гнездильске занимали руководящие посты, они фактически получали в 5 раз больше, чем могли бы зарабатывать на Большой земле. Вместе с женами они зарабатывали 10 тысяч в месяц и больше в старом масштабе цен.

Когда «освобожденных» арестовали и направили в пересыльную Белоярскую тюрьму, их накопления составляли 150 тысяч вохриков и больше. Пока мужья находились в Белоярской тюрьме, жены жили в Белоярске, посылали им передачи и хлопотали об их устройстве на приемлемую работу после окончательного «оформления» в пожизненную ссылку.

Однако большинство ссыльных инженеров не имели накоплений. Кроме Мультатули только к троим приехали жены: к главному инженеру Учителеву, к будущему главному инженеру Быковскому, который сместил Учителева после изгнания ханаанцев, и к бывшему профессору математики. Жена Быковского тоже была проектировщиком-технологом в области фото-кино-химической промышленности и работала в филиале. К остальным ссыльным жены приезжали эпизодически.

Хотя немногие ссыльные инженеры имели накопления, одни работали вместе с женами, другие были «холостыми» – поэтому их не очень значительные доходы оказывались достаточными для того, чтобы не жить впроголодь, тем более, что свои деньги они тратили только на пищу. Жилье предоставлялось, а дрова кроме «богачей» все заготавливали сами.

Все очень дорожили своей работой в Лишинском филиале. Во-первых, это была привычная проектная работа, во-вторых, предоставлялось жилье и, в-третьих, они получали в 7-10 раз больше, чем платили в вохрозах, и в 20-30 раз больше, чем на барщине в колхозах или на лесоразработках. Поэтому старались проявлять свой «энтузиазм». Работали сверхурочно в будни. Приходили работать в воскресные дни. Случаи опоздания на работу были исключительной редкостью. «Демократическое» начальство из ссыльных, а впоследствии из вольнонаемных даже завело журнал, в котором отмечалось время ухода с работы «энтузиастов», которые работали сверхурочно в будни и по воскресеньям.

Однако бóльшая часть работы и «энтузиастов», и «равнодушных», как ниже будет показано, шла в корзину.

Через год после организации Лишинского филиала разразилась катастрофа. Она стала логическим последствием всяческих провокаций, направленных против злодеев-ханаанцев. После дела «врачей-отравителей», дела злоумышленников–ханаанцев, которые якобы пытались взорвать автомобильный завод, и множества дел «безродных космополитов» началась великая чистка вохровских учреждений от подозрительных ханаанцев.

В Лишинский филиал приехал начальник отдела кадров Белоярского Особого Технического Бюро, некий капитан тайной полиции. Им был разработан гениальный план. Из Лишинского филиала вначале уволили почти всх работников и оставили десяток человек. Затем начали принимать всех работников, кроме ханаанцев, обратно. Принятым обратно неханаанцам урезали зарплату. Инженеров переводили на должности техников и даже чертежников, копировщиков. Некоторые хитрые ханаанцы выдавали себя за скифов-арийцев. Обычно в случае смешанного брака, если мать или отец были скифами-арийцами, эти хитрые ханаанцы тоже значились по паспорту скифами-арийцами. Но бдительный капитан тайной полиции внимательно вглядывался в черты лица подопытных ссыльных, обнаруживал ханаанский разрез глаз и тут же разоблачал их.

Таким образом были разоблачены молодые сестры Полонские, у которых отец был ханаанец, а мать – арийка. В паспорте они значились как скифки-арийки. Но от отца они унаследовали ханаанские глаза, губы и подбородки. Обратно на работу бдительный капитан тайной полиции их не принял. Все ханаанцы оказались не у дел.

Мультатули с разрешения коменданта ушел за 25 километров в районный центр Макробузимо, где дочь кончала среднюю школу. Все его попытки устроиться на какую-либо работу ни к чему не привели. Даже на работу возчика в вохрозе, которая была нелегкой в условиях 40-50-градусных морозов и на которой можно было заработать только сто вохриков в месяц (в старом масштабе цен), можно было устроиться только по «блату». Единственной возможностью оставалась работа на лесоразработках, в 30 километрах от Лишинки. Этим тяжелым трудом вдали от дома можно было заработать 2-3 вохрика в день – стоимость 2 кг черного хлеба.

Землянка для жилья разваливалась. Землянка для коровы была в еще худшем состоянии. Всю зиму Мультатули укладывал навоз около скотской землянки. Но он не учел, что землянка находится в выемке...

Весной навоз начал таять, а жидкость – стекать в землянку. Убрать быстро навоз было свыше сил Мультатули. Хотя он сверху подтаивал, в целом это была замерзшая глыба, которую приходилось раскалывать топором. Мультатули с четырех часов утра до тех пор, пока не отправлялся на службу, раскалывал этот не поддававшийся навоз. Между тем становилось все теплее и скотскую землянку заливало. Пришлось корову перевести в сени жилой землянки.

Надвигалась новая беда. Вода подбиралась к подвалу, в котором хранился картофель. Только благодаря героическим усилиям Мультатули и сына картофель был спасен. Вода к подвалу не была допущена. Но обе землянки находились в плачевном положении. Плохо было с главным огородом. Огород у землянки был в хорошем состоянии. Но недалеко от Лишинки работникам филиала был отведен участок земли. Мультатули засадил там 20 соток картофелем.

На беду весь участок был заражен сорными травами – овсюком и молочаем. Эти сорняки начали вылезать как раз к тому времени, когда Мультатули и другие ханаанцы были вышвырнуты из филиала.

Еще до восхода солнца Мультатули отправлялся на дальний огород и выпалывал сорняки. Когда он доходил до конца участка и выпалывал сорняки в этом конце, в начале участка сорняки вновь вылезали. Пять раз Мультатули выпалывал сорняки и два раза окучивал картофель. Но он был вознагражден за свои труды. На этом участке почти никто ничего не собрал, а у Мультатули набралось 60 мешков, около 2,5 тонн.

Очень тяжело было вывозить этот картофель. Дорога шла в гору, к тому же полили дожди. Мультатули одолжил ручную тележку. Под смех окрестных жителей Мультатули с сыном и шестимесячным бычком запрягались в эту тележку и тащили ее по «главной» улице Лишинки к своей землянке.

Надо было еще добывать корм для двух поросят, которые «воспитывались» в жилой землянке и наполняли ее нестерпимой вонью. Мультатули нашел участок дикого проса и рвал его руками. Поросят он пас невдалеке от землянки. Плохо воспитанные поросята разбегались. Мультатули гонялся за ними и с трудом загонял в родную землянку.

Дважды чуть не разразилась ужасная катастрофа. Корова, которую в первое лето не удалось спровадить в стадо, паслась невдалеке и дважды пропадала. К счастью, оба раза ее после долгих поисков находили.

Пока Мультатули занимался этими крестьянскими делами, он проворонил возможность устроиться на работу.

Уволенный ханаанец – главный инженер Учителев каким-то образом устроился в Белоярске, выхлопотав соответствующее разрешение тайной полиции.

На 100 километров севернее организовали филиал Белоярского учреждения, занимавшегося проектированием жилья. Его представители приезжали в Лишинку и завербовали уволенных ханаанцев:

электриков, строителей и механиков. Мультатули в это время боролся с овсюком и молочаем. Его положение казалось безнадежным.

Тогда-то была решена судьба младшей дочери. Мультатули не видел для нее никакого просвета. Она к этому времени закончила среднюю школу. Не было уверенности в том, что ее примут в институт. К тому же Мультатули считал, что пять лет учебы без материальной помощи с его стороны будет для дочери тяжким испытанием. Поэтому посоветовал ей поступить на третий курс техникума, где, по его расчетам, дочь могла получать бóльшую стипендию и через два года поступить на работу. Это предопределило ее судьбу в худшую сторону.

Но начались приятные неожиданности. Новое начальство из ссыльных относилось к Мультатули неплохо. Оно заявило начальству из Белоярского ОТБ, что выдавать рабочие чертежи объектов без сантехники невозможно, поскольку не учитываются отверстия для канализационных, водопроводных, вентиляционных и теплофикационных коммуникаций в фундаментах и в кровле. После длительной переписки Мультатули, несмотря на свое ханаанское происхождение, был принят обратно. Восстановлен он был не в должности инженера, а техником с окладом в 700 вохриков вместо 1000 в месяц.

Наступил перелом, и «счастье» вновь начало улыбаться. Оказалось, что на одну из облигаций Мультатули выпал выигрыш в 500 вохриков. Неожиданно прибыла премия в 1000 вохриков за какое-то рационализаторское предложение, сделанное до его отправки в пожизненную ссылку. Работа шла легче. Мультатули стал профессионалом–сантехником. Понемногу он начинал заниматься проектированием вертикальной планировки и освоил проектирования водопроводных, канализационных и теплосетей генплана.

Но землянка разваливалась, и не было помещения для скота. Следовало подумать о приобретении рубленого дома. Весь капитал Мультатули составлял полторы тысячи, свалившиеся с неба.

Можно было за 1500 вохриков купить дом с участком в 15 соток и даже с колодцем во дворе, что очень облегчало бы труд Мультатули. Но жене этот дом не понравился. Полторы тысячи попали в ее руки.

Пришлось купить дом за 4500 вохриков и влезть в долги, которые тяжелым бременем лежали свыше года на плечах Мультатули. А он никогда ни у кого не одалживал денег даже в самых тяжких обстоятельствах.

Вскоре приехали два сантехника–профессионала. Некоторое время Мультатули работал с ними. Затем ему предложили организовать сметную группу и включить в ее работу проектирование организации работ (ПОР). Мультатули начал осваивать новую проектную профессию. Впрочем, еще в Железногорске, работая по совместительству в проектном секторе Гипрокаучука, он в числе прочих проектных работ занимался сметным делами. Но выполнял он только технологически–монтажные сметы. Ему надо было освоить строительные, электромонтажные сметы и ПОР. Но и это было нетрудно, поскольку он много лет принимал у подрядчиков строительно-монтажные работы и неплохо знал единичные расценки по всем видам строительно-монтажных работ. Правда, одно дело – принимать строительно-монтажные работы, а другое – выполнять сметную документацию и проекты организации работ.

Отдел смет и ПОР начальство вынуждено было организовать, так как филиалу поручили крупную работу – проектирование крупнейшего асбестового комбината недалеко от границы с Хинезией. Стоимость выполнения этого проектного задания составляла свыше миллиона вохриков.

Руководство филиала к этому времени сменилось. Начальником назначили вольнонаемного Купи-Вода, а главным инженером вместо Быковского (который сменил за год до этого уволенного ханаанца Учителева) назначили интригана-ссыльного Голубицына. Купи-Вода в проектировании разбирался плохо, но был относительно либеральным человеком. Голубицын – инженер-механик отсидел как «контрик» 10 лет.

Последние два года Голубицын работал в Белоярском ОТБ. По окончании срока заключения был направлен на работу в Лишинский филиал и оформлен как старший инженер с окладом в 1500 вохриков в месяц. Проектный опыт инженера-механика у него явно был неплохой, но общий инженерный кру-

гозор – узкий. Как главный инженер филиала он явно не справлялся со своими обязанностями, но мог быть хорошим исполнителем рабочих чертежей металлоконструкций и какой-то части оборудования. Но Голубицын не любил работать. За год работы старшим инженером он не выдал ни одного листа.

Голубицын любил «руководить». Пользуясь своими связями в ОТБ, он свалил Быковского и начал царствовать на «троне» главного инженера. Не считаясь ни с возрастом, ни с опытом работников, он в весьма грубой форме отчитывал их за малейшее опоздание или за любую ерундовую – с его точки зрения – ошибку в чертеже. Весь коллектив его дружно ненавидел. Впоследствии, после смерти Виссарионова и освобождения первой партии ссыльных, подчиненные добились его увольнения. Хамство свое он неоднократно проявлял и в отношении Мультатули, что последний довольно тяжело переносил.

За два года работы Мультатули заслуженно или незаслуженно приобрел репутацию «всезнайки». Поэтому-то Купи-Вода и Голубицын предложили ему организовать группу смет и ПОР.

Еще за полгода до этого его восстановили в должности инженера, и он вновь начал получать 1000 охриков в месяц. После назначения его руководителем группы смет и ПОР оклад повысили до 1200 вохриков.

К этому времени, сдав экстерном на аттестат зрелости, сын уехал в Ксмот в надежде поступить в Политехнический институт. Экзамены он сдал отлично. Но у него было два крупных недостатка. Во-первых, все его предки были ханаанцами. Во-вторых, отец был «врагом народа» и пожизненным ссыльным.

Бдительная комиссия не зачислила сына в Политехнический институт. Его вышвырнули из общежития. До этого у него на Белоярском вокзале украли те жалкие деньги, которыми его смог снабдить отец. Ко всем прочим бедам отвалились подметки дрянной обуви.

Очутившись на улице без гроша и без обуви, парень не растерялся. В тот же день он завербовался бетонщиком в какой-то «Вузстрой», получил общежитие, а также небольшой аванс и справку о том, что он работает бетонщиком. Благодаря этой справке он был принят на вечернее отделение института! Через месяц устроился на работу токарем, а через полгода был зачислен в Политехнический институт как полноценный студент. Еще через некоторое время получил стипендию.

Мультатули осваивал новую проектную профессию с успехом и со значительно меньшими затратами, чем профессию сантехника.

Он выполнил первый в филиале проект организации работы линии электропередачи. Но по закону синусоиды период удач вновь сменился периодом неудач.

Месяц Мультатули мучил приступ ишиаса. Больничный лист было невыгодно брать, так как выплачивали бы только 25% оклада. Оказалось, что Мультатули, работавший уже 35 лет, не имел трудового стажа. Его стаж исчислялся месяцами! За 9 месяцев до этого он только был принят на работу, а до этого его уволили как преступного ханаанца. После бессонной ночи Мультатули отправлялся на работу, но садиться не мог.

Когда закончился приступ ишиаса, появилась опухоль в конце прямой кишки. Она была чрезвычайно болезненна и вызывала сильные кровотечения. После отъезда сына пришлось пилить дрова поперечной пилой одному, так как жена не научилась это делать.

При заготовке сена три последние машины попали под сильные дожди. Мокрое сено сильно слежалось, и почти двое суток пришлось разбирать его, расстилать для сушки по огороду, а затем самому складывать на крышу. Жена не могла подать ни одного навильника. Приходилось самому забрасывать несколько навильников на крышу сарая, затем лезть на крышу, раскладывать их, вновь соскакивать на землю для забрасывания очередных навильников и т. д.

Ко всем прочим бедам, когда корова перестала доиться, жена заявила, что заболела, и на два месяца слегла. Самое удивительное, было то, что в результате болезни жена порядочно растолстела...

Стало совсем туго. Перед уходом на работу следовало напоить и накормить скотину, разжечь печку. В перерыв надо было сломя голову носить воду из дальнего колодца и снова поить и кормить корову,

бычка, поросенка, кур. После окончания работы в филиале вновь надо было носить воду, пилить и колоть дрова, кормить и поить скотину.

Жена с постели не вставала. У Мультатули кровотечения усиливались и боли стали нестерпимыми. Однажды топчан, на который он лег, был весь залит кровью. На этот раз жена испугалась. Она мигом выздоровела и пошла в филиал. Дали грузовую машину. Мультатули увезли в районную больницу в Макробузимо.

Главный врач, в прошлом известный кремлевский хирург, после перевоспитания в лагере приговоренный к пожизненной ссылке, успокоил Мультатули, определив, что опухоль доброкачественная. Мультатули посадили в кресло, и этот великолепный специалист очень удачно провел операцию. Такое впечатление было у Мультатули. Но, когда новокаин уже не «замораживал», начались сильные боли. Это было естественно и не беспокоило Мультатули.

Однако на следующий день температура поднялась выше сорока. Самочувствие было удивительным. Мультатули казалось, что он ощущает все внутренние органы, желудок, кишечник. Каждые два часа, днем и ночью сменяющиеся сестры делали уколы. На третий день главный врач, который к удивлению Мультатули им интересовался больше, чем остальными, сказал: «Теперь вы будете жить».

Этот хирург считался лучшим в Белоярском крае. Работал он зверски. Все остальные врачи районной больницы вместе взятые не работали столько, сколько он один. Все операции осуществлял собственноручно. Пользовался огромной популярностью несмотря на два крупных недостатка: он был ханаанцем и «врагом народа».

И всё же, хотя Мультатули оперировал искуснейший хирург, у него началось послеоперационное заражение крови.

Спас Мультатули пенициллин и, может быть, сильный организм.

Он выжил. Но убыток был немалый. Хотя Мультатули упорно не ложился на операционный стол, он не добился того, чтобы дотянуть до 50% по больничному листу.

Мультатули вернулся в филиал. Работа к этому времени стала стремительной и авральной.

За полгода до описанных событий умер великий отец народов, корифей науки, создатель самой демократической солнечной вохровской конституции, единственный, неповторимый и непогрешимый, величайший из великих палачей, обагренный кровью многих и многих десятков миллионов людей.

По этому поводу в филиале было организовано траурное собрание. Жертвы непогрешимого палача произносили торжественные траурные речи. У многих были слезы на глазах. Женщины бились в истерике.

В Кремлевии бесчисленное количество людей, боготворивших единственного, неповторимого и непогрешимого, сломя голову бежали, чтобы распрощаться с лежащим в гробу величайшим из семинаристов. Обезумевшие от горя люди во что бы то ни стало желавшие попрощаться со своим любимым вождем, были в страшной давке раздавлены и расплющены. К сожалению, лучшая в мире тмутараканская статистика не опубликовала количества последних жертв великого и неповторимого палача.

Преемники гения всех времен и народов не знали, что делать с его страшным наследством. В лагерях и ссылках томились 25 миллионов людей. Они работали на стройках в Заполярье, на строительстве всех железных и шоссейных дорог, на лесоразработках, в шахтах, на множестве строек по всей стране, в колхозах и вохрозах Кучумии и Средней Азии.

Сельское хозяйство и промышленность через восемь лет после окончания победоносной войны зашли в непроходимый тупик. Отпустить миллионы людей из огромной лагерной и ссыльной систем перевоспитания было страшновато по двум причинам.

Во-первых, преемники великого и неповторимого вполне законно сомневались в результатах перевоспитания. Возможно, думали они, в результате гениальных методов перевоспитания в различного рода застенках все это огромное количество неблагодарных людей вместо того, чтобы превратиться в преданных друзей прогрессивнейшего, социалистического, вохровского народного режима, стали

врагами. Да они, собственно, и являются «врагами народа». Во-вторых, если распустить этих людей по домам, придется заморозить множество строек. Возникнет огромный экономический катаклизм.

Решили пока что амнистировать так называемых «социально-близких»: воров, убийц, хулиганов и прочих. В результате во многих городах начались повальные грабежи и убийства.

В Белоярске с наступлением темноты никто не рисковал появляться на улицах. Так как осенью и зимой 37 г. в.в.э (в год смерти великого и неповторимого), темнело сравнительно рано, студенты, рабочие и служащие после окончания занятий возвращались домой большими группами, вооружившись стальными прутьями. На такие группы «социально–близкие», освобожденные из лагерей, не решились нападать.

«Контриков» пока не освобождали ни из лагерей, ни из ссылок. Но режим стал мягче. Тайная полиция чаще и легче выдавала пропуска. Этим немедленно воспользовалась Белоярская ОТБ Исинейстроя и его Лишинский филиал.

Разработка проектного задания асбестового комбината быстро продвигалась вперед. Правда, работники Лишинского филиала ничего не понимали в технологии асбеста, но строители, механики, сантехники, электрики и группа смет и ПОР работали вовсю. Необходимо было чаще ездить в Белоярск. Пропуска всем выдавались.

Однажды Купи-Вода вызвал Мультатули и сообщил ему, что его вызывают в Белоярск по вопросу смет и проекта организаций работ для проектного задания асбестового комбината. Сегодня же Мультатули должен с ним поехать.

«Как же ехать без пропуска?» – спросил Мультатули. «Мы поедем вместе, а пропуск оформим в Белоярске», – ответил Купи-Вода. Делать нечего. Пришлось поехать. Стоял крепкий мороз. Купи-Вода, одетый в шубу, забрался в кабину, а Мультатули в легком демисезонном пальто (зимнего пальто он никогда не носил) залез в кузов.

Мультатули начал замерзать. Он решил, что ему хана и он замерзнет, но его спасли... оперативники. На первом же заградительном пункте, они, невзирая на путаные объяснения Купи-Вода, задержали Мультатули.

В их домике была райская теплота. В Белоярск оперативники повезли Мультатули в легковой машине и доставили в комендатуру. Ночь Мультатули повалялся на полу в комендатуре, а на следующий день начальство из ОТБ его выручило.

Вечером Мультатули пошел к дочерям. По дороге он решил зайти на вокзал купить газету (это была колоссальная глупость). Наметанный глаз одного из оперативников, дежурившего на вокзале, сразу же остановился на ссыльном. Мультатули еще не получил пропуск и был задержан.

Дело могло кончиться плохо. Но Мультатули давно не удивлялся своему везению. Случайно на вокзале оказался оперативник, ранее задержавший его по дороге в Белоярск. Он узнал Мультатули: «Да это же наш в доску». Мультатули отпустили.

Впервые он увидел житье-бытье дочерей. После этого Мультатули довольно часто ездил в Белоярск.

Между тем, в связи с амнистией «социально–близких» и предстоящим роспуском «контриков по домам» высшее начальство решило заморозить строительство асбестового комбината. Казалось бы, для замороженного строительства не требуется никакой проектной документации. Не тут-то было.

Проектное задание – весьма дорогостоящая работа. Незаконченное проектное задание, перед тем как выбросить в корзину, следовало «запроцентовать». Более чем на 50% оно не тянуло. А ведь эта работа была расценена более, чем в миллион вохриков. План по ОТБ в целом и по Лишинскому филиалу был под угрозой срыва.

В управлении Исинейстроя «кормились», как в давние времена воеводы, несколько сот генералов, полковников, подполковников, майоров. Все эти бездельники и невежды получали огромные тарифные оклады – за погоны, за выслугу лет, северную надбавку, премиальные за «перевыполнение» плана и т. п.

Начальник Исинейстроя – генерал – получал 25-30 тысяч в месяц. Какой-нибудь жалкий майор получал за все, включая погоны, выслугу лет и т. п., до 10 тысяч в месяц.

Работали все эти «работяги» с энтузиазмом. Должности их были самыми разнообразными. Были начальники отделов, заместители, помощники заместителей, главные инженеры – просто главные инженеры и главные инженеры проектов. Были руководители не существовавших в Исинейстрое групп и старшие инженеры. Просто инженеров и младших инженеров не было. Занимали все они в Белоярске огромное здание со множеством кабинетов. Но так как эти энтузиасты были абсолютно невежественны в технике и не могли прочесть самого элементарного чертежа, то работа выполнялась самым оригинальным способом.

Какой-нибудь полковник с «государственно–безопасными» мозгами назначался главным инженером проекта какого-нибудь объекта – например, асбестового комбината. Фактически эту работу выполняли «враги народа» – зек из ОТБ или ссыльный из филиала. Зек получал за свою работу баланду, ссыльный – тысячу или тысячу двести вохриков в месяц, а полковник – 15 тысяч.

Если стройка направляла какой-нибудь запрос по части проектной документации, работа закипала бурными темпами. Генерал вызывал соответствующего начальника отдела. Тот вытягивался, как полагается герою с погонами. Генерал передавал ему запрос стройки. Тот заверял: «Будет исполнено!» Начальник отдела вызывал главного инженера проекта. Этот герой с погонами тоже вытягивался и тоже говорил: «Будет исполнено!»

Далее запрос переходил уже к штатским. Полковник или подполковник – «главный инженер проекта» – вызывал начальника ОТБ. Тот передавал запрос главному инженеру ОТБ. Затем запрос переходил уже к «врагам народа». Главный инженер ОТБ вызывал зека – начальника отдела. Если проект выполнялся в филиале, то запрос проходил по всей служебной линии филиала и, наконец, доходил до исполнителя – ссыльного. Ответ на запрос возвращался обратно по той же длинной служебной лестнице.

Хуже было, если консультацию должен был осуществлять проектировщик на стройке. Естественно, вся эта сложная иерархия чинов не могла ехать, да и поездка всех этих высоких начальников была бы бесцельной, так как все они ничего не понимали ни в технологии, ни в проектировании. Ссыльные никогда не выезжали на стройку. Зеки же иногда в сопровождении «тени», какого-нибудь лейтенантика, выезжали.

Сам генерал был очень жизнерадостным человеком. Поскольку он был еще «выбран» в члены обкома, то строго соблюдал революционную законность. Когда ему понравилась молодая жена его родного сына, он не принуждал ее к сожительству. Просто направил сына в длительную командировку. Затем оформил развод молодой жены со своим родным сыном. Затем зарегистрировал свой брак с уже бывшей молодой женой своего родного сына.

Его подчиненные полковники и майоры были столь же переполнены энтузиазмом и жизнерадостностью. Они были отчаянными патриотами. Правда, когда вскоре прекратились выплаты за погоны и выслугу лет и вместо 10 тысяч какой-нибудь майор начал получать жалкие 3 тысячи в месяц, все эти патриоты были очень недовольны и чуть не взбунтовались. А когда Исинейстрой ликвидировали, их патриотизм и энтузиазм совсем увяли.

Для того, чтобы не потерять премиальные, проектное задание асбестового комбината следовало во что бы то ни стало закончить до 1 января 38 г. в.в.э. А так как всем было известно, что проектное задание безусловно пойдет в корзину, то можно было запроектировать любую чепуху без опасения, что какой-нибудь объект рухнет, либо какая-нибудь локальная смета или даже генеральная смета окажутся завышенными или заниженными.

Для быстрейшего завершения генсметы и проекта организации работ Мультатули вызвали на две недели в Белоярск, на этот раз снабдив пропуском. Это оказалось весьма кстати. Старшая дочь сообщила ему о своему замужестве. Денег у Мультатули было мало, и это событие он мог отметить только бутылкой скверного вина.

Проектное задание асбестового комбината было закончено 30 декабря 37 г. в.в.э.

Переплетчики – зеки из ОТБ прекрасно оформили тома этого проектного задания. Груда солидных книг выглядела великолепно. И была отправлена в корз…, то бишь в архив. Энтузиасты с «государственно–безопасными мозгами» свои премиальные «заработали».

Весна 38 г. в.в.э. была полна «розовыми» слухами. Но были и пессимисты, которые утверждали, что изменений не будет. Эти самые пессимисты за год до этого утверждали, что все ссыльные «враги народа» будут направлены в необжитые места в Заполярье, а на их место приедет в ссылку еще один «народ–преступник» – ханаанцы. Последнее, вообще говоря, было близко к действительности. Этот замысел не был осуществлен из-за того, что главный автор столь замечательного проекта – отец народов – умер раньше времени.

В мае вызвали группу ссыльных на освобождение. Все они ликовали, немедленно ликвидировали свои дела и уехали. Неосвобожденные грустили. Вскоре освободили вторую группу. В нее входили те, кто некогда, в 21 г. в.в.э., по постановлению Особого Совещания тайной полиции или по спецсуду были «присуждены» к пятилетнему сроку заключения.

У Мультатули тоже был пятилетний срок заключения. У ссыльного Пархомова – такой же срок. Но в мае их направили в Белоярское ОТБ. Воспользовавшись этим, взгрустнувшие ссыльные зашли в Белоярское отделение тайной полиции справиться о причинах задержки их освобождения. Им ответили, что в «деле» отсутствует справка об освобождении из заключения в лагере. Мультатули освободили зимой 29 г. в.в.э. Впоследствии он обнаружил в одной из своих папок копию этой справки, но тогда совсем забыл, что такая справка у него имеется. Он насмотрелся всяческих чудес и опасался, что вершители судеб «передумают» и оставят «контриков» в лагерях и ссылках до тех времен, когда те отправятся в лучший мир.

Пока суд да дело, Мультатули обработал свои огороды и посадил картошку. В огороде около дома он уже третью зиму рассыпал навоз и перекапывал его с землей. Это была очень трудоемкая работа. Зимой он возвращался уже затемно. Всю неделю жена отодвигала навоз к стенам сарая, где он замерзал. В воскресенье Мультатули приходилось раскалывать замерзший за шесть дней навоз и в ведрах разносить по участку.

В начале июля Мультатули все же вызвали на освобождение. С него сняли судимость и разрешили вернуться в Кремлевию.

Сын и младшая дочь уехали погостить к старшей дочери, которая после окончания техникума работала на юге Белоярского края в Белогорске. Они почему-то задержались, и, хотя Мультатули торопился в Кремлевию, он отправился их разыскивать. Впервые за последние 18 лет у него был почти нормальный паспорт. Почти – потому, что все же в паспорте была отметка, что документ выдан на основании справки тайной полиции. Ему предлагали остаться на работе в ОТБ и даже предлагали 2000 вохриков в месяц.

Кроме старшей дочери вся семья собралась в Лишинке. Картофель был в превосходном состоянии. Его можно было копать уже в августе, когда цена на рынке была очень высокой. Но Мультатули торопился. Он полностью рассчитался с филиалом. Ликвидацию хозяйства предоставил жене и сыну.

Впрочем дом обесценился. Продавцов в этот исторический момент было много, покупателей мало. Освобожденные ссыльные разъезжались. Домик продали всего за тысячу вохриков. Но выкопанный картофель, корову, бычка, поросенка и кур выгодно продали уже после отъезда Мультатули в Кремлевию и выручили 10 тысяч вохриков. Впрочем, Мультатули этих денег так и не увидел. Они оказались у жены, и через полгода она объявила, что у нее ничего от этих денег не осталось.

В большой свет Мультатули пустился с 1500 вохриков, которые он получил при расчете. Одежда его представляла лохмотья, и значительную часть этих денег пришлось затратить на экипировку. В Белоярске в большой очереди он с трудом достал билет в бесплацкартный вагон. Будучи человеком опытным, захватил третью полку и обеспечил себе относительный комфорт. Предстояло свыше трех суток занимать это привилегированное место на верхотуре.

У Мультатули было достаточно времени для того, чтобы размышлять о дальнейшей своей судьбе в блистательной Кремлевии.

Афумский сектор Гипрокаучука. 1955–1956 гг.

В конце июля 38 г. в.в.э. в «комфортабельном» бесплацкартном вагоне Мультатули прибыл в Кремлевию. За восемь лет до этого он после десятилетнего пребывания в лагерной системе перевоспитания приехал в столицу нелегально. После того «освобождения» ему припаяли «минус 220», и Кремлевия была самым большим «минусом». Тогда он ходил по столице, с опаской оглядываясь на каждого представителя явной полиции и возможного представителя тайной полиции. Он чувствовал себя в положении зайца, которого травят сытые барс-охотники и его борзые собаки.

Ныне он свободно ходил по Кремлевии. В кармане у него была справка тайной полиции, подтверждавшая, что судимость с него снята и он имеет право вернуться к своему месту жительства, в Кремлевию. Он свободно мог оставить свой чемодан в вокзальной камере хранения. Однако возникал извечный вопрос, характерный для Государства Тмутараканского. Где переночевать?

Милостью дальних родственников и знакомых Мультатули не хотел воспользоваться. Он на всякий случай побрел в министерство и зашел в хозяйственный отдел. Начальником этого подразделения оказался малый, который был его мелким подчиненным еще двадцать лет тому назад, до первого ареста. Он шумно приветствовал гостя и даже пытался обнять.

Времена остракизма «врагов народа» и их родственников явно шли к концу. Более того, наступала «оттепель». Какая-то разновидность вохровского либерализма робко просачивалась сквозь щели начинавшего трещать мрачного полицейского виссарионовского консерватизма. Начальник хозотдела дал Мультатули ордер в гостиницу министерства на Лосином острове.

После апартаментов в постоянных тюрьмах тайной полиции, пересыльных тюрьмах, землянках ссыльных мест комфорт этой гостиницы, где в каждой комнате размещались по четыре человека, казался Мультатули неслыханным достижением цивилизации.

Здесь он встретил бывшего директора Железногорского завода СК Чуханова. Во времена «безродных космополитов» Чуханов был снят со своего поста и направлен на незначительную должность на Кавказ, поскольку ему как ханаанцу нельзя было дальше доверять ответственную работу. Ныне в связи с начавшейся «оттепелью» Чуханову вновь доверили пост директора какого-то не столь большого завода в Яковлевске. Чуханов был очень доволен и с деланным восхищением щупал мускулы 53-летнего Мультатули. С фальшивой восторженностью он расспрашивал старого знакомого о его тюремных и ссыльных похождениях.

Партийный вохровец Чуханов поздравлял Мультатули с наступившей «оттепелью» и не сомневался в дальнейших достижениях своего бывшего подчиненного.

Мультатули с удовольствием бы погулял две-три недели в Кремлевии по примеру других кремлевцев, освобожденных из ссылки. Но у него не было денег, и следовало позаботиться о семье. Правда, дети уже становились на ноги, но им еще нужно было помогать. В Министерстве начальство Главка встретило его тепло. Главный инженер Главка Рогдин предложил ему работу на любом заводе. Но Мультатули выразил желание перейти вновь на проектную работу в Гипрокаучук, который он организовал свыше 20 лет тому назад. Рогдин не возражал и предложил договориться с руководством этого проектного института.

Оказалось, что там временно исполнял обязанности главного инженера Болтенко, некогда работавший подчиненным Мультатули. В телефонном разговоре Болтенко радостным тоном предложил ему немедленно прибыть в институт для оформления. На следующий день Мультатули сидел в его кабинете. Присутствовали еще несколько функционеров, бывших подчиненных Мультатули. Все они с любопытством взирали на своего бывшего руководителя – недавнего арестанта и ссыльного.

Вновь Мультатули кратко должен был рассказать о своей одиссее. Вскоре это ему надоело, и он перевел разговор на практические рельсы. К его удивлению, Болтенко заявил, что ныне вакансий в институте не имеется. А ведь Рогдин сообщил Мультатули, что требуются главные инженеры проектов. Но Болтенко добавил, что нет вакансий и в Ильичевградском филиале.

Разъяренный Мультатули встал, сухо попрощался и вернулся в министерство к Рогдину.

Ничего не объясняя Рогдину, он выразил желание вернуться на Стерталимакский завод синтетического каучука, строительство которого он начинал четыре года тому назад, до того как его направили в ссылку. Рогдин не удивился. Мультатули немедленно оформили начальником производственно-технического отдела строительства и выдали подъемные. Года через два, когда Мультатули был уже и. о. директора и главным инженером вновь организуемого им Ново-Валериановского филиала Гипрокаучука, он сказал Болтенко: «Как же ты, сукин сын, тогда показал мне от ворот поворот!..»

Оказалось, что Болтенко не при чем. После того телефонного разговора с прибывшим из ссылки Мультатули он пошел к своему директору. Директором был новый человек, из той «смены», которая по костям поколения, уничтоженного Виссарионовым и его опричниками, пришла к власти в среднем бюрократическом звене. Эти люди еще и ныне заправляют на этом уровне или перебрались в высшее бюрократическое звено.

Директор Гипрокаучука Низовьев в 18 г. в.в.э. работал техником на Женоровском заводе СК. Он был столь мелким функционером, что Мультатули, проработав на этом заводе восемь месяцев в качестве главного инженера, попросту не заметил его. Но Низовьев, разумеется, хорошо заметил его.

После великого избиения, усилившегося в результате провокационного убийства Кострика, Низовьев перебрался в Кремлевию и ухитрился пролезть на пост главного механика Главка. На этом посту он сумел сменить свой диплом техника на диплом инженера. В 37 г. в.в.э., через восемь лет после окончания войны, дальновидный карьерист Низовьев пробрался на пост директора Гипрокаучука. Уже сложившийся коллектив этого института принял его не очень дружелюбно. Хитрый и неглупый Низовьев с самого начала понял, что для укрепления своего «авторитета» следует постепенно удалять старых кадровых работников института либо переводить их на второстепенную работу. Этим он методически занимался полтора десятка лет и преуспел.

Самый тесный альянс Низовьев установил только с главным инженером Долговичем. Долговича Мультатули перевел из Ильичевграда еще в 17 г. в.в.э. и сразу же повысил как способного инженера. После Мультатули главным инженером был назначен Храбров, которого уничтожили во времена великого избиения. Его сменил Рогдин. Рогдина сменил Долгович.

Ко времени перехода Низовьева в институт Долгович уже лет девять работал главным инженером и пользовался авторитетом, так как был хорошим профессионалом и рубахой-парнем. Но у Долговича был крупный недостаток. Он систематически пьянствовал. Низовьев тоже был записным пьяницей. Они стали собутыльниками и хорошо спелись. В альянсе с Низовьевым Долгович эволюционировал и стал таким же карьеристом.

Низовьев завербовал в институте еще нескольких собутыльников, в том числе из переменных секретарей парторганизации, которых... он сам же выдвигал. Организовалась крепкая шайка-лейка, которая присваивала себе жирную долю из всяких премий, даже виссарионовских, которые впоследствии были переименованы в ильичевские.

Низовьев был мастером показывать товар лицом. Он первым продвигал всяческие модные «технические новшества». Быстро раздул макетное проектирование, вычислительные центры; патентные отделы, отделы информации и демонстрировал эти «достижения» начальству.

Но особенно Низовьев прославился «жилстроительством». Этому вопросу он уделял значительную часть своего времени и привлекал специально выделенных людей, которых оформлял любыми способами.

В первую очередь, разумеется, Низовьев обеспечивал дефицитным в Кремлевии жильем себя, свою семью, шайку-лейку, функционеров из министерства и влиятельных функционеров других институтов. Справедливости ради следует отметить, что через дюжину лет столь бурного жилстроительства жильем были обеспечены более 50% всех сотрудников, причем жилье это находилось вблизи института.

Слов нет, Низовьев и его подручные смогли из государственных денег, выделенных для жилстроительства, относительно большую долю урвать для сотрудников Гипрокаучука. В то же время это жилье было разменным фондом для приобретения расположения функционеров из министерства.

В своих отношениях с начальниками строек, которые проектировал Гипрокаучук, с высшими партийными (секретарями обкомов) и хозяйственными функционерами Низовьев также был очень хитер. Так, однажды, при организации Афумского филиала, он похвастался Мультатули: «Вот видите, как я обвел их вокруг пальца». Речь шла о секретаре обкома и председателе совнархоза.

Фактически из головного института Гипрокаучука приехал один Мультатули. Ему приходилось кадры, помещения для работы, жилье, мебель, инструментарий и прочее обеспечивать из местных ресурсов. А Низовьев создал впечатление, что основой для организации филиала являются ресурсы головного института в Кремлевии и особенно «опытные кадры» института. «Опытные кадры» представлял по существу один Мультатули.

Низовьева просто распирало от гордости, что он так перехитрил важных партийных и хозяйственных функционеров. Эффективность народного хозяйства интересовала его не более, чем прошлогодний снег. К тому же карьерист и пьяница Низовьев ничего не смыслил в экономике. Но по части показухи был «талантливее» других вохровских фунционеров. А, как известно, вохровские функционеры в области темкинских деревень являются непревзойденным специалистами. Как многие «истинно-арийские» скифы, Низовьев был антиханаанцем.

Вот почему двумя годами раньше Низовьев категорически отверг предложение Болтенко об оформлении возвратившегося из ссылки Мультатули главным инженером проекта. Мультатули, с точки зрения Низовьева, обладал двумя крупными недостатками: во первых, он некогда организовывал Гипрокаучук, во вторых, он – ханаанец.

Из Белоярска в Кремлевию Мультатули отправлялся в приподнятом настроении. Переход из состояния ссыльного в статус относительного свободного гражданина Государства Тмутараканского все же был значительным достижением.

В Стерталимак же Мультатули ехал невесело. Восемь лет тому назад те же сослуживцы из Гипрокаучука встретили его очень тепло и принимали горячее участие в его устройстве, хотя так и не поняли, что обозначает «минус 220». Теперь же, когда он – «свободный» гражданин, от него так грубо отделались.

Мультатули даже не сделал попытки «устроиться» в любое другое учреждение Кремлевии. Он был оскорблен до глубины души и решил покинуть столицу. Он не знал и не помнил Низовьева и считал его эпизодическим лицом, не имеющим в Гипрокаучуке значительного влияния. «Поворот от ворот» он приписывал неблагодарным старым сослуживцам, и это его в какой-то степени даже угнетало.

На строительстве Стерталимакского завода за четыре года его отсутствия все же произошли кое-какие изменения. Главным инженером был по-прежнему Демостов. Как и раньше, он не принимал почти никакого участия в строительстве. Да и строительство по существу было законсервировано.

Еще до того как Мультатули спровадили в ссылку, начали строить производственные объекты завода СК. Это продолжалось год после изъятия из употребления Мультатули. Затем строительство этого завода, так же, как и многих других заводов даже тяжелой индустрии и всех (!) предприятий ширпотреба, было заморожено, так как подавляющая часть национального дохода была направлена на создание ракетно-ядерного потенциала.

Вся столярка недостроенных цехов сгнила. Огнеупорный кирпич недостроенных печей, поливаемый дождями, засыпаемый снегом, который с наступлением лета упорно таял, разрушался. В брак превратился весь огнеупорный кирпич, который хранился под открытым небом на площадке. На складах и на площадке ржавело завезенное оборудование. Все эти годы директор завода Кинитин беспробудно пьянствовал и окончательно спился почти до белой горячки. Его сняли с работы и увезли в Ильичевград.

Некоторое время «царствовал» Демостов. Но его подвела красивая жена. Грузовые машины завода она использовала, как свои личные, ездила на базар и в Афу, возила чернозем на свой участок и т. п. В конце концов Демостова и его жену «разоблачили». К горькому разочарованию, его не утвердили директором, а прислали директора со стороны.

Новый директор Свистун, хотя в некоторой степени и соответствовал своей фамилии, оказался толковым и трезвым человеком. В противоположность лентяю и незнайке Демостову он был относительно добросовестен и имел значительный опыт в строительстве. Он принимал участие еще в строительстве первых заводов синтетического каучука и во время великого избиения уцелел только по молодости лет.

Разумеется, и Демостов, и Свистун были вохрами – членами партии.

У Свистуна были больные почки и новая, молодая, относительно красивая жена. Эти обстоятельства значительно снижали работоспособность нового директора. Но Свистун сразу раскусил Демостова и попросту игнорировал его.

Приезду Мультатули Свистун очень обрадовался и даже предложил пожить в его квартире до завершения строительства очередного дома. Через неделю Мультатули переселился в отдельную двухкомнатную квартиру. Туда вскоре прибыла из ссыльных мест жена, ликвидировавшая хозяйство и заодно – значительную часть вырученных денег.

Генеральный подрядчик был все тот же. Главного инженера Стерталимакстроя, старого «приятеля» Мультатули повысили в должности. Он стал начальником генеральной подрядной организации. Некогда Мультатули прижимал подрядчиков, и когда его угнали в ссылку, этот начальник заметил: «Я же говорил, что он вредитель и враг народа». Тем не менее Мультатули он встретил внешне дружественно.

Хотя строительство завода СК было заморожено, ко времени переезда Мультатули ускорили возведение ТЭЦ.

Мультатули по-прежнему не допускал грубых приписок и явного строительного брака. Генподрядчик жаловался Свистуну и утверждал, что Мультатули слишком круто принимает строительно-монтажные работы. Свистун же не вмешивался в работу Мультатули с подрядчиками. В конце концов отдельные строительные участки и субподрядчики вынуждены были наладить с Мультатули дружественные отношения.

Мультатули, использовав свой последний проектный опыт в Лишинском филиале, сам выполнял недостающую проектно-сметную документацию. Но липовых актов скрытых работ не подписывал и законченные строительно-монтажные работы принимал в течение всего месяца, а не в последний день месяца, когда форма №2 предъявлялась для оплаты в Промбанк.

По старой ссыльной привычке Мультатули намеревался обзавестись подсобным хозяйством. Но не было участка около дома и помещения для скотины. Вообще-то это было худо, так как надо было хоть чем-нибудь занять жену, которая от безделья возобновила скандалы. Для разнообразия Мультатули ездил в районы, как и четыре года тому назад, когда он заготавливал всякие блага для семьи перед отправкой в ссылку. Он заготовил дрова, картофель, привез как-то овцу.

Однажды он поехал за гусями. Стоял жестокий мороз. Мультатули никогда не носил зимних вещей. Перед возвращением из ссылки сын купил для него дешевое зимнее пальто. Вот это узковатое зимнее пальто Мультатули напялил на демисезонное, чтобы не замерзнуть на грузовике, хотя тот формально был крытым. Из-за усилившегося мороза решили на ближайшей остановке запастись соломой.

Двое молодых парней подавали солому, а Мультатули принимал. Будучи затянут в два пальто, он начал задыхаться, но не желал отставать от молодых и продолжал утрамбовывать в грузовике солому. В конце концов Мультатули окончательно задохнулся и свалился вниз головой между утрамбованной соломой и кабиной. Крикнуть он не мог, так как голос исчез.

Отчаяным рывком Мультатули сорвал пуговицы пальто и немного пришел в себя. Он выкарабкался из щели, однако с сердцем было неладно.

После этого случая он полгода не мог нагибаться. Однако привез двенадцать гусей.

Вообще-то, первый «звонок» был еще за год до этого, в ссылке. Осенью 37 г. в.в.э. Мультатули, как всегда перед зимой, заготовил березовые дрова, но вывезти из леса смог только часть. Решил вернуться позже.

Зима тогда была весьма пуржистая. Снег в штабеле дров сильно уплотнился. К концу зимы Мультатули и трое молодых латийцев достали трактор. До вечера следовало на нем вывезти все дрова. А вытаскивать смерзшиеся бревна из штабеля было адски трудно.

Мультатули не хотел и не мог отставать от здоровенных латийцев и работал вместе с ними, как очумелый. Последние березовые бревна из последнего штабеля грузили на самый верх. Мультатули казалось, что он уже не может дышать. Латийцы заметили, что Мультатули совсем зеленый (говорить он уже не мог), решили, что он помирает от инфаркта (такие случаи в филиале были...) и посадили его в кабину трактора. Там Мультатули отдышался. К себе домой он приехал последним, так как его дрова лежали внизу, и вынужден был даже в одиночку сгрузить тяжелые березовые бревна (скандалистка-жена, разумеется, не могла ему помочь).

От второго «звонка», прозвучавшего во время поездки за гусями, к середине зимы Мультатули немного оправился. Но жена делала все от нее зависящее, чтобы приблизить третий «звонок».

Работа на строительстве была тоскливая. В январе 39 г. в.в.э. Мультатули съездил в Афу, где после пятилетней консервации начали усиленно строить Афумский завод синтетического спирта. Но там предстояла такая же скучная работа, как и на Стерталимакском заводе, к тому же жилищные условия были хуже.

Мультатули написал письмо Рогдину с просьбой перевести его на проектную работу. Через три месяца начальник Главка и Рогдин предложил ему организовать на Афумском заводе синтетического спирта небольшой филиал, для которого необходимо было осуществить предпусковые проектные работы и частично перепроектировать некоторые технологические схемы. Свистун не хотел отпускать Мультатули. Последний оставил акт о сдаче дел и самовольно уехал.

На этот раз Низовьев с удовольствием оформил Мультатули начальником Афумского сектора Гипрокаучука. Нельзя сказать, что он полюбил Мультатули, но изменились обстоятельства.

Уже был подготовлен приказ с выговором Низовьеву, и этот приказ вот-вот должен был подписать министр химической промышленности. Местные партийные и хозяйственные вохры жаловались министру, что сроки строительства цехов срываются из-за недостатка технической документации и из-за длительного обсуждения проектных неувязок со столичным проектным институтом. Они требовали организовать на месте группу опытных проектировщиков. Низовьев не только не мог организовать группу, но не мог послать на постоянную работу даже одного опытного проектировщика. Тут ему как снег на голову свалился Мультатули! Низовьев мог сообщить министру, что «Афумский сектор Гипрокаучука организован»

Материальное положение Мультатули улучшилось. На Стерталимакском заводе он получал раза в полтора больше, чем в кульминационный пункт его карьеры в ссылке. Однако жена ухитрилась растратить всю выручку от Лишинского хозяйства, подъемные и премиальные, которые Мультатули получил за рационализаторское предложение, сделанное до сылки. И все это она успела за 10 месяцев. Из Стерталимака Мультатули уезжал без гроша. Однако будущее внушало оптимизм. Основной оклад ныне составлял 2100 вохриков в месяц, а с верными премиальными – 3000.

Но служебное положение было весьма неопределенным. Пока что Мультатули собственной персоной представлял «группу опытных проектировщиков». Производство этилена и синтетического этилового спирта было для него terra incognita[i]. В куче недостроенных цехов он совершенно не разбирался.

Правда, ему бы мог помочь Кофчел. Еще в январе, когда Мультатули по приглашению директора завода Засонова приезжал для переговоров в Афу, в конторе к нему подошел согбенный седой старик и поздоровался с ним. Мультатули не узнал его. Оказалось, что этот старик – Кофчел. Четыре года тому назад, в Белоярской пересыльной тюрьме он гулял с моложавым высоким 45-летним Кофчелом

i Неизвестная земля.

по грязному дворику. Так его преобразили ссылка и спонделёз. Но Мультатули считал ниже своего достоинства консультироваться с Кофчелом, к тому же тот не был проектировщиком.

Впрочем, Мультатули поступил правильно. Кофчел схитрил и скрыл от него важную информацию. Только через три года, когда Мультатули хорошо изучил процесс пиролиза углеводородного сырья и производство этилена, Кофчел показал ему свою диссертацию, которую защитил еще до ссылки. Ее темой был пиролиз.

С точки зрения нынешнего Мультатули, подкованного в пиролизе, диссертация была относительно примитивной. Но факт остается фактом: Кофчел был знаком с пиролизом углеводородного сырья, когда Мультатули появился в Афу. Он уже несколько месяцев околачивался на строительстве, абсолютно ничего не делал и, по-видимому, ознакомился с проектом. Кофчел, будучи способным человеком, хорошо зная процессы и аппараты и немного разбираясь в проектных делах, мог пригодиться новому начальнику. Но он палец о палец не ударил, чтобы помочь Мультатули, хотя они поселились вместе и даже на работе Кофчел перетащил свой стол в «кабинет» Мультатули.

Вначале главный инженер Афумского завода Рамголин отнесся к Мультатули недружелюбно. Вновь Мультатули, после работы на Стерталимакском заводе, где он прекрасно знал все проектное и строительное «хозяйство» и чувствовал себя, как рыба в воде, очутился в положении рыбы на суше. Но, как известно, нужда учит зайца спички зажигать. Мультатули наскоро ознакомился с рабочими чертежами печного цеха и цеха конденсации. Поскольку он уже прилично знал технологию, вентиляцию, отопление, водопровод и канализацию, то проверил исполнение технологической и сантехнической части в двух цехах.

Ошибок, разумеется, было много, в том числе грубых. Отметки кровли, пола, воздуховодов, расположения в плане фундаментов не соответствовали проектной документации. Мультатули и работники генподрядной и субподрядных организаций знали друг друга. Афумский завод строил один из участков Стерталимакстроя. Мультатули заявил, что в порядке авторского надзора проектной организации (который, кстати, к тому времени уже не функционировал) проверил выполненные работы и приглашает подрядчиков для подписания соответствующего акта.

Подрядчики струхнули и просили дать время для исправления отмеченных строительно-монтажных дефектов. Вот тогда-то Мультатули и подрядчики пришли к устному соглашению. Друг на друга они жаловаться не будут. Мультатули уничтожит акт или во всяком случае не оформит его и никого не поставит в известность о замеченных дефектах. Исправляться будут только те дефекты, которые можно устранить с относительно мелкими затратами. Обнаружив трудноисправимые дефекты, Мультатули будет приспосабливаться, если только это возможно при данной технологической схеме. Подрядчики же, со своей стороны, перестанут жаловаться на отсутствие проектной документации. До тех пор, покуда Мультатули не сформирует проектную группу, подрядчики будут довольствоваться эскизами и консультацией Мультатули и не требовать выполненной в соответствии с нормами технической документации.

К этому времени требовалось выполнить проектное задание газопровода отбензиненного газа с Туйкразинского газобензинового завода. Гипрокаучук должен был выполнить проектное задание этого газопровода длиной 7 километров от приемной станции до Афумского завода синтеза спирта. Из Кремлевии приехал представитель отдела коммуникаций головного института Бородов, который, как оказалось, знал Мультатули давно и высоко ценил его. Он был зятем Волкова – старого приятеля Мультатули.

Бородов сообщил Мультатули, что сдать проектное задание газопровода специализированной организации невозможно и также нет никакой возможности организовать топографические изыскания по предполагаемой трассе этого газопровода.

Проектное задание этого газопровода оценивается дорого – 60 тысяч вохриков, что соответствует трудоемкости в 50–60 человеко-месяцев. Бородов привез с собой эталон проектного задания газопровода.

Он, Бородов, не сомневается, что Мультатули, который осуществлял более сложные проекты в более трудных условиях, справится с этим. Хотя группы еще не было, из Кремлевии уже «спустили план». Мультатули отчетливо представлял, что укомплектовать группу «опытных проектировщиков» он сможет только за счет неопытных, не приученных к проектированию молодых специалистов, распределяемых после окончания соответствующего высшего учебного заведения. Эти молодые специалисты не один месяц будут выпускать проектную документацию стоимостью в ноль вохриков.

Мультатули согласился выполнить проектное задание газопровода. Но как это сделать без топографических изысканий?

Мультатули отправился к главному архитектору города Беликовска, тогда еще не соединившегося с Афу. Выяснилось, что главный архитектор не знает подземного хозяйства своего города, но его помощник-топограф Кузьмич великолепно знаком с ним. Мультатули быстро договорился с Кузьмичем. Тот не только рассказал о подземном хозяйстве на предполагаемой трассе газопровода, но и снабдил его засекреченным форматками, в которых были показаны все сети с координатами и высотными отметками.

Вот тогда-то Мультатули решил увеличить «штат» Афумского сектора. Он дал объявление в газету и нанял опытную копировщицу. Она скопировала все форматки на склеенные ватманы длиной в 12 метров. На эти 12 ватманов Мультатули нанес трассу газопровода. В течение следующих двух дней он рассчитал газопровод и написал объяснительную записку. Смету выполнили в головном институте в Кремлевии.

Мультатули заработал первые 60 тысяч. Использовать эту сумму в Афумском секторе он не мог и «подарил» 30 тысяч Кремлевскому сектору коммуникаций. К этому времени жалобы подрядчиков на отсутствие технической документации давно прекратились.

Выполнение «Афумским сектором» (который, кроме начальника, был укомплектован нулем проектировщиков) проектного задания газопровода произвело фурор. Директор Афумского завода Засонов, который во времена «главного инженерства» Мультатули на Женоровском заводе СК, был молодым плановиком, провозгласил его «проектным богом».

В итоге штат Афумского сектора действительно несколько расширили. Был нанят по совместительству инженер-строитель. Жена главного инженера Гармолина, которая имела десять лет сантехнического стажа, также оформилась на работу в Уфимский сектор. Были приняты два молодых специалиста, окончившие институт с отличием и направленные по распределению на завод: Жировников и Тишов. В технадзоре строящихся цехов работали будущие начальники этих цехов. Вернее, не работали, а ничего не делали, так же, как и Кофчел, будущий начальник еще не построенной центральной лаборатории. Мультатули и их оформил по совместительству. Сам Мультатули помимо всего исполнял еще обязанности распорядителя кредитов (имел счет в местном Промбанке), бухгалтера, кассира, инспектора по кадрам, заведующего библиотекой и архивом. Он пару раз слетал в головной институт, отобрал книги, типовые чертежи, полный комплект рабочих чертежей Афумского завода.

Две комнаты были целиком заполнены этими материалами. Разумеется, Мультатули достал чертежные доски, рейсшины, готовальни и т. п. Все это добро прибывало очень медленно. Кремлевия не побеспокоилась снабдить его «безлюдным фондом», и он не мог нанимать грузчиков. Грузовые машины Мультатули доставал на заводе. Но обязанности грузчика выполнял сам!

Как-то среди всякого груза попался один большой ящик, весом примерно 80 кг. По коридорам его нельзя было протащить. Мультатули решил протолкнуть ящик через окно. Он взвалил его на плечи, но окно плохо раскрылось и никто в комнате ящик не принимал. Мультатули шел тогда 55-й год, и он изнемогал под тяжестью этого ящика, а директор Засонов, который был на дюжину лет моложе, стоял недалеко и спокойно наблюдал. В дальнейшем роль грузчиков выполняли Жировников и Тишов.

Через месяца четыре в Афу приехал Низовьев. Он был приятно изумлен, когда воочию увидел, как в «кабинете» Мультатули толпятся подрядчики и терпеливо ведут разъяснения всяких технических неполадок.

Авторитет Мультатули после лагерей и ссылок был окончательно восстановлен. Между тем началась эра реабилитации.

Мультатули раз в месяц, а иногда раз в два месяца ездил в командировку в Кремлевию. Он воспользовался этим и включился в кампанию по реабилитации. В каждую очередную командировку он часть времени тратил на ожидание в приемной союзной прокуратуры. Нередко среди толпы ожидающих он встречал старых знакомых. Все нетерпеливо ожидали реабилитации. Кампания по реабилитации началась за год до XX съезда.

Тогда еще никто не знал, что «безумно отважный» Никитов расскажет о том, как виссарионовские палачи дробили кости секретаря Западно-Кучумского обкома Эйше; как ни за что эти же палачи расстреляли «легендарных» вохровских военных героев Тучеховского, Тыкира и других, как пострадали тысячи невинных. Никитов, разумеется, умолчал о том, как он на XVIII съезде униженно подхалимствовал перед великим семинаристом, требовал еще крови и усиления «бдительности». Теперь, разоблачая, он прикинулся простачком: якобы не знал, что пострадали не «тысячи невинных», – десятки миллионов крестьян, рабочих, интеллигентов были замучены чудовищной шайкой Виссарионова и его подручных, в числе которых был сам Никитов.

Никто еще не знал, что «безумно отважный» Никитов и его коллеги по пока еще «коллективному руководству» рискнули сделать либеральный жест и «реабилитировать» сотню тысяч живых и мертвых «врагов народа» из десятков миллионов замученных. Именно из-за этого незнания толпа жаждущих реабилитации не была уверена в своей реабилитации.

Один прокурор отсылал посетителей к другому, и каждый из них уверял, что «дела» кандидатов на реабилитацию тщательно рассматриваются. Поразительная неторопливость! 18–20 лет тому назад, когда многие миллионы лояльных трудящихся «осуждались» на 10–25 лет каторжных работ или даже приговаривались к высшей мере наказания, Особые совещания тайной полиции, рассматривая сразу тысячи «дел», тратили на каждого «врага народа» десять секунд. А ныне, за год до официального разоблачения «культа личности», заявления ждущих реабилитации рассматривались месяцами. Прокуроры по привычке трепетали. А вдруг они реабилитируют настоящего, опасного «врага народа»!

На приеме у одного из начальствующих прокуроров Мультатули возмутился длительной процедурой расследования. Тот был поражен «наглостью» визитера: «Как, вы еще недовольны? Ведь ваше «дело» направлено помощнику главного прокурора Великоскифии!»

Разочарованный Мультатули решил, что до реабилитации пройдет еще год, а, возможно, годы. Однако, хотя реабилитация осуществлялась менее бурными темпами, чем «осуждение», все же кое-кого оправдывали.

За полтора года до этого Мультатули раньше Кофчела освободили из ссылки. На этот раз Кофчел опередил Мультатули. Его реабилитировали, а Мультатули еще продолжал жить с «пятном».

Кофчел год просидел на Афумском заводе, ничего не делая. Когда его реабилитировали, завод был близок к пуску и он должен был приступить к организации работы центральной лаборатории.

Кофчел был здесь единственным по-настоящему опытным химиком-органиком. Но через час после получения извещения о реабилитации он добрался до вокзала и умчался в Кремлевию. Как раз к этому времени сдали к эксплуатацию новый жилой дом, в котором Кофчелу была выделена отдельная двухкомнатная квартира. Засонов не догадался дать машину, и Мультатули на собственных плечах таскал вещи свои и Кофчела. Кофчел приехал в Афу только за своим добром.

Вскоре, в начале 40 г. в.в.э., Мультатули также получил извещение о реабилитации. Несмотря на «тщательные расследования», начальствующие прокуроры даже не знали, что Мультатули еще полтора года тому назад был освобожден из ссылки, и... вновь его «освободили».

Мультатули, не в пример Кофчелу, был перегружен работой. С небольшим штатом приходилось выполнять бездну проектной работы и даже консультировать подрядчиков при испытании всяческих устройств. Особенно тяжело приходилось с испытанием компрессоров. Все компрессоры были порш-

невыми. Когда их пускали, вся коммуникация немилосердно тряслась и казалось, вот-вот разлетятся не только трубы и арматура, но весь цех.

В головном институте, разумеется, не рассчитали «мертвых точек», в которых пульсирующие колебания, возникающие при работе компрессоров, должны были гаситься. Мультатули даже не представлял себе, как приступить к подобному расчету. А необходимо было точно указать расположение «мертвых точек».

Мультатули уже привык к положению зайца, которому нужно было учиться зажигать спички. Между трубами и стеной он втыкал бревно и экспериментально определял, в какой точке гасятся колебания. На основании этого кустарного эксперимента он определял расположение «мертвых точек».

Еще хуже было в цехе синтеза спирта. Там были установлены шесть реакторов и в каждой системе мощный компрессор. На чертеже задвижка обозначалась крестиком. Но каждый такой «крестик» весил полтонны-тонну. Иногда монтировались нагромождения задвижек обратных клапанов и все эти «крестики» весили несколько тонн, но никак по чертежам не крепились, а висели в воздухе. Тяжелые трубы крепились к стенам или к колоннам легчайшими угольниками. Таких дефектов в чертежах было множество.

Но бывали дела и похуже. По проекту на пиролиз должны были подаваться два потока газов: сухой крекинг-газ с давлением в шесть избыточных атмосфер на третью ступень компрессоров и этан-этиленовая фракция с давлением в 20 избыточных атмосфер на отдельно стоящие компрессоры. Далее, в газоразделительной системе следовало отделить этилен и пропилен, а этан и пропан направить в пиролизные печи. Перед подачей в компрессорное отделение, оба потока следовало в отделении сероочистки очистить от сероводорода.

Так было запроектировано на основании данных «Гипронефтезаводы», которые выполнили проект абсорбционно-газофракционирующей установки на нефтеперерабатывающем заводе. Эта установка уже много лет работала. Но только перед самим пуском проектировщикам этиленовой установки стало известно, что этановая колонна газофракционирующей установки никогда не работала из-за дефектности проекта, выполненного «Гипронефтезаводы». Поэтому этан-этиленовая фракция никогда не отбиралась и вместо двух потоков газа реально существовал только один поток: крекинг-газ.

Кроме этого перед самим пуском выяснилось, что абсорбционная колонна газоразделительной системы этиленовой установки, на которой отделялась метаново-водородная фракция, не сможет переработать скомпримированный газ, если сухой крекинг-газ подать к компрессорам.

«Мудрецы» из пусковой комиссии решили, что сухой крекинг-газ после сероочистки следует подать не к компрессорам, а непосредственно в пиролизные печи. Из-за всех этих обстоятельств пришлось перепроектировать коммуникацию сероочистки, компрессорного отделения и печного цеха. Было множество переделок в коммуникации склада сжиженных газов и других цехов. Предстояло перепроектировать факел. В целом дел было по горло.

На строительство приехала мощная пусковая комиссия. В нее входили эксплуатационники с пущенных ранее Гантсумского и Корского заводов синтетического спирта. На этих заводах гидратация этилена в синтетический спирт осуществлялась серной кислотой. Афумский завод был первым, на котором осуществлялась прямая гидратация этилена в присутствии катализатора – фосфорной кислоты.

В пусковой комиссии были деятели из Укаба (Заказкавье), которые полтора десятка лет на пилотной установке разрабатывали этот давно известный за рубежом синтез. Один из них был доктор наук Близин, мало смысливший в проектировании. Впоследствии он получил звание академика местной Укабской национальной академии наук и оказался даже ее вице-президентом. Президентом стал некий национал Ибрагимов – малограмотный авантюрист, которому «негры» написали кандидатскую, докторскую диссертации и пару книг.

Но в эту же комиссию входил Базаркевич, толковый инженер, прилично знавший технологию процесса.

Среди рядовых «пускачей» был один бывший летчик и пьяница, ранее работавший на Гантсумском и Корском заводах, – Васельев. За десять лет он совершил блестящую карьеру.

Как известно, при пуске любого завода осуществляются организационные мероприятия. На Афумском заводе тоже провели оргмероприятия. Был снят с работы директор завода Засонов. Сняли следующего главного инженера Гунна.

Вот тут-то Васельев подмазался к заместителю министра Флорову и был назначен третьим по очереди главным инженером Афумского завода. Вообще-то Васельев, хоть и пьянствовал, но был способным человеком. Однако, технический багаж его был весьма скромным, и он на всю жизнь остался дилетантом.

На Афумском заводе Васельев возглавлял темную компанию по «рационализаторским» предложениям» и делил с ней доходы.

Вскоре создали совнархозы, и в Афу направили на ответственную работу Газента. За два-три года до этого Газент был председателем пусковой комиссии. Еще во время пуска Васельев подлизывался к Газенту. Когда того направили на ответственную работу в Афумское Управление, Васельев привлек его к своим «рационализаторским» делишкам. Однако Газент был в Афу эпизодическим лицом и вскоре вернулся в Кремлевию.

Васельев переключился на Бельица. Бельиц был директором крупного научно-исследовательского института в Кремлевии. Одна соблазненная им девушка принесла к нему в кабинет младенца. После этого Бельиц был вынужден уехать из Кремлевии в провинцию. В научно-исследовательском институте он успел раздобыть степень кандидата наук. К тому же был членом партии. Вначале Бельиц занимал ответственный пост во вновь организованном совнархозе, а затем стал начальником Управления.

Газент к этому времени уехал из Управления. Тут-то Васельев подкатился к Бельицу. Васельев не имел степени, но был назначен заместителем директора по научной части научно-исследовательского института по переработке нефти, хотя его познания в этой области были менее чем скромными. Три года без наличия ученой степени он получал (речь идет только об основном окладе) 450 вохриков в месяц.

К концу трехлетнего срока совнархозы укрупнились. Афумский совнархоз слился с Валериановским. Бельиц был назначен заместителем председателя совнархоза. Он потащил с собой Васельева и назначил его главным инженером Управления нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. Вскоре совнархозы были ликвидированы и вместо них возродились отраслевые министерства. Бельиц перебрался в Кремлевию в министерство начальником управления нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности и взял с собой Васельева в качестве главного инженера этого управления

Вскоре Васельев подкатился к министру и был назначен начальником Технического управления министерства. Можно предсказать следующие ступени: заместитель министра и министр – но это в будущем, если только Васельев не сопьется или, как Бельиц, не поссорится с министром и не споткнется. Бельиц же, осмелившийся перечить министру, был снят с работы и сослан в Совет Экономической Взаимопомощи.

Председателем пусковой комиссии, как выше отмечено, являлся Газент. Он очень молодым был назначен – после ареста Мультатули и ликвидации еще двух главных инженеров – главным инженером Наверского завода синтетического каучука. Затем перебрался в Кремлевию на работу в Главкаучуке. Покуда жив был Рогдин, Газент не мог рассчитывать на продвижение вперед. Он никогда не работал в проектных организациях, но эксплуатацию заводов синтетического каучука и впоследствии – этилена и синтетического спирта изучил очень хорошо. При его отличных способностях он мог считаться одним из лучших «пускачей».

У Газента был только один недостаток. Он очень любил деньги и входил во все подозрительные компании, где можно было урвать жирный кусок по части «рационализации».

После смерти Рогдина Газента назначили главным инженером Главкаучука, однако после восстановления отраслевых министерств он не сумел поладить с министром и его «ушли» из министерства. А вообще-то он метил в начальники Технического Управления. Но… Васельев, технический опыт которого намного уступал опыту и знаниям Газента, опередил его. Впрочем, у Газента имелся еще один крупный недостаток, который не мог нейтрализоваться тем фактом, что он старый член вохровской партии. Газент был ханаанцем.

Главный инженер Главкаучука Рогдин, хотя и не входил в пусковую комиссию, но долго торчал в Афу.

Для всех этих «пускателей» в одном из жилых домов были меблированы несколько квартир. В этих апартаментах они усиленно глушили коньяк.

Мультатули, главный представитель проектной организации, старейший в ней по возрасту, не был вхож в эту компанию вохров (все же бывший «враг народа») и не глушил с ними коньяк. Кофчел вне службы якшался с ними.

Пусковая комиссия была средним звеном. Высшее звено – три заместителя министров химической, нефтяной и строительной промышленности. Флоров, заместитель министра химической промышленности, был главным «пускачом».

Эти высшие «пускачи» причинили много вреда и без того бестолковому и бесхозяйственному строительству. Они отвлекали функционеров подрядчика и заказчика бесчисленными совещаниями. Они терроризировали всех своими оргмероприятиями. Будучи дилетантами в строительстве и проектировании, они назначали смехотворные сроки выполнения тех или иных строительных и проектных работ. Их ничуть не смущало, что эти сроки срывались. Составлялись новые строительно-монтажные графики с такими же фантастическими сроками.

Мультатули как представитель проектной организации, ответственный за все неувязки, был в самом жерле этого пускового вулкана. Но он все же урвал время для решения своих проблем. Съездил в Кремлевию. Оформил все справки по разным работам. На этот раз его не встречали с таким ледяным холодом, как пять лет тому назад. Все были предупредительны и любезны.

Хотя XX съезд еще не собирался и Никитов еще не прочел по бумажке свой секретный доклад о «культе личности», реабилитированные были «в моде» и все им сочувствовали. Безо всякой бюрократической волокиты выдавались всякие справки о служебном стаже. Достаточно оперативно на Наверский и Стерталимакский заводы синтетического каучука были направлены предписания о выплате двухмесячной компенсации реабилитированному Мультатули за... 19 лет репрессий.

Мультатули подсчитал, что кроме морального ущерба, кроме того, что его теща умерла от голода и чуть не умерли дети, он потерял один миллион вохриков, а получил в качестве компенсации 5 тысяч. Что ж, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Были внесены исправления в трудовую биографию Мультатули. Тюремный и лагерный «стаж» был аннулирован и заменен стажем главного инженера Наверского завода. Ссыльный стаж также был аннулирован и заменен стажем начальника производственно-технического отдела Стерталимакского завода СК. Таким образом, двухмесячный стаж главного инженера Наверского завода превратился в десятилетний. Полуторагодовой стаж на Стерталимакском заводе СК стал пятилетним.

В сумме у Мультатули набрался 30-летний стаж в химической промышленности, а для получения привилегированной пенсии с 50 лет требовался только 20-летний. Мультатули оформили пенсию в 1250 вохриков в месяц, которая плюсовалась к окладу. Вообще-то, если ему не компенсировали зарплату за 18 лет, то должны были уплатить пенсию за пять лет (Мультатули к этому времени «стукнуло» 55 лет), что составляло 75 тысяч, но органы социального обеспечения «забыли» об этом. За выслугу лет оплатили тоже из расчета одного года – 6000 вохриков. А должны были уплатить за 5 лет – 30 тысяч вохриков. Но соответствующие органы «забыли» и об этом.

Тем не менее материальное положение Мультатули резко улучшилось. Кроме 11 тысяч, выплаченных единовременно, Мультатули получал 4000–4500 вохриков в месяц. Но счастье длилось недолго.

В конце 40 г. в.в.э. Никитов подписал акт об «улучшении» пенсионного обеспечения. Пенсию перестали плюсовать к окладу. Кто работал и не уходил на пенсионное обеспечение, лишался пенсии. Оптимальная гражданская пенсия была установлена в размере 1200 вохриков – Мультатули потерял и на этом. Через два года была ликвидирована и выплата за выслугу лет. Редкий случай, когда Мультатули так серьезно и надолго не повезло...

В Афу прибыла комиссия по определению ресурсов углеводородного сырья. Возглавлял ее функционер из Главка Добротин. Он являл собой образец «химически чистого» чиновника. Нельзя сказать, что он был совершенно безграмотен. Он великолепно усвоил бюро–кратически-чиновничий вохровский стиль. Великолепно в этом стиле оформлял протоколы, приказы, предписания. Стремился пролезть в крупные функционеры и получить крупный оклад. Как-то во время очередной реконструкции комитетов ему удалось пролезть в начальники Управления и получить 400 вохриков в месяц (новыми деньгами). Но долго удержаться на этом месте Добротин не смог. Во время ликвидации совнархозов и восстановления отраслевых министерств, сопровождавшихся нашествием провинциалов в Кремлевию, он был низвергнут в начальники производственно-технического отдела Управления Министерства. Добротин хоть и был членом вохровской партии, обладал существенным недостатком – ханаанским происхождением.

Сущая мелочь: он был слегка нечист на руку. Мог забраковать чью-нибудь статью или рацпредложения, а через пару лет выдать за свои.

В проектном деле, в эксплуатации, в строительстве Добротин был дилетантом. Поэтому в роли председателя комиссии по ресурсам углеводородного сырья он с «помощью» заместителя министра Флорова навредил (разумеется, по невежеству) настолько, насколько был в состоянии.

В 39 и 40 г. в.в.э. во всех областях по-прежнему царила «секретность». Мощности и ресурсы углеводородного сырья были засекречены, а Мультатули еще не был допущен к секретной переписке. Поэтому он не вмешивался в дела Добротина и понятия не имел о степени обеспеченности Афумского завода синтетического спирта углеводородным сырьем.

Добротин вместе со своей комиссией долго копался с вопросами ресурсов углеводородного сырья. Затем уехал. Через некоторое время из Кремлевии сообщили, что ресурсов крекинг-газа Ново-Афумского нефтеперерабатывающего завода не хватает для первой очереди завода синтетического спирта, а потому необходимо использовать ресурсы крекинг-газа и пропан-пропиленовой фракции Старо-Афумского завода, находящегося в 6 километрах от завода синтеза спирта.

Официальный пуск завода намечался через 3 месяца, хотя до реального пуска оставалось еще минимум 12 месяцев. Энтузиаст – заместитель министра Флоров предложил Мультатули в месячный срок, то есть в одну техно-рабочую стадию выполнить рабочие чертежи газопровода от Старо-Афумского завода до завода синтеза спирта. Мультатули поставил заместителя министра в известность, что он не специалист по этой части. Заместитель министра, большой специалист в области карлсизма-ильичевизма, блестяще доказал Мультатули, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять вохровцы, и сказал, что уверен: Мультатули и его работники отлично справятся с этим делом. Мультатули вздохнул и согласился.

Мультатули действительно ни разу не выполнял рабочих чертежей газопровода. А трасса была очень сложная. Частично следовало прокладывать газопровод по эстакаде, проводить под железнодорожными путями, пересекать другие сети. На трассе было много «низких точек», от которых надо было отводить конденсат.

К счастью, от головного института работала экспедиция топографов. Мультатули затребовал из Кремлевии эталон рабочих чертежей газопровода, а также проектировщика-строителя и проектировщика по контрольно-измерительным приборам (КИП). Одновременно работали топографы, механики, строители, киповцы и даже копировщицы, хотя Мультатули только еще рассчитывал газопровод. Работали по 10–12 часов в день, без выходных. Через месяц и десять дней рабочие чертежи газопровода в объеме нескольких десятков листов и объяснительная записка к ним были закончены, откалькированы и отсканены. Без излишней волокиты заместитель министр Флоров утвердил этот проект.

Тогда шли разговоры, что через несколько лет по трассе газопровода пойдет трамвай. Мультатули опасался, что из-за блуждающих токов начнется коррозия газопроводов (были запроектированы две нитки). Для консультации он поехал в Малоскифгипрогаз, в Веик. По дороге заехал в Нижневодск, к сестрам.

Семь лет тому назад, после тринадцатилетнего отсутствия (это время он проводил в лагерной системе перевоспитания) Мультатули был в Нижневодске и еще застал мать в живых. Ныне она уже три года лежала в могиле. Но сестра и четыре члена ее семьи теснились в одной комнате. Другая сестра с мужем «процветала» в комнатушке площадью в 10 кв. м.

Налюбоваться благополучием сестер Мультатули не успел, так как спешил в Афу. Там его ожидала коллективная гениальная идея трех заместителей министров. Подрядчики, после того как к ним поступили утвержденные чертежи газопровода, заявили, что для осуществления этого строительства им нужен не месяц, а год. Давление заместителя министра по строительству не помогло.

Упрямые подрядчики и своему высокому начальнику твердили, что газопровод они могут сдать в эксплуатацию не ранее, чем через год. В отсутствие Мультатули три заместителя министра после бурных совещаний с многочисленными функционерами предложили «компромиссное» решение. Завод якобы будет пущен через два месяца. Летом и осенью можно будет использовать паропровод от Старо-Афумского завода до Ново-Афумского. К зиме необходимо заставить подрядчиков сдать постоянный газопровод. Правда, для того, чтобы подать крекинг-газ по паропроводу, нужно на Старо-Афумском заводе построить часть эстакады и от Ново-Афумского завода до завода синтеза спирта – еще часть эстакады. Первую часть эстакады обязались запроектировать нефтяники, а вторую должен запроектировать Мультатули.

Мультатули заявил, что он не уверен, нужен ли вообще крекинг-газ Старо-Афумского завода. Но одно он твердо знает. Завод синтеза спирта будет пущен не через два месяца, а через двенадцать, а к этому времени можно проложить постоянный газопровод и нечего портить паропровод и строить ненужные эстакады, затратив на это миллион и дефицитное время проектировщиков. Мультатули наотрез отказался проектировать эстакаду для «временного» газопровода.

Флоров рассвирепел. Мультатули выразил готовность перейти на пенсионное обеспечение и уехать в Кремлевию. Этим он охладил пыл Флорова. Больше о временном газопроводе речи не было. Мультатули на пенсию не ушел и в Кремлевию не уехал.

Финал строительства постоянного газопровода стоимостью в восемь миллионов был обычным для вохровского строительства. Добротин ни черта не понимал в ресурсах углеводородного сырья. Завод синтеза спирта через год был пущен без Старо-Афумского крекинг-газа. Даже когда пустили вторую очередь завода синтеза спирта, последний никогда не потреблял более 20 процентов ресурсов крекинг-газа.

Вскоре Афумский сектор Гипрокаучука был ликвидирован, и Мультатули уехал вместе с частью работников.

Через год чертежи газопровода, давно подписанные к производству, были пущены в дело. Газопровод потихоньку строился, какие-то функционеры принимали его, Промбанк оплачивал счета, план по строительству перевыполнялся, а главный инженер Васельев, по-видимому, не догадывался, что строится никому не нужный газопровод, а, может быть, он не интересовался такими «деталями».

Строительство газопровода было закончено, и новые основные фонды были зачислены на баланс завода, Управления, совнархоза и государства. Объем основных фондов страны стремительно увеличивался.

Через несколько лет «вертушка», которая возила сжиженные газы, не могла справиться с транспортом пропан-пропиленовой фракции со Старо-Афумского завода. Тогда какой-то энтузиаст-рационализатор вспомнил, что когда-то были проложены со Старо-Афумского завода две нитки газопровода, в том числе одна нитка для транспорта пропан-пропиленовой фракции.

Энтузиаст-рационализатор уже радостно потирал руки, предвкушая жирные премиальные. Перед пуском решили все же испытать газопровод. Оказалось, что он не держит давления. Газопровод раскопали. При сохранившейся изоляции он на всем протяжении был поражен коррозией. Нерадивые функционеры, которые проложили никому не нужный газопровод, Добротин и чиновники из Гипрокаучука – инициаторы строительства этого газопровода, включая заместителя министра Флорова, остались в тени. Бездарные начальники донесли вохровскому контролю, что семь лет тому назад этот газопровод проектировал Мультатули и он виноват в коррозии.

Мультатули, благодаря аккуратности и хорошей памяти, нашел рабочие чертежи и объяснительную записку к ним. В записке было отмечено, что возможно строительство трамвайной линии и необходимы некоторые мероприятия для предохранения от блуждающих токов (хотя в 39 г. в.в.э. инструкцией по проектированию газопроводов не были предусмотрены мероприятия по защите от блуждающих токов и к тому же еще не была запроектирована трамвайная линия, Мультатули все же консультировался с Малоскифгипрогазом и предусмотрел такие варианты).

Подрядчик и функционеры отдела капстроительства завода синтеза спирта не удосужились прочесть объяснительную записку, и не нужный никому газопровод был изъеден коррозией. Мультатули написал еще одну объяснительную записку с изложением всей истории газопровода. Функционеры, которым не удалось свалить с больной головы на здоровую, имели связи с вохровским контролем и скрыли очередное расточительство народного труда.

Очередной срок пуска явно был нереален. Министр предупредил своего заместителя, что он будет лишен своей должности, если сорвется и последний «очередной» срок пуска. Флоров заметался. В должности заместителя министра он – благодаря наследию Виссарионова – получал помимо солидного оклада еще и «пакет». Даже такому захудалому заместителю министра полагался «пакет» в 5000 вохриков, не облагаемых налогами.

Потеря должности заместителя министра и жирного «пакета» казалась Флорову катастрофой. Его осенила очередная блестящая идея. Он ускорил сооружение факела и принял крекинг-газ на факел завода синтеза спирта. «Пуск» завода «начался». Особенно довольны были функционеры с Ново-Афумского нефтеперерабатывающего завода. До сих пор они сжигали свой крекинг-газ на своем факеле, отравляя атмосферу сернистым газом, или в лучшем случаем сжигали в топках печей по цене в 2 вохрика за 1000 кубометров. Отныне они получали от завода синтеза спирта 10 вохриков за 1000 кубов, а тот без хлопот для нефтеперерабатывающего завода сжигал крекинг-газ на своем факеле и отравлял свои окрестности сернистым газом.

Рентабельность нефтеперерабатывающего завода резко повысилась. Однако неблагодарные работяги и подрядчики не обрадовались патриотическому началу «пуска» завода. Дело в том, что множество коммуникаций оказались под давлением крекинг-газа: цеха сероочистки, печного цеха и отделения компрессии. Хотя всюду понаставили заглушки, но последние не были герметичны, а крекинг-газ здорово ядовит, особенно опасен сероводород, содержание которого в крекинг-газе доходит до 5–10%.

Монтаж незаконченных цехов усложнился. Однажды в печном цехе прорвало заглушку. Отравились несколько человек, в том числе главный механик завода Напфилов. Этого неплохого механика и хорошего парня. не удалось спасти. Это была первая жертва патриотического строительства и «пакета» Флорова. Жена погибшего устроила роскошные поминки. После выпивки все торжественно поминали Напфилова. И жена и гости, в том числе Мультатули, со слезами в глазах утверждали, что Напфилов был человеком и инженером с большой буквы. Весь завод провожал его гроб.

Заместитель министра Флоров не успел провозгласить, что жертва патриота Напфилова не напрасна. Он спешно улетел на очередной футбольный матч. Флоров был не только пламенным патриотом, но также пламенным болельщиком. Однако министр не дал ему досмотреть футбольный матч и погнал обратно в Афу для ликвидации аварии.

В это время афумские газеты трубили об огромных успехах вохровской химической промышленности. Они с огромным патриотизмом предвкушали, какое огромное количество зерна будет сэкономлено после пуска Афумского завода, который, как в сказке, переработает нефтяные газы в этиловый спирт.

Патриоты из пусковой комиссии и патриотическая молодежь завода во главе с пламенным патриотом Флоровым, подогретые патриотическими откровениями афумских газет, с еще большим энтузиазмом стремились превращать нефтяные газы в этиловый спирт и сэкономить для родины зерно и десятки миллионов вохриков.

Ведь Афумский завод был флагманом вохровских заводов по прямой гидратации этилена в спирт: вслед за Афумским должны были быть пущены Ново-Валериановский, Вотасарский и Добровский заводы синтетического спирта.

Трудная миссия Мультатули заканчивалась. В Афу пожаловала директриса Ново-Валериановского завода синтеза спирта.

Соблазнительница-директриса была старой знакомой Мультатули. Еще десяток лет тому назад она возглавляла очередную комиссию по проверке хранения «оборудования особых поставок». Эту «патриотку» прославила в своем «талантливом» романе «Дары земли» известная литературная дама Жаренова. В этом романе директриса Федотова, заслуженный член вохровской партии, владеет множеством иностранных языков, великолепно знает технологию производства этилена и этилового спирта, поучает начальников цехов, как нужно работать, пишет ученые труды, увлекается музыкой и живописью. В действительности же она была обыкновенным вохровским администратором, никаких языков не знала, ничего в технологии не понимала и написала вместе с ушлым борзописцем какую-то «патриотическую» книжку.

Как-то в очередной День 8 марта она стала Героем Социалистического Труда, и после этого ее сопроводили на пенсию, так как даже вохровские администраторы считали, что она мешает работать. Вообще же говоря, она была постаревшей, некрасивой, безмужней женщиной, у которой был взрослый сын-идиот.

А соблазняла она Мультатули предложением... организовать в Ново-Валериново филиал Гипрокаучука. Вслед за ней пожаловал Низовьев и также начал соблазнять. Мол, Федотова немедленно предоставит филиалу четырехэтажный дом. Мультатули мог и хотел вернуться в Кремлевию. Хотя он уже год тому назад был реабилитирован, из-за занятости не хлопотал о возврате столичной жилплощади. Нанимать комнату из-за скандалистки-жены казалось невероятным, да и с материальным положением было неважно. Жена, не заработав ни гроша, очень много расходовала на свои личные «нужды».

Обменять афумскую квартиру на площадь в Кремлевии было делом сомнительным. Кроме того Мультатули хотел заняться «экспериментом» – организовать в бюрократической Тмутаракании небюрократическое проектное учреждение.

Мультатули «соблазнился» и поехал с Низовьевым в Ново-Валериановск. Строительство дома, который передавали будущему филиалу, действительно заканчивалось. Мультатули ударил с Низовьевым по рукам. Вот только он уже 21 год не был в отпуске – с 19 г. в.в.э. !

В лагере отдых не полагался. В Железногорске Мультатули каждый год получал компенсацию за неиспользованный отпуск. В ссылке каждый годовой отпуск использовался для заготовки дров, посева, копки картошки и других хозяйственных надобностей. После возвращения из ссылки Мультатули тотчас же приступил к работе на Стерталимакском заводе, затем приступил к организации Афумского проектного сектора.

Он попросил двухмесячный отпуск. Низовьев, довольный тем, что «соблазнил» Мультатули, согласился удовлетворить его просьбу.

Еще до этого Мультатули уговорил жену реабилитироваться и начать хлопотать о возвращении жилплощади в Кремлевии. Она потребовала 5000 вохриков и с этими деньгами укатила в Кремлевию. Мультатули по дороге в Нижневодск заехал в Кремлевию и получил согласие своего бывшего сослуживца временно прописать жену. Устроив эти дела, Мультатули поехал блаженствовать в Нижневодск.

Ново-Валериановский филиал Гипрокаучука. 1956-1958 гг.

Итак, Мультатули был реабилитирован. Так называемый «Верховный суд» Тмутараканского Союза выдал ему справку следующего содержания: «Дана гр. Мультатули А. И. 1901 года старого стиля рождения в том, что определениями Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Союза от 28 декабря 39 года великой вохровской эры Постановление Особого Совещания при тайной полиции Союза от 1 февраля 21 г.в. в. э. в отношении его отменено и дело производством прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения. Постановление Особого Совещания при тайной полиции Союза от 7 февраля 36 г.в.в.э. в отношение его отменено и дело производством прекращено с освобождением от спецпоселения».

Справка за № 02-6141с-55 датирована 21 января 40 г.в.в.э.

Эта коротенькая справка обозначала не только перелом в судьбе Мультатули, но символизировала четыре десятка лет вохровского господства в Тмутаракани и какой-то очередной минимум полицейского террора на специфической синусоидальной кривой вохровского господства.

В своем секретном докладе на XX съезде Никитов безбожно врал, «отважно и чистосердечно» разоблачая какой-то неведомый «культ личности», который осудил «тысячи невинных». Как здесь показано автором, таких невинных были не тысячи, а десятки миллионов.

На любом лагерном пункте томились тысячи невинных, а таких лагпунктов были тысячи. Десятки миллионов невинных были уничтожены в тмутараканских виссарионовских лагерях.

Только во время войны в лагерях было уничтожено не менее двенадцати миллионов заключенных. По подсчетам Данова, на фронтах, в оккупации и в плену было убито 7 миллионов. В Ильичевграде и в других местах от голода погиб 1 миллион человек. Всего, по последним данным, в войну погибло 20 миллионов – следовательно, в лагерях уничтожено 12 миллионов. Следует полагать, что и эта цифра занижена. Я показывал, что на спецпоселение было выдворено около 150 тысяч человек. Таким образом, реабилитировать можно было только десятки тысяч или, может быть, сотни тысяч оставшихся в живых. Впрочем, через полтора-два года года после смерти величайшего из палачей реабилитировали и мертвых.

Сам номер справки, выданной Мультатули свидетельствует о десятках тысяч реабилитированных То, что реабилитацией «контриков» ведала Судебная коллегия по уголовным делам, демонстрировало не исчезнувшее лицемерие вохровского режима. Мол, в сказочной стране Тмутараканской установлено полное морально-политическое единство, и в силу пережитков прошлого попадаются еще кое-какие уголовные элементы.

Существование административного внесудебного органа – Особого Совещания при тайной полиции Государства Тмутараканского, который мог заочно приговаривать граждан к заключению в «исправительно-трудовые лагеря» и к «спецпоселению», свидетельствует о том, что Государство Тмутараканское – сверхполицейское государство.

Две даты в справке: 1 февраля 21 г. в.в.э. и 7 февраля 36 г. в.в.э. – говорят о том, что эта внесудебная инстанция тайной полиции функционировала по крайней мере 15 лет. В действительности же она существовала не менее 30 лет.

То, что так называемая Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Союза приступила к рассмотрению дел «тысяч невинно осужденных» только через два десятка лет по приказу сверху, характеризует Верховный Суд как бутафорское, марионеточное учреждение, полностью подчиненное меняющимся вохровским олигархам.

Так комментировал Мультатули эту коротенькую справку о реабилитации, полученную им через 19 с лишним лет после его первого ареста. Восемь лет и четыре месяца он был бесправным рабом в чудовищных виссарионовских лагерях. Шесть лет он был «гражданином второй категории» в полицейском Государстве Тмутараканском, где даже «полноправные граждане», имевшие «минус 220» (Мультатули

запрещалось проживать в 220 городах), фактически были лишены избирательных прав и любого из них Особое Совещание при тайной полиции могло упечь как «контриков».

Три года и семь месяцев Мультатули был спецпоселенцем в Кучумии и не смел переступать границы символической зоны под угрозой быть осужденным на 25 лет каторжных работ.

Прошло уже полтора года, как с Мультатули была «снята судимость», то есть он был «великодушно прощен» за вымышленные то ли уголовные, то ли политические преступления. Но так как он был только «прощенным преступником», служебный стаж его не был восстановлен, он не имел права на свою бывшую кремлевскую квартиру, на льготную пенсию и на вознаграждение «за выслугу лет». Между тем, создание новой аристократической базы полицейского режима – своеобразной преторианской гвардии – было завершено.

Крупные функционеры полицейской, военной, партийной, хозяйственной, научно-технической сфер были отделены огромным барьером от массы трудящихся: вээнов (рабочих и служащих), кахов (отбывавших барщину в колхозах), зеков и эсков (бесправных рабов).

Полицейским и военным генералам полагалось жалованье в 20-30 тысяч вохриков в месяц (в старом масштабе цен). Министры и заместители министров, в зависимости от степени их влияния, получали – с учетом «пакетов» (особых не облагаемых налогами сумм) и прочих льгот – 10-30 тысяч. Оклады академиков, ректоров вузов, деканов, аттестованных «ученых», директоров заводов и институтов тоже составляли от 5 до 30 тысяч. Металлурги, шахтеры и некоторые разновидности химиков образовывали как бы рабочую аристократию и зарабатывали 3-5 тысяч в месяц.

Генерал получал пенсию в 5 тысяч, полковник – 3 тысячи, и если эти молодые сорокалетние «пенсионеры» выражали желание занять какой-нибудь паразитический административный пост, им выплачивали и пенсию и зарплату. Вышедшие на пенсию маршалы, генералы и полковники получали значительные земельные участки для строительства дач и частенько спекулировали ими.

В военно-полицейском государстве погоны давались не только военным и полицейским, а также аттестованным юристам, железнодорожникам, дипломатам и другим привилегированным группам. Эта новая вохровская аристократия получала значительные выплаты за «звездочки», аттестованное звание и «выслугу лет»: 10-15 тысяч вохриков в зависимости от чина и стажа.

Между тем реальная зарплата трудящихся масс была очень низкой при наличии высоких, просто грабительских розничных цен.

Кахи за свой подъяремный труд в колхозах почти ничего не получали: 1 кг. хлеба за трудодень (при 200 трудоднях в год) считался «весомым трудоднем». А фактически это означало 200 вохриков в год (в старом масштабе цен). В тысячу раз больше получал какой-нибудь генерал на «действительной службе» и в триста раз больше – сорокалетний полуграмотный генерал-«пенсионер».

Фактически кахи жили за счет своего жалкого приусадебного хозяйства.

Заслуженный инженер (не аттестованный) с сорокалетним стажем получал пенсию в размере 150 вохриков в месяц (в тридцать раз меньше бодрого «пенсионера»-генерала и в двадцать раз меньше «пенсионера»-полковника). В стране «всеобщего равенства» соотношение минимальных и максимальных зарплат рабочих и «служащих» (министры, генералы и академики относились к разряду служащих) достигло невиданных размеров: 1:250.

Сторож получал 100 вохриков в месяцев, а министры и генералы – 25 тысяч. Строительные рабочие, врачи, преподаватели, бухгалтеры, киоскеры зарабатывали 300-600 вохриков в месяц, в 50-100 раз меньше генералов, министров, спекулянтов и... спокойно живущих жуликов.

Как уже было выше отмечено, вновь созданной аристократической прослойке: шахтерам, металлургам, железнодорожникам (аттестованным), химикам – полагались некоторые льготы. При наличии 25 летнего стажа они могли получать с 50-55 лет пенсию в размере 50% зарплаты и «за выслугу лет» – до 20% от зарплаты. Если получивший пенсию продолжал работать, пенсия и зарплата плюсовались.

После реабилитации Мультатули попал в эту привилегированную прослойку. Ему была установлена пенсия 1250 вохриков в месяц. Вознаграждение «за выслугу лет» превышало 6000 вохриков в год. Вместе с зарплатой и премиями Мультатули получал около 5000 вохриков в месяц – 500 вохриков в новом масштабе цен.

Впрочем, это «благополучие» длилось только около года. После очередного «упорядочения» пенсия плюсовалась к зарплате только у военных, полицейских, «персональных партийцев» и представителей некоторых других привилегированных групп. Вознаграждение «за выслугу лет» было ликвидировано почти для всех, кроме некоторых «избранных». Максимальная гражданская пенсия была установлена в размере 120 вохриков (в новом масштабе цен). У военных и полицейских пенсия была несколько снижена, но все-же в два-три раза превышала «гражданскую».

Казалось бы, пенсия и страхование – аналогичные категории и должны выплачиваться в любом случае. Но вохры, организовавшие самую порочную экономическую систему, не имеют себе равных в выдумках по обиранию трудящихся. С 40 г. в. в. э. они перестали платить пенсию работающим пенсионерам с «гражданки». Через пятнадцать лет начали выплачивать 50% пенсии работающим на заводах сельскохозяйственных предприятиях, а через 18 лет – 100% пенсии работающим в предприятиях бытового обслуживания.

В институтах (проектных и научно-исследовательских) и учреждениях работающие пенсионеры по-прежнему лишаются выслуженной ими пенсии.

Аналогично олигархи поступили и с реабилитированными. Тут и не пахло элементарной справедливостью.

Логика подсказывает, что ежели олигархи признали наличие «тысяч невинно осужденных», то должны возместить им все убытки. Трудно оценить моральные страдания жертв репрессий или определить компенсации для тех заключенных, которые были уничтожены, да и для тех, у которых было отнято здоровье (хотя известны случаи, когда возмещаются и такого рода «убытки»), но уже безусловно легко подсчитать материальный ущерб.

Если невинно осужденный «преступник» находился в заключении и ссылке 20 лет и не получал полагающей по его квалификации зарплаты по вине внесудебного «государственного» органа, то в худшем случае ему следует возместить зарплату за 20 лет, не говоря уже о возмещении за разорение. Вохровскому государству это было тем легче сделать, что подавляющая часть невинно осужденных была уничтожена.

Но, как уже было отмечено, вохры не имеют себе равных в способностях по обиранию подданных.

По щучьему (вернее акульему) веленью олигархов возмещение было установлено только в размере двухмесячного оклада. Если невинно осужденным не были доплачены какие-либо суммы к моменту ареста, то им выплачивалась десятая часть этой суммы, хотя деньги к 40 г. в. в. э. стали вдвое дешевле, чем в 20-21 г. в.в.э.

Точно так же обстояло дело с возвращением жилплощади. Реабилитированным не возвращали их квартир. Хлопоты по получению жилья не всем реабилитированным были под силу. Если человек до его «изъятия из употребления» жил, например, в Кремлевии, то в оной Кремлевии необходимо было временно прописаться. Это возможно было только в том случае, если какой-нибудь бывший приятель имел лишнюю жилплощадь и соглашался временно прописать на ней реабилитированного.

Члены семьи недавнего зека либо находились где-нибудь в ссылке, либо, пока невинно осужденный пребывал в концлагерях и спецпоселениях, разбредались по всей Тмутараканской империи. Очень мало семей репрессированных оставались в Кремлевии. Семьи «контриков» высылались из столицы или направлялись в ссылку. Если такие члены семьи по указанным причинам не жили в Кремлевии, жилплощадь им не возвращалась.

После того как Мультатули был реабилитирован, он начал убеждать жену начать хлопоты по реабилитации. Жена до того завралась во времена своей ссылки, что уже убедила себя, что не была репрессирована и поэтому не может быть реабилитирована.

«Но отмечаться к коменданту ты являлась?» – спросил жену Мультатули. «Являлась» – признала она. «Следовательно, ты была осуждена Особым Совещанием, как «член семьи врага народа».

Мультатули написал за жену заявление в «Верховный Суд». Жена поехала в Кремлевию, добилась реабилитации и получила в качестве компенсации двухмесячный оклад. Но главного – сознательно или бессознательно – она не сделала. Жена не оформила трудовой книжки, в которой весь срок до реабилитации ей бы зачислили как трудовой стаж. На работу она никогда не хотела идти, предпочитая жить за счет Мультатули и заниматься скандалами. В результате она впоследствии не получила пенсии. Следует полагать, что сделала она это вполне сознательно. Наверняка считала, что «пенсия», которую она будет получать от Мультатули, значительно больше той пенсии, которую она могла бы выхлопотать.

Впоследствии Мультатули вынужден был всегда прирабатывать к пенсии, так как ее почти целиком тратила на себя и оплату квартиры жена-скандалистка. Мультатули не мог временно прописаться в Кремлевию, так как был назначен и. о. директора и главным инженером Ново-Валериановского филиала Гипрокаучука, к организации которого следовало приступить.

Мультатули попросил своего старого сослуживца временно прописать жену на своей жилплощади и по согласованию с директором Гипрокаучука Низовьевым укатил в двухмесячный отпуск в Нижневодск. Это было чудесно. Впервые за последние 21 год Мультатули был свободен от лагерей, от ссылки, от службы, от скандалистки-жены.

В Нижневодске стояла мягкая, теплая осень. Листва была еще зеленая. Мультатули купил две двухнедельные путевки в дом отдыха на восьмой станции Среднего Фонтана.

Первые дни он блаженствовал. Купался в море. Ходил в гости к сестрам и другим близким родственникам, которые устраивали для него званые обеды.

Одна из сестер только теперь призналась, что восемь лет тому назад, когда Мультатули после освобождения из лагеря на несколько дней приехал повидать мать и сестер, она не верила рассказам брата. Не могла представить себе, что можно расстрелять или заточить в концлагерь невинных людей. Разумеется, она и все сестры почитали брата и считали его безупречно честным человеком, но полагали, что в данном случае он замешан в какие-то политические «дела».

Хотя сестра слыхала о каких-то процессах и удивлялась большому количеству «врагов народа», она считала, что социалистическая Тмутаракания – демократическая страна. При всем этом она хорошо знала, что следует держать язык за зубами. Это яркое доказательство силы огромного, лицемерного, лживого тмутараканского пропагандистского механизма.

Ныне, после того, как секретный доклад Никитова был зачитан на закрытых собраниях вохров, когда «культ личности» «отважно и откровенно разоблачен», а Мультатули реабилитирован, родня верила каждому его слову.

Мультатули отвык отдыхать. Через две недели он заскучал. К тому же он получил письмо, в котором его просили сократить отпуск. Мультатули решил урезать свой двухмесячный отпуск вдвое и вернулся в Ново-Валериановск.

Низовьев вынужден был спешить с организацией филиала. Четырехэтажный дом, переданный Гипрокаучуку дирекцией завода синтеза спирта, был быстро «освоен». Восемь квартир отвели под рабочие помещения филиала, остальные заселили нанятыми «с бору по сосенке» инженерами, техниками и чертежниками, а также строителями, технологами, сантехниками. Наймом работников, приобретением столов, стульев и прочего имущества занимались несколько функционеров, временно направленные Низовьевым из Кремлевии. Кроме того приехала на постоянную работу группа работников из головного института в Кремлевии и из его единственного филиала в Женорове – главным образом из тех, которые не имели жилья. Всего успели набрать около шестидесяти человек, в основном строителей.

Головной институт прислал для выполнения кое-какие второстепенные работы в стадии рабочего проектирования. Однако все работники были не проверенные. Основным их стимулом было заселение четырехэтажного дома.

По приезде Мультатули вручили ключ от трехкомнатной квартиры. Но он отказался от нее и взял еще свободную двухкомнатную квартиру. В тот же день начал знакомиться с людьми и работами.

Временные функционеры из головного института тут же удрали в Кремлевию.

Через три дня Мультатули выяснил, что почти треть состава совершенно непригодна. Эти люди не только не знали проектного ремесла, но вообще ничего не знали. Подавляющее большинство не имели представления даже о нормальных размерах листа ватмана и о том, как следует оформлять чертеж. Следует отметить, что Мультатули не мог проверить строителей, электриков и киповцев, так как в этих частях проектирования сам был дилетантом.

Он смог проверить только технологов, механиков, сантехников и сметчиков.

Даже некоторые руководители групп были совершенно безграмотны. Таким оказался руководитель сантехнической группы, приехавший из Кремлевии и претендовавший на трехкомнатную квартиру.

В целом лучше было бы, если бы всех этих людей не нанимали. Мультатули понял, что не следовало уезжать в отпуск.

Временным функционерам из Гипрокаучука нужно было только блеснуть числом нанятых работников. Положение было тяжелое. Мультатули предстояли несколько задач:

1. избавиться от совершенно непригодных работников;

2. улучшить квалификацию оставшихся;

3. укомплектовать филиал;

4. найти подходящую работу для выполнения «плана»;

5. специализировать филиал на каких-нибудь проектных работах;

6. наконец, помешать созданию паразитических должностей и подразделений.

Все это следовало сделать без шумихи и без говорильни. В первую очередь Мультатули уличил (достаточно мягко) безграмотного руководителя сантехнической группы в некомпетентности, уверил его, что он не только трехкомнатной, но и двухкомнатной квартиры не получит, и убедил подать заявление об уходе.

Затем он тщательно проверил все начатые работы. Кавардак наблюдался страшный. Единственным спасением был трехмесячный «мораторий», то есть первые три месяца работать без «железного» плана.

Затем Мультатули уехал на пару дней в Афу, ликвидировал Афумский сектор, перевел несколько работников вместе с имуществом в Ново-Валериановск, а заодно перевез свое личное имущество и... жену.

После возвращения первым делом он решил обеспечить «план». Без «плана» нет «лица», нет премиальных, а, следовательно, и возможности стимулировать работников.

После ликвидации Афумского сектора в Ново-Валериановском филиале появилось ядро технологов-монтажников, знавших в какой-то степени проект завода синтеза спирта. Это были воспитанные Мультатули в Афу Жировников и Тишов и переведенный после ликвидации Железногорского сектора Гипрокаучука Ведяров.

Ведяров впоследствии, как и Васельев, сделал блестящую карьеру. Следует отметить, что он, в отличие от Васельева, был неплохим проектировщиком. В Железногорске его учил хороший монтажник – сосланный гунн Колумбар, а в Ново-Валериановске его немного «поднатаскал» Мультатули. Именно Мультатули вскоре назначил Ведярова начальником монтажно-технологического отдела, а затем своим заместителем.

У Ведярова наблюдались и общие свойства с Васельевым. Он был подхалим, карьерист, вохр и пьяница. После ухода Мультатули Ведярова назначили главным инженером филиала. Вскоре ему удалось получить несколько командировок за рубеж, а такие выезды – это технический капитал.

В 51 г.в.в.э. Ведярову удалось каким-то образом перевестись в Кремлевию в качестве главного инженера Гипрогазтопрома. Вскоре он был назначен директором Гипрогазтопрома и затем, после организации громадной «фирмы» «Нефтехим», объединившей все проектные и некоторые исследовательские институты нефтепереработки и нефтехимии, Ведяров стал первым заместителем генерального директора этой «фирмы» и главным инженером. Генеральным директором был посажен сынок министра. Таким образом, оба эти сравнительно молодые бюрократы оказались «руководителями» огромной проектной «фирмы», в которой работали несколько десятков тысяч инженеров, «ученых» и прочего люда.

Жировников и Тишов сделали более скромную карьеру, дойдя до должностей начальников отделов. Опираясь на эту тройку и еще пару десятков человек, Мультатули решил осуществить весь комплекс предпусковых проектных работ Ново-Валериановского завода синтеза спирта и весьма дорогую смету пусковых расходов этого завода.

Эту смету мог составить только сам Мультатули, который подобную уже делал для Железногорского завода синтеза каучука. Для помощи по выполнению этой сметы Мультатули выбрал Орлинскую, переехавшую из головного института в Кремлевии.

Кроме этих работ Мультатули решил выполнить проекты нескольких складов сжиженных газов. Мультатули расценил эти работы по СУПСу (укрупненным проектным расценкам). А если «умеючи» расценивать по СУПСу, можно с любыми работниками выполнить любой план!

Только этими работами, при средней выработке в системе Гипрокаучука на одного работника, план гарантировался на полгода. Почти 20% плана обеспечивались работой Мультатули по смете пусковых работ. Таким образом, так же, как при выполнении для Афумского сектора проектного задания газопровода, теперь Мультатули собственной работой по смете пусковых расходов и удачной расценкой по СУПСу обеспечивал выполнение «плана» филиала, невзирая на малоквалифицированный состав.

В какой-то степени наладив выполнение намеченных работ, Мультатули в конце 40 г.в.в.э. укатил в Кремлевию. Ему предстояло в короткое время (так как он надолго не мог оставить свой филиал) выполнить массу работ:

1. утрясти «план» на 41 г.в.в.э.;

2. укомплектовать библиотеку и «кабинет проектов» соответствующей литературой и проектными материалами;

3. согласовать некоторые проектные работы;

4. решить вопрос о специализации филиала.

Все эти задачи Мультатули успешно решил, хотя поехал он один и все делал сам, в том числе отбирал все книги и проектные материалы. Большую помощь ему оказали сотрудники головного института, которые знали его со времени организации этого института, когда все они были совсем молодыми. Благодаря этому Мультатули удалось сразу укомплектовать филиал технической литературой и проектными материалами. Следует отметить, что еще за время работы в Афумском секторе Мультатули подобрал значительное количество технической литературы и проектных материалов.

Значительно сложнее было решить вопрос о специализации филиала. Но помогли два обстоятельства.

Во-первых, в Ново-Валериановске решили организовать филиал научно-исследовательского Института синтетических спиртов. Этому способствовало то, что националы энергично вытесняли из Гаптсумского завода синтеза спирта всех скифов и вообще всех не националов. Из этих «вытесненных» были завербованы директор и главный инженер филиала. Мультатули согласился проектировать опытно-промышленную базу этого института.

Во-вторых, проектная организация (секретная – «почтовый ящик» с четырехзначным номером!), проектировавшая производство фенол-ацетона из пропилена, решила «отпихнуть» это дело и передать его Гипрокаучуку. Мультатули спешно ознакомился с проектным заданием фенол-ацетона и решил

специализировать на этом филиал. Действительно, впоследствии все установки фенол-ацетона были спроектированы Ново-Валериановским филиалом.

Желая создать филиал без паразитических должностей, к вящему удивлению начальника планово-производственного отдела Мультатули отказался от ряда штатных единиц, в том числе от должности директора и его заместителя, заместителя главного инженера, главных инженеров проекта и всяческих бюрократических отделов вроде «технического». Этот начальник чуть не заподозрил Мультатули во вредительстве. Но мода на «вредителей» прошла.

За полгода до этого министр требовал расширять Гипрокаучук и создавать новые филиалы. К началу 41 г.в.в.э. в Гипрокаучуке оказались лишние штатные единицы. Мультатули это было на руку. Получив предписание о сокращении штатов, он без труда уволил десяток совершенно непригодных работников, что еще больше облегчило выполнение «плана». Мультатули мог приступить к улучшении постановки работы в филиале.

Он окончательно оформил два отдела: монтажно-технологический и строительный и группы в этих отделах. Были организованы сантехническая, конструкторская, электротехническая, киповская и копировальные группы.

Руководителей групп и ведущих технологов он обязал выполнять по соответствующим проектам обязанности главных инженеров проекта. Технологическую, сантехническую и сметную части проектов несмотря на огромную нагрузку он проверял сам. Иногда по утрам у него набиралось для проверки 30–40 калек. Характерно, что начальники отделов и даже руководители групп подписывали кальки после того, как их подписывал Мультатули!

Вначале два раза, а затем раз в неделю он вместе с руководителями групп и ведущими технологами увязывал проектные разработки в технологической, строительной, сантехнической, электротехнической и киповской частях. Мультатули старался загрузить полу-паразитических функционеров. Так, он обязал «начальников» отделов кадров и спецотдела, которые были мало загружены, несколько часов в день печатать на пишущих машинках.

В начале 41 г.в.в.э. к Мультатули приезжал Засонов, которого в порядке «оргмероприятия» после пуска Афумского завода синтеза спирта снял с работы заместитель министра Флоров.

Мультатули ничего не мог ему предложить, и он был оформлен заместителем директора по хозчасти Добровского химзавода. Через год Засонова назначили директором Ново-Валериановского филиала, и почти немедленно всё «стало на свое место». Появились множество заместителей, главные инженеры проектов, непроизводственные отделы и т. д. Но все это произошло уже в 42 г.в.в.э. после ухода Мультатули.

Кроме названных отделов в Ново-Валериановском филиале был организован топографическо-изыскательский отдел; который в будущем должен был выполнять все изыскательские работы в системе Гипрокаучука. Для этого отдела вместе с его лабораторией не было подходящего помещения. Тяжело было со светокопией. Своей светокопировальной машины не было, и приходилось отправлять кальки на Ново-Валериановский нефтеперерабатывающий завод, у которого была незагруженная копировальная техника.

Но вскоре Мультатули арендовал подвал соседнего дома для изыскательского отдела и получил светокопировальную машину.

Через полгода с очень незначительной помощью Кремлевского головного института были организованы все отделы филиала и начало определяться лицо этого филиала. Начиная с третьего месяца со дня организации филиала, «план» неукоснительно выполнялся, и работники филиала получали премии за «досрочное» выполнение проектной документации.

Ново-Валериановский филиал был организован значительно быстрее Женоровского несмотря на то, что туда из Железногорска и Кремлевии было направлено два десятка опытных работников и много крупных функционеров головного института опекали этот филиал чуть ли не год. С самого начала там

работали директор, главный инженер, заместители, главные инженеры проектов и полу-паразитический штат, свойственный любому вохровскому учреждению.

Несмотря на то, что Низовьев был ярым антиханаанцем, авторитет Мультатули по-прежнему укреплялся.

Семейные дела Мультатули, как всегда, были плохи. Жена бездельничала и скандалила. Время от времени они выезжали в Кремлевию для хлопот по возвращению жилплощади. Пользуясь этим, она вымогала у Мультатули крупные суммы и покупала себе множество вещей. Только однажды, взяв свыше 5 тысяч, она купила мужу (впервые за всю «семейную» жизнь) отрез бостона на костюм. Но впоследствии этот отрез она... продала и деньги присвоила себе. В целом супруга «для хлопот по возвращению жилплощади» вытянула у Мультатули все сбережения, около 20 тысяч. Правда, купила спальный гарнитур, который впоследствии, разумеется, присвоила.

Весной 41 г.в.э. приехала погостить старшая дочь с мужем. Несколько дней были относительно спокойными. Затем начались бурные скандалы. В конце концов жена выгнала дочь из квартиры Мультатули, в которой сама даже не была прописана.

В 5 часов утра, жена, как ведьма, стояла против дочери, которая была на шестом месяце беременности, и проклинала ее «плод» и «плод плода». Совершенно случайно девочка, которую дочь родила через несколько месяцев, умерла...

Чаша терпения Мультатули опять переполнилась. Он подал заявление в суд на развод. С этих пор скандалы стали нестерпимыми. Жена скандалила по ночам дома, на улицах, где каждый третий житель маленького городка знал Мультатули, в столовой, где он обедал, на службе. Сотрудники, которые в большинстве имели маленьких детей, возмущались ее неистовыми криками по ночам.

При таком постоянном аккомпанементе Мультатули продолжил развертывать филиал. К лету 41г. в.в.э. в нем уже работали 100 человек.

Начался пуск Ново-Валериановского завода синтеза спирта. После этого Мультатули поехал в Кремлевию и оформил отпуск, так как более не мог терпеть скандалов взбешенной ведьмы.

Увы, заместитель министра Флоров погнал его обратно в Ново-Валериановск для «помощи по пуску завода». Вернувшись, Мультатули к себе на квартиру не пошел и скрывался от жены в квартире своего заместителя Ведярова. Именно там посещали Мультатули все функционеры филиала. Характерно, что никто его не выдал, и скандалистка так и не узнала о месте пребывания мужа. Симпатии работников филиала были на стороне Мультатули.

Через пять дней Мультатули все-таки уехал в отпуск, оставив вместо себя Ведярова. Тот, еще не зная, каким крупным функционером он станет, проводил Мультатули на вокзал и нес его чемодан.

Мультатули хотел попутешествовать по Ловге. Пришел на Валериановскую пристань и начал изучать расписание отхода теплоходов. Решил поехать в Кремлевию, однако туда продавались билеты только в четвертый класс. Тогда он выбрал Вотсор, но и туда можно было добраться только в четвертом классе. Только в Мерп были места во втором классе. Через несколько дней Мультатули оказался в Мерпе и не знал, куда дальше двигаться. Но он вспомнил, что в Нижнем Гитале живет племянник, а туда несколько часов езды.

У племянника Мультатули побыл пару дней. Затем завернул к племяннице в Яковлевск, так как туда было рукой подать. Оттуда он поехал к черту на кулички, к старшей дочери, которая жила в Кучумской глухомани, в Назарово. Там он дождался рождения внучки и вернулся в Валериановск.

В Валериановске Мультатули несколько дней околачивался у знакомых и, узнав, что жена уехала в Кремлевию, вернулся на работу в Ново-Валериановск.

Между тем, из головного института в филиал направляли все более и более ответственное проектирование. Хотя в филиале уже появился довольно крупный строительный отдел, Мультатули не был уверен в том, что строители справятся с ответственными объектами.

Один из очень важных объектов, тяжелый корпус Д-5 по производству бутадиона из нормального бутана, Мультатули неохотно принял для выполнения. За технологическую, сантехническую, электротехническую и киповскую части проектирования Мультатули не беспокоился. Его тревожила строительная часть: сам проверить ее он не мог, так как в этом был дилетантом. Поэтому строительную часть рабочих чертежей корпуса Д-5 он послал в технический отдел головного института с просьбой проверить. Как впоследствии оказалось, никто и не думал проверять эти чертежи.

К этому времени произошел инцидент, который имел значительное влияние на дальнейшую деятельность Мультатули.

Головной институт поручил Мультатули узнать о возможности получения с газобензинового завода отбензиненного газа с большим давлением.

Для второй очереди Ново-Валериановского завода синтеза спирта вследствие дремучей экономической безграмотности решили использовать для производства этилена совершенно неэффективный отбензиненный газ, содержащий огромное количество метана. Для этого запроектировали мощную газоразделительную систему, отделяющую незначительные объемы этана и пропана от метана. Выделенные этан и пропан подавали на пиролиз.

Этот процесс был совершенно бессмысленным. Ведь на газобензиновом заводе из попутного газа, затрачивая массу капитальных и эксплуатационных средств, делали то же самое: отделяли метан и выделяли этан и пропан.

Выделив этановую фракцию, ее вновь смешивали с отбензиненным газом, затем отбензиненный газ сжатый до 35 атм и охлажденный до -50 транспортировали на завод синтеза спирта, куда он прибывал уже при атмосферном давлении и нормальной температуре. На заводе синтеза спирта газ вновь компримировали до 40 атм и охлаждали, то есть повторяли тот процесс, который осуществляли на газобензиновом заводе, но в значительно худших условиях, поскольку 1) большая часть пропана и углеводороды С4-С6 были уже извлечены и концентрация балласта-метана сильно повышена, 2) на газобензиновом заводе частично использовали давление попутного газа.

Проектантов из головного института интересовала только возможность доставки на завод синтеза спирта отбензиненного газа с давлением в 6 атм, чтобы сэкономить одну ступень компрессора.

Газобензиновый завод в Пчелакове проектировал большой Валериановский проектный институт Гипровостякнефть. Вначале администрация отказалась выдать проектные материалы, мотивируя свой отказ тем, что проектное задание Пчелаковского ГБЗ не закончено и не утверждено. Но через совнархоз Мультатули удалось получить это проектное задание. Рассмотрев его за один вечер, Мультатули выявил полную несогласованность между двумя крупными проектными организациями Гипрокаучуком и Гипровостякнефтью и, что самое главное, – полнейшую экономическую безграмотность и тех и других.

Несмотря на большую занятость, Мультатули решил кардинально изменить схему и использовать для пиролиза не малоэффективный отбензиненный газ, а эффективную этановую фракцию, которая по технологической схеме ГБЗ выделялась в количестве 10 тонн в час, а затем вследствие невежества работников двух крупных проектных организаций, смешивалась с огромным объемом неэффективного для пиролиза отбензиненного газа.

По подсчетам Мультатули, непосредственное использование этановой фракции давало возможность исключения строительства громоздкой газоразделительной установки,: стоимостью в 40 млн. вохриков (в старом масштабе цен).

Этановую фракцию можно было подавать непосредственно в пиролизные печи, при этом экономия эксплуатационных расходов достигала нескольких миллионов вохриков.

Все подсчеты Мультатули произвел в несколько вечеров и сообщил об этом по телефону в Кремлевию. Он предложил аннулировать проектное задание второй очереди завода синтеза спирта (в Валерианове) и, кстати, такое же проектное задание для второй очереди Афумского завода синтеза спирта. Однако, как и следовало ожидать, его предложение не было принято.

Мультатули, презрев «коллегиальные» интересы Гипрокаучука, сообщил о неразумном проектировании второй очереди главному инженеру Химического управления вновь созданного совнархоза. Тот вначале ничего не понял. Но его вразумил один из подчиненных ему функционеров (в прошлом кремлевский работник), который хорошо разобрался в этом деле.

Через несколько дней этот главный инженер приехал к Мультатули и предложил:

1. совнархоз не утвердит проектное задание второй очереди, представленное Гипрокаучуком;

2. Мультатули, главный инженер Управления и подчиненный последнему функционер, направляют предложения Мультатули в БРИЗ совнархоза.

Главный инженер Управления был заинтересован в получении соответствующего куша. Умудренный опытом Мультатули понимал, что это единственный способ пробить непробиваемую бюрократическую стену: Он согласился и представил соответствующие расчеты.

Когда подписывалось заявление в БРИЗ, дельцы из совнархоза предложили включить в число «авторов» и главного инженера проекта из Гипрокаучука – того самого, который подписывал не принятое Совнархозом дефектное проектное здание. Мультатули согласился и на это. Через год это предложение приняли и назначили премию в размере 50 тысяч (в старом масштабе цен).

Выдали аванс в размере 12 тысяч. Как главный автор Мультатули должен был распределить эту сумму между всеми «авторами». Двое «авторов» считали, что Мультатули должен получить 40% суммы, но главный инженер Управления возразил: мол, главное – не само предложение и расчеты, которые произвел Мультатули, а «проталкивание» предложения, которым занимались остальные три «автора». Мультатули согласился и с этим. Пришлось по 3 тысячи на нос.

Этанопровод протяжением в 110 клм из Пчеланово до Ново-Валериановского завода синтеза спирта был построен.

Ново-Валериановский завод синтеза спирта и ныне остался единственным заводом, где примерно 20-25 тысяч тонн этилена получают из этана. Между тем, в Колумбовии в настоящее время из этана получают около 3 тысяч тонн этилена.

Остальные 75% процентов премии Мультатули и остальные три «автора» так никогда и не получили. Но история с ненужным газопроводом в Афу и этановой фракцией Пчелаковского завода, сопряженная со страстным желанием Мультатули глубоко изучить тмутараканскую экономику, побудила его приступить к основательному исследованию проблемы углеводородного сырья и его использования для производства мономеров: этилена, пропилена, бутиленов, бутадиена и изопрена.

В связи с этим в последующее десятилетие Мультатули в дополнение к нефтехимической изучил нефтеперерабатывающую и газобензиновую промышленность и стал одним из лучших специалистов по производству и применению углеводородного сырья – по части технологической и экономической. Внезапно, совершенно случайно обнаружилось, что строительная часть ряда проектов является совершенным браком.

Один из проектов складов сжиженных газов, выполненный Ново-Валериановским филиалом решили использовать для Латинской Колумбии.

Поскольку проект направлялся за рубеж, хотя и в «демократическую» страну, решено было его проверить. Функционеры из технического отдела головного института обнаружили массу ошибок.

Тогда они решили проверить строительную часть проекта цеха Д-5, которую еще пару месяцев тому назад Мультатули послал для проверки. Строительная часть оказалась совершенным браком, между тем чертежи уже были посланы на стройку и приступали к сооружению фундамента цеха Д-5.

Разразился скандал. Выяснилось, что большую часть дефектных строительных чертежей выполнила одна из руководительниц групп. Начальник строительного отдела Хренников, то ли по небрежности, то ли по неопытности подписал эти дефектные чертежи.

В 45-летней технической карьере Мультатули это была первая и последняя крупная неприятность. Приезжал Низовьев и публично на общем собрании грубо, по хамски свалил всю вину со своей «боль-

ной» головы на здоровую – Мультатули. Заодно – после того, как недавно восхвалял Мультатули до небес, – приписал ему множество грехов.

Начальника строительного отдела Мультатули снизил по должности и перевел в руководители группы. Виновную руководительницу группы уволил. Последняя затеяла клеветническое дело. Мол, Мультатули приставал к ней, а она дала ему отпор – поэтому он весь брак чертежей приписал ей и уволил ее.

Этим делом занялись партийные и общественные организации. У городской партийной организации Мультатули был не в чести из-за трех крупных недостатков: ханаанец, беспартийный, как беспартийный директор был слишком самостоятелен и частенько отказывался выполнять незаконные технические поручения горкома. Все же клевета руководительницы группы была отведена. Члены назначенной специальной комиссии по расследованию этой клеветы не могли себе представить, чтобы Мультатули предпочел уродливую пожилую руководительницу группы многим достаточно красивым и молодым сотрудницам филиала. Председатель комиссии так и сказал: «Этой лахудре не только во сне, но и наяву, по-видимому, очень хотелось, чтобы Мультатули приставал к ней».

А вообще-то, из-за скандалов жены «бытовая» репутация Мультатули была далеко не блестящей.

Не удивительно, что в такой драматический момент для Мультатули прозвонил третий «звонок». У него начались сердечные приступы. Как раз в это время гостил сын. Жена-скандалистка уверяла сына, что Мультатули – симулянт. Сын проводил Мультатули в больницу. Врачи поставили диагноз – стенокардия. Работники филиала носили Мультатули передачи, хотя никаких продуктов в магазинах Ново-Валериановска не было. Приходила и жена-скандалистка, но Мультатули не вышел к ней.

Через десять дней Мультатули выписали из больницы.

Хлопоты о возвращении жилплощади кончились тем, что жена получила на себя и младшую дочь, которая работала в Кремлевии и жила в общежитии, комнату в коммунальной квартире площадью в 19 кв. м. Мультатули совершил большую ошибку, которая привела к тому, что последующие 13 лет его продолжала порочить и обирать жена-скандалистка. Он должен был сам временно прописаться в Кремлевии, но, занявшись Ново-Валериановским филиалом, этого не сделал.

Новый 42-й год в.в.э. Мультатули встречал в Кремлевии. Дочь напригласала к себе массу молодых ребят и девушек, и отцу оставалось только бродить по улицам Кремлевии. Мультатули навязался в гости к Кофчелу, который к этому времени как реабилитированный получил отдельную однокомнатную квартиру, и встречал у него Новый Год.

Между тем филиал расширялся. Работало уже около 140 человек. Здание института строилось медленно. Пришлось для рабочих помещений занять два больших магазина. Засонов был назначен директором филиала, Мультатули – главным инженером.

Мультатули решил временно перейти на пенсионное обеспечение. Он не мог больше работать под бесконечный вой скандальной жены. Низовьеву и Засонову обещал, что, возможно, через два-три месяца вернется на работу. Сотрудники его тепло проводили.

Мультатули никогда не домогался чьих либо отзывов о своей работе, так как считал это признаком низкопробного тщеславия. Но спустя четыре года он просил своих бывших воспитанников и коллег из Афумского и Ново-Валериановского филиала по причинам, которые автор изложит далее, прислать характеристику его деятельности. Вот какой отзыв был прислан:

«Мы, товарищи по совместной работе в Ново-Валериановском филиале Гипрокаучука, даем настоящий отзыв о работе т. Мультатули А.И.

Т. Мультатули А.И., назначенный 21 октября 40 г. в.в.э. начальником Ново-Валериановского сектора Женоровского филиала, проделал большую работу по организации Ново-Валериановского сектора, а затем и Ново-Валериановского филиала Гипрокаучука, когда приказом по Министерству химической промышленности №186 от 19 марта 41 г.в.в.э сектор был реорганизован в филиал и т. Мультатули был назначен главным инженером, и.о. обязанности директора филиала.

Т. Мультатули А.И. были подобраны первые инженерные кадры филиала, с которыми он много работал и которые в последующем стали занимать руководящие должности в филиале.

За период с марта 41 г.в.в.э. по март 42 г.в.в.э. (время ухода т. Мультатули) филиал численно вырос до 142 человек и осуществлял проектирование сложных объектов (опытно-промышленная установка прямой гидратации и др.) Коллектив института с большим уважением относился к т. Мультатули. Его опыт всесторонне развитого инженера в сочетании с требовательностью и справедливостью в отношении к подчиненным служили хорошим примером для молодых работников…»

За сим следовали подписи директора Засонова, главного инженера Ведарова, начальников отделов, руководителей групп и пр.

Разумеется, в Государстве Тмутараканском принято давать отличные характеристики всем, даже паразитам и лодырям. Но, поскольку отзыв дан через четыре года и работники филиала всегда встречали Мультатули весьма дружески и уважительно, ему хотелось бы считать, что этот неофициальный отзыв искренен.

В институте Мультатули получил путевку в дом отдыха «Красная Глинка», расположенный в весьма живописном месте, в Гижулевских горах у Ловги. Но март был весьма холодным, и Мультатули так и не насладился пейзажами. А жена и тут его преследовала.

Мультатули решил сбежать куда глаза глядят. Незадолго до этого он получил письмо от друга, школьного приятеля, которого не видел 22 года. Приятель разыскал его через сестру Мультатули. Вообще-то некогда Мультатули считал его своим лучшим другом и не обращал внимания на некоторые странности.

Двадцать два года тому назад этот приятель внезапно, как снег на голову, свалился. У него был вид настоящего бродяги в каких-то замызганных штанах неопределенного цвета и в грязной рубашке.

В те времена инженеры были ценностью. Управление по строительству заводов синтетического каучука вербовало в учебных институтах выпускников и платило за них немалые деньги. Между тем, приятель – инженер-кораблестроитель с семилетним стажем, оказался безработным. Он рассказал длинную историю о какой-то склоке на судоремонтном заводе, в результате которой должен был уйти с работы. Мол, поехал в Кремлевию искать работу, несколько дней ночевал в парках и вот – сейчас разыскал Мультатули.

До той встречи Мультатули не видел приятеля около восьми лет и из за занятости и семейных скандалов не переписывался с ним, однако сохранил к нему дружеское отношение. Мультатули его одел и несмотря на загруженность уделил ему один день. Водил по Кремлевии, угостил в «поплавке» обедом и рассказывал ему о своем житье-бытье. Приятель больше слушал, а сам помалкивал.

Мультатули знал о его скрытности, и молчание приятеля его не удивляло. Он даже повел его на пирушку к своим друзьям, которые впоследствии стали его «однодельцами», а одна из них – Леля – даже попала в один этап с ним.

Кстати, именно тогда (квартира была на первом этаже) выяснилось, что Мультатули и его приятели являются объектом слежки. Против окон какой-то филер достаточно нахально торчал и наблюдал за ними. После ухода Мультатули филер увязался за ним.

Мультатули и ранее замечал, что за ним следят, и сейчас не обратил на это внимание.

Он решил устроить приятеля механиком на Наверский завод синтетического каучука, куда сам был назначен главным инженером. Затем Мультатули снабдил гостя целым чемоданом книг, тот получил подъемные и укатил в Навер.

С тех прошло 22 года. Как уже рассказывалось, Мультатули до Навера не доехал, его арестовали в дороге. Почему-то Мультатули не удивило, что приятеля не арестовали как протеже «врага народа», что тот не только не помог после ареста его семье, но даже не переписывался с ней, что все эти долгие годы приятель не разыскивал его.

Получив от приятеля письмо, Мультатули вступил с ним в переписку, как будто бы и не было перерыва в 22 года. Он был с ним так же откровенен, как и в былые времена. Приятель жил на юге Таврии, в Тылте.

Мультатули решил поехать к нему в Тылту и, даже не использовав полностью путевку в «Красной Глинке», махнул в Таврию. Он был уверен, что там жена его не найдет.

Приехав в Тылту, Мультатули не узнал приятеля. Он увидел лысого, седого, сморщенного старика, одетого в пижаму неопределенного цвета, которую тот носил, по-видимому, несколько десятков лет. Приятель жил в какой-то крохотной развалюхе. Уже несколько лет не работал.

Старый друг рассказал, что после окончания войны работал по договору на Дальнем Востоке и скопил 30 тысяч вохриков (в старом масштабе цен). Что-то у него случилось с легкими. Он решил, что ему надо поехать на лечебный курорт, в Тылту. По дороге заехал в Нижневодск. Родных там не осталось. Его собственную семью (жену, с которой он еще до войны развелся, и сына), семью сестры и двух братьев нацисты уничтожили. Он получил в наследство от брата-профессора дачу и продал ее за 10 тысяч. На эти деньги в Тылте купил трущобу. Устроиться на работу не смог. Хотя тратит только 250 вохриков (в старом масштабе цен) в месяц, но денег у него осталось мало. Единственной его заботой является сохранение стройности фигуры. Действительно, несмотря на то, что он выглядел стариком, у него не было ни грамма лишнего жира, и на горы он карабкался, как козел.

Мультатули не удивили злоключения приятеля. Потрясло его совсем другое. Нищий и оборванный приятель оказался густопсовым виссарионовцем! А ведь уже шел 42 г.в.в.э. Двумя годами раньше Никитов разоблачил «культ личности»».

Приятель явно не верил ни одному слову Мультатули, и, хотя тот был реабилитированным, по-видимому, в тайне считал его «врагом народа», поскольку друг открыто заявлял, что Виссарионов – величайший палач. Все рассказы Мультатули о чудовищных репрессиях приятель считал гнусной клеветой.

Приятель уже много лет не работал и много читал: труды классиков карлсизма-ильчевизма и еще больше – стихи.

По-видимому, в области политической экономии и философии он считал себя значительно большим знатоком по сравнению с Мультатули. Между тем в тмутараканской экономике он явно ничего не смыслил. С видимым пренебрежением выслушивал высказывания Мультатули даже в таких областях, в которых тот был признанным специалистом.

Неожиданно выяснилось, что еще сорок лет назад, когда Мультатули считал его единственным и лучшим другом, приятель называл его хвастуном и трусом. 22 года тому назад, когда Мультатули принял его, как лучшего друга, он считал Мультатули выскочкой и ничтожеством, которое брызгает слюной на некоторых «великих режисеров» и прочих «великих» людей.

Удивительно, что при таком отношении приятель принял Мультатули радушно и не хотел принимать от него денег. Мультатули же не мог пользоваться гостеприимством приятеля, который жил в нищете.

Он целые дни лазил по горам, и сердце у него работало все лучше и лучше. Мультатули обедал в столовых и старался притащить побольше припасов «домой». Приятель обижался. Однажды, на девятый день, приятель бросил реплику: «Я бы тебя не пожалел.»

Мультатули «по-философски» отнесся к тому, что в юности и позже этот близкий человек относился к нему совсем не дружески. Но этой реплики стерпеть не мог.

Мультатули не боялся приятеля. В 42 г.в.в.э. был либеральный просвет и за «опасные мысли» не сажали. Но ему противно было представить, что тот, которого он 45 лет считал лучшим другом своего детства и юности, мог оказаться стукачом.

Мультатули немедленно взял билет на пароход и на следующий день уехал в Нижневодск. Приятель провожал его, и у него был крайне смущенный вид. В Нижневодске Мультатули через свою сестру получил от приятеля огромное полу-сентиментальное, полу-дурацкое письмо.

Приятель вспоминал о том, что 40 лет тому назад они оба принимали участие в революции, рисковали жизнью в «Моревинте», на артиллерийских курсах. Не может быть, чтобы Мультатули только потому, что его «по ошибке» заключили в лагерь, стал «контриком». Они, мол, старые друзья, соратники, и нечего обижаться из-за какой-то случайной фразы. И т.д. и т.п.

Мультатули была противна вся эта сентиментальная чепуха. Он порвал письмо и ничего не ответил.

Через пять лет Мультатули все же заехал к приятелю. Тот больше не старел и был всё таким же. В этот приезд приятель проговорился и Мультатули узнал, что уже в 6 г.в.в.э. его завербовали сексотом в тайную полицию и он должен был выдавать кармелистов.

Мультатули к этому времени был умудрен жизненным опытом. Он знал, что человек может против своего желания заниматься такими делами в силу каких-то обстоятельств. Он не придал раскрытой «тайне» особенного значения.

Но в этот приезд в пылу спора приятель обозвал его расистом. Мультатули решил больше никогда не заезжать к нему и ограничиться только поздравительными открытками к Новому Году.

Через несколько лет Мультатули начал размышлять о своем отношении к приятелю и о биографии последнего. Он проанализировал все известные ему факты. Одно оставалось непонятным. Хуже всего к Мультатули (по его мнению) относились только два человека: жена-скандалистка и приятель, которого он считал лучшим другом своей юности.

Все хорошее, что он сделал для них, они чернили. Приписывали ему множество несуществующих пороков. Отношение жены-скандалистки было предельно ясно. Она – воплощение лжи, паразитизма и патологическая скандалистка. Мультатули был объектом ее алчной эксплуатации в течение десятков лет. Она всегда завидовала Мультатули за то, что дети его любили, за то, что его считали видным специалистом, за то, что он не лгал, а она всю жизнь врала, за то, что его считают положительным человеком, а ее – скандалисткой, за то, что она обирала его (любой хищник не любит свою жертву), наконец, за то, что он значительно культурнее ее. Поэтому жена не только обирала его, разрушала нервы, но всячески порочила его.

Но почему приятель так злобно относится к нему, Мультатули не было понятно. Приятель – не паразит и никогда не жил за чужой счет. Он – трудолюбив. Пожалуй, по общепринятым критериям, он порядочный человек. Мультатули не сомневался, что в юности их отношения были искренними. Когда же они изменились?

В 6 г.в.в.э. друг был сексотом-стукачем. В 22 г.в.в.э. незадолго до ареста Мультатули он вдруг появился в образе бродяги – именно в тот период, когда инженеры были «дефицитным товаром». Почему не предположить, что он и тогда был сексотом и его подослали?

Мультатули давно выяснил, что тмутараканская тайная полиция, арестовывая миллионы невинных, «работала» таким образом, будто эти миллионы невинных действительно были государственными преступниками. Он установил, что за ним велась слежка, что за ним неотступно следовал сексот-инженер Скавронский. Почему приятель не мог быть сексотом? Тогда все легко объяснимо. И то, что приятеля в Навере не арестовали как протеже Мультатули, и то, что он не помогал семье Мультатули и не переписывался ни с ней, ни с ним, и то, что он 22 года не осведомлялся о судьбе друга. И, наконец, этим же объясняется его отношение к Мультатули. Ведь, каждый человек хочет себя оправдать.

К этому всему Мультатули добавил еще одно соображение. Во время войны приятель очутился на трудфронте. Объяснял он довольно путанно, как там очутился. Показывал фотокарточку, на которой выглядел настоящим доходягой. Он намекал, что спасла его «оттуда» тайная полиция. Приятель постоянно рассказывал, что какие-то силы хотят выставить его из Тылты, а последние несколько лет он и сам хочет уехать и даже скопил для этого малую толику денег. Следовательно, можно прийти к выводу, что он не раз был связан с тайной полицией. Но имелись аргументы, противоречившие этому выводу.

Почему он, инженер-кораблестроитель и по существу здоровый человек, живет в Тылте в нищете?

Почему в 42 г.в.в.э. он разыскивал Мультатули? Тогда был либеральный период, большую часть сексотов распустили, либо давно ликвидировали. Тайная полиция занималась своими прямыми де-

лами и не искала несуществующих государственных преступников. Наоборот, это был период, когда только-только кончилась кампания по реабилитации оставшихся в живых «врагов народа». Когда разбиралось дело Мультатули, он был еще и еще раз проверен. Этот либеральный период длился еще несколько лет – примерно, до 47 г.в.в.э. В 46 г.в.в.э. была напечатана повесть Бодрженицына «Один день Ивана Денисовича», рассказы Адлан-Семенова и другие ныне крамольные литературные произведения. Следовательно, исключено, что разыскивая в конце 41 г.в.в.э. Мультатули, приятель действовал как сексот.

Для выяснения всего этого осенью 53 г.в.в.э. Мультатули еще раз заехал к приятелю. Он не спрашивал его, был ли он сексотом. Мультатули спросил его только, каким образом он уехал с Наверского завода и почему не помогал ему и не переписывался с его семьей. Приятель объяснил почти удовлетворительно.

Кстати, он заявил, что его политические убеждения несколько изменились. Но к Мультатули он все же явно относился неприязненно. На откровенный вопрос Мультатули об этом приятель опять ответил довольно путанно.

Вообще, он значительно изменился к лучшему. Стал выглядеть несколько «респектабельнее». Все же Мультатули не устраивали ни его общество, ни его разговоры.

Он решительно сообщил, что уезжает. Приятель почти униженно просил его остаться на несколько дней. Мультатули обещал, но через два дня все же начал собираться и отверг новые уговоры погостить еще. Приятель устроил прощальный обед (разумеется, по средствам), и они почти сердечно простились у троллейбуса, который отъезжал из Тылты.

Таковы странные и до конца не выясненные отношения Мультатули с лучшим и, пожалуй, единственным другом его детства и юности.

Итак, Мультатули в апреле 42 г.в.в.э. уехал из Тылты в Нижневодск.

Через недели две он поехал на Казкав. Жена продолжала его преследовать. Приятель, невзирая на то, что Мультатули вскоре должен был посетить Тылту, направил ему в дом отдыха «Красная Глинка» письмо. Оно попало в руки жены. В письме был указан обратный адрес. Жена примчалась в Тылту через день после того, как Мультатули уехал. Приятель сказал, что ему неизвестно, в каком направлении отправился Мультатули. Она вернулась в Кремлевию. Через месяц приехала в Нижневодск, но сестры, разумеется, тоже не выдали его.

На Казкаве Мультатули пробыл недели две и вернулся в Нижневодск. Там он снимал комнату на Большом фонтане. Сначала отдыхал с удовольствием. Купался каждый день, ел умеренно, ходил очень много, и ему удалось сбросить 6 кг. В возрасте 57 лет он уменьшил свой вес до 74 кг. Рост его в молодости составлял 174 см, но к этому времени он уже «потерял» 2 сантиметра.

Физическое самочувствие Мультатули было великолепно. Сестры его баловали. Они вместе с двоюродными сестрами часто устраивали для него званые обеды. К нему приезжали погостить младшая дочь и сын, который к этому времени окончил институт.

Но Мультатули скучал без работы. В июне он уехал в Кремлевию и договорился с Низовьевым, что перейдет на работу в головной институт в качестве главного специалиста.

Мультатули отправился в Ново-Валериановск ликвидировать имущество и сдать квартиру. Обменять квартиру он не мог из-за дебошей жены.

Жена преследовала его по пятам и устроила такой грандиозный скандал, что Мультатули бежал «быстрее, чем заяц от орла», не успев даже захватить бритву и шляпу.

Еще два месяца он околачивался на юге. В конце августа возвратился с младшей дочерью в Кремлевию и поселился в своей кремлевской комнате. Через несколько дней его случайно встретил бывший помощник, ныне главный инженер Гипрокаучука Долгевич и предложил выйти на работу. Низовьев был в отпуске и Долгевич оформил Мультатули главным инженером проекта.

Мультатули тут же уехал в командировку, в Афу.

Из Афу он поехал в Ново-Валериановск, сдал квартиру и оставил документ, согласно которому все имущество, которое скандалистка еще не сбыла (она успела продать дорогой приемник, из-за которого Мультатули два года тому назад всю ночь простоял в очереди, велосипед, который Мультатули купил сыну, часы, которые ему подарили при уходе на пенсию, отрез бостона и множество других недешевых вещей) отдавал ей. Выходить на работу жена не собиралась.

Мультатули, сдав квартиру и ордер, уехал в Кремлевию. Через несколько дней к нему явился лейтенант полиции и потребовал паспорт.

Кто послал донос в полицию, Мультатули так никогда и не выяснил. Он не сомневался, что жена. Она утверждала, что донос послал сосед-хулиган. Так или иначе, лейтенант заявил, что необходимо прописаться. Мультатули ответил, что он реабилитированный, комната получена взамен его бывшей кремлевской квартиры и что он оформлен на работу в Кремлевии.

Лейтенант объяснил, что ответственным съемщиком формально является жена и прописаться можно только с ее согласия.

Затем он спросил, согласна ли она, чтобы Мультатули был постоянно прописан в этой комнате. «Нет!» – ответила скандалистка. «А временно?» «Нет» – жена была непреклонна.

После этого лейтенант дал Мультатули пять дней на устройство своих дел. Если ему за это время не удастся прописаться, он обязан уехать из Кремлевии. Мультатули просил Низовьева предоставить ему комнату хоть в 8 квадратов.

Хитрец Низовьев прекрасно был осведомлен о положении Мультатули. Жена-скандалистка неоднократно бегала и к нему, и к парторгу, и к председателю месткома. Он знал, что Мультатули находится «между небом и землей», нигде не прописан. Но у Низовьева были свои соображения.

По распоряжению министра, которого давно засыпали просьбами афумские власти, Низовьев уже давно должен был организовать в Афу филиал. Но не было человека, который мог бы это сделать. Обратиться к Мультатули он не мог.

Мультатули и так после реабилитации создал два филиала. Ему уже было 57 лет. С 50 лет он мог прохлаждаться на пенсии. Организация проектного института – дело нелегкое, особенно в Афу.

Низовьев лицемерно продолжал утверждать, что у него нет квартир в Москве для работников, в том числе для Мультатули. Он уклончиво сказал, что Мультатули может поехать в Женоров, в Ново-Валериановск, в Ильичевград – там ему дадут жилье и пропишут. Мультатули махнул рукой и сказал, что согласен ехать в Афу создавать новый филиал. Низовьев просиял. Министр грозил снять его с работы, если он в ближайшее время не приступит к организации филиала.

Низовьев тут же собрал функционеров института и объявил, что А.И. согласился организовывать институт в Афу. Необходимо, мол, ему всемерно помочь. Мультатули знал, что все это сплошная демагогия: «помощь» будет оказана только на словах. Никого из функционеров Низовьев не пошлет в Афу, так как ему прекрасно известно положение Мультатули, которое совершенно безвыходно.

Низовьев был уверен, что Мультатули справится собственными силами. Да и Мультатули надо было спешить. Пять дней отсрочки, данные ему лейтенантом, истекли.

Мультатули получил «мандат», упаковал чемоданы, заявил скандалистке, что последней ее подлости он никогда ей не простит и, где бы он ни поселился, ее ноги в его доме не будет.

Мультатули с двумя чемоданами тащился к метро, а супруга преследовала его по пятам. Она зашла вслед за ним в вагон метро и в переполненном вагоне начала его срамить. Мол, свыше тридцати лет была ему преданной женой, разделяла с ним ссылку, а ныне, когда он стал директором, бросает ее, свою старую преданную жену с тремя детьми, в погоне за «молодым женским мясом».

Под такой «аккомпанемент» Мультатули отправлялся на новую работу, на новое место жительство.

Ехал он с огромной неохотой. Ему надоело таскать для других каштаны из огня. Еще в Ново-Валериановске он понял, что никому эти филиалы не нужны, что если проекты не отправляются в корзину, то по ним строятся отсталые и неэффективные предприятия. Что в огромной суетне при организации

филиалов он даже не может определить, насколько эффективны проектные задания, выполняемые головным институтом, в соответствии с которыми он должен научить новых людей выполнять рабочие чертежи.

Только случайно он обнаружил в Ново-Валериановске, что проектные задания вторых очередей заводов синтеза спирта экономически бессмысленны. Кто знает, сколько таких бессмысленных проектов он будет выполнять, даже не подозревая об этом? Город Афу он не любил и, хотя приобрел в нем немало знакомых, по существу, он там будет совершенно одиноким.

Только одно утешало его.

Не изучив за тридцать три года всю степень подлости своей жены и не осознав отсутствия у нее чувства человеческого достоинства, Мультатули сохранял... надежду. Он надеялся, что после того, как эта женщина, десятки лет пробыв на его полном иждивении и воспользовавшись недоразумением с пропиской, нагло выгнала его из кремлевской квартиры на все четыре стороны, она наконец оставит его в покое.

В таком настроении Мультатули понуро ехал в немилую ему Афу.

Афумский филиал Гипрокаучука. 1958-1961 гг.

25 октября 42 г. в. в. э. Мультатули приехал в Афу. Он располагал только «мандатом». Еще в Кремлевии он заказал три десятка коек, кульманы, готовальни, отобрал немного литературы и проектных материалов. Головастинское управление нефтеперерабатывающими и нефтехимическими заводами предоставило ему временно одну комнату в здании, предназначенном для роддома. В этом же здании временно размещалось Управление.

Сам Мультатули получил комнату в гостинице.

Через пару дней прикатил Низовьев. Он побывал у секретаря обкома, горкома, на заводе синтеза спирта и у прочих областных и городских властей. Всем им он самоотверженно врал, что для организации Афумского филиала выделит значительные ресурсы опытных проектантов, мебели, технических ресурсов и прочее, и прочее.

Со своей стороны, местные организации должны были выделить помещения для работы и жилья.

Заверения Низовьева были чистейшим блефом. Все «опытные» кадры поглотил первый филиал, организованный три года тому назад в Женорове, а остатки – Ново-Валериановский филиал, организованный двумя годами раньше.

Все «опытные кадры» для Афимского филиала состояли из одного Мультатули. Мультатули приходилось поддерживать лживые обещания Низовьева и в дальнейшем, что он делал с успехом. Низовьев торжествовал и поучал Мультатули, как следует обводить вокруг пальца местные власти.

Через два дня довольный Низовьев укатил. Кроме комнаты в роддоме Мультатули получил с завода синтеза спирта двух работников по принципу «на тебе, боже, что мне не гоже». Впоследствии Мультатули приложил немало усилий, чтобы избавиться от этих «помощников».

Мультатули был в отчаянии. Он не представлял себе, за счет кого укомплектует коллектив проектантов, как получит помещение, где в конце года получит мебель, не имея на нее ни одного наряда (в то время мебель была невероятным «дефицитом»), где закажет чертежные доски (из Кремлевии ему обещали прислать только два десятка). Пока что он дал в областную газету объявление о том, что требуются инженеры-технологи, строители, сантехники, а также техники указанных специальностей и копировщицы.

В объявлении было указано, что имеется возможность «частичного» обеспечения жильем. К дверям своей комнаты в роддоме Мультатули прибил вывеску: «Афумский филиал Гипрокаучука».

Через пару дней у этой комнаты образовалась огромная очередь. Жаждущие попасть к «директору» утверждали, что они стояли в очереди не менее четырех часов, хотя Мультатули принимал людей

достаточно быстро. Среди ожидавших оказалась масса слесарей-сантехников, электромонтеров, юристов, учителей, бухгалтеров, счетоводов и бог его знает какого люда – но ни одного путного проектанта!

За несколько дней Мультатули отобрал десяток довольно сомнительных кандидатов, нанял какого-то вороватого завхоза из националов. Так как помещения еще не было, то даже отобранную десятку он не мог оформить.

А вообще-то, как ни странно, в Афу было достаточно людей, искавших работу. Безработица в Тмутаракании, как известно, была «ликвидирована» свыше 30 лет тому назад, но «нетрудоустроенных» оставалось много.

Безработные надеялись, что получив место, будут обеспечены хоть каким-то жильем.

Внезапно приехал какой-то элегантно одетый «опытный кадр» из Кремлевии. Этот франт объявил, что головной институт прислал его в качестве начальника строительного отдела филиала.

В начале ноября начальник управления объявил, что через два дня следует заселять четырехэтажное общежитие, которое вообще-то предназначено для рабочих-новобрачных, но, по решению местных властей, передано четырем учреждениям: четвертый этаж – Гипрокаучуку, третий – Управлению нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, а первый – строительной проектной организации.

Начальник управления откровенно предупредил, что переселяться надо быстро, так как «новобрачные» могут силой захватить здание.

Все учреждения, кроме Гипрокаучука, были солидными организациями, имели много сотрудников, много автомашин и много имущества, которым можно было заполнить соответствующие этажи.

Только у Мультатули не было автомашины, не было имущества, а людей насчитывалось всего четыре, из них один старик и один франт. Мультатули некем и нечем было заполнить этаж.

Но ему очень часто везло в критических ситуациях. За день до «заселения» он получил извещение о прибытии из Кремлевии вагона со служебным имуществом. Почему-то его провоз не был оплачен в Кремлевии. Следовало заплатить около двух тысяч. К счастью, у Мультатули были личные деньги.

Следующая трудность состояла в отсутствии автомашины и грузовиков. Собственный штат был маломощный, а безлюдным фондом для наема грузовиков головной институт не снабдил. Машину начальник управления обещал, но не прислал. Пришлось нанимать «левую машину». Все это нанесло Мультатули финансовый ущерб: бухгалтерия ему не оплатила ни грузчиков, ни «левую» машину.

Основным грузчиком был сам Мультатули. Франт оказался лодырем, старик из синтеза спирта сторожил имущество в вагоне, так как пришлось совершить четыре ездки, а вороватый завхоз сторожил имущество, которое сгружалось на первом этаже общежития.

Мультатули, хотя и был тогда относительно здоровым после отдыха на юге, устал донельзя и клял подлую жену, из-за которой вынужден был терпеть издевательства Низовьева, не удосужившегося даже прислать работника для хозяйственных дел. Ведь другие директора филиалов, которые ни уха, ни рыла не смыслили в проектировании, жили, как баре, и шагу пешком не делали. А Мультатули, который был старше их и имел значительный проектный стаж, работал за завхоза, грузчика, да еще платил из личных денег.

Наконец поздно вечером доставка имущества закончилась. Вороватый завхоз остался охранять всё привезенное, а здание закрыли с черного и парадного ходов. Мультатули отправился в гостиницу спать.

На следующий день комендант общежития заявил, что здание захвачено силой и он не допустит к работе ни одно из четырех учреждений. Этот дом предназначен для рабочих-новобрачных, и только они имеют право здесь проживать.

Это был храбрый комендант! Дело в том, что одним из учреждений, захвативших общежитие новобрачных, было Управление, которое распоряжалось заводами и жилыми зданиями данного района, а комендант был мелкой сошкой в этом Управлении.

Борьба была явно неравная – через несколько часов комендант капитулировал и отдал ключи.

Мультатули со своим «штатом», исключая франта, дотемна перетаскивал тяжелые кульманы, койки, столы, стулья и прочее имущество, перевезенное несколькими рейсами, на четвертый этаж. Может быть, тогда он в какой-то степени излечился от стенокардии.

Тюк с одеялами внушал подозрение. Мультатули сам его тащил из вагона и помнил, что он был тяжелее и больше. Проверили количество одеял, простынь, наволочек по накладным. Не хватало десятка одеял и простынь. Их сторожил завхоз. Его глаза воровато бегали.

Мультатули заявил завхозу, что его лично пропажа волнует только в том отношении, что будущим работникам нечем будет чем укрыться. А вообще, все имущество числится за ним, за завхозом, и он будет отвечать за недостачу, тем более что самолично всё охранял.

Завхоз засуетился, убежал. Через некоторое время он объявил, что нашел вора, какого-то местного национала, но он в полиции «свой» и рука руку моет. Только через два года выяснилось, что нечистый на руку завхоз украл одеяла совместно с этим националом.

Так начиналась организация Афумского филиала.

В дополнение ко всем своим специальностям Мультатули должен был освоить еще и «400 честных способов Остапа Бендера».

На четвертом этаже вместе с подсобными помещениями было несколько десятков комнат. Десяток Мультатули отвел под общежитие, в одной поселился сам. Несколько комнат предназначил под кладовые и библиотеку, остальные – для работы.

В Ново-Валериановске Мультатули приобрел достаточный опыт. Поэтому он немедленно приступил к организации строительства здания для института и добыче мебели. Главный архитектор города предложил ему участок около будущего горкома на длинном будущем проспекте (Беликовском), который связывал старую Афу с новой. Впоследствии, лет через десять, этот участок действительно оказался в центре Афу, но тогда это был необжитый лесной район.

Такое место не нравилось Мультатули. Он считал, что здание Института надо строить в центре Беликовска, и благодаря этому много женщин-инженеров с нефтеперерабатывающих, нефтехимических предприятий и даже из научно-исследовательского института переработки нефти, перейдут в филиал Гипрокаучука, поскольку сократится время на дорогу к работе. Впоследствии его расчет полностью оправдался.

Но как получить участок в Беликовске? Там, по категорическому утверждению главного архитектора города, места для строительства не осталось.

Еще во время организации маленького филиала для проектных работ в предпусковой период завода синтеза спирта, Мультатули свел знакомство с топографом, помощником главного архитектора – Кузьмичом. Он помогал Мультатули и предоставил топографический материал для проектного задания газопровода.

Мультатули вновь обратился к Кузьмичу. Тот посоветовал решительней требовать выделения участка, на котором из-за недостатка лимитов на капстроительство нефтяной институт уже два года не возводит одно из намеченных сооружений. Кузьмич помог и уговорить главного архитектора города. В качестве скромной благодарности Мультатули принял на работу дочь Кузьмича на должность заведующей библиотекой.

Получив участок, Мультатули быстро добился лимитов на капстроительство, поскольку все функционеры, от которых зависело выделение средств, были с ним в дружеских отношениях. Два строителя – инженер и техник – приспособили к новой местности несколько переделанный типовой проект, который Мультатули уже однажды использовал для строительства здания института в Ново-Валериановске. Мультатули быстро договорился с генподрядчиком, и, к удивлению многих конкурирующих организаций, здание института было выстроено за полтора года.

Так Мультатули вышел из затруднительного положения с временным и постоянным помещениями для работы и временным жильем для первых тридцати работников, которых еще предстояло подобрать. Не менее трудным был вопрос с мебелью и чертежными досками. Первые тридцать сотрудников были обеспечены столами, стульями, кульманами и досками, которые Мультатули заказал еще в Кремлевии и получил при штурме общежития рабочих-новобрачных.

Получить наряды на мебель в конце года при плановой тмутараканской системе было делом совершенно бесперспективным. Засонов прислал из Ново-Валериановска наряды на 30 тысяч вохриков, но они оказались «пустыми».

Мультатули свел знакомство с начальником административно-хозяйственного отдела (АХО) совнархоза Головастии. Это был местный головаст, имевший большие связи. У него было много нарядов на мебель (столы, стулья, шкафы, диваны!), не подкрепленных денежными лимитами. Все свои средства совнархоз исчерпал, и с 1 января все наряды были бы аннулированы.

Мультатули заключил с начальником АХО соглашение: последний, используя свое влияние в местном «совете министров» переоформит все наряды на Афумский филиал Гипрокаучука, а Мультатули их реализует и передаст часть мебели по акту «во временное пользование» Совнархозу. Поскольку у филиала Гипрокаучука еще нет своего транспорта, совнархоз выделит свой транспорт для доставки мебели. Это немного напоминало ленд-лиз...

Мультатули гнал своего вороватого завхоза в хвост и в гриву. До 1 января 43 г. в. в. э. все наряды были реализованы. Безлюдного фонда у Мультатули еще не было. Да и на весь будущий год он получил только символическую сумму – 500 вохриков (в старом масштабе цен). Поэтому для разгрузочно-погрузочных операций он использовал мужчин из первой партии подобранных работников, вороватого завхоза и себя.

В следующем году Мультатули получил и реализовал лимиты, которые недополучил на 42 и 43 гг. в. в. э.

Чертежные доски Мультатули пытался получить в старых местных проектных организациях, но ему давали только туманные обещания. Пришлось заказать их на местном деревообделочном заводе. Для этого Мультатули использовал влияние начальника АХО совнархоза и… кульманы, которые он получил из Кремлевии. В Головастии ни у кого кроме Мультатули не было кульманов!

Мультатули использовал только некоторые из 400 «честных» методов Остапа Бендера и все же добился выдающегося успеха. Проработал он в Афумском филиале год и семь месяцев, но обеспечил филиал помещениями на 12 лет – они использовались, даже когда филиал Гипрокаучука впоследствии слился с филиалом Внипинефть. Чрезвычайно дефицитной в те времена мебелью Мультатули обеспечил своих преемников еще на 2 года после его ухода из Афумского филиала.

Следует отметить, что у Мультатули не было ни одного заместителя. Он одновременно исполнял обязанности главного инженера и его заместителя, фактически заменял пьянчугу и неумеху – начальника планового отдела, главных инженеров проектов и, по существу, начальника МТО, и руководителя сантехнической и сметной групп. Отдел кадров головного института дал объявления в ряде городов, и оттуда прибыли восемь инженеров – все мужчины, но ни одного с опытом проектирования.

Новый 43 г. в. в. э., в новом помещении на четвертом этаже встречал небольшой коллектив – около 30 человек. Праздновали весело, выпили немало. Сотрудники чествовали Мультатули – некоторые, возможно, из присущего им подхалимства, но большинство, по-видимому, искренне, так как из всего коллектива опыт проектирования имел только Мультатули.

В начале 43 г в. в. э. положение начало постепенно улучшаться. По семейным и другим соображениям из Ново-Валериановска приехали три проектанта – электрик, строитель и архитектор. Нанял Мультатули на работу и бывшего главного архитектора Афу, снятого с работы за романтические увлечения. Впрочем, это кадровое прибретение принесло больше вреда, чем пользы.

Мультатули привлек работников из Жировата. Как он и предвидел, с нефтеперерабатывающих заводов и из института по переработке нефти пришло немало женщин-инженеров. Из Кремлевии приехали две женщины-инженеры в поисках... женихов.

Уже в первом квартале 43 г. в. в. э., Мультатули создал монтажно-технический отдел, строительную, конструкторскую, сантехническую, электротехническую, сметную группы и отдел оформления: копировальную группу, машинисток, светокопировальщиц.

К этому времени на очередную конференцию в Афу приехали Низовьев, пара главных инженеров проекта и прочее начальство. Оказалось, что у них с собой не хватало денег (мало получили в Кремлевии командировочных) и они зашли в филиал пополнить запасы.

Вся эта компания ходила по комнатам четвертого этажа. Низовьев был приятно удивлен, что без его помощи в несколько месяцев был почти организован филиал со многими подразделениями. Всех работников, которые был завербованы в разных городах, Низовьев засчитал как «опытные кадры» из Кремлевии. Мебель, которую Мультатули приобрел остапо-бендеровскими методами, тоже была приписана к балансу головного института. Низовьев еще раз заехал к секретарю обкома похвастать «своей работой».

В дальнейшем Мультатули с большим трудом «выбивал» жилье у дирекции беликовского нефтеперерабатывающего завода. В начале лета в филиал были направлены три десятка молодых специалистов. Емкость «общежития» на четвертом этаже была уменьшена из-за расширения рабочих помещений. Хотя часть работников были переселены в постоянное жилье, полученное из жилфонда беликовского завода, оставшиеся комнаты «общежития» на четвертом этаже были плотно заселены.

Администрация Беликовского нефтезавода предоставила три десятка мест в общежитии, находящемся в необжитом месте километров за десять от филиала.

Молодые специалисты возмутились и не хотели туда ехать. Все же Мультатули удалось погасить «бунт». К тому времени он получил маленький автобус и обещал возить их на нем на работу, а в ближайшее время устроить в каком-нибудь ближайшем общежитии.

Надо признать, что в Афу организация филиала протекала сложнее и труднее, чем в Ново-Валериановске.

Квалификация технологов, строителей, сантехников, сметчиков, конструкторов была еще ниже, чем у соответствующих специалистов в Ново-Валериановске. Подавляющее большинство никогда не оформляло рабочих чертежей, а о том, как выполняется проектное задание или технический проект, вообще никто не имел представления.

Разумеется, Мультатули не мог обучать всю эту ораву. Он постарался обеспечить всех новоиспеченных проектных работяг максимальным количеством проектной документации, которая должна была служить образцом, и объяснял руководителям групп, как пользоваться этими образцами. Как и в Ново-Валериановске, работу монтажно-технологических, сантехнических и сметной групп он проверял сам.

Вначале Мультатули сам расценивал все проектные работы по СУПСу и учил этому руководителей групп. Начальник планового «отдела» был пьяницей, и он на него не полагался.

Примерно к весне в филиал явился с завода синтеза спирта крупный функционер этого предприятия. Его уволили за разврат и пьянство. Районные организации возражали против оформления Ташохина в филиал. Но Мультатули нужно было подыскать себе какого-нибудь преемника, который мог бы замещать его во время командировок, а в дальнейшем занял бы место. Ташохин производил впечатление знающего технолога. Правда, его проектный стаж был близок к нулю.

Мультатули оформил Ташохина старшим инженером, через месяц назначил его руководителем группы, а еще через два месяца – начальником вновь организованного монтажно технологического отдела (МТО). К сожалению, он оказался безнадежным пропойцей.

Как и в Ново-Валериановске, Мультатули старался максимально сократить паразитическую часть работников.

Следует отметить, что как только появился первый весьма невежественный директор, штат начал разбухать. Через десять лет после ухода Мультатули, у директора уже было несколько заместителей, у главного инженера (кстати, невежды) – три заместителя (они все же превосходили его по грамотности), много главных инженеров проекта, целый технический отдел: увы, увеличение численности коллектива не повышало его эффективности.

В Афумском филиале Мультатули был более осмотрителен и осторожен, чем раньше. Старался за ответственные объекты не браться. Тщательно изучал набор работ в головном институте и выбирал только те, которые, по его мнению, были под силу новому коллективу филиала.

Специализировать Афумский филиал Мультатули не удалось по той причине, что головной институт, Женоровский, Ново-Валериановский и Ильичевградский филиалы уже захватили все специфические работы. Попытка Мультатули перепрофилировать Афумский филиал по ремонтному хозяйству не удалась из-за отсутствия соответствующих квалифицированных работников. Может быть, поэтому Афумский филиал Гипрокаучука впоследствии был передан в систему «Гипронефтезаводы».

Всеми этими делами Мультатули был перегружен по горло. Между тем, его личное положение было отчаянным.

Уже через месяц после того как жена с помощью полиции выгнала Мультатули из кремлевской комнаты, она появилась в Афу! За десятки лет она не только измучила его, но стала высококвалифицированной клеветницей.

Жена начинала с местных организаций, затем переключалась на районные, городские и областные. Весь этот цикл она совершала за полгода. Затем повторяла «маршрут» с начала, обращалась к другим секретарям райкома, горкома, горисполкома, обкома, а также к руководству женских и жэковских организаций. Всюду она рекомендовала себя как «жену декабриста», которая якобы добровольно и самоотверженно следовала за ним в ссылку. Ныне муж реабилитирован, вновь стал директором, ему захотелось «молодого женского мяса», и он бросил на произвол судьбы свою «старую верную» жену.

Разумеется, весь этот партийный и административный персонал считал необходимым вызывать Мультатули для объяснений. Если Мультатули говорил, что у него нет времени и что он не понимает, почему столько людей вмешиваются в его личные дела, наиболее важные начальники обвиняли его в неуважении к вохровской власти и намекали, что не будь он «незаменимым», его бы давно сняли за «аморалку».

Супруга преследовала его по улицам, ломилась в квартиру, врывалась на работу. Например, Мультатули проводит совещание с двумя десятками своих подчиненных. Тут врывается скандалистка, которую секретарь не может удержать. Обсуждение сорвано, все сотрудники ретируются.

С утра она «становилась на вахту» у входа в филиал и при всех поносила Мультатули, который тоже шел на работу. В конце концов имущество, которое Мультатули оставил ей в ново-валериановской квартире, она упаковала в контейнер и привезла в Афу.

Жена требовала, чтобы Мультатули поставил этот багаж в его новую двухкомнатную квартиру, надеясь таким способом туда внедриться. Он не соглашался.

Штраф за то, что контейнер не забирают, рос, как снежный ком. Когда он дошел до 3 тысяч вохриков (а добра было тысяч на двадцать в старом масштабе цен) и на него начал напирать секретарь райкома, Мультатули сдался и дал скандалистке эту сумму. Как впоследствии выяснилось, штраф сняли и эти деньги она присвоила.

Мебель и пожитки Мультатули поместил в кладовой филиала, а затем, когда приехала старшая дочь и в филиале стало тесновато, забрал мебель в квартиру.

Старшая дочь жила в Кучумской глуши. Первый ребенок ее умер, и ныне у нее появился сынок. Она давно уже просила вытащить ее в более цивилизованные места. Мультатули согласовал вопрос о ее

приеме в Афумский филиал с местными, районными и даже городскими организациями. В июне 43 г. в. в. э. дочь с мужем и шестимесячным младенцем приехали в Афу. Мультатули прописал ее в своей квартире и оформил на работу. Тут «любящая» мать начала бегать в полицию, в партийные органы и требовать, чтобы дочь сняли с работы и выселили ее вместе с семьей как незаконно прописанную.

Она носилась и подзуживала работников филиала до тех пор, пока в коридоре не появилась карикатура на директора Мультатули, который устроил свою собственную дочь на работу в подчиненном ему филиале. Хотя вопрос об оформлении дочери был согласован со всеми организациями, Мультатули предложил ей подать заявление об уходе.

Скандалистка рассчитывала внедриться в квартиру, а после вселения дочери уже не могла на это рассчитывать. Вот почему она так яростно стремилась ее выселить из Афу, хотя шестимесячный ребенок был очень болен.

Жена продолжала устраивать безобразные сцены. Сама и не думала устраиваться на работу. Наоборот, не считаясь с затратами, разъезжала по разным городам, всюду порочила Мультатули. Она распродавала имущество, вымогала деньги у Мультатули, его сына, сестры.

В том же году все судебные инстанции отказали Мультатули в его иске о разводе. В тот период развестись с женой в Государстве Тмутараканском было столь же трудно, как католикам в средние века. Ободренная этим супруга стала преследовать Мультатули еще более свирепо.

Мультатули попросил Низовьева прислать директора. Тот нашел какого-то невежественного типа Пименова, оформил его директором филиала и еще выхлопотал ему спецставку. Пименов был не только безграмотным, но еще и законченным бездельником.

Тем не менее в первые три месяца проявил невероятную энергию. Он добыл две двухкомнатные квартиры и обменял их на огромную трехкомнатную (для себя и жены). Нельзя не указать, что тогда значительная часть населения Беликовска ютилась в полуразрушенных бараках. После столь героического свершения энергия Пименова иссякла.

Проиграв бракоразводный процесс, Мультатули решил пойти в отпуск и спрятаться от ошалевшей жены.

До этого он объявил Ташохина своим заместителем. Отпуск Мультатули взял на два месяца. Однако полностью его использовать не удалось.

Начальник планового отдела поехал в Кремлевию оформить договора на проектные работы. В столице он запил и потерял все договора! Сам он тоже пропал. Копии договоров найти не удалось. Пименов, разумеется, не был в курсе дела. Ташохин тоже не мог восстановить текст договоров, так как этими делами занимались только Мультатули и начальник планового отдела. Пришлось Мультатули сократить свой отпуск и заняться этим делом.

Филиал продолжал расширяться. Ко всему прочему Мультатули назначили членом пусковой комиссии Стерталимакского завода синтетического каучука. Как Мультатули не отбояривался от этого, пришлось поехать в Стерталимак на несколько дней. Дело в том, что группа, осуществлявшая проектные предпусковые работы Стерталимакского завода, была подчинена Мультатули. Впрочем, пуск был липовый. Основная группа цехов по производству бутадиена из нормального бутана была пущена значительно позднее. К пуску формально были готовы только концевые цеха. Но по «высшим» соображения (из-за большого опоздания) следовало инсценировать пуск завода.

Со старых заводов, которые экономически неэффективным методом получали бутадиен, продукцию привозили на Стерталимакский завод. Бутадиен подвергали полимеризации и накапливали эмульсию. Когда накопили достаточно эмульсии, чтобы на несколько дней обеспечить работу машины по выделению каучука, торжественно объявили о пуске. Весь каучук был, по существу, бракованным.

Но «обергубернатор» – секретарь обкома объявил, что благодаря энтузиазму головастинских трудящихся получен из нефтяных газов лучший в мире головастинский каучук. При этом он указывал своим руководящим перстом на... огромный блок каучука, лежавший перед ним.

Бедняга-губернатор ничего не понимал в технологии производства синтетического каучука. Он не знал, что блок каучука – брак! Он не знал, что бутадиен привезен со старых экономически убыточных заводов. Он не знал, что даже тот бутадиен, который начнут получать только через год-два из нормального бутана, также окажется очень убыточным в системе мировых цен, так как он будет 10-20, а, может, еще больше лет производиться методом двухстадийного дегидрирования, от которого страны «загнивающего» капитализма отказались уже 15 лет тому назад.

После столь торжественного «пуска» Мультатули вернулся в Афу.

Четвертый этаж был уже плотно набит людьми. К тому же бездельник Пименов занял под кабинет еще одну комнату. Секретарша сидела между кабинетами Пименова и Мультатули. Пришлось и в ее комнате разместить трех проектантов. Строительство здания института только заканчивалось. Для увеличения площади собственными силами разобрали несколько перегородок между комнатами.

Мультатули тоже принимал участие в этой работе. Бездельник и невежда Пименов, разумеется, только «вдохновлял» работников, хотя был на девять лет моложе Мультатули.

Пименов начал самостоятельно отправлять некоторые письма в Кремлевию по вопросам финансирования и строительства института. Как-то в столице Мультатули показали одно из таких писем. Оно пестрело множеством орфографических и синтаксических ошибок.

Хотя Мультатули формально и подчинялся Пименову, его собственный авторитет был непререкаем. Он дал распоряжение секретарше, чтобы впредь все послания Пименова ему давали для проверки. В дальнейшем, в этих письмах, зачастую беспредметных, Мультатули исправлял все ошибки.

Квалификация работников филиала несколько выросла, и Мультатули принимал для выполнения уже не только рабочие чертежи, но и не очень ответственные проектные задания складов и некоторых производственных цехов. Весной 44 г. в. в. э. таких небольших проектных заданий набралось одиннадцать.

Между тем, жена, от которой он не смог юридически избавиться, продолжала яростно преследовать его.

Мультатули решил вновь сбежать от ее преследований, уйдя на пенсию. Вообще-то его не отпускали, так как Ташохин не мог его заменить. Но Мультатули настоял на своем, обещав до ухода закончить и сдать все одиннадцать проектных заданий.

Он гнал работников нещадно и сам засиживался допоздна. Помимо прочих обязанностей он выполнял обязанности главного инженера проекта всех этих, правда, мелких проектных заданий.

В мае все проектные задания были закончены, и с 1 июня 44 г. в. в. э. Мультатули вновь временно уходил на пенсию. С этим коллективом Мультатули сжился больше, чем со всеми другими. Он с сожалением расставался с подчиненными. Но он не мог больше существовать под дамокловым мечом скандалов.

Коллектив очень тепло провожал его. Во время краткой ответной речи у Мультатули защемило в гортани. Как его позже уверяли, многие плакали.

По той же причине, которую автор упоминал выше, через два года он получил следующий отзыв:

«Мы, сотрудники тов. Мультатули по совместной работе в Афумском филиале Гипрокаучука, даем настоящий отзыв о его работе в филиале с 25 октября 42 г. в. в. э. по 1 июня 44 г. в. в. э. Тов. Мультатули был назначен главным инженером и исполняющим обязанности директора Афумского филиала Гипрокаучук 25 X 42 г. в. в. э. Тов Мультатули была проделана большая работа по организации филиала, по подбору кадров инженерно-технических работников. К 1 июня 44 г. в. в. э. филиал насчитывал уже 192 чк и выполнял проектирование сложных объектов (опытно-промышленная установка пиролиза, прямой гидратации этилена и др.

Коллектив института с большим уважением относится к тов. Мультатули. Его опыт всесторонне развитого инженера в сочетании с требовательностью и справедливостью в отношении к подчиненным, служили хорошим примером для молодых работников…

Подписано всеми руководящими работниками филиала».

Искренность этого отзыва подтверждается тем, что даже спустя 10 лет при приезде Мультатули в Афу «старые» работники филиала встречали его с неизменной приветливостью и уважением.

Итак, за пять лет с весны 39 г. в. в. э. по июнь 44 г. в. в. э. Мультатули организовал три проектных филиала.

В Афу он жил более чем скромно и тратил не более 30 вохриков в месяц. Зарабатывал же не менее 350-400 вохриков в месяц (в новом масштабе цен). Кроме того руководил дипломными работами студентов и за каждого подопечного получал 40 вохриков.

Несмотря на то, что он помогал двум дочерям и жена вымогала у него немало, он скопил около 4 тысяч (в новом масштабе цен)

2 июня 44 г. в. в. э. Мультатули сел на пароход, который отправлялся из Афу в Кремлевию. Он путешествовал восемь дней. От кипучей работы, заполнявшей до предела все его время, Мультатули перешел к полному безделью.

Из Кремлевии он поехал на юг, вновь как и два года тому назад, купался в море, много ходил пешком, много читал и в конце августа отправился к сестре в Беловцы, так как по-прежнему скрывался от жены.

Мультатули решил осуществить, наконец, свой давнишний замысел, который зародился у него еще тогда, когда он в концлагере умирал от пеллагры в 26 г. в. в. э. Приехав к сестре в Беловцы и за день ознакомившись с городом, Мультатули засел в городской библиотеке.

Замысел был громадным и... опасным. Мультатули решил взяться за огромный и казавшийся невыполнимым для одного человека труд: исследование развития социализма и вохризма в Государстве Тмутараканском за 40 -50 лет в экономическом, политическом, этическом и прочих аспектах. Тогда, в 44 г. в. в. э., Мультатули даже отдаленно не представлял себе хотя бы приблизительный план этого исследования. Твердо он знал только одно – использовать для намеченного исследования он может только два источника: апологетические, фальсифицированные вохровские материалы и свои личные наблюдения и материалы.

Хотя Беловцы были университетским городом, библиотека оказалась достаточно скудной. Тем не менее Мультатули приступил к работе.

Непредвиденное обстоятельство помешало его занятиям.

Из Ильичевграда в гости к шурину Мультатули приехала его сестра. Эта дама, которой перевалило за пятьдесят и которая, по-видимому, находилась в сверхпоследней стадии бальзаковского возраста, стремительно влюбилась в еще более перезрелого 59-летнего Мультатули. Ее страсть была предельно назойливой. Она ходила за Мультатули в библиотеку, поджидала его, когда он отправлялся на обед или поздно вечером возвращался домой к сестре. Оставался единственный вариант: спасаться бегством. Мультатули вернулся в Афу.

Афумская библиотека была более основательной. Но Мультатули всё время опасался налета жены.

Как только сестра известила Мультатули, что влюбленная дама уехала к себе в Ильичевград, он опять отправился в Беловцы.

На этот раз Мультатули никто не мешал. Он усердно занимался по десять и более часов в день. Изучил всю ту экономическую литературу, которую обнаружил в этой библиотеке. Просмотрел подшивки центральных газет за несколько лет – с 30 по 34 г. в. в. э. Изучил за эти же годы основные экономические журналы – «Бесплановое хозяйство» и «Вопросы бесхозяйственности».

Мультатули не просто изучал эти материалы, но и наиболее существенное записывал. В Беловцах он заполнил первые две толстые тетради. Он пожалел, что никогда не изучал стенографии. В этот период Мультатули прорабатывал не более 400-500 страниц в день, то есть 20-25 печатных листов по 70 тысяч знаков. Впоследствии он выдавал скорость «переработки» до 1000 страниц в день, занимаясь по 10-12 часов, не разгибая спины.

Библиотека в Беловцах была исчерпана. Там больше нечего было делать. Мультатули возвратился в Афу в январе 45 г. в. в. э. и засел в Афумской библиотеке. Период был тогда довольно либеральный. В Афумской библиотеке можно было получить центральные газеты за 8, 9, 10, 11 гг. в. в. э., когда в «дискуссионном листке» еще печатались некоторые материалы о выступлениях оппозиционеров. Можно было изучить журнал «Бесплановое хозяйство» за эти же годы. А в тот период «свобода печати» была «столь велика», что можно было обнаружить статистические данные о количестве сумасшедших, индексы сравнительной стоимости промышленных и сельскохозяйственных товаров отечественных и зарубежных.

Сообщались статистические данные о дифференцированной зарплате различных слоев населения и пр. и пр. Впоследствии такие данные были наглухо засекречены, в особенности в военные годы. Только через 15-20 лет после окончания войны начали публиковать данные о населении городов и о средней зарплате рабочих и служащих. Но статистика болезней, аварий, мощностей, дифференциации зарплаты, экспортной эффективности и многие другие сведения и ныне – в 54 г. в. в. э. – засекречены.

Как и следовало ожидать, осведомители жены-скандалистки сообщили ей о пребывании Мультатули в Афу, и в феврале она нагрянула туда.

Положение Мультатули было сложным. Ему до смерти надоело скрываться от безумной супруги и бродяжничать. Самым главным в своей бренной жизни он считал ныне свою idee fixe – исследование о Государстве Тмутараканском, исследование объективное и максимально приближающееся к истине. Он обнаружил, что преувеличивал свои познания в этой области. Ему стало ясно, что для извлечения пользы из фальсифицированных вохровских материалов следует, во-первых, изучить огромное количество именно этих фальсифицированных и полуфальсифицированных материалов, а, во-вторых, систематизировать истинные материалы хотя бы в одной группе отраслей промышленности – той, в которой он работал десятки лет: нефтехимической, нефтеперерабатывающей и газобензиновой

По пункту первому. Больше всего материалов он мог получить и изучить в Кремлевских библиотеках, в частности в Ильичевской.

По пункту второму. Для систематизации истинных материалов хотя бы в одной группе отраслей промышленности следовало пойти на работу в одно из центральных учреждений или в один из соответствующих центральных институтов. Короче говоря, следовало вернуться в Кремлевию.

Для этого был только один путь: «помириться» со скандалисткой, которая была ему омерзительна. Мультатули, разумеется, сильно сомневался, что на старости лет эта патологическая эгоистка сможет «исправиться». Но внешний вид ее был жалок. Жила она достаточно скудно на те 50 вохриков в месяц, которые получала от Мультатули по исполнительному листу. Мультатули уже четыре года бегал от нее и полагал, что это хоть кое-чему научило ее.

Положение Мультатули было сложным еще и по другой достаточно важной причине.

Еще в начальный период организации филиала, незадолго до приезда дочери, он вступил в связь с инженером филиала Марфушей. Следует отметить, что активность проявила именно она.

Вначале она не привлекала Мультатули ни женской привлекательностью, ни интеллектом. Она ему казалась обыкновенной троглодиткой, особенно на встрече Нового года в филиале 31 декабря 42 г. в. в. э. Тогда она была вдрызг пьяной. Мультатули пожалел женщину и отволок в ее комнату.

С тех пор прошло два года. Мультатули заметил, что она обладает прямым, искренним характером, что она привязчива, но ужасно и безосновательно ревнива. Тогда Мультатули еще не доверял ей. Обжегшись однажды, он был очень подозрителен. Да и прочная связь с ней была бесперспективна. Скандалистка, использовав отказ суда в иске на развод, все равно не дала бы покоя.

К тому же Мультатули боялся Марфуши. Она была на двадцать лет моложе, великолепно сохранилась и выглядела еще моложе своих лет. Она оказалась очень сексуальной, и он понимал, что такая подруга может доконать пожилого человека с больным сердцем.

Но весомей было другое соображение. Он считал, что его idee fixe и так почти невыполнима, а если он свяжется с Марфушей, надо похоронить свой замысел. На это Мультатули не мог пойти. Свою труд-

но выполнимую исследовательскую работу он считал значительно важнее продления остатка бурной жизни.

Мультатули принял решение. Он «сжег корабли». Переоформил квартирный ордер на дочь, выписался из Афу и уехал в Кремлевию.

Содержание

Предисловие 3
Моревинт. 1917 г. 10
Артиллерийские курсы. 1919 г. 18
Гостабфабрика и продразверстка. 1920-1922 гг. 27
Хавейрим Кдойшим. 1922 г. 43
Коллектив пролетарского студенчества, или завершение учебы. 1922-1924гг. 48
«Вокруг кастрюли с молоком все НИТО сидит кругом». 1924–1926 гг. 54
Продолжение лакокрасочной карьеры. 1926–1929 гг. 62
Взлет и конец лакокрасочной карьеры. 1929–1931 гг. 78
Первые в мире заводы синтетического каучука. 1931–1936 гг. 91
Прием на Лубянке. 1936-1937 гг. 136
Клюква. 1937 г. 149
Спецэтап. 1940 г. 153
Пеллагра 163
Стакан махорки, или месть лошади. 1943 г. 180
Чуни с бахилами, или как освобождали зека из ИТЛ. 1944-1945 гг. 186
Железногорский завод синтетического каучука. 1946-1950 гг. 206
Пожизненная ссылка. 1950-1954 гг. 237
Афумский сектор Гипрокаучука. 1955–1956 гг. 265
Ново-Валериановский филиал Гипрокаучука. 1956-1958 гг. 280
Афумский филиал Гипрокаучука. 1958-1961 гг. 296